
Тысяча
и одна
ночь

Тысяча и одна ночь

Тысяча и одна ночь

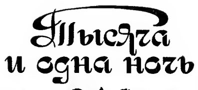

ИЗБРАННЫЕ СКАЗКИ
В ТРЕХ ТОМАХ

МОСКВА
«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА»
1988

ИЗБРАННЫЕ СКАЗКИ
ТОМ ТРЕТИЙ

ПЕРЕВОД
С АРАБСКОГО
М. А. САЛЬЕ

МОСКВА
«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА»
1988

ББК 84(0)9
Т93

Составление, научная подготовка текста
и примечания
Б. Я. ШИДФАР

Стихи в переводах
В. МИКУШЕВИЧА, Д. САМОЙЛОВА, Ал. РЕВИЧА

Оформление художника
А. ЛЕПЯТСКОГО

Т $\frac{4703000000-350}{028(01)-88}$ 204-87
ISBN 5-280-00452-9 (Т. 3)
ISBN 5-280-00449-9

ИЗБРАННЫЕ СКАЗКИ

РАССКАЗ О ЛЖЕ-ХАЛИФЕ

ассказывают также, что халиф Харун ар-Рашид почувствовал в одну ночь сильное беспокойство и позвал своего вазира Джафара Бармакида и сказал ему: «Моя грудь стеснилась, и я хочу сегодня ночью прогуляться по улицам Багдада и посмотреть на дела рабов Аллаха, с условием, что мы перерядимся в одежду купцов, чтобы не узнал нас никто из людей». И вазир отвечал ему: «Слушаю и повинуюсь!» И они поднялись в тот же час и минуту и, сняв бывшую на них роскошную одежду, надели одежду купцов, а было их трое: халиф, Джафар и Масрур, меченосец.

И они ходили с места на место, пока не достигли Тигра. И увидели они старика, сидевшего в челноке, и подошли и приветствовали его и сказали: «О старец, мы хотим от твоей милости и доброты, чтобы ты покатал нас в твоей лодке. Возьми в уплату этот динар». И старец ответил: «Кто это может кататься, когда халиф ар-Рашид выезжает каждый вечер на реку Тигр на маленьком судне, и с ним глашатай, который кричит: «О собравшиеся люди и юноши,— всякому, кто выедет на лодке и поедет по Тигру, я отрублю голову или повешу на мачте!» И, кажется, вы его сейчас увидите, его судно приближается».

И халиф с Джафаром сказали: «О старец, возьми эти два динара и сведи нас в одну из этих беседок на то время, пока не проедет лодка халифа!» И старец отвечал: «Давайте золото и положитесь на Аллаха великого».

И он взял золото и проплыл с ними немного, как вдруг приблизилась с середины Тигра лодка, и свечи и факелы в ней сияли. «Не говорил ли я вам, что халиф проезжает здесь каждый вечер? — сказал старец и начал воскли-

цать: — О покровитель, не снимай покровов!» И он ввел этих троих в беседку и накинул на них черный плащ, и они стали смотреть из-под плаща и увидали на носу лодки человека, у которого в руках был факел из червонного золота, и он жег на нем какуллийское алоэ. И на этом человеке был плащ из красного атласа, и на плече желтые нашивки, а на голове у него был мосульский тюрбан и на другом плече — мешок из зеленого шелка, полный какуллийского алоэ, которым он разжигал факел вместо дерева. А на корме лодки халиф увидел другого человека, одетого, как тот, и в руках у него был факел, как у того человека. И они увидели в лодке двести невольников, которые стояли справа и слева, и увидели поставленный там престол из червонного золота и прекрасного юношу, который сидел на нем, подобный месяцу, и одет он был в черную одежду с вышивками из желтого золота. И подле него был человек, подобный вазиру Джафару, а рядом с ним стоял евнух, похожий на Масрура, и в руках у него был обнаженный меч. И еще халиф увидел двадцать сотрапезников.

И, увидя все это, халиф сказал: «Джафар!», и Джафар ответил: «Я здесь, о повелитель правоверных!» — «Может быть, это один из моих сыновей — аль-Мамун или аль-Амин?» — спросил халиф. И затем он стал всматриваться в юношу, сидевшего на престоле, и увидел, что он совершенен по красоте, прелести, стройности и соразмерности. И, вглядевшись в него, халиф обернулся к вазиру и сказал: «О вазир!» И вазир ответил: «Я здесь!» А халиф молвил: «Клянусь Аллахом, этот, что сидит, не забыл ничего в облике халифа, и тот, кто перед ним, подобен тебе, о Джафар, и евнух, что стоит с ним рядом, похож на Масрура, а эти сотрапезники — точно мои сотрапезники, и я удивляюсь этому делу, о Джафар!» И Джафар ответил: «И я, клянусь Аллахом, о повелитель правоверных!»

И затем челнок уехал и скрылся из глаз, и тогда старец выехал на своем челноке и воскликнул: «Слава Аллаху за благополучие, раз никто нас не встретил!» И халиф спросил его: «О старец, а халиф каждый вечер выезжает на Тигр?» — «Да, о господин, и он так делает уже целый год»,— ответил старец. «О старец,— сказал халиф,— мы хотим от твоей милости, чтобы ты постоял здесь для нас в следующую ночь, и мы дадим тебе пять динаров золота. Мы чужеземцы и ищем развлечения, а живем мы в аль-Хандаке».— «С любовью и охотой!» — молвил старец. И потом халиф, Джафар и Масрур ушли от старца во дво-

рец, и сняли бывшие на них одежды купцов, и надели царственное одеяние, и каждый из них сел на свое место, и стали входить эмиры, вазиры, царедворцы и наместники, и зал наполнился народом.

А когда окончился день, и разошлись люди разных сословий, и каждый ушел своей дорогой, халиф Харун ар-Рашид сказал: «О Джафар, пойдем посмотреть на второго халифа». И Джафар с Масруром засмеялись и надели одежду купцов и пошли крайне веселые, а вышли они через потайную дверь. И, достигнув Тигра, они увидели, что тот старик, владелец челнока, сидит и ожидает их. И они сошли к нему в лодку, и не успели они просидеть с ним и часа, как подъехала лодка второго халифа и приблизилась к ним. И они обернулись, и стали внимательно рассматривать лодку, и увидели в ней двести невольников, кроме прежних, и факелоносцы кричали, как всегда. «О вазир,— сказал халиф,— это такая вещь, что если бы я услышал об этом, я бы не поверил, но я увидал это воочию!»

И потом халиф сказал владельцу того челнока, в котором они сидели: «Возьми, о старец, эти десять динаров и поезжай рядом с ними. Они освещены, а мы в тени, и мы их увидим и посмотрим на них, а они нас не увидят». И старец отвечал: «Слушаю и повинуюсь!»

А затем он взял динары и поехал, и они ехали в тени до садов. А достигнув садов, они увидели огороженную поляну, и лодка пристала у этой поляны. И вдруг оказалось: там стоят слуги и с ними мул, оседланный и взнузданный. И второй халиф вышел и сел на мула и поехал среди своих сотрапезников. И факелоносцы закричали, и слуги занялись делами второго халифа, а Харун ар-Рашид с Джафаром и Масруром вышли на сушу и прошли среди невольников и пошли впереди них. И факелоносцы бросили взгляд и увидали троих людей, одетых в одежды купцов и пришедших из чужих земель, и заподозрили их и мигнули на них, и их привели ко второму халифу. И, увидев их, тот спросил: «Как вы достигли этого места и что привело вас в такое время?» И они ответили: «О владыка, мы — люди из купцов и чужеземцы, и прибыли сегодня, и вышли вечером пройтись, и вдруг вы подъехали, и пришли эти люди и схватили нас и поставили пред тобой, и вот наша история».— «С вами не будет беды, так как вы — чужеземцы, а если бы вы были из Багдада, я бы отрубил вам головы,— молвил второй халиф. И затем он об-

ратился к своему вазиру и сказал ему: — Возьми этих людей с собою: они наши гости сегодня вечером». — «Слушаю и повинуюсь, о владыка наш!» — сказал вазир. И затем он пошел с ними, и они достигли высокого, великолепного замка, крепко построенного, каким не обладал султан: он вздымался из праха и цеплялся за крылья облаков, и ворота его были из текового дерева, украшенного рдеющим золотом. И входящий проникал через них в зал с водоемом и фонтаном, и были там ковры и подушки и парчовые циновки и длинные матрасы. И там были опущенные занавески и подстилки, ошеломляющие ум и ослабляющие тех, кто говорит, и на двери были написаны такие стихи:

Дворец открыт внимательным очам;
Диковинкам счет потеряешь там;

Сиянне исходит от него,
И перед ним в бессилии калам [1].

И второй халиф вошел, и с ним его люди, и сел на престол из золота, украшенный драгоценными камнями (а на престоле был молитвенный коврик из желтого шелка), и сели его сотрапезники, а меченосец мести встал перед ним. И накрыли стол, и поели, и убрали посуду, и вымыли руки, и подали приборы для вина, и выстроились кувшины и чаши, и пошли вкруговую, и достигли халифа Харуна ар-Рашида, но тот отказался пить.

И второй халиф спросил Джафара: «Что это твой товарищ не пьет?» И Джафар ответил: «О владыка, он уже давно не пил этого». — «У меня есть другое питье, подходящее для твоего товарища, — это яблочный напиток», — сказал второй халиф, и затем он велел принести его, и его тотчас же принесли, и второй халиф подошел к Харуну ар-Рашиду и сказал ему: «Всякий раз, как очередь дойдет до тебя, пей это питье».

И они не переставая веселились и пили вино, пока напиток не овладел их головами и не взял власть над их разумом. И халиф Харун ар-Рашид сказал своему вазиру: «О Джафар, клянусь Аллахом, нет у нас сосуда, подобного этим сосудам! О, если бы я знал, каково дело этого юноши!»

И когда они потихоньку разговаривали, юноша вдруг бросил взгляд и увидел, что вазир шепчется с халифом,

[1] Здесь и далее стихотворные вставки переведены В. Микушевичем.

и сказал ему: «Говорить шепотом — грубость». — «Тут нет грубости, — отвечал Джафар, — но только мой товарищ говорит мне: «Я путешествовал по многим землям, и разделял трапезу с величайшими царями, и дружил с военными, и не видел я трапезы лучше этой и ночи прекраснее этой, но только жители Багдада говорят: «Питье без музыки нередко причиняет головную боль».

И, услышав эти слова, второй халиф улыбнулся и развеселился. А у него в руках была тростинка, и он ударил ею по круглой подушке, и вдруг распахнулась дверь, и из нее вышел евнух, который нес скамеечку, украшенную рдеющим золотом. А сзади него шла девушка редкая по красоте, прелести, блеску и совершенству. И евнух поставил скамеечку, и девушка села на нее, подобная восходящему солнцу на чистом небе, и в руке у нее была лютня, изделие мастеров-индийцев. И она положила ее на колени и склонилась над нею, как склоняется мать над ребенком, и запела под нее, сначала заиграв и пройдясь на двадцать четыре лада, так что ошеломило умы. И потом она вернулась к первому ладу и, затянув напев, произнесла такие стихи:

«Язык любви зазвучал в моей груди, как струна;
Он явственно говорит, что я в тебя влюблена.

Свидетель есть у меня — томимый печалью дух,
С ним вместе очи мои, не ведающие сна.

Поверь мне, я до тебя еще не знала любви,
Однако быстро судил Аллах во все времена».

И когда второй халиф услыхал от невольницы это стихотворение, он закричал великим криком и разодрал на себе одежду до подола. И перед ним опустили занавеску и принесли ему другую одежду, лучше той, и он надел ее и сел как раньше. И когда кубок дошел до него, он ударил тростинкой по подушке, и вдруг распахнулась дверь и вышел из нее евнух, который нес скамеечку, и за ним шла девушка, лучше первой девушки. И она села на скамеечку, а в руках у нее была лютня, огорчающая сердце завистника. И пропела она под лютню такие стихи:

«Терпения нет как нет, пожаром душа горит,
И слезы из глаз — потоп, а кто его усмирит?

Аллахом клянусь, вся жизнь сегодня постыла мне,
И как возрадоваться душе, где тоска царит?»

И когда юноша услышал это стихотворение, он закричал великим криком и разодрал на себе одежду до подола, и перед ним опустили занавеску и принесли ему другую одежду, и он надел ее, и сел прямо, и вернулся к прежнему состоянию и стал весело разговаривать. Когда же до него дошел кубок, он ударил по подушке тростинкой, и вышел евнух, сзади которого шла девушка лучше той, что была прежде нее, и у евнуха была скамеечка. И девушка села на скамеечку, держа в руках лютню, и пропела такие стихи:

«Сократить вам нельзя ли мои печали?
Слишком долго тоской меня удручали.

Утолите любовь мою роковую,
Чтобы грезы мне сердца не омрачали.

От любви я безумею и бледнею.
О Аллах! Утешить меня не пора ли?

Сколько бы сердце мое ни изнывало,
Красотою другою прельщусь едва ли».

И когда юноша услышал эти стихи, он закричал великим криком и разорвал на себе одежду, и перед ним опустили занавеску, и принесли ему другую одежду, и юноша вернулся к прежнему состоянию и продолжал сидеть с сотрапезниками. И кубки пошли вкруговую, и когда кубок дошел до юноши, тот ударил по подушке, и дверь отворилась, и вышел евнух со скамеечкой, сзади которого шла девушка, и он поставил ей скамеечку, и девушка села и, взяв лютню, настроила ее и пропела под нее такие стихи:

«Когда же исчезнет скорбь и разлучница-ненависть?
Былая радость моя когда вернется ко мне?

Вчера были вместе мы наперекор хулителям
И радовались вдвоем, оставшись наедине.

Судьба обманула нас и жилище разрушила,
Заставила нас блуждать в пустынной дикой стране.

Хулитель, хотел бы ты, чтоб забыла я прошлое,
Но сердце верно ему, и любит сердце вдвойне.

Напрасен грубый упрек, превозмочь страсть не в силах я;
Открыто я признаюсь: люблю по своей вине.

Пускай нарушен обет, и пусть я покинута,
Былому душа верна, и сердце в прежнем огне».

И когда второй халиф услышал то, что произнесла девушка, он закричал великим криком и разодрал то, что на нем было, и упал без памяти. И перед ним хотели опустить занавеску, как обычно, но веревки застряли, и Харун ар-Рашид бросил взгляд на юношу и увидел у него на теле следы ударов плетьми. И ар-Рашид сказал, посмотрев и уверившись: «О Джафар, клянусь Аллахом, это красивый юноша, но только он скверный вор!»

И Джафар спросил его: «Откуда ты узнал это, о повелитель правоверных?» И халиф молвил: «Разве не видел ты, какие у него на боках следы от бичей?»

А потом перед юношей опустили занавеску и принесли ему одежду не ту, что была на нем,— и он надел ее и сел прямо и сидел, как прежде, с сотрапезниками. И он бросил взгляд и увидел, что халиф и Джафар тихонько разговаривают, и спросил их: «О чем речь, молодцы?» И Джафар молвил: «О владыка, все хорошо, но только от тебя не скрыто, что этот мой товарищ — из купцов, и он путешествовал по всем областям и землям и вел дружбу с вельможами и лучшими людьми, и он говорит мне: «Поистине, то, что проявил наш владыка халиф этой ночью,— великая расточительность, и я не видел во всех странах никого, кто бы совершил дела, подобные его делам: он ведь разорвал столько-то и столько-то одежд, каждая одежда в тысячу динаров, и это чрезмерная расточительность».— «Эй ты,— сказал второй халиф,— деньги — мои деньги и материя — моя материя, и это — часть моей милости слугам и челяди. Каждая одежда, которую я разорвал, достанется кому-нибудь из сотрапезников, присутствующих здесь, и я назначил им, вместе со всякой одеждой, по пятьсот динаров».

И вазир Джафар сказал: «Прекрасно то, что ты сделал, о владыка!»

И затем он произнес такие стихи:

«Расщедрились верные слуги твои неспроста;
Воздвигла свой дом на ладони твоей доброта.

И если обитель достоинств запрут на замок,
Рука твоя — ключ, отмыкающий эти врата».

Услышав эти стихи от вазира Джафара, юноша велел дать ему тысячу динаров и одежду, а затем кубки пошли между ними вкруговую, и вино было им приятно. И ар-

Рашид сказал: «О Джафар, спроси его про удары, следы от которых у него на боках; посмотрим, что он тебе скажет в ответ».— «Не торопись, о владыка, и побереги себя: терпеть лучше»,— молвил Джафар. Но халиф воскликнул: «Клянусь моей головой и могилой аль-Аббаса, если ты его не спросишь, я потушу твое дыхание!»

И тут юноша обернулся к вазиру и спросил его: «Что это вы с товарищем разговариваете потихоньку? Расскажи мне о вашем деле!» — «Все хорошо»,— ответил Джафар. Но юноша воскликнул: «Прошу тебя, ради Аллаха, расскажите мне вашу историю и не скрывайте от меня ничего!» И тогда Джафар сказал: «О владыка, он увидал у тебя на боках удары и следы бичей и плетей и удивился этому до крайних пределов и сказал: «Как это можно бить халифа!» И он хочет узнать, в чем причина этого».

И, услышав это, юноша улыбнулся и сказал: «Знайте, моя история удивительна и дело мое диковинно; ведь оно написано иглами в уголках глаз, оно послужило бы назиданием для поучающихся».

И затем он стал испускать вздохи и произнес такие стихи:

«Чудесна повесть моя, чудесней всех повестей;
Нет выхода для меня, развлечь я хочу гостей

Рассказом диковинным; внимайте в безмолвии;
Нигде не услышать вам занятнее новостей.

К рассказу прислушайтесь, поскольку истина в нем,
Отличие явное от лживых пустых речей.

Влюблен до безумия в одну красавицу я;
Среди полногрудых нет прекрасней и нежней.

Заманчивый взор ее разит индийским клинком;
Стреляет без промаха прельстительный лук бровей.

Я сердцем почувствовал: в гостях у меня имам,
Халиф благороднейший могущественней царей.

Джафаром зовете вы вазира великого,
Который средь подданных наверное всех мудрей.

А вот преславный Масрур, он меч правосудия,
И если я угадал, мне в горестях веселей.

Хоть в этом я преуспел: узнал повелителя,
И радость вокруг меня, и жизнь как будто милей».

И, услышав от юноши эти слова, Джафар поклялся ему, употребив двусмысленную клятву, что они — не те, кого он упомянул, а юноша засмеялся и сказал: «Знайте: о господа мои, что я не повелитель правоверных, и я назвал себя этим именем только для того, чтобы достичь того, чего я желаю от жителей этого города. Имя мое — Мухаммад Али, сын Али, ювелир. И мой отец был из числа знатных, и он умер и оставил мне большое имущество: золото, серебро, жемчуг, кораллы, и яхонты, и топазы, и другие камни, и поместья, и бани, и рощи, и сады, и лавки, и печи, и рабов, и невольниц, и слуг. И случилось, что в какой-то день я сидел в своей лавке, окруженный слугами и челядью, и вдруг подъехала девушка верхом на муле, и прислуживали ей три невольницы, подобные лунам. И, приблизившись ко мне, она спешилась подле моей лавки и села подле меня и спросила: «Ты ли Мухаммад, ювелир?» И я ответил: «Да, это я, твой раб и невольник». А она спросила: «Есть ли у тебя ожерелья из драгоценных камней, подходящие для меня?» — «О госпожа,— отвечал я,— я тебе покажу и принесу тебе то, что у меня есть, и если тебе что-нибудь понравится, это будет счастьем для твоего раба, а если не понравится, то злой моей долей».

А у меня было сто ожерелий из дорогих камней, и я показал ей их все, но ни одно ей не понравилось, и она сказала: «Я хочу чего-нибудь лучше, чем то, что я видела».

А у меня было маленькое ожерелье, которое мой отец купил за сто тысяч динаров, и не найти подобного ему ни у кого из великих султанов; и я сказал девушке: «О госпожа, у меня осталось ожерелье из камней и драгоценностей, равным которому не владел никто из великих и малых».— «Покажи мне его,— сказала девушка, и, увидав ожерелье, она воскликнула: — Вот то, что я ищу, и этого мне всю жизнь хотелось! Сколько оно стоит?» И я сказал: «Моему отцу оно стоило сто тысяч динаров». И девушка молвила: «Тебе будет пять тысяч динаров прибыли».— «О госпожа, ожерелье и его обладатель перед тобою, и нет у меня возражения!» — сказал я, и девушка молвила: «Прибыль обязательна, и зто великая от тебя милость!»

А потом она тотчас же поднялась и поспешно села на мула и сказала мне: «О господин, во имя Аллаха, пожалуй вместе с нами, чтобы взять деньги; твой сегодняшний день для нас подобен молоку!» И я поднялся и запер лавку

и отправился с ней, хранимый Аллахом, и мы шли, пока не достигли ее дома, и я увидел, что это дом, на котором ясны следы счастья. И ворота его были украшены золотом, серебром и лазурью, и на них были написаны такие стихи:

Ты, дом, оберегай хозяев честно!
Обманывает время, как известно.

Для каждого ты будь гостеприимен,
Когда гостям в других жилищах тесно.

И девушка спешилась и вошла в дом, а мне велела посидеть на скамье у ворот, пока не придет меняла. И я просидел немного у ворот дома, и вдруг вышла ко мне невольница и сказала: «Господин, войди в сени: скверно, что ты сидишь у ворот». И я поднялся, и вошел в сени, и сел на скамеечку. И когда я сидел, вдруг вышла ко мне невольница и сказала: «О господин, моя госпожа говорит тебе: «Войди и посиди у дверей в зал, пока не получишь свои деньги». И я поднялся, и вошел в комнату, и просидел одно мгновенье, и вдруг увидел золотую скамеечку, перед которой была опущена шелковая занавеска. И эту занавеску вдруг подняли, и из-за нее появилась та девушка, что купила у меня ожерелье, и она открыла лицо, подобное кругу луны, а ожерелье было у нее на шее. И ум мой был восхищен, и сердце мое смутилось при виде этой девушки из-за ее чрезмерной красоты и прелести; и, увидав меня, девушка поднялась со скамеечки, и побежала ко мне, и воскликнула: «О свет моего глаза, всякий ли, кто красив, как ты, не сжалится над своей любимой?» — «О госпожа,— отвечал я,— красота вся в тебе, и она — одно из твоих свойств». А девушка молвила: «О ювелир, знай, что я тебя люблю, и мне не верилось, что я тебя приведу к себе!» И затем она склонилась ко мне, и я поцеловал ее, и она меня поцеловала и притянула меня к своей груди. И она поняла по моему состоянию, что я хочу сближения с нею, и сказала: «О господин, желаешь ли ты соединиться со мной запретно? Клянусь Аллахом, пусть не будет того, кто совершит подобные прегрешения и удовлетворится дурными словами! Я — девушка невинная, и не приближался ко мне никто, и я небезызвестна в городе. Знаешь ли ты, кто я?» — «Нет, клянусь Аллахом, о госпожа!» — ответил я, и она сказала: «Я Ситт-Дунья, дочь Яхьи ибн Халида, Бармакида, и брат мой — Джафар, вазир халифа».

И когда я услышал это, мое сердце отпрянуло от нее, и я воскликнул: «О госпожа, я не виноват, что напал на тебя: ты сама разохотила меня к сближению, приведя меня к себе!» — «С тобой не будет беды, — сказала девушка, — и ты непременно достигнешь желаемого так, как будет угодно Аллаху. Власть надо мной в моих руках, и кади заключит за меня брачный договор. Я хочу быть тебе женой и чтобы ты был мне мужем».

И потом она позвала кади и свидетелей, и не пожалела стараний, и, когда эти люди явились, сказала им: «Мухаммад Али, сын Али, ювелир, пожелал на мне жениться и дал мне это ожерелье в приданое, а я приняла его и согласилась». И они написали мой договор с девушкой, и я вошел к ней, и она велела принести приборы для вина, и кубки пустили вкруговую в наилучшем порядке и с совершеннейшим уменьем, и, когда вино засверкало у нас в головах, девушка велела невольнице-лютнистке петь, и та взяла лютню и запела.

И девушка пришла в восторг от исполненных невольницей песен на лютне и нежных стихов. И невольницы продолжали петь одна за другой и говорили стихи, пока не спели десять невольниц, и после того Ситт-Дунья взяла лютню и, затянув напев, произнесла такие стихи:

«Нежным боком твоим я клянусь, изнывая:
Я сгораю в разлуке, я полуживая.

Пожалей мое сердце, сожженное страстью;
Я живу в темноте, на тебя уповая.

Не отказывай мне в долгожданном сближенье;
Всюду вижу твой образ, тебя узнавая.

Ты в сиянье чаши ярчайшая роза
В белых миртах, соперница их огневая».

А когда она окончила стихи, я взял у нее лютню и, ударив по ней на диковинный лад, пропел такие стихи:

«Да прославится бог, красоту сотворивший!
Я в плену, я взываю к тебе, умирая.

Ты, пленившая род человеческий взором,
Стрелы мечешь ты в нас, пощади нас, карая!

Влажный пламень горит у тебя на ланитах,
И с тобой на земле не сравнится другая.

Ты услада моя и смертельная горечь!
Благодарный, тебя призываю, сгорая».

И, услышав от меня эту песню, девушка обрадовалась сильной радостью, а затем она отпустила невольниц, и мы пошли в наилучшее место, где нам постлали постель всевозможных цветов. И девушка сняла бывшие на ней одежды, и я уединился с нею уединеньем любимых, и увидел я, что она жемчужина несверленая и кобылица необъезженная, и обрадовался ей, и я в жизни не видел ночи приятнее, чем эта ночь.

И я пробыл с нею целый месяц и оставил лавку, и близких, и родные места, и в один день она сказала мне: «О свет моего глаза, о Сиди Мухаммад, я решила сегодня пойти в баню. Оставайся же на этом ложе и не сходи с места, пока я не вернусь к тебе».

И она заставила меня поклясться в этом, и я сказал ей: «Слушаю и повинуюсь!» А затем она взяла с меня клятву, что я не двинусь с места, и, захватив своих девушек, ушла в баню, и клянусь Аллахом, о братья, не успела она еще дойти до конца переулка, как дверь вдруг отворилась и в нее вошла старуха и сказала: «О Сиди Мухаммад, Ситт-Зубейда зовет тебя: она прослышала, как ты образован, остроумен и искусен в пении».— «Клянусь Аллахом, я не встану с места, пока не придет Ситт-Дунья!» — ответил я. И старуха сказала: «О господин мой, не допусти, чтобы Ситт-Зубейда разгневалась на тебя и стала твоим врагом! Поднимись же, поговори с ней и возвращайся на твое место».

И я тотчас же поднялся и пошел, и старуха шла впереди меня, пока не привела меня к Ситт-Зубейде, а когда я пришел к ней, она сказала: «О свет глаза, ты возлюбленный Ситт-Дуньи?» — «Я твой невольник и раб!» — ответил я. И Ситт-Зубейда воскликнула: «Правду сказал тот, кто приписал тебе красоту, прелесть, образованность и совершенство! Ты выше описаний и слов! Но спой мне, чтобы я тебя услыхала».— «Слушаю и повинуюсь!» — ответил я. И она принесла мне лютню, и я пропел под нее такие стихи:

«Влюбленного аа любовь корят беспрестанно;
Любовь — не царапина, любовь — это рана.

И, снова садясь в седло, уверен влюбленный:
Таится его любовь среди каравана.

Луну караванную Аллаху я вверил,
Не видно луны, но я не чаю обмана.

Мне прихоть ее сладка, и я повинуюсь,
И милого порицать не смею тирана».

И, когда я кончил петь, она воскликнула: «Да сделает Аллах здоровым твое тело и душистым твое дыхание! Ты достиг совершенства в красоте, образованности и пенье! Поднимайся же и иди на свое место прежде, чем придет Ситт-Дунья,— она не найдет тебя и рассердится».

И я поцеловал землю перед Ситт-Зубейдой и вышел, и старуха шла впереди меня, пока я не дошел до той двери, через которую вышел, и я вошел, и подошел к ложу, и увидел, что Ситт-Дунья уже пришла из бани и спит на ложе. И я сел у ее ног и стал их растирать, и Ситт-Дунья открыла глаза, и, увидев меня, сдвинула ноги, и толкнула меня, и сбросила меня с ложа. «Обманщик,— сказала она мне,— ты нарушил клятву и не сдержал ее! Ты обещал мне, что не сдвинешься с места, и нарушил обещание и ушел к Ситт-Зубейде. Клянусь Аллахом, если бы я не боялась позора, я бы опрокинула ее дворец ей на голову!»

И потом она сказала своему рабу: «О Сауаб, встань, отруби голову этому обманщику и лгуну — нет нам до него нужды!» И раб подошел ко мне и, оторвав кусок от подола, завязал мне глаза и хотел отрубить мне голову. И тогда поднялись невольницы Ситт-Дуньи, большие и маленькие, и сказали ей: «О госпожа, это не первый, кто ошибся, не зная твоего нрава. Он не совершил греха, требующего убийства!» — «Клянусь Аллахом, я непременно оставлю на нем след!» — воскликнула она и затем велела побить меня. И меня били по ребрам, и то, что вы видели,— следы этих побоев. А после этого она приказала меня вывести, и меня вывели и увели далеко от дворца и бросили. И я потащился и шел мало-помалу, пока не дошел до своего дома, и тогда я позвал лекаря и показал ему следы побоев, и он стал за мной ходить и постарался меня вылечить. И когда я выздоровел, я сходил в баню, и прошли мои боли и недуги. И я пришел в лавку и взял все, что там было, и продал, и на эти деньги купил себе четыреста невольников, которых не собрал у себя ни один царь, и со мной стали выезжать каждый день двести из них. И я сделал этот челнок, истратив на него пять тысяч золотых динаров, и назвал себя халифом, и дал каждому из бывших со мною слуг должность одного из приближенных халифа, и при-

дал ему облик, подобный его облику, и я призывал всякого, кто прогуливался по Тигру, и рубил ему голову без отсрочки. И я живу таким образом целый год и не слышал вести о Ситт-Дунье и не напал на ее след».

И когда Харун ар-Рашид услышал слова юноши и узнал, что тот влюблен, увлечен и охвачен страстью, он смутился от волнения и растерялся от удивления и воскликнул: «Слава Аллаху, который создал для всякой вещи причину!»

И затем они попросили у юноши позволения уйти, и тот позволил, и ар-Рашид задумал оказать ему справедливость и одарить его до крайней степени. И они удалились от юноши, направляясь в халифский дворец, и уселись, и переменили бывшую на них одежду, и надели одеяние торжеств. И Масрур, палач мести, встал перед ними, и халиф сказал Джафару: «О вазир, ко мне того юношу, у которого мы были прошлой ночью!» И вазир отвечал: «Слушаю и повинуюсь!»

И затем он отправился к юноше и приветствовал его и сказал: «Отвечай повелителю правоверных, халифу Харуну ар-Рашиду!» И юноша пошел с ним во дворец, окруженный стражниками. А войдя к халифу, он поцеловал перед ним землю и пожелал ему вечной славы и успеха, и осуществления надежд, и постоянного счастья, и прекращения неудач и несчастий, и отличился он в том, что высказал, сказавши: «Мир тебе, о повелитель правоверных и защитник собрания верных!»

И халиф улыбнулся ему в лицо, и ответил на его привет, и обратил к нему око уважения, и приблизил его к себе, и посадил его перед собою, и сказал: «О Мухаммад Али, я хочу, чтобы ты мне рассказал, что произошло с тобою сегодня ночью,— поистине, это чудо и редкостное диво».

И юноша отвечал: «Прости, о повелитель правоверных, дай мне платок пощады, чтобы утих мой страх и успокоилось мое сердце». А халиф сказал: «Тебе будет пощада от страха и печали». И юноша начал ему рассказывать о том, что досталось ему на долю, от начала до конца.

И халиф понял, что юноша влюблен и разлучен с любимой, и спросил его: «Хочешь ли ты, чтобы я вернул ее тебе?» И юноша молвил: «Это будет милостью повелителя правоверных».

И тогда халиф обратился к вазиру и сказал ему: «О Джафар, приведи ко мне твою сестру Ситт-Дунью, дочь

вазира Яхьи ибн Халида!» И вазир отвечал: «Слушаю и повинуюсь, о повелитель правоверных!»

И он в тот час и минуту привел ее, и, когда она предстала перед халифом, тот спросил ее: «Знаешь ли ты, кто это?» — «О повелитель правоверных, откуда женщинам знать мужчин?» — сказала Ситт-Дунья.

И халиф улыбнулся и молвил: «О Дунья, это твой возлюбленный Мухаммад Али, сын ювелира. Мы узнали, в чем дело, и слышали эту историю от начала до конца, и поняли явное и тайное, и ничто от нас не скрылось, хотя его и скрывали». — «О повелитель правоверных, — сказала Ситт-Дунья, — это было начертано в книге, и я прошу прощения у Аллаха великого за то, что из-за меня произошло, а тебя прошу по твоей милости извинить меня».

И халиф Харун ар-Рашид засмеялся, и призвал кади и свидетелей, и возобновил договор Ситт-Дуньи с ее мужем, Мухаммадом Али, сыном ювелира, и выпало ей на долю счастливейшее счастье и огорчение завистников. И халиф сделал Мухаммада одним из своих сотрапезников, и проводили они жизнь в радости, наслаждении и благоденствии, пока не пришла к ним смерть — Разрушительница наслаждений и Разлучительница собраний.

СКАЗКА О СЕЙФ АЛЬ-МУЛУКЕ

Рассказывают также, о счастливый царь, что был в древние времена и минувшие века и годы царь из царей персов по имени Мухаммад ибн Сабаик, и властвовал он над землей Хорасанской. И каждый год совершал он набеги на страны нечестивых в Индии, Синде и Китае, и на страны, которые за рекой, и на другие страны, неарабские и прочие, и был он царем справедливым и доблестным, великодушным и щедрым.

И любил этот царь застольные беседы, и предания, и стихи, и рассказы, и повести, и ночные сказки, и жития древних, и всякого, кто помнил диковинную сказку и рассказывал ее царю, царь награждал. И говорят, что, когда приходил к нему иноземец с диковинным рассказом и говорил перед ним и царь находил рассказ хорошим и слова

рассказчика ему нравились, он награждал его роскошной одеждой, и давал ему тысячу динаров, и коня, оседланного и взнузданного, и одевал его сверху донизу, и одарял его великими подарками, и тот человек брал их и уходил своей дорогой.

И случилось, что пришел к нему старый человек с диковинным рассказом и рассказал его перед царем, и тот нашел рассказ прекрасным, и слова рассказчика понравились ему, и он велел дать ему роскошный подарок и, между прочим, тысячу хорасанских динаров и коня с полной сбруей. И после этого разнеслись такие вести об этом царе во всех странах, и услышал о нем человек, которого звали купец Хасан, а был он человек великодушный, щедрый, знающий и достойный и слагал дивные стихи.

А у этого царя был вазир — великий завистник, средоточие зла, который не любил никого из людей, ни богатого, ни бедного, и, всякий раз как к царю кто-нибудь приходил и царь давал ему что-нибудь, вазир ему завидовал и говорил: «Такие дела изведут деньги и разорят земли, а у царя в обычае это делать»,— и были эти слова лишь от зависти и ненависти вазира. И услышал царь весть о купце Хасане и послал к нему и призвал его и, когда он явился, сказал ему: «О купец Хасан, вазир прекословит мне и враждует со мной из-за денег, которые я даю стихотворцам, сотрапезникам и людям, знающим рассказы и стихи. Я хочу, чтобы ты рассказал мне хороший рассказ и диковинную новость, подобной которой я никогда не слышал, и, если твой рассказ мне понравится, я дам тебе много земель с их крепостями, и сделаю их добавкой к твоим наделам, и поставлю перед тобой все мое царство, и назначу тебя старшим из моих вазиров, и будешь ты сидеть от меня справа и управлять моими подданными. А если ты не доставишь мне того, о чем я тебе сказал, я возьму все, что есть в твоих руках, и выгоню тебя из моей страны».— «Слушаю и повинуюсь владыке нашему царю,— сказал купец Хасан.— Только невольник твой просит тебя, чтобы ты подождал год, и тогда я расскажу тебе историю, подобную которой ты не слышал в жизни и не слышал никто другой никогда рассказа, подобного ей или лучше ее».

«Я даю тебе отсрочку на целый год»,— сказал царь. А затем он велел подать роскошную одежду и надел ее на купца Хасана и сказал: «Оставайся дома, не садись на коня, не уходи и не приходи в течение целого года, пока не явишься с тем, что я от тебя потребовал. И если ты при-

несешь это, тебе будет особенная милость, и радуйся тому, что я тебе обещал, а если не принесешь этого, то мы не желаем больше знать тебя».

Купец Хасан поцеловал землю перед царем и вышел. И затем он выбрал из своих невольников пять человек, которые умели писать и читать,— а это были люди достойные, разумные и образованные, из приближенных его невольников,— и дал каждому пять тысяч динаров и сказал: «Я воспитал вас только для дня, подобного этому. Помогите же мне исполнить желание царя и спасите меня из его рук».—«А что ты хочешь сделать? Наши души — выкуп за тебя»,— спросили невольники. И купец Хасан ответил: «Я хочу, чтобы каждый из вас отправился в какую-нибудь страну и обошел всех людей ученых, образованных, достойных и знающих диковинные рассказы и удивительные повести: разыщите мне повесть о Сейф аль-Мулуке и принесите мне ее, и если вы ее найдете у кого-нибудь, соблазните его платой за нее и, сколько бы он ни потребовал золота или серебра, дайте ему, хотя бы он потребовал от вас тысячу динаров. Дайте ему сколько будет возможно, и обещайте остальное, и принесите мне сказку, и тому из вас, кто нападет на эту сказку и принесет мне ее, я дам роскошные одежды и обильные награды и не будет у меня никого дороже».

И потом купец Хасан сказал одному из невольников: «Ты отправляйся в страны Индии и Синда с их округами и областями», и другому сказал: «А ты отправляйся в страны персов и Китай, во все его пределы», и третьему сказал: «А ты отправляйся в страны Хорасана с их округами и областями», а четвертому сказал: «А ты отправляйся в страны Магриба и его области и округа и во все его концы», а последнему, то есть пятому, он сказал: «А ты отправляйся в страны Сирии и Египет с их округами и областями».

И потом купец выбрал им счастливый день и сказал им: «Поезжайте в этот день и постарайтесь раздобыть то, что мне нужно, не будучи небрежными, хотя бы пришлось вам отдать за это жизнь». И невольники простились с купцом и поехали. И каждый отправился в ту сторону, в какую купец им приказал, и четверо из них отсутствовали четыре месяца и искали, но ничего не нашли и вернулись. И стало тяжко на душе у купца Хасана, когда вернулись к нему эти четыре невольника и рассказали, что они иска-

ли в городах, странах и областях то, что было нужно их господину, и не нашли ничего.

Что же касается пятого невольника, то он ехал, пока не вступил в страны Сирии, и он достиг города Дамаска и увидел, что это город хороший, безопасный, с деревьями, каналами, плодами и птицами, которые прославляют Аллаха, единого, покоряющего, создателя ночи и дня. И невольник провел там несколько дней, спрашивая о том, что было нужно его господину, но никто не давал ему ответа, и он хотел уехать из этого города и направиться в другой город, и вдруг он увидел юношу, который бежал, путаясь в полах своего платья. «Почему ты бежишь со всех ног и куда ты направляешься?» — спросил невольник. И юноша ответил: «Здесь есть один достойный шейх, который каждый день садится на скамеечку в такое, как сейчас, время и рассказывает прекрасные повести, рассказы и сказки, подобных которым никто не слыхал. Я бегу, чтобы найти себе место близко от него, и боюсь, что не достану места из-за множества народа».— «Возьми меня с собой»,— сказал невольник. И юноша молвил: «Иди скорее».

И невольник запер ворота, и поспешно пошел с юношей, и достиг того места, где шейх рассказывал свои истории людям. И он увидел, что шейх со светлым ликом сидит на скамеечке и что-то говорит, и он сел поближе к нему и стал прислушиваться, чтобы услышать его рассказ. И когда пришло время заката солнца, шейх кончил рассказывать, и люди выслушали то, что он рассказал, и разошлись. И тогда невольник подошел к шейху и приветствовал его, и тот ответил на его приветствие, умножив пожелания и знаки почтения, а невольник сказал ему: «Ты, господин мой шейх, человек прекрасный, почтенный, и рассказы твои прекрасны, и я хочу тебя кое о чем спросить».— «Спрашивай о чем хочешь»,— сказал шейх. И невольник спросил его: «Знаешь ли ты повесть и рассказ о Сейф аль-Мулуке и Бади аль-Джамаль?» — «А от кого ты слышал такие слова и кто рассказал тебе об этом?» — спросил шейх. И невольник сказал: «Я не слышал об этом ни от кого, но я из далеких стран и пришел, стремясь найти эту повесть. И что бы ты ни потребовал в уплату за нее, я дам тебе, если она у тебя есть, и ты окажешь мне благодеяние и милость, рассказав мне ее, и сделаешь это по благородным твоим качествам, и я приму рассказ как милостыню от тебя. Если бы была моя душа

в моих руках и я отдал бы ее тебе за эту повесть, мое сердце на это бы согласилось».— «Успокой свою душу и услади глаза: повесть будет тебе,— ответил шейх.— Но это рассказ, который не рассказывают на перекрестке, и я не отдам такой повести всякому».— «Ради Аллаха, о господин,— воскликнул невольник,— не скупись на нее для меня и требуй от меня чего хочешь». И шейх сказал: «Если ты хочешь знать эту повесть, дай мне сто динаров, и я отдам ее тебе, но с пятью условиями».

И, узнав, что у шейха есть эта повесть и он соглашается ее рассказать, невольник невыразимо обрадовался и ответил: «Я дам тебе сто динаров в уплату за нее и еще десять в придачу и возьму повесть с условиями, о которых ты говоришь». И шейх молвил: «Ступай принеси золото и бери то, что тебе угодно».

И невольник поднялся и поцеловал шейху руки и пошел в свое жилище, радостный и довольный, и взял сто динаров и еще десять и положил их в бывший у него кошель. А когда наступило утро, он поднялся и надел свою одежду и, взяв деньги, принес их шейху. И он увидел его сидящим у ворот дома и приветствовал его, и шейх ответил ему на приветствие, и потом невольник дал ему сто динаров и еще десять, и шейх взял их у него. И он поднялся и вошел в свой дом, введя с собой невольника, и посадил его в одном месте, а затем он дал ему чернильницу, калам и бумаги и подал ему книгу и сказал: «Пиши из этой книги то, что ты ищешь,— повесть и рассказ о Сейф аль-Мулуке».

И невольник сидел и списывал эту повесть, пока не кончил ее списывать. И он прочитал ее шейху, и тот исправил ее, а потом сказал: «Знай, о дитя мое, что условия таковы: чтобы ты не рассказывал эту повесть на перекрестках дороги или в присутствии женщин и невольниц, рабов, глупцов и детей. Читай ее только эмирам, царям, вазирам и ученым, из толкователей Корана и других». И невольник принял условия и, поцеловав шейху руки, простился с ним и вышел от него и уехал в тот же день, радостный и довольный. И он все время ускорял ход от сильной радости, охватившей его из-за того, что он раздобыл повесть и рассказ о Сейф аль-Мулуке, и наконец прибыл в свою страну. И тогда он послал своего сопровождающего передать купцу радостную весть и сказать: «Твой невольник прибыл благополучно и достиг того, чего хотел и желал».

А когда невольник прибыл в город своего господина и послал к нему вестника, до срока, о котором царь условился с купцом Хасаном, оставалось только десять дней. И затем невольник вошел к купцу, своему господину, и рассказал ему о том, что ему досталось, и купец обрадовался великой радостью, а невольник отдохнул в своей комнате немного и отдал своему господину книгу, в которой был рассказ о Сейф аль-Мулуке и Бади аль-Джамаль. И когда его господин увидел ее, он надел на невольника все свои одежды и дал ему десять чистокровных коней, десять верблюдов и десять мулов, трех черных рабов и двух белых невольников.

И затем купец взял повесть и переписал ее своей рукой, с толкованиями, и вошел к царю и сказал ему: «О счастливый царь, я принес сказки и рассказы, редкие и прекрасные, подобных которым никто никогда не слыхивал». И, услышав слова купца Хасана, царь в тот же час и минуту велел призвать всех разумных эмиров, и всех достойных ученых, и всех образованных людей, и поэтов, и людей умных, и купец Хасан сел и прочитал эту историю у царя.

И когда услышали ее царь и все присутствующие, они все удивились и нашли повесть прекрасной, и также одобрили ее те, кто присутствовал, и купца осыпали золотом, серебром и драгоценными камнями. И потом царь велел дать купцу Хасану роскошную одежду из лучших своих платьев, и подарил ему большой город с его крепостями и деревнями, и сделал его одним из величайших своих вазиров, и посадил его от себя справа. И он велел писцам записать эту повесть золотом и положить ее в свою личную казну, и, всякий раз как царя одолевала тоска, он призывал купца Хасана, и тот читал ему эту повесть.

А содержание ее было таково:

Был в древние времена и минувшие века и годы в Египте царь, по имени Асим ибн Сафван, и был этот царь щедрый, великодушный, почтенный и достойный. И было у него много земель, и крепостей, и укреплений, и конников и пеших, и был у него вазир по имени Фарис ибн Салих, и все они поклонялись солнцу и огню, вместо всевластного владыки, великого, покоряющего. И стал этот царь дряхлым стариком, и ослаб от старости, недугов и дряхлости, так как он прожил сто восемьдесят лет, и не

было у него ребенка — ни мальчика, ни девочки, и был он по причине этого и ночью и днем озабочен и огорчен.

И случилось, что в один из дней сидел царь Асим на престоле своего царства, и эмиры, вазиры, предводители и вельможи правления служили ему, как обычно, сидя по мере своих степеней, и всякому из эмиров, который входил к нему и с которым был сын или двое сыновей, царь завидовал и говорил в душе: «Всякий веселится и радуется своим детям, а у меня нет ребенка, и завтра я умру и оставлю мое царство, и престол, и казну, и богатства, и возьмут их чужие люди, и не вспомнит меня никто, и не останется обо мне памяти в мире». И царь Асим погрузился в пучину размышлений, и от обилия приходивших к его сердцу дум и печалей он заплакал и, сойдя с престола, сел на землю, плача и тоскуя. И когда его вазир и присутствовавшее собрание вельмож царства увидели, что царь сделал с собой такое дело, они закричали на людей и сказали им: «Расходитесь по домам и отдыхайте, пока царь не очнется от того, что с ним случилось».

И все ушли, и остались только царь с вазиром, и, когда царь очнулся, вазир поцеловал землю перед ним и спросил его: «О царь времени, в чем причина такого плача? Расскажи мне, кто враждует с тобой из царей и владетелей крепостей или эмиров и вельмож правления, и осведоми меня, кто тебе прекословит, о царь, чтобы мы все пошли против него и вынули бы ему душу из тела». Но царь не заговорил и не поднял головы, и тогда вазир поцеловал перед ним землю второй раз и сказал: «О царь времени, я тебе и сын и раб, а я не знаю причины твоего огорчения, заботы и печали и не знаю, что с тобой. Кто же знает это, кроме меня, и кто встанет перед тобой на мое место? Расскажи мне о причине такого плача и огорчения». Но царь не заговорил, не раскрыл рта, и не поднял головы, и не перестал плакать и кричать громким голосом, и горько рыдать, и стонать, а вазир терпеливо ждал, и потом он сказал ему: «Если ты мне не скажешь, в чем причина этого, я сейчас же убью себя перед тобою, у тебя на виду, и не буду видеть тебя в таком горе».

И царь Асим поднял голову, и вытер слезы, и сказал: «О вазир и добрый советчик, оставь меня с моей заботой и огорчением — довольно с меня той печали, что у меня в сердце». И вазир молвил: «Скажи мне, о царь, в чем причина этого плача. Быть может, Аллах пошлет тебе облегчение через мои руки». И царь сказал ему: «О вазир,

мой плач не о деньгах, не о конях и не о чем-нибудь подобном, но сделался я старым человеком, и стало мне под сто восемьдесят лет жизни, и нет у меня ребенка — ни мальчика, ни девочки. И когда я умру, меня похоронят, и сотрется мой след, и исчезнет мое имя, и возьмут чужие люди мой престол и царство, и не вспомнит меня никто и никогда». И тогда вазир ответил: «О царь времени, я старше тебя на сто лет, и у меня тоже нет детей, и я непрестанно, ночью и днем, в заботе и огорчении, что же нам с тобой делать? Но я слышал историю Сулеймана, сына Дауда,— да будет мир с ними! — и слышал, что у него есть великий владыка, который властен во всякой вещи, и надлежит мне пойти к Сулейману с подарком и направиться к нему, чтобы он попросил своего владыку — быть может, он наделит каждого из нас ребенком».

И вазир собрался в путешествие и, взяв роскошный подарок, отправился с ним к Сулейману, сыну Дауда,— да будет мир с ними! — и вот то, что было с вазиром. Что же касается Сулеймана, сына Дауда, то Аллах, великий и славный, послал ему откровение и сказал: «О Сулейман, царь Египта послал к тебе своего великого вазира с подарками и редкостями, такими-то и такими-то. Пошли же к нему твоего вазира, Асафа ибн Барахию, чтобы он встретил его с почетом и приготовил ему пищу в местах стоянок, а когда он явится к тебе, скажи ему: «Царь прислал тебя, чтобы просить о том-то и о том-то, и нужда твоя — такая-то и такая-то, и предложи ему принять веру».

И тогда Сулейман приказал своему вазиру Асафу взять с собой множество своих приближенных и встретить послов с почетом и роскошной пищей на местах стоянок. И Асаф выехал, собрав все необходимое, им навстречу, и ехал, пока не доехал и не встретил Фариса, вазира царя Египта. И он встретил вазира и приветствовал его и оказал ему и всем, кто был с ним, великий почет и предоставил им, на местах стоянок, пищу и корм для коней и говорил: «Добро пожаловать гостям прибывающим! Радуйтесь удовлетворению ваших забот, успокойте вашу душу и усладите глаза, и пусть ваша грудь расправится».

И вазир говорил в душе: «Кто им рассказал об этом?» И он спросил Асафа ибн Барахию: «Кто рассказал вам о нас и о наших желаниях, о господин мой?» И Асаф ответил ему: «Сулейман, сын Дауда,— да будет мир с ними! — рассказал нам об этом». И вазир Фарис спросил:

«А кто рассказал господину нашему Сулейману?» И Асаф ответил: «Рассказал нам господь небес и земли, бог всех тварей».— «Поистине, это бог великий!» — воскликнул вазир Фарис. И Асаф ибн Барахия спросил его: «А разве вы ему не поклоняетесь?» И ответил Фарис, вазир царя Египта: «Мы поклоняемся солнцу и падаем перед ним ниц». И Асаф сказал ему: «О вазир Фарис, солнце — звезда среди прочих звезд, сотворенных Аллахом, великим и славным, и далеко до того, чтобы оно было богом. Солнце временами появляется и временами исчезает, а наш господь присутствует всегда и не исчезает, и он властен во всем».

И потом они проехали немного и достигли земли Саба, и близок стал престол власти Сулеймана, сына Дауда,— да будет мир с ними! И Сулейман, сын Дауда, приказал своим войскам из людей, джиннов и прочих выстроиться на пути их рядами, и встали звери моря и слоны, пантеры и барсы, все вместе, и построились на дороге двумя рядами, и каждый род зверей собрался отдельно. И джинны тоже все явились в ужасающем образе и встали вместе, двумя рядами. И птицы развернули крылья над этими созданиями, чтобы дать им тень, и стали птицы перекликаться на всяких языках и на всякие напевы.

И когда приблизились к ним путешественники, люди Египта убоялись их и не отваживались идти дальше, но Асаф сказал: «Продолжайте путь и идите, не боясь их. Они — подданные Сулеймана, сына Дауда, и никто из них не сделает вам вреда». И потом Асаф вошел в середину войск, и вошли за ним все люди вместе, и были в числе их люди вазира царя Египта, которые дрожали от страха. И они шли до тех пор, пока не достигли города, и их поместили в Доме гостеприимства, и оказывали им величайший почет, и приносили им роскошные угощения три дня.

А потом их привели к Сулейману, пророку Аллаха — да будет мир с ними! — и, войдя к нему, они хотели поцеловать перед ним землю, но Сулейман ибн Дауд не дал им это сделать и сказал: «Не должно человеку падать ниц на землю ни перед кем, кроме Аллаха, великого и славного, творца небес и земли и всего другого». И вазир Фарис с некоторыми слугами сел, и стояли, прислуживая ему, некоторые из малых. И когда они уселись, для них разложили скатерти, и люди и весь народ ели, пока не насытились.

А потом Сулейман велел вазиру Египта сказать о своей нужде, чтобы была она исполнена, и молвил: «Говори и не скрывай ничего, объясни, зачем ты пришел, ибо ты пришел только ради исполнения нужды, и я расскажу тебе о ней. Она — такая-то и такая-то. И царя Египта, который послал тебя, зовут Асим, и стал он стариком, дряхлым и слабым, и не наделил его Аллах великий ребенком — ни мальчиком, ни девочкой, и пребывал он в горе, заботе и размышлениях ночью и днем. И случилось, что он сидел в один из дней на престоле своего царства, и вошли к нему эмиры и вазиры и вельможи правления, и увидел он с некоторыми сына, с некоторыми — двоих, а с некоторыми — троих, и они входили со своими детьми, и те стояли, прислуживая. И царь подумал про себя и воскликнул от чрезмерной печали: «Посмотреть бы, кто возьмет царство после моей смерти, и возьмет ли его кто-нибудь, кроме чужого, и будет так, словно меня не было!» И он погрузился, по причине этого, в пучину дум и до тех пор размышлял, печальный, пока глаза его не пролили слез, и тогда он закрыл лицо платком и горько заплакал. И он поднялся с престола и сел на землю, плача и рыдая, и не знал, что у него в сердце, никто, кроме Аллаха великого, и сидел он на земле».

И пророк Аллаха Сулейман, сын Дауда,— да будет мир с ними! — рассказал вазиру Фарису о том, что постигла царя печаль и стал он плакать и о том, что случилось у царя с его вазиром Фарисом от начала до конца, и после этого спросил вазира Фариса: «То, что я сказал тебе, о вазир, правильно?» И вазир Фарис молвил: «О пророк Аллаха, то, что ты мне говорил,— истина и правда, но только, о пророк Аллаха, когда я разговаривал с царем об этом деле, с нами не было никого, и не знал о нас никто из людей. Кто же рассказал тебе обо всех этих делах?» — «Рассказал мне господь мой, который знает о взглядах украдкой и о том, что таится в груди»,— ответил Сулейман. И тогда вазир Фарис воскликнул: «О пророк Аллаха, поистине, это господь благой, великий, властный во всякой вещи!»

И затем вазир Фарис и те, кто был с ним, приняли ислам, и пророк Аллаха Сулейман сказал вазиру: «С тобой такие-то и такие-то редкости и подарки». И вазир ответил: «Да». И Сулейман молвил: «Я принимаю от тебя их все, но дарю их тебе. Отдохни же со своими людьми в том месте, где вы расположились, чтобы прошло ваше утомле-

ние от дороги, а завтра, если захочет Аллах великий, твоя нужда будет исполнена наисовершеннейшим образом, по воле Аллаха великого, господа земли и неба, творца всех тварей».

И вазир Фарис ушел, чтобы отдохнуть, и потом отправился к господину нашему Сулейману на другой день, и пророк Аллаха Сулейман сказал ему: «Когда ты прибудешь к царю Асиму ибн Сафвану и встретишься с ним, поднимитесь на такое-то дерево и сидите молча, а когда придет время между двух молитв и охладится полдневный зной, спуститесь под дерево и посмотрите: вы увидите там двух выползающих змей, и голова одной будет как у обезьяны, а голова другой — как у ифрита. И когда вы их увидите, пустите в них стрелы и убейте их, а потом отрубите с пядь со стороны их голов и с пядь со стороны их хвостов, а оставшееся мясо сварите как следует и накормите ваших жен и проспите с ними ночь. И они понесут по соизволению Аллаха великого детей — мальчиков».

И потом Сулейман,— да будет мир с ним! — принес перстень, и меч, и узел, в котором были два кафтана, обшитые драгоценными камнями, и сказал: «О вазир Фарис, когда вырастут ваши сыновья и достигнут зрелости, дайте каждому один из этих кафтанов». А затем он сказал вазиру: «Во имя Аллаха! Исполнил Аллах великий твою нужду, и останется тебе только уехать с благословения Аллаха великого. Царь ночью и днем ожидает твоего прибытия, и глаз его постоянно смотрит на дорогу».

И вазир Фарис подошел к пророку Аллаха Сулейману, сыну Дауда,— да будет мир с ними! — и простился с ним, и вышел от него после того, как поцеловал ему руки, и ехал весь остальной день, радуясь исполнению желаний. И он ускорял ход ночью и днем и ехал до тех пор, пока не приблизился к Египту. И тогда он послал одного из своих слуг уведомить царя Асима об этом. И царь Асим, услышав о его прибытии и исполнении своей нужды, несказанно обрадовался, так же, как его приближенные, и вельможи его царства, и все его войска, особенно радуясь благополучию вазира Фариса.

И когда царь встретился с вазиром, вазир спешился и поцеловал землю перед ним и обрадовал царя вестью о том, что его нужда исполнена наисовершеннейшим образом, и предложил ему принять ислам. И царь Асим предал себя Аллаху и сказал вазиру Фарису: «Ступай домой и отдохни эту ночь и еще отдыхай неделю времени

и сходи в баню, а потом приходи ко мне, и ты расскажешь мне обо всем». И вазир поцеловал землю и ушел со своими приближенными, слугами и челядинцами к себе домой и отдыхал восемь дней, а потом он отправился к царю и рассказал ему обо всем, что произошло у него с Сулейманом, сыном Дауда,— да будет мир с ними! — и затем сказал царю: «Выходи один и пойдем со мной».

И царь с вазиром поднялись и взяли два лука и две стрелы и влезли на дерево и сидели молча, пока не прошло время полудня. И они сидели, пока не приблизилась предвечерняя молитва, а потом спустились и посмотрели и увидели двух змей, которые выползали из-под дерева. И, посмотрев на них, царь полюбил их, и они ему понравились, так как он увидел на них золотые ожерелья. «О вазир,— сказал он,— эти змеи в золотых ожерельях, и, клянусь Аллахом, это вещь удивительная! Давай схватим их и посадим в клетку и будем на них смотреть!» — «Аллах сотворил их ради их полезности,— ответил вазир.— Пусти ты стрелу в одну, и я пущу стрелу в другую». И оба пустили в змей стрелы и убили их и, отрезав пядь со стороны головы и пядь со стороны хвоста, бросили это мясо, а остальное они унесли в дом царя и, призвав повара, отдали ему мясо и сказали: «Свари из этого мяса хорошее кушанье с поджаренным луком и пряностями и положи его в две миски и принеси их. Приходи сюда в такое-то время и в таком-то часу и не опаздывай».

И повар взял мясо и пошел на кухню и стал его варить и сварил как следует, с поджаренным луком, а потом он положил его в две миски и принес их царю и вазиру. И царь взял миску и вазир миску, и они накормили тем, что было в них, своих жен и проспали с ними ночь, и по воле Аллаха, великого и славного, по желанию его и могуществу, обе женщины понесли в ту же ночь. И царь провел после этого три месяца, не зная покоя и говоря себе: «Узнать бы, верное это дело или не верное».

А потом, в один из дней, его жена сидела, и дитя шевельнулось у нее в животе, и поняла она, что она беременна. И ей стало больно, и изменился цвет ее лица, и она позвала одного из евнухов, бывших при ней (а это был старший из них), и сказала: «Ступай к царю, в каком бы он ни был месте, и скажи ему: «О царь времени, я тебя обрадую — беременность нашей госпожи стала явной, и дитя пошевелилось у нее в животе».

И евнух вышел поспешно, радостный, и увидел, что царь сидит один, приложив руку к щеке, и размышляет, и тогда евнух подошел к нему и поцеловал землю перед ним и рассказал ему, что его жена понесла. И, услышав слова евнуха, царь поднялся на ноги и от сильной радости поцеловал евнуху руку и голову и, сняв то, что было на нем надето, отдал это евнуху и сказал тем, кто был в его приемной зале: «Тот, кто любит меня, пусть окажет ему милости!» И евнуху подарили денег, драгоценных камней, яхонтов, коней, мулов и садов столько, что не счесть и не перечислить.

И в это время вошел к царю вазир и сказал ему: «О царь времени, я сейчас сидел у себя дома один, и был мой ум занят размышлениями, и я говорил себе: «Узнать бы, правда ли это и забеременеет Хатун или нет»,— и вдруг вошел ко мне евнух и обрадовал меня вестью о том, что моя жена Хатун понесла и что дитя шевельнулось у нее в животе и цвет ее лица изменился. И от радости я снял всю бывшую на мне одежду и отдал ее евнуху и дал ему тысячу динаров и назначил его главным евнухом». И царь Асим сказал: «О вазир, Аллах — благословен он и возвеличен! — пожаловал нам свою милость и благодеяние, и был к нам щедр и великодушен, и ниспослал нам свою правую веру. Он почтил нас своей милостью и благодеянием и вывел нас из тьмы к свету, и я хочу облегчить людям их участь и обрадовать их».— «Делай что хочешь»,— сказал вазир.

И тогда царь молвил: «О вазир, пойди сейчас же и выведи всех, кто есть в тюрьме, из свершивших проступки, и тех, на ком есть долги, а всякому, кто совершит грех после этого, мы воздадим, как он заслуживает. Мы снимем с людей подать на три года, и поставь вокруг города кухню, вдоль его стен, и прикажи поварам повесить там всевозможные кастрюли и стряпать всякие кушанья, продолжая стряпню и ночью и днем, и все, кто есть в этом городе и в окружающих его селениях, далеких и близких, пусть едят и пьют и уносят домой. И прикажи людям радоваться и украшать город семь дней и не запирать лавок ни ночью, ни днем».

И вазир вышел в тот же час и минуту и сделал так, как приказал ему царь Асим. И украсили город, крепость и башни наилучшими украшениями, и надели самые красивые одежды, и стали люди есть и пить, играть и веселиться.

И наконец пришли в одну из ночей потуги к жене царя, после того как дни ее беременности кончились. И царь Асим велел привести всех, кто был в городе из ученых, астрономов, образованных людей, звездочетов, достойных людей и писцов, и оня явились и сели и стали ждать, пока бросят шарик на блюдо — а это был знак от звездочетов и домочадцев. И все они сидели и ждали, и наконец шарик бросили, и царица родила мальчика, подобного полной луне, и звездочеты принялись высчитывать и определять его звезду и гороскоп и установили числа. И все стали их спрашивать.

И тогда звездочеты поцеловали землю и обрадовали царя вестью, что это дитя благословенное и счастливое в начинаниях. «Но только в начале жизни случится с ним что-то, о чем мы боимся сказать царю».— «Говорите, и пусть не будет у вас никакого страха»,— молвил царь. И звездочеты сказали: «О счастливый царь, твое дитя выйдет из этой земли и будет странствовать на чужбине и тонуть в море и испытает беду, плен и стеснение. И испытает он бедствия многие, но потом, после этого, он освободится и достигнет желаемого и проживет остальной свой век приятнейшей жизнью, и будет он управлять рабами божьими, многими странами и распоряжаться на земле наперекор врагам и завистникам». И молвил царь, услышав слова звездочетов: «Дело будущего сокрыто, и все, что предначертал Аллах великий рабу из благого и злого, получит он полностью, и неизбежно придет к нему от сего дня до того времени тысячу раз помощь». И он не посмотрел на слова звездочетов и наградил почетными одеждами их и всех людей, что присутствовали, и все они ушли.

И вдруг пришел к царю вазир Фарис, радостный, и поцеловал землю перед ним и сказал ему: «О царь! Радостная весть! Моя жена сейчас родила дитя, подобное месяцу».— «О вазир, иди и принеси его сюда, чтобы они оба росли вместе, в моем дворце,— сказал царь.— Помести твою жену подле моей жены, чтобы они вместе воспитывали своих детей, и того и другого». И вазир доставил свою жену и ребенка, и обоих детей отдали нянькам и кормилицам.

А когда прошло семь дней, их принесли к царю Асиму и спросили его: «Как ты их назовешь?» — «Назовите их вы сами»,— сказал царь. И ему сказали: «Никто не даст имени сыну, кроме его отца». И тогда царь сказал: «На-

зовите моего сына: Сейф аль-Мулук, по имени моего деда, а сына вазира назовите Саид». И царь наградил нянек и кормилиц и сказал им: «Заботьтесь о мальчиках и воспитывайте их наилучшим образом».

И кормилицы старательно воспитывали их, пока не стало каждому пять лет жизни. И тогда царь отдал детей факиху в школу, и тот учил их Корану и письму, пока им не исполнилось десять лет, и царь отдал их учителям, чтобы они научили их езде на коне, метанию стрел, игре с копьем и игре в шар и науке воинской доблести, и их учили, пока им не исполнилось по пятнадцати лет. И стали они искусны во всех науках, так что никто не мог с ними сравняться в воинской доблести, и каждый из них бился с тысячей противников и справлялся с ними один. И они достигли зрелости, и, когда царь Асим смотрел на них, он несказанно радовался.

Когда же исполнилось им двадцать лет, царь Асим позвал своего вазира Фариса в место уединенное и сказал ему: «О вазир, мне пришло на ум одно дело, которое я хочу совершить, но я посоветуюсь о нем с тобою». — «Что бы ни пришло тебе на ум, делай это, ибо мнение твое благословенно», — сказал вазир. И царь Асим молвил: «О вазир, я стал старым человеком и дряхлым старцем, так как далеко зашли мои годы, и я хочу сидеть в келье и поклоняться Аллаху великому и отдать мою власть и звание султана моему Сейф аль-Мулуку — он ведь стал юношей прекрасным, совершенным по доблести и разуму, вежеству и пристойности и умению управлять. Что же ты скажешь, о вазир, об этом замысле?» — «Прекрасен замысел, который ты замыслил, и этот замысел — благословенный и счастливый, — сказал вазир. — Если ты это сделаешь, я тоже сделаю, как ты, и мой сын Саид будет ему вазиром, так как это прекрасный юноша, обладатель знаний и верного мнения, и будут они управлять вместе, а мы станем направлять их дела и не будем небрежны, а, напротив, укажем им прямой путь».

И сказал тогда царь Асим своему вазиру: «Напиши письма и отправь их со скороходами во все области, страны, крепости и укрепления, которые нам подвластны, и прикажи их начальникам, чтобы они в таком-то месяце явились на площадь Слона». И вазир Фарис вышел в тот же час и минуту и написал всем наместникам, и начальникам крепостей, и тем, кто был подвластен царю Асиму, чтобы они все явились в таком-то месяце, и приказал,

чтобы явились все, кто есть в городе, и ближний и дальний.

И когда прошла большая часть оставшегося срока, царь Асим приказал постельничим разбить шатры посреди площади и украсить их роскошными украшениями и поставить большой престол, на который царь садился только в дни празднеств. И они тотчас же сделали все, что он им приказал, и поставили престол, и вышли наместники, царедворцы и эмиры, и вышел царь и велел кричать среди народа: «Во имя Аллаха! Выходите на площадь!»

И тогда вышли на эту площадь эмиры, вазиры и правители городов и селений, и вошли в шатер, служа царю, и все стали по местам, и некоторые из них сидели, а другие стояли. И когда собрались все люди, царь велел раскладывать скатерть, и ее разложили и стали есть и пить и пожелали царю блага. И потом царь приказал царедворцам кричать среди людей, чтобы они не уходили, и стали кричать и возвестили: «Пусть никто из вас не уходит, пока не услышит слов царя!» А потом подняли занавесы, и царь сказал: «Кто меня любит, тот пусть остается, чтобы услышать мои слова». И все люди сели со спокойной душой, после того как были испуганы.

И тогда царь поднялся на ноги и взял с них клятву, что никто не встанет с места, и сказал: «О эмиры, вазиры и вельможи правления, большие и малые, и все люди, что присутствуют здесь! Знаете ли вы, что это царство у меня наследственное, от отцов и дедов?» — «Да, о царь, мы все это знаем»,— ответили люди. И царь сказал: «Мы с вами все поклонялись солнцу и месяцу, и наделил нас Аллах великий верой и спас нас из мрака, выведя к свету, и привел нас Аллах,— слава ему и величие! — к вере ислама. Знайте, что я стал теперь старым человеком, дряхлым, бессильным старцем, и хочу сидеть в келье, поклоняясь великому Аллаху и прося у него прощения в прошлых грехах. Я назначаю своего сына Сейф аль-Мулука правителем, и вы знаете, что это юноша прекрасный, красноречивый, опытный в делах, разумный, достойный и справедливый. Я желаю в этот час отдать ему мое царство, и сделать его над вами царем вместо меня, и посадить его на мое место, султаном, и сам я уединюсь для поклонения Аллаху великому в келье, а мой сын Сейф аль-Мулук примет власть и будет творить суд между нами. Что вы скажете на это?»

И все поднялись и поцеловали землю перед царем и ответили вниманием и повиновением и сказали: «О царь наш и защитник, если бы ты поставил над нами одного из твоих рабов, мы бы были ему покорны, и послушались бы твоего слова, и исполнили бы твое приказание. Как же нам не повиноваться твоему сыну Сейф аль-Мулуку? Мы его принимаем и согласны, чтобы он стал нашим царем!»

И царь Асим ибн Сафван поднялся и сошел с сиденья и посадил своего сына на царский престол, и он снял со своей головы венец и возложил его на голову сына и перевязал ему стан поясом власти. И потом царь Асим сел на престол рядом со своим сыном, и поднялись эмиры, и вазиры, и вельможи правления, и все люди и поцеловали перед ним землю и остались стоять, говоря друг другу: «Он достоин царской власти, и она к нему ближе, чем к другому». И провозгласили всем преступникам пощаду, и люди пожелали царю победы и преуспеяния, и Сейф аль-Мулук стал сыпать золото и серебро всем людям на головы, и награждать одеждами, и дарить, и наделять.

А через некоторое время поднялся вазир Фарис и поцеловал землю и сказал: «О эмиры, о вельможи правления, знаете ли вы, что я вазир и что вазирство мое давнее, пришедшее ко мне раньше, чем воцарился Асим ибн Сафван? А теперь он снял с себя власть и назначил своего сына вместо себя». И люди ответили: «Да, мы знаем, что твое вазирство переходило к отцам от дедов». И вазир молвил: «А теперь я низлагаю себя и назначаю вот этого моего сына, Саида, ибо он разумен, сметлив и опытен. Что же скажете об этом вы все?» — «Не годится в вазиры царю Сейф аль-Мулуку никто, кроме твоего сына Саида,— они подходят один к другому»,— ответили люди.

И тогда вазир Фарис поднялся и, сняв чалму вазира, возложил ее на голову своего сына Саида, а также поставил перед ним вазирскую чернильницу. И царедворцы с эмирами сказали: «Поистине, он достоин быть вазиром!» И поднялись тогда царь Асим с вазиром Фарисом, и открыли казнохранилища, и наградили роскошными одеждами властителей, эмиров, вазиров и вельмож правления и всех людей, и выдали жалованье и награды, и написали новые указы и постановления с подписью Сейф аль-Мулука и подписью вазира Саида, сына вазира Фариса. И люди оставались в городе неделю, а потом каждый отправился в свое селение и местность.

И тогда царь Асим взял своего сына Сейф аль-Мулука и Саида, сына вазира, и они пошли в город и поднялись во дворец и, призвав казначея, велели ему принести меч, перстень, узел и печать, и царь Асим сказал: «О дети мои, подойдите, и пусть каждый из вас выберет что-нибудь из этих подарков, и возьмите себе». И первым протянул руку Сейф аль-Мулук и взял узел и перстень, а Саид протянул руку и взял меч и печать, и они поцеловали царю руки и отправились в свои жилища. А когда Сейф аль-Мулук взял узел, он не развернул его и не посмотрел, что есть там, а бросил его на ложе, на котором он спал ночью с Саидом, своим вазиром (а у них было в обычае спать вместе), и им постлали постель для сна, и оба легли на постель вместе,— а свечи освещали их.

И оба проспали до полуночи, а потом Сейф аль-Мулук пробудился от сна и заметил у себя в головах узел и сказал себе: «Посмотреть бы, что такое в этом узле, который царь подарил нам из своих редкостей». И он взял узел и, захватив свечу, сошел с ложа, оставив Саида спящим, и вошел в кладовую, и развернул узел, и увидел в нем кафтан, сработанный джиннами. И он развернул кафтан и разложил его и увидел на подкладке, внутри, ближе к спине кафтана, изображение девушки, нарисованное золотом, и красота ее была удивительна.

И когда Сейф аль-Мулук увидел это изображение, разум покинул его, и он стал словно бесноватый от любви к этому изображению и упал на землю, покрытый беспамятством. И он начал плакать, и рыдать, и бить себя по лицу и груди, и целовать изображение, а потом произнес такие стихи:

«Когда бы знал я, что любовь — напасть
И беззащитных убивает страсть.

Безумствовать не стал бы я тогда,
Признав ее губительную власть».

И Сейф аль-Мулук до тех пор рыдал и плакал и бил себя по лицу и по груди, пока не проснулся вазир Саид, и он посмотрел на постель и не нашел Сейф аль-Мулука и увидал только одну свечу и сказал себе: «Куда девался Сейф аль-Мулук?» И он взял свечу и поднялся и обошел весь дворец и, дойдя до кладовой, где был Сейф аль-Мулук, увидел, что он горько плачет и рыдает. «О брат мой,— спросил он,— из-за чего этот плач? Что с тобой случилось?

Расскажи мне и поведай о причине этого». Но Сейф аль-Мулук не заговорил с ним и не поднял головы, а только плакал и рыдал и ударял себя в грудь.

И, увидав, что он в таком состоянии, Саид сказал ему: «Я твой вазир и брат, и мы выросли с тобою вместе, и, если ты мне не объяснишь своих дел и не сообщишь мне своей тайны, кому же ты ее выскажешь и сообщишь?» И Саид унижался и целовал землю долгое время, но Сейф аль-Мулук не обращал на него внимания и не говорил ему ни одного слова, а только плакал. И когда Саид испугался за его состояние и обессилел от напрасных уговоров, он вышел и, взяв меч, вернулся в кладовую, где был Сейф аль-Мулук, и, приложив острие меча к груди, сказал Сейф аль-Мулуку: «Очнись, о брат мой. Если ты мне не скажешь, что с тобой случилось, я убью себя и не буду тебя видеть в таком состоянии».

И тогда Сейф аль-Мулук поднял голову к своему вазиру Саиду и сказал ему: «О брат мой, мне стыдно говорить с тобой и рассказать тебе, что со мной случилось». И Саид воскликнул: «Прошу тебя ради Аллаха, владыки владык, освободителя рабов, первопричины причин, единого, прощающего, великодушного, одаряющего, скажи мне, что с тобой случилось, и не стыдись меня: я ведь твой раб, вазир и советчик во всех делах!» — «Подойди сюда, посмотри на это изображение»,— сказал Сейф аль-Мулук. Увидав изображение, Саид всматривался в него долгое время и увидел, что на голове изображения выведено нанизанным жемчугом: «Это образ Бади аль-Джамаль, дочери Шаммаха ибн Шаруха, царя из царей правоверных джиннов, которые обитают в городе Бабиле и живут в саду Ирема, сына Ада старшего»,— и вазир Саид спросил царя Сейф аль-Мулука: «О брат мой, знаешь ли ты, кто обладательница этого образа среди женщин, чтобы мы могли ее искать?» И Сейф аль-Мулук ответил: «Нет, клянусь Аллахом, о брат мой, я не знаю, кто обладательница этого образа».— «Подойди прочитай эту надпись»,— сказал Саид. И Сейф аль-Мулук подошел и прочитал надпись, которая была на венце, и понял ее содержание, и тогда он закричал из глубины сердца и воскликнул: «Ах-ах-ах!» и Саид сказал ему: «О брат мой, если обладательница этого образа существует и ее имя — Бади аль-Джамаль и она на этом свете, я поспешу отыскать ее не откладывая, чтобы ты достиг желаемого. Ради Аллаха, о брат мой, оставь плач, чтобы могли войти люди правления и служить тебе, а ког-

да наступит рассвет, я призову купцов, нищих, странников и бедняков и спрошу их о приметах этого города: может быть, кто-нибудь, по благодати Аллаха, славного и великого, и с его помощью, укажет нам этот город и сад Ирема».

И когда наступило утро, Сейф аль-Мулук вышел и поднялся на престол, обнимая руками кафтан, так как он не вставал и не садился и не приходил к нему сон без этого кафтана, и вошли к нему эмиры, вазиры, воины и вельможи правления. И когда диван наполнился и собравшиеся расположились в порядке, царь Сейф аль-Мулук сказал своему вазиру Саиду: «Выйди к ним и скажи: «С царем случилось нездоровье, и, клянусь Аллахом, он провел вчера ночь совсем больной». И вазир Саид вышел и передал людям то, что сказал ему царь.

И когда услышал это царь Асим, ему не показалось ничтожным дело его сына, и он призвал врачей и звездочетов и вошел с ними к своему сыну Сейф аль-Мулуку, и они посмотрели на него и прописали ему питье. Но болезнь его продлилась три месяца, и царь Асим сказал присутствующим врачам, разгневанный на них: «Горе вам, о собаки, разве вы все бессильны вылечить моего сына? Если вы его сейчас не вылечите, я вас всех убью!» И старший начальник врачей молвил: «О царь времени, мы знаем, что это твой сын, а ты знаешь, что мы не бываем небрежны при лечении даже чужого, так как же может быть небрежность при лечении твоего сына? Но у твоего сына тяжелая болезнь, и, если ты хочешь знать о ней, мы тебе о ней скажем и расскажем про нее».— «Что стало вам ясно о болезни моего сына?» — спросил царь Асим. И старый врач сказал ему: «О царь времени, твой сын теперь влюблен, и он любит ту, к сближению с кем нет пути». И царь Асим рассердился на врачей и сказал им: «Откуда вы узнали, что мой сын влюблен, и откуда пришла любовь к моему сыну?» И врачи ответили: «Спроси его брата и вазира Саида, он — тот, кто знает о его состоянии».

И царь Асим поднялся и вошел в кладовую и, призвав Саида, сказал ему: «Скажи мне правду об истинной болезни твоего брата». И Саид ответил: «Я не знаю его истинной болезни». И тогда царь сказал меченосцу: «Возьми Саида, завяжи ему глаза и отруби ему голову». И Саид испугался за себя и воскликнул: «О царь времени, дай мне пощаду!» И царь молвил: «Говори, и тебе будет пощада». И тогда Саид сказал: «Твой сын влюблен!» —

«А кто его возлюбленная?» — спросил царь. И Саид ответил: «Дочь одного царя из царей джиннов. Он увидел ее изображение на кафтане, что был в том узле, который подарил вам Сулейман, пророк Аллаха».

И тогда царь Асим поднялся и, войдя к своему сыну Сейф аль-Мулуку, спросил его: «О дитя мое, что тебя поразило и что это за изображение, которое ты полюбил? Отчего ты не рассказал мне?» — «О батюшка,— ответил Сейф аль-Мулук,— мне было тебя стыдно, и я не мог заговорить с тобой об этом, и я никому не могу ничего открыть из этого. Теперь ты знаешь о моем состоянии, посмотри же, что ты сделаешь, чтобы меня вылечить».— «Что же делать? — молвил царь.— Будь это девушка из людей, мы бы придумали хитрость, чтобы до нее добраться, но она из дочерей царей джиннов, и кто может ее найти, если не будет это Сулейман ибн Дауд — он тот, кто может это сделать. А ты, о дитя мое, поднимайся сейчас же и укрепи свою душу. Садись на коня и поезжай на охоту и ловлю и на ристалище для игр, займись едой и питьем и прогони из сердца заботу и огорчение. Я приведу тебе сто девушек из царских дочерей, и нет тебе нужды в дочерях джиннов, над которыми у нас нет власти, и они не нашей породы».— «Я не оставлю ее и не буду искать другую!» — воскликнул Сейф аль-Мулук. И его отец спросил: «Как же поступить, о дитя мое?» И юноша молвил: «Приведи всех купцов, путешественников и странствующих по городам, и мы спросим их об этом — может быть, Аллах приведет нас к саду Ирема и к городу Бабилю».

И царь Асим приказал, чтобы явились все купцы в городе, и все чужеземцы, и все мореплаватели, и, когда они явились, спросил их про город Бабиль, про его остров и про сад Ирема, но никто не знал их примет и ничего о них не ведал. А когда собрание расходилось, один из спрошенных сказал: «О царь времени, если ты хочешь узнать об этом, отправляйся в страну Син — там есть большой город, и, может быть, кто-нибудь из его жителей укажет тебе то, что ты хочешь».

И тогда Сейф аль-Мулук сказал: «О батюшка, снаряди мне корабль, чтобы поехать в страну Син». И его отец, царь Асим, сказал ему: «О дитя мое, сиди на престоле твоего царства и управляй подданными, а я поеду в страну Син и отправлюсь для этого дела сам».— «О батюшка,— ответил Сейф аль-Мулук,— это дело касается меня, и никто не может исполнить его так, как я. Да и что слу-

чится, если ты дашь мне позволение уехать и я поеду и отправлюсь на некоторое время на чужбину? Если я найду вести об этой девушке — желаемое достигнуто, а если не найду о ней вестей — путешествие развеселит и оживит меня, и станет мое дело легче по этой причине. Если я буду жив, то вернусь к тебе невредимым».

И царь посмотрел на своего сына и не увидел иного средства, как сделать то, что его удовлетворит. И он дал ему позволение ехать и снарядил для него сорок кораблей и двадцать тысяч невольников, кроме приближенных, и дал ему денег, сокровищ и все, что было ему нужно из военного снаряжения, и сказал ему: «Поезжай, о дитя мое, во благе, здравии и благополучии; я поручаю тебя всевышнему, не обманывающему тех, кто на него полагается».

И простились с Сейф аль-Мулуком его отец и мать, и корабли снабдили водой, припасами и оружием и посадили на них воинов, и путники поехали и ехали до тех пор, пока не прибыли в город Син.

И когда услышали жители Сина, что к ним прибыло сорок кораблей, наполненных людьми, снаряжением и оружием и сокровищами, они подумали, что это враги, которые приплыли, чтобы их убить и подвергнуть осаде, и заперли городские ворота и приготовили метательные машины. И, услышав об этом, царь Сейф аль-Мулук послал к ним двух невольников, особо к нему приближенных, и сказал: «Пойдите к царю Сина и скажите ему: «Это Сейф аль-Мулук, сын царя Асима, приехал к тебе в город гостем, чтобы погулять в твоей стране некоторое время, и он не станет ни биться, ни ссориться. Если ты его примешь, он расположится у тебя, а если не примешь, вернется обратно, не беспокоя ни тебя, ни жителей твоего города».

И когда невольники достигли города, они сказали его обитателям: «Мы послы царя Сейф аль-Мулука». И им отперли ворота и пошли с ними и привели их к царю. А звали его Фагфур-Шах, и было между ним и царем Асимом прежде того знакомство. И, услышав, что царь, который прибыл к нему,— Сейф аль-Мулук, сын царя Асима, он наградил послов, и приказал отпереть ворота, и собрал угощение, и вышел лично с избранными вельможами правления, и пришел к Сейф аль-Мулуку. И они обнялись, и царь Сина сказал Сейф аль-Мулуку: «Добро пожаловать тому, кто к нам прибыл, и я твой невольник

и невольник твоего отца! Мой город — перед тобою, и все, что ты потребуешь, явится к тебе». И он предложил ему угощение и припасы в местах стоянок, и царь Сейф аль-Мулук сел на коня со своим вазиром Саидом, избранными вельможами правления и остальными воинами, и они поехали от берега моря и вступили в город. И забили в литавры и ударили в барабаны в знак радости, и прибывшие провели в городе сорок дней за прекрасными угощениями.

И после этого царь Сина сказал Сейф аль-Мулуку: «О сын моего брата, как тебе живется? Нравится ли тебе мой город?» — «Да почтит его Аллах великий тобою навеки, о царь!» — ответил Сейф аль-Мулук. И царь Фагфур-Шах молвил: «Тебя привела не иначе как нужда, у тебя возникшая, и чего бы ты ни хотел в моем городе, я это для тебя исполню». — «О царь, моя история удивительна, и заключается она в том, что я влюбился в изображение Бади аль-Джамаль», — ответил Сейф аль-Мулук. И царь Сина заплакал из жалости и сочувствия к нему и спросил: «А что ты хочешь делать теперь, о Сейф аль-Мулук?» — «Я хочу, — ответил юноша, — чтобы ты призвал ко мне всех странников и путешественников и тех, у кого в обычае путешествовать, и я спрошу их про обладательницу этого образа: быть может, кто-нибудь из них мне о ней расскажет».

И царь Фагфур-Шах послал наместников, царедворцев и приближенных и велел им привести всех, кто есть в городе из странников и путешественников, и их привели (а было их великое множество), и они собрались у царя Фагфур-Шаха. И царь Сейф аль-Мулук стал их спрашивать про город Бабиль и про сад Ирема, но никто не дал ему ответа, и царь Сейф аль-Мулук смутился и не знал, что делать. Но потом один из мореплавателей сказал: «О царь, если ты хочешь узнать, где этот город и этот сад, отправляйся на острова, которые в стране Хинд».

И тогда Сейф аль-Мулук велел привести корабли, и это сделали и перенесли на них воду, припасы и все, что было нужно, и Сейф аль-Мулук сел на корабль со своим вазиром Саидом, после того как они попрощались с царем Фагфур-Шахом. И они ехали по морю четыре месяца при хорошем ветре, благополучно и спокойно, и случилось, что в один день поднялся противный ветер, и пришли к ним волны со всех сторон, и полились на них дожди, и море заволновалось из-за сильного ветра. А потом корабли стало бить друг о друга сильным ветром, и они все разбились, так же

как и лодки, и все утонули, и Сейф аль-Мулук остался с несколькими невольниками на одной из лодок.

А потом ветер стих и успокоился по могуществу великого Аллаха, и взошло солнце, и Сейф аль-Мулук открыл глаза и не увидел ни одного корабля и ничего не увидел, кроме воды, неба, себя самого и тех, кто был с ним в лодке. «Где корабли и маленькие лодки и где мой брат Саид?» — спросил он невольников, которые были с ним, и они ответили: «О царь времени, не осталось ни кораблей, ни лодок, ни тех, кто был в них: они все утонули и стали пищей для рыб». И Сейф аль-Мулук вскрикнул и произнес слова, говорящий которые не смутится: «Нет мощи и силы, кроме как у Аллаха, высокого, великого!» И он принялся бить себя по лицу и хотел броситься в море, но невольники удержали его и сказали: «О царь, какая будет тебе от этого польза? Ты ведь сам сделал с собою такие дела. Если бы ты послушался слов твоего отца, с тобой бы ничего такого не случилось. Но все это предначертано издревле, по воле создателя людей, чтобы получил раб сполна то, что предначертал ему Аллах, и звездочеты сказали твоему отцу, когда ты родился: «С твоим сыном случатся всякие бедствия». И нет у нас поэтому иного средства, как терпеть, пока Аллах не облегчит горесть, в которую мы впали».— «Нет мощи и силы, кроме как у Аллаха, высокого, великого! Нет ни убежища, ни приюта от приговора великого Аллаха!» — воскликнул Сейф аль-Мулук.

И он погрузился в море размышлений, и слезы потекли по его щекам, как ливень, и он проспал днем около часа, а очнувшись, потребовал чего-нибудь поесть и ел, пока не насытился, и потом еду, стоявшую перед ним, убрали, а челнок все плыл, и не знали они, в какую сторону он с ними направляется. И он плыл с ними по волнам и по ветру, ночью и днем в течение долгого времени, пока не кончилась у них пища, и забыли они о прямом пути и испытывали величайший голод, жажду и тревогу.

И вдруг блеснул им издали остров, и ветры подгоняли их, пока они к нему не подплыли, и, пристав к острову, они вышли из лодки, оставив в ней одного человека, и направились в глубь острова. И они увидели там много плодов всякого рода и поели их досыта и вдруг увидели человека, сидевшего среди деревьев, и был он длиннолицый, диковинного вида, с белой бородой и телом. И он позвал одного из невольников по имени и сказал ему: «Не ешь тех плодов,— они не поспели,— и подойди ко мне, я накормлю

тебя этими спелыми плодами». И невольник взглянул на него и подумал, что это один из утопавших, который спасся и вышел на этот остров. Он до крайности обрадовался, и пошел, и подошел к нему близко (и не знал этот невольник, что предопределено ему в неведомом и что начертано у него на лбу).

И когда он подошел к человеку близко, тот вскочил на него, так как это был марид, и сел ему на плечи, обвив ему одной ногой шею, а другую опустив вдоль его спины, и сказал: «Ходи! Нет тебе больше от меня спасения, и ты стал моим ослом». И невольник закричал своим товарищам и стал плакать, говоря: «Уходите, спасайтесь из этой заросли и убегайте, так как один из ее жителей сел мне на плечи, а остальные вас ищут и хотят на вас сесть, как на меня». И, услышав слова, сказанные этим невольником, все путники убежали и сошли в лодку, а жители острова преследовали их в море и говорили: «Куда вы уходите? Идите жить к нам: мы сядем вам на спину и будем вас кормить и поить, и вы станете нашими ослами». И, услышав от них эти слова, путники ускорили ход по морю и отдалились от жителей острова и поехали, уповая на великого Аллаха.

И они ехали так в течение месяца, пока не показался перед ними другой остров, и они вышли на этот остров и увидели там плоды разного рода и поели этих плодов. И вдруг они заметили что-то блестевшее издали на дороге, и, приблизившись, они посмотрели и увидели, что это нечто отвратительное видом лежит, точно серебряный столб. И один из невольников пихнул его ногой, и вдруг оказалось, что это человек с продольными глазами и расщепленной головой, и он спрятался под одним своим ухом, так как, ложась спать, он подкладывал одно ухо себе под голову, а другим ухом прикрывался. И он схватил этого невольника, который пихнул его, и пошел с ним на середину острова, и вдруг оказалось, что все там — гули, которые едят сынов Адама. И невольник закричал своим товарищам: «Спасайте ваши души! Этот остров — остров гулей, которые едят сынов Адама, и они хотят меня разорвать и съесть». И, услышав его слова, путники повернули, удаляясь, и сошли с земли в лодку и ничего не набрали из плодов.

И они ехали в течение нескольких дней, и случилось, что однажды перед ними появился еще один остров, и, достигнув его, они увидели на нем высокую гору. И они

поднялись на эту гору и увидели там рощу со множеством деревьев, а они были голодны и занялись поеданием плодов, и не успели они очнуться, как к ним вышли из-за деревьев существа ужасающего вида и высокие — высота каждого из них была пятьдесят локтей, — и у них изо рта торчали клыки, похожие на клыки слона. И вдруг путники увидели человека, который сидел на куске черного войлока, положенного на каменную скалу, и вокруг него стояли зинджи, прислуживая ему (а их была большая толпа). И эти зинджи подошли и взяли Сейф аль-Мулука и его невольников и поставили их перед своим царем и сказали: «Мы нашли этих птиц среди деревьев». А царь был голоден, и он взял из невольников двоих и зарезал их и съел. И когда Сейф аль-Мулук увидел такое дело, он испугался за себя и заплакал, а потом он произнес такие стихи:

«Ношу я панцирь из каленых стрел;
Стреляет рок, он в этом преуспел.

Об эти стрелы новая стрела
Ломается, хоть верен был прицел».

И когда царь услышал его плач и причитания, он сказал: «Поистине, это птицы с красивыми голосами и напевами и их голоса мне нравятся. Поместите каждую из них в клетку». И каждого из путников посадили в клетку и повесили над головой царя, чтобы он мог слушать их голоса. И Сейф аль-Мулук и его невольники оказались в клетках, и зинджи кормили их и поили, а они иногда плакали, иногда смеялись, иногда говорили, а иногда молчали, и при всем этом царь зинджей наслаждался их голосом, и они провели таким образом некоторое время.

А у царя была замужняя дочь на другом острове, и она услышала, что у ее отца есть птицы с красивыми голосами, и послала к нему людей с просьбой прислать несколько птиц. И ее отец отправил ей Сейф аль-Мулука и двух его невольников в трех клетках. И когда они прибыли к царевне и та увидала их, они ей понравились, и она приказала повесить их в одном месте, у себя над головой. И Сейф аль-Мулук дивился тому, что с ним случилось, и думал о величии, в котором он был прежде, и плакал над собой, а его невольники оплакивали самих себя, и при всем этом царевна думала, что они поют. А у царевны было в обычае, если к ней попадал кто-нибудь из стран Египта или других и нравился ей, давать ему у себя высокое

место. И случилось, по воле Аллаха великого и приговору его, что, когда она увидела Сейф аль-Мулука, ей понравилась его красота, и прелесть, и стройность, и соразмерность, и она приказала почитать их всех. И в один из дней случилось так, что она осталась наедине с Сейф аль-Мулуком и потребовала, чтобы он совокупился с ней, но Сейф аль-Мулук отказался от этого и сказал ей: «О госпожа, я чужеземец, скорбящий в любви к той, кого люблю, и не согласен ни на что, кроме сближения с ней». И царевна стала его уговаривать и соблазнять, но Сейф аль-Мулук отказывался от нее, и она не могла к нему приблизиться и сойтись с ним каким бы то ни было образом.

И тогда она разгневалась на Сейф аль-Мулука и его невольников и велела им ей прислуживать и носить ей воду и дрова. И они провели таким образом четыре года, и обессилело Сейф аль-Мулука это дело, и он послал попросить дочь царя: может быть, она их отпустит, и они уйдут своей дорогой и отдохнут от того, что с ними. И она послала за Сейф аль-Мулуком и сказала ему: «Если ты поступишь согласно моему желанию, я освобожу тебя от того, что с тобой, и ты отправишься в твою землю, благополучный и с добычей»,— и все время его умоляла и уговаривала, но Сейф аль-Мулук не соглашался на то, что она хотела. И царевна отвернулась от него, гневная, и Сейф аль-Мулук со своими невольниками остался у нее на острове в том же положении.

И обитатели острова знали, что это птицы царевны, и никто из городских жителей не осмеливался им ничем вредить, и сердце царевны было за них спокойно — она была уверена, что им уже нет освобождения с этого острова,— они скрывались от нее и на два дня и на три и ходили по равнине, собирая дрова со всех сторон острова, и приносили их в кухню царевны.

И они провели таким образом пять лет, и случилось, что Сейф аль-Мулук сидел в один из дней со своими невольниками на берегу моря, беседуя о том, что с ними произошло, и Сейф аль-Мулук посмотрел на себя и увидел себя в этом месте со своими невольниками. И он вспомнил свою мать и отца и брата своего Саида, и вспомнил величие, в котором жил раньше, и заплакал, и усилились его плач и рыдания, и невольники тоже заплакали. И потом невольники сказали ему: «О царь времени, доколе будем мы плакать, когда плач бесполезен, и это дело написано у нас на лбах по определению Аллаха, великого, славного.

Начертал калам то, что судил Аллах, и не будет нам пользы ни от чего, кроме терпения,— быть может, Аллах, велик он и славен, который испытал нас этой бедой, ее с нас снимет».— «О братья,— сказал им Сейф аль-Мулук,— как нам сделать, чтобы вырваться от этой проклятой? Я не вижу для нас спасения, если не спасет нас от нее Аллах своей милостью. Но пришло мне на ум, что мы должны убежать и избавиться от этой тяготы».—«О царь времени,— сказали невольники,— куда мы уйдем с этого острова, когда он весь полон гулей, которые едят сынов Адама? Во всяком месте, куда мы пойдем, они найдут нас, и либо они нас съедят, либо возьмут в плен и воротят нас на место, и царевна на нас разгневается».—«Я что-то для вас сделаю, и, может быть, Аллах великий поможет нам освободиться, и мы спасемся с этого острова»,— сказал Сейф аль-Мулук. «А как ты сделаешь?» — спросили его, и он молвил: «Мы нарубим длинных палок, навьем из их лыка веревок, свяжем их друг с другом и сделаем из них корабль. Мы сбросим его в море и наполним плодами, сделаем весла и сядем на корабль — быть может, Аллах великий сделает его для нас помощью, он ведь властен во всякой вещи. И, может быть, Аллах пошлет нам хороший ветер, который приведет нас в страны Индии, и мы освободимся от этой проклятой». И невольники воскликнули: «Это хороший замысел!» — и обрадовались сильной радостью.

И они поднялись в тот же час и минуту и стали рубить палки, чтобы сделать корабль, а потом они принялись вить веревки, чтобы связать палки одну с другой, и провели за этой работой месяц, и ежедневно к концу дня они набирали немного дров и носили их на кухню царевны, а остальной день они отдавали работе по постройке корабля, пока не кончили его, а окончив его делать, они сбросили его в море и нагрузили плодами с деревьев, которые росли на острове, и они снарядились в конце дня и никого не осведомили о том, что сделали.

И они сели на этот корабль и плыли по морю в течение четырех месяцев, не зная, куда он везет их, и кончилась у них пища, и испытывали они величайший, какой только бывает, голод и жажду. И вдруг море заревело и вспенилось, и поднялись на нем высокие волны, и приблизился к путникам страшный крокодил и, протянув лапу, схватил одного из невольников и проглотил его, и когда Сейф аль-Мулук увидел, что крокодил сделал с невольником такое

дело, он горько заплакал. И остался он на корабле один с уцелевшим невольником, и удалились они от места, где был крокодил, испуганные, и плыли таким образом, пока не показалась перед ними в один из дней гора: огромная, ужасная, высокая, возвышающаяся в воздухе. И они обрадовались, а после этого перед ними показался остров, и они стали ускорять к нему ход, ожидая блага от того, что вступят на этот остров. И когда они были в таком положении, море вдруг взволновалось, и поднялись на нем волны, и изменилось его состояние, и высунул голову крокодил и, протянув лапу, схватил оставшегося невольника из невольников Сейф аль-Мулука и проглотил его, и оказался Сейф аль-Мулук один.

И он приблизился к острову и до тех пор трудился, пока не влез на гору, и тогда он посмотрел и увидел рощу. И он вошел в эту рощу, и пошел среди деревьев, и стал есть плоды, и увидел он, что на деревья забралось свыше двадцати огромных обезьян,— каждая обезьяна больше мула. И при виде этих обезьян охватил Сейф аль-Мулука сильный страх, а обезьяны спустились на землю и окружили его со всех сторон, и потом они пошли впереди него и сделали ему знак следовать за ними и отправились, и Сейф аль-Мулук пошел за ними. И они шли, а Сейф аль-Мулук за ними, пока не дошли до крепости, высоко построенной, с колоннами, уходящими ввысь. И тогда они вошли в эту крепость, и Сейф аль-Мулук вошел за ними, и он увидел там всякие редкости, драгоценности и металлы, описать которые бессилен язык. И увидел он в этой крепости юношу, у которого не было растительности на щеках, но был он высокий, великой высоты. И, увидав этого юношу, Сейф аль-Мулук почувствовал к нему расположение (а в крепости не было никого из людей, кроме этого юноши).

А когда юноша увидел Сейф аль-Мулука, тот ему до крайности понравился, и он спросил его: «Как твое имя, из какой ты страны и как ты сюда добрался? Расскажи мне твою историю и не скрывай из нее ничего».— «Клянусь Аллахом,— ответил Сейф аль-Мулук,— я пришел сюда не по своему желанию, и не к этому месту я стремился, и не могу я больше ходить с места на место, чтобы достигнуть того, что я ищу».— «А что ты ищешь?» — спросил юноша, и Сейф аль-Мулук сказал: «Я из земель Египта, и имя мое — Сейф аль-Мулук, а имя моего отца — царь Асим ибн Сафван». И потом он рассказал юноше, что с ним

случилось с начала и до конца, и юноша поднялся, поклонился Сейф аль-Мулуку и сказал ему: «О царь времени, я был в Египте и слышал, что ты отправился в страну Син (а как далеко твоя страна от страны Син!), и, поистине, твой рассказ дело дивное и диковинное».— «Твои слова правильны,— ответил Сейф аль-Мулук,— но после этого я отправился из страны Син в страну Хинд, и подул на нас ветер, и море заволновалось, и разбились все корабли, что были со мною». И он рассказал юноше обо всем, что с ним случилось, и сказал: «И вот я пришел к тебе в это место». И юноша молвил: «О царевич, довольно того, что случилось с тобою из бедствий во время пребывания на чужбине, и слава Аллаху, который привел тебя в это место. Живи же со мной, а я буду тебе другом, пока не умру, и тогда ты станешь царем этой страны. Об этом острове никто не ведает, и эти обезьяны знают ремесла, и все, что ты потребуешь, ты здесь найдешь».— «О брат мой,— сказал Сейф аль-Мулук,— я не могу сидеть в каком-нибудь месте, пока не исполнится моя мечта, хотя бы пришлось мне обойти весь свет, расспрашивая о том, что мне нужно. Быть может, Аллах приведет меня к желаемому, или я буду стремиться к тому месту, где исполнится мой срок, и умру».

И юноша обернулся к одной из обезьян и сделал ей знак, и обезьяна скрылась на некоторое время, а потом пришла, и были с ней обезьяны, подпоясанные шелковыми салфетками, которые принесли скатерть и поставили на нее около сотни золотых и серебряных блюд со всякими кушаньями, и эти обезьяны стояли, как обычно стоят приближенные перед царями. И юноша сделал царедворцам знак сесть, и они сели, а те, кто обычно служит, остались стоять, и все поели досыта, а потом скатерть убрали и принесли золотые тазы с кувшинами и вымыли руки. А после этого принесли сосуды с вином — около сорока сосудов, в каждом из которых был какой-нибудь сорт вина, и все стали пить, и наслаждались, и ликовали, и прекрасно было для них время, и обезьяны плясали и играли, пока евшие были заняты едой. И когда увидел это Сейф аль-Мулук, он удивился и забыл о случившихся с ним бедствиях. А когда наступила ночь, зажгли свечи и поставили их в золотые и серебряные подсвечники и принесли блюда с сухими и свежими плодами и поели; когда же пришло время сна, им постлали постели, и они легли. А с наступлением утра юноша поднялся, по своему обычаю, и разбудил Сейф аль-Мулука и сказал ему: «Высунь голову из

этого окна и посмотри, кто это стоит под окном». И Сейф аль-Мулук посмотрел и увидел обезьян, которые заполнили широкую равнину и всю пустыню, и не знает числа этих обезьян никто, кроме Аллаха великого. «Это множество обезьян, которые заполнили равнину. Почему они собрались в это время?» — спросил Сейф аль-Мулук. И юноша сказал ему: «Таков их обычай, и все обезьяны, какие есть на острове, пришли сюда, а иные из них явились после двух или трех дней путешествия. Они приходят каждую субботу и стоят здесь, пока я не проснусь от сна и не высуну голову из этого окошка. И когда обезьяны меня видят, они целуют передо мной землю и уходят к своим делам». И он выставил голову из окна, чтобы обезьяны его увидали, и, заметив его, они поцеловали перед ним землю и ушли.

И Сейф аль-Мулук прожил у юноши целый месяц, а после этого он простился с ним и выступил в путь, и юноша приказал отряду обезьян, около сотни, отправиться с ним, и они шли, служа Сейф аль-Мулуку, в течение семи дней, пока не проводили его до конца своих островов. После этого они простились с ним и вернулись на свои места. И Сейф аль-Мулук шел один по горам, холмам, степям и пустыням в течение четырех месяцев, день — голодный, день — сытый, и один день он ел траву, а другой день ел плоды с деревьев. И стал он раскаиваться в том, что сделал с собою, уйдя от этого юноши, и хотел вернуться к нему по своим следам. И вдруг он увидел что-то черное, видневшееся вдали. «Это черный город, или что это такое? — сказал себе Сейф аль-Мулук.— Я не вернусь, пока не увижу, что это за черный предмет». И он приблизился и увидел, что это дворец, высоко построенный, и был строителем его Яфис, сын Нуха,— мир с ним! — и это тот дворец, о котором упомянул Аллах великий в своей славной книге словами: «И колодезь заброшенный, и дворец высокий».

И Сейф аль-Мулук сел у ворот дворца и сказал себе: «Посмотреть бы, какова внутренность этого дворца и кто там есть из царей! Кто мне расскажет истину об этом деле, и принадлежат ли обитатели дворца к людям или к джиннам?» И он просидел некоторое время, размышляя, и не видел, чтобы кто-нибудь входил во дворец или выходил из него, а потом он встал и пошел, уповая на Аллаха великого, и вошел во дворец, насчитав по дороге семь проходов, но не увидел никого. И справа от себя он увидел три двери,

а перед ним была дверь за опущенной занавеской. И Сейф аль-Мулук подошел к этой двери и, подняв занавеску рукой, прошел в дверь, и вдруг он увидел большой портик, устланный шелковыми коврами, и в глубине портика был золотой престол, на котором сидела девушка с лицом, подобным луне, одетая в царственные одежды, и она была точно невеста в ночь, когда ее ведут к мужу. А возле престола было сорок скатертей, уставленных золотыми и серебряными блюдами, каждое из которых было наполнено роскошными кушаньями. И, увидев эту девушку, Сейф аль-Мулук подошел к ней и пожелал мира, и девушка возвратила ему пожелание и спросила его: «Ты из людей или из джиннов?» — «Я из лучших людей — я царь, сын царя»,— ответил Сейф аль-Мулук. И девушка спросила: «Чего ты хочешь? Вот перед тобой эти кушанья, а после того как поешь, расскажи мне твою историю с начала до конца и расскажи, как ты достиг этого места».

И Сейф аль-Мулук присел у скатерти и, сняв крышку с подноса (а он был голоден), ел с блюд, пока не насытился, а потом он вымыл руки и, взойдя на престол, сел рядом с девушкой. «Кто ты, как твое имя, откуда ты пришел и кто привел тебя сюда?» — спросила она. И Сейф аль-Мулук ответил: «Что до меня, то рассказ мой долог».— «Скажи мне, откуда ты, почему ты сюда пришел и чего ты хочешь?» — молвила девушка. И Сейф аль-Мулук сказал: «Ты сама расскажи мне, каково твое дело, как тебя зовут, кто тебя сюда привел и почему ты сидишь одна в этом месте?» — «Мое имя Давлат-Хатун, я дочь царя Индии, и мой отец живет в городе Серендибе,— ответила девушка.— У моего отца красивый большой сад, лучше которого нет в странах и областях Индии, и там есть большой водоем. В один из дней я пришла в этот сад с моими невольницами, и мы с ними разделись и вошли в этот водоем и стали там играть и веселиться, и не успела я опомниться, как что-то, подобное облаку, спустилось на меня и унесло меня среди моих невольниц и полетело со мной между небом и землей, говоря: «О Давлат-Хатун, не бойся и будь спокойна сердцем!» И оно пролетело со мной недолгое время, а потом опустило меня в этом дворце и вдруг, в тот же час и минуту, превратилось и оказалось красивым юношей, прекрасным своей юностью. И он спросил меня: «Ты меня знаешь?» И я ответила: «Нет, о господин мой». И тогда юноша сказал: «Я сын Синего царя, царя джиннов, и мой отец живет в крепости Кульзум, и подвластны ему шесть-

сот тысяч джиннов, летающих и ныряющих. Мне случилось проходить по дороге, направляясь по своему пути, и я увидел тебя и полюбил, и опустился и похитил тебя среди невольниц, и принес тебя в мой Высокий Дворец — а здесь мое место и обиталище. Никто не достигнет его, ни джинн, ни человек, и от Индии досюда расстояние в сто двадцать лет пути. Будь же уверена, что ты никогда не увидишь страны твоего отца и матери, и живи у меня в этом месте, спокойная сердцем и умом, и я принесу тебе все, что ты потребуешь». И после этого он стал меня обнимать и целовать и сказал мне: «Живи здесь и не бойся ничего». А потом он оставил меня и скрылся на некоторое время и, вернувшись, принес эту скатерть, подстилки и ковры, и он приходит ко мне каждый вторник и живет у меня три дня, а в четвертый день он остается до послеполуденного времени и уходит и отсутствует до вторника, а потом приходит, будучи в том же облике. И, придя, он ест и пьет со мной и обнимает меня и целует, и я невинная девушка, такая, какой создал меня великий Аллах, и юноша ничего со мной не сделал. А моего отца зовут Тадж аль-Мулук, и не знает он обо мне вестей и не напал на мой след. Вот моя история, расскажи же мне и ты свою историю».

«Моя история длинная, и я боюсь, что, если я стану тебе рассказывать, время затянется и придет ифрит», — сказал Сейф аль-Мулук. И девушка молвила: «Он ушел от меня лишь за час до твоего прихода и придет только во вторник. Сиди же здесь, будь спокоен и успокой свой ум и расскажи мне, что с тобой случилось, от начала до конца». И Сейф аль-Мулук отвечал: «Слушаю и повинуюсь!»

И он начал свой рассказ и завершил его полностью, с начала до конца, и когда он дошел до рассказа о Бади аль-Джамаль, глаза девушки пролили обильные слезы, и она воскликнула: «Не то я о тебе думала, о Бади аль-Джамаль! Разве ты меня не вспоминаешь и не говоришь: «Сестра моя, Давлат-Хатун, куда она пропала?» И потом она стала еще сильнее плакать и печалиться о том, что Бади аль-Джамаль ее не вспоминает.

И Сейф аль-Мулук сказал ей: «О Давлат-Хатун, ты из людей, а она из джиннов; откуда же она может быть тебе сестрой?» — «Она моя молочная сестра, — ответила Давлат-Хатун, — и причина этого в том, что моя мать вышла погулять в сад, и пришли к ней потуги, и она родила меня в саду. А мать Бади аль-Джамаль была в этом саду со сво-

ими приближенными, и пришли к ней потуги, и она отошла в конец сада и родила Бади аль-Джамаль. И она послала одну из невольниц к моей матери, прося у нее еды и вещей, нужных при родах, и матушка послала ей то, что она просила, и пригласила ее. И джинния поднялась и взяла Бади аль-Джамаль с собой и пришла к моей матери, и та выкормила Бади аль-Джамаль. И ее мать, а с нею и девочка, провели у нас в саду два месяца, а после того джинния ушла в свою страну, и она дала моей матери одну вещь и сказала: «Если я тебе понадоблюсь, я приду к тебе в этот сад». И Бади аль-Джамаль приходила со своей матерью каждый год, и они оставались у нас некоторое время, а потом возвращались в свою страну, и если бы я была у моей матери, о Сейф аль-Мулук, и увидела бы тебя в нашей стране, когда мы все были, как всегда, вместе, я бы придумала против нее хитрость, чтобы привести тебя к желаемому. Но я нахожусь в этом месте, и они не знают обо мне вестей, и, если бы они узнали обо мне вести и знали бы, что я здесь, они могли бы освободить меня отсюда, но власть принадлежит Аллаху, слава и величие ему, что же мне делать?» — «Поднимайся и пойдем со мной,— сказал Сейф аль-Мулук.— Мы убежим и уйдем, куда хочет Аллах великий».— «Мы не можем этого сделать,— ответила девушка.— Клянусь Аллахом, если бы мы убежали на расстояние года пути, этот проклятый настиг бы нас в одну минуту и погубил бы нас».— «Я где-нибудь спрячусь и, когда он будет проходить мимо, ударю его мечом и убью»,— сказал Сейф аль-Мулук.

И тогда девушка молвила: «Ты не можешь его убить иначе, как убив его душу».— «А душа его в каком месте?» — спросил Сейф аль-Мулук, и девушка сказала: «Я спрашивала его об этом много раз, но он не признавался мне, где она. И случилось в один день, что я к нему пристала, и он рассердился на меня и воскликнул: «Сколько ты еще будешь меня спрашивать про мою душу и какова причина твоих расспросов о моей душе?» — «О Хатим,— ответила я ему,— у меня остался, кроме тебя, лишь Аллах, и, пока я жива, я всегда буду привязана к твоей душе, и если я не буду ее беречь, храня ее в моих очах, то какова будет моя жизнь после тебя? А если я бы знала, где твоя душа, я бы ее берегла, как мое правое око». И тут царь джиннов сказал мне: «Когда я родился, звездочеты сказали, что гибель моей души будет от руки одного из сыновей царей человеческих, и я взял мою душу

и положил ее в зоб воробья, а воробья я запер в коробочку и положил эту коробочку в шкатулку, а шкатулку я положил в семь ларцов, которые я положил в глубь семи ящиков, а ящики я положил в мраморный сундук и утопил его в этой стороне моря-океана, так как эта сторона далека от стран человеческих и никто из людей не может до нее добраться. Вот я тебе сказал; не говори же об этом никому — это тайна между мной и тобой». И я сказала ему: «А кому я расскажу? Никто, кроме тебя, ко мне не приходит, чтобы я ему сказала. Клянусь Аллахом,— сказала я потом,— ты положил свою душу в крепость крепкую и великую, до которой никому не добраться, так как же доберется до нее кто-нибудь из людей? А если допустить невозможное — и Аллах определил подобное тому, о чем говорили звездочеты,— то как может кто-нибудь из людей до этого добраться?» И царь джиннов молвил: «Может быть, у кого-нибудь из них будет на пальце перстень Сулеймана, сына Дауда,— мир с ними обоими! — и он придет сюда и положит руку с этим перстнем на поверхность воды и скажет: «Властью этих имен, пусть душа такого-то всплывет». И всплывет тот сундук, и человек его взломает, так же как ящики и ларцы, и выйдет воробей из коробочки, и человек его задушит, и я умру».—«Это я — тот царевич, а вот перстень Сулеймана, сына Дауда,— мир с ними обоими! — у меня на пальце! — воскликнул Сейф аль-Мулук.— Пойдем на берег моря и посмотрим, ложь ли его слова или правда».

И оба поднялись и пошли и пришли к морю, и Давлат-Хатун осталась стоять на берегу моря, а Сейф аль-Мулук вошел в воду по пояс и сказал: «Властью имен и талисманов, которые на этом перстне, и властью Сулеймана — мир с ним! — пусть выплывет душа такого-то джинна, сына Синего царя». И тут море взволновалось, и сундук всплыл, и Сейф аль-Мулук взял его и ударил им о камень, и сломал сундук и сломал также ящики и ларцы, и вынул воробья из коробочки. И потом они отправились во дворец и взошли на престол, и вдруг показалась устрашающая пыль и что-то большое летящее, и оно говорило: «Пощади меня, о царевич, и не убивай меня! Сделай меня твоим отпущенником, и я приведу тебя к тому, что ты хочешь!» — «Джинн пришел,— сказала Давлат-Хатун.— Убей же воробья, чтобы этот проклятый не вошел во дворец и не отнял у тебя птицы. Он тебя убьет и убьет меня после тебя». И Сейф аль-Мулук задушил воробья, и тот умер, а джинн

упал у ворот дворца и стал кучей черного пепла. И тогда Давлат-Хатун сказала: «Мы вырвались из рук зтого проклятого. Что же нам теперь делать?» — «Помощи следует просить у Аллаха великого, который нас испытал, он нас наставил и поможет нам освободиться от того, во что мы впали», — сказал Сейф аль-Мулук.

И он поднялся и снял около десяти дверей из дверей дворца, а зти двери были из сандала и алоз, и гвозди в них были золотые и серебряные, а потом он взял бывшие там веревки из шелка и парчи и связал ими двери одна с другою. И они с Давлат-Хатун помогали друг другу, пока не донесли двери до моря и не сбросили их туда, чтобы двери превратились в корабль. И они привязали корабль к берегу, а потом вернулись во дворец и стали носить золотые и серебряные блюда, драгоценности и яхонты и дорогие металлы, и перенесли из дворца все, что было легко весом и дорого по цене, и снесли все зто на корабль, и сели на него, уповая на Аллаха великого, который удовлетворяет уповающего и не обманывает. И они сделали себе две палки в виде весел, а затем отвязали веревки и дали кораблю бежать по морю. И они ехали таким образом четыре месяца, и кончилась у них пища, и усилилась их горесть, и стеснилась у них грудь, и стали они тогда просить Аллаха, чтобы он послал им спасение от того, что их постигло. А пока они плыли, Сейф аль-Мулук, ложась спать, клал Давлат-Хатун у себя за спиной, а когда он поворачивался, между ними лежал меч.

И когда они ехали таким образом в одну из ночей, случилось, что Сейф аль-Мулук спал, а Давлат-Хатун бодрствовала. И вдруг корабль отклонился в сторону берега и подплыл к одной гавани, а в зтой гавани стояли корабли. И Давлат-Хатун увидела корабли и услышала, как кто-то разговаривает с матросами, а тот, кто разговаривал, был начальником капитанов и старшим над ними. И, услышав голос зтого капитана, Давлат-Хатун поняла, что на берегу — гавань какого-нибудь города и что они достигли населенных мест. И она обрадовалась сильной радостью и разбудила Сейф аль-Мулука от сна и сказала ему: «Встань и спроси зтого капитана, как называется этот город и что зто за гавань».

И Сейф аль-Мулук поднялся, радостный, и спросил: «О брат мой, как называется зтот город, и что это за гавань, и как зовут ее царя?» И капитан сказал ему: «О хладноликий, о холоднобородый, если ты не знаешь

этой гавани и этого города, как же ты сюда приплыл?» И Сейф аль-Мулук ответил: «Я чужеземец, и я плыл на корабле из купеческих кораблей, и он разбился и потонул со всем, что на нем было, а я выплыл на доске и добрался сюда, и я спросил тебя, а спросить — не позор».— «Это город Аммария, а гавань называется Гавань Камин аль-Бахрейн»,— ответил капитан. И когда Давлат-Хатун услышала эти слова, она сильно обрадовалась и воскликнула: «Хвала Аллаху!» — «Что такое?» — спросил Сейф аль-Мулук. И девушка сказала: «О Сейф аль-Мулук, радуйся близкой помощи! Царь этого города — мой дядя, брат моего отца, и зовут его Али-ль-Мулук.— И потом молвила: — Спроси капитана: «Султан этого города, Али-ль-Мулук, здоров?» И Сейф аль-Мулук спросил об этом, и капитан ответил, рассерженный: «Ты говоришь: «Я в жизни сюда не приезжал и я чужеземец», но кто же сказал тебе имя правителя города?» И Давлат-Хатун обрадовалась и узнала капитана, а его имя было Муин ад-дин, и это был один из вельмож у ее отца, и выехал он лишь для того, чтобы ее искать, когда она пропала, но не нашел ее и ходил до тех пор, пока не прибыл в город ее дяди. И Давлат-Хатун сказала Сейф аль-Мулуку: «Скажи ему: «О капитан Муин ад-дин, пойди сюда поговори с твоей госпожой». И Сейф аль-Мулук крикнул капитану то, что она ему сказала. И когда капитан услышал слова Сейф аль-Мулука, он разгневался сильным гневом и воскликнул: «О пес, кто ты и как ты меня узнал?» И потом он приказал одному из матросов: «Дайте мне ясеневую палку. Я пойду к этому злосчастному и разобью ему голову».

И он взял палку и направился в сторону Сейф аль-Мулука и увидел корабль, а в нем увидел что-то диковинное и прекрасное, и ум его был поражен. И потом он посмотрел и вгляделся и увидел Давлат-Хатун, которая сидела, подобная месяцу. И капитан спросил Сейф аль-Мулука: «Что это у тебя?» И царевич ответил: «У меня девушка по имени Давлат-Хатун». И, услышав эти слова, капитан упал без чувств, так как он услышал ее имя и узнал, что это его госпожа и дочь его царя.

А придя в себя, он оставил корабль и то, что в нем было, и отправился в город, и пришел ко дворцу царя, и попросил позволения войти, и привратник вошел к царю и сказал ему: «Капитан Муин ад-дин пришел к тебе, чтобы тебя порадовать благой вестью». И царь позволил ему войти, и он вошел и поцеловал землю перед ним и сказал:

«О царь, с тебя подарок! Дочь твоего брата, Давлат-Хатун, прибыла в наш город, здоровая и благополучная, и она на корабле, а с ней юноша, подобный луне в ночь ее полноты». И царь, услышав вести о дочери своего брата, возрадовался, и наградил капитана роскошной одеждой, и тотчас же приказал украсить город по случаю спасения дочери своего брата, и послал к ней, и призвал ее к себе, вместе с Сейф аль-Мулуком, и приветствовал их, и поздравил со спасением. А потом он послал уведомить своего брата, что его дочь нашлась и пребывает у него.

И когда посол прибыл к царю, тот снарядился, и собрались войска, и Тадж аль-Мулук, отец Давлат-Хатун, ехал до тех пор, пока не прибыл к своему брату, Али-ль-Мулуку. И он встретился со своей дочерью Давлат-Хатун, и они сильно обрадовались. И Тадж аль-Мулук прожил у своего брата неделю, а потом он взял свою дочь и Сейф аль-Мулука, и они ехали, пока не прибыли в Серендиб, в страну отца девушки. И Давлат-Хатун встретилась со своей матерью, и все обрадовались ее спасению и устроили торжества, и был это день великий, подобного которому не видано.

Что же касается до царя, то он оказал Сейф аль-Мулуку почет и сказал ему: «О Сейф аль-Мулук, ты сделал мне и моей дочери все это благо, и я не могу воздать тебе за него тем же, и воздаст тебе один лишь господь миров. Но я хочу, чтобы ты сел вместо меня на престол и правил в странах Индии: я дарю тебе мою власть, и престол, и казну, и слуг, и все это будет тебе от меня подарком». И Сейф аль-Мулук поднялся, и поцеловал землю перед царем, и поблагодарил его, и сказал: «О царь времени, я принимаю все, что ты мне подарил, и все это возвращается к тебе от меня, тоже как подарок. А я, о царь времени, не хочу ни царства, ни власти и хочу только, чтобы Аллах великий привел меня к желаемому».— «Вот моя казна перед тобою, о Сейф аль-Мулук,— сказал царь.— Бери из нее все что пожелаешь и не спрашивай меня об этом, да воздаст тебе за меня Аллах великий благом!» — «Да возвеличит Аллах царя! Нет мне радости ни во власти, ни в деньгах, пока я не достигну желаемого,— ответил Сейф аль-Мулук.— А теперь я хочу погулять по городу и посмотреть на его площади и рынки».

И Тадж аль-Мулук велел привести ему коня из хороших коней, и Сейф аль-Мулуку привели коня, оседланного и взнузданного, из коней превосходных, и царевич сел на

коня и выехал на базар и поехал по улицам города. И он смотрел направо и налево и вдруг увидал юношу, у которого был кафтан, и он предлагал его за пятнадцать динаров, и, всмотревшись в этого юношу, Сейф аль-Мулук увидел, что он похож на его брата Саида. А на самом деле это именно он и был, но только цвет его лица и его состояние изменились от долгого пребывания на чужбине и тягот путешествия, и Сейф аль-Мулук не узнал его. И он сказал тем, кто был вокруг него: «Приведите этого юношу, чтобы я его расспросил». И когда юношу привели к нему, Сейф аль-Мулук молвил: «Возьмите его и отведите во дворец, где я живу, и оставьте его у себя, пока я не вернусь с прогулки». А люди подумали, что он им приказал: «Возьмите его и отведите в тюрьму», и сказали: «Может быть, это один из его невольников, который убежал от него».

И они взяли этого юношу и отвели его в тюрьму, заковав его в цепи, и оставили сидеть там. А Сейф аль-Мулук вернулся с прогулки и вошел во дворец и забыл о своем брате Саиде, и никто ему о нем не напомнил. И оказался Саид в тюрьме, и когда пленников вывели на работы по постройкам, Саида взяли с ними, и он стал работать с пленниками, и скопилось на нем много грязи. И Саид провел таким образом месяц, раздумывая о своих обстоятельствах и говоря про себя: «В чем причина моего заточения?» А Сейф аль-Мулук был отвлечен радостной жизнью и пирами.

И случилось, что в один из дней Сейф аль-Мулук сидел, и он вспомнил о своем брате Саиде и спросил невольников, бывших с ним: «Где юноша, который был с вами в такой-то день?» И невольники ответили: «А разве ты не сказал нам: «Отведите его в тюрьму?» — «Я не говорил вам таких слов, я сказал вам только: «Отведите его во дворец, где я живу»,— сказал Сейф аль-Мулук. И затем он послал царедворцев за Саидом, и его привели закованного и расковали и поставили перед Сейф аль-Мулуком. И тот спросил его: «О юноша, из какой ты страны?» — «Я из Египта, и мое имя — Саид, сын вазира Фариса»,— ответил юноша. И, услышав его слова, Сейф аль-Мулук сошел с ложа и бросился к Саиду и повис у него на шее, и он от радости заплакал сильным плачем и воскликнул: «О брат мой Саид! Хвала Аллаху, что я жив и вижу тебя! Я твой брат Сейф аль-Мулук, сын царя Асима!»

И когда Саид услышал слова своего брата и узнал его, они обняли друг друга и стали вместе плакать, и присут-

ствующие дивились на них, а потом Сейф аль-Мулук приказал взять Саида и отвести его в баню. И его отвели в баню, а по выходе из бани его одели в роскошные одежды и привели в покои Сейф аль-Мулука, и тот посадил Саида к себе на ложе. И когда узнал обо всем Тадж аль-Мулук, он сильно обрадовался встрече Сейф аль-Мулука с его братом Саидом и пришел, и все трое сидели и разговаривали о том, что случилось с ними от начала до конца.

А потом Саид сказал: «О брат мой, о Сейф аль-Мулук, когда утонули корабли и утонули невольники, я влез с несколькими невольниками на деревянную доску, и она плыла с нами по морю в течение целого месяца, а затем, после этого, ветер закинул нас, властью Аллаха великого, на остров. И мы вышли на этот остров голодные и оказались среди деревьев и стали есть плоды и занялись едой, и не успели мы опомниться, как вышли к нам люди, подобные ифритам, и вскочили на нас, и сели нам на плечи, говоря: «Везите нас — вы стали нашими ослами».

И я спросил того, кто сел на меня: «Что ты такое и почему ты на меня сел?» И, услышав от меня эти слова, он обвил мне одной ногой шею так, что я чуть не умер, а другой ногой ударил меня по спине, и я подумал, что он сломал мне спину. И я упал на землю, лицом вниз, а у меня не осталось больше сил от голода и жажды. И когда я упал, человек понял, что я голоден, и взял меня за руку, привел к дереву со множеством плодов — а это была груша — и сказал: «Ешь с этого дерева, пока не насытишься». И я ел с этого дерева, пока не насытился, и потом встал и пошел, не желая этого, и едва я прошел немного, тот человек вернулся ко мне и вскочил мне на плечи. И я то шел, то бежал, то трусил рысцой, а человек сидел на мне и смеялся, говоря: «Я в жизни не видел такого осла, как ты!»

И случилось, что в какой-то день мы набрали несколько кистей винограда и положили ягоды в яму после того, как потоптали их ногами, и превратилась эта яма в большой пруд. И мы подождали несколько дней и пришли к этой яме и увидели, что солнце сварило этот сок и он превратился в вино, и тогда мы стали пить и опьянели, и покраснели наши лица, и мы начали петь и плясать, одурев от опьянения. И наши седоки спросили нас: «Отчего у вас покраснели лица и что заставляет вас плясать и петь?» И мы сказали им: «Не спрашивайте об этом: чего вы хотите, спрашивая об этом?» — «Расскажите нам, чтобы мы

узнали истину об этом деле»,— сказали они, и тогда мы сказали им: «В этом виноваты выжимки винограда».

И они пошли с нами в долину, где мы не могли отличить длины от ширины, и в этой долине были виноградные лозы, которым мы не видели и начала, ни конца, а каждая кисть на них была весом ритлей в двадцать, и их все было легко сорвать. И седоки сказали нам: «Наберите этого», и мы собрали много винограда. И я увидел там большую яму, шире большого водоема, и мы наполнили ее виноградом, и потоптали его ногами, и сделали то же, что и в первый раз, и сок превратился в вино, и тогда мы сказали: «Оно дошло до предела зрелости. Из чего вы будете его пить?» — «У нас были ослы, как вы, и мы их съели, и от них остались головы. Напоите нас из их черепов»,— сказали они. И мы напоили их, и они опьянели и легли, а их было около двухсот.

И тогда мы сказали друг другу: «Разве недостаточно им на нас ездить, к тому же они нас потом съедят? Нет мощи и силы, кроме как у Аллаха, высокого, великого! Но мы усилим их опьянение, а потом убьем их, и избавимся и освободимся из их рук». И мы разбудили их и стали наполнять эти черепа и поить их, и они кричали: «Это горько!» а мы говорили им: «Зачем вы говорите: «Это горько!» Всякий, кто так говорит, умрет в тот же день, если не выпьет десять раз».

И они испугались смерти и сказали нам: «Напоите нас по десять раз!» И когда они выпили по десяти раз, они опьянели, и их опьянение усилилось, и силы их потухли, и мы потащили их за руки. А потом мы набрали множество палок от лоз и положили их вокруг гулей и на них и разожгли огонь и остановились поодаль, смотря, что с ними будет, а потом мы подошли к ним, когда огонь потух, и увидели, что они превратились в кучу пепла. И мы восхвалили Аллаха великого, который освободил нас от них и вывел нас с этого острова, и направились на берег моря, а потом мы расстались друг с другом, и что до меня и двух невольников, то мы шли, пока не дошли до большой рощи со множеством деревьев.

И в роще мы занялись едой, и вдруг появился человек высокого роста, с длинной бородой, длинными ушами и глазами, точно два факела, и было перед ним много баранов, которых он пас, и с ним была еще толпа людей таких же, как он. И, увидя нас, он обрадовался и развеселился и приветствовал нас и воскликнул: «Добро пожало-

вать! Идите ко мне, я вам зарежу овцу из этого стада и изжарю и накормлю вас». И мы спросили его: «А где твое жилище?» И он сказал: «Близко от этой горы. Идите в ту сторону, пока не увидите пещеру, и войдите в нее. Там много гостей, таких же, как вы; ступайте посидите с ними, пока мы не приготовим вам угощенья». И мы подумали, что его слова правда, и пошли в ту сторону, и вошли в пещеру, и увидели, что гости, которые там сидят, все слепые.

И когда мы вошли, один из них сказал: «Я болен»,— а другой сказал: «Я слаб». И мы спросили их: «Что это за слова вы говорите? Какова причина вашей слабости и болезни?» — «Кто вы?» — спросили слепые, и мы сказали: «Мы гости». И тогда слепые спросили: «Что ввергло вас в руки этого проклятого? Нет мощи и силы, кроме как у Аллаха, высокого, великого! Это гуль, который ест сынов Адама, и он ослепил нас и хочет нас съесть».— «Как ослепил вас этот гуль?» — спросили мы их, и они сказали: «Он сейчас ослепит и вас, как нас».— «А как он вас ослепил?» — спросили мы, и слепые ответили: «Он принесет вам чашки с молоком и скажет: «Вы устали от путешествия — возьмите это молоко и попейте его». И когда вы его попьете, вы станете такими же, как мы».

И тогда я сказал про себя: «Не остается нам спасения иначе, как хитростью»,— и выкопал в земле яму, и сел подле нее. А через минуту вошел к нам этот проклятый гуль, который нес чашки с молоком, и он подал чашку мне и чашку каждому из тех, кто был со мной, и сказал: «Вы пришли с берега и хотите пить: возьмите же это молоко и попейте его, пока я буду вам жарить мясо». И что до меня, то я взял чашку и, приблизив ее ко рту, вылил ее в яму и закричал: «Ах, пропал мой глаз, и я ослеп!» — и схватился рукой за глаз и стал плакать и кричать, а гуль смеялся и говорил: «Не бойся!» Что же касается двух моих товарищей, то они выпили молоко и ослепли.

И проклятый в тот же час и минуту поднялся и запер вход в пещеру и, приблизившись ко мне, пощупал мне ребра и увидел, что я тощий и на мне совсем нет мяса, и потом он ощупал другого и увидел, что он толстый, и обрадовался. И он зарезал трех баранов и ободрал их и, принеся железные вертела, насадил на них мясо баранов и положил его на огонь и изжарил, а потом он подал его моим товарищам, и они поели, и гуль поел вместе с ними.

А затем он принес бурдюк, полный вина, и выпил вино и повалился на землю и захрапел. И я сказал себе: «Он погрузился в сон, но как мне его убить?»

И я вспомнил о вертелах и, взяв два из них, положил их на огонь и подождал, пока они не стали, как уголья. А потом я затянул пояс и, поднявшись на ноги, взял в руки железные вертелы и, приблизившись к проклятому, приложил их ему к глазам и налег на них со всей силой. И вдруг гуль вскочил на ноги и хотел меня схватить, но был уже слеп, и я побежал от него внутрь пещеры, а он бежал за мной. И я сказал слепым, что были у гуля: «Что делать с этим проклятым?» И один из них сказал: «О Саид, поднимись и взберись к этому углублению. Ты найдешь там блестящий меч. Возьми его и подойди ко мне, и я скажу тебе, что делать». И я поднялся к углублению, и взял меч, и подошел к тому человеку, и он сказал мне: «Возьми крепче меч и ударь им гуля посредине, он тотчас же умрет». И я побежал за гулем, который устал бегать и подошел к слепым, чтобы их убить. И, приблизившись к нему, я ударил его мечом в самую середину, так что он развалился на две половины. И гуль закричал мне: «О человек, если ты захотел меня убить, ударь меня второй раз!» И я собирался ударить его вторым ударом, но человек, который указал мне на меч, молвил: «Не ударяй его второй раз: он тогда не умрет, а будет жить и погубит нас». И я исполнил приказание этого человека и не ударил гуля, и проклятый умер. И тогда тот человек сказал мне: «Открой пещеру, и давай выйдем из нее — может быть, Аллах нам поможет, и мы избавимся от пребывания в этом месте».— «Для нас не будет теперь больше угрозы,— сказал я.— Мы лучше отдохнем и зарежем часть этих овец и попьем вина».

И мы провели в этом месте два месяца и ели овец и плоды. И случилось, что в один из дней мы сидели на берегу моря и увидели большой корабль, который показался на море. И мы стали делать знаки тем, кто на нем ехал, и кричать им, но они побоялись гуля (а они знали, что на этом острове живет гуль, который ест людей) и хотели убежать. И мы стали махать им концами чалмы и подошли ближе и начали им кричать. И тогда один из путников, у которого было острое зрение, сказал: «О люди, я вижу, что эти существа — люди, как мы, и нет у них облика гулей». И путники поплыли в нашу сторону, мало-помалу, пока не приблизились к нам, и, убедившись, что

мы люди, они приветствовали нас, и мы возвратили им приветствие и обрадовали их вестью об убиении этого проклятого гуля, и они поблагодарили нас.

А потом мы запаслись на острове некоторыми плодами, которые там были, и сошли на корабль, и он плыл с нами, при хорошем ветре, в течение трех дней. А после этого поднялся против нас ветер, и стало очень темно, и не прошло и часа, как ветер повлек корабль к горе, и он разбился и доски его разлетелись. И предопределил мне Аллах великий уцепиться за одну из этих досок, и я сел на нее, и она плыла со мной два дня, и прилетел хороший ветер, и я сидел на этой доске, гребя ногами в течение некоторого времени, пока не привел меня Аллах великий благополучно к берегу.

И потом я вошел в этот город и был чужеземцем одиноким, покинутым и не знал, что делать, и голод мучил меня, и постигли меня величайшие тяготы. И я пришел на городской базар и спрятался и снял с себя этот кафтан, говоря в душе: «Продам его и буду сыт, пока не исполнит Аллах то, что он исполнит!» И потом, о брат мой, я взял кафтан в руки, и люди смотрели на него и набавляли цену, пока не пришел ты и не увидал меня и не приказал отвести меня во дворец, и слуги взяли меня и заточили. А потом ты вспомнил обо мне, после этого долгого срока, и призвал меня к себе, и я рассказал тебе о том, что со мной случилось, и слава Аллаху за нашу встречу!»

И когда Сейф аль-Мулук и Тадж аль-Мулук, отец Давлат-Хатун, услышали рассказ вазира Саида, они несказанно удивились, и Тадж аль-Мулук, отец Давлат-Хатун, приготовил прекрасное место для Сейф аль-Мулука и его брата Саида. И Давлат-Хатун стала приходить к Сейф аль-Мулуку и благодарить его и разговаривала с ним о его благодеяниях, и вазир Саид сказал ей: «О царевна, от тебя желательна помощь в достижении его цели». И Давлат-Хатун ответила: «Хорошо, я постараюсь для того, что он хочет, чтобы достичь желаемого, если захочет того Аллах великий». А потом она обратилась к Сейф аль-Мулуку и сказала ему: «Успокой свою душу и услади глаза!»

Вот что было с Сейф аль-Мулуком и его вазиром Саидом. Что же касается до царевны Бади аль-Джамаль, то до нее дошли вести о возвращении ее сестры Давлат-Хатун к отцу, в его царство, и она сказала: «Непременно следует ее посетить и приветствовать ее в роскошном уборе, дра-

гоценностях и одеждах». И она отправилась к ней, и, когда она приблизилась к царству отца царевны Давлат-Хатун, та встретила ее, и пожелала ей мира, и обняла ее, и поцеловала лоб, а царевна Бади аль-Джамаль поздравила Давлат-Хатун с благополучием.

А потом они сели и стали разговаривать, и Бади аль-Джамаль спросила Давлат-Хатун: «Что случилось с тобой на чужбине?» И Давлат-Хатун ответила: «О сестрица, не спрашивай, какие случились со мной дела! О, какие терпят люди бедствия!» — «А как так?» — спросила Бади аль-Джамаль, и Давлат-Хатун молвила: «О сестрица, я была в Высоком Дворце, и владел мною там сын Синего царя». И она рассказала ей остальную свою историю с начала до конца, а также историю Сейф аль-Мулука и поведала о том, что случилось с ним во дворце и какие он терпел бедствия и ужасы, пока не дошел до Высокого Дворца, и как он убил сына Синего царя и сорвал двери и построил из них корабль и сделал к нему весла и как он прибыл сюда. И Бади аль-Джамаль удивилась и воскликнула: «Клянусь Аллахом, о сестрица, это одно из самых диковинных чудес!» — «Я хочу рассказать тебе о причине всей этой истории, но меня удерживает от этого стыд»,— сказала потом Давлат-Хатун. И Бади аль-Джамаль молвила: «Чего же стыдиться? Ты ведь моя сестра и подруга, и между мной и тобой было многое, и я знаю, что ты желаешь для меня лишь добра. Почему же ты меня стыдишься? Расскажи мне то, что у тебя есть, не стыдись меня и не скрывай от меня ничего».

И тогда Давлат-Хатун сказала: «Он увидел твое изображение на кафтане, который твой отец послал Сулейману, сыну Дауда,— да будет мир с ними! — и Сулейман не развертывал его и не смотрел, что на нем есть. И он прямо послал его царю Асиму ибн Сафвану, царю Египта, в числе подарков и редкостей, которые он ему послал. А царь Асим отдал кафтан своему сыну Сейф аль-Мулуку, прежде чем его развернуть. И когда Сейф аль-Мулук взял его и развернул и хотел надеть, он увидел на нем твое изображение и влюбился в него и пошел тебя искать и испытал все эти беды из-за тебя». И Бади аль-Джамаль воскликнула (а ее лицо раскраснелось, и ей стало стыдно перед Давлат-Хатун): «Этого никогда не будет! Люди не подходят джиннам». Но тут Давлат-Хатун принялась описывать ей Сейф аль-Мулука, и красоту его лица, и поведение, и доблесть, и не переставая расхваливала его, и перечисляла его до-

стоинства, и наконец сказала: «О сестрица, ради Аллаха великого и ради меня, пойди поговори с ним и скажи ему хотя бы одно слово». Но Бади аль-Джамаль воскликнула: «Этих слов, которые ты говоришь, я не стану слушать и не послушаюсь тебя!» И было так, словно она ничего о нем не слышала, и в ее сердце не запало ничего из рассказов о любви Сейф аль-Мулука и красоте его лица, его поведении и доблести. А Давлат-Хатун стала ее умолять и целовать ей ноги, говоря: «О Бади аль-Джамаль, во имя молока, которым мы с тобой вскормлены, и во имя надписи, которая на перстне Сулеймана,— мир с ним! — выслушай от меня такие слова: ведь я обязалась перед ним в Высоком Дворце показать ему твое лицо; заклинаю тебя Аллахом, покажи ему себя один раз, ради меня, и ты тоже на него посмотришь». И она плакала и умоляла Бади аль-Джамаль, целуя ей руки и ноги, пока царевна не согласилась и не сказала: «Ради тебя я покажу ему мое лицо один раз».

И тогда сердце Давлат-Хатун успокоилось, и она поцеловала ей руки и ноги и, выйдя, пошла в самый большой дворец, который стоял в саду. И она велела невольницам устлать его коврами, и поставить в нем золотое ложе, и расставить рядами сосуды с вином, а потом Давлат-Хатун вошла к Сейф аль-Мулуку и его вазиру Саиду, которые сидели у себя, и обрадовала Сейф аль-Мулука вестью о достижении его цели и осуществлении желаемого. «Отправляйся в сад с твоим братом, и войдите во дворец и спрячьтесь от людских глаз, чтобы не увидел вас никто из находящихся во дворце, а я приду туда с Бади аль-Джамаль»,— сказала она. И Сейф аль-Мулук с Саидом поднялись и пошли в то место, которое указала им Давлат-Хатун, и, войдя туда, они увидели, что там поставлено золотое ложе и на нем лежат подушки и есть там кушанья и вино. И они просидели некоторое время, а потом Сейф аль-Мулук вспомнил свою возлюбленную, и его грудь стеснилась, и взволновалась в нем тоска и страсть. И он поднялся и пошел и вышел из дворцового прохода, и брат его Саид последовал за ним. Но Сейф аль-Мулук сказал ему: «О брат мой, сиди на месте и не следуй за мной, пока я к тебе не приду!» И Саид сел, а Сейф аль-Мулук спустился и вошел в сад, пьяный от вина страсти и смятенный крайней любовью и увлечением, и потрясла его любовь, и одолела его страсть, и он произнес такие стихи:

«О прекрасная! До других нет мне дела.
Ты одна душою моей завладела.

Ты влечешь меня, радостью соблазняя,
Чтобы ввек любовь моя не оскудела.

Знаешь ты, как я ночью рыдаю, плачу,
Пока в небе темном заря не зардела!

Прикажи сновиденью меня проведать,
Чтоб во сне душа на тебя поглядела.

Пощади ты раба безумного, сжалься!
Взором ты меня за живое задела.

Награждает Аллах за благодеянье:
Род людской — вот цена твоего удела!

Всех красавиц зови под свое ты знамя,
Чтобы рать восхищенных не поредела».

А потом Саид, заждавшись царевича, вышел из дворца, чтобы поискать его в саду, и увидел, что он ходит по саду в смятении.

И потом Сейф аль-Мулук и его брат Саид встретились и стали гулять в саду и есть плоды, и вот что было с Саидом и Сейф аль-Мулуком. Что же касается Давлат-Хатун, то когда она пришла с Бади аль-Джамаль во дворец, они вошли туда после того, как евнухи разубрали его всевозможными украшениями и сделали все, что приказала им Давлат-Хатун, и приготовили для Бади аль-Джамаль золотое ложе, чтобы ей сидеть на нем, и, увидев это ложе, Бади аль-Джамаль села на него. А рядом с нею было окно, выходившее в сад, и евнухи принесли всякие роскошные кушанья, и Бади аль-Джамаль с Давлат-Хатун начали есть и ели, пока та не насытилась. А затем она велела подать всякие сласти, и евнухи принесли их, и обе девушки поели их досыта и вымыли руки. А после этого Давлат-Хатун приготовила напитки и сосуды для вина и расставила кувшины и чаши, и стала Давлат-Хатун наполнять кубок и поить Бади аль-Джамаль, а потом она наполняла чашу и пила сама. И Бади аль-Джамаль посмотрела в окно, которое было рядом с нею и выходило в сад, и увидела, какие там плоды и деревья, и она бросила взгляд в сторону Сейф аль-Мулука и увидела его, когда он ходил по саду, а сзади него шел вазир Саид. И услыхала она, как Сейф аль-Мулук говорит стихи, рассыпая обильные слезы, и, когда она взглянула на него, этот взгляд оставил в ней тысячу вздохов, и обернулась к Давлат-Хатун (а вино заиграло в ее

крови) и сказала: «О сестрица, что это за юноша, которого я вижу в саду, и он в смятении, взволнован, грустен и печален?» — «Не позволишь ли ты ему прийти к нам, чтобы мы на него посмотрели?» — спросила Давлат-Хатун, и Бади аль-Джамаль молвила: «Если тебе возможно его привести, приведи его».

И Давлат-Хатун позвала Сейф аль-Мулука и сказала ему: «О царевич, поднимайся к нам и приходи с твоей красотой и прелестью». И Сейф аль-Мулук узнал голос Давлат-Хатун и поднялся во дворец, и, когда его взор упал на Бади аль-Джамаль, он распростерся, покрытый беспамятством. И Давлат-Хатун брызнула на него немного розовой воды, и он очнулся от беспамятства, и встал, и поцеловал землю перед Бади аль-Джамаль. И та оторопела при виде его красоты и прелести, а Давлат-Хатун сказала: «Знай, о царевна, что это Сейф аль-Мулук, через чьи руки, по приговору Аллаха великого, пришло мое спасение. Он тот, с кем случились из-за тебя все бедствия, и я хочу, чтобы ты хорошенько рассмотрела его». И Бади аль-Джамаль сказала, рассмеявшись: «А кто верен обетам, чтобы был им верен этот юноша? У людей ведь нет любви». И Сейф аль-Мулук воскликнул: «О царевна, отсутствия верности не будет у меня никогда, и не все творения Аллаха одинаковы». И потом он заплакал, и любовь и страсть овладели им, и он сказал Бади аль-Джамаль такие стихи:

«Когда бы к другим я стремился владыкам,
Я сгинул бы скоро в отчаянье диком;

Вся прелесть земная присвоена вами;
Не знаю, кто был бы прекраснее ликом.

Утехи другой не найти мне на свете,
За вас я умру в сокрушенье великом».

А окончив свои стихи, он горько заплакал, и Бади аль-Джамаль сказала ему: «О царевич, я боюсь, что, если я доверюсь тебе полностью, я не найду у тебя любви и дружбы. В людях нередко бывает добра мало, а вероломства много, и знай, что господин наш Сулейман, сын Дауда,— да будет мир с ними! — взял Билькис по любви, а когда увидел другую женщину, лучше нее, отвернулся от нее к той, другой».— «О мое око, о моя душа,— воскликнул Сейф аль-Мулук,— не создал Аллах всех людей одинаковыми, и я, если захочет Аллах, буду верен обету и умру под твоими ногами! Ты скоро увидишь, что я сде-

лаю, в согласии с тем, что я говорю, и Аллах за то, что я говорю, поручитель». И Бади аль-Джамаль сказала ему: «Садись и успокойся и поклянись мне достоинством твоей веры, и дадим обет, что мы не будем друг друга обманывать. Кто обманет своего друга, тому отомстит великий Аллах!»

И, услышав от нее эти слова, Сейф аль-Мулук сел, и каждый из них вложил руку в руку другого, и оба поклялись, что не изберут, кроме любимого, никого из людей или джиннов. И они просидели некоторое время, обнявшись и плача от сильной радости, и одолело Сейф аль-Мулука волнение.

А после того как Бади аль-Джамаль и Сейф аль-Мулук поклялись друг другу, Сейф аль-Мулук поднялся и пошел, и Бади аль-Джамаль тоже пошла, и с нею была невольница, которая несла кое-какую еду и кувшины, наполненные вином. И Бади аль-Джамаль села, и невольница поставила перед ней кушанье и вино, и они просидели не более минуты, и вдруг подошел Сейф аль-Мулук. И Бади аль-Джамаль встретила его приветствием, и они обнялись, и сели, и просидели некоторое время за едой и питьем. А потом Бади аль-Джамаль сказала: «О царевич, когда ты войдешь в сад Ирема, ты увидишь, что там поставлен большой шатер из красного атласа с зеленой шелковой подкладкой. Войди в этот шатер и укрепи свое сердце — ты увидишь старуху, которая сидит на ложе из червонного золота, украшенном жемчугом и драгоценностями. А когда войдешь, пожелай ей мира, чинно и пристойно, и посмотри в сторону ложа: ты увидишь под ним сандалии, затканные золотыми нитками и украшенные дорогими металлами. Возьми эти сандалии, поцелуй их и приложи к голове, а потом положи их под мышку правой руки и стой перед старухой молча, опустив голову. А когда она тебя спросит и скажет тебе: «Откуда ты пришел, как ты сюда добрался, кто указал тебе это место и для чего ты взял эти сандалии?» — молчи, пока не придет вот эта невольница. Она поговорит со старухой, и смягчит ее к тебе, и умилостивит ее словами, и, может быть, Аллах великий смягчит к тебе ее сердце, и она согласится на то, что ты хочешь».

И потом Бади аль-Джамаль позвала эту невольницу (а имя ее было Марджана) и сказала ей: «Во имя любви ко мне исполни это дело сегодня и не будь небрежна при исполнении его. Если ты исполнишь его в сегодняшний день, ты свободна, ради лика Аллаха великого, и будет тебе

уважение, и не найдется у меня никого тебя дороже, и я никому не открою своих тайн, кроме тебя». — «О госпожа моя и свет моего глаза, скажи мне, каково твое приказание, чтобы я его тебе исполнила с любовью и уважением!» — сказала Марджана. И Бади аль-Джамаль молвила: «Снеси этого человека на плечах и доставь его в сад Ирема, к моей бабке, матери моего отца. Доставь его к ее шатру и оберегай его, и когда вы войдете с ним в шатер, ты увидишь, что он возьмет сандалии и поклонится моей бабке, и та скажет ему: «Откуда ты, какой дорогой ты пришел, кто привел тебя к этому месту, для чего ты взял эти сандалии и что у тебя за нужда, может быть, я тебе ее исполню?» И тогда войди поскорее и пожелай моей бабке мира и скажи ей: «О госпожа, это я его сюда привела. Он сын царя Египта, и это он отправился в Высокий Дворец и убил сына Синего царя и освободил царевну Давлат-Хатун и доставил ее к отцу невредимой. Его послали со мной, и я доставила его к тебе, чтобы он все тебе рассказал и обрадовал тебя вестью об ее спасении и ты бы его наградила». А потом спроси ее: «Заклинаю тебя Аллахом, разве этот юноша не красив, о госпожа?» И она тебе скажет: «Да, красив», тогда скажи ей: «О госпожа, он совершенен по чести, благородству и доблести, он правитель Египта и его царь и собрал в себе все похвальные качества». И когда она тебя спросит: «Какова же его нужда?» — скажи ей: «Моя госпожа тебя приветствует и спрашивает тебя: «Доколе будет она сидеть в доме незамужняя, без мужа? Время затянулось над нею, и чего вы хотите, не выдавая ее замуж? Почему бы тебе не выдать ее, пока жива ты и жива ее мать, как делают с другими девушками?» И когда она тебе скажет: «Как же нам сделать, чтобы выдать ее замуж? Если бы она кого-нибудь знала или кто-нибудь запал бы ей в сердце, она бы рассказала нам, и мы бы трудились для нее в том, что она хочет, до пределов возможного», — скажи ей: «О госпожа, твоя дочь говорит тебе: «Вы хотели выдать меня замуж за Сулеймана, — мир с ним! — и нарисовали ему мой образ на кафтане, но не было ему во мне доли, и он послал кафтан царю Египта, а тот отдал его своему сыну, и царевич увидал мой образ, на нем нарисованный, и полюбил меня и оставил царство своего отца и своей матери и отвернулся от земной жизни с тем, что в ней есть, и пошел наобум блуждать по свету и испытал из-за меня величайшие беды и ужасы».

И невольница подошла к Сейф аль-Мулуку и сказала ему: «Зажмурь глаза!» И когда он сделал это, она взяла его и полетела с ним по воздуху, а через некоторое время сказала: «О царевич, открой глаза!» И Сейф аль-Мулук открыл глаза и увидел сад (а это был сад Ирема), а невольница Марджана сказала ему: «Войди, о Сейф аль-Мулук, в этот шатер». И помянул Сейф аль-Мулук Аллаха и вошел и напряг зрение, всматриваясь в сад, и увидел он, что старуха сидит на ложе и ей прислуживают невольницы. И он подошел к старухе, чинно и пристойно, и, взяв сандалии, поцеловал их и сделал то, что говорила ему Бади аль-Джамаль. И тогда старуха спросила его: «Кто ты, откуда ты пришел, из какой ты страны, кто привел тебя в это место и почему ты взял сандалии и поцеловал их? Когда ты мне говорил о какой-нибудь нужде и я ее тебе не исполнила?»

И тут вошла невольница Марджана и приветствовала старуху, чинно и пристойно, и произнесла слова Бади аль-Джамаль, которые та ей сказала. И, услышав эти слова, старуха закричала на нее, и рассердилась, и воскликнула: «Откуда будет между людьми и джиннами согласие?» И Сейф аль-Мулук сказал: «Я буду жить с нею в согласии и стану ее слугой и умру в любви к ней и буду соблюдать обет и не стану смотреть на другую, и ты увидишь мою правдивость и отсутствие лжи и мое прекрасное благородство, если захочет великий Аллах».

И старуха подумала некоторое время, опустив голову, а затем она подняла голову и сказала: «О прекрасный юноша, будешь ли ты соблюдать обет и клятву?» И Сейф аль-Мулук ответил: «Да, клянусь тем, кто вознес небеса и простер землю над водою, я буду соблюдать обет». И тогда старуха молвила: «Я исполню твою просьбу, если захочет Аллах великий. Но ступай сейчас же в сад, погуляй там и поешь плодов, которым нет равных и не существует на свете им подобных, а я пошлю за моим сыном. И когда он придет, поговорю с ним, и не будет ничего, кроме блага, если захочет великий Аллах, так как он не станет мне прекословить и не выйдет из-под моей власти, и я женю тебя на его дочери Бади аль-Джамаль. Успокой же твою душу — царевна будет тебе женой, о Сейф аль-Мулук».

И, услышав от нее эти слова, Сейф аль-Мулук поблагодарил ее и поцеловал ей руки и ноги и вышел от нее, направляясь в сад. А что касается старухи, то она обрати-

лась к той невольнице и сказала ей: «Выйди поищи моего сына Шаммаха и посмотри, в каком он краю и месте, и приведи его ко мне». И невольница пошла, и стала искать царя Шаммаха, и встретилась с ним, и привела его к его матери.

Вот что было с нею. Что же касается Сейф аль-Мулука, то он стал гулять по саду, и вдруг пять джиннов (а они были из приближенных Синего царя) увидели его и сказали: «Откуда этот юноша и кто привел его в это место? Может быть, это он убил сына Синего царя». И потом они сказали друг другу: «Мы устроим с ним хитрость и спросим его и все у него выспросим». И они стали подходить понемногу, и подошли к Сейф аль-Мулуку на краю сада, и сели подле него, и сказали: «О прекрасный юноша, ты не оплошал, убивая сына Синего царя и освободив Давлат-Хатун,— это был вероломный пес, и он схитрил с нею, и если бы Аллах не послал тебя к ней, она бы никогда не освободилась. Но как ты его убил?» И Сейф аль-Мулук посмотрел на них и сказал: «Я убил его этим перстнем, который у меня на пальце».

И тогда джинны уверились, что это он убил сына их царя, и двое схватили Сейф аль-Мулука за руки и двое за ноги, а последний зажал ему рот, чтобы он не закричал и его бы не услышали люди царя Шаммаха и не спасли бы его из их рук. И потом они понесли его и полетели с ним и летели не переставая, пока не спустились подле их царя. И они поставили Сейф аль-Мулука перед царем и сказали: «О царь времени, мы принесли тебе убийцу твоего сына».— «А где он?» — спросил царь, и джинны ответили: «Вот!» И Синий царь сказал: «Ты ли убил моего сына, последний вздох моего сердца и свет моего взора, без права на это и без греха, который он с тобой совершил?» — «Да,— ответил Сейф аль-Мулук,— я убил его, но сделал это за его притеснения и враждебность, так как он хватал царских детей, и уносил их к Заброшенному Колодцу, в Высокий Дворец, и разлучал их с родными, и развратничал с ними. Я убил его этим перстнем, который у меня на пальце, и поспешил Аллах отправить его дух в огонь (а скверное это обиталище!)».

И уверился Синий царь, что это и есть без сомнения убийца его сына, и тогда он позвал своего вазира и сказал ему: «Вот убийца моего сына, наверное и без сомнения; что же ты мне посоветуешь с ним сделать? Убить ли мне его самым скверным убиением, или пытать его тягчайшим

мучением, или что мне еще сделать?» И великий вазир сказал: «Отрежь ему какой-нибудь член»; а другой сказал: «Бей его каждый день сильным боем»; а третий сказал: «Отрежьте ему все пальцы и сожгите их огнем»; а пятый сказал: «Распните его»; и каждый стал говорить соответственно своему мнению.

А у Синего царя был старый вазир, обладавший опытностью в делах и знанием обстоятельств тогдашних времен, и он молвил: «О царь времени, я скажу тебе слово, а ты решишь, слушать ли то, что я тебе посоветую». А этот вазир был советником его царства и главой его правления, и царь слушал его слова и поступал согласно его мнению и не прекословил ему ни в чем. И вазир поднялся на ноги и поцеловал землю перед ним и сказал: «О царь времени, если я дам тебе совет в этом деле, последуешь ли ты ему и дашь ли ты мне пощаду?» — «Высказывай твой совет, и тебе будет пощада»,— ответил царь. И вазир сказал: «О царь времени, если ты убьешь этого человека и не примешь моего совета и не уразумеешь моих слов, убиение его в это время будет неправильно. Он в твоих руках, под твоей охраной и твой пленник, и когда ты его потребуешь, ты найдешь его и сделаешь с ним что захочешь. Потерпи же, о царь времени, этот человек вошел в сад Ирема и женился на Бади аль-Джамаль, дочери царя Шаммаха, и стал одним из них. А твои приближенные схватили его и привели к тебе, и он не скрывал своих обстоятельств ни от них, ни от тебя. И если ты его убьешь, царь Шаммах будет искать за него мести и станет враждовать с тобой и придет к тебе с войском из-за своей дочери, а у тебя нет силы против его войска, и тебе с ним не справиться».

И царь послушался в этом вазира и велел заточить царевича, и вот что случилось с Сейф аль-Мулуком. Что же касается госпожи, бабки Бади аль-Джамаль, то, встретившись со своим сыном, она послала невольницу искать Сейф аль-Мулука. И та не нашла его, и вернулась к своей госпоже, и сказала: «Я не нашла его в саду и послала за работниками в сад и спросила их про Сейф аль-Мулука, и они сказали: «Мы видели, как он сидел под деревом, и вдруг пятеро джиннов Синего царя сели подле него и стали с ним разговаривать, а потом они подняли его, и заткнули ему рот, и полетели с ним, и исчезли». И когда госпожа, бабка Бади аль-Джамаль, услышала от невольницы эти слова, они не показались ей ничтожными, и она разгневалась великим гневом, и поднялась на ноги, и ска-

зала своему сыну, царю Шаммаху: «Как это — ты царь, а люди Синего царя приходят к нам в сад, хватают нашего гостя и уносят его невредимые, а ты жив».

И она стала подстрекать его, говоря: «Не подобает, чтобы кто-нибудь преступал против нас меру, когда ты жив». И царь молвил: «О матушка, этот человек убил сына Синего царя (а он джинн), и Аллах бросил его в руки его отца. Как же я пойду к нему и стану с ним враждовать из-за этого человека?» — «Пойди к нему и потребуй от него нашего гостя, и если он в живых и Синий царь отдаст его тебе, бери его и приходи,— сказала госпожа.— А если он его убил, захвати Синего царя живым, вместе с его детьми и женами и всеми, кто ищет у него убежища из его приближенных, и приведи их ко мне живыми, чтобы я их зарезала своей рукой и разорила бы его земли. А если ты этого не сделаешь, я не сочту, что ты отплатил мне за мое молоко, и что я согрешила, вырастив тебя».

И царь поднялся и приказал своим войскам выступать и отправился к Синему царю из уважения к своей матери, чтобы сделать угодное ее душе и ради ее любимых и из-за того, что было предопределено в вечности. И Шаммах пошел со своим войском, и они шли не останавливаясь, пока не пришли к Синему царю, и оба войска встретились и начали сражаться, и был разбит Синий царь со своим войском, и схватили его детей, и больших и малых, и вельмож его правления, и знатных людей, и связали их и привели к царю Шаммаху. И тот сказал: «О Синий, где Сейф аль-Мулук, этот человек — мой гость?» И Синий царь ответил: «О Шаммах, ты джинн, и я джинн, и неужели ради человека, который убил моего сына, ты делаешь такие дела? Он убил моего сына, последний вздох моего сердца и отраду моей души, и как ты совершил все эти поступки и пролил кровь стольких-то и стольких-то тысяч джиннов?» — «Оставь эти речи,— сказал ему царь Шаммах.— Если он жив, приведи его, и я отпущу тебя и отпущу всех, кого я захватил из твоих детей, а если ты его убил, я тебя зарежу вместе с твоими детьми». — «О царь, разве он тебе дороже моего сына?» — спросил Синий царь. И царь Шаммах воскликнул: «Твой сын был притеснитель, так как он похищал детей людей и царских дочерей и сажал их в Высокий Дворец у Заброшенного Колодца и развратничал с ними». — «Он у меня, но помири нас с ним»,— сказал Синий царь.

И царь Шаммах помирил их и наградил и написал между Синим царем и Сейф аль-Мулуком свидетельство относительно убиения его сына, и царь Шаммах принял юношу. И он угостил людей Синего царя хорошим угощением, и Синий царь провел у него со своими воинами три дня. А потом Шаммах взял Сейф аль-Мулука и привел его к своей матери, и та сильно ему обрадовалась, а царь дивился красоте Сейф аль-Мулука и его прелести и совершенству. И Сейф аль-Мулук рассказал ему свою историю, с начала до конца, и рассказал о том, что у него произошло с Бади аль-Джамаль, и потом царь Шаммах сказал: «О матушка, раз ты на это согласна — вниманье и повиновенье во всяком деле, которое угодно тебе! Возьми его, отправляйся с ним в Серендиб и устрой там торжество великое — это красивый юноша, и он испытал ужасы из-за моей дочери».

И бабка Бади аль-Джамаль выехала со своими невольницами, и они достигли Серендиба и вошли в сад, принадлежащий матери Давлат-Хатун, и Бади аль-Джамаль увидела Сейф аль-Мулука после того, как они отправились в шатер и встретились. И старуха рассказала им о том, что у него случилось с Синим царем и как он приблизился к смерти в тюрьме Синего царя,— а в повторении нет пользы.

И потом царь Тадж аль-Мулук, отец Давлат-Хатун, собрал вельмож своего царства и заключил договор Бади аль-Джамаль с Сейф аль-Мулуком и стал награждать роскошными одеждами и поставил людям кушанья. И тут Сейф аль-Мулук поднялся и поцеловал землю перед Тадж аль-Мулуком и сказал: «О царь, прощенье! Я попрошу тебя об одном деле и боюсь, что ты воротишь мне мою просьбу».— «Клянусь Аллахом,— ответил Тадж аль-Мулук,— если бы ты потребовал моей души, я не отказал бы тебе ради того добра, которое ты сделал».— «Я хочу,— сказал Сейф аль-Мулук,— чтобы ты выдал царевну Давлат-Хатун за моего брата Саида, и мы все стали бы твоими слугами». И Тадж аль-Мулук отвечал: «Слушаю и повинуюсь!» — а затем вторично собрал вельмож царства и заключил договор своей дочери Давлат-Хатун с Саидом, и судьи написали запись брака.

А когда кончили писать запись, рассыпали золото и серебро, и царь велел украшать город, а потом устроили свадьбу. И Сейф аль-Мулук вошел к Бади аль-Джамаль, и Саид вошел к Давлат-Хатун в одну и ту же ночь. И Сейф

аль-Мулук оставался наедине с Бади аль-Джамаль сорок дней, и в какой-то день она сказала ему: «О царевич, осталась ли у тебя в сердце печаль о чем-нибудь?» — «Аллах спаси! — воскликнул Сейф аль-Мулук.— Я исполнил мою мечту, и не осталось у меня в сердце никакой печали, но я хочу встретиться с моим отцом и с моей матерью в земле Египта и посмотреть, остались ли они здоровыми или нет».

И Бади аль-Джамаль приказала нескольким своим слугам доставить его с Саидом в землю Египта, и Сейф аль-Мулук встретился со своим отцом и с матерью, и Саид тоже, и они провели с ними неделю. А потом каждый из них простился с отцом и с матерью, и они отправились в город Серендиб. И всякий раз, как их охватывала тоска по родным, они ездили к ним и возвращались. И Сейф аль-Мулук жил с Бади аль-Джамаль наилучшей и приятнейшей жизнью, и Саид с Давлат-Хатун так же, пока не пришла к ним смерть — Разрушительница наслаждений и Разлучительница собраний.

Да будет же слава живому, который не умирает, он сотворил тварей и определил им смерть, он первый без начала и последний без конца! Вот конец того, что дошло до нас из рассказа о Сейф аль-Мулуке и Бади аль-Джамаль, а Аллах лучше знает правду и истину.

СКАЗКА О РЫБАКЕ ХАЛИФЕ

Рассказывают также, что был в древние времена и минувшие века и годы в городе Багдаде рыбак, по имени Халифа, и был это человек бедный, который никогда еще в жизни не женился. И случилось в один день, что он взял сеть и отправился с нею, по обычаю, к реке, чтобы половить раньше рыбаков. И, придя к реке, он подпоясался, подоткнул платье и подошел к реке и, развернув свою сеть, закинул ее первый раз и второй раз, но в ней ничего не поднялось. И он закидывал ее до тех пор, пока не закинул десять раз, и не поднялось в ней совсем ничего. И загрустил рыбак, и смутился, и он воскликнул: «Прошу прощения у Аллаха великого, кроме

которого нет бога, живого, самосущего, и возвращаюсь к нему! Нет мощи и силы, кроме как у Аллаха, высокого, великого! Чего хочет Аллах, то бывает, а чего не хочет он, то не бывает! Надел — от Аллаха, велик он и славен! И когда дает Аллах рабу, не отказывает ему никто, а когда отказывает Аллах рабу, не дает ему никто!» И потом, от охватившего его великого огорчения, он произнес такие стихи:

«Когда угрожает рок, расправь перед ним ты грудь
И помни: к счастью ведет пустынный тернистый путь.

С тобой властелин миров, безмерна щедрость его;
Однажды утешит он тебя в беде, не забудь!»

И он посидел немного, размышляя о своем деле, и склонил голову к земле, а потом произнес такие стихи:

«Твоя душа да будет терпелива;
Ты знаешь, воля божья справедлива.

Приходится терзаться и томиться,
Когда печаль — подобие нарыва,

Но, вскрыв нарыв, о нем не вспоминаешь:
Душа в забвенье слишком тороплива».

И потом он сказал себе: «Брошу еще этот раз и положусь на Аллаха. Может быть, он не обманет моей надежды». И он подошел и бросил сеть в реку, размахнувшись на длину руки, и свернул веревки и подождал некоторое время, а потом он потянул сеть и нашел ее тяжелой. И, почувствовав, что сеть тяжелая, рыбак стал действовать с нею осторожно и тянул ее до тех пор, пока она не вышла на сушу. И вдруг в ней оказалась обезьяна, одноглазая и хромая! И, увидав ее, Халифа воскликнул: «Нет мощи и силы, кроме как у Аллаха! Поистине, мы принадлежим Аллаху и к нему возвращаемся! Что это за скверное счастье и зловещее предзнаменование! Что случилось со мной в этот благословенный день! Но все это — по предопределению великого Аллаха!»

И потом он взял обезьяну и привязал ее на веревку и, подойдя к дереву, высившемуся на берегу реки, привязал к нему обезьяну. А с рыбаком был бич, и он взял его в руку, и поднял в воздухе, и хотел опустить его на обезьяну, но Аллах заставил эту обезьяну говорить человеческим языком, и она сказала: «О Халифа, удержи твою

руку и не бей меня. Оставь меня привязанной к этому дереву, ступай к реке и закинь твою сеть, полагаясь на Аллаха,— он принесет тебе твой надел».

И, услышав слова обезьяны, Халифа взял сеть, подошел к реке и закинул ее, отпустив веревки, а потом он потянул сеть и нашел, что она тяжелей, чем в первый раз. И он до тех пор бился над сетью, пока она не вышла на берег, и вдруг в ней оказалась другая обезьяна с редкими зубами, насурьмленными глазами и накрашенными руками, и эта обезьяна смеялась, а вокруг пояса у нее была рваная тряпка. И Халифа воскликнул: «Хвала Аллаху, который заменил рыб в реке обезьянами!» А затем он подошел к той обезьяне, что была привязана к дереву, и сказал ей: «Посмотри, о злосчастная, как скверно то, что ты мне посоветовала! Никто не натолкнул меня на вторую обезьяну, кроме тебя, и когда ты пожелала мне доброго утра, с твоей хромотой и одноглазостью, я стал побежден и утомлен и не владел ни дирхемом, ни динаром!»

И он взял в руки дубинку, и покрутив ею в воздухе три раза, хотел опустить ее на обезьяну, и та воззвала к Аллаху о помощи и сказала рыбаку: «Прошу тебя, ради Аллаха, прости меня ради этого моего товарища и проси у него то, что тебе нужно: он приведет тебя к тому, что ты желаешь». И Халифа бросил дубинку и простил обезьяну, а потом он подошел ко второй обезьяне и остановился подле нее, и обезьяна сказала: «О Халифа, тебе не будет от этих слов никакого проку, если ты не выслушаешь того, что я тебе скажу, а если ты меня выслушаешь и послушаешься меня и не станешь мне перечить, я буду причиной твоего богатства».— «Что ты мне скажешь, чтобы мне тебя послушаться?» — спросил Халифа. И обезьяна сказала: «Оставь меня здесь привязанной, пойди к реке и закинь твою сеть, а я тебе скажу, что тебе после этого делать».

И Халифа взял сеть и пошел к реке и закинул сеть и подождал над нею немножко, а потом он потянул сеть и нашел ее тяжелой. И он бился над сетью, пока не поднял ее на сушу, и вдруг в ней оказалась еще одна обезьяна, но только эта обезьяна была красная, и вокруг пояса у нее была синяя тряпка, и у нее были накрашены руки и ноги и насурьмлены глаза. И, увидав ее, Халифа воскликнул: «Слава Аллаху великому, слава властителю власти! Поистине, сегодняшний день благословен с начала до конца, ибо звезда его принесла счастье в лице первой обезьяны, а содержание страницы видно по заглавию. Сегодняшний

день — день обезьян, и не осталось в реке ни одной рыбы, и мы вышли сегодня лишь для того, чтобы ловить обезьян. Хвала Аллаху, который заменил рыб обезьянами!»

И потом он обратился к третьей обезьяне и спросил ее: «А ты что еще такое, о злосчастная?» И обезьяна сказала ему: «Разве ты не знаешь меня, о Халифа?» — «Нет»,— отвечал Халифа. И обезьяна сказала: «Я обезьяна Абу-с-Саадата, еврея-менялы».— «А что ты делаешь?» — спросил Халифа. И обезьяна ответила: «Я желаю ему доброго утра в начале дня, и он наживает пять динаров, и желаю ему доброго вечера в конце дня, и он наживает пять динаров». И Халифа обратился к первой обезьяне и сказал ей: «Посмотри, о злосчастная, какие у людей хорошие обезьяны! А ты? Ты желаешь мне доброго утра своей хромотой и одноглазостью и зловещим видом, и я стану бедным, разоренным и голодным».

И он взял дубинку и покрутил ею в воздухе три раза и хотел опустить ее на обезьяну, но обезьяна Абу-с-Саадата сказала ему: «Оставь ее, о Халифа, убери твою руку и подойди ко мне, а я тебе скажу, что тебе делать». И Халифа кинул дубинку и, подойдя к обезьяне, спросил ее: «Что ты мне скажешь, о госпожа всех обезьян?» И обезьяна сказала: «Возьми сеть и закинь ее в реку и оставь меня с этими обезьянами сидеть с тобой, и что бы для тебя в ней ни поднялось, подай это и подойди ко мне, и я расскажу тебе что-то, что тебя обрадует». Халифа ответил: «Слушаю и повинуюсь!»

А потом он взял сеть, свернул ее и положил на плечо и произнес такие стихи:

«Когда сжимается грудь, взываю к правому богу,
Который может смягчить и тяготу и тревогу;

Еще не знаю, куда мне робкий взор мой направить,
А я свободен опять и ясно вижу дорогу.

Вверяй же Аллаху все, чем в жизни ты озабочен;
И смело его зови в превратностях на подмогу».

А окончив свои стихи, Халифа подошел к реке и закинул в нее сеть и подождал, а затем он потянул ее, и вдруг оказалось, что в ней рыба-окунь, большеголовая и с хвостом, точно поварешка, а глаза у нее были как два динара. И, увидев эту рыбу, Халифа обрадовался, так как он ни разу в жизни не ловил подобной, и взял ее, дивясь на нее, и принес ее к обезьяне Абу-с-Саадата, еврея, и обра-

довался, как будто овладел целым светом. И обезьяна еврея спросила его: «Что ты будешь с ней делать, о Халифа, и как ты поступишь с твоей обезьяной?» И Халифа молвил: «Я расскажу тебе, о госпожа всех обезьян, что я сделаю. Знай, что прежде всего я придумаю, как погубить эту проклятую, мою обезьяну, и возьму тебя вместо нее и буду тебя каждый день кормить чем пожелаешь».— «Раз ты избрал меня,— сказала обезьяна,— я скажу тебе, как сделать, и будет в этом благо твоего состояния, если захочет великий Аллах. Слушай же, что я тебе скажу. Приготовь и для меня тоже веревку, и привяжи меня к дереву, и оставь меня, а сам выйди на середину отмели и закинь твою сеть в реку Тигр. А когда закинешь ее, подожди немного и вытяни ее: ты найдешь в ней рыбу, прекраснее которой не видал за всю твою жизнь. Принеси ее и подойди ко мне, а я скажу тебе, что делать потом».

И Халифа поднялся в тот же час и минуту, и закинул сеть в реку Тигр, и вытянул ее, и увидел в ней рыбу белугу величиной с барашка, подобной которой он не видал за всю жизнь, и она была больше первой рыбы. И Халифа взял ее и пошел к обезьяне, и обезьяна сказала ему: «Принеси немного зеленой травы, и положи половину ее в корзину, и положи рыбу на траву, и прикрой ее другой половиной. Оставь нас привязанными, поставь корзину на плечо и пойди с нею в город Багдад и никому, кто с тобой заговорит или тебя спросит, не давай ответа, пока не придешь на базар менял. Ты найдешь в глубине базара лавку моего хозяина, Абу-с-Саадата, еврея, шейха менял, и увидишь, что он сидит на кресле, с подушкой за спиной, и перед ним стоят два сундука, один для золота, другой для серебра, и возле него — невольники, рабы и слуги. Подойди к нему, и поставь перед ним корзинку, и скажи ему: «О Абу-с-Саадат, я сегодня вышел на ловлю и закинул сеть на твое имя, и послал Аллах великий эту рыбу». И он тебе скажет: «Показывал ли ты ее другому?» А ты скажи: «Нет, клянусь Аллахом!» И он возьмет у тебя рыбу и даст тебе динар, а ты верни его ему, и он даст тебе два динара, и всякий раз, как он тебе что-нибудь даст, возвращай это, и даже если бы он дал тебе вес рыбы золотом, не бери у него ничего. И он скажет тебе: «Скажи мне, что ты хочешь?» И ты скажи: «Клянусь Аллахом, я продам ее только за два слова». И когда он тебя спросит: «А что это за два слова?» — скажи ему: «Встань на ноги и скажи: «Засвидетельствуйте, о те, кто есть на рынке, что я променял

обезьяну Халифы-рыбака на мою обезьяну и обменял его долю на мою долю и его счастье на мое счастье». И вот плата за рыбу, и не нужно мне золота». И когда он это сделает, я стану каждый день желать тебе доброго утра и доброго вечера, и ты будешь каждый день наживать десять динаров золотом. А Абу-с-Саадату, еврею, будет желать доброго утра его обезьяна, эта кривая, хромая, и Аллах каждый день будет испытывать его штрафом, который он станет платить. И это будет так, пока он не обеднеет и не окажется совсем без ничего. Послушайся же того, что я тебе говорю: будешь счастлив и пойдешь прямым путем!»

И когда Халифа-рыбак услышал слова обезьяны, он сказал: «Я принимаю то, что ты мне посоветовала, о госпожа всех обезьян, а что касается этих злосчастных, да не благословит их Аллах, я не знаю, что мне с ними делать».— «Отпусти их в воду и отпусти меня тоже»,— сказала обезьяна. И Халифа отвечал: «Слушаю и повинуюсь!» И он подошел к обезьянам и развязал их и оставил, и они спустились в море, а Халифа подошел к рыбе, взял ее и вымыл и положил под нее в корзину зеленой травы и прикрыл ее тоже травою, и понес ее на плече, напевая такую песенку:

«Вверься праведному богу и не бойся ты преград;
Избегая злодеяний, избегаешь ты утрат.

Если будешь ты браниться. поругают и тебя;
С виноватыми якшаясь, будешь сам ты виноват».

Когда Халифа-рыбак кончил петь, он дошел до города Багдада. И когда он вошел, люди узнали его и стали ему кричать, говоря: «Что с тобой, о Халифа?» Но Халифа не обращал ни на кого внимания, пока не пришел на базар менял. И он прошел мимо лавок, как наказывала ему обезьяна, и заметил того еврея и увидел, что он сидит в лавке, а слуги прислуживают ему, и он — точно царь из царей Хорасана. И, увидав еврея, Халифа узнал его и подошел и остановился перед ним, и еврей поднял к нему голову и узнал его и сказал: «Привет тебе, о Халифа, какое у тебя дело и чего ты хочешь? Если кто-нибудь с тобой заговорил или поспорил, скажи мне. Я пойду с тобой к вали, и он возьмет для тебя с него должное!» — «Нет, клянусь жизнью твоей головы, о начальник евреев,— ответил Халифа.— Со мной никто не заговаривал, но я вы-

шел сегодня из дому, на твое счастье, и пошел к реке и закинул сеть в Тигр, и поймалась вот эта рыба».

И он открыл корзину и бросил рыбу перед евреем, и, когда еврей увидал ее, он нашел ее прекрасной и воскликнул: «Клянусь Торой и десятью заповедями, я вчера спал и видел во сне, что я стою перед Девой и она говорит мне: «Знай, о Абу-с-Саадат, что я послала тебе хороший подарок». Наверное, подарок — эта рыба, без сомнения!» И затем он обернулся к Халифе и спросил его: «Заклинаю тебя твоей верой: видел ли ее кто-нибудь, кроме меня?» И Халифа ответил: «Нет, клянусь Аллахом! Клянусь Абу Бекром Правдивым, о начальник евреев, ее не видел никто, кроме тебя». И еврей обернулся к одному из своих слуг и сказал ему: «Пойди сюда, возьми эту рыбу и ступай с нею домой, и пусть Суада ее приготовит и поджарит к тому времени, как я кончу работу и приду». И Халифа тоже сказал ему: «Ступай, мальчик, и пусть жена хозяина приготовит и поджарит ее». И слуга отвечал: «Слушаю и повинуюсь, о господин!» И затем он взял рыбу и пошел с ней домой.

А что касается еврея, то он протянул руку с динаром и дал его Халифе-рыбаку, говоря: «Возьми зто себе, о Халифа, и трать на твою семью». И когда Халифа увидал динар у себя в руке, он воскликнул: «Слава властителю власти!», точно он никогда в жизни не видал ни кусочка золота, и взял динар и прошел немного. Но потом он вспомнил наставление обезьяны, и вернулся, и бросил еврею динар, и воскликнул: «Возьми твое золото и отдай людям их рыбу! Разве люди для тебя посмешище?» И еврей, услышав его слова, подумал, что он с ним шутит, и дал ему два динара сверх первого динара, но Халифа сказал: «Подавай рыбу, без шуток! Разве ты не знаешь, какую я беру цену за эту рыбу?» И еврей протянул еще два динара и сказал Халифе: «Возьми эти пять динаров в уплату за рыбу и брось жадничать!» И Халифа взял деньги и ушел с ними, радуясь, и он смотрел на золото, дивясь на него и говоря: «Слава Аллаху! Нет у халифа Багдада того, что есть у меня в сегодняшний день!»

И он шел до тех пор, пока не пришел к воротам базара, и тогда он вспомнил слова обезьяны и наставление, которое она ему дала, и вернулся к еврею, и бросил ему золото. «Что с тобой, о Халифа, что тебе нужно? Ты хочешь взять свои динары дирхемами?» — спросил его еврей. И Халифа сказал: «Я не хочу ни дирхемов, ни динаров, я хочу толь-

ко, чтобы ты отдал мне чужую рыбу». И еврей рассердился, и закричал на Халифу, и сказал: «О рыбак, ты приносишь мне рыбу, не стоящую и динара, а я тебе даю за нее пять динаров, а ты недоволен! Бесноватый ты, что ли? Скажи мне, за сколько ты ее продаешь?» — «Я не продам ее ни за серебро, ни за золото, я продам ее только за два слова, которые ты мне скажешь»,— ответил Халифа. И когда еврей услышал эти слова, глаза его закатились, у него захватило дыхание, и он заскрежетал зубами и крикнул: «О отродье мусульман, разве ты хочешь, чтобы я расстался с моей верой ради твоей рыбы и желаешь испортить мою религию и исповедание, в котором я нашел, прежде меня, моих отцов?»

И он кликнул своих слуг и, когда те появились перед ним, сказал им: «Горе вам, вот перед вами этот злосчастный — надавайте ему затрещин и умножьте его муки побоями!» И слуги набросились на Халифу с побоями и били его до тех пор, пока он не упал возле лавки. И тогда еврей сказал им: «Отпустите его, чтобы он встал». И Халифа вскочил на ноги, словно с ним ничего не было, и еврей сказал ему: «Говори, что ты хочешь в уплату за эту рыбу, и я тебе дам. Но ты не получил от нас сейчас ничего хорошего».— «Не бойся за меня, для меня эти побои что ослу»,— сказал Халифа. И еврей рассмеялся его словам и воскликнул: «Заклинаю тебя Аллахом, скажи мне, что ты хочешь, и клянусь моей верой — я дам это тебе».— «Не удовлетворит меня, как плата от тебя за эту рыбу, ничто, кроме двух слов»,— ответил Халифа. И еврей сказал: «Я полагаю, ты хочешь, чтобы я принял ислам?» — «Клянусь Аллахом, о еврей,— ответил Халифа,— если ты станешь мусульманином, твой ислам не поможет мусульманам и не повредит евреям, а если ты останешься нечестивым, твое нечестие не повредит мусульманам и не поможет евреям. Но вот чего я от тебя требую: встань на ноги и скажи: «Засвидетельствуйте, о люди на рынке, что я променял обезьяну Халифы-рыбака на мою обезьяну и мою долю в жизни на его долю и мое счастье на его счастье».— «Если это и есть твое желание, то оно для меня легко»,— сказал еврей. И он поднялся в тот же час и минуту и встал на ноги и сказал так, как сказал Халифа-рыбак, а потом он обернулся к нему и спросил: «Осталось ли тебе с меня еще что-нибудь?» — «Нет»,— отвечал Халифа. И еврей сказал: «С миром!»

И Халифа в тот же час и минуту поднялся, взял свою корзину и сеть и пошел к реке Тигр. И он закинул сеть и потянул ее и нашел ее тяжелой и вытянул ее только после стараний. И, вытянув сеть, он увидел, что она наполнена рыбой всех сортов. И подошла к нему женщина с блюдом и дала ему динар, а Халифа дал ей на него рыбы, и подошел к нему другой слуга и взял у него на динар, и так продолжалось, пока он не продал рыбы на десять динаров, и каждый день он продавал на десять динаров, до конца десяти дней, так что набрал сто динаров золотом.

А у этого рыбака был дом по соседству с домом купцов. И в одну из ночей рыбак лежал у себя в доме и сказал себе: «О Халифа, все люди знают, что ты бедный человек, рыбак, а теперь у тебя оказалось сто золотых динаров. Непременно услышит твою историю повелитель правоверных халиф Харун ар-Рашид от кого-нибудь из людей, и, может быть, ему понадобятся деньги, и он пошлет за тобой и скажет: «Мне нужно некоторое количество денег. И дошло до меня, что у тебя есть сто динаров, одолжи их мне». И я скажу ему: «О повелитель правоверных, я человек бедный, и тот, кто тебе рассказал, что у меня есть сто динаров, налгал на меня. Ни со мной, ни у меня ничего такого нет». И халиф передаст меня вали и скажет ему: «Обнажи его, и мучай его побоями, и заставь его сознаться: может быть, он признается, что у него есть золото в сундуке». Вот правильное решение, которое освободит меня из этой ловушки: я сейчас встану и буду пытать себя бичом, чтобы закалиться против побоев». И гашиш, которого рыбак наелся, сказал ему: «Встань и обнажись». И он тотчас же и в ту же минуту встал, обнажился и взял бывший у него бич. А у него была кожаная подушка, и он стал бить раз по этой подушке и раз по своей коже, и начал кричать: «Ах, ах, клянусь Аллахом, это пустые слова, о господин мой, и они лгут на меня. Я бедный человек, рыбак, и нет у меня ничего из благ мира!»

И люди услышали, как Халифа-рыбак сам себя пытает и ударяет бичом по подушке (а от звука ударов по его телу и по подушке ночью стоял гул). И в числе тех, кто его слышал, были купцы, и они сказали: «Посмотри-ка! Чего этот бедняга кричит, и мы слышим, как на него опускаются удары. Похоже, что на него напали воры, и это они его пытают». И они все пошли на звук ударов и криков, и вышли из своих жилищ, и пришли к дому Халифы, и увидели, что он заперт, и сказали друг другу: «Может

быть, воры напали на него, зайдя за комнату; нам следует поэтому войти через крышу».

И они поднялись на крышу и спустились через отверстие в ней и увидели, что Халифа голый и пытает самого себя. И они сказали ему: «Что с тобой, о Халифа, в чем твое дело?» И Халифа ответил: «Знайте, о люди, что у меня оказалось несколько динаров, и я боюсь, что о моем деле донесут повелителю правоверных Харуну ар-Рашиду, и он призовет меня к себе и потребует от меня эти динары, и я начну отрицать. И если я буду отрицать, я боюсь, что он станет меня мучить. И вот я сам себя мучаю и делаю это, чтобы закалиться против того, что будет». И купцы стали над ним смеяться и сказали: «Брось такие дела, да не благословит Аллах тебя и динары, которые пришли к тебе. Ты встревожил нас сегодня ночью и устрашил наши сердца».

И Халифа перестал бить себя и проспал до утра, а поднявшись от сна, он хотел идти и закидывать сеть и подумал о сотне динаров, которая оказалась у него, и сказал про себя: «Если я оставлю их дома, их украдут воры, а если я положу их в карман на поясе, их, может быть, кто-нибудь увидит, и выследит меня, когда я буду один в месте, где нет людей, и убьет меня, и возьмет их. Но я сделаю некую хитрость, прекрасную и очень полезную». И он в тот же час и минуту поднялся и пришил себе карман к воротнику халата и, завязав сотню динаров в мешочек, положил его в карман, который он сделал. А затем он поднялся и взял свою сеть, корзину и палку и шел, пока не дошел до реки Тигр. Он закинул в нее сеть и потянул ее, но ничего не вытянул, и тогда он перешел с этого места на другое место и закинул там сеть, но и там ничего не поймал. И он переходил с места на место, пока не отдалился от города на расстояние половины дня пути, и все закидывал сеть, но в ней ничего не было. И тогда он сказал себе: «Клянусь Аллахом, я брошу сеть в воду еще только этот раз. Либо будет, либо нет!» И он бросил сеть с великой решимостью от сильного гнева, и мешок, в котором была сотня динаров, вылетел из его воротника, упал посреди реки и исчез, увлекаемый силой течения. И Халифа бросил из рук сеть, снял одежду и, оставив ее на берегу, нырнул за мешком, и он нырял и выплывал около сотни раз, пока его силы не ослабели, и он одурел и не нашел этого мешка.

И когда Халифа отчаялся найти его, он вышел на берег и увидел только палку, сеть и корзину. И он начал искать свою одежду, но не нашел и следа ее. И тогда он сказал себе: «Правильно говорится в поговорке: «Паломничество не завершено без сношения с верблюдом». И он развернул сеть, и завернулся в нее, и, взяв в руки палку, поставил корзину на плечо, и пошел, и понесся, как распаленный верблюд, и бегая направо и налево, взад и вперед, взлохмаченный, покрытый пылью, точно взбунтовавшийся ифрит, когда он вырвется из Сулеймановой тюрьмы.

Вот что было с Халифой-рыбаком.

Что же касается халифа Харуна ар-Рашида, то у него был приятель-ювелир, которого звали Ибн аль-Кирнас, и все люди, купцы и посредники, знали, что Ибн аль-Кирнас — купец халифа, и все, что продавали в городе Багдаде и других местах из драгоценных вещей, не продавали раньше, чем покажут ему, и в том числе невольников и невольниц. И когда этот купец, то есть Ибн аль-Кирнас, сидел в один из дней в своей лавке, вдруг подошел к нему староста посредников, и с ним была невольница, подобной которой не видели видящие. И была она до пределов красива, прекрасна, стройна и соразмерна, и в числе ее достоинств было то, что она была осведомлена во всех науках и искусствах, слагала стихи и играла на всех музыкальных инструментах. И купил ее Ибн аль-Кирнас, ювелир, за пять тысяч динаров золотом, и одел ее на тысячу динаров, и привел ее к повелителю правоверных. И эта невольница провела подле него ночь, и халиф испытывал ее во всех науках и во всех искусствах и увидел, что она сведуща во всех науках и ремеслах, и нет ей, в ее век, равной. А было ей имя Кут аль-Кулуб.

А когда наступило утро, халиф Харун ар-Рашид послал за Ибн аль-Кирнасом, ювелиром, и когда тот явился, назначил ему десять тысяч динаров в уплату за эту невольницу. И сердце халифа стало занято этой невольницей, названной Кут аль-Кулуб, и он оставил Ситт-Зубейду, дочь аль-Касима, и оставил всех любимиц и просидел целый месяц, выходя от этой невольницы только на пятничную молитву, а затем он тотчас же возвращался к ней.

И это стало тревожным для вельмож правления, и они пожаловались на это дело вазиру Джафару Бармакиду. И вазир выждал, пока не наступил день пятницы, и вошел в соборную мечеть, и встретился с повелителем правоверных, и стал ему рассказывать все, какие ему встречались

диковинные истории, связанные с любовью, чтобы выведать, что с ним такое. И халиф сказал ему: «О Джафар, клянусь Аллахом, это дело случилось со мной не по доброй моей воле, но мое сердце завязло в сети любви, и я не знаю, что делать».— «Знай, о повелитель правоверных,— ответил Джафар,— что эта твоя любимица, Кут аль-Кулуб, стала тебе подвластна и сделалась одной из твоих служанок, а чем владеет рука, того не хочет душа. Я скажу тебе еще и другую вещь: самое лучшее, чем похваляются цари и царевичи, это охота и облава и уменье пользоваться случаем и веселиться. И если ты так сделаешь, ты, может быть, отвлечешься от нее, а может быть, ты ее забудешь».— «Прекрасно то, что ты сказал, о Джафар,— воскликнул халиф.— Поедем сейчас же, сию же минуту на охоту».

И когда кончилась пятничная молитва, они вышли из мечети и в тот же час и минуту сели и поехали на охоту и ловлю, и они поехали и достигли пустыни. И повелитель правоверных и вазир Джафар ехали верхом на мулах, и они занялись беседой, и войско опередило их. А их палил зной, и ар-Рашид сказал: «О Джафар, мной овладела сильная жажда». И потом ар-Рашид напряг зрение и увидел какую-то фигуру на высоком холме и спросил вазира: «Видишь ли ты, что я вижу?» — «Да, о повелитель правоверных,— ответил вазир,— я вижу какую-то фигуру на высоком холме. Я поеду к нему и принесу тебе от него воды»,— сказал потом вазир. Но ар-Рашид молвил: «Мой мул быстрее твоего мула. Постой здесь, из-за войска, а я поеду сам, напьюсь у этого человека и вернусь».

И ар-Рашид погнал своего мула, и мул помчался, как ветер в полете или вода в потоке, и несся до тех пор, пока не достиг этой фигуры во мгновение ока. И оказалось, что фигура — не кто иной, как Халифа-рыбак. И ар-Рашид увидел, что он голый и завернулся в сеть и глаза его так покраснели, что стали, как огненные факелы, и облик его был ужасен, и стан изгибался, и он был взлохмаченный, запыленный, точно ифрит или лев. И ар-Рашид пожелал ему мира, и Халифа возвратил ему пожелание, разъяренный, и его дыхание пылало огнем. И ар-Рашид спросил его: «О человек, есть у тебя немного воды?» — «Эй, ты,— ответил Халифа,— слепой ты, что ли, или бесноватый? Вот тебе река Тигр — она за этим холмом».

И ар-Рашид зашел за холм, и спустился к реке Тигр, и напился, и напоил мула, а затем он тотчас же и в ту же

минуту поднялся и, вернувшись к Халифе-рыбаку, спросил его: «Чего это ты, о человек, стоишь здесь и каково твое ремесло?» — «Этот вопрос удивительней и диковинней, чем твой вопрос про воду,— ответил Халифа.— Разве ты не видишь принадлежности моего ремесла у меня на плече?» — «Ты как будто рыбак»,— сказал ар-Рашид. «Да»,— молвил Халифа. И ар-Рашид спросил: «А где же твой халат, где твоя повязка, где твой пояс и где твоя одежда?» А вещи, что пропали у Халифы, были подобны тем, которые назвал ему халиф, одна к одной.

И, услышав от халифа эти слова, Халифа подумал, что это он взял его вещи на берегу реки, и в тот же час и минуту спустился с холма быстрее разящей молнии и, схватив мула халифа за узду, сказал ему: «О человек, подай мне мои вещи и брось играть и шутить!» И халиф воскликнул: «Клянусь Аллахом, я не видал твоих вещей и не знаю их!» А у ар-Рашида были большие щеки и маленький рот, и Халифа сказал ему: «Может быть, ты по ремеслу певец или флейтист? Но подай мне мою одежду по-хорошему, а не то я буду бить тебя этой палкой, пока ты не обольешься и не замараешь себе одежду».

И халиф, увидав палку Халифы-рыбака и его превосходство над ним, сказал себе: «Клянусь Аллахом, я не вынесу от этого безумного нищего и пол-удара такой палкой!» А на ар-Рашиде был атласный кафтан, и он снял его и сказал Халифе: «О человек, возьми этот кафтан вместо твоей одежды». И Халифа взял его и повертел в руках и сказал: «Моя одежда стоит десяти таких, как этот пестрый халат». — «Надень его пока, а я принесу тебе твою одежду»,— сказал ар-Рашид. И Халифа взял кафтан и надел его и увидел, что он ему длинен. А у Халифы был нож, привязанный к ушку корзины, и он взял его и обрезал полы кафтана примерно на треть, так что он стал чуть ниже колен, и обернулся к ар-Рашиду и сказал ему: «Ради достоинства Аллаха, о флейтист, расскажи мне, сколько тебе полагается каждый месяц жалованья от твоего господина за искусство играть на флейте?» — «Мое жалованье каждый месяц — десять динаров золотом»,— сказал халиф. И Халифа воскликнул: «Клянусь Аллахом, о бедняга, ты обременил меня твоей заботой! Клянусь Аллахом, эти десять динаров я зарабатываю каждый день! Хочешь быть со мной, у меня в услужении? Я научу тебя искусству ловить и стану делиться с тобой заработком, так что ты каждый день будешь работать на пять динаров и сдела-

ешься моим слугой, и я буду защищать тебя от твоего господина этой палкой».— «Я согласен на это»,— молвил ар-Рашид. И Халифа сказал: «Сойди теперь со спины ослицы и привяжи ее, чтобы она помогала нам возить рыбу, и пойди сюда — я научу тебя ловить сейчас же».

И ар-Рашид сошел со своего мула и, привязав его, заткнул полы платья вокруг пояса, и Халифа сказал ему: «О флейтист, возьми сеть вот так, положи ее на руку вот так и закинь ее в реку Тигр вот так». И ар-Рашид укрепил свое сердце и сделал так, как показал ему Халифа, и закинул сеть в реку Тигр и потянул ее, но не мог вытянуть. И Халифа подошел к нему и стал ее тянуть, но оба не смогли ее вытянуть. «О злосчастный флейтист,— сказал тогда Халифа,— если я в первый раз взял твой кафтан вместо моей одежды, то на этот раз я возьму у тебя ослицу за мою сеть, если увижу, что она разорвалась, и буду бить тебя палкой, пока ты не обольешься и не обделаешься».— «Потянем с тобой еще раз»,— сказал ар-Рашид. И оба потянули и смогли вытянуть эту сеть только с трудом, и, вытянув ее, они посмотрели и вдруг видят: она полна рыбы всех сортов, и Халифа сказал: «Клянусь Аллахом, о флейтист, ты скверный, но если ты будешь усердно заниматься рыбной ловлей, то станешь великим рыбаком. Правильно будет, чтобы ты сел на твою ослицу, поехал на рынок и привез пару корзин; а я посторожу рыбу, пока ты не приедешь, и мы с тобой нагрузим ее на спину твоей ослицы. У меня есть весы, и гири, и все, что нам нужно, и мы возьмем все это с собой, и ты должен будешь только держать весы и получать деньги. У нас рыбы на двадцать динаров. Поторопись же принести корзины и не мешкай». И халиф отвечал: «Слушаю и повинуюсь!» — и оставил рыбака и оставил рыбу и погнал своего мула в крайней радости. И он до тех пор смеялся из-за того, что случилось у него с рыбаком, пока не приехал к Джафару.

И, увидав его, Джафар сказал: «О повелитель правоверных, наверное, когда ты поехал пить, ты нашел хороший сад и вошел туда и погулял там один?» И, услышав слова Джафара, ар-Рашид засмеялся. И все Бармакиды поднялись и поцеловали землю перед ним и сказали: «О повелитель правоверных, да увековечит Аллах над тобой радости и да уничтожит над тобой огорчения! Какова причина того, что ты задержался, когда поехал пить, и что с тобой случилось?» — «Со мной случилась диковинная история и удивительное дело»,— ответил халиф. И затем

он рассказал им историю с Халифой-рыбаком и рассказал о том, что у него с ним случилось, как Халифа ему сказал: «Ты украл мою одежду», и как он отдал ему свой кафтан и рыбак обрезал кафтан, увидав, что он длинный.

«Клянусь Аллахом, о повелитель правоверных,— сказал Джафар,— у меня было на уме попросить у тебя этот кафтан! Но я сейчас поеду к этому рыбаку и куплю у него кафтан!» — «Клянусь Аллахом, он отрезал треть кафтана и погубил его! — воскликнул халиф.— Но я устал, о Джафар, от ловли в реке, так как я наловил много рыбы и она на берегу реки, у моего хозяина Халифы, который стоит там и ждет, пока я вернусь, захватив для него две корзины и с ним резак. А потом я пойду с ним на рынок, и мы продадим рыбу и поделим плату за нее».— «О повелитель правоверных,— сказал Джафар,— а я приведу вам того, кто будет у вас покупать».— «О Джафар,— воскликнул халиф,— клянусь моими славными предками, всякому, кто принесет мне рыбину из рыбы, что лежат перед Халифой, который научил меня ловить, я дам за нее золотой динар!»

И глашатай кликнул клич среди свиты: «Идите покупать рыбу повелителя правоверных!» И невольники пошли и направились к берегу реки. И когда Халифа ждал, что повелитель правоверных принесет ему корзины, невольники вдруг ринулись на него, точно орлы, и схватили рыбу, и стали класть ее в платки, шитые золотом, и начали из-за нее драться. И Халифа воскликнул: «Нет сомнения, что эта рыба — райская рыба!» — и взял две рыбины в правую руку и две рыбины в левую руку и вошел в воду по горло и стал кричать: «Аллах! Ради этой рыбы пусть твой раб-флейтист, мой товарищ, сейчас же придет!»

И вдруг подошел к нему один евнух. А этот евнух был начальником всех евнухов, что были у халифа, и он отстал от невольников, потому что его конь остановился на дороге помочиться. И когда этот негр подъехал к Халифе, он увидел, что рыбы не осталось нисколько — ни мало, ни много. Он посмотрел направо и налево и увидал, что Халифа-рыбак стоит в воде с рыбой, и сказал: «Эй, рыбак, пойди сюда».— «Уходи без лишних слов»,— ответил рыбак. И евнух подошел к нему и сказал: «Подай сюда эту рыбу, а я дам тебе деньги».— «Разве у тебя мало ума? — сказал Халифа-рыбак евнуху.— Я ее не продаю». И евнух вытащил дубинку, и Халифа закричал: «Не бей, несчастный! Награда лучше дубинки!» А потом он бросил ему

рыбу, и евнух взял ее и положил в платок и сунул руку в карман, но не нашел там ни одного дирхема. «О рыбак,— сказал тогда негр,— твоя доля злосчастная: клянусь Аллахом, со мной нет нисколько денег. Но завтра приходи в халифский дворец и скажи: «Проведите меня к евнуху Сандалю», и слуги приведут тебя ко мне, и когда ты придешь ко мне туда, тебе достанется то, в чем будет тебе счастье, и ты возьмешь это и уйдешь своей дорогой!» И Халифа воскликнул: «Сегодня благословенный день, и благодать его была видна с самого начала». А потом он положил сеть на плечо и шел, пока не вошел в Багдад, и прошел по базарам, и люди увидели на нем одежду халифа и стали смотреть на него.

И Халифа вошел в свою улицу, а лавка портного повелителя правоверных была у ворот этой улицы, и портной увидал Халифу-рыбака в халате, который стоил тысячу динаров и принадлежал к одеждам халифа, и сказал: «О Халифа, откуда у тебя эта фарджия?» — «А ты чего болтаешь? — ответил Халифа.— Я взял ее у того, кого я научил ловить рыбу, и он стал моим слугой, и я простил его и не отрубил ему руки, так как он украл у меня одежду и дал мне этот кафтан вместо нее». И портной понял, что халиф проходил мимо рыбака, когда тот ловил рыбу, и пошутил с ним и дал ему эту фарджию, и рыбак отправился домой, и вот то, что с ним было.

Что же касается халифа Харуна ар-Рашида, то он поехал на охоту и ловлю, только чтобы отвлечься от невольницы Кут аль-Кулуб. А когда Зубейда услышала об этой невольнице и о том, что халиф ею увлекся, ее охватила ревность, которая охватывает женщин, и она отказалась от пищи и питья и рассталась со сладостью сна и стала выжидать отсутствия халифа или его отъезда, чтобы расставить Кут аль-Кулуб сети козней. И, узнав, что халиф выехал на охоту и ловлю, она приказала невольницам устлать дворец коврами и умножила украшения и роскошь и поставила кушанья и сласти и приготовила в числе всего этого фарфоровое блюдо с самой лучшей, какая бывает, халвой и положила в нее банджа, примешав его к ней. И потом она приказала кому-то из евнухов сходить за невольницей Кут аль-Кулуб и позвать ее к трапезе Ситт-Зубейды, дочери аль-Касима, жены повелителя правоверных, и сказать: «Жена повелителя правоверных пила сегодня лекарство, а она слышала, что ты хорошо поешь, и хочет видеть что-нибудь из твоего искусства». И невольница от-

вечала: «Слушаю и повинуюсь Аллаху и Ситт-Зубейде!» И в тот же час и минуту она поднялась, не зная, что скрыто для нее в неведомом, и, взяв нужные ей инструменты, пошла с евнухом и шла до тех пор, пока не вошла к Ситт-Зубейде.

И, войдя к ней, она поцеловала землю перед ней много раз и поднялась на ноги и сказала: «Привет высокой завесе и неприступному величию, отпрыску Аббасидов и члену семьи пророка — да приведет тебя Аллах к преуспеянию и миру на дни и на годы!» — и стала между других невольниц и евнухов. И тогда Ситт-Зубейда подняла к ней голову и взглянула на ее красоту и прелесть, и она увидала девушку с овальными щеками и грудями, подобными гранатам, с лицом, как месяц, с блестящим лбом и черным оком, и веки ее покоились в истоме, а лицо ее блистало светом, и словно бы солнце всходило от ее лба, и мрак ночи нисходил от ее кудрей, и мускусом веяло от ее дыхания. И цветы сверкали в ее красоте, и луну являло ее чело, и ветвью стан ее изгибался, и была она подобна полной луне, что засияла во мраке ночи. И глаза ее ласкали любовью, а брови изгибались, как лук, и уста ее были выточены из коралла, и она ошеломляла красотой смотрящего и очаровывала взором видящего, — возвышен тот, кто ее сотворил.

И сказала Ситт-Зубейда девушке: «Добро пожаловать тебе, о Кут аль-Кулуб! Садись и покажи нам твою работу и прекрасное твое искусство!» И Кут аль-Кулуб отвечала: «Хорошо!» — и, протянув руку, взяла бубен. И затем она ударила многими ударами и запела так, что остановила птиц, и все вокруг взволновалось, а потом она положила бубен и взяла свирель. А потом она положила свирель, после того как пришли из-за нее в восторг все присутствующие, и взяла лютню.

И Кут аль-Кулуб натянула струны лютни, подвинтила колки, и положила ее на колени, и наклонилась над ней, как мать наклоняется над своим ребенком. И она ударила на четырнадцать ладов и спела под лютню полный круг, так что ошеломила смотрящих и привела в восторг слушающих.

А потом она встала и начала показывать фокусы, и проворство рук, и всякие прекрасные штуки, так что Ситт-Зубейда чуть не влюбилась в нее и подумала: «Нельзя упрекать ар-Рашида, сына моего дяди, за любовь к ней». А потом девушка поцеловала перед Зубейдой зем-

лю и села, и ей подали кушанье и затем подали халву и блюдо, в котором был бандж. И Кут аль-Кулуб поела с него, и не утвердилась еще халва у нее во внутренностях, как ее голова запрокинулась, и она упала на землю, спящая. И Ситт-Зубейда сказала невольницам: «Унесите ее в одну из комнат, пока я ее не потребую». И они сказали ей: «Слушаем и повинуемся!» А затем она сказала одному из евнухов: «Сделай нам сундук и принеси его мне». И она приказала выкопать могилу и распространить весть, что невольница подавилась и умерла, и предупредила своих приближенных, что всякому, кто скажет, что Кут аль-Кулуб жива, она отрубит голову.

И вдруг халиф в этот час приехал с охоты и ловли и, как только начал спрашивать, спросил о девушке. И к нему подошел один из его слуг (а Ситт-Зубейда научила его, чтобы, когда халиф спросит про Кут аль-Кулуб, он сказал, что она умерла) и поцеловал перед ним землю и сказал ему: «О господин, клянусь твоей жизнью! Знай, что Кут аль-Кулуб подавилась кушаньем и умерла». И халиф воскликнул: «Да не обрадует тебя Аллах вестью о благе, о злой раб!» И он вошел во дворец и услышал о смерти девушки от всех, кто был во дворце, и спросил: «Где ее могила?» И его привели к гробнице и показали ему могилу, которая была сделана для обмана, и сказали: «Вот ее могила!» И, увидев ее, халиф закричал, и обнял могилу, и заплакал, и произнес такие стихи:

«Ответь, могила, молю: куда девалась краса?
Ужель поглотила ты прекрасные чудеса?

Неужто сплелась в тебе ветвь гибкая с месяцем?
А разве ты райский сад? А разве ты небеса?»

И потом халиф заплакал над нею сильным плачем и провел в том месте долгое время, а затем он ушел от могилы, будучи в крайней печали. И Ситт-Зубейда узнала, что ее хитрость удалась, и сказала евнуху: «Подай сундук!» И евнух принес его к ней, и она велела принести невольницу и положила ее в сундук, а потом сказала евнуху: «Постарайся продать сундук и поставь тому, кто его купит, условие, чтобы он купил его запертым, а потом раздай плату за него как милостыню». И евнух взял сундук и вышел от нее и исполнил ее приказание, и вот то, что было с ними.

Что же касается до Халифы-рыбака, то, когда наступило утро и засияло светом и заблистало, он сказал себе:

«Нет у меня сегодня лучшего дела, чем пойти к тому евнуху, что купил у меня рыбу,— он со мной условился, чтобы я пришел к нему в халифский дворец». И Халифа вышел из своего дома и направился во дворец халифа, и, придя туда, он увидел там невольников, рабов и слуг, которые стояли и сидели. И он всмотрелся в них и вдруг видит: тот евнух, что взял у него рыбу, сидит, и невольники прислуживают ему. И один слуга из невольников закричал на него, и евнух обернулся, чтобы посмотреть, что такое, и вдруг видит — это рыбак! И когда Халифа понял, что он увидал его и узнал, кто он такой, он крикнул ему: «Ты не оплошал, о Рыженький! Таковы бывают люди верные!» И, услышав его слова, евнух засмеялся и сказал: «Клянусь Аллахом, ты прав, о рыбак!»

И потом евнух Сандаль хотел дать ему что-нибудь и сунул руку в карман. И вдруг раздались великие крики, и евнух поднял голову, чтобы посмотреть, в чем дело, и видит: вазир Джафар Бармакид выходит от халифа. И, увидав его, евнух поднялся на ноги и пошел к нему навстречу, и они стали разговаривать и ходили, и время продлилось, и Халифа простоял немного, но евнух не обращал на него внимания. А когда рыбак простоял долго, он встал против евнуха, будучи в отдалении, и сделал ему знак рукой и крикнул: «О господин мой Рыжий, дай мне уйти!» И евнух услышал его, но постыдился ему ответить в присутствии вазира Джафара и стал разговаривать с вазиром, притворяясь, что ему не до рыбака. И тогда Халифа воскликнул: «О затягивающий плату, да обезобразит Аллах всех неприветливых и всех тех, кто берет у людей их вещи и потом неприветлив с ними! Я вхожу под твою защиту, о господин мой Отрубяное Брюхо, дай мне то, что мне следует, чтобы я мог уйти!»

И евнух услышал его, и ему стало стыдно перед Джафаром. И Джафар тоже увидел, что Халифа делает руками знаки и разговаривает с евнухом, но только не знал, что он говорит. И вазир сказал евнуху, не понимая, в чем дело: «О евнух, чего просит у тебя этот бедный нищий?» И Сандаль-евнух сказал ему: «Разве ты не знаешь этого человека, о владыка вазир?» — «Клянусь Аллахом, я его не знаю, и откуда мне его знать, когда я его только сейчас увидел?» — ответил вазир Джафар. И евнух сказал ему: «О владыка, это тот рыбак, у которого мы расхватали рыбу на берегу Тигра. А я уже ничего не застал, и мне было стыдно вернуться к повелителю правоверных ни с чем,

когда все невольники что-нибудь захватили, и я подъехал к рыбаку и увидел, что он стоит посреди реки и призывает Аллаха и у него четыре рыбы, и сказал ему: «Давай то, что у тебя есть, и возьми то, что это стоит». И когда он отдал мне рыбу, я сунул руку в карман и хотел дать ему что-нибудь, но ничего не нашел и сказал рыбаку: «Приходи ко мне во дворец, и я дам тебе что-нибудь, чем ты поможешь себе в бедности». И он пришел ко мне сегодня, и я протянул руку и хотел что-нибудь ему дать, но пришел ты, и я поднялся, чтобы служить тебе, и отвлекся с тобою от него. И дело показалось ему долгим, и вот его история и причина того, что он стоит». И, услышав слова евнуха, вазир улыбнулся и сказал: «О евнух, этот рыбак пришел в минуту нужды, и ты ее не исполняешь? Разве ты не знаешь его, о начальник евнухов? Это учитель повелителя правоверных и его товарищ. А сегодня у нашего владыки-халифа стеснена грудь, и опечалено сердце, и ум его занят, и ничто не развлечет его, кроме этого рыбака. Не давай же ему уйти, пока я не поговорю о нем с халифом и не приведу его к нему. Может быть, Аллах облегчит его состояние и заставит его забыть об утрате Кут аль-Кулуб по причине прихода этого рыбака, и халиф даст ему что-нибудь, чем он себе поможет, и ты будешь причиной этого».— «О владыка, делай что хочешь, Аллах великий да оставит тебя столпом правления повелителя правоверных! — продли Аллах его тень и сохрани его ветвь и корень!» — сказал евнух.

И вазир Джафар пошел, направляясь к халифу, а евнух велел невольникам не оставлять рыбака. И тогда Халифа-рыбак воскликнул: «Как прекрасна твоя милость, о Рыженький,— с требующего стали требовать. Я пришел требовать мои деньги, и меня задержали за недоимки». А Джафар, войдя к халифу, увидел, что он сидит, склонив голову к земле, со стесненной грудью, в глубоком раздумье.

И Джафар, оказавшись перед халифом, сказал ему: «Мир тебе, о повелитель правоверных и защитник святыни веры, сын дяди господина посланных, да благословит Аллах и да приветствует его и весь его род!» И халиф поднял голову и сказал: «И тебе мир и милость Аллаха и благословение его!» И тогда Джафар молвил: «С позволения повелителя правоверных заговорит его слуга, и не будет в этом прегрешения».— «А когда было прегрешение в том, что ты заговаривал, когда ты — господин вазиров? Говори

что хочешь»,— сказал халиф. И вазир Джафар молвил: «Я вышел от тебя, о владыка, направляясь домой, и увидел, что твой наставник, учитель и товарищ Халифа-рыбак стоит у ворот и сердится на тебя и жалуется и говорит: «Клянусь Аллахом, я научил его ловить рыбу, и он ушел, чтобы принести мне корзины, и не вернулся ко мне. Так не делают в товариществе и так не поступают с учителями!» И если у тебя, о владыка, есть желание быть с ним в товариществе, тогда — не беда, а если нет — осведоми его, чтобы он взял в товарищи другого».

И когда халиф услышал слова Джафара, он улыбнулся, и прошла его грусть, и он сказал Джафару: «Заклинаю тебя жизнью — правду ли ты говоришь, что рыбак стоит у ворот?» — «Клянусь твоей жизнью, повелитель правоверных, он стоит у ворот»,— сказал Джафар. И тогда халиф воскликнул: «О Джафар, клянусь Аллахом, я постараюсь сделать ему должное, и если желает ему Аллах через мои руки несчастья, он получит его, а если он желает ему через мои руки счастия, он получит его!» И потом халиф взял бумажку и разорвал ее на куски и сказал: «О Джафар, напиши твоей рукой двадцать количеств — от динара до тысячи динаров, и столько же степеней власти и эмирства — от ничтожнейшего наместничества до халифата, и двадцать способов всяких пыток — от ничтожнейшего наказания до убиения». И Джафар отвечал: «Слушаю и повинуюсь, о повелитель правоверных!» И он написал на бумажках своей рукой то, что приказал ему халиф. И халиф молвил: «О Джафар, клянусь моими славными предками и моим родством с Хамзой и Акилем. Я хочу, чтобы привели Халифу-рыбака, и прикажу ему взять бумажку из этих бумажек, надпись на которых известна только мне и тебе, и что там окажется, то я и дам ему, и если бы оказался это халифат, я бы сложил его с себя и отдал бы его Халифе и не пожалел бы, а если окажется там повешение, или рассечение, или гибель, я сделаю это с ним. Ступай же и приведи его ко мне!»

И Джафар, услышав эти слова, воскликнул про себя: «Нет мощи и силы, кроме как у Аллаха, высокого, великого! Может быть, выйдет этому бедняге что-нибудь несущее гибель, и я буду причиной этого! Но халиф поклялся, и рыбаку остается только войти, и будет лишь то, чего желает Аллах». И он отправился к Халифе-рыбаку и схватил его за руку, чтобы увести его, и разум Халифы улетел у него из головы, и он подумал: «Что я за дурень,

что пришел к этому скверному рабу, Рыженькому, и он свел меня с Отрубяным Брюхом!» А Джафар все вел его, и невольники шли сзади и спереди, и Халифа говорил: «Недостаточно того, что меня задержали, тут еще идут сзади и спереди и не дают мне убежать». И Джафар шел с ним, пока не прошел через семь проходов, и потом он сказал Халифе: «Горе тебе, о рыбак! Ты будешь стоять перед повелителем правоверных и защитником святыни веры».

И он поднял самую большую завесу, и взор Халифы-рыбака упал на халифа, который сидел на своем престоле, а вельможи правления стояли, прислуживая ему. И, узнав халифа, рыбак подошел к нему и сказал: «Будь здоров, флейтист! Нехорошо, что ты стал рыбаком, а потом оставил меня сидеть и сторожить рыбу, а сам ушел и не пришел. А я не успел опомниться, как подъехали невольники на конях и мулах и похватали мою рыбу, когда я стоял один, и все это из-за тебя. А если бы ты быстро принес корзины, мы бы продали рыбы на сто динаров. Но я пришел требовать то, что мне следует, и меня задержали. А ты? Кто задержал тебя в этом месте?»

И халиф улыбнулся и, приподняв край занавески, высунул из-за нее голову и сказал: «Подойди и возьми одну из этих бумажек». И Халифа-рыбак сказал повелителю правоверных: «Ты был рыбаком, а теперь ты, я вижу, стал звездочетом. Но у кого много ремесел, у того велика бедность».— «Бери скорей бумажку, без разговоров, и исполняй то, что тебе приказал повелитель правоверных»,— сказал Джафар.

И Халифа-рыбак подошел и протянул руку, говоря: «Не бывать, чтобы этот флейтист снова стал моим слугой и ловил со мной рыбу!» И затем он взял бумажку и протянул ее халифу и сказал: «О флейтист, что мне в ней вышло? Не скрывай ничего!» И халиф взял бумажку в руку, подал ее вазиру Джафару и сказал: «Читай, что в ней написано!» И Джафар посмотрел на бумажку и воскликнул: «Нет мощи и силы, кроме как у Аллаха, высокого, великого!» — «Добрые вести, о Джафар? Что ты в ней увидел?» — спросил халиф. И Джафар ответил: «О повелитель правоверных, в бумажке оказалось: «Побить рыбака сотней палок!» И халиф приказал побить его сотней палок

И его приказание исполнили и побили Халифу сотнею палок, и потом он поднялся, говоря: «Прокляни, Аллах,

эту игру, о Отрубяное Брюхо! Разве заточение и побои тоже часть игры?» И Джафар сказал: «О повелитель правоверных, этот бедняга пришел к реке, и как ему вернуться жаждущим? Мы просим от милости повелителя правоверных, чтобы этот рыбак взял еще одну бумажку. Может быть, в ней что-нибудь для него выйдет и он уйдет с этим обратно и будет помощь ему против бедности».— «Клянусь Аллахом, о Джафар,— сказал халиф,— если он возьмет бумажку и выйдет ему в ней убиение, я непременно убью его, и ты будешь этому причиной».— «Если он умрет, то отдохнет»,— сказал Джафар. И Халифа-рыбак воскликнул: «Да не обрадует тебя Аллах вестью о благе! Тесно вам стало, что ли, из-за меня в Багдаде, что вы хотите меня убить?» — «Возьми бумажку и проси решения у великого Аллаха»,— сказал ему Джафар.

И рыбак протянул руку и, взяв бумажку, подал ее Джафару, и Джафар взял ее и, прочитав, молчал. «Что же ты молчишь, о сын Яхьи?» — спросил халиф. И Джафар ответил: «О повелитель правоверных, в бумажке вышло: «Не давать рыбаку ничего».— «Нет ему у нас надела,— сказал халиф,— скажи ему, чтобы он уходил с моих глаз».— «Заклинаю тебя твоими славными предками,— сказал Джафар,— дай ему взять третью: может быть, выйдет ему в ней достаток».— «Пусть возьмет еще одну бумажку — и больше ничего»,— сказал халиф. И рыбак протянул руку и взял третью бумажку, и вдруг в ней оказалось: «Дать рыбаку динар!» И Джафар сказал Халифе-рыбаку: «Я искал для тебя счастья, но не захотел для тебя Аллах ничего, кроме этого динара». И Халифа воскликнул: «Каждая сотня палок за динар — великое благо, да не сделает Аллах здоровым твоего тела!» И халиф засмеялся, а Джафар взял Халифу за руку и вышел.

И когда рыбак подошел к воротам, его увидел евнух Сандаль и сказал ему: «Пойди сюда, о рыбак, пожалуй нам что-нибудь из того, что дал тебе повелитель правоверных, когда он шутил с тобой».— «Клянусь Аллахом, твоя правда, о Рыженький,— отвечал Халифа.— Разве ты хочешь, чтобы я с тобой поделился? Я съел сотню палок и взял один динар, и ты свободен от ответственности за него!» И он бросил евнуху динар и вышел, и слезы текли у него по щекам. И, увидав его в таком состоянии, евнух понял, что он говорит правду, и вернулся к нему и крикнул слугам, чтобы они привели его обратно. И когда рыбака привели обратно, евнух сунул руку в карман и, вынув оттуда

красный кошель, развязал его и вытряхнул, и вдруг в нем оказалось сто золотых динаров. «О рыбак, возьми это золото за твою рыбу и ступай своей дорогой»,— сказал евнух. И тут Халифа-рыбак обрадовался и, взяв сотню динаров и динар халифа, вышел, уже забыв о побоях.

И так как Аллах великий желал осуществления того, что было им решено, Халифа-рыбак проходил по рынку невольниц и увидел большой кружок, в котором стояло много народа, и сказал про себя: «Что это за люди?» И он подошел и прошел среди людей — купцов и других. А купцы сказали: «Дайте место капитану Зулейту!» Халифа посмотрел и видит: стоит старик и перед ним — сундук, и на сундуке сидит евнух, а старик кричит: «О купцы, о владельцы денег, кто отважится и поспешит что-нибудь дать за этот неведомый сундук из дома Ситт-Зубейды, дочери аль-Касима, жены повелителя правоверных ар-Рашида? По скольку с вас, благослови вас Аллах?»

И один из купцов сказал: «Клянусь Аллахом, это дело опасное! Я скажу слово, и нет на мне за него упрека: сундук за мной за двадцать динаров!» И другой сказал: «За пятьдесят динаров!» И купцы набавляли, пока цена не дошла до ста динаров, и зазыватель сказал: «Будет ли от вас добавка, о купцы?» И Халифа-рыбак крикнул: «За мной, за сто динаров и динар!» И когда купцы услышали слова Халифы, они подумали, что он шутит, и засмеялись и сказали: «О евнух, продай Халифе за сто динаров и динар!» — «Клянусь Аллахом, я продам его только ему! — воскликнул евнух.— Бери, о рыбак, да благословит тебя в нем Аллах, и давай золото!» И Халифа вынул золото и отдал его евнуху, и сделка состоялась, а потом евнух раздал это золото, стоя на месте, и вернулся во дворец и осведомил Ситт-Зубейду о том, что он сделал, и она обрадовалась.

А Халифа-рыбак понес сундук на плече, но не мог его нести из-за его великого веса, и тогда он понес его на голове. И он прошел в свою улицу и снял сундук с головы (а он устал) и сел, размышляя о том, что с ним случилось, и стал говорить в душе: «О, если бы знать, что такое в этом сундуке!» И он открыл дверь своего дома и возился с сундуком, пока не внес его в дом, а потом постарался его открыть, но не смог. И тогда он сказал про себя: «Что случилось с моим умом, что я купил этот сундук? Его непременно надо взломать, и я посмотрю, что есть в нем». И он стал возиться с замком, но не мог его сломать и ска-

зал про себя: «Оставлю его до завтра». И он хотел лечь спать, но не нашел места, где бы лечь, так как сундук пришелся как раз по мерке комнаты. И Халифа влез на сундук и лег на нем и пролежал некоторое время и вдруг слышит: что-то шевелится. И Халифа испугался, и сон убежал от него, и рассудок едва не покинул его, и он встал и сказал: «Похоже, что в нем джинны! Хвала Аллаху, который не дал мне его открыть. Если бы я его открыл, они напали бы на меня в темноте и погубили бы меня, и мне не досталось бы от них добра».

И потом он вернулся и лег и вдруг почувствовал, что сундук зашевелился второй раз сильнее, чем первый! И Халифа поднялся на ноги и сказал: «Вот и второй раз, но только это страшно!» И он побежал за светильником, но не нашел его, а ему не на что было купить светильник, и тогда он вышел из дома и закричал: «О жители улицы!» А большинство жителей улицы спало, и они проснулись от его крика и спросили: «Что с тобой, о Халифа?» И Халифа сказал: «Приходите ко мне со светильником: на меня напали джинны». И над ним посмеялись и дали ему светильник, и он взял его и вошел в свой дом и, ударив камнем по замку сундука, сломал его и открыл сундук, и вдруг оказалось, что в нем девушка, подобная гурии, и она лежит в сундуке. А ее одурманили банджем, и она в эту минуту извергла бандж, и очнулась, и открыла глаза, и, почувствовав, что ей тесно, пошевелилась.

И, увидав ее, Халифа подошел к ней и сказал: «Ради Аллаха, госпожа, откуда ты?» И девушка открыла глаза и сказала: «Позови Ясмин и Нарджис!» — «Здесь есть только тамар-хенна»,— ответил рыбак. И девушка пришла в себя и увидела Халифу и спросила: «Кто ты такой?» и «А где я?» — спросила она потом. И Халифа ответил: «Ты у меня в доме». — «А разве я не во дворце халифа Харуна ар-Рашида?» — спросила девушка. И рыбак воскликнул: «Какой там ар-Рашид, о бесноватая! Ты всего лишь моя невольница, и сегодня я купил тебя за сто динаров и динар и принес тебя ко мне домой, и ты лежала в этом сундуке». И, услышав его слова, девушка спросила: «Как твое имя?» И Халифа ответил: «Моя имя Халифа. С чего это моя звезда стала счастливой, когда я знаю, что моя звезда не такова?» И девушка засмеялась и сказала: «Оставь эти разговоры! Найдется у тебя что-нибудь поесть?» — «Нет, клянусь Аллахом, и пить тоже нечего! — ответил Халифа.— Клянусь Аллахом, я уже два дня ни-

чего не ел и теперь нуждаюсь в куске».— «Разве у тебя нет денег?» — спросила девушка. И Халифа ответил: «Аллах сохрани этот сундук, который сделал меня бедным! Я выложил за него все, что имел, и разорился». И девушка засмеялась и сказала: «Пойди попроси для меня у соседей что-нибудь поесть — я голодна».

И Халифа вышел из дому и закричал: «О жители улицы!» А они спали и проснулись и спросили: «Что с тобой, о Халифа?» — «О соседи,— ответил Халифа,— я голоден, и мне нечего есть!» И один сосед принес ему лепешку, другой — еще ломоть, третий — кусок сыру, четвертый — огурец, и пола его платья наполнилась. И он вошел в дом и положил все это перед девушкой и сказал: «Ешь!» И она засмеялась и сказала: «А как я буду это есть, когда у меня нет кувшина воды, чтобы напиться. Я боюсь подавиться куском и умереть».— «Я наполню для тебя этот кувшин»,— сказал Халифа и взял кувшин и вышел на середину улицы и закричал: «Эй, жители улицы!» И его спросили: «Что у тебя за беда сегодня ночью, о Халифа?» И он сказал: «Вы дали мне кушанья, и я поел, но мне захотелось пить — напоите же меня».

И один сосед принес ему кружку, другой — кувшин, а третий — бутылку, и Халифа наполнил свой кувшин и вошел в дом и сказал девушке: «О госпожа, не осталось у тебя никаких желаний».— «Правильно, у меня не осталось сейчас никаких желаний»,— ответила девушка. И Халифа сказал: «Поговори со мной и расскажи мне твою историю».— «Горе тебе,— воскликнула девушка,— если ты меня не знаешь, то я осведомлю тебя о себе. Я — Кут аль-Кулуб, невольница халифа Харуна ар-Рашида, и Ситт-Зубейда приревновала ко мне и одурманила меня банджем и положила в этот сундук. Хвала Аллаху,— сказала потом девушка,— что случилось это легкое дело и не было другого! Но это произошло со мной только из-за твоего счастья, и ты непременно должен взять у халифа ар-Рашида много денег, которые будут причиной твоего богатства».— «А это не тот ар-Рашид, во дворце которого меня задержали?» — спросил Халифа. И девушка ответила: «Да». И тогда Халифа воскликнул: «Клянусь Аллахом, я не видел никого скупее! Вот флейтист с малым благом и умом. Он побил меня вчера сотнею палок и дал мне один динар, хотя я научил его ловить рыбу и вступил с ним в товарищество, но он обманул меня».— «Брось эти скверные речи и открой глаза,— сказала девушка.— Держи себя

пристойно, когда увидишь его следующий раз, и ты достигнешь желаемого».

И когда Халифа услышал ее слова, он как будто пробудился, а был спящим, и Аллах снял завесу с его зоркости, ради его счастья. И он ответил девушке: «Слушаю и повинуюсь!» — и потом сказал: «Во имя Аллаха, ложись спать!» И она поднялась и легла, и Халифа проспал вдали от нее до утра. А утром Кут аль-Кулуб потребовала у него чернильницу и листок бумаги, и Халифа принес их. И она написала тому купцу, что был приятелем халифа, и рассказала ему о своих обстоятельствах и обо всем случившемся с нею, а также о том, что она у Халифы-рыбака, который ее купил. А потом она отдала бумажку Халифе и сказала: «Возьми эту бумажку и пойди на базар драгоценных камней. Спроси, где лавка Ибн аль-Кирнаса, ювелира, и отдай ему эту бумажку и ничего не говори». И Халифа сказал: «Слушаю и повинуюсь!»

И он взял бумажку у нее из рук и пошел на базар драгоценностей и спросил, где лавка Ибн аль-Кирнаса, и его провели к ней. И Халифа подошел и приветствовал купца, и тот ответил на его приветствие, но рыбак был презренным в его глазах. «Что тебе нужно?» — спросил он. И Халифа протянул ему бумажку, и купец взял ее и не стал читать, так как он думал, что Халифа — нищий и просит милостыню, и сказал одному из своих слуг: «Дай ему полдирхема».— «Мне не нужно милостыни, но прочитай бумажку»,— сказал тогда Халифа. И Ибн аль-Кирнас взял бумажку и прочитал ее и понял, что на ней написано, и он поцеловал ее и положил себе на голову и, поднявшись на ноги, сказал: «О брат мой, где твой дом?» — «А на что тебе мой дом? Разве ты хочешь пойти туда и украсть мою невольницу?» — спросил Халифа. «Нет, напротив, я куплю тебе с ней чего-нибудь поесть»,— ответил Ибн аль-Кирнас, и Халифа сказал: «Мой дом в такой-то улице».— «Прекрасно, пусть не даст тебе Аллах здоровья, о несчастный!» — сказал Ибн аль-Кирнас. И потом он кликнул двух рабов из своих рабов и сказал им: «Пойдите с этим человеком в лавку Мухсина, менялы, и скажите ему: «О Мухсин, дай этому тысячу золотых динаров!» А потом возвращайтесь с ним ко мне поскорее».

И рабы пошли с Халифой в лавку менялы и сказали ему: «О Мухсин, дай этому человеку тысячу золотых динаров!» И Мухсин дал их ему, и Халифа взял деньги и вернулся с рабами к лавке их господина. И они нашли

его сидящим на пегом муле, ценою в тысячу динаров, и невольники и слуги окружали его, а рядом с его мулом был такой же мул, оседланный и взнузданный. И Ибн аль-Кирнас сказал Халифе: «Во имя Аллаха! Садись на этого мула!» И Халифа воскликнул: «Я не сяду! Клянусь Аллахом, я боюсь, что он меня сбросит!» — «Клянусь Аллахом, ты непременно должен сесть на него»,— сказал ему купец Ибн аль-Кирнас. И Халифа подошел, чтобы сесть на мула, и сел на него задом наперед и схватил мула за хвост и закричал, и мул сбросил его на землю. И над Халифой стали смеяться, и он поднялся и сказал: «Не говорил ли я тебе: «Я не сяду на этого большого осла!»

И тогда Ибн аль-Кирнас оставил Халифу на базаре и отправился к повелителю правоверных и осведомил его о невольнице, а потом он вернулся и привез ее в свой дом. А Халифа пошел домой, чтобы посмотреть на невольницу, и увидел, что жители его улицы собрались и говорят: «Сегодня Халифа совсем перепуган. Посмотреть бы, откуда у него эта невольница». И кто-то сказал: «Это сумасшедший сводник! Может быть, он нашел ее на дороге, пьяную, и понес ее и принес в свой дом, и он скрылся только потому, что знает свой грех».

И когда они разговаривали, вдруг подошел к ним Халифа, и ему сказали: «Каково тебе, о бедняга? Разве ты не знаешь, что с тобой случилось?» — «Нет, клянусь Аллахом»,— ответил Халифа. И ему сказали: «Сейчас пришли невольники и взяли твою невольницу, которую ты украл, и они искали тебя, но не нашли».— «Как — взяли мою невольницу?» — спросил Халифа. И кто-то сказал: «Если бы ты попался, тебя бы убили». Но Халифа не обратил на этих людей внимания, а вернулся бегом в лавку Ибн аль-Кирнаса и увидел, что он выезжает, и воскликнул: «Клянусь Аллахом, это нехорошо! Ты отвлек меня и послал твоих невольников, и они взяли мою невольницу».— «О бесноватый, пойди сюда и молчи!» — ответил Ибн аль-Кирнас. И потом он взял его с собой и привел к красиво построенному дому и вошел с ним туда, и Халифа увидал, что девушка сидит там на золотом ложе и вокруг нее десять невольниц, подобные лунам. И когда Ибн аль-Кирнас увидел эту девушку, он поцеловал землю перед ней, и Кут аль-Кулуб спросила его: «Что ты сделал с моим новым господином, который купил меня за все, что имел?» И Ибн аль-Кирнас ответил: «О госпожа, я дал ему тысячу золотых динаров». И он рассказал ей историю Халифы с на-

чала до конца, и девушка засмеялась и сказала: «Не взыскивай с него — он человек простой, — и потом она сказала: — Вот еще тысяча динаров в подарок ему от меня. И если захочет Аллах великий, он возьмет от халифа то, что его обогатит».

И когда они разговаривали, вдруг пришел евнух от халифа, требуя Кут аль-Кулуб, так как халиф узнал, что она в доме Ибн аль-Кирнаса, и, узнав это, не мог ждать ее и приказал ее привести. И когда Кут аль-Кулуб пошла к нему, она взяла с собой Халифу и шла до тех пор, пока не пришла к халифу, а придя к нему, девушка поцеловала землю перед ним. И халиф поднялся, и пожелал ей мира, и приветствовал ее, и спросил, каковы были обстоятельства с тем, кто ее купил, и девушка сказала: «Это человек, которого зовут Халифа-рыбак, и вон он стоит у двери. Он мне рассказывал, что у него есть с владыкой нашим, повелителем правоверных, счеты из-за товарищества по рыбной ловле, в которое они вступили». — «Он стоит здесь?» — спросил халиф. И девушка отвечала: «Да!»

И тогда халиф приказал привести его, и рыбак явился, и поцеловал землю перед халифом, и пожелал ему вечной славы и благоденствия. И халиф удивился рыбаку, и посмеялся над ним, и сказал: «О рыбак, разве ты правда был вчера моим товарищем?» И Халифа понял слова повелителя правоверных и ободрил свое сердце и укрепил душу и сказал: «Клянусь тем, кто пожаловал тебе халифат после сына твоего дяди, я не знаю, в чем состояло это товарищество. Мне пришлось только смотреть и говорить». И затем он повторил ему все, что с ним случилось, от начала до конца, и халиф начал смеяться, а потом Халифа рассказал ему историю с евнухом и то, что у него с ним случилось: как евнух дал ему сто динаров, сверх динара, который он получил от халифа, и рассказал ему также, как он пошел на базар и купил сундук за сто динаров и динар, не зная, что в нем находится, и рассказал ему всю историю с начала до конца. И халиф посмеялся над рыбаком, и развеселился, и он воскликнул: «Мы сделаем так, как ты хочешь, о приводящий достояние к его обладателю!»

И Халифа умолк, а после этого халиф велел выдать ему пятьдесят тысяч динаров золотом и роскошную одежду, из одеяний великих халифов, и мула и подарил ему рабов из числа черных, которые прислуживали ему. И стал Халифа как бы одним из царей, существовавших в это время.

Что же касается халифа, то он обрадовался прибытию своей невольницы и понял, что все это — дела Ситт-Зубейды, дочери его дяди, и велик стал его гнев на нее, и он оставил ее на некоторое время, и не входил к ней, и не имел к ней склонности.

И когда Ситт-Зубейда убедилась в этом, ее охватила из-за гнева халифа большая забота, и цвет ее лица пожелтел после румянца, и, когда ей стало невмоготу терпеть, она послала к сыну своего дяди, повелителю правоверных, извиняясь перед ним и признавая свою вину, и написала в письме такие стихи:

Простить вы меня должны! Меня преследует стыд,
Позор мой меня гнетет, злосчастие тяготит.

Владыка, за страсть мою грешно осуждать меня,
Когда претерпела я так много разных обид.

Терпения нет без вас; так небу невмоготу,
Когда синеву его гроза внезапно смутит.

Останусь жива, когда обеты вы помните;
Умру в печали без вас, и жизнь меня не прельстит.

Мою вину признаю, а вы простите меня:
Аллахом клянусь, вдвойне возлюблен тот, кто простит.

И когда дошло послание Ситт-Зубейды до повелителя правоверных, тот прочитал его и понял, что Ситт-Зубейда призналась в своей вине и прислала письмо и извинялась перед ним в том, что сделала, и сказал про себя: «Поистине, Аллах прощает грехи полностью, он есть всепрощающий, милосердый». И он послал ей ответ на ее послание, содержавший прощение, и извинение, и отпущение того, что прошло, и охватила Зубейду из-за этого великая радость. А потом халиф назначил Халифе-рыбаку на каждый месяц пятьдесят динаров жалованья, и оказался он у халифа на великом положении и высоком месте, в уважении и почете.

И Халифа поцеловал землю перед повелителем правоверных, собираясь выходить, и вышел, горделиво выступая. И когда он подошел к воротам, его увидел евнух, который дал ему сто динаров, и узнал его, и спросил: «О рыбак, откуда у тебя все это?» И Халифа рассказал ему, что с ним случилось, с начала до конца, и евнух обрадовался, так как это он был причиной его обогащения, и сказал: «Не дашь ли ты мне награды из тех денег, что

оказались у тебя?» И Халифа положил руку в карман и, вынув из него кошель с тысячью золотых динаров, протянул его евнуху. И евнух сказал ему: «Возьми твои деньги, да благословит тебя в них Аллах!» И он очень удивился великодушию Халифы и щедрости его души, несмотря на его бедность. И Халифа ушел от евнуха и поехал на муле, за круп которого держались его слуги, и ехал до тех пор, пока не приехал в хан, а народ смотрел на него и дивился доставшемуся Халифе величию. И люди подошли к нему, когда он сошел с мула, и спросили его о причине такого счастья, и Халифа рассказал им о том, что с ним случилось, с начала до конца. И он купил дом с красивыми колоннами и потратил на него много денег, так что он стал совершенен по качествам, и зажил в этом доме.

И когда Халифа расположился в своем доме, он посватался к девушке из дочерей знатных жителей города — одной из прекрасных девушек. И он вошел к ней, и досталось ему крайнее наслаждение, и великое счастье, и удовольствие, и жил он в великом благоденствии и полном счастии. И когда он увидал себя в таком благоденствии, он возблагодарил Аллаха, слава ему и величие, за дарованное ему изобильное благо и сменяющие друг друга благодеяния. И стал он восхвалять своего владыку хвалой благодарного, произнося слова поэта:

«Хвала тебе, господи, во веки веков хвала,
Аллах, щедрота твоя все горести превзошла.

Прими от меня хвалу! Я помню, ты мне помог,
Избавив меня навек от непотребного зла.

Ты милостив был ко мне, меня ты оберегал,
Позволь мне теперь воспеть святые твои дела.

Из моря твоих щедрот все люди, возжаждав, пьют,
И ты помогаешь всем, кто был разорен дотла.

Господь! Всегда ты за нас, и в мире мы счастливы;
Грехи ты прощаешь нам, и грешникам жизнь мила.

Послал ты пророка нам, который правдивей всех;
Всегда веряя его речь, а мудрость всегда светла.

Аллах да хранит его со всеми потомками;
И ныне, и в будущем вся их череда цела.

Аллах да хранит всегда всех верных и праведных,
Покуда птицы поют и нет певуньям числа».

И потом Халифа стал посещать халифа Харуна ар-Рашида и находил у него приязнь, и ар-Рашид осыпал его своими милостями и щедротами. И Халифа жил в полнейшем счастии, радости, величии и наслаждении, пользуясь великим благоденствием и возраставшим возвышением, хорошей, приятной жизнью и чистым наслаждением, угодным Аллаху, пока не пришла смерть — Разрушительница наслаждений и Разлучительница собраний. Да будет же слава тому, кому присуще величие и вечность, кто всегда жив и никогда не умирает!

СКАЗКА О НУР АД-ДИНЕ И МАРИАМ-КУШАЧНИЦЕ

Рассказывают также, что был в древние времена и минувшие века и годы один человек — купец, в земле египетской, по имени Тадж ад-дин, и был он из числа великих купцов и людей верных и благородных, но только он увлекался путешествиями во все страны и любил ездить по степям, пустыням, равнинам, и кручам, и морским островам, ища дирхема и динара. И были у него рабы, невольники, слуги и рабыни, и долго подвергал он себя опасностям, и терпел он в путешествиях то, от чего седыми станут малые дети, и был он среди купцов того времени богаче всех деньгами и прекраснее всех речами. Он обладал конями, и мулами, и верблюдами, двугорбыми и одногорбыми, и были у него кули, мешки, и товары, и деньги, и материи бесподобные — свертки тканей из Химса, баальбекские одежды, куски шелкового полотна, одеяния из Мерва, отрезы индийской материи, багдадские воротники, магрибинские бурнусы, турецкие невольники, абиссинские слуги, румские рабыни и египетские прислужники, и были мешки для его поклажи — шелковые, так как у него было много денег. И был он редкостно красив, с изящными движениями и, изгибаясь, вызывал желание, как сказал о нем кто-то из описывающих его:

Этот купец — красоты образец,
Он похититель влюбленных сердец.

Из-за кого разгорается бой?
Из-за тебя, несравненный купец!

А другой сказал, описывая его, и отличился, и выразил о нем желаемое:

Этот купец — прирожденный ловец;
Сердце мое покорил он, хитрец.

Он вопрошает: «Смутил тебя кто?»
«Ты,— говорю,— несравненный купец».

И был у этого купца ребенок мужского пола по имени Али Нур ад-дин, и был он подобен луне, когда она становится полной в четырнадцатую ночь месяца, редкостно красивый и прекрасный, изящный в стройности и соразмерности. И в один из дней этот мальчик сел, по обычаю, в лавке своего отца, чтобы продавать и покупать, брать и отдавать, и окружили его сыновья купцов, и стал он между ними подобен луне средь звезд, с блистающим лбом, румяными щеками, молодым пушком и телом, точно мрамор, как сказал о нем поэт:

Мне красавец велел: «Ты меня опиши!»
«Ты прекраснее всех»,— я сказал от души.

Безо всяких прикрас я сказал напрямик:
«В совершенстве твоем все черты хороши».

А также сказал о нем один из описывающих его:

Что за родинка у него на ланите!
Так на мраморе амбра видна, взгляните!

Взор прекрасного, словно меч, возвещает:
«Так Аллах повелел: красоту цените!»

И сыновья купцов пригласили его и сказали: «О Сиди Нур ад-дин, мы хотим сегодня погулять с тобой в таком-то саду». И юноша ответил: «Я только спрошусь у отца: я могу пойти лишь с его позволения». И когда они разговаривали, вдруг пришел его отец, Тадж ад-дин, и его сын посмотрел на него и сказал: «О батюшка, дети купцов приглашают меня погулять с ними в таком-то саду. Позволишь ли ты мне это?» — «Да, о дитя мое»,— ответил Тадж ад-дин. И затем он дал сыну немного денег и сказал: «Отправляйся с ними».

И дети купцов сели на ослов и мулов, и Нур ад-дин тоже сел на мула и отправился с ними в сад, где было все, что желательно душе и услаждает очи. Там были высокие колонны и строения, уходящие ввысь, и были у сада сводчатые ворота, подобные дворцовым, и лазоревые ворота, подобные вратам райских садов, привратника которых звали Ридван, а над ними были виноградные лозы всевозможных цветов: красных, подобных кораллам, черных, точно носы негров, и белых, как голубиные яйца. И были там сливы, гранаты и груши, абрикосы и яблоки — все это разных родов и разнообразных сортов, купами и отдельно, как сказал поэт:

Виноград имеет вкус вина,
Хоть окраска у него мрачна.

В темной краске женские персты?
Нет, в зеленых листьях гроздь видна.

И сказал также другой поэт:

Подвязанные лозы пред тобой
Меня напоминают худобой,

Напоминая сладкое вино,
Которым упивается любой.

И потом юноши пришли к беседке в саду и увидели Ридвана, привратника сада, который сидел в этой беседке, точно он, Ридван,— страж райских садов. И они увидели, что на этой беседке написаны такие стихи:

Аллах, напои ты сад, где ветви склоняются
И хмелем будущих вин уже опьяняются.

Заставит их дождь плясать, украсит их жемчугом;
Пусть садом Твоим тогда все взоры пленяются.

А внутри беседки они увидели такие написанные стихи:

Заржавело сердце от разных забот;
Отправимся в сад, и оно оживет.

Шалун-ветерок задержался в цветах:
Улыбка цветов к наслажденью зовет.

И были в этом саду плоды разнообразные и птицы всех родов и цветов: вяхири, соловьи, певчие куропатки, горлинки и голуби, что воркуют на ветвях, а в каналах его

была вода текучая, и блистали эти потоки цветами и плодами услаждающими, подобно тому, как сказал поэт:

Качаются ветви я радуют взгляд,
У зтнх красавнц роскошный наряд.

Увидев, как блещут иа солице ручьи,
Ты скажешь: мечн перед боем горят.

И также сказал о нем поэт:

В проворном ручье отражаетси лик,
Как будто явеки прекрасный возиик;

А ветер мешает влюблеииым ветвям
С прекрасиейшим сблизитьси даже иа миг.

А на деревьях в этом саду было каждого плода по паре, и были в нем гранаты, похожие на кайраванские шарики, как сказал поэт и отличился:

Ты видяшь: вот граиаты с тоикой кожей;
С девячьей грудью это диво схоже.

Очнстив ях, с ума сойдешь, постягиешь,
Что яет на свете яхоитов дороже.

А также сказал о них поэт:

Когда в глубину граиата решншься ты загляиуть,
Увядяшь ты там рубнны, которым пора сверкяуть.

Гранат! Я его увндел я стал сравнеяье искать:
Ои словно мраморный купол, ои словяо девичья грудь.

Гранат недужяого лечнт, для всех целебея граиат;
О нем пророк наш великнй изволил упомииуть.

Аллах сказал о гранате возвышеяные слова
В писаиии глубочайшем, в котором высшаи суть.

И были в этом саду яблоки — сахарные, мускусные и даманийские, ошеломляющие взор, как сказал о них поэт:

Различаются в саду иблокн окраской,
Словяо щекн любящях, упоеиных лаской.

Этот, вспыхнув, просиял, пламеием охвачея;
Тот в смущеннн померк и глядит с опаской.

Покрасиел одии нз янх, а другой бледиеет:
Соглядатай, подоспев, им грозит оглаской.

И были в этом саду абрикосы, миндальные и камфарные, из Гиляна и Айн-Таба, и сказал о них поэт:

На влюбленного похож абрикос миндальный;
Своего любимого видит он, печальный.

Знать, разбито у него трепетное сердце,
Потому-то желт лицом он, многострадальный.

И были в этом саду сливы, вишни и виноград, исцеляющий больного от недугов и отводящий от головы желчь и головокружение, а смоквы на ветвях — красные и зеленые — смущали разум и взоры, как сказал о них поэт:

Смоквы смакуя, почувствуешь ты:
Сладость — родная сестра красоты.

Кажется, сахар под нёбом твоим,
Благоухают при этом цветы.

Уподобляют зеленым шарам
Смоквы, чей вкус лучше всякой мечты.

И были в этом саду груши — тирские, алеппские и румские, разнообразных цветов, росшие купами и отдельно, желтые и зеленые, ошеломляющие взор. И поэт сказал о них:

Ты видишь: груша стройная, бледна,
Как будто груша тоже влюблена;

Старается закрыть себе лицо,
Как девушка стыдливая, она.

И были в этом саду султанийские персики разнообразных цветов, желтые и красные, как сказал о них поэт:

В саду зеленом персики румяны,
Как будто им неведомы изъяны;

Ты скажешь: эти золотые слитки
Окрасила живая кровь из раны.

И был в этом саду зеленый миндаль, очень сладкий, похожий на сердцевину пальмы, а косточка его — под тремя одеждами, творением владыки одаряющего, как сказал поэт:

Миндаль прекрасен: в нем видна
Его высокая цена.

Мельчайший заполняет горсть,
На нем пушок и седина.

Двойиое сердце у него,
Прн этом суть его одна:

В бесценный хрупкнй нзумруд
Жемчужина заключена.

И был в этом саду боярышник разнообразной окраски, купами и отдельно, и сказал о нем кто-то из описывавших такие стихи:

Вырос плодовнтый теря в саду,
Плод его походнт на звезду.

А быть может, это бубенцы
Золотые блещут иа виду?

А другой сказал и отличился:

В саду вырастает слнва,
Красуется горделнво;

Бубенчики золотые
Висят на ней молчаливо,

И ягодами зовется
Такое дивное диво.

И были в этом саду померанцы, подобные калгану, и сказал о них поэт, от любви обезумевший:

Он велнчиной с ладонь, окрашен ярче зарн,
Снаружн вндеи огонь, одиако же сиег внутри.

Преднвный состав его — явление двух чудес:
Огонь его не горнт, а снег не тает — смотрн!

И были в этом саду лимоны, цветом подобные золоту, и спускались они с высочайшего места и свешивались на ветвях, подобные слиткам золота.

И были в этом саду лимоны с толстой кожей, спускавшиеся с ветвей своих, точно груди девушек, подобных газелям, и был в них предел желания, как сказал о них и отличился поэт:

Не знаю, с чем сравннть лимон: задачу мог бы счесть я трудной,
Допустим, ветвь — девичий стан, любвн причина безрассудной.

Однако дунул ветерок, и нежный плод к земле склоннлся;
Он словно мячнк золотой на трости стройной изумрудной.

И были в этом саду сладкие лимоны с прекрасным запахом, подобные куриным яйцам; и желтизна их — украшение плодов, а запах их несется к срывающему.

И были в этом саду всякие плоды, цветы, и зелень, и благовонные растения — жасмин, бирючина, перец, лаванда и роза, во всевозможных видах своих, и баранья трава, и мирта, и все цветы полностью, всяких сортов. И это был сад несравненный, и казался он смотрящему уголком райских садов: когда входил в него больной, он выходил оттуда, как ярый лев. И не в силах описать его язык, таковы его чудеса и диковинки, которые найдутся только в райских садах; да и как же нет, если имя его привратника — Ридван! Но все же между этими двумя садами — различие.

И когда дети купцов погуляли по саду, они сели, погуляв и походив, под одним из портиков в саду и посадили Нур ад-дина посредине портика на ковре из вышитой кожи, и он облокотился на подушку, набитую перьями страусов, верх которой был из беличьего меха.

А потом юноши сняли бывшие на них чалмы и одежды и сели, и начали разговаривать и беседовать, и вели долгие речи, и каждый из них вглядывался в Нур ад-дина и смотрел на красоту его облика. И после того, как они спокойно просидели некоторое время, приблизился к ним черный раб, на голове которого была кожаная скатерть для кушанья, уставленная сосудами из хрусталя, так как один из сыновей купцов наказал перед уходом в сад своим домашним, чтобы они прислали ее. И было на этой скатерти то, что бегает, и летает, и плавает в морях,— ката, перепелки, птенцы голубей, и ягнята, и наилучшая рыба. И когда эту скатерть положили перед юношами, они подошли к ней и поели вдоволь, и, окончив есть, они поднялись от трапезы и вымыли руки чистой водой и мылом, надушенным мускусом, а потом обсушили руки платками, шитыми шелком и золотыми нитками. И они подали Нур ад-дину платок, обшитый каймой червонного золота, и он вытер руки, а потом принесли кофе, и юноши выпили сколько кому требовалось и сели за беседу.

И вдруг садовник того сада ушел и вернулся с корзинкой, полной роз, и спросил: «Что вы скажете, господа наши, о цветах?» И кто-то из сыновей купцов сказал: «В них нет дурного, особенно в розах, от них не отказываются».— «Да,— ответил садовник,— но у нас в обычае давать розы

только за стихи под вино, и тот, кто хочет их взять, пусть скажет какие-нибудь стихи, подходящие к месту». А сыновей купцов было десять человек, и один из них сказал: «Хорошо! Дай мне, и я скажу тебе стихи, подходящие к месту». И садовник дал ему пучок роз, и юноша взял его и произнес такие стихи:

«Я верен розе прекрасной,
К ней сердце мое пристрастно;
Другие цветы — лишь войско,
Она царит самовластно.
При ней все цветы смиренны,
Кичившиеся напрасно».

Потом садовник подал пучок роз второму, и тот взял его и произнес такие стихи:

«Видишь, как нежная роза красна?
Мускусом сладостным дышит она.

Только закрылась она рукавом:
Дерзко ты смотришь, а роза скромна».

И потом садовник подал пучок роз третьему, и тот взял его и произнес такие стихи:

«Посмотри на розы: каждая чиста;
Возвещают они праздник неспроста.

Ветки трепетные обнимают их
И целуют, ненасытные, в уста».

Потом садовник подал пучок роз четвертому, и тот взял его и произнес такие стихи:

«Взгляни на розовый куст, пока сверкает роса:
На длинных его ветвях нанизаны чудеса.

На нем блещут яхонты, листва изумрудная,
И, кажется, в золоте торжественная краса».

Потом садовник подал пучок роз пятому, и тот взял его и произнес такие стихи:

«На ветках благоуханных плоды висят не простые;
Среди листвы изумрудной развешаны золотые;

А эти крупные капли, срывающиеся с листьев,
Не что иное, как слезы, пролившиеся впервые».

Потом садовник подал пучок роз шестому, и тот взял его и произнес такие стихи:

«Прекраснейшая в природе, о роза, ты недотрога,
Поскольку в тебе сокрыты тончайшие тайны бога.

Подобье ланит любимых, которые лучше злата,
И потому дороже они любого залога».

Потом садовник подал пучок роз седьмому, и тот взял его и произнес такие стихи:

«Я спросил: «Зачем шипами угрожаешь ты мне, роза?
Стоит мне тебя коснуться, и кольнет меня заноза».

Отвечала роза гордо: «Мне войска мои подвластны,
И поэтому исходит от меня всегда угроза».

И потом садовник подал пучок роз восьмому, и тот взял его и произнес такие стихи:

«Аллах! Сохрани ты розу, которая нам дороже,
Чем золото высшей пробы: и золото с нею схоже.

Аллах! Сохрани ты ветви, родившие это диво:
Земному солнцу подобно небесное солнце тоже».

Потом садовник подал пучок роз девятому, и тот взял его и произнес такие стихи:

«Несравненной желтой розе воздадим теперь почет;
Предвещая ликованье, роза любящих влечет.

Славься, куст благоуханный! Нам ты золото принес,
Хоть по всем твоим прожилкам серебро еще течет».

Потом садовник подал пучок роз десятому, и тот взял его и произнес такие стихи:

«Ты только посмотри, как розы перед нами
Гордятся красными и желтыми цветами.

Пронзают недругов смарагдовые стрелы,
А друг любуется багряными щитами».

И когда розы оказались в руках юношей, садовник принес скатерть для вина и поставил между ними фарфоровую миску, расписанную ярким золотом.

Потом садовник этого сада наполнил чашу и выпил, и черед сменялся, пока не дошел до Нур ад-дина, сына купца Тадж ад-дина. И садовник наполнил чашу и подал

ее Нур ад-дину, и тот сказал: «Ты знаешь, что зто вещь, которой я не знаю, и я никогда не пил зтого, так как в нем великое прегрешенье и запретил его в своей книге всевластный владыка».— «О господин мой Нур ад-дин,— сказал садовник, если ты не стал пить вино только из-за прегрешения, то ведь Аллах, слава ему и величие, великодушен, кроток, всепрощающ и милостив и прощает великий грех».

А потом один из сыновей купцов сказал: «Заклинаю тебя жизнью, о господин мой Нур ад-дин, выпей зтот кубок!» И подошел другой юноша и стал заклинать его разводом, и другой встал перед ним на ноги, и Нур ад-дин застыдился, и взял у садовника кубок, и отпил из него глоток, но выплюнул его и воскликнул: «Оно горькое!» И садовник сказал ему: «О господин мой Нур ад-дин, не будь оно горьким, в нем не было бы зтих полезных свойств. Разве ты не знаешь, что все сладкое, что едят для лечения, кажется вкушающему горьким, а в зтом вине — многие полезные свойства, и в числе их то, что оно переваривает пищу, прогоняет огорчение и заботу, прекращает ветры, просветляет кровь, очищает цвет лица и оживляет тело. Оно делает труса храбрым и усиливает решимость человека к совокуплению, и, если бы мы упомянули все его полезные свойства, изложение, право, бы затянулось».

Потом садовник, в тот же час и минуту, поднялся на ноги и, открыв одну из кладовых под этим портиком, вынул оттуда голову очищенного сахару, и, отломив от нее большой кусок, положил его в кубок Нур ад-дина, и сказал: «О господин мой, если ты боишься пить вино из-за горечи, выпей его сейчас — оно стало сладким». И Нур ад-дин взял кубок и выпил его, а потом чашу наполнил один из детей купцов и сказал: «О господин мой Нур ад-дин, я твой раб!» И другой тоже сказал: «Я один из твоих слуг». И поднялся третий и сказал: «Ради моего сердца!» И поднялся еще один и сказал: «Ради Аллаха, о господин мой Нур ад-дин, залечи мое сердце». И все десять сыновей купцов не отставали от Нур ад-дина, пока не заставили его выпить десять кубков — каждый по кубку.

А нутро у Нур ад-дина было девственное — он никогда не пил вина раньше зтого часа,— и вино лишило его рассудка, и опьяненье его усилилось. И он поднялся на ноги (а язык его отяжелел, и речь его стала непонятной) и воскликнул: «О люди, клянусь Аллахом, вы прекрасны,

и ваши слова прекрасны, и это место прекрасно, но только в нем недостает хорошей музыки».

И тогда поднялся садовник и, сев на одного из мулов детей купцов, скрылся куда-то и вернулся. И с ним была каирская девушка, подобная свежему курдюку, или чистому серебру, или динару в фарфоровой миске, или газели в пустыне, и лицо ее смущало сияющее солнце: с чарующими глазами, бровями, как изогнутый лук, розовыми щеками, жемчужными зубами, сахарными устами и томными очами; с грудью цвета слоновой кости, втянутым животом со свитыми складками, ягодицами, как набитые подушки, и бедрами, как сирийские таблицы, а между ними была вещь, подобная кошельку, завернутому в кусок полотна.

И эта девушка была подобна луне, когда она становится полной в четырнадцатую ночь, и было на ней синее платье и зеленое покрывало над блистающим лбом, и ошеломляла она умы и смущала обладателей разума, и была она до предела красива, прелестна, стройна станом и соразмерна.

И юноша-садовник сказал девушке: «Знай, о владычица красавиц и всех блистающих звезд, что мы пожелали твоего прихода в это место только для того, чтобы ты развлекала этого юношу, прекрасного чертами, господина моего Нур ад-дина. И он не приходил к нам в это место до сегодняшнего дня».— «О, если бы ты мне сказал об этом раньше, чтобы я принесла то, что у меня есть!» — воскликнула девушка. «О госпожа, я схожу и принесу тебе это»,— сказал садовник. И девушка молвила: «Делай как тебе вздумалось!» — «Дай мне что-нибудь как знак»,— сказал садовник. И девушка дала ему платок.

И тогда садовник быстро ушел и отсутствовал некоторое время, а потом вернулся, неся зеленый мешок из гладкого шелка, с двумя золотыми подвесками. И девушка взяла мешок у садовника, и развязала его, и вытряхнула, и из него выпало тридцать два кусочка дерева, и девушка стала вкладывать кусочки один в другой и, обнажив кисти рук, поставила дерево прямо, и превратилось оно в лютню, полированную, натертую, изделие индийцев. И девушка склонилась над ней, как мать склоняется над ребенком, и пощекотала ее пальцами, и лютня застонала, и зазвенела, и затосковала по прежним местам, и вспомнила она воды, что напоили ее, и землю, на которой она выросла. И вспомнила она плотников, которые ее вырубили, и лакировщиков, что покрыли ее лаком, и купцов, которые ее

доставили, и корабли, что везли ее, и возвысила голос, и закричала, и стала рыдать, и запричитала, и казалось, что девушка спросила ее об этом, и она ответила языком нежных звуков.

И потом девушка немного помолчала, и положила лютню на колени, и склонилась над ней, как мать склоняется над ребенком. И потом она ударила по струнам на много ладов, и вернулась к первому ладу, и произнесла такие стихи:

«Когда бы в желанный миг настало свиданье,
Воспрянул бы любящий, забыл бы страданье.

Поет соловей в кустах, как будто в разлуке
С возлюбленным песнь его — не песнь, а рыданье.

Скорее ты пробудись, луна засияла;
Влюбленного же всегда страшит опозданье.

Завистники спят сейчас, они не опасны;
Для нас все струны звучат на все мирозданье.

Гвоздика, нарцисс и мирт с царицею розой —
Четыре участника в правдивом гаданье.

Влюбленный с возлюбленным сегодня пируют,
И золото, и вино — для них оправданье.

Так будь же счастлив и ты! Ведь радость мгновенно
Минует, а вслед за ней плетется преданье».

И Нур ад-дин, услышав от девушки эти стихи, посмотрел на нее оком любви и едва мог владеть своей душой от великой к ней склонности, и она тоже, так как она посмотрела на всех собравшихся сыновей купцов и на Нур ад-дина и увидела, что он среди них — как луна среди звезд, ибо он был мягок в словах, и изнежен, и совершенен по стройности, соразмерности, блеску и красоте — нежнее ветерка и мягче Таснима. И тогда Нур ад-дин начал восхвалять ее, говоря:

«Хмельная, клонится ко мне
Она, играя в тишине;

Поет струна: «Так хочет бог...»
И я покорствую струне».

И когда Нур ад-дин проговорил эти слова и сказал свои нанизанные стихи, девушка посмотрела на него оком любви, и увеличилась ее любовь и страсть к нему. Она

удивилась его красоте, прелести, тонкости его стана и соразмерности и, не владея собой, еще раз обняла лютню и произнесла такие стихи:

«Он гонит прочь меня, клянет, глумится,
А дух мой у него в руках томится;

Аллах ему поведал, что со мною,
И он теперь победою гордится.

Я лик его в мою ладонь вписала,
Чтоб горестному взору насладиться.

Однако ропщет взор мой ненасытный,
Снедь призрачная сердцу не годится.

Мне вырвать бы завистливое сердце,
Пускай весь мир передо мной затмится!

Как мне утешить гибнущее сердце,
Которое к нему всегда стремится».

А когда девушка произнесла эти стихи, Нур ад-дин удивился красоте ее стихотворения, красноречию ее слов, нежности ее выговора и ясности ее языка, его покинул разум от сильной страсти, тоски и любовного безумия. Он не мог терпеть без нее ни минуты и, наклонившись к ней, прижал ее к груди, и она тоже бросилась к нему и оказалась близ него. Она поцеловала его в лоб, а он поцеловал ее в уста, сжав сначала ее стан, и начал играть с нею, целуясь, как клюются голубки. И девушка повернулась к нему и стала делать с ним то же, что он делал с нею, и присутствующие словно обезумели и поднялись на ноги, и Нур ад-дин застыдился и снял с нее руку. А потом девушка взяла лютню и, ударив по струнам на много ладов, вернулась к первому ладу и произнесла такие стихи:

«Луна в небесах обнажается, словно клинок;
Газелей страшит, и газели бегут со всех ног.

А здесь на земле властелин мой стройнее копья;
Войска своих прелестей двинув, меня превозмог.

О, было бы мягкое сердце в груди у него,
Когда упоительно мягок пленительный бок!

О, если бы сердце и бок поменяться местами могли;
Тогда бы ко мне повелитель мой не был жесток.

Хулитель, прости меня; смертью грозит мне любовь;
Ты с ним остаешься, а мне восхищенье не в прок».

Нур ад-дин пришел от стихов девушки в величайший восторг и несказанно удивился ей, а потом он ответил на ее стихи такими стихами:

«Когда бы в темной ночи явилась в небе она,
Красою пристыжена, исчезла бы вмиг луна.

Когда б она поутру явила чело свое,
Нам всем показалось бы, что слишком заря бледна.

Пускай струятся слова, как слезы льются мои:
В такой непрерывности любовь яснее видна.

Грозит она стрелами; я тщетно ее молю,
Когда все равно стрелой душа моя пронзена.

Поток моих горьких слез от Нила произошел;
Злосчастная страсть моя пустыней закалена.

Сказала: «Отдай казну!» И я остался ни с чем.
Сказала: «Отдай мне сон!» И очи мои без сна».

И когда девушка услышала слова Нур ад-дина и его красноречие, ее сердце улетело, и ум ее был ошеломлен, и юноша завладел всем ее сердцем. И она прижала его к груди и начала целовать его поцелуями, подобными клеванью голубков, и юноша тоже отвечал ей непрерывными поцелуями, но преимущество принадлежит начавшему прежде. А кончив целовать Нур ад-дина, девушка взяла лютню и произнесла такие стихи:

«О, горе, горе мне! За что опять клянет меня хулитель?
Пожалуюсь я на него ему же, пусть он мой гонитель!

Не знала я, что мне страдать придется, даже если станет
Моим покинувший меня мой обольстительный мучитель.

О, как ты был жесток со мной за то, что я тебя любила;
Узнал об этом от меня хулитель мой и притеснитель.

Еще вчера корила я того, кто смел в тебя влюбиться;
Сегодня я прощаю всех, кому ты мил, мой совратитель.

И если тяжкая беда сразит меня с тобой в разлуке,
Аллаха вслух я призову и с ним тебя, мой покровитель».

И Нур ад-дин, услышав от этой девушки такие слова и нанизанные стихи, удивился красноречию ее языка и поблагодарил ее за изящество и разнообразие ее речей, а девушка, когда услышала похвалы Нур ад-дина, подня-

лась в тот же час и минуту на ноги, и сняла с себя бывшие на ней одежды и украшения, и, обнажившись, села Нур ад-дину на колени, и стала целовать его в лоб и целовать родинки на его щеках. Она подарила ему все, что было на ней, и сказала: «Знай, о возлюбленный моего сердца, что подарок — по сану дарящего». И Нур ад-дин принял от нее это и затем возвратил ей подарок обратно и стал ее целовать в уста, щеки и в глаза, а когда это окончилось (вечен только живой, самосущий, наделяющий и павлина и сову!), Нур ад-дин поднялся со своего места и встал на ноги, и девушка спросила его: «Куда, о мой господин?» — «В дом моего отца»,— ответил Нур ад-дин. И сыновья купцов стали заклинать его, чтобы он спал у них, но Нур ад-дин отказался и, сев на своего мула, поехал и ехал до тех пор, пока не достиг дома своего отца.

И его мать поднялась и сказала: «О дитя мое, какова причина твоего отсутствия до этого времени? Клянусь Аллахом, ты расстроил меня и твоего отца своим отсутствием, и наше сердце было занято тобою!» И затем его мать подошла к нему, чтобы поцеловать его, и почувствовала запах вина, и воскликнула: «О дитя мое, как это, после молитвы и набожности, ты стал пить вино и ослушался того, в чьих руках творение и повеленье!»

И когда они разговаривали, вдруг пришел его отец, и Нур ад-дин бросился на постель и лег. «Что это такое с Нур ад-дином?» — спросил его отец. И мать сказала: «У него как будто заболела голова от воздуха в саду». И тогда отец Нур ад-дина подошел к нему, чтобы спросить, что у него болит, и поздороваться с ним, и почувствовал от него запах вина. А этот купец, по имени Тадж ад-дин, не любил тех, кто пьет вино, и он сказал своему сыну: «Горе тебе, о дитя мое, разве твоя глупость дошла до того, что ты пьешь вино?» И, услышав слова своего отца, Нур ад-дин поднял руку, будучи пьян, и ударил его, и, по предопределенному велению, удар пришелся в правый глаз его отца, и он вытек ему на щеку, и отец Нур ад-дина упал на землю, покрытый беспамятством, и пролежал без чувств некоторое время. И на него побрызгали розовой водой, и он очнулся от обморока и хотел побить Нур ад-дина, но его мать удержала его. И Тадж ад-дин поклялся разводом с его матерью, что, когда настанет утро, Нур ад-дину обязательно отрубят правую руку.

И когда мать Нур ад-дина услышала слова его отца, ее охватил ужас, ибо она испугалась за сына. Она до тех пор

уговаривала его отца и успокаивала его сердце, пока Тадж ад-дина не одолел сон, и, подождав, пока взошла луна, она подошла к своему сыну (а его опьянение уже прошло) и сказала ему: «О Нур ад-дин, что это за скверное дело ты сделал с твоим отцом?» — «А что я сделал с моим отцом?» — спросил Нур ад-дин. И его мать сказала: «Ты ударил его рукой по правому глазу, и он вытек ему на щеку, и твой отец поклялся разводом, что, когда настанет утро, он обязательно отрубит тебе правую руку». И Нур ад-дин стал раскаиваться в том, что из-за него произошло, когда не было ему от раскаянья пользы, и его мать сказала: «О дитя мое, это раскаянье тебе не поможет, и тебе следует сейчас же встать и бежать, ища спасения твоей души. Скрывайся, когда будешь выходить, пока не дойдешь до кого-нибудь из твоих друзей, а там подожди и посмотри, что сделает Аллах. Он ведь изменяет одни обстоятельства за другими».

И потом мать Нур ад-дина отперла сундук с деньгами и, вынув оттуда мешок, в котором было сто динаров, сказала сыну: «О дитя мое, возьми эти деньги и помогай себе ими в том, что для тебя полезно, а когда они у тебя выйдут, о дитя мое, пришли письмо и уведоми меня, чтобы я прислала тебе другие. И когда будешь присылать мне письма, присылай сведения о себе тайно: может быть, Аллах определит тебе облегчение, и ты вернешься в свой дом». И потом она простилась с Нур ад-дином и заплакала сильным плачем, больше которого нет, а Нур ад-дин взял у матери мешок с динарами и хотел уходить. И он увидел большой мешок, который его мать забыла возле сундука (а в нем была тысяча динаров), и взял его, и, привязав оба мешка к поясу, вышел из своего переулка. И он направился в сторону Булака, раньше чем взошла заря.

И когда наступило утро и люди поднялись, объявляя единым Аллаха, владыку открывающего, и все вышли туда, куда направлялись, чтобы раздобыть то, что уделил им Аллах, Нур ад-дин уже достиг Булака. И он стал ходить по берегу реки и увидел корабль, с которого были спущены мостки, и люди спускались и поднимались по ним, а якорей у корабля было четыре, и они были вбиты в землю. И Нур ад-дин увидел стоявших матросов и спросил их: «Куда вы едете?» — «В город Искандарию», — ответили матросы. «Возьмите меня с собой», — сказал Нур ад-дин. И матросы ответили: «Добро пожаловать, о юноша, о

красавец!» И тогда Нур ад-дин в тот же час и минуту поднялся и пошел на базар и купил то, что ему было нужно из припасов, ковров и покрывал, и вернулся на корабль, а корабль был уже снаряжен к отплытию.

И когда Нур ад-дин взошел на корабль, корабль простоял с ним лишь недолго и в тот же час и минуту поплыл, и этот корабль плыл до тех пор, пока не достиг города Рушейда. И когда туда прибыли, Нур ад-дин увидел маленькую лодку, которая шла в Искандарию, и сел в нее и, пересекши пролив, ехал до тех пор, пока не достиг моста, называемого мост Джами. И Нур ад-дин вышел из лодки и вошел через ворота, называемые Ворота Лотоса, и Аллах оказал ему покровительство, и не увидел его никто из стоявших у ворот. И Нур ад-дин шел до тех пор, пока не вошел в город Искандарию и увидел, что это город с крепкими стенами и прекрасными местами для прогулок. И он услаждает обитателей и внушает желание в нем поселиться, и ушло от него время зимы с ее холодом, и пришло время весны с ее розами; цветы в городе расцвели, деревья покрылись листьями, плоды в нем дозрели и каналы стали полноводны. И этот город, прекрасно построенный и расположенный, и жители его — воины из лучших людей. Когда запираются его ворота, обитатели его в безопасности.

И Нур ад-дин пошел по этому городу и шел до тех пор, пока не пришел на рынок столяров, а потом пошел на рынок менял, потом — на базар торговцев сухими плодами, потом — на базар фруктовщиков, потом — на рынок москательщиков, и он все дивился этому городу, ибо качества его соответствовали его имени.

И когда он шел по рынку москательщиков, вдруг один человек, старый годами, вышел из своей лавки и, пожелав Нур ад-дину мира, взял его за руку и пошел с ним в свое жилище. И Нур ад-дин увидал красивый переулок, подметенный и политый, и веял в нем ветер, и был приятен, и осеняли его листья деревьев. В этом переулке было три дома, и в начале его стоял дом, устои которого утвердились в воде, а стены возвысились до облаков небесных, и подмели двор перед этим домом, и полили его, и вдыхали запах цветов те, кто подходил к нему, и встречал их ветерок, точно из садов блаженства, и начало этого переулка было выметено и полито, а конец — выложен мрамором.

И старец вошел с Нур ад-дином в этот дом и предложил ему кое-чего съестного, и они стали есть, и когда Нур ад-дин покончил с едой, старец спросил его: «Когда было прибытие из города Каира в этот город?» — «О батюшка, сегодня ночью», — ответил Нур ад-дин. «Как твое имя?» — спросил старец. И Нур ад-дин ответил: «Али Нур ад-дин». И тогда старец воскликнул: «О дитя мое, о Нур ад-дин, клянусь Аллахом, это счастливый случай! Пока ты будешь находиться в этом городе, не расставайся со мной, и я отведу тебе помещение, в котором ты будешь жить». — «О господин мой шейх, увеличь мое знакомство с тобой», — сказал Нур ад-дин. И старец молвил: «О дитя мое, знай, что я в таком-то году пришел в Каир с товарами и продал их там и купил других товаров. И мне понадобилась тысяча динаров, и их отвесил за меня твой отец Тадж ад-дин, не зная меня, и он не написал о них свидетельства и ждал этих денег, пока я не вернулся в этот город и не отослал их ему с одним из моих слуг, и с ним подарок. Я видел тебя, когда ты был маленький, и, если захочет великий Аллах, я отчасти воздам тебе за то, что твой отец для меня сделал».

И когда Нур ад-дин услышал эти слова, он проявил радость и улыбнулся и, вынув мешок, в котором была тысяча динаров, подал его старику и сказал: «Возьми их к себе на хранение, пока я не куплю на них каких-нибудь товаров, чтобы торговать ими».

И потом Нур ад-дин провел в городе Искандарии несколько дней, и он каждый день гулял по какой-нибудь улице, ел, пил, наслаждался и веселился, пока не вышла сотня динаров, которую он имел при себе на расходы. И он пошел к старику москательщику, чтобы взять у него сколько-нибудь из тысячи динаров и истратить их, и не нашел его в лавке, и тогда он сел в лавке, ожидая, пока старик вернется. И он начал смотреть на купцов и поглядывал направо и налево.

И когда он так сидел, вдруг приехал на рынок персиянин, который сидел верхом на муле, а сзади него сидела девушка, похожая на чистое серебро, или на палтус в водоеме, или на газель в пустыне. Ее лицо смущало сияющее солнце, и глаза ее чаровали, у нее были жемчужные зубы, втянутый живот и ноги, как концы курдюка, и была она совершенна по красоте, прелести, тонкости стана и соразмерности.

И персиянин сошел с мула и свел на землю девушку, а потом он кликнул посредника и, когда тот предстал перед ним, сказал ему: «Возьми эту девушку и покричи о ней на рынке». И посредник взял девушку и вывел ее на середину рынка. Он скрылся на некоторое время и вернулся, неся скамеечку из черного дерева, украшенную белой слоновой костью, и поставил скамеечку на землю, и посадил на нее девушку, подобную дейлемскому щиту или яркой звезде, и была эта девушка как луна, когда она становится полной в четырнадцатую ночь, и обладала пределом блестящей красоты.

И посредник спросил купцов: «Сколько вы дадите за жемчужину ныряльщика и за газель, ускользнувшую от ловца?» И один из купцов сказал: «Она моя за сто динаров!» А другой сказал: «За двести динаров». А третий сказал: «За триста динаров». И купцы до тех пор набавляли цену за эту девушку, пока не довели ее до девятисот пятидесяти, и оставалось лишь утвердить продажу. И тогда посредник подошел к персиянину, ее господину, и сказал ему: «Цена за твою невольницу дошла до девятисот пятидесяти динаров. Продашь ли ты ее, а мы получим для тебя деньги?» — «А девушка согласна на это? — спросил персиянин.— Мне хочется ее уважить, так как я заболел во время этого путешествия, и девушка прислуживала мне наилучшим образом. Я поклялся, что продам ее лишь тому, кому она захочет и пожелает, и оставлю ее продажу в ее руках. Спроси же ее, и если она скажет: «Согласна», продай ее кому она пожелает, а если скажет: «Нет», не продавай».

И посредник подошел к девушке и сказал: «О владычица красавиц, знай, что твой господин оставил дело продажи в твоих руках, а цена за тебя дошла до девятисот пятидесяти динаров; позволишь ли ты мне тебя продать?» — «Покажи мне того, кто хочет меня купить, прежде чем заключать сделку»,— сказала девушка посреднику. И тот подвел ее к одному из купцов, и был это старик, престарелый и дряхлый.

И девушка смотрела на него некоторое время, а потом обернулась к посреднику и сказала: «О посредник, что ты — бесноватый или твой разум поражен?» — «Почему, о владычица красавиц, ты говоришь мне такие слова?» — спросил посредник. И девушка воскликнула: «Разве дозволяет тебе Аллах продать меня этому дряхлому старику, о жене которого сказаны такие стихи:

Красавица вновь кольнт меня по заслугам,
Сначала призвав меня к напрасным потугам:

«Не можешь со мной сойтись ты, как подобает,
Но даже в рогах моим останешься другом.

Хорош твой член восковой; как я ни старалась,
Ни разу не смог он встать в упорстве упругом».

И когда старшина купцов услышал от девушки эту безобразную насмешку, он разгневался великим гневом, больше которого нет, и сказал посреднику: «О скверненший из посредников, ты привел к нам на рынок злосчастную невольницу, которая дерзит мне и высмеивает меня среди купцов!» И тогда посредник взял девушку, ушел от него и сказал девушке: «О госпожа, не будь невежливой: старик, которого ты высмеяла,— старшина рынка и надсмотрщик за ценами, и купцы советуются с ним».

И девушка сказала посреднику: «Клянусь Аллахом, я не буду продана этому старику, продавай меня другому! Может быть, ему сделается передо мной стыдно, и он продаст меня еще кому-нибудь, и я стану работницей, а мне не подобает мучить себя работой, раз я узнала, что решать с моей продажей предоставлено мне». И посредник ответил ей: «Слушаю и повинуюсь!» И он пошел с нею к одному человеку из больших купцов и, дойдя до этого человека, сказал ей: «О госпожа, продать мне тебя этому господину, Шериф ад-дину, за девятьсот пятьдесят динаров?»

И девушка посмотрела на него и увидела, что это старик, но борода у него крашеная, и сказала посреднику: «Бесноватый ты, что ли, или твой разум поврежден, что ты продаешь меня этому умирающему старику? Что я — очесок пакли или обрывок лохмотьев, что ты водишь меня от одного старика к другому, и оба они подобны стене, грозящей свалиться, или ифриту, сраженному падающей звездой. Что касается первого, то язык обстоятельств говорит словами того, кто сказал:

Пусть говорят мне, что седины — свет,
На это я отвечу твердо: «Нет!»

Прекраснее мрак молодых кудрей,
Чем седина моя на склоне лет.

И предпочтет подобной белизне
Тьму прегрешений черных тот, кто сед.

А что до другого, то он человек порочный и сомнительный и чернит лик седины. Покрасив седину, он совершил сквернейшее преступление, и сказал о нем язык его обстоятельств такие стихи:

Ты красишься, но краска не верна;
Себя однажды выдаст седина.

Покрасься лучше в цвет моей судьбы,
Чтоб голова всегда была черна.

И когда старик, выкрасивший себе бороду, услышал от девушки такие слова, он разгневался великим гневом, больше которого нет, и сказал посреднику: «О сквернейший из посредников, ты привел сегодня к нам на рынок глупую невольницу, которая объявляет дураками всех, кто есть на рынке, одного за другим, и осмеивает их стихами и пустыми словами!» И потом этот купец вышел из своей лавки и ударил посредника по лицу. И посредник взял девушку и пошел с нею обратно, рассерженный, и воскликнул: «Клянусь Аллахом, я в жизни не видел невольницы более бесстыдной, чем ты! Ты сегодня пресекла мой достаток и свой достаток, и возненавидели меня из-за тебя все купцы!»

И их увидел на дороге один купец и прибавил за девушку десять динаров (а звали этого купца Шихаб ад-дин), и посредник попросил у девушки разрешения продать ее, и она сказала: «Покажи мне его, я на него посмотрю и спрошу его про одну вещь. Если эта вещь есть у него в доме — я соглашусь, а если нет, то — нет». И посредник оставил ее и, подойдя к купцу, сказал ему: «О господин мой Шихаб ад-дин, знай, что эта невольница сказала мне, что она тебя спросит об одной вещи, и, если эта вещь у тебя есть, девушка будет тебе продана. Ты слышал, что она говорила купцам, твоим товарищам. Клянусь Аллахом, я боюсь, что, когда я приведу ее к тебе, она сделает с тобою то же, что она сделала с твоими соседями, и я буду перед тобой опозорен. Если ты мне позволишь подвести к тебе девушку, я ее к тебе подведу».— «Подведи ее ко мне»,— сказал купец. И посредник ответил: «Слушаю и повинуюсь!» — и пошел и подвел девушку к купцу. И девушка взглянула на него и сказала: «О господин мой Шихаб ад-дин, есть у тебя в доме подушки, набитые кусочками беличьего меха?» — «Да, о владычица красавиц, у меня в доме десять подушек, набитых кусочками беличьего меха,— ответил купец.— Заклинаю

тебя Аллахом, что ты будешь делать с этими подушками?» — «Я подожду, пока ты заснешь, и положу их тебе на рот и на нос, чтобы ты умер», — ответила девушка.

А потом она обернулась к посреднику и сказала ему: «О гнуснейший из посредников, похоже, что ты бесноватый! Ты только что предлагал меня двум старикам, у каждого из которых по два порока, а после этого предлагаешь меня господину Шихаб ад-дину, у которого три порока: во-первых, он коротышка, во-вторых, у него большой нос, а в-третьих, у него длинная борода».

И когда купец Шихаб ад-дин услышал от девушки такие речи, он вышел из своей лавки и, схватив посредника за ворот, воскликнул: «О злосчастнейший из посредников, как это ты приводишь к нам невольницу, которая нас поносит и высмеивает, одного за другим, стихами и вздорными речами!» И посредник взял девушку и ушел от купца, говоря: «Клянусь Аллахом, я всю жизнь занимаюсь этим ремеслом, но не видел невольницы менее вежливой, чем ты, и звезды для меня несчастнее, чем твоя звезда. Ты прервала мой надел на сегодняшний день, и я ничего не нажил через тебя, кроме ударов по затылку и хватанья за ворот!»

И потом посредник опять остановился с девушкой около одного купца, обладателя рабов и невольников, и спросил: «Продавать ли тебя этому купцу, Сиди Ала-ад-дину?» И девушка посмотрела на него и увидела, что он горбатый. «Это горбун!» — сказала она.

И тут посредник поспешил к девушке, и взял ее, и подвел к другому купцу, и спросил: «Продать ли тебя этому?» И девушка посмотрела на купца и увидела, что у него гноятся глаза, и воскликнула: «Он с гнойливыми глазами! Как ты продаешь меня ему!»

И тогда посредник взял девушку, и подошел с ней к другому купцу, и спросил ее: «Продать ли тебя этому?» И девушка посмотрела на него и увидела, что у него большая борода. «Горе тебе! — сказала она посреднику. — Этот человек — баран, но хвост вырос у него на горле! Как же ты продаешь меня ему, о злосчастнейший из посредников! Разве ты не слышал, что все длиннобородые малоумны, и насколько длинна борода, настолько недостает ума. Это дело известное среди разумных».

И тогда посредник взял девушку и пошел обратно, и она спросила его: «Куда ты со мной направляешься?» —

«К твоему господину — персиянину,— ответил посредник.— Достаточно с нас того, что с нами сегодня из-за тебя случилось. Ты была причиной отсутствия дохода для меня и для него своей малой вежливостью».

И невольница посмотрела на рынок и взглянула направо, налево, и назад, и вперед, и ее взгляд, по предопределенному велению, упал на Нур ад-дина каирского. И увидела она, что это красивый юноша с чистыми щеками и стройным станом, четырнадцати лет от роду, редкостно красивый, прекрасный, изящный и изнеженный, подобный луне, когда она становится полной в ночь четырнадцатую, с блестящим лбом, румяными щеками, шеей, точно мрамор, и зубами, как жемчуга, а слюна его была слаще сахара.

И когда девушка посмотрела на Нур ад-дина, разум покинул ее, и юноша поразил ее в самое сердце, и она полюбила его. И она обернулась к посреднику и спросила его: «Разве этот юноша — купец, что сидит среди купцов и одет в фарджию из полосатого сукна, не прибавил к цене за меня ничего?» И посредник ответил: «О владычица красавиц, этот юноша — чужеземец, каирец. Его отец — один из больших каирских купцов, и у него преимущество перед всеми тамошними купцами и вельможами, а юноша находится в нашем городе малый срок, и он живет у одного из друзей своего отца. Он не говорил насчет тебя ни о прибавке, ни об убавке».

И когда невольница услышала слова посредника, она сняла со своего пальца дорогой перстень с яхонтом и сказала посреднику: «Подведи меня к этому прекрасному юноше — если он меня купит, этот перстень будет тебе за твое утомление в сегодняшний день». И посредник обрадовался и пошел с нею к Нур ад-дину, и, когда невольница оказалась подле юноши, она всмотрелась в него и увидела, что он подобен полной луне, так как он был изящен в красоте, строен станом и соразмерен.

И девушка сказала Нур ад-дину: «О господин мой, заклинаю тебя Аллахом, разве я не красива?» И Нур ад-дин ответил: «О владычица красавиц, а разве есть в дальнем мире кто-нибудь лучше тебя?» — «Почему же ты видел, что все купцы набавляют за меня цену, а сам молчал и ничего не сказал и не прибавил за меня ни одного динара, как будто я тебе не понравилась, о господин?» — сказала девушка. И Нур ад-дин молвил: «О госпожа, если бы я был в моем городе, я бы купил тебя за все деньги, которыми

владеют мои руки».— «О господин,— сказала девушка,— я не говорила тебе: «Купи меня против твоего желания». Но если бы ты прибавил за меня что-нибудь, ты бы залечил мое сердце, даже если бы и не купил меня, потому что купцы бы сказали: «Не будь эта девушка красивой, этот каирский купец не прибавил бы за нее, так как жители Каира сведущи в невольницах».

И Нур ад-дину стало стыдно из-за слов, которые сказала девушка, и его лицо покраснело. «До чего дошла цена за эту девушку?» — спросил он посредника. И тот ответил: «Цена за нее дошла до девятисот пятидесяти динаров, кроме платы за посредничество, а что касается доли султана, то она с продающего».— «Пусть невольница будет моя за цену в тысячу динаров, вместе с платой за посредничество»,— сказал посреднику Нур ад-дин. И девушка поспешно отошла от посредника и сказала: «Я продала себя этому красивому юноше за тысячу динаров!» И Нур ад-дин промолчал, и кто-то сказал: «Мы ему ее продали». И другой сказал: «Он достоин!» И кто-то воскликнул: «Проклятый! Сын проклятого тот, кто набавляет цену и не покупает!» А еще один сказал: «Клянусь Аллахом, они подходят друг к другу!»

И не успел Нур ад-дин опомниться, как посредник привел судей и свидетелей и написал на бумаге условие о купле и продаже, и посредник подал бумагу Нур ад-дину и сказал: «Получай свою невольницу! Да сделает ее Аллах для тебя благословенной! Она подходит только для тебя, а ты подходишь только для нее». И посредник произнес такие стихи:

«Пришла к нему радость, ответив на зов,
Покорнее самых покорных рабов.

У каждого радость на свете своя,
Но каждый ли встретиться с нею готов?»

И Нур ад-дину стало стыдно перед купцами, и он в тот же час и минуту поднялся и отвесил тысячу динаров, которую он положил на хранение у москательщика, друга его отца, а потом он взял невольницу и привел ее в дом, куда поселил его старик москательщик. И когда девушка вошла в дом, она увидела там дырявый ковер и старый кожаный коврик и воскликнула: «О господин мой, разве я не имею у тебя сана и не заслуживаю, чтобы ты привел меня в свой главный дом, где стоят твои вещи? Почему ты

не отвел меня к твоему отцу?» — «Клянусь Аллахом, о владычица красавиц,— ответил Нур ад-дин,— это мой дом, в котором я живу, но он принадлежит старику москательщику, из жителей этого города, и москательщик освободил его для меня и поселил меня в нем. Я же сказал тебе, что я чужеземец и что я из сыновей города Каира».— «О господин мой,— отвечала невольница,— самого маленького дома будет достаточно до тех пор, пока ты не вернешься в свой город. Но заклинаю тебя Аллахом, о господин мой, поднимись и принеси нам немного жареного мяса, вина и плодов, сухих и свежих».—«Клянусь Аллахом, о владычица красавиц,— ответил Нур ад-дин,— у меня не было других денег, кроме той тысячи динаров, которую я отвесил в уплату за тебя, и я не владею ничем, кроме этих динаров. Было у меня еще несколько дирхемов, но я истратил их вчера».—«Нет ли у тебя в этом городе друга, у которого ты бы занял пятьдесят дирхемов? Принеси их мне, а я тебе скажу, что с ними делать»,— молвила девушка. «Нет у меня друга, кроме москательщика»,— ответил Нур ад-дин.

И затем он тотчас же отправился к москательщику и сказал ему: «Мир с тобою, о дядюшка!» И москательщик ответил на его приветствие и спросил: «О дитя мое, что ты сегодня купил на твою тысячу динаров?»—«Я купил на них невольницу»,— ответил Нур ад-дин. «О дитя мое,— воскликнул москательщик,— разве ты бесноватый, что покупаешь одну невольницу за тысячу динаров? О, если бы мне знать, из какого народа эта невольница!»—«О дядюшка, это невольница из дочерей франков»,— ответил Нур ад-дин.

И старец молвил: «Знай, о дитя мое, что лучшей из дочерей франков цена у нас, в нашем городе, сто динаров. Но клянусь Аллахом, о дитя мое, над тобой устроили хитрость с этой невольницей. Если ты ее полюбил, проспи подле нее сегодняшнюю ночь и удовлетвори с нею свое желание, а утром отведи ее на рынок и продай, хотя бы тебе пришлось потерять на этом двести динаров. Считай, что ты потерпел кораблекрушение в море или что на тебя напали воры в дороге».—«Твои слова правильны,— ответил Нур ад-дин.— Но ты знаешь, о дядюшка, что со мной ничего не было, кроме тысячи динаров, на которые я купил эту невольницу, и у меня ничего не осталось на расходы, ни одного дирхема. Я хочу от тебя милости и благодеяния: одолжи мне пятьдесят дирхемов. Я буду расходовать их до

завтра, а завтра я продам невольницу и верну их тебе из платы за нее».— «Я дам их тебе, о дитя мое, с удовольствием!» — ответил старик.

И потом он отвесил Нур ад-дину пятьдесят дирхемов и сказал: «О дитя мое, ты — юноша молодой годами, а эта невольница — красивая, и, может быть, твое сердце привязалось к ней и тебе нелегко ее продать. У тебя ничего нет на расходы, и эти пятьдесят дирхемов кончатся, и ты придешь ко мне, и я дам тебе взаймы в первый раз, и во второй раз, и в третий раз, до десяти раз, а если ты придешь ко мне после этого, я не отвечу тебе на законное приветствие, и пропадет наша дружба с твоим отцом». И затем старик дал ему пятьдесят дирхемов, и Нур ад-дин взял их и принес невольнице, и та сказала: «О господин мой, пойди сейчас же на базар и принеси нам на двадцать дирхемов цветного шелку пяти цветов, а на остальные тридцать дирхемов принеси нам мяса, плодов, вина и цветов».

И Нур ад-дин отправился на базар и купил все, что потребовала невольница, и принес это к ней, и девушка в тот же час и минуту поднялась и, засучив рукава, состряпала кушанье и приготовила его самым лучшим образом, а потом она подала кушанье Нур ад-дину, и он стал есть, и она ела с ним, пока оба не насытились. Потом она подала вино и начала пить с ним, и она до тех пор поила и развлекала Нур ад-дина, пока тот не опьянел и не заснул. И тогда девушка в тот же час и минуту поднялась, и, вынув из своего узла мешок из таифской кожи, развязала его, и вынула из него два крючка, и потом она села, и принялась за работу, и работала, пока не кончила, и шелк превратился в красивый зуннар. И девушка завернула зуннар в тряпицу, сначала почистив его и придав ему блеск, и положила его под подушку.

А потом она поднялась, оголилась и легла рядом с Нур ад-дином. Она начала его растирать, и он пробудился от сна и увидел подле себя девушку, подобную чистому серебру, мягче шелка и свежее курдюка. Она была заметнее, чем знамя, и лучше красных верблюдов — в пять пядей ростом, с высокой грудью, бровями точно луки для стрел и глазами, как глаза газелей. Щеки ее были точно анемоны, живот у нее был втянутый и со складками, пупок ее вмещал унцию орехового масла, и бедра походили на подушки, набитые перьями страусов, а между ними была

вещь, которую бессилен описать язык, и при упоминании ее изливаются слезы.

И Нур ад-дин в тот же час и минуту повернулся к девушке, и прижал ее к своей груди, и стал сосать ее верхнюю губу, пососав сначала нижнюю, а затем он метнул язык между ее губ и поднялся к ней, и нашел он,что эта девушка — жемчужина несверленая и верблюдица, другим не объезженная. И он уничтожил ее девственность и достиг единения с нею, и завязалась меж ними любовь неразрывная и бесконечная. И осыпал он щеки ее поцелуями, точно камешками, что падают в воду, и пронзал ее словно разя копьем при набеге врассыпную, ибо Нур ад-дин любил обнимать черноглазых, сосать уста, распускать волосы, сжимать в объятиях стан, кусать щеки и сидеть на груди, с движениями каирскими, заигрываниями йеменскими, вскрикиваниями абиссинскими, истомой индийской и похотью нубийской, стонами дамиетскими, жаром сандийским и томностью александрийской. А девушка соединяла в себе все эти качества вместе с избыточной красотой и изнеженностью, и сказал о ней поэт:

Я сохну по ней весь век, томлюсь и тоскую
И все-таки полюбить не в силах другую.

Она в небесах луна; прославлен всевышний,
Создавший ради меня мою дорогую.

Когда любовь моя — грех, не чаю спасенья;
Лишь бога благодарю за кару такую.

Я болен из-за нее, не знаю покоя
И только любви весь век всем сердцем взыскую.

Я слышал стих от нее и крепко запомнил
Слова, чтобы повторять, пока существую:

«На этой земле понять влюбленного может
Лишь тот, кто изведал сам любовь роковую».

И Нур ад-дин с девушкой провели ночь до утра в наслаждении и радости, одетые в одежды объятий с крепкими застежками, в безопасности от бедствий ночи и дня, и спали они в наилучшем состоянии, не боясь при сближении долгих толков и разговоров.

А когда наступило утро и засияло светом и заблистало, Нур ад-дин пробудился от сна и увидел, что девушка уже принесла воду. И они с девушкой умылись, и Нур ад-дин

совершил надлежащие молитвы своему господу, и затем девушка принесла ему то, что было под рукой из съестного и напитков, и Нур ад-дин поел и попил. А после этого невольница сунула руку под подушку и вытащила зуннар, который она сделала ночью, и подала его Нур ад-дину, и сказала: «О господин, возьми этот зуннар».— «Откуда этот зуннар?» — спросил Нур ад-дин. И девушка сказала: «О господин, это тот шелк, который ты купил вчера за двадцать дирхемов. Поднимайся, иди на базар персиян и отдай его посреднику, чтобы он покричал о нем, и не продавай его меньше, чем за двадцать динаров чистыми деньгами на руки».— «О владычица красавиц,— сказал Нур ад-дин,— разве вещь в двадцать дирхемов, которая продается за двадцать динаров, делают в одну ночь?» — «О господин,— ответила девушка,— ты не знаешь цены этого зуннара. Но пойди на рынок и отдай его посреднику, и, когда посредник покричит о нем, его цена станет тебе ясной».

И тогда Нур ад-дин взял у невольницы зуннар и пошел с ним на базар персиян. Он отдал зуннар посреднику и велел ему кричать о нем, а сам присел на скамью перед одной из лавок, и посредник скрылся на некоторое время, а потом пришел к нему и сказал: «О господин, вставай, получи цену твоего зуннара. Она достигла двадцати динаров чистыми деньгами на руки». И Нур ад-дин, услышав слова посредника, до крайности удивился, и пришел в восторг, и поднялся, чтобы получить свои двадцать динаров, а сам и верил и не верил. Получив их, он тотчас же пошел и купил на все деньги разноцветного шелку, чтобы невольница сделала из него всего зуннары.

И затем он вернулся домой, и отдал девушке шелк, и сказал ей: «Сделай из него всего зуннары и научи меня также, чтобы я работал вместе с тобой. Я никогда в жизни не видел ни одного ремесла лучше и больше по заработку, чем это ремесло. Клянусь Аллахом, оно лучше торговли в тысячу раз!» И девушка засмеялась его словам и сказала: «О господин мой Нур ад-дин, пойди к твоему приятелю москательщику и займи у него тридцать дирхемов, а завтра отдай их из платы за зуннар вместе с пятьюдесятью дирхемами, которые ты занял у него раньше».

И Нур ад-дин поднялся, и пришел к своему приятелю москательщику, и сказал ему: «О дядюшка, одолжи мне тридцать дирхемов, а завтра, если захочет Аллах, я принесу тебе все восемьдесят дирхемов разом». И старик

москательщик отвесил ему тридцать дирхемов, и Нур ад-дин взял их, и пошел на базар, и купил на них мяса, хлеба, сухих и свежих плодов и цветов, как сделал накануне, и принес все это девушке; а имя ее было Мариам-кушачница. И, взяв мясо, она в тот же час и минуту поднялась и приготовила роскошное кушанье и поставила его перед своим господином Нур ад-дином, и потом она приготовила скатерть с вином и начала пить вместе с юношей. И она стала наливать и поить его, и Нур ад-дин наливал и поил ее. И когда вино заиграло в их уме, девушке понравилась прекрасная тонкость Нур ад-дина и нежность его свойств.

И девушка беседовала с Нур ад-дином, и он беседовал с нею, и Мариам подавала ему кубок и чашу и требовала, чтобы он ей налил и напоил ее тем, от чего приятно дыханье, а когда он касался ее рукой, она не давалась из кокетства. И опьянение увеличило ее красоту и прелесть.

И они продолжали пить, пока Нур ад-дина не одолело опьянение и он не заснул, и тогда Мариам в тот же час и минуту поднялась и начала работать над зуннаром, следуя своему обычаю, а окончив, она почистила зуннар и завернула его в бумагу и, сняв с себя одежду, проспала подле Нур ад-дина до утра, и было между ними из близости то, что было. А потом Нур ад-дин поднялся и исполнил свои дела, и Мариам подала ему зуннар и сказала: «Снеси его на рынок и продай за двадцать динаров, как ты продал такой же вчера». И Нур ад-дин взял зуннар, и отнес его иа рынок, и продал за двадцать динаров, а потом он пошел к москательщику, и отдал ему восемьдесят дирхемов, и поблагодарил его за милость, и пожелал ему блага. «О дитя мое. продал ты невольницу?» — спросил москательщик. И Нур ад-дин воскликнул: «Ты призываешь на меня зло! Как могу я продать дух из моего тела?»

И он рассказал ему всю историю, с начала до конца, и сообщил ему обо всем, что с ним случилось, и старик москательщик обрадовался сильной радостью, больше которой нет, и воскликнул: «Клянусь Аллахом, о дитя мое, ты меня обрадовал, и, если захочет Аллах, тебе всегда будет благо! Я хотел бы для тебя блага из любви к твоему отцу, и чтобы наша дружба с ним сохранилась!» И затем Нур ад-дин расстался со старым москательщиком, и в тот же час и минуту пошел на базар, и, купив, как обычно, мясо, плоды и все необходимое, принес это девушке.

И Нур ад-дин с девушкой ели, пили, играли, веселились, и дружили, и развлекались за трапезой целый год.

И каждую ночь девушка делала зуннар, а утром Нур ад-дин продавал его за двадцать динаров и расходовал часть их на то, что ему было нужно, а остальное отдавал девушке, и та прятала деньги у себя до времени нужды.

А через год девушка сказала: «О господин мой Нур ад-дин, когда ты завтра продашь зуннар, возьми мне на часть денег цветного шелку шести цветов; мне пришло на ум сделать тебе платок, который ты положишь себе на плечо. Не радовались еще такому платку ни сыновья купцов, ни сыновья царей». И тогда Нур ад-дин пошел на базар и продал зуннар, и купил цветного шелку, как говорила ему невольница, и принес его ей, и Мариам-кушачница сидела и работала, вышивая платок, целую неделю (а каждую ночь, окончив зуннар, она работала немного над платком), и наконец окончила его. И она подала платок Нур ад-дину, и тот положил его на плечо и стал ходить по рынку, и купцы, люди и вельможи города останавливались возле него рядами и смотрели на его красоту и на этот платок, так хорошо сделанный.

И случилось, что Нур ад-дин спал в одну ночь и пробудился от сна и увидел, что его невольница плачет сильным плачем и произносит такие стихи:

«Близка разлука с милым, так близка;
Заранее томит меня тоска.

Мне наших прежних не забыть ночей;
Я помню все, но память мне горька.

Завистники над нами взяли верх,
Они вредили нам исподтишка.

Преследовала зависть нас всегда,
И вот мы жертвы злого языка».

И Нур ад-дин спросил ее: «О госпожа моя Мариам, что это ты плачешь?» И девушка сказала: «Я плачу от страданий разлуки — мое сердце почуяло ее».— «О владычица красавиц, а кто разлучит нас, когда я теперь тебе милей всех людей и сильнее всех в тебя влюблен?» — спросил Нур ад-дин. И девушка ответила: «У меня любви во много раз больше, чем у тебя, но доверие к ночам ввергает людей в печаль. О господин мой Нур ад-дин,— сказала она потом,— если ты желаешь, чтобы не было разлуки, остерегайся человека из франков, кривого на правый глаз и хромого на левую ногу (это старик с серым лицом и густой

бородой). Он-то и будет причиной нашей разлуки. Я видела, что он пришел в наш город, и думаю, он явился только ища меня».— «О владычица красавиц,— сказал Нур ад-дин,— если мой взгляд упадет на него, я его убью и изувечу!» И Мариам воскликнула: «О господин мой, не убивай его, не говори с ним, не продавай ему и не покупай у него. Не вступай с ним в сделку, не сиди с ним, не ходи с ним, не беседуй с ним и не давай ему никогда ответа законного. Молю Аллаха, чтобы он избавил нас от его зла и коварства!»

И когда наступило утро, Нур ад-дин взял зуннар и пошел с ним на рынок. Он присел на скамью перед одной из лавок и начал разговаривать с сыновьями купцов, и взяла его сонная дремота, и он заснул на скамье перед лавкой. И когда он спал, вдруг прошел по рынку в это самое время тот франк, и с ним еще семь франков, и увидел Нур ад-дина, который спал на скамье перед лавкой, закутав лицо платком и держа его конец в руке. И франк сел подле Нур ад-дина и, взяв конец платка, стал его вертеть в руке, и вертел его некоторое время. И Нур ад-дин почувствовал это, и пробудился от сна, и увидел, что тот самый франк, которого описала ему девушка, сидит подле него. И Нур ад-дин закричал на франка громким криком, который испугал его, и франк спросил: «Почему ты на нас кричишь? Разве мы у тебя что-нибудь взяли?» — «Клянусь Аллахом, о проклятый,— ответил Нур ад-дин,— если бы ты у меня что-нибудь взял, я бы, наверное, отвел тебя к вали!» И тогда франк сказал ему: «О мусульманин, заклинаю тебя твоей верой и тем, что ты исповедуешь, расскажи мне, откуда у тебя этот платок».— «Это работа моей матушки,— ответил Нур ад-дин,— она сделала его для меня своей рукой».— «Продашь ли ты мне его и возьмешь ли от меня его цену?» — спросил франк. И Нур ад-дин воскликнул: «Клянусь Аллахом, о проклятый, я не продам его ни тебе, ни кому-нибудь другому! Моя мать сделала его только на мое имя и не станет делать другого».— «Продай его мне, и я дам тебе его цену сейчас же — пятьсот динаров, и пусть та, кто его сделала, сделает тебе другой, еще лучше этого»,— сказал франк. «Я никогда не продам его, потому что ему нет подобного в этом городе»,— ответил Нур ад-дин, а франк молвил: «О господин мой, а ты не продашь его за шестьсот динаров чистым золотом?» И он до тех пор прибавлял сотню за сотней, пока не довел цену до девятисот динаров, но Нур ад-дин сказал ему: «Аллах поможет

мне и без продажи платка! Я никогда не продам его ни за две тысячи динаров, ни за больше!»

И франк продолжал соблазнять Нур ад-дина деньгами за платок, пока не довел его цену до тысячи динаров, и тогда некоторые из присутствующих купцов сказали ему: «Мы продали тебе этот платок, давай за него деньги!» И Нур ад-дин воскликнул: «Я не продам его, клянусь Аллахом!» И один из купцов сказал: «Знай, о дитя мое, что этому платку цена — сто динаров, даже если она станет большой и найдется на него охотник, а этот франк дал за него тысячу динаров сразу, так что твоя прибыль — девятьсот динаров. Какой же ты хочешь прибыли больше, чем эта? Мое мнение, что тебе следует продать платок и взять тысячу динаров. Скажи той, кто тебе его сделал, чтобы сделала тебе другой или еще лучше, а сам наживи тысячу динаров с этого проклятого франка, врага веры». И Нур ад-дину стало стыдно купцов, и он продал франку платок за тысячу динаров, и франк тут же отдал ему деньги. И Нур ад-дин хотел уйти, чтобы пойти к своей невольнице Мариам и обрадовать ее вестью о том, какое было у него дело с франком, но франк сказал: «О собрание купцов, задержите Нур ад-дина,— вы с ним мои гости сегодня вечером. У меня есть бочонок румийского вина, из выдержанных вин, и жирный барашек, и плоды, свежие и сухие, и цветы, и вы возвеселите нас в сегодняшний вечер. Пусть же ни один из вас не останется сзади».— «О Сиди Нур ад-дин,— сказали купцы,— мы желаем, чтобы ты был с нами в вечер, подобный сегодняшнему, и мы могли бы с тобой побеседовать. Окажи милость и благодеяние и побудь с нами; мы с тобой — гости этого франка, так как он человек благородный».

И потом они стали заклинать Нур ад-дина разводом, и силой не дали ему уйти домой, и в тот же час и минуту поднялись, и заперли свои лавки, и, взяв Нур ад-дина, пошли с франком, и пришли в надушенную просторную комнату с двумя портиками. И франк посадил их в ней, и положил перед ними скатерть, диковинно сработанную и дивно сделанную, на которой было изображение сокрушающего и сокрушенного, любящего и любимого, спрашивающего и спрошенного, и затем поставил на эту скатерть дорогие сосуды из фарфора и хрусталя, и все они были наполнены прекрасными плодами, сухими и свежими, и цветами. А потом франк подал купцам бочонок, полный выдержанного румийского вина, и приказал заре-

зать жирного барашка и, разведя огонь, начал жарить мясо и кормить купцов и поить их вином, и он подмигивал им, чтобы они приставали к Нур ад-дину с питьем. И купцы до тех пор поили Нур ад-дина, пока тот не опьянел и не упал без сознания.

И когда франк увидел, что Нур ад-дин погружен в опьянение, он сказал: «Ты возвеселил нас, о Сиди Нур ад-дин, в сегодняшний вечер — привет тебе и еще раз привет!» И франк принялся развлекать Нур ад-дина словами, и затем приблизился к нему, и сел с ним рядом, и некоторое время украдкой смотрел на него, разговаривая, а потом он спросил: «О Сиди Нур ад-дин, не продашь ли ты мне твою невольницу? Год назад ты купил ее в присутствии этих купцов за тысячу динаров, а я теперь дам тебе в уплату за нее пять тысяч динаров, больше на четыре тысячи». И Нур ад-дин отказался, а франк продолжал его угощать и поить и соблазнял его деньгами, пока не довел цены за девушку до десяти тысяч динаров, и Нур ад-дин в своем опьянении сказал перед купцами: «Я продал ее тебе, давай десять тысяч динаров!» И франк сильно обрадовался этим словам и призвал купцов в свидетели.

И они провели за едой, питьем и весельем всю ночь до утра, а затем франк крикнул своим слугам: «Принесите деньги!» И ему принесли деньги, и он отсчитал Нур ад-дину десять тысяч динаров наличными и сказал ему: «О Сиди Нур ад-дин, получи деньги в уплату за твою невольницу, которую ты продал мне вчера вечером в присутствии этих купцов мусульман».— «О проклятый,— воскликнул Нур ад-дин,— я ничего тебе не продавал, и ты лжешь на меня, и у меня нет невольниц!» Но франк сказал: «Ты продал мне твою невольницу, и эти купцы свидетельствуют о продаже».

И все купцы тогда сказали: «Да, Нур ад-дин, ты продал ему свою невольницу перед нами, и мы свидетельствуем, что ты ее продал за десять тысяч динаров. Поднимайся, получи деньги и отдай ему твою невольницу. Аллах даст тебе взамен лучшую. Разве не приятно тебе, Нур ад-дин, что ты купил невольницу за тысячу динаров и вот уже год наслаждаешься ее красотой и прелестью и всякий день и ночь услаждаешь себя беседой с нею и ее близостью, и после этого ты нажил на этой девушке девять тысяч динаров сверх ее первоначальной цены? А она ведь каждый день делала тебе зуннар, который ты продавал за двадцать динаров. И после всего этого ты отрицаешь продажу

и считаешь прибыль малой. Какая прибыль больше этой прибыли и какая нажива больше этой наживы? А если ты любишь девушку, то ведь ты насытился ею за этот срок. Получи же деньги и купи другую невольницу, лучше ее, или мы женим тебя на одной из наших девушек, и девушка будет красивей ее, и остальные деньги окажутся у тебя в руках капиталом». И купцы до тех пор говорили с Нур ад-дином, уговаривая и обнимая его, пока он не взял эти десять тысяч динаров в уплату за невольницу. И тогда франк в тот же час и минуту привел судей и свидетелей, и они написали ему свидетельство о покупке у Нур ад-дина девушки, которую зовут Мариам-кушачница.

Вот что было с Нур ад-дином. Что же касается Мариам-кушачницы, то она просидела, ожидая своего господина, весь день до заката и от заката до полуночи, но ее господин к ней не вернулся, и она опечалилась и стала горько плакать. И старик москательщик услышал, что она плачет, и послал к ней свою жену, и та вошла к ней, и увидела ее плачущей, и спросила: «О госпожа, почему ты плачешь?» И девушка ответила: «О матушка, я сижу и жду прихода моего господина, Нур ад-дина, а он до сих пор не пришел, и я боюсь, что кто-нибудь сделал с ним из-за меня хитрость, чтобы он продал меня, и его перехитрили, и он продал меня». И жена москательщика сказала: «О госпожа моя Мариам, если бы твоему господину дали за тебя всю эту комнату, полную золота, он бы тебя не продал! Я ведь знаю его любовь к тебе. Но может быть, о госпожа моя Мариам, пришли люди из города Каира от его родителей, и он устроил им пир в том помещении, где они стоят, и постыдился привести их в эту комнату, так как она не вместит их, или потому, что их степень мала для того, чтобы приводить их в дом. Или же он захотел скрыть от них твое дело и остался у них на ночь до утра, а завтра, если захочет великий Аллах, он придет к тебе в благополучии. Не обременяй же свою душу ни заботой, ни горем, о госпожа. Вот в чем причина его отсутствия сегодня ночью. Я останусь у тебя на сегодняшнюю ночь и буду тебя развлекать, пока не придет к тебе твой господин».

И жена москательщика забавляла и развлекала Мариам разговором, пока не прошла вся ночь, а когда наступило утро, Мариам увидела, что ее господин Нур ад-дин входит с переулка, и тот франк идет сзади него, окруженный толпой купцов. И когда Мариам увидела их, у нее затряслись поджилки и пожелтел цвет ее лица, и она начала

дрожать, точно корабль посреди моря при сильном ветре. И, увидав это, жена москательщика спросила: «О госпожа моя Мариам, почему это, я вижу, ты изменилась, и пожелтело твое лицо, и стало оно еще худее?» И девушка ответила: «О госпожа, клянусь Аллахом, мое сердце почуяло разлуку и отдаленность встречи».

И потом Мариам-кушачница заплакала сильным плачем, больше которого нет, и уверилась в разлуке, и сказала жене москательщика: «О госпожа, не говорила ли я тебе, что с моим господином Нур ад-дином устроили хитрость, чтобы меня продать! Я не сомневаюсь, что он продал меня сегодня ночью этому франку, хотя я его от него предостерегала. Но не поможет осторожность против судьбы, и ясна тебе стала правдивость моих слов».

И когда они с женой москательщика разговаривали, вдруг вошел к ней в ту самую минуту ее господин Нур ад-дин, и девушка посмотрела на него и увидела, что цвет его лица изменился, и у него дрожат поджилки, и видны на его лице следы печали и раскаяния. И она сказала ему: «О господин мой Нур ад-дин, ты, кажется, продал меня?» И Нур ад-дин заплакал сильным плачем, и заохал, и, глубоко вздохнув, произнес такие стихи:

«В своих решеньях рок безжалостен и строг;
Мы ошибаемся, нас поправляет рок.

Когда Аллах захочет мужа наказать,
Который зорко видеть мог и слышать мог,

Он ослепит его и оглушит его,
Он вырвет разум у него, как волосок.

Когда же совершится божий приговор,
Ум возвращается в покинутый чертог.

Не спрашивай тогда «зачем» да «почему»:
Судьба подводит поучительный итог».

И потом Нур ад-дин стал просить у девушки прощения и сказал ей: «Клянусь Аллахом, о госпожа моя Мариам, начертал калам то, что судил Аллах, и люди сделали со мной хитрость, чтобы я тебя продал, и перехитрили меня, и я продал тебя и пренебрег тобой с величайшим небрежением. Но, может быть, тот, кто сулил разлуку, пошлет нам встречу».— «Я предостерегала тебя от этого, и было у меня такое предчувствие»,— сказала девушка.

И когда они были в таком состоянии, вдруг вошел к ним тот франк и подошел, чтобы поцеловать руки Ситт-Мариам, и она ударила его рукою по щеке и воскликнула: «Удались, о проклятый! Ты неотступно ходил за мной, пока не обманул моего господина! Но только, о проклятый, если захочет великий Аллах, будет одно лишь благо!» И франк засмеялся словам невольницы, и удивился ее поступку, и попросил у нее прощения, и сказал: «О госпожа моя Мариам, а мой-то в чем грех? Это твой господин Нур ад-дин продал тебя со своего согласия и со спокойным сердцем, и, клянусь Мессией, если бы он тебя любил, он бы не пренебрег тобою. Когда бы его желание обладать тобой не истощилось, Нур ад-дин тебя не продал бы».

А эта невольница была дочерью царя Афранджи (это город, распространенный во все стороны, где много ремесел, диковин и растений, и он похож на город аль-Кустантынию), и причиною ее ухода из города ее отца была дивная история и удивительное дело, рассказ о котором мы поведем по порядку, чтобы возрадовался слышащий и возвеселился.

Росла Мариам у отца и матери в великой изнеженности и научилась красноречию, письму и счету, наездничеству и доблести и изучила все ремесла, как, например, вышиванье, шитье, тканье, выделывание зуннаров, обшивание галуном, золочение серебра и серебрение золота. И она изучила все ремесла мужчин и женщин, так что стала единственной в свое время и бесподобной в свой век и столетие. И Аллах, великий и славный, даровал ей такую красоту и прелесть, изящество и совершенство, что она превзошла всех людей своего века. И к ней сватались у ее отца властители островов, и за всякого, кто к ней сватался, он отказывался выдать ее замуж, так как он любил свою дочь великой любовью и не мог с ней расстаться ни на один час. И не было у него дочери, кроме нее, а детей мужского пола у него было множество, но он был охвачен к ней большей любовью, чем к ним.

И случилось, что царевна заболела в каком-то году сильной болезнью, так что приблизилась к гибели, и тогда она дала обет, если выздоровеет от этой болезни, посетить такой-то монастырь, находящийся на таком-то острове. А этот монастырь считался у них великим, и они приносили ему, по обету, дары и получали в нем благодать. И когда Мариам выздоровела от болезни, она захотела исполнить обет, который дала, и ее отец, царь Афранджи,

послал ее в этот монастырь на маленьком корабле и послал вместе с ней нескольких дочерей вельмож города, а также патрициев, чтобы прислуживать ей.

И когда Мариам приблизилась к монастырю, вышел корабль мусульман, сражающихся на пути Аллаха, и они захватили всех, кто был на корабле из патрициев и девушек, и деньги, и редкости и продали свою добычу в городе Кайраване. И Мариам попала в руки одного человека — персиянина, купца среди купцов, а этот персиянин был бессильный и не сходился с женщинами, и не обнажалась над женщиною его срамота, и он назначил Мариам для услуг. И заболел этот персиянин сильной болезнью, так что приблизился к гибели, и продлилась болезнь несколько месяцев, и Мариам прислуживала ему и старалась, прислуживая, пока Аллах не исцелил персиянина от его болезни. И персиянин вспомнил ласку Мариам и ее участие, заботы и услуги, и захотел вознаградить ее за добро, которое она ему сделала, и сказал ей: «Попроси у меня чего-нибудь, о Мариам!» И Мариам сказала: «О господин, я прошу тебя, чтобы ты продал меня лишь тому, кому я захочу и пожелаю».— «Хорошо, это тебе от меня будет,— ответил персиянин.— Клянусь Аллахом, о Мариам, я продам тебя только тому, кому ты захочешь, и я вложил продажу в твои руки».

И Мариам обрадовалась сильной радостью. А персиянин предложил ей ислам, и она стала мусульманкой, и он стал учить ее правилам благочестия, и Мариам научилась у персиянина за этот срок делам веры и тому, что для нее обязательно, и он заставил ее выучить Коран и то, что легко дается из наук законоведения и преданий о пророке. И когда персиянин вступил с ней в город Искандарию, он продал ее, кому она пожелала, и оставил дело продажи в ее руках, как мы упоминали. И ее взял Али Нур ад-дин, как мы рассказали, и вот то, что было причиной ухода Мариам из ее страны.

Что же касается ее отца, царя Афранджи, то, когда до него дошло известие о захвате его дочери и тех, кто был с нею, для него словно настало светопреставление, и царь послал за дочерью корабли с патрициями, витязями, мужами и богатырями, но они не напали на весть о ней, после розысков на островах мусульман, и возвратились к ее отцу, крича о горе и гибели и делах великих. И отец Мариам опечалился сильной печалью и послал за ней того кривого на правый глаз и хромого на левую ногу, так как он был

величайшим из его базиров, и был это непокорный притеснитель, обладатель хитростей и обмана. И царь велел ему искать Мариам во всех землях мусульман и купить ее хотя бы за полный корабль золота, и этот проклятый искал девушку на морских островах и во всех городах, но не напал на весть о ней, пока не достиг города Искандарии. И он спросил про нее и напал на весть о том, что она у Нур ад-дина каирского. И случилось у него с Нур ад-дином то, что случилось, и он устроил с ним хитрость и купил у него девушку, как мы упоминали, после того как ему указал на нее платок, которого не умел делать никто, кроме нее. А этот франк научил купцов и сговорился с ними, что добудет девушку хитростью.

И Мариам, оказавшись у франка, проводила все время в плаче и стенаниях, и франк сказал ей: «О госпожа моя Мариам, оставь эту печаль и плач и поедем со мной в город твоего отца и место твоего царства, где обитель твоей славы и родина, чтобы была ты среди твоих слуг и прислужников. Оставь это унижение и пребывание на чужбине, довольно того, что пришлось мне из-за тебя утомляться, путешествовать и тратить деньги, а я ведь путешествую, утомляюсь и трачу деньги почти полтора года. А твой отец велел мне тебя купить хотя бы за полный корабль золота». И потом визир царя Афранджи начал целовать девушке ноги и унижаться перед нею и все время возвращался к целованию ее рук и ног, и гнев Мариам все увеличивался, когда он делал это с нею из вежества, и она говорила: «О проклятый, да не приведет тебя великий Аллах к тому, в чем твое желанье!»

А затем слуги тотчас подвели мула с расшитым седлом, и посадили на него Мариам, и подняли над ее головой шелковый намет на золотых и серебряных столбах, и франки пошли, окружая девушку, и вышли с нею из Морских Ворот. И они посадили ее в маленькую лодку, и начали грести, и подплыли к большому кораблю, и поместили на нем девушку, и тогда кривой визир встал и крикнул матросам корабля: «Поднимите мачту!» И в тот же час и минуту мачту подняли, и распустили паруса и флаги, и растянули ткани из хлопка и льна, и заработали веслами, и корабль поплыл. А Мариам, при всем этом, смотрела в сторону Искандарии, пока город не скрылся из глаз, и горько плакала.

И Мариам всякий раз, как вспоминала Нур ад-дина, все время рыдала и плакала, и подошли к ней патриции

и стали ее уговаривать, но она не принимала их слов, и отвлекал ее призыв любви и страсти.

И Мариам все время была в таком состоянии, и не знала покоя, и забыла о стойкости и терпении в течение всего путешествия, и вот то, что было у нее с кривым и хромым вазиром.

Что же касается Али Нур ад-дина каирского, сына купца Тадж ад-дина, то, после того как Мариам села на корабль и уехала, земля стала для него тесна, и не ведал он покоя и позабыл о стойкости и терпении. И он пошел в комнату, в которой жил с Мариам, и нашел ту комнату черной и мрачной, и увидел он станок, на котором Мариам ткала зуннары, и одежды, что были у нее на теле, и прижал их к груди, и заплакал, и полились из-под его век слезы.

И потом Нур ад-дин в тот же час и минуту поднялся, запер ворота дома и бегом побежал к морю и стал смотреть, где находится корабль, который увез Мариам. И он начал плакать и испускать вздохи и произнес такие стихи:

«Скажу я: «Счастливый путь»,— а сам поникну в тоске;
И где бы ни были вы, вблизи или вдалеке.

Стремиться я буду к вам, скорбя, надеясь, томясь;
Как манит всегда вода завязнувшего в песке;

Вы как бы рядом со мной, мне сладостна мысль о вас,
И этот сладчайший мед не тает на языке.

О горе! Ваш караван отправился в дальний путь;
И ваш отчалил корабль, отплыл он вдаль налегке».

И Нур ад-дин зарыдал, заплакал, застонал, взволновался, и засетовал, и вскрикнул: «О Мариам, о Мариам, довелось ли тебе увидеть меня во сне или в сплетениях грез?»

И когда Нур ад-дин был в таком состоянии, и плакал, и говорил: «О Мариам, о Мариам!» — вдруг какой-то старик вышел из лодки, и подошел к нему, и увидел, что он плачет, и произнес такие стихи:

«Вернись, Мариам, ко мне,— зову я издалека,—
Покуда ты не со мной, глаза мои — облака;

Тебе подтвердит мой враг: струят оян вечный дождь,
И тонут веки мои, пока на душе тоска».

И старик сказал ему: «О дитя мое, ты, кажется, плачешь о невольнице, которая уехала вчера с франком?» И когда Нур ад-дин услышал старика, он упал без сознания и пролежал час времени, а потом он очнулся и заплакал сильным плачем, больше которого нет.

И когда старик посмотрел на Нур ад-дина и увидал его красоту, и стройность, и соразмерность, и ясность его языка, и тонкость его, и вежество, его сердце опечалилось о юноше, и он сжалился, увидя его состояние. А этот старик был капитаном корабля, шедшего в город той невольницы, и было на его корабле сто купцов из придворных мусульман. И он сказал Нур ад-дину: «Терпи, и будет одно лишь благо, и, если захочет Аллах, величие ему и слава, я доставлю тебя к ней».— «Когда отъезд?» — спросил Нур ад-дин. И капитан ответил: «Нам осталось еще три дня, и мы поедем во благе и безопасности». И Нур ад-дин, услышав слова капитана, обрадовался сильной радостью и поблагодарил его за милость и благодеяние, а потом он вспомнил дни близости и единения со своей невольницей, не имеющей подобия, и заплакал сильным плачем.

И потом Нур ад-дин в тот же час и минуту вышел, и пошел на базар, и взял там все, что ему было нужно из пищи и припасов для путешествия, и пришел к тому капитану, и, увидев его, капитан спросил: «О дитя мое, что это у тебя такое?» — «Мои припасы и то, что мне нужно в пути»,— ответил Нур ад-дин. И капитан засмеялся его словам и сказал: «О дитя мое, разве ты идешь полюбоваться на Колонну Мачт? Между тобой и твоей целью — два месяца пути, если ветер хорош и время безоблачно». И потом старик взял у Нур ад-дина немного денег, и пошел на базар, и купил ему все, что ему было нужно для путешествия, в достаточном количестве, и наполнил ему бочонок пресной водой. И Нур ад-дин оставался на корабле три дня, пока купцы собрались и сделали свои дела, и затем они вошли на корабль, и капитан распустил паруса, и путники ехали пятьдесят один день.

А случилось потом, что напали на них корсары, преграждающие дорогу, и ограбили корабль, и взяли в плен всех, кто был на нем, и привели их в город Афранджу, и показали своему царю (а Нур ад-дин был в числе их), и царь велел заключить их в тюрьму. И когда они шли от царя в тюрьму, прибыло то судно, на котором была царевна Мариам-кушачница и кривой вазир. И когда судно приплыло к городу, вазир поднялся к царю и обрадовал его

вестью о благополучном прибытии его дочери, Мариам-кушачницы, и стали бить в литавры и украсили город наилучшими украшениями. И царь выехал со всем своим войском и вельможами правления, и они отправились к морю, навстречу царевне.

И когда корабль подошел, дочь царя, Мариам, вышла, и царь обнял ее и поздоровался с нею, и она поздоровалась с ним, и царь подвел ей коня, и она села. А когда она достигла дворца, ее мать встретила ее, и обняла, и поздоровалась с нею, и спросила, как она поживает и девушка ли она, какою была у них раньше, или стала женщиной, познавшей мужчину. И Мариам сказала: «О матушка, когда человека продают в странах мусульман от купца к купцу и он становится подвластным другому, как можно остаться невинной девушкой? Купец, который купил меня, грозил мне побоями, и принудил меня, и уничтожил мою девственность, и продал меня другому, а тот продал меня третьему». И когда мать Мариам услышала от нее эти слова, свет стал перед лицом ее мраком, а потом девушка повторила эти слова отцу, и ему стало тяжело, и дело показалось ему великим. И он изложил эти обстоятельства вельможам правления и патрициям, и они сказали ему: «О царь, она стала нечистой у мусульман, и очистит ее только отсечение ста мусульманских голов».

И тогда царь велел привести пленных мусульман, которые были в тюрьме, и их всех привели к царю, и в числе их Нур ад-дина, и царь велел отрубить им головы. И первый, кому отрубили голову, был капитан корабля, а потом отрубили головы купцам, одному за другим, и остался только Нур ад-дин. И оторвали кусок от его полы, и завязали ему глаза, и поставили его на ковер крови, и хотели отрубить ему голову. И вдруг, в эту минуту, подошла к царю старая женщина и сказала: «О владыка, ты дал обет отдать каждой церкви пять пленных мусульман, если бог возвратит твою дочь Мариам, чтобы они помогли прислуживать в ней. Теперь твоя дочь, Ситт-Мариам, к тебе прибыла, исполни же обет, который ты дал».— «О матушка,— ответил царь,— клянусь Мессией и истинной верой, не осталось у меня из пленных никого, кроме этого пленника, которого собираются убить. Возьми его — он будет помогать тебе прислуживать в церкви, пока не доставят нам еще пленных мусульман, и тогда я пришлю тебе остальных четырех. А если бы ты пришла раньше, прежде

чем отрубили головы этим пленным, мы бы дали тебе все, что ты хочешь».

И старуха поблагодарила царя за его милость и пожелала ему вечной славы, и долгого века, и счастья, а затем она в тот же час и минуту подошла к Нур ад-дину и свела его с ковра крови, и посмотрела на него, и увидела, что это нежный, изящный юноша, с тонкой кожей, и лицо его подобно луне, когда она становится полной в четырнадцатую ночь месяца. И старуха взяла его, и пошла с ним в церковь, и сказала: «О дитя мое, сними одежду, которая на тебе: она годится только для службы султану». И потом она принесла Нур ад-дину черный шерстяной кафтан, черный шерстяной платок и широкий ремень и одела его в этот кафтан, а платок повязала ему, как чалму, и подпоясала его ремнем, и затем она велела ему прислуживать в церкви. И Нур ад-дин прислуживал там семь дней.

И однажды старуха пришла к нему и сказала: «О мусульманин, возьми твою шелковую одежду, надень ее, возьми эти десять дирхемов и сейчас же уходи. Гуляй сегодня и не оставайся здесь ни одной минуты, чтобы не пропала твоя душа».— «О матушка, что случилось?» — спросил ее Нур ад-дин. И старуха сказала: «Знай, о дитя мое, что царская дочь, Ситт-Мариам-кушачница, хочет сейчас прийти в церковь, чтобы посетить ее, и получить благодать, и принять причастие ради сладости благополучия, так как она вырвалась из мусульманских стран, и исполнить обеты, которые она дала, на случай, если спасет ее Мессия. И с нею четыреста девушек, каждая из которых не иначе как совершенна по прелести и красоте, и в числе их — дочь вазира и дочери эмиров и вельмож правления. Сейчас они явятся, и, может быть, их взгляд упадет на тебя в этой церкви, и тогда они изрубят тебя мечами». И Нур ад-дин взял у старухи десять дирхемов, надев сначала свою одежду, и вышел на рынок, и стал гулять по городу, и узнал все его стороны и ворота, а потом он увидел, что Мариам-кушачница, дочь царя Афранджи, подошла к церкви и с нею четыреста девушек — высокогрудых дев, подобных лунам, и в числе их была дочь кривого вазира и дочери эмиров и вельмож правления.

И Мариам шла среди них точно луна среди звезд, и, когда упал на нее взор Нур ад-дина, он не мог совладать со своей душой и закричал из глубины сердца: «Мариам, о Мариам!» И когда девушки услышали вопль Нур ад-дина, который кричал: «О Мариам!» — они бросились на него

и, обнажив белые мечи, подобные громовым стрелам, хотели тотчас же убить его. И Мариам обернулась, и всмотрелась в Нур ад-дина, и узнала его самым лучшим образом. И тогда она сказала девушкам: «Оставьте этого юношу: он, несомненно, бесноватый, так как признаки бесноватости видны на его лице». И Нур ад-дин, услышав от Ситт-Мариам эти слова, обнажил голову, выпучил глаза, замахал руками, скривил ноги и начал пускать пену из уголков рта. И Ситт-Мариам сказала девушкам: «Не говорила ли я вам, что это бесноватый? Подведите его ко мне и отойдите от него, а я послушаю, что он скажет. Я знаю речь арабов и посмотрю, в каком он состоянии, и принимает ли болезнь его бесноватости лечение или нет».

И тогда девушки подняли Нур ад-дина и принесли его к царевне, а потом отошли от него, и Мариам спросила: «Ты приехал сюда из-за меня и подверг себя опасности и притворился бесноватым?» — «О госпожа,— ответил Нур ад-дин,— разве не слышала ты слов поэта:

Сказали: «Безумен ты»,— и я согласился: «Да,
Безумному жизнь сладка, любовь ему не чужда».

Так дайте безумье мне, любимую возвратив,
И вам объяснит она: «В безумии нет стыда».

«Клянусь Аллахом, о Нур ад-дин,— сказала Мариам,— поистине, ты сам навлекаешь на себя беду! Я предостерегала тебя от этого, прежде чем оно случилось, но ты не принимал моих слов и последовал своей страсти, а я говорила тебе об этом не по откровению, чтению по лицам или сновидению — это относится к явной очевидности. Я увидала кривого вазира и поняла, что он пришел в тот город только из-за меня».—«О госпожа моя Мариам,— воскликнул Нур ад-дин,— у Аллаха прошу защиты от ошибки разумного!» И потом состояние Нур ад-дина ухудшилось.

И Нур ад-дин с госпожой Мариам-кушачницей все время обменивались упреками, излагать которые долго, и каждый из них рассказывал другому, что с ним случилось, и они говорили стихи, и слезы лились у них по щекам, как море. И они сетовали друг другу на силу любви и муки страсти и волнения, пока ни у одного из них не осталось силы говорить, а день повернул на закат и приблизился мрак. И на Ситт-Мариам было зеленое платье, вышитое червонным золотом и украшенное жемчугом и драгоценными камнями, и увеличилась ее красота, и прелесть, и изящество ее свойств.

И когда наступила ночь, Ситт-Мариам обратилась к девушкам и спросила их: «Заперли ли вы ворота?» — «Мы их заперли»,— ответили они. И тогда Ситт-Мариам взяла девушек и привела их в одно место, которое называлось место девы Марии, матери света, так как христиане утверждают, что ее дух и ее тайна пребывают в этом месте. И девушки стали искать там благодати и ходить вокруг всей церкви. И когда они закончили посещение, Ситт-Мариам обратилась к ним и сказала: «Я хочу войти в эту церковь одна и получить там благодать — меня охватила тоска по ней из-за долгого пребывания в мусульманских странах. А вы, раз вы окончили посещение, ложитесь спать где хотите». — «С любовью и уважением, а ты делай что желаешь»,— сказали девушки.

И затем они разошлись по церкви в разные стороны и легли. И Мариам обманула их бдительность, и, поднявшись, стала искать Нур ад-дина, и увидела, что он в сторонке и сидит точно на сковородках с углем, ожидая ее. И когда Мариам подошла к нему, Нур ад-дин поднялся на ноги и поцеловал ей руки, и она села и посадила его подле себя, а потом она сняла бывшие на ней драгоценности, платья и дорогие материи, и прижала Нур ад-дина к груди, и посадила его к себе на колени. И они не переставая целовались, обнимались и издавали звуки, восклицая: «Как коротка ночь встречи и как длинен день разлуки!»

И когда они испытали это великое наслаждение и полную радость, вдруг один из слуг пресвятой ударил в колокол на крыше церкви, поднимая тех, кто почитает обряды. И Мариам в тот же час и минуту встала и надела свои одежды и драгоценности, и это показалось тяжким Нур ад-дину, и время для него замутилось. И он заплакал, и пролил слезы.

И потом Ситт-Мариам прижала Нур ад-дина к груди, и поцеловала его в щеку, и спросила: «О Нур ад-дин, сколько дней ты в этом городе?» — «Семь дней»,— ответил Нур ад-дин. И девушка спросила: «Ходил ли ты по городу и узнал ли ты его дороги и выходы и ворота со стороны суши и моря?» — «Да»,— ответил Нур ад-дин. «А знаешь ли ты дорогу к сундуку с обетными приношениями, который стоит в церкви?» — спросила Мариам. И Нур ад-дин ответил: «Да». И тогда она сказала: «Раз ты все это знаешь, когда наступит следующая ночь и пройдет первая треть ее, сейчас же пойди к сундуку с приношениями и возьми оттуда что захочешь и пожелаешь, а потом от-

крой ворота церкви — те, что в проходе, который ведет к морю,— и увидишь маленький корабль и на нем десять человек матросов. И когда капитан увидит тебя, он протянет тебе руку, и ты подай ему свою, и он втащит тебя на корабль. Сиди у него, пока я не приду к тебе, и берегись и еще раз берегись, чтобы не охватил тебя в ту ночь сон, ты будешь раскаиваться, когда раскаянье тебе не поможет». И затем Ситт-Мариам простилась с Нур ад-дином и сейчас же вышла от него. Она разбудила своих невольниц и других девушек и увела их и, подойдя к воротам церкви, постучалась, и старуха открыла ей ворота, и, когда Мариам вошла, она увидела стоящих слуг и патрициев. Они подвели ей пегого мула, и Мариам села на него, и над нею раскинули шелковый намет, и патриции повели мула за узду, а девушки шли сзади. И Мариам окружили стражники с обнаженными мечами в руках, и они шли с нею, пока не довели ее до дворца ее отца.

Вот что было с Мариам-кушачницей. Что же касается Нур ад-дина каирского, то он скрывался за занавеской, за которой они прятались с Мариам, пока не взошел день, и открылись ворота церкви, и стало в ней много людей, и Нур ад-дин смешался с толпой и пришел к той старухе, надсмотрщице над церковью. «Где ты спал сегодня ночью?» — спросила старуха. И Нур ад-дин ответил: «В одном месте в городе, как ты мне велела».— «О дитя мое, ты поступил правильно,— сказала старуха.— Если бы ты провел эту ночь в церкви, царевна убила бы тебя наихудшим убиением».— «Хвала Аллаху, который спас меня от зла этой ночи!» — сказал Нур ад-дин.

И Нур ад-дин до тех пор исполнял свою работу в церкви, пока не прошел день и не подошла ночь с мрачной тьмой, и тогда Нур ад-дин поднялся, и отпер сундук с приношениями, и взял оттуда то, что легко уносилось и дорого ценилось из драгоценностей, а потом он выждал, пока прошла первая треть ночи, и поднялся, и пошел к воротам у прохода, который вел к морю, и он просил у Аллаха покровительства. И Нур ад-дин шел до тех пор, пока не дошел до ворот, и он открыл их, и прошел через проход, и пошел к морю, и увидел, что корабль стоит на якоре у берега моря недалеко от ворот. И оказалось, что капитан этого корабля — красивый старец с длинной бородой, и он стоял посреди корабля на ногах, и его десять человек стояли перед ним. И Нур ад-дин подал ему руку,

как велела Мариам, и капитан взял его руку и потянул с берега, и Нур ад-дин оказался посреди корабля.

И тогда старый капитан закричал матросам: «Вырвите якорь корабля из земли и поплывем, пока не взошел день!» И один из десяти матросов сказал: «О господин мой капитан, как же мы поплывем, когда царь говорил нам, что он завтра поедет на корабле по этому морю, чтобы посмотреть, что там делается, так как он боится за свою дочь Мариам из-за мусульманских воров?» И капитан закричал на матросов и сказал им: «Горе вам, о проклятые, разве дело дошло до того, что вы мне перечите и не принимаете моих слов?» И потом старый капитан вытащил меч из ножен и ударил говорившего по шее, и меч вышел, блистая, из его затылка, и кто-то сказал: «А какой сделал наш товарищ проступок, что ты рубишь ему голову?» И капитан протянул руку к мечу и отрубил говорившему голову, и этот капитан до тех пор рубил матросам головы, одному за одним, пока не убил всех десяти.

И тогда капитан выбросил их на берег, и, обернувшись к Нур ад-дину, закричал на него великим криком, который испугал его, и сказал: «Выйди, вырви причальный кол!» И Нур ад-дин побоялся удара меча, и, поднявшись, прыгнул на берег, и вырвал кол, а потом он вбежал на корабль быстрее разящей молнии. И капитан начал говорить ему: «Сделай то-то и то-то, поверни так-то и так-то и смотри на звезды!» И Нур ад-дин делал все, что приказывал ему капитан, и сердце его боялось и страшилось. И потом капитан поднял паруса корабля, и корабль поплыл по полноводному морю, где бьются волны, и ветер был хорош. И при всем этом Нур ад-дин крепко держал в руках тали, а сам утопал в пучине размышлений, и он все время был погружен в думы и не знал, что скрыто для него в неведомом, и каждый раз, как он взглядывал на капитана, его сердце пугалось, и не знал он, в какую сторону капитан направляется. И он был занят мыслями и тревогами, пока не наступил рассвет дня.

И тогда Нур ад-дин посмотрел на капитана и увидел, что тот взялся рукой за свою длинную бороду и потянул ее, и борода сошла с места и осталась у него в руке. И Нур ад-дин всмотрелся в нее и увидел, что это была борода приклеенная, поддельная. И тогда он вгляделся в лицо капитана, и как следует посмотрел на него, и увидел, что это Ситт-Мариам — его любимая и возлюбленная его сердца. А она устроила эту хитрость, и убила капитана,

и содрала кожу с его лица вместе с бородой, и взяла его кожу, и наложила ее себе на лицо. И Нур ад-дин удивился ее поступку и смелости и твердости ее сердца, и он едва не обезумел от радости, и грудь его расширилась и расправилась. «Привет тебе, о мое желание и мечта, о предел того, к чему я стремлюсь!» — воскликнул он. И Нур ад-дина потрясли страсть и восторг, и он убедился в осуществлении желания и надежды. А Ситт-Мариам была сильна сердцем и сведуща в том, как ходят корабли по соленому морю, и знала все ветры и их перемены и знала все пути по морю. И Нур ад-дин сказал ей: «О госпожа, если бы ты продлила со мною это дело, я бы, право, умер от сильного страха и испуга, в особенности при пыланье огня тоски и страсти и мучительных пытках разлуки». И Мариам засмеялась его словам, и поднялась в тот же час и минуту, и вынула кое-какую еду и питье, и они стали есть, пить, наслаждаться и веселиться.

А потом девушка вынула яхонты, дорогие камни, разные металлы и драгоценные сокровища и разные изделия из золота и серебра, из того, что было легко на вес и дорого ценилось и принадлежало к сокровищам, взятым и принесенным ею из дворца и казны ее отца, и показала их Нур ад-дину, и юноша обрадовался крайней радостью. И при всем этом ветер был ровный, и корабль плыл, и они до тех пор плыли, пока не приблизились к городу Искандарии. И они увидели ее вехи, старые и новые, и увидели Колонну Мачт. И когда они вошли в гавань, Нур ад-дин в тот же час и минуту сошел с корабля и привязал его к камню из Камней Сукновалов. И он взял немного сокровищ из тех, которые принесла с собою девушка, и сказал Ситт-Мариам: «Посиди, о госпожа, на корабле, пока я не войду с тобой в Искандарию так, как люблю и желаю». И девушка молвила: «Следует, чтобы это было скорее, так как медлительность в делах оставляет после себя раскаяние».— «Нет у меня медлительности»,— ответил Нур ад-дин. И Мариам осталась сидеть на корабле, а Нур ад-дин отправился в дом москательщика, друга его отца, чтобы взять на время у его жены для Мариам покрывало, одежду, башмаки и изар, какие обычны для женщин Искандарии. И не знал он о том, что не предусмотрел из превратностей рока, отца дивного дива.

Вот что было с Нур ад-дином и Мариам-кушачницей. Что же касается ее отца, царя Афранджи, то, когда наступило утро, он хватился своей дочери Мариам, но не нашел

ее. Он спросил про нее невольниц и евнухов, и те сказали: «О владыка наш, она вышла ночью и пошла в церковь, и после этого мы не знаем о ней вестей». И когда царь разговаривал в это время с невольницами и евнухами, вдруг раздались под дворцом два великих крика, от которых вся местность загудела. И царь спросил: «Что случилось?» И ему ответили: «О царь, нашли десять человек убитых на берегу моря, а корабль царя пропал. И мы увидели, что ворота у прохода, которые около церкви, со стороны моря открыты, и пленник, который был в церкви и прислуживал в ней, пропал».— «Если мой корабль, что был в море, пропал, то моя дочь Мариам — на нем, без сомнения и наверное!» — воскликнул царь. И потом он в тот же час и минуту позвал начальника гавани и сказал ему: «Клянусь Мессией и истинной верой, если ты сейчас же не настигнешь с войсками мой корабль и не приведешь его и тех, кто на нем есть, я убью тебя самым ужасным убийством и изувечу тебя!» И царь закричал на начальника гавани, и тот вышел от него, дрожа, и призвал ту старуху из церкви и спросил ее: «Что ты слышала от пленника, который был у тебя, о его стране и из какой он страны?» — «Он говорил: «Я из города Искандарии»,— ответила старуха. И когда начальник услышал ее слова, он в тот же час и минуту вернулся в гавань и закричал матросам: «Собирайтесь и распускайте паруса!»

И они сделали так, как приказал им начальник, и поехали, и ехали непрестанно ночью и днем, пока не приблизились к городу Искандарии в ту минуту, когда Нур ад-дин сошел с корабля и оставил там Ситт-Мариам. А среди франков был тот вазир, кривой и хромой, который купил Мариам у Нур ад-дина. И когда франки увидели привязанный корабль, они узнали его и, привязав свой корабль вдали от него, подъехали к нему на маленькой лодке, которая плавала по воде глубиной в два локтя. И в этой лодке была сотня бойцов, и в числе их хромой и кривой вазир (а это был непокорный притеснитель и непослушный сатана, хитрый вор, против хитрости которого никто не мог устоять), и он был похож на Абу-Мухаммада аль-Батталя. И франки гребли и плыли до тех пор, пока не подъехали к кораблю Мариам, и они бросились на корабль и напали на него единым нападением, но не нашли на нем никого, кроме Ситт-Мариам, и тогда они захватили девушку и корабль, на котором она находилась. А потом они в тот же час и минуту вернулись на свои ко-

рабли, захватив то, что они хотели, без боя и не обнажая оружия, и повернули назад, направляясь в страны румов. И они поехали, и ветер был хорош, и они спокойно ехали до тех пор, пока не достигли города Афранджи.

И они привели Ситт-Мариам к ее отцу, который сидел на престоле своей власти, и, когда ее отец увидел ее, он воскликнул: «Горе тебе, о обманщица! Как ты оставила веру отцов и дедов и крепость Мессии, на которую следует опираться, и последовала вере бродяг (он разумел веру ислама), что поднялись с мечом наперекор кресту и идолам?» — «Нет за мной вины, — ответила Мариам. — Я вышла ночью в церковь, чтобы посетить деву Марию и сподобиться от нее благодати, и, когда я чем-то отвлеклась, мусульманские воры вдруг напали на меня, и заткнули мне рот, и крепко меня связали, и они положили меня на корабль и поехали со мной в свою сторону. И я обманула их и говорила с ними об их вере, пока они не развязали моих уз, и мне не верилось, что твои люди догнали меня и освободили. Клянусь Мессией и истинной верой, клянусь крестом и тем, кто был на нем распят, я радовалась тому, что вырвалась из их рук, до крайней степени, и моя грудь расширилась и расправилась, когда я освободилась из мусульманского плена». — «Ты лжешь, о распутница, о развратница! — воскликнул ее отец. — Клянусь тем, что стоит в ясном Евангелии из ниспосланных запрещений и разрешений, я неизбежно убью тебя наихудшим убийством и изувечу тебя ужаснейшим образом. Разве не довольно тебе того, что ты сделала сначала, когда обманула нас, и теперь снова желаешь обмануть нас!»

И царь приказал убить Мариам и распять ее на воротах дворца, но в это время вошел к нему кривой вазир (он давно был охвачен любовью к Мариам) и сказал ему: «О царь, не убивай ее и жени меня на ней. Я желаю ее сильнейшим желанием, но не войду к ней раньше, чем построю ей дворец из крепкого камня, самый высокий, какой только строят, так что никакой вор не сможет взобраться на его крышу. А когда я кончу его строить, я зарежу у ворот его тридцать мусульман и сделаю их жертвою Мессии от меня и от нее». И царь пожаловал ему разрешение на брак с Мариам и позволил священникам, монахам и патрициям выдать ее за него замуж, и девушку выдали за кривого вазира, и царь позволил начать постройку

высокого дворца, подходящего для нее, и работники принялись работать.

Вот что было с царевной Мариам, ее отцом и кривым вазиром. Что же касается Нур ад-дина и старика москательщика, то Нур ад-дин отправился к москательщику, другу своего отца, и взял у его жены на время изар, покрывало, башмаки и одежду — такую, как одежда женщин Искандарии, и вернулся к морю, и направился к кораблю, где была Ситт-Мариам, но увидел, что место пустынно и цель посещения далека. Его сердце стало печальным, и он заплакал слезами, друг за другом бегущими.

И Нур ад-дин пошел по берегу моря, оборачиваясь направо и налево, и увидал людей, собравшихся на берегу, и они говорили: «О мусульмане, нет больше у города Искандарии чести, раз франки вступают в него и похищают тех, кто в нем есть, и они мирно возвращаются в свою страну, и не выходит за ними никто из мусульман или из воинов нападающих!» — «В чем дело?» — спросил их Нур ад-дин. И они сказали: «О сынок, пришел корабль из кораблей франков, и в нем были войска, и они сейчас напали на нашу гавань и захватили корабль, стоявший там на якоре, вместе с теми, кто был на нем, и спокойно уехали в свою страну». И Нур ад-дин, услышав их слова, упал, покрытый беспамятством, а когда он очнулся, его спросили о его деле, и он рассказал им свою историю, от начала до конца. И когда люди поняли, в чем с ним дело, всякий начал его бранить и ругать и говорить ему: «Почему ты хотел увести ее с корабля только в изаре и покрывале?» И все люди говорили ему слова мучительные, а некоторые говорили: «Оставьте его, достаточно с него того, что с ним случилось». И каждый огорчал Нур ад-дина словами и метал в него стрелами упреков, так что он упал, покрытый беспамятством.

И когда люди и Нур ад-дин были в таком положении, вдруг подошел старик москательщик, и он увидел собравшихся людей и направился к ним, чтобы узнать в чем дело, и увидел Нур ад-дина, который лежал между ними, покрытый беспамятством. И москательщик сел подле него и привел его в чувство, и когда Нур ад-дин очнулся, спросил его: «О дитя мое, что означает состояние, в котором ты находишься?» — «О дядюшка, — ответил Нур ад-дин, — невольницу, которая у меня пропала, я привез из города ее отца на корабле и вытерпел великие муки в пути, а когда я достиг этого города, я привязал корабль к берегу и оста-

вил невольницу на корабле, а сам пошел в твое жилище и взял у твоей жены вещи для девушки, чтобы привести ее в них в город. И пришли франки, и захватили корабль и на нем девушку, и спокойно уехали, и достигли своих кораблей».

И когда старик москательщик услышал от Нур ад-дина эти слова, свет сделался перед лицом его мраком, и он опечалился о Нур ад-дине великой печалью. «О дитя мое,— воскликнул он,— отчего ты не увез ее с корабля в город без изара? Но теперь не помогут уже слова! Вставай, о дитя мое, и пойдем со мной в город — может быть, Аллах наделит тебя невольницей более прекрасной, чем та, и ты забудешь с нею о первой девушке. Слава Аллаху, который не причинил тебе в ней никакого убытка, а наоборот, тебе досталась через нее прибыль! И знай, о дитя мое, что соединение и разъединение — в руках владыки возвышающего».— «Клянусь Аллахом, о дядюшка,— воскликнул Нур ад-дин,— я никак не могу забыть о ней и не перестану ее искать, хотя бы мне пришлось выпить из-за нее чашу смерти».— «О дитя мое, что ты задумал в душе и хочешь сделать?» — спросил москательщик. И Нур ад-дин сказал: «Я имею намерение вернуться в страну румов и вступить в город Афранджу и подвергнуть себя опасностям, и дело либо удастся, либо не удастся».— «О дитя мое,— молвил москательщик,— в ходячих поговорках сказано: «Не всякий раз останется цел кувшин». И если они в первый раз с тобой ничего не сделали, то, может быть, они убьют тебя в этот раз, особенно потому, что они тебя хорошо узнали».— «О дядюшка,— сказал Нур ад-дин,— позволь мне поехать и быть убитым быстро из-за любви к ней, разве лучше не быть убитым, оставив ее в пытке и смущении».

А по соответствию судьбы, в гавани стоял один корабль, снаряжаемый для путешествия, и те, кто ехал на нем, исполнили все свои дела, и в эту минуту они выдергивали причальные колья. И Нур ад-дин поднялся на корабль, и корабль плыл несколько дней, и время и ветер были для путников хороши. И когда они ехали, вдруг появились корабли из кораблей франков, кружившие по полноводному морю. А увидев корабль, они всегда брали его в плен, боясь за царевну из-за воров мусульман, и когда они захватывали корабль, то доставляли всех, кто был на нем, к царю Афранджи, и тот убивал их, исполняя обет, который он дал из-за своей дочери Мариам. И они

увидели корабль, на котором был Нур ад-дин, и захватили его, и взяли всех, кто там был, и привели к царю, отцу Мариам, и, когда пленников поставили перед царем, он увидел, что их сто человек мусульман, и велел их зарезать в тот же час и минуту, и в числе их Нур ад-дина, а палач оставил его напоследок, пожалев его из-за его малых лет и стройности его стана.

И когда царь увидел его, он его узнал как нельзя лучше и спросил его: «Нур ад-дин ли ты, который был у нас в первый раз, до этого раза?» И Нур ад-дин ответил: «Я не был у вас, и мое имя не Нур ад-дин, мое имя — Ибрахим».— «Ты лжешь! — воскликнул царь.— Нет, ты Нур ад-дин, которого я подарил старухе, надсмотрщице за церковью, чтобы ты помогал ей прислуживать в церкви».— «О владыка,— сказал Нур ад-дин,— мое имя Ибрахим». И царь молвил: «Когда старуха, надсмотрщица за церковью, придет и посмотрит на тебя, она узнает, Нур ад-дин ли ты или кто другой».

И когда они говорили, вдруг кривой вазир, который женился на царской дочери, вошел в ту самую минуту, и поцеловал перед царем землю, и сказал: «О царь, знай, что постройка дворца окончена, а тебе известно, что я дал обет, когда кончу постройку, зарезать у дворца тридцать мусульман, и вот я пришел к тебе, чтобы взять у тебя тридцать мусульман и зарезать их и исполнить обет Мессии. Я возьму их под мою ответственность, в виде займа, а когда прибудут ко мне пленные, я дам тебе других, им взамен».— «Клянусь Мессией и истинной верой,— сказал царь,— у меня не осталось никого, кроме этого пленника». И он показал на Нур ад-дина и сказал вазиру: «Возьми его и зарежь сейчас же, а я пришлю тебе остальных, когда прибудут ко мне пленные мусульмане». И кривой вазир встал, и взял Нур ад-дина, и привел его ко дворцу, чтобы зарезать его на пороге его дверей. И маляры сказали ему: «О владыка, нам осталось работать и красить два дня. Потерпи и подожди убивать этого пленника, пока мы не кончим красить. Может быть, к тебе придут недостающие до тридцати, и ты зарежешь их всех разом и исполнишь свой обет в один день». И тогда вазир приказал заточить Нур ад-дина, и его отвели, закованного, в конюшню, и он был голоден, и хотел пить, и печалился о себе, и увидел он смерть своими глазами. А по определенной судьбе и твердо установленному предопределению было у царя два коня, единоутробные братья, одного из которых звали Сабик,

а другого — Ляхик, и о том, чтобы заполучить одного из них, вздыхали цари Хосрои. И один из его коней был серый, без пятнышка, а другой — вороной, словно темная ночь, и все цари островов говорили: «Всякому, кто украдет одного из этих коней, мы дадим все, что он потребует из красного золота, жемчугов и драгоценностей»,— но никто не мог украсть этих коней.

И случилась с одним из них болезнь — пожелтенье белка в глазах, и царь призвал всех коновалов, чтобы вылечить коня, и они все не смогли этого. И вошел к царю кривой вазир, который женился на его дочери, и увидел, что царь озабочен из-за этого коня, и захотел прогнать его заботу. «О царь,— сказал он,— отдай мне этого коня, я его вылечу». И царь отдал ему коня, и вазир перевел его в конюшню, в которой был заперт Нур ад-дин. И когда этот конь покинул своего брата, он закричал великим криком и заржал, и люди встревожились из-за его крика, и понял вазир, что конь испустил этот крик только из-за разлуки со своим братом. И он пошел и осведомил об этом царя, и когда царь как следует понял его слова, он сказал: «Если он — животное и не стерпел разлуки со своим братом, то каково же обладателям разума?» И потом он приказал слугам привести второго коня к его брату, в дом вазира, мужа Мариам, и сказал им: «Скажите вазиру: «Царь говорит тебе: «Оба коня пожалованы тебе от него, в угожденье его дочери Мариам».

И когда Нур ад-дин лежал в конюшне, скованный и в путах, он вдруг увидел обоих коней и заметил на глазах одного из них бельма. А у него были некоторые знания о делах с конями и применении к ним лечения, и он сказал про себя: «Вот, клянусь Аллахом, время воспользоваться случаем! Я встану, солгу вазиру и скажу ему: «Я вылечу этого коня!» И я сделаю что-нибудь, от чего его глаза погибнут, и тогда вазир убьет меня, и я избавлюсь от этой гнусной жизни». И потом Нур ад-дин дождался, пока вазир пришел в конюшню, чтобы взглянуть на коней, и, когда он вошел, Нур ад-дин сказал ему: «О владыка, что мне с тебя будет, если я вылечу этого коня и сделаю ему что-то, от чего его глаза станут хорошими?» — «Клянусь жизнью,— ответил вазир,— если ты его вылечишь, я освобожу тебя от убиения и позволю тебе пожелать чего угодно от меня».— «О владыка,— сказал Нур ад-дин,— прикажи расковать мне руки». И вазир приказал его освободить, и тогда Нур ад-дин поднялся, взял свежевы-

дутого стекла, истолок его в порошок, взял негашеной извести и смешал с луковой водой, и затем он приложил все это к глазам коня и завязал их, думая: «Теперь его глаза провалятся, и меня убьют, и я избавлюсь от этой гнусной жизни». И Нур ад-дин проспал эту ночь с сердцем, свободным от нашептываний заботы, и взмолился великому Аллаху, говоря: «О господи, мудрость твоя такова, что избавляет от просьб».

А когда наступило утро, и засияло солнце над холмами и долинами, вазир пришел в конюшню и снял повязку с глаз коня, и посмотрел на них, и увидел, что это прекраснейшие из красивых глаз по могуществу владыки победоносного. И тогда вазир сказал Нур ад-дину: «О мусульманин, я не видел в мире подобного тебе по прекрасному умению! Клянусь Мессией и истинной верой, ты удовлетворил меня крайним удовлетворением — ведь бессильны были излечить этого коня все коновалы в нашей стране». И потом он подошел к Нур ад-дину и освободил его от цепей своей рукой, а затем одел его в роскошную одежду, и назначил его надзирателем над своими конями, и установил ему довольствие и жалованье, и поселил его в комнате над конюшней.

А в новом дворце, который вазир выстроил для Ситт-Мариам, было окно, выходившее на дом вазира и на комнату, в которой поселился Нур ад-дин. И Нур ад-дин просидел несколько дней за едой и питьем, и он наслаждался, и веселился, распоряжался слугами, ходившими за конями, и всякого из них, кто уходил и не задавал корму коням, привязанным в том стойле, где он прислуживал, Нур ад-дин валил и бил сильным боем и накладывал ему на ноги железные цепи. И вазир радовался на Нур ад-дина до крайности, и он успокоился и развеселился, и не знал он, к чему приведет его дело, а Нур ад-дин каждый день спускался к коням и вытирал их своей рукой, ибо знал, как они дороги вазиру и как тот их любит.

А у кривого вазира была дочь, невинная, до крайности прекрасная, подобная убежавшей газели или гибкой ветке. И случилось, что она в какой-то день сидела у окна, выходившего на дом вазира и на помещение, где был Нур ад-дин, и вдруг она услышала, что Нур ад-дин поет и сам себя утешает в беде.

И когда Нур ад-дин завершил свои нанизанные стихи,— дочь вазира сказала себе: «Клянусь Мессией и истинной верой, этот мусульманин — красивый юноша,

но только он, без сомнения, покинутый влюбленный. Посмотреть бы, красива ли возлюбленная этого юноши, и испытывает ли она то же, что этот юноша, или нет? Если его возлюбленная красива, как и он, то этот юноша имеет право лить слезы и сетовать на любовь, а если его возлюбленная не красавица, то погубил он свою жизнь в печалях, и лишен вкуса наслаждения, и загубил свою жизнь в печалях». А Мариам-кушачницу, жену вазира, перевели во дворец накануне этого дня, и дочь вазира увидела по ней, что у нее стеснилась грудь, и решила пойти к ней и рассказать о деле этого юноши и о том, какие она слышала от него стихи, и не успела она до конца подумать об этих словах, как Ситт-Мариам, жена ее отца, прислала за ней, чтобы она развлекла ее разговором. И девушка пошла к ней и увидела, что Мариам печальна, и слезы текут у нее по щекам, и она плачет сильным плачем, больше которого нет.

«О царевна,— сказала ей дочь вазира,— успокойся и пойдем сейчас к окну дворца — у нас в конюшне есть красивый юноша со стройным станом и сладкою речью, и, кажется, он покинутый влюбленный».— «По какому признаку ты узнала, что он покинутый влюбленный?» — спросила Ситт-Мариам. И дочь вазира сказала: «О царевна, я узнала это по тому, что он говорит касыды и стихи в часы ночи и часы дня». И Ситт-Мариам подумала про себя: «Если слова дочери вазира истинны, то это пример огорченного, несчастного Али Нур ад-дина. Узнать бы, он ли тот юноша, про которого говорит дочь вазира!» И тут усилилась любовь Ситт-Мариам, ее безумие, волнение и страсть, и она поднялась в тот же час и минуту, и, подойдя с дочерью вазира к окну, посмотрела в него, и увидела, что тот юноша — ее возлюбленный и господин Нур ад-дин. И она пристально всмотрелась в него и узнала его как следует, но только он был больной от великой любви к ней и влюбленности в нее и от огня страсти, мук разлуки и безумия любви и тоски, и увеличилась его худоба.

И, увидев своего господина Нур ад-дина, Ситт-Мариам убедилась, что это он, но скрыла свое дело от дочери вазира и сказала ей: «Клянусь Мессией и истинной верой, я не думала, что тебе ведомо о моей печали!»

А затем она в тот же час и минуту поднялась, и отошла от окна, и вернулась на свое место, и дочь вазира ушла по своему делу. И Ситт-Мариам выждала некоторое время, и вернулась к окну, и, сев у окна, стала смотреть на своего

господина Нур ад-дина и вглядываться в его тонкость и нежность его свойств, и увидела она, что он подобен луне, когда она становится полной в четырнадцатую ночь, но только он вечно печален и струит слезы, так как вспоминает о том, что минуло. И он произносит:

«Однажды заметил хулитель-сосед,
Который глядит постоянно мне вслед,

Что, с милою встретившись, я промолчал,
Как будто упрек — не лекарство от бед.

Спросил он меня: «Почему ты молчишь?
Неужто молчание — лучший ответ?»

Сказал я ему: «Ты не знаешь любви,
Ей пылкие речи, поверь мне, во вред.

Влюбленного можно всегда опознать:
Молчанье — примета из верных примет».

А когда он окончил свои стихи, Ситт-Мариам принесла чернильницу и бумагу и написала в ней после священных слов: «А затем — привет на тебе Аллаха и милость его и благословенье! Сообщаю тебе, что невольница Мариам тебя приветствует и что велика по тебе ее тоска, и вот ее послание к тебе. В минуту, когда эта бумажка попадет к тебе в руки, тотчас же и немедленно поднимайся и займись тем, чего Мариам от тебя хочет, с крайней заботой, и берегись ослушаться ее или заснуть. Когда пройдет первая треть ночи (а этот час — самое счастливое время), у тебя не будет иного дела, кроме как оседлать обоих коней и выйти с ними за город, и всякому, кто спросит: «Куда ты идешь?», отвечай: «Я иду их поводить». Если ты так скажешь, тебя не задержит никто: жители этого города уверены, что ворота заперты».

И потом Ситт-Мариам завернула бумажку в шелковый платок и бросила ее Нур ад-дину из окна, и Нур ад-дин взял ее, и прочитал, и понял, что в ней содержится, и узнал почерк Ситт-Мариам. И он поцеловал записку, и приложил ее ко лбу между глаз, и вспомнил былую приятную близость.

А потом Нур ад-дин, когда опустилась ночь, выждал, пока прошла первая треть ночи, и тогда в тот же час и минуту подошел к коням и положил на них два седла из лучших седел, а затем вывел их из ворот конюшни, и за-

пер ворота, и, дойдя с конями до городских ворот, сел, ожидая Ситт-Мариам.

Вот то, что было с Нур ад-дином. Что же касается царевны Мариам, то она в тот же час и минуту направилась в помещение, приготовленное для нее во дворце, и увидела, что кривой вазир сидит в этом помещении, опершись на подушку, набитую перьями страуса (а он совестился протянуть к Ситт-Мариам руку или заговорить с нею). И, увидав его, Ситт-Мариам обратилась в сердце к своему господину и сказала: «О боже, не дай ему достигнуть со мною желаемого и не суди мне стать нечистой после чистоты!» А потом она подошла к вазиру, и выказала к нему дружбу, и села подле него, и приласкала его, и сказала: «О господин мой, что это ты от нас отворачиваешься? Высокомерие ли это с твоей стороны и надменность ли к нам? Но говорит сказавший ходячую поговорку: «Когда приветствие не имеет сбыта, приветствуют сидящие стоящих». И если ты, о господин мой, не подходишь ко мне и не заговариваешь со мною, тогда я подойду к тебе и заговорю с тобой».— «Милость и благодеяние — от тебя, о владеющая землею и вдоль и поперек, и разве я не один из твоих слуг и ничтожнейших из твоих прислужников? — ответил вазир.— Мне только совестно посягнуть на возвышенную беседу с тобой, о жемчужина бесподобная, и лицо мое перед тобой глядит в землю».— «Оставь эти слова и принеси нам еду и напитки»,— сказала царевна.

И тогда вазир кликнул своих невольниц и евнухов и велел им принести скатерть, на которой было то, что ходит и летает и плавает в морях: ката́, перепелки, птенцы голубей, молочные ягнята и жирные гуси, и были там подрумяненные куры и кушанья всех форм и видов. И Ситт-Мариам протянула руку к скатерти, и стала есть, и начала класть вазиру в рот куски пальцами и целовать его в губы, и они ели до тех пор, пока не насытились едою, а потом они вымыли руки, и евнухи убрали скатерть с кушаньем и принесли скатерть с вином. И Мариам стала наливать и пить и поить вазира, и она служила ему, как подобает, и сердце вазира едва не улетело от радости, и он развеселился и обрадовался. И когда вазир опьянел и вино овладело им, царевна положила руку за пазуху и вынула кусок крепкого магрибинского банджа — такого, что, если бы почуял малейший его запах слон, он бы проспал целый год (Мариам приготовила его для подобного часа), и затем

она отвлекла внимание вазира, и растерла бандж в кубке, и, наполнив кубок, подала его вазиру. И вазир едва не лишился разума от радости, и не верилось ему, что царевна предлагает ему кубок, и он взял кубок и выпил его, и едва утвердилось вино у него в желудке, как он тотчас же упал на землю поверженный.

И тогда Ситт-Мариам поднялась на ноги и, направившись к двум большим мешкам, наполнила их тем, что легко весом и дорого стоит из драгоценных камней, яхонтов и всевозможных дорогих металлов, а потом она взяла с собой немного съестного и напитков и надела доспехи войны и сечи, снарядившись и вооружившись. И она взяла с собой для Нур ад-дина, чтобы порадовать его, роскошные царственные одежды и набор лучшего оружия, а затем подняла мешки на плечи и вышла из дворца (а она обладала силой и отвагой) и отправилась к Нур ад-дину.

Вот то, что было с Мариам. Что же касается Нур ад-дина, влюбленного, несчастного, то он сидел у ворот города, ожидая Мариам, и поводья коней были у него в руке, и Аллах, великий и славный, наслал на него сон, и он заснул — слава тому, кто не спит! А цари островов в то время не жалели денег на подкуп за кражу тех двух коней или одного из них, и в те дни жил один черный раб, выросший на островах, который умел красть коней, и цари франков подкупали его большими деньгами, чтобы он украл одного коня, и обещали, если он украдет обоих, подарить ему целый остров и наградить его роскошной одеждой. И этот раб долгое время кружил по городу Афрандже, прячась, но не мог взять коней, пока они были у царя, а когда царь подарил коней кривому вазиру и тот перевел их к себе в конюшню, раб обрадовался сильной радостью и стал надеяться их взять. И он воскликнул: «Клянусь Мессией и истинной верой, я их украду»!

И он вышел, в ту самую ночь, и направился к конюшне, чтобы украсть коней, и, когда он шел по дороге, он вдруг бросил взгляд и увидел Нур ад-дина, который спал, держа поводья коней в руке. И раб снял поводья с головы коней и хотел сесть на одного из них и погнать перед собой другого, и вдруг подошла Ситт-Мариам, неся мешки на плече. И она подумала, что раб — это Нур ад-дин, и подала ему один мешок, и раб положил его на коня, а потом Мариам подала ему второй мешок, и он положил его на другого коня, а сам молчал, и Мариам думала, что это Нур ад-дин. И они выехали за ворота города, а раб все молчал, и Ма-

риам сказала ему: «О господин мой Нур ад-дин, отчего ты молчишь?» И раб обернулся, сердитый, и сказал: «Что ты говоришь, девушка?» И Мариам, услышав бормотанье раба, узнала, что это не речь Нур ад-дина, и тогда она подняла голову, и посмотрела на раба, и увидела, что у него ноздри как кувшины. И когда Мариам посмотрела на раба, свет стал перед лицом ее мраком, и она спросила его: «Кто ты будешь, о шейх сыновей Хама, и как твое имя среди людей?» — «О дочь скверных, — сказал раб, — мое имя — Масуд, что крадет коней, когда люди спят». И Мариам не ответила ему ни одним словом, но тотчас же обнажила меч и ударила его по плечу, и меч вышел, сверкая, через его связки. И раб упал на землю, поверженный, и стал биться в крови, и поспешил Аллах послать его душу в огонь (а скверное это обиталище!).

И тогда Ситт-Мариам взяла коней и села на одного из них, а другого схватила рукой и повернула вспять, чтобы найти Нур ад-дина. И она нашла его лежащим в том месте, где она условилась с ним встретиться, и поводья были у него в руке, и он спал, и храпел во сне, и не отличал у себя рук от ног. И Мариам сошла со спины коня и толкнула Нур ад-дина рукой, и тот пробудился от сна, испуганный, и воскликнул: «О госпожа, слава Аллаху, что ты пришла благополучно!» — «Вставай, садись на этого коня и молчи!» — сказала ему Мариам. И Нур ад-дин поднялся и сел на коня, а Ситт-Мариам села на другого коня, и они выехали из города и проехали некоторое время, и потом Мариам обернулась к Нур ад-дину и сказала: «Разве не говорила я тебе: «Не спи!» Ведь не преуспевает тот, кто спит». — «О госпожа, — воскликнул Нур ад-дин, — я заснул только потому, что прохладилась моя душа, ожидая свиданья с тобой! А что случилось, о госпожа?» И Мариам рассказала ему историю с рабом от начала до конца, и Нур ад-дин воскликнул: «Слава Аллаху за благополучие!»

И затем они старались ускорить ход, вручив свое дело милостивому, всеведущему, и ехали, беседуя, пока не доехали до раба, которого убила Ситт-Мариам. И Нур ад-дин увидел его, валявшегося в пыли, подобного ифриту, и Мариам сказала Нур ад-дину: «Сойди на землю, обнажи его от одежд и возьми его оружие». — «О госпожа, — сказал Нур ад-дин, — клянусь Аллахом, я не могу сойти со спины коня, встать около этого раба и приблизиться к нему!» И он подивился обличию раба и поблагодарил Ситт-Ма-

риам за ее поступок, изумляясь ее смелости и силе ее сердца. И они поехали и ехали не останавливаясь остаток ночи, а когда наступило утро и засияло светом и заблистало и распространилось солнце над холмами, они достигли обширного луга, где паслись газели, и края его зеленели, и плоды на нем всюду поспели. И цветы там были пестрые, как брюхо змеи, и укрывались на лугу птицы, и ручьи текли на нем, разнообразные видом, как сказал и отличился поэт, вполне выразив желаемое:

Когда приют нам был тенистый нужен,
Он был в долине нами обнаружен.

Как мать над малышом, кусты склонились
Над нами: отдых нами был заслужен.

Вода в потоке слаще вин сладчайших
Для тех, кто меж собою сердцем дружен.

Деревья гонят солнце, манят ветер,
Которым душный зной обезоружен.

Здесь каждый камень словно драгоценность,
И хочется коснуться нам жемчужин.

Или как сказал другой:

Подпевает птицам здесь поток,
И найти влюбленный здесь бы мог

Воду, тень и сладкие плоды;
Это ли не райский уголок!

И Ситт-Мариам с Нур ад-дином остановились, чтобы отдохнуть в этой долине, они поели ее плодов, и напились из ее ручьев, и пустили коней поесть на пастбище, и кони поели и попили в этой долине. И Нур ад-дин с Мариам сели и начали беседовать и вспоминать свое дело и то, что с ними случилось, и всякий из них сетовал на то, какие он испытал мучения в разлуке и что он перенес в тоске и отдалении. И когда они так сидели, вдруг поднялась пыль, застилая края неба, и они услышали ржание коней и бряцание оружия.

А причиною этого было вот что. Когда царь выдал свою дочь замуж за вазира, и тот вошел к ней в ту же ночь, и настало утро, царь захотел пожелать им доброго утра, как бывает обычно у царей с их дочерьми. И он поднялся, и взял шелковые материи, и стал разбрасывать золото

и серебро, чтобы его подхватывали евнухи и прислужницы, и царь до тех пор шел с несколькими слугами, пока не достиг нового дворца, и он увидел, что вазир лежит на постели и не отличает головы от ног. И царь огляделся во дворце направо и налево и не увидел своей дочери, и он впал в сильное беспокойство и едва не лишился рассудка. И он велел принести горячей воды, крепкого уксуса и ладана и, когда ему принесли их, смешал все это вместе и впустил вазиру в нос. И затем он потряс его, и бандж выпал у него из нутра, точно кусок сыру, и тогда царь впустил смесь вазиру в нос второй раз, и тот проснулся. И царь спросил его, что с ним и что с его дочерью Мариам, и вазир сказал ему: «О царь величайший, я ничего о ней не знаю, кроме того, что она своей рукой дала мне выпить кубок вина, и после того я пришел в сознание только сейчас и не знаю, какое с ней было дело».

И когда царь услышал слова вазира, свет стал мраком перед лицом его, и он вытащил меч и ударил им вазира по голове, и меч показался, блистая, между его зубов. А потом царь в тот же час и минуту послал за слугами и конюхами и, когда они явились, потребовал тех двух коней, и слуги сказали: «О царь, кони пропали сегодня ночью, и наш старший тоже пропал вместе с ними. Утром мы нашли все двери отпертыми».— «Клянусь моей религией и тем, что исповедует моя вера,— воскликнул царь,— коней взял не кто иной, как моя дочь,— она и тот пленный, что прислуживал в церкви! Он похитил мою дочь в первый раз, и я узнал его истинным образом, и освободил его из моих рук только этот кривой вазир, и ему уже воздано за его поступок!»

И потом царь тотчас же позвал своих трех сыновей — а это были доблестные богатыри, каждый из которых стоил тысячи всадников в пылу битвы и на месте боя и сражения,— и закричал на них, и велел им садиться на коней. И они сели, и царь сел на коня в числе их вместе с избранными своими патрициями, вельможами правления и знатными людьми, и они поехали по следам беглецов и настигли их в той долине.

Когда Мариам увидела их, она поднялась, села на своего коня, подвязала меч и надела доспехи и оружие, а потом она спросила Нур ад-дина: «В каком ты состоянии, и каково твое сердце в бою, сражении и стычке?» — «Я устойчив в стычке, как устойчив кол в отрубях»,— ответил Нур ад-дин.

И когда Мариам услышала от Нур ад-дина эти слова, она явила ему смех и улыбку и сказала: «О господин мой Нур ад-дин, оставайся на месте, и я избавлю тебя от их зла, хотя бы их было числом столько, сколько песчинок». И она в тот же час и минуту приготовилась, и, сев на коня, выпустила из рук конец поводьев, и повернула копье острием вперед, и конь понесся под нею, точно дующий ветер или вода, когда она изливается из узкой трубы. А Мариам была из храбрейших людей своего времени, бесподобная в ее век и столетие, ибо отец научил ее, еще малолеткой, ездить на лошадях и погружаться в море боя темной ночью. И она сказала Нур ад-дину: «Садись на коня и будь за моей спиной, а если мы побежим, старайся не упасть, ибо твоего коня не настигнет настигающий».

И когда царь увидел свою дочь Мариам, он узнал ее как нельзя лучше и, обернувшись к своему старшему сыну, сказал ему: «О Бартут, о прозванный Рас аль-Каллут! Это твоя сестра Мариам, наверное и без сомнения. Она понеслась на нас и хочет биться с нами и сражаться; выйди же к ней и понесись на нее. Во имя Мессии и истинной веры, если ты ее одолеешь, не убивай ее, не предложив ей христианскую веру, и, если она вернется к своей древней вере, приведи ее пленницей, а если она не вернется к ней, убей ее самым скверным убиением и изувечь ее наихудшим способом, а также и того проклятого, который с нею, изувечь самым скверным способом». И Бартут ответил: «Внимание и повиновение!»

И затем он в тот же час и минуту выехал к своей сестре Мариам и понесся на нее, и она встретила его, и поднялась на него, и приблизилась к нему, и подъехала близко. И тогда Бартут сказал ей: «О Мариам, разве недостаточно того, что из-за тебя случилось, когда ты оставила веру отцов и дедов и последовала вере бродящих по землям? (Он подразумевал веру ислама.) Клянусь Мессией и истинной верой,— воскликнул он потом,— если ты не вернешься к вере царей, твоих отцов и дедов, и не пойдешь к ней наилучшим путем, я убью тебя злейшим убийством и изувечу наихудшим образом!» И Мариам засмеялась словам своего брата и воскликнула: «Не бывать, не бывать, чтобы вернулось минувшее или ожил бы умерший! Нет, я заставлю тебя проглотить сильнейшую печаль! Клянусь Аллахом, я не отступлю от веры Мухаммада, сына Абд-Аллаха, чье наставление всеобъемлюще, ибо это есть

истинная вера, и не оставлю правого пути, хотя бы пришлось мне испить чашу смерти!»

И когда услыхал проклятый Бартут от своей сестры эти слова, свет сделался перед лицом его мраком, и показалось ему это дело значительным и великим. И запылал между ними бой, и жестокой стала борьба и схватка, и погрузились они оба в долины, широкие и длинные, и терпели страдания, и устремились на них взоры, и поразила их оторопь. И они гарцевали продолжительное время и долго сражались. И всякий раз как открывал Бартут против своей сестры Мариам какой-нибудь способ боя, она уничтожала его и отражала своим прекрасным искусством, силой своего превосходства, уменьем и доблестью. И они сражались таким образом, пока не сомкнулась над их головами пыль и витязи не скрылись от взоров, и Мариам до тех пор обманывала Бартута и преграждала ему дорогу, пока он не утомился, и пропала тогда его решимость, и разрушилась его твердость, и ослабела его сила. И Мариам ударила его мечом по плечу, и меч вышел, сверкая, через его связки, и поспешил Аллах послать его душу в огонь (а скверное это обиталище!).

И затем Мариам проскакала по полю, на месте боя и сражения, и стала требовать поединка и просить единоборства, и крикнула: «Есть ли боец, есть ли противник? Пусть же не выходит ко мне в сей день ленивый или слабый! Пусть выходят ко мне только богатыри врагов веры, чтобы напоила я их из чаши позорной пытки! О поклонники идолов, обладатели нечестия и непокорства, сегодня день, когда побелеют лица людей веры и почернеют лица тех, кто не верит во всемилостивого». И когда царь увидел, что его старший сын убит, он стал бить себя по лицу, и разорвал на себе одежду, и, кликнув своего среднего сына, сказал ему: «О Бартус, о прозванный Хар ас-Сус, выезжай, о дитя мое, скорее на бой с твоей сестрой Мариам! Отомсти ей за твоего брата Бартута и приведи ее ко мне пленницей, посрамленной, уничтоженной!» И Бартус отвечал: «О батюшка, слушаю и повинуюсь!»

И он выступил против своей сестры Мариам и понесся на нее, и Мариам встретила его и понеслась на него, и они начали сражаться сильным боем, сильнее, чем первый бой. И ее второй брат увидел, что он слаб для боя с нею, и захотел убежать и удрать, но не мог из-за ее сильной ярости, ибо всякий раз, как он хотел положиться на бегство, Мариам приближалась к нему, и подъезжала вплотную,

и теснила его. И потом она ударила Бартуса мечом по шее, и меч вышел, сверкая, у него из глотки, и послала его вслед его брату, и проскакала по боевому полю, на месте боя и сражения, и крикнула: «Где витязи и храбрецы, где кривой и хромой витязь, обладатель искривленной веры?» И тогда царь, отец ее, закричал, с израненным сердцем и оком, слезами разъеденным: «Она убила моего среднего сына, клянусь Мессией и истинной верой!» И потом он кликнул своего меньшего сына и сказал ему: «О Фасьян, о прозванный Сельхас-Сыбьян, выходи, о дитя мое, на бой с твоей сестрой и отомсти за твоих братьев! Сшибись с нею, и счастье либо тебе, либо против тебя. И если ты ее одолеешь, убей ее наихудшим убиением».

И тут выступил против Мариам ее меньшой брат и понесся на нее, и Мариам пошла на него с превосходным искусством, и понеслась на него с прекрасным уменьем, смелостью, знанием боя и доблестью, и крикнула: «О проклятый, о враг Аллаха и враг мусульман, я отправлю тебя вслед твоим братьям, а плох приют нечестивых!» И затем она вытащила меч из ножен и ударила своего брата, перерубив ему шею и руки, и отправила его вслед братьям, и поспешил Аллах послать его душу в огонь (а скверное это обиталище!).

И когда патриции и витязи, которые поехали с отцом царевны, увидели, что три его сына убиты (а они были самые храбрые люди своего времени), в их сердце запал страх перед Ситт-Мариам, и ошеломила их боязнь, и они свесили головы к земле и убедились в своей смерти, уничтожении, унижении и гибели. И сгорели их сердца от гнева в пламени огня, и они повернули спину и положились на бегство. И когда увидел царь, что его сыновья убиты и войска побежали, взяло его недоумение и оторопь, и сгорело его сердце в пламени огня, и он сказал себе: «Поистине, Ситт-Мариам нас уничтожила, и если я подвергну себя опасности и выступлю к ней один, она, может быть, меня одолеет, и покорит, и убьет меня гнуснейшим убийством, и изувечит самым скверным образом, как она убила своих братьев, ибо не осталось у нее на нас надежды, и нечего нам желать ее возвращения. И, по-моему, надлежит мне сберечь мою честь и вернуться в мой город».

И потом царь отпустил поводья коня и вернулся в свой город, и, когда он оказался у себя во дворце, в его сердце вспыхнул огонь из-за убиения его трех сыновей, бегства его войска и позора его чести. И, не просидев получаса, он

потребовал к себе вельмож правления и больших людей царства и пожаловался им на то, что сделала с ним его дочь Мариам, которая убила своих братьев, и на горе и печаль, им перенесенную, и спросил у вельмож совета. И они все посоветовали ему написать письмо преемнику Аллаха на земле его, повелителю правоверных Харуну ар-Рашиду, и осведомить его об этом деле. И царь написал ар-Рашиду письмо такого содержания: «После привета повелителю правоверных: у нас есть дочь по имени Мариам-кушачница, и испортил ее против нас пленник из пленных мусульман по имени Нур ад-дин Али, сын купца Тадж ад-дина, каирца, и похитил ее ночью, и вышел с нею в сторону своей земли. И я прошу милости владыки нашего, повелителя правоверных, чтобы он написал во все мусульманские земли приказ отыскать ее и прислать к нам с верным посланцем из слуг его величества, повелителя правоверных. И между прочим в письме заключалось: «А за помощь нам в этом деле мы назначим вам половину города Румы великой, чтобы вы строили там мечети для мусульман, и будет вам доставляться его подать».

И после того как царь написал это письмо, по совету знатных людей своего царства и вельмож правления, он свернул его, и позвал вазира, который был назначен вазиром вместо кривого вазира, и приказал ему запечатать письмо царской печатью, и вельможи правления тоже припечатали его, поставив на нем сначала подпись своей руки. А потом царь сказал своему вазиру: «Если ты приведешь ее, тебе будет от меня надел двух эмиров, и я награжу тебя одеждой с двумя нашивками». И он отдал вазиру письмо и приказал ему отправиться в город Багдад, Обитель Мира, и вручить письмо повелителю правоверных из рук в руки.

И вазир выехал с посланием и ехал, пересекая долины и степи, пока не достиг города Багдада. И, вступив в город, вазир провел там три дня, устраиваясь и отдыхая, а потом он спросил, где дворец повелителя правоверных Харуна ар-Рашида, и ему указали его. И, достигнув дворца, вазир попросил у повелителя правоверных разрешения войти, и халиф разрешил ему. И вазир вошел к ар-Рашиду и, поцеловав перед ним землю, подал ему письмо от царя Афранджи и с ним диковинные подарки и редкости, подходящие для повелителя правоверных. И когда халиф развернул письмо и прочитал его и понял его содержание, он тот час же велел своим вазирам написать письма во все

мусульманские страны, и они это сделали, и изъяснили в письмах облик Мариам и облик Нур ад-дина, и обозначили его имя и ее имя, и упомянули, что они беглецы, так что всякий, кто их обнаружит, пусть схватит их и отошлет к повелителю правоверных. И они предостерегли наместников, чтобы те не оказали в этом промедления, беспечности или небрежения. И затем письма запечатали и разослали с гонцами к наместникам, и те поспешили с исполнением приказа и принялись искать во всех городах тех, у кого был указанный облик.

Вот что было с этими правителями и их подчиненными. Что же касается Нур ад-дина каирского и Мариам-кушачницы, дочери царя Афранджи, то после бегства царя и его войска они в тот же час и минуту сели на коней и направились в страны Сирии, и покрыл их господь-покровитель, и они достигли города Дамаска. А объявления о розыске, которые разослал халиф, опередили их в Дамаске на один день, и эмир Дамаска узнал, что ему приказано схватить обоих беглецов, когда он их найдет, и доставить их к халифу.

И когда был день их прибытия в Дамаск, подошли к ним соглядатаи и спросили их, как их имена, и беглецы сказали правду и рассказали свою историю и все, что с ними случилось, и их узнали, и схватили, и взяли, и привели их к эмиру Дамаска, и тот отправил их к халифу в город Багдад, Обитель Мира.

И по прибытии туда попросили разрешения войти к повелителю правоверных Харуну ар-Рашиду, и тот позволил, и прибывшие вошли, и поцеловали землю перед ним, и сказали: «О повелитель правоверных, эта девушка — Мариам-кушачница, дочь царя Афранджи, а это — Нур ад-дин, сын купца Тадж ад-дина каирского, пленник, который испортил ее против воли ее отца и украл ее из его страны и царства и уехал с нею в Дамаск. Мы нашли их, когда они вступили в Дамаск, и спросили их, как их зовут, и они ответили нам правду, и тогда мы привели и доставили их к тебе».

И повелитель правоверных взглянул на Мариам и увидел, что она стройна ростом и станом, говорит ясной речью, красавица среди людей своего времени, единственная в свой век и столетие, и обладает сладостным языком, твердым духом и сильным сердцем. И когда Мариам подошла к халифу, она поцеловала землю перед ним и пожелала ему вечной славы и счастья и прекращения бед

и напастей. И халифу понравилась красота ее стана, нежность ее речи и быстрота ее ответов, и он спросил ее: «Ты ли — Мариам-кушачница, дочь царя Афранджи?» И Мариам ответила: «Да, о повелитель правоверных и имам единобожников, охранитель в боях веры и сын дяди господина посланных». И тогда халиф обернулся и увидел, что Али Нур ад-дин — красивый юноша, прекрасно сложенный, подобный светящейся луне в ночь ее полноты, и спросил его: «Ты — Нур ад-дин, пленник, сын купца Тадж ад-дина каирского?» И Нур ад-дин ответил: «Да, о повелитель правоверных и опора всех к нему направляющихся».— «Как ты похитил эту женщину из царства ее отца и убежал с нею?» — спросил халиф. И Нур ад-дин принялся рассказывать ему обо всем, что с ним случилось, с начала до конца, и, когда он кончил свой рассказ, халиф удивился всему этому до крайней степени, и его охватил от удивления великий восторг, и он воскликнул: «Сколь много приходится терпеть мужам! — а потом обратился к Ситт-Мариам и сказал ей: — О Мариам, знай, что твой отец, царь Афранджи, написал нам о тебе. Что ты скажешь?» — «О преемник Аллаха на земле его, поддерживающий установления его пророка и предписания его,— ответила Мариам.— Да увековечит Аллах над тобою счастье и да защитит тебя от бед и напастей! Ты — преемник Аллаха на земле его! Я вступила в вашу веру, ибо она есть вера твердо стоящая, истинная, и оставила религию нечестивых, которые говорят ложь о Мессии, и стала верующей в Аллаха великодушного, и считаю правдой то, с чем пришел его милосердный посланник. Я поклоняюсь Аллаху, слава и величие ему, объявляю его единым богом, падаю перед ним ниц, в смирении, и прославляю его, и я говорю, стоя перед халифом: «Свидетельствую, что нет бога, кроме Аллаха, и свидетельствую, что Мухаммад — посол Аллаха; послал он его с наставлением на правый путь и верою истинной, чтобы поставил он ее превыше всякой веры, хотя бы было это отвратительно многобожникам. И разве дозволено тебе, о повелитель правоверных, внять письму царя еретиков и отослать меня в страну нечестивых, которые предают товарищей владыке всезнающему, и возвеличивают крест, и поклоняются идолам, и веруют в божественность Исы, хотя он сотворен? И если ты сделаешь со мной это, о преемник Аллаха, я уцеплюсь за твою полу в день смотра перед Аллахом и пожалуюсь на тебя сыну твоего дяди, посланнику Аллаха, да благословит

его Аллах и да приветствует, в тот день, когда не поможет ни имущество, ни сыновья, никому, кроме тех, кто пришел к Аллаху с сердцем здравым».

И повелитель правоверных воскликнул: «О Мариам, сохрани Аллах, чтобы я когда-нибудь зто сделал! Как возвращу я женщину-мусульманку, объявляющую единым Аллаха и посланника его, к тому, что запретил Аллах и его посланник?» И Мариам воскликнула: «Свидетельствую, что нет бога, кроме Аллаха, и свидетельствую, что Мухаммад — посол Аллаха!» И повелитель правоверных молвил: «О Мариам, да благословит тебя Аллах и да умножит руководство тобой на пути к исламу! Раз ты стала мусульманкой, объявляющей Аллаха единым,— у нас появился перед тобой обязательный долг, и заключается он в том, что я не допущу с тобою никогда крайности, хотя бы мне дали за тебя полную землю драгоценностей и золота. Успокойся же душою и услади глаза, и пусть твоя грудь расправится и твое сердце будет спокойно. Согласна ли ты, чтобы этот юноша, Али-каирец, был тебе мужем, а ты ему женой?» — «О повелитель правоверных,— сказала Мариам,— как мне не согласиться, чтобы он был мне мужем, когда он купил меня своими деньгами и был милостив ко мне крайней милостью? И в довершение милости ко мне, он из-за меня подвергал себя опасности много раз».

И выдал тогда Мариам замуж за Нур ад-дина владыка наш, повелитель правоверных, и сделал ей приданое, и призвал кади, и свидетелей, и вельмож правления, к присутствию в день замужества и при писании записи, и был это день торжественный.

А затем после этого повелитель правоверных в тот же час и минуту обратился к вазиру царя румов, который в это время был тут, и спросил его: «Слышал ли ты ее слова? Как я отошлю ее к ее нечестивому отцу, когда она — мусульманка, единобожница? Ведь, может быть, он причинит ей зло и будет груб с нею, тем более что она убила его сыновей, и я понесу ее грех в день воскресения. А сказал ведь Аллах великий: «И не установил Аллах нечестивым против мусульман пути». Возвращайся же к твоему царю и скажи ему: «Отступись от зтого дела».

А этот вазир был глупый, и он сказал халифу: «О повелитель правоверных, клянусь Мессией и истинной верой, мне невозможно возвратиться без Мариам, хотя бы и была она мусульманкой, так как если я вернусь к ее отцу

без нее, он убьет меня». И халиф воскликнул: «Возьмите этого проклятого и убейте его!»

И потом он велел отрубить проклятому вазиру голову и сжечь его, иСитт-Мариам сказала: «О повелитель правоверных, не марай твоего меча кровью этого проклятого!» И она обнажила меч и, ударив им вазира, отмахнула ему голову от тела, и пошел он в обитель гибели, и приют ему — геенна. (А скверное это обиталище!) И халиф удивился твердости руки Мариам и силе ее духа, и он наградил Нур ад-дина роскошной одеждой, и отвел Мариам с Нур ад-дином помещение во дворце, и назначил им выдачи, и жалованье, и кормовые, и велел отнести к ним все, что было нужно из одежд, ковров и дорогой посуды.

И они провели в Багдаде некоторое время, живя сладостной и приятнейшей жизнью, а потом Нур ад-дин затосковал по отцу и матери и рассказал об этом халифу и попросил у него позволения отправиться в свою страну и посетить близких. И он позвал Мариам и привел ее пред лицо халифа, и тот разрешил ему поехать и наделил его дарами и дорогими редкостями. И он поручил Мариам и Нур ад-дина друг другу и велел написать эмирам Каира-Охраняемого и тамошним ученым и вельможам, чтобы они заботились о Нур ад-дине, его родителях и Мариам-кушачнице и оказывали им крайнее уважение.

И когда дошли вести об этом до Каира, купец Тадж ад-дин обрадовался возвращению своего сына Нур ад-дина, и его мать тоже обрадовалась этому до крайности. И вышли ему навстречу знатные люди, эмиры и вельможи правления, вследствие наказа халифа, и они встретили Нур ад-дина. И был это день торжественный, прекрасный и дивный, когда встретился любящий с любимым и соединился ищущий с искомым, и начались пиршества — каждый день у одного из эмиров. И все обрадовались их прибытию великой радостью и оказывали им уважение, все возвышающееся, и, когда встретился Нур ад-дин со своим отцом и матерью, они обрадовались друг другу до крайней степени, и прошли их заботы и огорчения.

И как же обрадовались они Ситт-Мариам и оказали ей крайнее уважение, и стали прибывать к ним подарки и редкости от всех эмиров и больших купцов, и испытывали они каждый день новое наслаждение и радость большую, чем радость в праздник.

И они прожили в постоянной радости, наслаждении и обильном и веселящем благоденствии за едой, питьем,

развлечениями и увеселениями некоторое время, пока не пришла к ним смерть — Разрушительница наслаждений и Разлучительница собраний, опустошающая дома и дворцы и населяющая утробы могил. И были они перенесены из дольней жизни к смерти и оказались в числе умерших. Да будет же слава живому, который не умирает и в чьей руке ключи видимого и невидимого царства!

ХАЛИФ НА ЧАС, ИЛИ РАССКАЗ ПРО АБУ-ЛЬ-ХАСАНА-КУТИЛУ

Во времена Харуна ар-Рашида, халифа в Багдаде, жил один человек, купец, очень знатный, и был у него сын, по имени Абу-ль-Хасан. И дожил этот купец до преклонных лет, и пришла к нему смерть,— слава тому, кто не умирает! — и, когда он умер, его сын Абу-ль-Хасан омыл его, и завернул в саван, и похоронил, и остался жить со своей матерью, а мать его была старая, преклонных лет, женщина.

Отец воспитывал Абу-ль-Хасана в достатке, неге и благоденствии, и, когда он умер, Абу-ль-Хасан унаследовал все его богатства и земли, и к нему перешло все его добро и имущество. Отец Абу-ль-Хасана собрал эти сокровища своими трудами, в поте лица, ибо не получил их по наследству или другим путем, а вот Абу-ль-Хасана называли кутилой, так как он с малых лет любил веселиться и пировать с теми, кто походил на него нравом. Отец при жизни удерживал его от многих проказ и выдавал ему только деньги, необходимые на его нужды, являясь как бы уздой против его кутежей и попоек. Когда же Аллах — велик он! — вынес свой приговор и отец Абу-ль-Хасана умер, Абу-ль-Хасан увидел в своих руках огромные деньги унаследованные от отца, и начал водить дружбу с молодцами, такими же как он. Он стал тратить на них немало денег и забросил дело своего отца — торговлю, которой тот нажил все эти богатства, и предался мотовству и расточительству, веселясь и наслаждаясь. Но при этом он поступил наполовину как умный, а наполовину — как безумец: разделил свои деньги пополам и на одну половину купил

земли, дома и имения, а вторую обратил в золотые монеты и стал расходовать; и он дал великую клятву, что не станет трогать доходов с земель, которые приобрел, а, наоборот, будет их хранить.

И Абу-ль-Хасан зажил, наслаждаясь весельем, и устраивая угощения и званые пиры для своих друзей, и ежедневно созывая певиц и музыкантш. Он проводил время за вином, едой и питьем, веселясь с приятелями, причем каждый день тратил больше, чем в предшествующий.

И так он провел целый год, а мать увещевала его и говорила: «О дитя мое, что постоянно течет, то быстро иссякает, а твои приятели, для которых ты устраиваешь пиры, ничем тебе не помогут, когда ты разоришься. Будь же осмотрителен в делах и подумай об их последствиях». Но Абу-ль-Хасан не обращал на нее внимания и вел себя попрежнему, не слушая наставлений матери, и наконец его родительница, устав его увещевать и видя, что он не слушает ее слов, сказала: «О дитя мое, я последний раз говорю с тобой об этом. Послушай-ка, что сказал поэт:

Деревьев жизиь подчас людской судьбе сродии:
Покуда дарят плод, любезиы всем они,

Деревья без плодов живут всегда в тоске —
Забытые стоят, влачат свой век одни.

А в наши времеиа дрянной иарод пошел,
От ыиеших друзей, господь, нас охрани!» [1]

А Абу-ль-Хасан встречал слова матери насмешками и издевками и смеялся над такими ее речами.

И вот когда таким образом прошел целый год, он как-то сунул руку в карман и убедился, что «дом пуст и место посещения далеко». Он не нашел в кармане ни дирхема, ни даже фельса, и иссякла целиком та половина его имущества, которую он обратил в золото и тратил, веселясь с приятелями. И когда увидел Абу-ль-Хасан, что в кармане у него пусто и там нет ни единого дирхема, он вернулся домой печальный, а приятели его, увидав, что он разорился, оставили его и удалились, и если кто-нибудь из них встречал Абу-ль-Хасана на улице, то переходил на другую сторону или отворачивался от него, чтобы тот его не уви-

[1] Здесь и далее стихотвориые вставки, отмеченные звездочкой, переведены А. Ревичем.

дел и не поздоровался с ним. И Абу-ль-Хасан расстраивался из-за этого все больше и больше и говорил: «Горе мне, глупцу и безумцу! Почему я не слушал слов моей матери и не внимал ее увещаниям!» — и скорбь его до того усилилась, что он расстался со сном и от горя и заботы не получал удовольствия ни от еды, ни от питья.

И когда его мать увидела, что он в таком состоянии, она опечалилась, и ее взяла жалость, и спросила она: «Что с тобой, о дитя мое, отчего ты удручен и печален и находишься в наихудшем состоянии? Для меня ясно, что твои деньги все вышли и тебе уже нечего тратить. Больше того, твои десять приятелей, узнав, что ты разорился, оставили тебя, и пропала у них охота тебя видеть, ибо они знают, что у тебя не осталось ни дирхема. Я ли тебя не увещевала, о дитя мое? Подумал ли ты о моих словах, что люди приходят к дереву в пору его расцвета и покидают его, когда плоды кончатся, вспомнил ли мои многократные наставления и убедился ли в истинности моих слов? Но не печалься и не горюй! Я благодарю и прославляю Аллаха великого за то, что ты разделил свои деньги пополам: половину извел на кутежи с друзьями — возместить их это дело Аллаха и твое,— а на вторую купил земли, и они сохранились. Вставай же, наберись бодрости; будь мужчиной и не возвращайся к своим дурачествам».

И Абу-ль-Хасан, услышав от своей родительницы такие слова, начал плакать и причитать, а потом сказал матери: «Ах, матушка, теперь-то я точно знаю, как унижен тот, у кого нет в кармане ни дирхема, и каково к нему уважение!» — «Хвала Аллаху, сын мой, что ты понял это. Отныне ты будешь знать, какова ценность дирхема, и станешь беречь его: бедность чернит лицо бедняка в глазах людей, и родные отрекаются от родства с ним, ибо он беден, и все им тяготятся; никто не терпит близости с ним, и людям противно его видеть. Такова-то участь бедняка, дитя мое!»

«О матушка,— воскликнул Абу-ль-Хасан,— ты еще не знаешь, что произошло у меня с десятью приятелями, на которых я извел свои деньги, когда они узнали, что я разорился, и деньги у меня кончились, и не осталось от них ни одного дирхема! Я сказал им: «О братья, я разорился и не могу больше, как раньше, устраивать для вас званые пиры»,— но они меня оставили и от меня отдалились, и теперь я убедился в правоте твоих слов и верю стихам, которые ты сказала, что люди подобны дереву». — «О сын мой,— молвила его мать,— поэт говорит:

Тебе легко жилось, счастливой жизнь была,
Забыл ты о судьбе и не страшился зла,

Поверил ты ночам, но обманула мгла,—
Таит угрозу ночь, хотя порой светла*.

Сколько раз говорила я тебе: «Абу-ль-Хасан, дитя мое, образумься, выбрось глупости из головы и посмотри, как жил твой отец!» — но ты не слушал моих слов и говорил: «Мой отец был скупой человек!» — и повторял мне слова поэта:

Пусть руки отсохнут мои, пусть ноги мои омертвеют,
Коль стану богатым скупцом, что дирхема не разбазарит,

Скажи, разве станем хулить того, кто был щедрым и добрым?
Где добрая слава того, кто всем был известен как скаред?*

Скажи-ка, сынок, где теперь твои стихи? Ты сам видишь, в каком ты унижении с тех пор, как нет у тебя в кармане ни дирхема! Но что было, сын мой, то было и не вернется. Будь же отныне настоящим мужчиной».

«О матушка,— ответил Абу-ль-Хасан,— я верю твоим словам и буду им следовать, но прежде всего мне хочется пойти к моим десяти приятелям и попросить, чтобы они мне помогли. Я посмотрю, что они сделают: может быть, кто-нибудь из них окажется добрым человеком и поможет мне чем-либо, так что я смогу как-нибудь прожить. Правда, я ни на кого из них не надеюсь, но, слава Аллаху, я не очень-то в них нуждаюсь. Благодарю Аллаха великого за то, что он внушил мне разделить деньги пополам и сохранить половину, но мне все-таки хочется пойти и посмотреть, как они со мной поступят,— тогда я еще больше удостоверюсь в правоте твоих слов».— «И чего ты еще сомневаешься в моих словах, сынок! — молвила в ответ ему мать.— Видно, ты так и не образумился и все такой же глупец. Ты ведь знаешь, что твои десять приятелей водились с тобой только ради выгоды и прибытка и хотели нажиться около тебя. Доказательство этому в том, что, когда ты разорился и у тебя не осталось ни дирхема, они тебя бросили и удалились. И я говорю тебе, сынок, раньше чем ты к ним пойдешь: надежды твои на них напрасны».— «Знаю, матушка, все твои слова правильны,— возразил Абу-ль-Хасан,— но я все-таки хочу обратиться к ним, чтобы они помогли мне в моем тяжелом положении. Тогда мне не придется говорить в будущем: «Ах, отчего я не по-

пытался!» Я сам смогу убедиться, как мало в них ко мне доброты, и увижу это воочию, чтобы еще раз не попасть впросак».— «Делай как хочешь, сынок, я не стану тебя удерживать от того, что ты желаешь»,— сказала ему мать.

И Абу-ль-Хасан проспал эту ночь, а утром он выбрал подходящее время и пошел к своим приятелям. Он нашел их всех дома и изъяснил каждому из них свое положение, жалуясь на свою нужду. Он просил о помощи и поддержке и говорил: «О друзья мои, пришло теперь время проявить приязнь и великодушие! Помогите мне чем-нибудь, а когда мои дела поправятся, я отдам вам с избытком все, чем вы мне поможете, и тогда мы вернемся к прежним увеселениям и развлечениям. Вы, слава Аллаху, знаете, какова моя приязнь к вам и сколько я на вас извел денег,— теперь ваша очередь». Но ни один из приятелей ничего ему не ответил, не сказал ни слова: все они молчали и сумрачно глядели ему в лицо, как будто не знают его и в жизни его не видывали. И когда Абу-ль-Хасан увидел, в каком положении он оказался и как они очернили его лицо, вернулся он к своей матери грустный и печальный, с плачущим оком, и весь мир в его глазах был черным.

И он сказал своей матери: «О матушка, поистине солгал тот, кто сказал такие слова:

Пока в достатке ты живешь и денег в сундуках полно,
Будь щедрым, не жалей монет, всем помогай и знай одно:

Нельзя богатства расточить, коль нам богатство суждено,
А не судьба — к чему копить? Ведь разоришься все равно*.

Матушка, теперь я удостоверился в справедливости твоих слов. Я думал, что найду действительно любящих людей, а нашел людей, не знающих благодарности за хлеб и признательности за милость и совершенно не помнящих добра и благодеяний. Клянусь Аллахом, матушка, я не хочу теперь видеть кого-либо из них».— «О сынок,— ответила ему мать,— твои друзья не твои друзья, твои друзья — друзья чаши, кубка и бутыли».

Потом Абу-ль-Хасан дал клятву, что он больше не станет водиться ни с кем из жителей Багдада и не будет их угощать, а также не будет мотать деньги, а будет расходовать их лишь по правилам и с порядком. Он решил постоянно оказывать милость чужеземцам и каждый вечер принимать у себя какого-нибудь незнакомца, кормить его ужином, поить допьяна и укладывать спать, а наутро про-

щаться с ним и отпускать его, чтобы вечером принять кого-нибудь другого. И никого он не станет угощать дважды, нет, только один раз, чтобы ему не пришлось постоянно общаться с кем-нибудь. Потом Абу-ль-Хасан вытащил сундук с деньгами, которые он скопил от доходов с домов и земель, купленных на половину его состояния, и поставил его в кладовую расходов, чтобы сундук был у него под рукой. И каждый день он сам ходил на рынок и своей рукой покупал все нужное, чтобы раб не истратил больше, чем следовало и положено, а приготовив помещение для пира и поставив столик с яствами и вином, отправлялся к городским воротам Багдада и ждал появления какого-нибудь иноземца. И, увидев чужестранца, он вел его к себе в гости, ужинал с ним, пил, веселился и бражничал, а потом он укладывал гостя спать, а наутро говорил ему: «Уходи с миром». А Абу-ль-Хасан знал всякие шутки и остроты, от которых рассмеется даже кирпич. Отпустив чужеземца, которого угощал, Абу-ль-Хасан никогда не угощал его второй раз, и если ему встречался иноземец, которого ему уже приходилось угощать, то он переходил на другую сторону, чтобы тот его не увидел.

Так Абу-ль-Хасан провел некоторое время, и однажды, когда он сидел у ворот Багдада, ожидая, пока пройдет чужеземец, чтобы пригласить его в гости, вдруг в городские ворота украдкой вошел халиф Харун ар-Рашид в одежде чужестранца. А дело в том, что Харун ар-Рашид вследствие своего великого правосудия и любви к справедливости постоянно ходил тайком по городу и разведывал, каково положение подданных, а в начале каждого месяца он тоже ходил, переодетый, чтобы посмотреть, как ведут себя правители и как они вне Багдада поступают с народом в отношении справедливости, обид и правосудия. И вот, когда халиф входил в ворота города Багдада, одетый в одежду мосульского купца и сопровождаемый своим рабом Масруром, Абу-ль-Хасан увидел его, поднялся и быстро пошел ему навстречу. Он стал упрашивать халифа побывать у него в гостях, говоря: «Послушай, о чужестранец, я приму тебя со всяческим уважением и почетом, но при одном условии: ты проведешь у меня лишь сегодняшнюю ночь, а утром уйдешь своей дорогой и не возвратишься ко мне больше ни разу».

И когда халиф услыхал приглашение с оговоркой, что он проведет у хозяина дома лишь одну ночь, а утром уйдет своей дорогой и больше не вернется к нему, ему захотелось

узнать, какова причина такого условия и почему этот человек приглашает чужестранца на одну ночь, а утром уйдет своей дорогой и больше не вернется к нему, ему захотелось узнать, какова причина такого условия и почему этот человек приглашает чужестранца на одну ночь и не приглашает его вторично. И халиф согласился на это предложение, и Абу-ль-Хасан пошел впереди него, а халиф шел сзади, пока они не достигли жилища Абу-ль-Хасана. И Абу-ль-Хасан ввел халифа в красивую, богато убранную комнату, где было полным-полно китайского фарфора, шелковых одеял и ковров, шитых золотом молитвенных ковриков и бархатных подушек. И халиф сел, а Абу-ль-Хасан пошел и принес столик, уставленный блюдами с домашними и дикими голубями, курами и другими изысканными кушаньями и драгоценными яствами, и сел за столик с халифом, своим гостем. И они стали есть, пить и веселиться, и халиф ел с большой охотой, а когда они насытились, раб принес им таз и кувшин, и они вымыли руки, а потом Абу-ль-Хасан пошел и принес свежие и сушеные плоды, сласти и вино, старое, прозрачное, и поставил перед халифом бутыль, а сам сел с ним рядом, и наполнил чашу, и воскликнул: «Снизошла на меня тысяча благодатей! О гость мой, эта чаша за твое здоровье! — И ему захотелось пошутить, и он молвил: — О гость мой, я хочу открыть тебе тайну. Когда петуху хочется напиться, он скликает кур, своих подруг, и те думают: «Что это он такое говорит?» — а я скажу тебе: он говорит им: «Из любви к вам, за ваше здоровье!» И я тоже говорю: «Из любви к тебе, за твое здоровье!» — «Пей на здоровье и в удовольствие»,— сказал халиф и расхохотался, и понял он, что Абу-ль-Хасан человек беспутный, и ему стало весело.

А потом Абу-ль-Хасан налил чашу дополна и увидел, что халиф сидит перед ним молча, чинно и благородно, не говоря ни слова. И тогда Абу-ль-Хасан подал ему чашу и сказал: «О чем ты задумался, мой гость? Что думать, коли есть Аллах,— ты предполагаешь, а он располагает. Возьми выпей, и придет к тебе от вина нежданно ясность рассудка. Избавь нас от тех, кто вечно думает и гадает, как те, что носят на плечах свинец. Забудь заботы и тревоги, которые сокращают жизнь. Не упускай ни минуты счастья и радости. Знай, о мой гость, никто не знает, где счастье, кроме меня! Пей же, я покажу тебе, в чем счастье!»

И халиф выпил, а Абу-ль-Хасан взял чашу, и наполнил ее, и сказал: «Гляди, гость мой: счастье у того, кто опрокидывает в рот эту чашу». И Абу-ль-Хасан опрокинул чашу в рот и выпил ее, а халиф засмеялся, и развеселился от его выходок и сумасбродств, и воскликнул: «Клянусь Аллахом, Абу-ль-Хасан, мне нравится дружить с такими, как ты, ибо ты человек веселый, довольный и беспутный. Сделай милость, налей и мне, чтобы я помог тебе прикончить эту бутыль». И Абу-ль-Хасан засмеялся и сказал: «Клянусь Аллахом, ты тоже мне нравишься, о гость мой!» — и наполнил чашу, и подал ее халифу, говоря: «Знай, о гость мой, что имя этой чаши — Диковинка». И халиф взял чашу и воскликнул: «Прекрасно, о Диковинка! Ты знаешь, о Абу-ль-Хасан, с кем водиться! Нет равного этой Диковинке!»

«О гость мой,— сказал Абу-ль-Хасан,— выпало мне с тобой великое счастье, ибо я вижу, что ты, как и я, любишь веселиться и наслаждаться и не походишь на некоторых людей, у которых на лице всегда видна тоска. Клянусь Аллахом, о гость мой, я сегодня сумел-таки выбрать собутыльника! Едва я увидел тебя у ворот, я сразу понял, что ты весельчак и любишь развлечения, и снизошла на меня великая благодать»,— продолжал Абу-ль-Хасан и, сказав это, произнес:

«Когда бы мог мой дом понять, кто на его ступил порог,
От счастья он бы ликовал, следы лобзал бы ваших ног,

На тайном языке своем он так сказал бы, если б мог:
«Я рад приветствовать того, кто родом и душой высок!»*.

А потом Абу-ль-Хасан воскликнул: «Ах, мой гость, как я счастлив и доволен, что нашел сегодня такого приятного, веселого, довольного человека, как ты!» И халифу стало весело от его речей и поступков.

И чаша опять заходила между ними,— «Подай налитую, получишь пустую!» — и наконец хмель заполз им в голову, но у халифа голова была крепкая, и он ничуть не изменился, и ему захотелось узнать, по какой причине Абу-ль-Хасан угощает чужеземца только однажды. Он подождал, пока вино заиграло у Абу-ль-Хасана в голове и сказал ему: «Заклинаю тебя жизнью, Абу-ль-Хасан, расскажи мне, каково твое занятие и чей ты сын?»

И Абу-ль-Хасан воскликнул: «Ты тоже, о гость мой, видно, не прочь поболтать! Говорит пословица: «Где гость,

там и болтовня». Но халиф так приставал к Абу-ль-Хасану с расспросами, что тот наконец сказал: «Знай, о гость, что я сын купца и что Аллах великий вдоволь наделил его всяким добром. Не нуждается никто, раз Аллах наделил его, но только, о гость мой, отец воспитывал меня в строгости и был со мною суров и изрядно скареден — не давал мне ничего, кроме того, что положено. А я с малых лет был по природе склонен к веселью и дружил с теми, кто из того же теста, и мой отец удерживал меня от всего этого, и когда он умер, я унаследовал от него кучу денег, так как он — помилует его Аллах! — оставил мне очень много, ибо, как я тебе уже говорил, был он человеком прижимистым. И вот, когда он скончался, и оставил большие богатства, и исчезло препятствие, которое не давало мне веселиться, я обрадовался, собрал все его богатства и разделил их на две половины. На одну половину я купил сады, дома, земли и имения и дал великую клятву, что буду прятать доходы с них в сундук и не истрачу из него ни дирхема, а другую половину я всю превратил в деньги и положил их у себя под рукой, чтобы их тратить. И стал я веселиться, наверстывая те дни, которые упустил при жизни отца, и подобрал нескольких друзей, себе под стать, и принялся мотать с ними деньги на еду, питье, певиц и музыкантов, пируя ночью и днем; они ни в чем не терпели недостатка, и я наслаждался с ними полным счастьем. И я пировал так целый год, а через год, добрый гость, я сунул руку в карман и не нашел там ни единого дирхема, и когда мои приятели узнали об этом, они бросили меня, и ни один из них не пришел ко мне, чтобы сказать: «Мое сердце подле тебя». Когда я увидел себя в таком положении, мне пришла мысль пойти к ним и попросить, чтобы они меня поддержали и выручили, ибо я извел на них все свои деньги. И я пошел, и осведомил их о своем положении, и попросил помочь мне какими-нибудь деньгами, чтобы мне начать торговлю, а потом, когда мое положение исправится, я, мол, верну им долг, и клянусь Аллахом, о гость, и твоей драгоценной жизнью, ни один из них даже не взглянул на меня, словно они меня не знали, и лица их были неприветливы. Я вернулся домой, крайне опечаленный, сел и принялся упрекать себя, говоря: «Клянусь Аллахом, мой отец имел право быть скупым, так как знал, каково наше время и его сыны»,— и поклялся великой клятвой, что не буду больше водиться ни с одним из этих людей и стану принимать у себя только чужеземцев. И из

страха, что угощение приведет к дружбе, я дал зарок, что буду угощать чужестранца лишь одну ночь, а утром он от меня уйдет, словно я его не знавал и он меня не знавал. И я стал тратить деньги от доходов с владений, которые приобрел, и жил таким образом, пока, на великое мое счастье, я не встретился сегодня вечером с тобой, о мой добрый, желанный гость. Я обрадовался тебе и опьянел от радости, увидев тебя, ибо я угощал великих и малых, но ни разу не видал еще такого весельчака».

И халифу понравились слова Абу-ль-Хасана, его благоразумие и осмотрительность, и он молвил: «Клянусь Аллахом, о Абу-ль-Хасан, ты совершил поступок, достойный мужей разумных и людей осмотрительных, ибо отложил половину своих денег и подумал о последствиях и о превратностях времени. Ты понял, что дни не проходят всегда одинаково, и сберег половину своего состояния, приобретя на эти деньги владения и поместья, а кроме того, бросил глупости и беспутство, и раскаялся в своем мотовстве и расточительстве, и пошел путем разума, мудрости и расчетливости. Да будет же слава Аллаху, о Абу-ль-Хасан, что ты не спустил по глупости и другую половину своих денег. Клянусь великим Аллахом, твое благоразумие мне нравится и я радуюсь на тебя, ибо ты молодой человек, но ты все же не поддался привычке мотать деньги на увеселения с твоими приятелями. Да защитит же тебя своим покровом Аллах великий, который вывел тебя, о Абу-ль-Хасан, на правый путь, так что ты образумился и раскаялся, и поистине тебя теперь ждет награда от Аллаха великого, ибо ты каждый день угощаешь чужеземца, и, во-вторых, ты от этого стал еще счастливей — ты ведь каждый день видишь у себя в доме людей чуждого облика и учишься у них уму-разуму и вещам, которых ты не знал. Они рассказывают тебе про свою страну и, странствуя, прославляют тебя и благодарят за милости».

«О гость мой,— сказал Абу-ль-Хасан,— мы затянули разговор и забыли про нашу Диковинку. Подай-ка чашу».— «Правильно! — воскликнул халиф,— мы даром потратили время без вина. Пей же скорей и дай мне чашу».— «Клянусь Аллахом, о гость мой,— сказал Абу-ль-Хасан,— я не видывал такого весельчака, как ты. Про меня говорят: «Беспутный!» — но клянусь Аллахом великим, ты куда беспутней меня». И халиф засмеялся, а Абу-ль-Хасан выпил, и наполнил чашу, и подал ее халифу. И они

снова принялись пить и веселились, пока не настала полночь.

И тогда халиф сделал вид, что устал после путешествия, и сказал Абу-ль-Хасану: «О Абу-ль-Хасан, пришло время спать, но прежде чем лечь, я скажу тебе, что хочу встать завтра раненько, так что ты, может быть, будешь еще спать. Я не хочу тревожить твой сон и должен уже теперь поблагодарить тебя за милость и пожелать тебе всякого добра. Но послушай, Абу-ль-Хасан! Я всю жизнь, как и ты, воспитывался в достатке и роскоши и всегда водился со знатными людьми. Мы жили словно братья, и если один из нас в чем-нибудь нуждался, то другой старался как мог исполнить его нужду, и если кто-нибудь из товарищей попадал в стесненное положение, то мы его поддерживали и не оставляли; наоборот, каждый отдавал все то, что послал ему Аллах, чтобы друг мог заткнуть прорехи и снова разбогатеть и проводить с нами время весело, не зная забот. И вот я хочу, Абу-ль-Хасан, чтобы ты сделал мне милость и, прежде чем я засну, рассказал мне не скрывая, нет ли у тебя на душе желания, которого ты не можешь осуществить, или какой-нибудь нужды. Ради Аллаха, не таи от меня ничего, ибо рука моя в этом городе может сделать многое из того, чего ты хотел бы, но не можешь достигнуть. Расскажи мне об этом, ибо рука моя, как я тебе говорил, властна в этом городе на многое. Я хочу, чтобы ты рассказал мне, чего бы ты хотел, чтобы я мог сделать это для тебя и удостоился бы чести исполнить твое желание за ту милость, добро и благодеяние, которые ты мне оказал сегодня ночью. Клянусь Аллахом, я полюбил тебя за твою любовь к чужеземцу!»

И Абу-ль-Хасан отвечал ему: «О мой добрый, счастливый гость, благодарю тебя за милость! Я убежден в твоей искренней любви ко мне, но я человек неприхотливый, довольный тем, что уделил мне создатель,— слава Аллаху за это! — и нет у меня никаких желаний, и я не хочу стать больше, чем я есть. Как бы то ни было, о гость мой, я благодарю тебя за благодеяние и милость, так как ты оказал мне почет, и повеселился со мной сегодня ночью, и отведал моей пищи, недостойной твоего сана и положения, и зашел в мой дом, слишком бедный для столь знатного гостя. Но ты заклинаешь меня, о мой гость, сказать, каково мое желание, и я скажу тебе об одном деле, на которое властен, однако, лишь Аллах.— И он продолжал: — Знай, о гость, что, живя в нашем квартале, я устал от четырех сторожей.

Эти проклятые старики — да поразит их гнев Аллаха! — никому не дают покоя из-за своего зла, и нет у них деньденьской другого дела, как злобствовать и ссориться с жителями квартала — с одного деньги тянут, другого оскорбляют. И еще есть у нас имам в квартальной мечети — проклятущий старик, паскудней его не найти на всей земле, и эти пятеро стариков по паскудству — одна шатия и похожи друг на друга, словно навоз из одной кучи. Скажешь имаму: «Мир тебе!» — а он: «Чтоб тебе ослепнуть!» — одним словом, никудышный человек. Готов повздорить с собственной тенью и сам себе в бороду вцепиться! Вот он каков, этот проклятый, и рожа у него гадкая, противная, словно обезьянья морда».

И халиф рассмеялся и спросил: «Что же ты хотел бы сделать с этими пятью проклятыми негодниками?» — «Ах, мой гость, я прошу у Аллаха лишь одного, и право, это не так уж много: дал бы он мне хоть денек побыть халифом вместо наместника Аллаха, повелителя правоверных Харуна ар-Рашида!» — «Ну, а если бы ты, Абу-ль-Хасан, стал халифом вместо повелителя правоверных Харуна ар-Рашида, что бы ты сделал в этот день?» — «Я вознаградил бы щедрого и великодушного, который, как ты, оказывает достойным людям милость и благодеяние,— ответил Абу-ль-Хасан.— А потом тотчас же послал бы за имамом из квартальной мечети, и всыпал бы ему четыреста плетей из слоновьего хвоста, и показал бы этому проклятому все его паскудство. И еще послал бы за теми четырьмя стариками сторожами, и им тоже влепил бы по четыреста плетей, и велел бы им сидеть дома, не задевать никого из жителей квартала и не вмешиваться не в свое дело. Пусть себе сидят и читают Коран, а я уж дам им хлеба вдоволь».

И халиф, услышав слова Абу-ль-Хасана, остался доволен его суждением и справедливостью, так как тот пожелал стать халифом лишь для того, чтобы отомстить дурным людям, а Абу-ль-Хасан и все жители квартала действительно устали от этих пяти негодяев — четырех старых квартальных сторожей и имама в мечети.

«О Абу-ль-Хасан,— сказал халиф,— твое суждение поистине справедливо и правосудно, и Аллах великий может даровать тебе то, что ты желаешь, ибо, клянусь великим Аллахом, он был бы этим доволен. Возможно и вероятно, что когда повелитель правоверных узнает, что ты хотел бы стать халифом, чтобы отомстить за обиду, из любви к справедливости, он сделает тебя на день своим

наместником. Мне нетрудно, Абу-ль-Хасан, осведомить повелителя правоверных о твоем желании, ведь хотя я мосульский купец, у меня с халифом знакомство и дружба».— «О гость,— рассмеялся Абу-ль-Хасан,— ты как будто шутишь, и потешаешься надо мной, и насмехаешься над моим слабым умом. Ведь если даже твои слова и правильны и ты пойдешь и скажешь об этом повелителю правоверных, он только посмеется над нами с тобой и над скудостью моего ума. Но правда, если бы халиф узнал об этих людях, он воздал бы им по заслугам».— «Нет, Абу-ль-Хасан,— возразил халиф,— не говори, что я над тобой смеюсь. И упаси боже, чтобы я смеялся над таким хорошим человеком и ответил бы неблагодарностью на милость. Да и халиф тоже не станет над тобою насмехаться, как ты подумал; совсем наоборот — это его только повеселит и позабавит. Однако хватит нам разговаривать, ведь ночь уже вся прошла».— «Ты совсем сонный и хочешь отдохнуть,— сказал Абу-ль-Хасан.— Правда, ты устал, но здесь, в бутыли, остается еще немного вина. Прикончим его, разделаемся с ним, а потом поспим. Но сначала, о гость мой, я дам тебе наставление: когда утром выйдешь раньше меня, прошу тебя, закрой за собой дверь».— «Слушаю и повинуюсь, Абу-ль-Хасан,— ответил халиф.— Но я хочу сам налить тебе последнюю чашу».— «С любовью и охотой, о гость мой!» — воскликнул Абу-ль-Хасан.

И халиф взял бутыль, налил себе и выпил, а потом он наполнил чашу Абу-ль-Хасана, и положил в нее немного банджа, и подал ее Абу-ль-Хасану, говоря: «Ты все время мне прислуживал, о Абу-ль-Хасан, и теперь мне следует послужить тебе». Абу-ль-Хасан взял чашу, поблагодарил халифа и выпил ее всю. Вино и бандж закружились у него в голове, и он упал на землю и заснул как убитый, и халиф засмеялся. А Масрур уже стоял перед халифом, и тот сказал ему: «О Масрур, взвали его на плечи и хорошенько запомни этот дом, чтобы, когда я тебе велю, принести его обратно».— «Слушаю и повинуюсь, о повелитель правоверных»,— ответил Масрур.

И халиф вышел, а Масрур шел за ним следом, неся Абу-ль-Хасана. Они оставили дверь открытой и шли до тех пор, пока не дошли до дворца; и оказалось, что невольницы, рабы и евнухи еще не ложились. И халиф положил Абу-ль-Хасана во дворце и велел рабыням раздеть его и переодеть в платье, которое халиф надевает для сна; и Абу-ль-Хасана тотчас же одели в ночную одежду халифа

и положили на его постель. А потом халиф созвал всех своих невольниц, наложниц, евнухов и вообще всех тех, кто обычно состоял при халифе, исполняя службу, и когда все собрались, сказал им: «Завтра вообразите, что этот человек — я, халиф, и служите ему с таким же почтением и уважением, какое оказываете мне. Все, что вы делаете для меня, когда я встаю с постели, делайте и для него тоже, и я не хочу, чтобы хоть один из вас прислуживал мне — наоборот, все прислуживайте ему, точно он и есть халиф. И берегитесь и еще раз берегитесь меня ослушаться».

Потом халиф послал за Джафаром, своим вазиром, и рассказал ему историю Абу-ль-Хасана и то, что у него с ним случилось, и затем молвил: «Завтра утром приходи как обычно в диван с эмирами и вельможами царства. Абу-ль-Хасан выйдет к вам в диван, словно он халиф, а вы оказывайте ему необходимые почести, которые вы оказываете мне. Оповести об этом прочих эмиров и вазиров, проявляй к нему почтение и уважение, и пусть всякий из вас делает вид, что он — это я, собственной особой. Берегитесь ослушаться его в том, что он вам прикажет, и, наоборот, делайте все, даже если он растратит богатства всего государства и опустошит всю казну. Исполняйте все его повеления и берегитесь ослушаться. Вот чего я хочу от вас».

И вазир отвесил халифу поклон и сказал: «Слушаю и повинуюсь повелителю правоверных!» — и потом вышел от него, а халиф направился в свои покои, чтобы лечь спать, и позвал старшего евнуха, и тоже наказал ему проявлять к Абу-ль-Хасану полное уважение, как будто это сам халиф, и добавил: «Прежде чем разбудить его от сна, как вы делаете со мной, разбудите меня. Я войду, и где-нибудь спрячусь, и посмотрю, что он будет делать». И главный евнух ответил: «Внимание и повиновение, о повелитель правоверных!» И халиф проспал эту ночь, а под утро главный евнух поднял его. И халиф встал, вымыл лицо, совершил омовение и помолился, а потом направился в ту комнату, где спал Абу-ль-Хасан, и спрятался в укромном месте, чтобы посмотреть, что тот станет делать.

И когда наступило утро, пришли все невольницы и рабыни и окружили Абу-ль-Хасана, и наложницы сели у него в головах, а евнухи стояли, скрестив руки. Они дали Абу-ль-Хасану чашу с питьем против банджа, и Абу-ль-

Хасан поднял голову, но не мог сразу открыть глаз, до того она была у него тяжелая. И он стал раскрывать их мало-помалу и увидел, что лежит на шелковой перине, набитой страусовыми перьями, и покрывало сплошь заткано и расшито золотом, а комната, где он лежит, похищает разум и подобна райской обители. И Абу-ль-Хасан принялся протирать глаза, чтобы они не слипались, и потом открыл их и увидел, что вокруг него стоят наложницы и невольницы, каждая из которых как бы говорит луне: «Спрячься, я займу твое место!» — и в руках у них музыкальные инструменты, а другие невольницы, черные, стоят, скрестив руки, и евнухи тоже.

И Абу-ль-Хасан опешил и стал ворочаться, то направо, то налево, и его охватило изумление, и ум его был ошеломлен, и он воскликнул про себя: «Что за притча! Я, верно, сплю и вижу сон! Клянусь Аллахом великим, это всего вероятней, а иначе — что же это такое?» И он поглядывал на невольниц и говорил: «Господи боже, что же это такое? Какой там сон, когда эти люди, и одежда, и чалма, что на мне,— халифские, а постель — постель халифов. Ясно — я стал халифом! Что же это, Абу-ль-Хасан? Ведь сейчас твой слуга скажет: «Мой господин рехнулся»,— и тебя засадят в больницу. Ясно, я каждый день твержу: «Хочу стать халифом»,— вот я и увидел такой сон. Правильно, это так и есть! Я вчера говорил об этом с мосульским купцом, которого угощал, и это, видно, мне и приснилось из-за болтовни и разговоров».

И он зажмурил глаза и хотел опять заснуть, говоря: «Это все от болтовни, парень»,— но главный евнух подошел к нему и молвил: «О повелитель правоверных, день взошел! Вставай же, соверши омовение и помолись». И Абу-ль-Хасан, услышав эти слова, воскликнул: «Что за история? Я сплю или не сплю? Спи, парень, чтобы не сказали, что ты спятил и потерял рассудок!» И он зажмурил глаза и прикинулся спящим, и главный евнух опять подошел к нему и сказал: «О повелитель правоверных, не спи! Встань, соверши омовение и утреннюю молитву. Ведь солнце сейчас взойдет, а у твоего величества нет привычки пропускать утреннюю молитву».— «Господи боже,— воскликнул Абу-ль-Хасан,— что же это такое! Я все время сплю, но спящий никогда в жизни не слышит, а я-то ведь слышу, как кто-то меня зовет».

И он открыл глаза и увидел наложниц, невольниц, слуг и евнухов, которые стояли перед ним и ждали, и опять

принялся тереть глаза, чтобы пробудиться от сна. Потом он открыл глаза, и вгляделся, и убедился, и засмеялся, увидев себя халифом, и громко захохотал, а халиф украдкой смотрел на него и тоже смеялся. И невольницы, наложницы и евнухи, увидев, что Абу-ль-Хасан открыл глаза и смотрит на них, все приблизились к нему, и отвесили поклон, и пожелали ему славы и вечного благоденствия, и поцеловали перед ним землю. Одни принялись играть на лютне, другие — на цитре, иные — на гитаре и на прочих инструментах, и все подошли и пожелали Абу-ль-Хасану доброго утра и приветствовали его, как приветствуют халифов, а музыка все продолжала играть.

И Абу-ль-Хасан растерялся и опешил от этого и, закрыв глаза руками, закричал: «Что со мной делается! Господи! Это халифский дворец, вот невольницы и рабыни! Что же это случилось? Ты так с ума спятишь, Абу-ль-Хасан! Нет мощи и силы, кроме как у Аллаха, высокого, великого! Я и вправду не сплю!» И он снова открыл глаза и увидел, что солнце уже сияет, и увидел также рабынь, каждая из которых своей красотой смущает восходящее солнце, и воскликнул: «Интересно, с ума я сошел или то, что я вижу,— истинная правда!»

И когда Абу-ль-Хасан размышлял об этом и обращал к себе самому такие речи, вдруг подошел к нему главный евнух, и отвесил ему поклон, и поцеловал землю, и сказал: «О повелитель правоверных, не в обычае у твоего величества спать до такого часа, и ты ни одного дня не пропускал утренней молитвы. Видно, на тебя сегодня ночью напала бессонница, и возможно, что тебе нездоровится, но сейчас, о повелитель правоверных, пришло время открывать диван, и везири, эмиры, вельможи и знатные люди царства ждут, когда ты выйдешь к ним в диван и станешь по обычаю творить суд и расправу».

И когда Абу-ль-Хасан услышал слова главного евнуха, его взяла оторопь, и он не мог понять, что случилось. Он убедился, что это все не во сне, а наяву, но совершенно растерялся и не знал, что говорить и что делать. И понизив голос, спросил главного евнуха: «Что это значит? С кем ты разговариваешь и кому говоришь «повелитель правоверных»? Я тебя до сих пор ни разу в жизни не видел. Кого же это ты называешь повелителем правоверных?» — «О повелитель правоверных,— ответил главный евнух так, как учил его халиф,— твое величество говорит со своим рабом не так, как обычно. Ты, видно, хочешь испытать

меня такими словами. Это ты — мой владыка, повелитель правоверных, наместник Аллаха на земле его, Харун ар-Рашид, пятый правитель из сынов аль-Аббаса, властитель земли от востока до запада и преемник пророка Аллаха, господина людей и джиннов,— да благословит его Аллах и да приветствует! — а я твой раб и слуга, и как могу я забыть своего владыку, когда я воспитался под сенью твоей милости? Уповаю, что ты, по своей кротости, будешь ко мне снисходителен, о повелитель правоверных! Очевидно, какой-то негодяй нашептал тебе на меня ложное, и поэтому твое величество говорит мне такие слова и не хочет меня знать. Ведь я в жизни не слышал от тебя подобных речей. А быть может, о повелитель правоверных, тебе привиделся ночью сон, который нарушил твой покой?»

Услышав слова главного евнуха, Абу-ль-Хасан громко рассмеялся и так хохотал, что упал навзничь, и халиф, услышав хохот Абу-ль-Хасана, тоже схватился за бока от смеха. А нахохотавшись, Абу-ль-Хасан задумался, и покрутил головой направо и налево, и потом обратился к маленькому прислужнику, который стоял возле него, и спросил: «Эй, мальчик, кто я такой?» — «О господин, ты владыка наш, повелитель правоверных, наместник пророка — да благословит его Аллах и да приветствует! — и властитель земли на суше и на море»,— ответил слуга, и Абу-ль-Хасан воскликнул: «Врешь, проклятый! Ты хоть маленький, да лгун, и ты черней, чем дно котелка!» Потом он кликнул одну из невольниц и сказал ей: «Подойди-ка ко мне, красотка! — и когда та подошла, протянул ей палец и приказал: — Кусай меня за палец, да посильней, чтобы я понял, грежу я или не сплю и бодрствую». А невольница знала, что халиф устроил все это с Абу-ль-Хасаном, чтобы посмеяться над ним. Она взяла палец Абу-ль-Хасана, положила в рот, и впившись в него зубами, укусила его изо всех сил, а Абу-ль-Хасан взвыл и крикнул: «Ай! Клянусь Аллахом, я несомненно бодрствую, а не сплю, и это все не во сне!»

Потом он обратился к невольнице и сказал ей просительно: «Заклинаю тебя Аллахом, о госпожа красавиц, скажи, кто я такой, и не лги мне!» — «О господин,— отвечала невольница,— ты владыка наш, повелитель правоверных, наместник посланника божьего,— да благословит его Аллах и да приветствует! — повелитель всей земли от востока до запада». — «Господи боже мой, Абу-ль-Хасан,

кто бы мог подумать, что ты станешь халифом! — воскликнул Абу-ль-Хасан.— Прав, видно, тот, кто сказал: «От вечера до утра каких чудес не бывает!» Но смотри, парень, голова у тебя тяжелая, и может быть, эта проклятая тебе врет.— И сказал невольнице: — Чтоб тебе пусто было, проклятая, ты, оказывается, врунья. Я-то ведь хорошо знаю, кто я такой».

Тут подошел к нему главный евнух и сказал: «О владыка наш, повелитель правоверных, диван давно собрался». И Абу-ль-Хасан решил вставать, и главный евнух подошел, подхватил его под мышки и свел с постели, и все бывшие во дворце рабыни, наложницы, слуги и рабы в один голос закричали: «Доброго утра, о повелитель правоверных!» И когда Абу-ль-Хасан услышал это и увидел себя в таком положении, то перестал сомневаться, что он халиф, только бормотал растерянно: «Аллах, Аллах! О Абу-ль-Хасан, как быстро все изменилось! Еще вчера ты был Абу-ль-Хасаном, а сегодня стал повелителем правоверных, наместником Аллаха. Ей-богу, хорошо! Но тому, что судил Аллах, не приходится дивиться.»

Потом невольницы и служанки одели Абу-ль-Хасана в платье халифа и вымыли ему лицо, а затем они чинно и торжественно пошли впереди него, и вывели его из опочивальни, и привели в диван. После этого невольницы вернулись обратно, передав Абу-ль-Хасана евнухам, а те ввели его в большой зал дивана, и подвели к престолу халифа, и подняли, и усадили на престол. И слуги с невольниками поцеловали перед ним землю, желая ему величия и вечного благоденствия, и Абу-ль-Хасан осмотрелся в диване и увидел людей, и воинов, и евнухов, которые его охраняли. А халиф еще раньше пришел в диван и сел в укромном месте, чтобы посмотреть, что же Абу-ль-Хасан будет делать, и увидел, что Абу-ль-Хасан величественно восседает на престоле и раздает милости тем, кто их достоин, словно он и вправду халиф.

Затем, через некоторое время, вошел вазир Джафар и отвесил перед Абу-ль-Хасаном поклон, целуя землю, и пожелал ему славы и вечного благоденствия, и молвил: «О повелитель правоверных и податель благ, да погубит Аллах твоих врагов и да пошлет тебе над ними победу!»

И тут Абу-ль-Хасан убедился, что действительно стал халифом, и сказал про себя: «Я просил у Аллаха власти на один день, а Аллах даровал мне ее на всю жизнь». Потом он обратился к Джафару и молвил: «Говори, что у тебя на

уме, о Джафар, и если ты что-нибудь задумал, скажи об этом».— «О повелитель правоверных, вазиры, вельможи царства, эмиры и знатные люди государства стоят у дверей и ожидают от твоего величества разрешения и предписания войти, чтобы узнать, что им надлежит исполнить для его величества, повелителя правоверных»,— ответил Джафар. И Абу-ль-Хасан обратился к старшему евнуху, который стоял перед ним, и приказал ему дать вельможам разрешение войти.

И вельможи вошли, и поклонились, и пожелали Абу-ль-Хасану величия, и сказали: «О повелитель правоверных и наместник господа, да дарует тебе Аллах победу и да погубит твоих врагов!» Они облобызали перед ним землю, и Абу-ль-Хасан приказал им сесть, и каждый из них сел на место, приличествующее его чину, а затем Джафар подошел к халифу и, встав с ним рядом, доложил ему близкие, отдаленные и необходимые дела, прочитал прочие письма и донесения, касающиеся управления государством, и Абу-ль-Хасан запрещал и повелевал, отнимал и награждал, словно он халиф, а Джафар почтительно стоял перед ним.

Потом Абу-ль-Хасан обернулся и увидел вали, начальника стражников города,— а он его узнал,— и сказал: «О Джафар, у меня есть дело к вали и к его людям». И когда вали услышал это, он быстро подошел со своими людьми к Абу-ль-Хасану, и все поцеловали перед ним землю, и отвесили поклон, и пожелали ему величия и вечного благоденствия, и сказали: «Приказывай, повелитель правоверных, мы внимаем и повинуемся».

И тогда Абу-ль-Хасан приказал им: «Отправляйтесь в такой-то квартал и схватите четырех старых сторожей, которые там живут, а потом пойдите в тамошнюю мечеть, то есть в соборную мечеть квартала, и схватите имама. Дайте каждому из этих людей по четыреста ударов слоновьим хвостом, посадите каждого на верблюда, велите им держать верблюда за хвост и проведите их так по городу, и пусть глашатай идет перед ними и кричит: «Вот воздаяние, и наименьшее воздаяние, тому, кто суется в дела, которые его не касаются и к нему не относятся, и любит устраивать и сеять смуты и склоку между соседями!» А когда вы их обесславите, прогоните их вон из города — пусть они никогда больше тут не живут и сюда не входят. Посадите их в какую-нибудь мечеть за воротами Багдада, и пусть люди отдохнут от их зла. А когда вы исполните то,

что я приказал, возвращайтесь и расскажите мне. И остерегайся, о вали, меня ослушаться! Клянусь моей головой, что, если ты сделаешь иначе, я отрублю голову тебе». И вали поцеловал землю перед Абу-ль-Хасаном и сказал: «Слушаю и повинуюсь, о повелитель правоверных!» — и тотчас вышел со своими людьми, чтобы выполнить его приказание, а Абу-ль-Хасан остался во дворце и продолжал заниматься с вазирами делами государства.

А халиф, когда услыхал приказ Абу-ль-Хасана вали, совсем обеспамятел от смеха и сказал про себя: «Клянусь Аллахом, Абу-ль-Хасан не забыл про четырех сторожей и имама мечети, и клянусь Аллахом великим, он поступил правосудно и по справедливости, так как они этого заслужили! Именно это он хотел и желал сделать, когда станет халифом».

И Абу-ль-Хасан до тех пор вершил в диване дела и выносил приговоры, пока вали не вернулся и не вошел в диван. Он отвесил Абу-ль-Хасану поклон, и тот спросил его: «Сделал ты то, что я тебе велел?» — «Да, повелитель правоверных,— ответил вали,— и в подтверждение того, что я выполнил твой приказ, вот свидетельство жителей квартала и его именитых обитателей. Все радуются твоему повелению и желают твоему величеству вечной славы». И начальник вынул бумагу и подал ее Абу-ль-Хасану, и тот взял ее, прочитал и узнал почерк тех, кто давал свидетельство.

И обрадовался Абу-ль-Хасан великою радостью и сказал про себя: «Вот то, чего ты желал, Абу-ль-Хасан, и Аллах даровал тебе это, и ты достиг цели!» — а потом он обратился к вазиру Джафару и приказал: «Принеси сейчас же кошель с пятью сотнями динаров, пойди с ним в этот же самый квартал и спроси там старую женщину, которую зовут Умм Абу-ль-Хасан. Сын этой женщины — человек известный на весь квартал, и его знают во всем городе, и когда вы о ней спросите, вас сейчас же к ней проведут, так что вы не ошибетесь. Так вот отдай ей этот кошель».

Когда халиф услышал это, он так засмеялся, что даже схватился за бока, а вазир Джафар облобызал землю и сейчас же пошел в казну. Он взял кошель с пятью сотнями динаров, и пошел к матери Абу-ль-Хасана, и отдал ей кошель со словами: «Повелитель правоверных шлет тебе этот кошель»,— и мать Абу-ль-Хасана взяла его, и ее охватило удивление из-за этой истории. Ведь она ровно

ничего не знала о происшествии со своим сыном Абу-ль-Хасаном и о том, что с ним сталось. Потом вазир Джафар вернулся в диван, отвесил перед Абу-ль-Хасаном поклон и сказал: «Я выполнил твой приказ, о повелитель правоверных».

А спустя короткое время главный евнух вошел в диван и подал вазиру знак кончать диван, и вельможи тотчас же попросили у Абу-ль-Хасана разрешения удалиться и вышли, а главный евнух взял Абу-ль-Хасана за руку и увел его во дворец. И Абу-ль-Хасан попросился сходить в дом отдохновения по нужде, и ему поднесли, по обычаю халифов, шелковые шлепанцы, вышитые золотом. И Абу-ль-Хасан положил их на колени, но вдруг ему до того приспичило, что он поспешно выбежал босиком, со шлепанцами в руках, а халиф так смеялся, что упал навзничь.

Потом Абу-ль-Хасан, удовлетворив нужду, вышел из домика уединения, и все слуги и евнухи встретили его, и пошли впереди, и привели его в те покои, где ему приготовили обед. И невольницы, рабы и наложницы встали перед Абу-ль-Хасаном — а у невольниц были в руках музыкальные инструменты — и начали бить по струнам и петь, и когда Абу-ль-Хасан услышал удары по струнам, звуки музыки и пение и увидел, как красивы и прелестны невольницы, каждая из которых могла посрамить сияющее солнце, он смутился умом, и растерялся, и сказал про себя: «Как можно говорить, будто все, что я видел и теперь вижу,— сон! Вряд ли! Но как же все-таки: я знаю, что вчера я был Абу-ль-Хасаном, а сегодня вдруг сделался халифом... Клянусь Аллахом, зто здорово! Нет мощи и силы, кроме как у Аллаха, высокого, великого! О милостивый, о милосердый, защити меня от последствий этого сна! Но хорошо, Абу-ль-Хасан, неужели все зто торжество, почет, великолепие и пышность, которые ты видишь,— только сон? Не думаю, чтобы это был сон. Но как же, однако, все-таки случилось такое дело? Ведь на весь мир есть только один халиф, а я вижу, что халиф — это я. Значит, другого халифа нет, раз несомненно, что халиф сегодня я. Ведь вижу же я зто великое торжество, и роскошный дворец, и его убранство!»

Потом он бросил все эти размышления, и уселся за столик, и увидел на нем золотые блюда с тонкими кушаньями и роскошными яствами и перед собою — невольниц, каждая из которых могла посрамить луну в ночь

полнолуния. И Абу-ль-Хасан стал озираться направо и налево, глядя на самого себя, и всматривался во все эти вещи, крутя головой и хохоча, и затем он посадил возле себя нескольких невольниц, а другие стояли, держа в руках золотые опахала. Он посмотрел на невольниц, которых посадил с собой рядом, и увидел, что ни одна ничего не ест, и принялся их угощать, а некоторых даже кормил своей рукой. Потом он стал спрашивать невольниц, как их зовут, и одна отвечала: «Мое имя Даурат аль-Камар»,— а другая сказала: «Меня зовут Шамс ан-Нахар»,— а третья ответила: «Суккария»,— а еще одна: «Малихат аль-Кадд»,— другая: «Будур»,— и третья: «Насим ас-Саба»,— и халиф все больше веселился и смеялся, видя, как Абу-ль-Хасан разглядывает невольниц и выспрашивает, как их зовут.

Когда же невольницы увидели, что Абу-ль-Хасан кончил есть и насытился, они крикнули главному евнуху: «Эй, ага, повелитель правоверных покончил с едой!» — и главный евнух подошел, и взял Абу-ль-Хасана за руку, и поднял его, и посадил на скамью. Он принес таз и кувшин и вымыл Абу-ль-Хасану руки, и одна рабыня держала для него кувшин, а другая несла полотенце, а третья — курильницу с алоэ и амброй. И когда Абу-ль-Хасан вымыл руки, он поднялся, и главный евнух пошел впереди него, вместе с невольницами и рабынями. Его привели в другую комнату, не в ту, где он был прежде, и когда Абу-ль-Хасан вошел туда, у него помутилось в голове — такая это была красивая комната: разубранная, расписанная по стенам узорами и устланная роскошными коврами. И там он нашел множество невольниц, еще красивей, чем те, которых он уже видел, и каждая держала в руках какой-нибудь музыкальный инструмент, и когда Абу-ль-Хасан вошел к ним, все невольницы встали и разом пустились петь на один напев, ударяя по струнам, а любая из них своей красотой и прелестью могла превратить богомольца в безбожника. И Абу-ль-Хасан посмотрел и увидел, что столик уже поставлен и на нем плоды всех сортов и прозрачное вино, и кубки и чаши выстроились рядами и яства лежат в золотой посуде, украшенной драгоценными камнями.

Потом главный евнух посадил Абу-ль-Хасана, а Абу-ль-Хасан позвал невольниц, и усадил их возле себя, и стал всматриваться в этих девушек, и ум его был ошеломлен их красотой, и не знал он, какую больше любит. И он начал вкушать плоды и яства, и одну невольницу он кормил из

своих рук, а другой сам клал кусок в рот, угощая ее, и он совершенно оторопел от всех этих происшествий. Наконец он обратился к одной наложнице и сказал: «О любимая, возьми кусочек этого яблока! Залечи мое сердце и сними бремя, которое ты возложила на меня с тех пор, как я тебя увидал»,— и так брал у одной и давал другой, а халиф видел все это и слышал слова Абу-ль-Хасана.

Когда же Абу-ль-Хасан покончил с едой, его взяли и привели в третью комнату, великолепней, диковинней и чудесней других, а Абу-ль-Хасан все больше и больше удивлялся, особенно когда он и там увидал невольниц, да к тому же прекрасней и лучше тех, которых видел прежде. И в этой комнате тоже стоял столик, а на нем — сосуды из чистого золота, полные сластей и чистых, прозрачных напитков.

После этого его привели в четвертую комнату, еще больше и роскошней прежних — а солнце было уже на закате,— и он увидел в этой комнате три золотых подсвечника, украшенных драгоценными камнями, а в подсвечниках — камфарные свечи. И там тоже были невольницы, восхитительней всех, каких он видел, и каждая держала в руках какой-нибудь музыкальный инструмент, и, когда Абу-ль-Хасан вошел к ним, они поднялись, и ударили по струнам, и завели напевы, ошеломляющие разум. И Абу-ль-Хасан посмотрел и вдруг видит: перед ним столик, весь из чистого золота, над бассейном, тоже из чистейшего золота, а вокруг бассейна чаши и в чашах вместо воды — чистое вино. И Абу-ль-Хасан обрадовался и возликовал. Он подошел к столику и сел, посадив невольниц возле себя, и принялся кормить и угощать их, и спрашивал, как их звать, и одна из них отвечала: «Мое имя Хабл аль-Лулу».— «Твое имя — Хабл аль-Лулу? — воскликнул Абу-аль-Хасан.— Тебя следовало бы назвать не «нитка жемчуга», а «весь жемчуг, какой только есть на свете». Но раз уж тебя так назвали, налей мне чашу, и я выпью ее из твоих рук за твое здоровье». А халиф слышал эти слова Абу-ль-Хасана и страшно хохотал.

Между тем невольница чинно налила Абу-ль-Хасану чашу вина и почтительно поднесла ее, и Абу-ль-Хасан сказал ей: «О Хабл аль-Лулу, я сейчас выпью за твое здоровье, но я хочу, чтобы ты налила еще одну и тоже выпила».

И когда Абу-ль-Хасан выпил чашу, девушка налила чашу, чтобы выпить, и потом взяла лютню и запела:

«Ты коротка или долга, о ночь,
Не все ль равно — ведь мне уснуть невмочь.

Найти б мне луноликую мою,
Тогда б я не стерег луну твою»*.

А Абу-ль-Хасан до того возликовал, что едва не потерял разум. Он принялся плясать без музыки, и ему казалось, что комната пляшет вместе с ним, и не понимал он, во сне это или наяву.

Потом он обратился к невольнице, сидевшей близ него, и спросил: «О любимая, как твое имя?» — и та ответила: «Мое имя Наджмат ас-Субх»,— и Абу-ль-Хасан воскликнул: «Не нужно тебе такое имя, ибо, клянусь Аллахом, твое чело светит ярче утренней звезды! Будь добра, о любимая, налей мне чашу и напои меня». И Наджмат ас-Субх налила чашу и протянула ее Абу-ль-Хасану, и тот взял чашу и выпил ее, а девушка налила себе, и выпила, и ударила по струнам, и запела, и Абу-ль-Хасану представилось, что комната пляшет вместе с ним.

И затем Абу-ль-Хасан обошелся так же с третьей невольницей, с четвертой и с прочими, пока не обошел их всех по очереди, а халиф смотрел, как ведет себя Абу-ль-Хасан, и смеялся над ним, особенно когда видел, как тот разговаривает с невольницами и спрашивает каждую, как ее зовут.

И когда Абу-ль-Хасан выпил сам и дал выпить невольницам, каждой по очереди, халиф послал приказ Хабл аль-Лулу, и та взяла чашу, наполнила ее вином и положила туда банджа. Она подала чашу Абу-ль-Хасану и сказала: «О повелитель правоверных, твоя рабыня сложила сегодня красивую песню, и я хочу, чтобы твое величество выпило из моих рук эту чашу, а я спою тебе песню». А Абу-ль-Хасан полюбил эту невольницу великой любовью, и он взял у нее чашу, и молвил: «Ты бесподобная красавица своего времени и моя любимая!»

Потом он поднес чашу к губам, а Хабл аль-Лулу взяла лютню и спела Абу-ль-Хасану такую песенку:

«Прохожий! Сколько мне ночей не спать?
О, сколько дней печаль мою скрывать?

Ты моему любимому шепни:
«Как смеют бесконечно длиться дни?»*.

И Абу-ль-Хасан пришел в восторг, и восхитился невольницей и воскликнул: «О душа моя, о жемчуга всего мира,

о сердцевина моего сердца! Если я повелитель правоверных, повтори мне твою песенку еще раз!» И Хабл аль-Лулу повторила для него песню и еще раз спела ее, а когда она кончила, Абу-ль-Хасан поднес чашу ко рту, и выпил ее, и воскликнул: «Я выпил эту чашу за твои глаза!» — и не успело вино утвердиться у него в утробе, как он упал и заснул словно убитый.

И тут халиф вышел, не помня себя от смеха, и велел невольницам снять с Абу-ль-Хасана халифскую одежду и одеть его в платье, которое было на нем, когда халиф принес его во дворец, а потом послал за рабом Масруром, который притащил на себе Абу-ль-Хасана, и сказал ему: «О Масрур, взвали его на спину, отнеси и положи на место, в ту комнату, из которой мы его взяли, и оставь дверь в комнату открытой». — «Внимание и повиновение, о повелитель правоверных», — ответил Масрур, и взвалил Абу-ль-Хасана на спину, и отнес его на место, и положил. А халиф очень развеселился из-за Абу-ль-Хасана, и грудь его расправилась, и он воскликнул: «Завтра он будет Абу-ль-Хасаном, а сегодня был халифом и отомстил своим врагам — имаму и четырем старым сторожам, что живут в его квартале!»

А Абу-ль-Хасан проспал эту ночь и под утро проснулся, и глаза его были крепко сомкнуты под тяжестью банджа. И он позвал: «О госпожа моя, Хабл аль-Лулу, о Наджмат ас-Субх, о Даурат аль-Камар, где вы? Пойдите сюда, сядьте со мной рядом!» — и до тех пор кликал каждую из невольниц, называл их по имени, пока мать его не услышала этих воплей.

Она встала, и вошла к нему, и спросила: «О дитя мое, что с тобой делается? Ты, видно, грезишь?» И Абу-ль-Хасан открыл глаза, и увидел перед собой какую-то старую каргу, и крикнул: «О проклятая, кто ты такая и кто тебя звал? Эй, евнух, возьми эту старуху и повесь ее, и чтобы я никогда больше лица ее не видел!» И он закрыл глаза, чтобы не видеть старуху, и мать сказала ему: «О дитя мое, скажи: «Во имя Аллаха, милостивого, милосердого!» Имя Аллаха да будет над тобой! Что с тобой делается? Ты, видно, вчера вечером много выпил, что тебе привиделся такой сон и такие грезы. О сын мой, Абу-ль-Хасан, ты забыл? Я твоя мать, твоя родительница. О любимый, какого это евнуха ты зовешь?» А Абу-ль-Хасан открыл глаза, а мать его продолжала: «О дитя мое, вставай, погляди — сейчас будут звать к полуденной молитве».

И Абу-ль-Хасан закричал: «Что ты мелешь, проклятая! Какой я тебе сын, старая кочерыжка! Ты называешь меня Абу-ль-Хасан, старая потаскуха,— а я повелитель правоверных, наместник Аллаха. Эй, Масуд,— заорал он,— возьми эту старую шлюху и утопи ее в реке!» — «Будет тебе орать и кричать, сынок,— сказала ему мать.— Ради Аллаха, открой глаза! Услышат соседи, подумают, что ты бесноватый». И Абу-ль-Хасан разозлился и сказал: «Это ты бесноватая, злосчастная старуха! Говорю тебе, я не Абу-ль-Хасан, а повелитель правоверных, уполномоченный пророка,— да благословит его Аллах и да приветствует! — и мне покорны все люди, на суше и на море».— «О дитя мое,— воскликнула его мать,— какой это бес проклятый пришел к тебе сегодня ночью, и взял тебя за голову, и внушил тебе этакие слова? Помяни всемилостивого, о дитя мое, Абу-ль-Хасан, имя Аллаха охранит тебя от сетей, которые расставил тебе сатана сегодня ночью. Ты мой сын, Абу-ль-Хасан, а я твоя мать. Открой глаза и посмотри на свои палаты: где он, дворец, подобающий халифам? Здесь ты родился, сынок, и здесь вырос, и с малолетства и до сих пор не покидал этого дома. Подумай, разберись и прогони от себя сатану, который хочет поймать тебя в свои сети. Засадят тебя люди в больницу, словно сумасшедшего, коли услышат эти твои слова».

Когда Абу-ль-Хасан услыхал речи своей матери, он немного образумился и открыл глаза. Он оглядел свою комнату, и посмотрел на самого себя, и сказал: «Твоя правда, о матушка, кажется, я — Абу-ль-Хасан, а ты — моя мать. Верно ты говоришь, твоя правда! Возможно, что я Абу-ль-Хасан, как ты говоришь. Аллах да посрамит сатану!»

И когда его мать увидела, что Абу-ль-Хасан немного очухался, она принялась весело болтать с ним, но потом Абу-ль-Хасан вдруг опять задумался и воскликнул: «О колдунья, о шлюха, какой я тебе сын Абу-ль-Хасан! Говорю тебе, пошла с глаз моих. Ты хочешь своим колдовством превратить меня в твоего сына Абу-ль-Хасана! Да погубит тебя Аллах и да погубит с тобой твоего сына! Клянусь Аллахом, я не кто иной, как повелитель правоверных и наместник господа миров!» — «О дитя мое,— сказала ему мать,— заклинаю тебя Аллахом — помолись всемилостивому и помяни господа, дабы эти слова не ввергли тебя в беду. Измени, о дитя мое, эти речи на дру-

гие. Вставай, сын мой, и я расскажу тебе, что вчера случилось».

А мать Абу-ль-Хасана хотела отвлечь его, переменив разговор, и Абу-ль-Хасан сказал ей: «Ну, расскажи, что случилось». И она молвила: «Случилась целая история с имамом и с четырьмя стариками, сторожами в квартале: пришел вали, схватил их и надавал каждому по четыреста ударов слоновьим хвостом, а потом посадил каждого из них на верблюда и провез по всему городу, а затем выгнал их из города».

Едва Абу-ль-Хасан услыхал от своей матери эти слова, он вскочил, страшно вытаращил на нее глаза и закричал: «О старая греховодница, и ты еще говоришь, что я твой сын Абу-ль-Хасан! Когда я на самом деле повелитель правоверных, и это я отдал вали такой приказ! Теперь я все больше и больше убеждаюсь, что я не твой сын, которого, как ты говоришь, зовут Абу-ль-Хасан. Я повелитель правоверных! Я был очень рад, что наказал этих подлецов и мерзавцев, и ты теперь еще больше убедила меня, что я повелитель правоверных и что вали исполнил все, что я ему велел. Не говори мне, что я вижу сны или сплю. Нет, нет, я повелитель правоверных, уполномоченный пророка,— да благословит его Аллах и да приветствует! — но кто принес меня сюда — вот этого я не знаю. Хвала Аллаху, высокому, великому!»

И мать Абу-ль-Хасана, услышав его слова, растерялась, и не могла понять, что с ним делается, и решила, что ее сын лишился рассудка, и сказала ему: «О мой сын, о дитя мое, помяни Аллаха, милостивого, милосердого. Величием Аллаха посрами сатану, о сын мой, и не говори таких слов, которые навлекут на тебя беду и всякие муки. Проси Аллаха великого — да будет он возвеличен и прославлен! — о снисхождении, чтобы он простил тебе грех, который ввергнул тебя в это несчастье. Владыка твой всепрощающ и милостив! Прошу его, пусть сделает он тебя разумным и выведет на правый путь, о дитя мое, чтобы ты не говорил так, как бесноватые, ибо у стен ведь есть уши. Опомнись, о сын мой!» Но Абу-ль-Хасан не успокаивался и не хотел выкинуть все это из головы. «О скверная старуха,— воскликнул он,— говорю тебе, пошла прочь с моих глаз! Клянусь Аллахом, я повелитель правоверных, наместник господа миров! А если ты еще будешь мне перечить, я встану и так тебя отделаю, что жизнь покажется тебе сегодня горше смолы».

И когда мать Абу-ль-Хасана увидела, что тот все больше расходится и продолжает твердить: «Я повелитель правоверных, я халиф!» — она заплакала, и заголосила, и стала бить себя по лицу, крича: «Спаси тебя Аллах от этого беса! Сохрани тебя Аллах! Ты ведь умный! Что с тобой сталось, что ты потерял разум, о обладатель разума! Ахи, ахи, ахи!» И когда Абу-ль-Хасан увидал, что его мать в таком состоянии, он, вместо того чтобы ее пожалеть, еще больше взбесился, и схватил палку, и стал колотить мать, приговаривая: «А ну, говори, проклятая старуха, кто я такой? Так я Абу-ль-Хасан, твой сынок? Аллах погуби тебя вместе с твоим сыном! О проклятая, кто такой Абу-ль-Хасан?» — «О дитя мое,— молвила она,— не может мать забыть сына, которого она родила! Ты мой сын, дитя мое, ты — Абу-ль-Хасан, сынок! И как это ты говоришь про себя, что ты повелитель правоверных и наместник господа миров, когда это звание Харуна ар-Рашида, пятого из потомков аль-Аббаса. Вчерашний день он прислал мне кошель с пятью сотнями динаров, да сохранит нам его Аллах навеки!»

Услышав слова своей матери, Абу-ль-Хасан еще пуще взбесился, и его ярость усилилась: «О кочерыжка, о проклятая! — кричал он.— И ты еще говоришь мне, что я твой сын! Ты все еще уверяешь, что я вру, а кто же тебе послал кошель? Как же я не повелитель правоверных, когда я послал его тебе с моим вазиром Джафаром?» — «О дитя мое, помяни Аллаха!» — ответила ему мать.

И Абу-ль-Хасан еще больше рассердился и стал осыпать ее ударами, приговаривая: «Как меня зовут? Говори, а не то я излуплю тебя до смерти. Как меня зовут? Повелитель правоверных? Смотри не говори больше, что я твой сын Абу-ль-Хасан! Я же тебе сказал, распроклятая, что я повелитель правоверных Харун ар-Рашид!»

И когда мать Абу-ль-Хасана увидела, что он все в таком же состоянии и не отступается от своих слов, она убедилась, что ее сын потерял разум и одержим бесом, а Абу-ль-Хасан все пуще бил ее по бокам и орал: «Скажи, что я повелитель правоверных, и больше ничего!» И Умм Хасан от такой жестокой порки стала кричать, призывая людей и соседок, чтобы те пришли и вырвали ее из рук сына, и соседи пришли, и вызволили ее, и сказали: «Что это такое, Абу-ль-Хасан? Ты лишился рассудка, и потерял страх божий, и сгубил свою душу. Какой человек поднимает руку на мать? А ты ведь к тому же сын почтенных

людей, как же ты покушаешься на свою мать, когда она так тебя любит, что и описать нельзя?»

И Абу-ль-Хасан, увидев, что все соседи собрались, и ругают его, и говорят ему такие слова, обернулся к ним и сказал: «Кто вы такие и кто Абу-ль-Хасан? С кем вы сейчас разговариваете и кто это такой ваш Абу-ль-Хасан? Аллах погуби вас вместе с Абу-ль-Хасаном! Скажите мне, кто такой Абу-ль-Хасан?» — «Боже великий! Абу-ль-Хасан, ты забыл своих соседей и товарищей, с которыми воспитывался, и эту женщину — твою родительницу! Что с тобой сегодня делается?» — говорили соседи. А Абу-ль-Хасан кричал им в ответ: «Свидетельствую, что нет бога, кроме Аллаха! Нет мощи и силы, кроме как у Аллаха, высокого, великого! О слепцы, о коровы! Так, значит, мое имя Абу-ль-Хасан? Я — повелитель правоверных, халиф Харун ар-Рашид, и, если вы этого не знаете, я вам такое покажу, что вы научитесь уму-разуму и убедитесь, что я повелитель правоверных, о сводницы!»

И когда соседи увидели, в каком Абу-ль-Хасан состоянии, они решили, что он потерял рассудок, сошел с ума. Его схватили, скрутили ему руки, чтобы он больше не бил мать, и послали сообщить об этом начальнику больницы, в которой сидят сумасшедшие, и тот сейчас же явился вместе со своими людьми, которые несли фалаку, железные оковы и воловьи жилы.

И Абу-ль-Хасан, увидев этих людей, сейчас же узнал их и воскликнул: «Разве дозволяет вам Аллах делать из вашего халифа, повелителя правоверных, бесноватого? Над повелителем правоверных вы делаете такое!» — «Мы ничего не делаем с повелителем правоверных, а только с бесноватым Абу-ль-Хасаном. Пусть откажется от своих безумств. А с халифом мы ничего не делаем», — сказали те, и Абу-ль-Хасан вскричал: «Нет мощи и силы, кроме как у Аллаха, высокого, великого! Горе вам, клянусь Аллахом великим, я повелитель правоверных, я халиф! Бог с вами, о люди, ослепли вы, что ли! О люди, я повелитель правоверных!»

И когда начальник и люди из больницы услышали слова Абу-ль-Хасана, они убедились в его безумии. Ему наложили на ноги и на руки железные цепи и забрали его в больницу, а когда его привели туда, начальник приказал его бить, и его били воловьими жилами, пока пот не превратился у него в кровь, а он кричал: «О люди, образумьтесь! Вы бьете вашего халифа! Я повелитель правоверных!

Смотрите не ошибитесь!» Потом Абу-ль-Хасана посадили в какой-то комнате на цепь и оставили там, и каждый день давали ему по пятьдесят плетей, утром и вечером, пока совершенно не истерзали ему бока и плечи. И Абу-ль-Хасан лишился покоя, и его так истязали, что из-за множества ран он не мог лежать ни на котором боку. И каждый день его спрашивали: «Ты кто?» — а он отвечал: «О люди, я вовсе не бесноватый и не лишился рассудка! Мои слова не изменятся, и они все те же, как прежде, так и теперь: я наместник Аллаха, повелитель правоверных». И его стали наказывать день ото дня все сильнее, а его мать каждый день приходила к нему, и упрашивала его, и уговаривала образумиться и отказаться от своих слов.

И вот однажды она пришла и увидела, что он в самом плачевном положении: все тело его разбито в лепешку, и кровь непрерывно льется у него из боков, и от отсутствия покоя и страшных истязаний он сделался похож на черную палку. И она стала над ним плакать, и слезы струились у нее по щекам, как вода в канаве, а потом она решила посмотреть, образумится он или нет, и молвила: «О дитя мое Абу-ль-Хасан, как ты поживаешь?» — и ее сын, услыхав, что она зовет его Абу-ль-Хасаном, чуть не лопнул от ярости и сильного гнева и сказал: «Пошла, о треклятая, с моих глаз, прокляни Аллах тебя и твоего сына! Я повелитель правоверных!»

И усилилась скорбь матери Абу-ль-Хасана и ее плач, ибо она увидела, что ее сын все в том же положении, и она молвила: «О дитя мое любимое, откажись от такого мнения. Может быть, тебе привиделся сон, а ты думаешь, что это правда. Посмотри, в каком ты состоянии, и пожалей самого себя! Как может быть, чтобы ты был повелителем правоверных, а тебя посадили в такое место, к бесноватым, и каждый день пытают? Как это так — ты халиф, а с тобой делают такие вещи — бьют без жалости и истязают без меры. Пожалей самого себя и взгляни на свое тело, ведь на нем нет живого места от ран. Сжалься над самим собой и вернись к разуму, чтобы не умереть под пыткой». И каждый день мать Абу-ль-Хасана ходила его проведать и говорила ему такие слова, а потом возвращалась опечаленная, со слезами на щеках от горя, а Абу-ль-Хасан все время воображал в уме, как он надевает одежду халифа, и садится на халифский престол, и как он сидит в диване, а вазиры, эмиры и вельможи царства стоят, ожидая от него приказаний, и вспоминал комнаты, которые видел,

и окружавших его рабынь, наложниц и слуг и все прочие дивные вещи.

Но наконец от сильных побоев и великих пыток он обратился к разуму, и задумался, и сказал про себя: «Будь это правда, то, что я думаю, я бы не оказался той ночью, пробудившись от сна, в своем доме и не нашел бы себя одетым в платье Абу-ль-Хасана. Нет, я увидел бы, что одет в платье халифа. Не иначе, эта старушка, которая каждый день приходит ко мне, правду говорит, что она мне мать и что я — Абу-ль-Хасан, ее сын, и что это все мне привиделось в сонных грезах. Ведь если я халиф, то где же вазир и где евнухи? Как может быть, что я повелитель правоверных, Харун ар-Рашид, а меня оставили здесь и подвергли этим безжалостным пыткам? Но все это лишь уступка по принуждению, и я далеко не убежден, и выяснить истину может только одна вещь, а именно история с имамом и с четырьмя старыми квартальными сторожами». Потом Абу-ль-Хасан кликнул сторожа, приставленного к нему, и попросил его сходить и сказать начальнику, чтобы тот пришел поговорить с ним, и сторож сходил. И начальник пришел и спросил Абу-ль-Хасана: «Что тебе надо?» И Абу-ль-Хасан молвил: «Я хочу спросить, твое превосходительство, одну вещь, и это мне разъяснит, был ли я халифом или не был и все это случилось со мной во сне. За один день до того, как ты меня привел в это место, я велел моему вазиру Джафару дать одной старухе, которую зовут Умм Абу-ль-Хасан, кошель с пятью сотнями динаров, а также приказал вали, правителю города, всыпать имаму, что в мечети, и четырем старикам, сторожам квартала, каждому по четыреста плетей и потом провезти их по городу и выгнать...»

И начальник, услышав от Абу-ль-Хасана такие речи и слова: «Я велел моему вазиру Джафару», увидел, что Абу-ль-Хасан все в таком же состоянии и по-прежнему говорит про себя, что он повелитель правоверных, и тотчас же приказал своим людям дать ему сто ударов воловьей жилой, и Абу-ль-Хасана так отхлестали, что он обеспамятел от побоев, а через некоторое время он пришел в себя и стал плакать и говорить: «Что я такое сделал людям, что меня так пытают? Почему меня низложили и я больше не халиф? Что произошло из-за меня в городе?» И когда начальник услышал эти слова, он приказал прибавить Абу-ль-Хасану еще плетей, и Абу-ль-Хасану всыпали вторую сотню, так что переломали ему кости и он совсем лишился

здоровья, и тогда он подумал: «Смотри, парень, не умри. Пусть ты и вправду был халифом, но сейчас покорись им и избавься от этих истязаний. Скажи: «Я видел сон»,— и освободись. Хватит с тебя этих невыносимых пыток!»

И когда Абу-ль-Хасан размышлял об этом, его мать вдруг пришла его навестить и нашла его в полумертвом состоянии от побоев и пыток. И она так заплакала, что у нее высохли глаза, а потом подошла к сыну и поздоровалась с ним, чтобы посмотреть, в прежнем ли он состоянии, и Абу-ль-Хасан ответил ей на привет не так, как обычно, и мать его обрадовалась и спросила, как он поживает, а Абу-ль-Хасан молвил: «О матушка, мне очень перед тобой стыдно, ведь я тебя побил и оскорбил, а раньше я никогда не поступал с тобою так. Я прошу у тебя прощения, а ты попроси за меня прощения у соседей, перед которыми я тебя унизил. О матушка, я увидел сон,— пусть Аллах проклянет такие сны! — и мне представилось, что все это правда,— да отгонит Аллах от нас сатану! Матушка, я твой сын Абу-ль-Хасан, клянусь Аллахом, но сновидение, которое мне пригрезилось... Клянусь жизнью, матушка, я был уверен, что это правда, а не сон. Не знаю... У меня все спуталось в голове от этой истории, но что должно быть, то будет неизбежно и обязательно. Я говорю: «Это сон, и я не повелитель правоверных, а Абу-ль-Хасан, твой сын, всегда обязанный тебя почитать, и раньше и теперь».

И когда мать Абу-ль-Хасана услышала от него эти слова, ее охватила великая радость и она молвила: «О сынок, великая радость охватила меня, ибо Аллах великий из-за моих немощей пожаловал тебе исцеление, о дитя мое, после всех истязаний и унижений, которые ты претерпел. Как мне тебя жаль! Но благодари Аллаха, дитя мое, за избавление от козней сатаны, посрами его Аллах! Напомню тебе, сынок: то, что с тобой произошло,— проделки сатаны. Ведь купец-чужеземец, что ночевал у тебя в ту ночь, когда это все с тобой случилось,— ты наказывал ему, как он будет выходить, запереть за собой дверь,— а он ушел и оставил дверь открытой. Вот сатана, Аллахом посрамленный, и вошел к тебе, и стал тебя искушать, и вверг в беду,— прокляни его Аллах! — из-за моего злосчастья».— «Матушка,— ответил Абу-ль-Хасан,— ты теперь нашла объяснение и правда на твоей стороне. Да, клянусь Аллахом, причина моей болезни и расстройства ума исходят от купца, который оставил дверь открытои,

хотя я ему и наказывал запереть ее, когда он будет выходить. Это у нас в Багдаде дело проверенное: сатана чаще всего приходит в Багдад из Мосула. Только увидит, что дверь в доме спящего открыта,— шасть и вошел в этот дом, и вверг его жителей в беду, как он вверг меня, прокляни его Аллах! Теперь я наверняка знаю, что я Абу-ль-Хасан, ты — моя мать, и я кусочек твоей печени. Прошу тебя, ради великого Аллаха, о матушка, сжалься надо мной, пожалей меня и избавь от этих пыток! Ведь если я пробуду в этом месте до завтра, то несомненно умру и ты лишишься меня. Умоляю тебя, матушка, вызволи меня отсюда сейчас же».

И когда мать Абу-ль-Хасана услышала эти слова, она от радости вылетела из сетей рассудка, ибо увидела, что ее сын образумился и говорит с ней не беснуясь. Она сейчас же пошла к управителю больницы и рассказала ему, что ее сын пришел в себя и избавился от прежнего помешательства. И управитель больницы сам пошел, и обследовал Абу-ль-Хасана, и нашел, что тот вправду вернулся к разуму, и тогда он выпустил Абу-ль-Хасана из темницы и отдал его матери, и та забрала его и ушла. И Абу-ль-Хасан вернулся домой и провел некоторое время, никуда не выходя: во-первых, от стыда и смущения, а во-вторых, пока не поправился и к нему не возвратилось здоровье.

И прошло после этого еще несколько дней, и у Абу-ль-Хасана стеснилась грудь, и ему опротивело и надоело днем и вечером сидеть дома одному. Он задумал вернуться к прежней привычке и каждый день приглашать к себе какого-нибудь чужеземца, чтобы развлечься с ним, и стал снова выходить из дому и возвращаться. И в первый день он убрал комнату, поставил столик, приготовил тонкие кушанья, разложил рядами плоды и цветы, и процедил вино, и вышел, чтобы присмотреть себе товарища-иноземца и попировать с ним в эту ночь. Он дошел до городских ворот и сел там, ожидая, пока пройдет чужеземец, и по воле судьбы случилось так, что халиф, перерядившись по своему обычаю, как раз в это время входил в ворота.

И когда Абу-ль-Хасан увидел его, он сказал про себя: «Мои опасения справедливы — вот он, тот проклятый купец, который околдовал меня!» А халиф, заметив Абу-ль-Хасана, подошел к нему. Он слышал про Абу-ль-Хасана, что тот в больнице и помешался, и знал обо всем, что с ним случилось,— как его поместили среди сумасшедших и истязали, но так как халиф Харун ар-Рашид любил шутки,

беспутства и остроумие, то, увидев Абу-ль-Хасана, приблизился к нему. И тогда Абу-ль-Хасан поднялся и хотел скрыться, но халиф последовал за ним и воскликнул: «Боже мой! Мир вам! Это ты, Абу-ль-Хасан, брат мой? Заклинаю тебя великим Аллахом, постой немного — я с тобой поздороваюсь и поцелую тебя, я ведь давным-давно тебя не видел, мой дорогой, и, клянусь Аллахом, здорово по тебе соскучился». И Абу-ль-Хасан насупился и сказал: «Да, я Абу-ль-Хасан, но какая мне в тебе надобность? Ступай своей дорогой! Не нужен мне ни ты сам, ни твой привет».— «Абу-ль-Хасан, мой любимый,— сказал халиф,— хвала Аллаху, ты человек приличный, а так скоро меня забыл! Я тот, кого ты принимал у себя, и ты оказал мне столько милостей и благодеяний, что я постоянно благодарю тебя. Где же наша былая дружба? Уж не завел ли ты себе другого приятеля?» — «Проходи, проходи — я тебя не знаю, и ты не должен меня знать»,— проворчал Абу-ль-Хасан, и халиф не рассердился из-за этих слов, тем более что знал, как Абу-ль-Хасан дал клятву в жизни не угощать иноземца дважды.

«Дорогой мой Абу-ль-Хасан,— сказал ему халиф,— я не думал, что ты сейчас же меня забудешь, хотя мы не так уж давно расстались. Но с тобой, мой друг и товарищ, наверняка что-нибудь случилось, раз ты от меня прячешься и отрицаешь, что мы с тобой знакомы. А ведь я люблю тебя больше глаза и всячески выражал тебе любовь! Я ведь предлагал твоей милости: если у тебя есть желание, или дело, или надобность, которую тебе не удается исполнить, удостой меня чести услужить тебе,— я ничего не упустил по отношению к тебе, а ты меня укоряешь и бранишь».— «Брось ты — «твоя милость», «моя милость»! — закричал Абу-ль-Хасан.— Я тебе говорю: проваливай и иди своей дорогой! Я тебя не знаю, и ты меня не знаешь! Никаких ты мне не оказал милостей и благодеяний, и нет между нами ни дружбы, ни любви, ибо на самом деле ты сын греха. Ты позволил людям забрать меня в больницу как бесноватого, и меня там заперли вместе с сумасшедшими. Ступай-ка своей дорогой, ради Аллаха, высокого, великого, и не расстраивай меня: не заставляй меня вспоминать, что со мной случилось из-за тебя».— «О брат мой Абу-ль-Хасан,— сказал халиф,— не думал я, что у тебя такое черствое сердце. Я знал, что ты человек хороший, сердце у тебя ясное, твоя дружба и любовь —

вечные и душа твоя чиста, и мы расстались с тобою добром и приязненно».

И халиф ускорил шаги и остановился перед Абу-ль-Хасаном, а затем подошел к нему, поцеловал его и воскликнул: «Клянусь Аллахом, нет у меня настоящего искреннего друга, кроме тебя! Прошу тебя, будь великодушен и дай мне сегодня вечером насладиться твоей приязнью, чтобы мы могли вместе попить и повеселиться! Клянусь Аллахом, о Абу-ль-Хасан, лицезрение тебя рассеивает мои заботы, и я очень по тебе стосковался, так как уже давно не видел тебя, душа моя! И раз уж Аллах оказал мне милость и я сейчас с тобой повстречался, так будь же и ты великодушен и позволь насладиться твоим видом сегодня ночью. Ведь как бы то ни было, я пришел из своего города только для того, чтобы на тебя поглядеть».— «Клянусь Аллахом,— воскликнул Абу-ль-Хасан,— мало того, что со мною из-за тебя случилось, я еще должен приглашать тебя на сегодняшнюю ночь! Говорит пословица: «Бей в свой барабан и дуди в свою собственную дудку!» Уйди от меня и ступай своей дорогой! Я не сумасшедший, хватит с меня того, что я оказался из-за тебя бесноватым один раз, второй раз я с ума не сойду! Что мне до тебя и что тебе до меня? Иди себе!» Но халиф молвил: «Дорогой мой, друг мой, брат, любимый Абу-ль-Хасан, не ожидал я, что ты меня прогонишь и обманешь мои надежды. За что ты ругаешь меня такими горькими словами? Не думал я, клянусь великим Аллахом, что ты со мной обойдешься таким образом... Ведь я твой друг, не ожидал я от тебя этого. Ради Аллаха, расскажи, что с тобою из-за меня случилось? Расскажи, чтобы я знал, коли я вправду согрешил, ведь я, во всяком случае, заслуживаю прощения. Ты же знаешь, что я люблю тебя и желаю тебе великого блага».

А сердце у Абу-ль-Хасана было чистое, без всякой мути, и он проявил дружелюбие и сказал: «О друг мой, так как ты иноземец, то я тебя прощаю, но сядь со мной рядом, и я тебе расскажу, что со мною из-за тебя произошло. Тогда ты узнаешь, есть ли у меня великое право на тебя сердиться или нет». И он рассказал халифу обо всем, что с ним было,— как он стал халифом и сидел на престоле халифата и как увидел себя потом в своем доме,— и продолжал: «И после этого сна стало у меня в уме истиной, что я сделался халифом, и люди говорили мне: «О Абу-ль-Хасан»,— а я отвечал: «Я не Абу-ль-Хасан, я повелитель правоверных!»— и тогда мне скрутили руки, как беснова-

тому, и забрали меня в больницу, и безжалостно истязали меня великими муками». А халиф слушал его слова и смеялся тому, что с ним случилось, и он хохотал даже сильней, чем в день халифства Абу-ль-Хасана.

И Абу-ль-Хасан сказал ему: «Вот что со мной случилось, и все из-за тебя, так как ты утром вышел и оставил дверь открытой, хотя я тебе наказывал: «Если выйдешь раньше меня, замкни за собой дверь». А ты оставил ее открытой, и сатана вошел, и сделал меня халифом, и набил мне голову сновидениями и призраками, и когда я утром проснулся таким, как был, я стал звать невольниц, которых видел во сне. Ты, выходит, виновник всего этого, и ты сотворил мой грех, так как я был уверен, что я халиф,— а потом продолжил рассказ: — И мать стала наставлять меня, а я рассердился, схватил палку и начал ее бить, и я даже хотел лишить ее жизни, так как рассердился, слыша, как она говорит мне: «Дитя мое, Абу-ль-Хасан»,— ведь я был убежден, что я повелитель правоверных, наместник Аллаха. И если бы не вошли соседи и не оторвали меня от нее, не вырвали ее, я бы наверняка ее убил. И помимо этого, ты был причиной того, что я обругал своих соседей, с которыми живу всю жизнь в дружбе и любви». И Абу-ль-Хасан рассказал халифу обо всем, что случилось с ним, от начала до конца, и халиф, услышав эти слова, не мог удержаться от смеха, а Абу-ль-Хасан молвил: «Мало того, что со мной из-за тебя случилось, ты еще смеешься надо мной прямо в лицо! Ты, видно, думаешь, что я шучу. Посмотри, в каком я состоянии, и убедишься, сколь правдивы мои слова и сколько мерзостей ты со мною сделал».— И он обнажил свои бока и живот и показал халифу следы ран от побоев и пыток, которые перенес в больнице, и когда халиф увидел это, из глаз его упала слезинка от печали об Абу-ль-Хасане, и он понял, что причинил этому человеку вред, ибо шутка, которую он с ним сделал, ввергла его в беду.

И халиф обнял Абу-ль-Хасана, и поцеловал его, и воскликнул: «Слава Аллаху, о Абу-ль-Хасан, брат мой, что ты остался цел! Я не знал, что все это случится с тобой из-за открытой двери! Аллах да посрамит сатану, который сделал так, что я забыл ее запереть. Пойдем к тебе домой, мой любимый, и если даст мне на это власть творец,— да возвысится его имя,— я помогу тебе забыть все беды, которые случились с тобой из-за меня». А сердце у Абу-ль-Хасана, как мы говорили, было чистое, и, когда он увидел, что ха-

лиф так упрашивает простить его, он уступил, хотя давал клятву не угощать чужеземца два раза, но из-за мягких речей халифа и своей чистой души сказал: «Слушай, приятель, я угощу тебя сегодня вечером, но с одним условием: утром, когда ты выйдешь, затвори дверь, чтобы сатана ко мне не вернулся и не сделал со мной то же, что в прошлый раз. Ведь он вошел ко мне только через дверь!» И халиф обещал и дал клятву, что, когда выйдет, запрет за собой дверь и сделает так, как сказал Абу-ль-Хасан, и не ослушается: «Будь спокоен на этот счет, о Абу-ль-Хасан. Клянусь великим Аллахом, ты увидишь от меня лишь хорошее и забудешь все беды, случившиеся с тобою из-за меня».— «Да умножит Аллах для тебя благо,— ответил Абу-ль-Хасан.— Я ничего у тебя не прошу, закрой только за собой дверь, когда выйдешь утром раньше меня. Я уже тебе говорил, что ты причина всего того, что со мной случилось, так как ты оставил дверь открытой и не запер ее. А у меня, приятель, еще до сих пор на сердце вкус побоев и пыток, а на коже — знаки от них, которые ты видел, и я навлек на себя великий позор в глазах родных и соседей. Но теперь я простил тебе все, что ты со мной сделал, и от всего сердца отпускаю тебе твой грех. Я с полной приязнью посижу с тобой сегодня вечером и предложу твоей милости мяса, вина и хлеба, но только не обмани меня утром и не вздумай оставить дверь открытой».

И Абу-ль-Хасан пошел к себе домой, а халиф в обличье мосульского купца последовал за ним, и халиф видел, что Абу-ль-Хасан все время думает о том, что с ним случилось, и постоянно об этом печалится. И они шли, пока не приблизились к дому, а Масрур следовал за халифом, и когда они пришли, оказалось, что бедняжка мать Абу-ль-Хасана уже принесла камфарную свечу и зажгла ее. И Абу-ль-Хасан, халиф и Масрур, раб, вошли, а Абу-ль-Хасан с халифом сели и стали беседовать, и разговаривали до тех пор, пока перед ними не поставили столик и не подали ужин. И они принялись за еду и ели досыта, пока не насытились, а Абу-ль-Хасан, глотая кусок, каждый раз оглядывался на дверь.

«Что это ты, Абу-ль-Хасан, все оборачиваешься к двери?» — спросил халиф. «Я все время боюсь того, что со мной случилось»,— ответил Абу-ль-Хасан, и халиф молвил: «Помяни всемилостивого, милосердого, вручи свое дело Аллаху и не бойся». Потом, когда они вдоволь поели, мать Абу-ль-Хасана убрала столик и подала плоды, сласти,

бутыль с вином, чаши и кубки, и Абу-ль-Хасан наполнил и выпил чашу, а потом наполнил ее вторично и подал халифу. И они пили таким манером, пока вино не заиграло у них в головах и Абу-ль-Хасан захмелел, и когда халиф заметил, что у его приятеля зашумело в голове, он спросил: «Скажи, Абу-ль-Хасан, неужели ты в жизни не влюблялся ни в одну девушку или женщину?» — «Клянусь Аллахом, мой гость,— ответил Абу-ль-Хасан,— я ни разу в жизни не думал о женщинах. Я только искал, где бы хорошо поесть, и попить, и повеселиться с добрыми людьми, которые, как и я, любят пошутить и не прочь опростать бутылку. Клянусь Аллахом, о гость мой, это я больше всего люблю, и вот она — моя возлюбленная, а женщины — что в них проку? Бросим лучше этот разговор, чтобы он не мешал нам заниматься вином».

Потом Абу-ль-Хасан наполнил чашу, и выпил ее, и наполнил второй раз, и поднес халифу, говоря: «Возьми, выпей, повеселимся за этой бутылью»,— и халиф молвил: «О Абу-ль-Хасан, в моих словах нет ничего зазорного, ибо это вещь естественная. Ведь мужчину всегда тянет к женщине, и если, когда он пирует и развлекается, возле него сидит красивая девушка, ему еще приятней и веселей. Заклинаю тебя жизнью, скажи мне, неужели ты никогда ни в кого не влюблялся и не любил ни одной женщины?» — «Клянусь Аллахом, о гость, я не таюсь от тебя,— ответил Абу-ль-Хасан.— У меня в жизни не было к этому охоты, и я никогда об этом не думал. Но когда со мной случилось это событие и сатана сделал меня халифом, я видел возле себя много наложниц, и клянусь Аллахом и еще раз клянусь Аллахом, о гость мой, я приметил среди них одну девушку, красота и прелесть которой ошеломляет умы. Она играла на лютне и пела, и, клянусь великим Аллахом, она отняла у меня разум. Конечно, все это сны и грезы, но если бы эта девушка досталась мне, я бы на ней женился и считал бы, что достиг высшего блаженства. О гость мой, если бы ты только услышал ее голос и посмотрел на ее лицо, ты бы еще больше обезумел, чем я! Не думаю, чтобы во всем мире нашлась подобная ей красавица, а если, допустим, и найдется, то подобную ей можно только сыскать в доме халифа или у такого человека, как Джафар, его вазир, или еще кто-нибудь из вельмож царства, у которого не счесть золота и серебра. У таких людей, может быть, и отыщешь подобную девушку, а мне, ничтожному забулдыге, где ее взять? Но зато у меня есть эта бутыль, моя

подруга и возлюбленная, и клянусь Аллахом, я ее никому не уступлю. А раздобыть ее — самое легкое дело. Оставим, однако, этот разговор и не будем попусту тратить время. Давай лучше выпьем!» И Абу-ль-Хасан налил чашу и выпил, а потом опять налил и предложил халифу, и халиф молвил: «Клянусь Аллахом, о друг мой Абу-ль-Хасан, жаль мне тебя! Пропадает твоя молодость. Живешь ты так, без молодой жены, и прозябаешь, словно дервиш».— «О гость мой,— ответил Абу-ль-Хасан,— лучше всего жить спокойно и безмятежно. Ты видишь, как я ладно живу и дружу с этой бутылью. Разве лучше взять жену, которая мне не понравится или окажется злонравной и взбалмошной, с дурным характером? Ведь я тогда начну каяться, и охватит меня печаль и горесть, но ничто уже мне не поможет».

И Абу-ль-Хасан с халифом пировали и беседовали о подобных вещах до полуночи, а когда халиф увидел, что Абу-ль-Хасану пришло время спать, он молвил: «Поскольку ты человек совершенный и сын достойных людей и хочешь взять девушку красивую, с приятными качествами, то ты в твоих словах прав. Но дай срок, если захочет Аллах, я женю тебя по своему разумению, лучше, чем ты сам хочешь. Если пожелает того Аллах, я сделаю одну вещь, которая тебе понравится и превысит твои желания»,— и тут халиф взял бутыль с вином, наполнил чашу, подложил в нее банджа и подал ее Абу-ль-Хасану, говоря: «О брат мой Абу-ль-Хасан, возьми, выпей эту чашу на здоровье, за любовь к той, которую ты увидел во сне и полюбил. Аллах пусть пошлет ее тебе, и ты проведешь с ней жизнь в полном счастье и веселье». А Абу-ль-Хасан взял чашу и молвил: «Раз ты так говоришь, я выпью за ее здоровье, о гость мой, ибо я, клянусь твоей жизнью, очень ее полюбил, хотя жил до сих пор и без нее. Но если уж таково твое желание, мой дорогой, я из уважения к тебе выпью за любовь к ней».

Потом Абу-ль-Хасан поднял чашу, выпил ее и заснул как убитый. А халиф велел своему рабу Масруру взвалить его на спину, и Масрур сделал это, и тогда халиф вышел, запер дверь и направился во дворец, Масрур же следовал за ним, неся Абу-ль-Хасана на спине, пока они не дошли до места, и Масрур положил его в той самой комнате, где Абу-ль-Хасан выпил чашу с банджем, когда был халифом. И халиф приказал снять с Абу-ль-Хасана одежду и одеть его в халифское платье, и невольницы и рабыни раздели

его, облачили в одежду халифа и уложили в постель, а халиф наказал всем невольницам и наложницам, евнухам и слугам встать утром и служить Абу-ль-Хасану, как и в первый раз, словно он и есть халиф, и велел также всем, кто был во дворце, прислуживать Абу-ль-Хасану, как в прошлый раз, и все сказали: «Внимание и повиновение твоему приказу, о повелитель правоверных!» — а потом халиф приказал главному евнуху: «Утром тебе прежде всего следует разбудить меня, раньше, чем вы что-нибудь сделаете, и до того, как проснется Абу-ль-Хасан».

И он пошел и лег спать, и все во дворце проспали эту ночь, а утром, когда занялась заря, все встали и начали снаряжаться, чтобы служить Абу-ль-Хасану. Главный евнух поспешил разбудить халифа и одел его в облачение, и халиф встал, вымыл лицо, совершил омовение и помолился, и рабыни, наложницы, евнухи и челядинцы — все собрались у изголовья Абу-ль-Хасана, и даже невольницы с бубнами и музыкальными инструментами и певицы с прекрасными голосами тоже уселись вокруг Абу-ль-Хасана. И халиф вошел и научил их, как им говорить с Абуль-Хасаном, величая его халифом, и велел служить ему, как и в прошлый раз, с полным уважением, и после этого спрятался в укромном месте, чтобы посмотреть, что скажет Абу-ль-Хасан. А тот, спустя недолгое время, проснулся и чихнул, так как ему дали чашу с противоядием от банджа, и в тот же миг заиграла музыка и запели певицы, и Абу-ль-Хасан оторопел, слыша эти звуки, и открыл глаза, и увидел невольниц и наложниц, которых видел раньше. Он узнал их и стал озираться в комнате, в которой он находился, и тоже узнал ее и сказал: «Клянусь Аллахом, это та комната, где я ужинал, когда был халифом», — и он начал вглядываться в рабов, невольниц и евнухов, озираясь направо и налево и повторяя про себя: «Что за притча!» — и увидел, что слуги, евнухи, рабы и наложницы — все стоят перед ним с полным почтением и уважением, готовые ему служить, и вскрикнул от ужаса, и так укусил себя за пальцы, что чуть не отхватил их. И он закричал таким громким голосом, что халиф покатился навзничь со смеху, а невольницы продолжали стоять перед ним с полным вежеством и пристойностью.

И тогда Абу-ль-Хасан воскликнул: «Нет мощи и силы, кроме как у Аллаха, высокого, великого! Мы вернулись к тому, что было прежде! Остается только мне возвратиться в больницу, чтобы меня снова посадили к беснова-

тым. Клянусь Аллахом, придет ко мне сегодня начальник и хозяин больницы со своими людьми, и принесет свои приспособления и воловью жилу, и станет этот проклятый меня терзать, как терзал раньше. Поистине, мы принадлежим Аллаху и к нему возвращаемся! Защити, о владыка, и спаси от этого бедствия! Я ведь еще не оправился от ран после пыток и побоев, которые перенес в больнице! Но причина всего — тот проклятый купец-мосулец. Обещал ведь он, проклятущий, запереть дверь и не иначе как оставил ее открытой, и вошел ко мне сатана и сделал со мной то же самое, что в прошлом месяце. Он хочет забраться ко мне в голову и смутить мой рассудок! О мосулец, треклятый! Прикидываешься, будто ты из Мосула, и приходишь ко мне в Багдад в облике купца, а сам ты сатана и сын сатаны. Ты ведь у нас известен, ибо сатана приходит в Багдад не иначе как из Мосула, чтобы испортить людям рассудок своими проклятыми снами. Посрами, Аллах, проклятого купца, что был у меня! Клянусь Аллахом, ты не кто иной, как сам сатана! Прошу против тебя помощи у Аллаха. Клянешься, о мерзейший из тварей, клянешься, что запрешь дверь, а сам уходишь и оставляешь ее открытой! Ты действительно сатана, ибо сатана в жизни не говорит правду, и у нас проверено, что сатана — враг Аллаха и постоянно дает ложные клятвы. Вчера вечером ты клялся мне именем Аллаха, что запрешь дверь, и не запер. Правду, значит, сказала моя мать: все, что со мной случилось в прошедшем месяце,— из-за этого проклятущего купца».

А халиф слышал, как Абу-ль-Хасан разговаривает сам с собой, и хохотал над ним: ведь именно этого он и хотел. Потом Абу-ль-Хасан принялся озираться направо и налево, оглядывая толпу наложниц, рабынь и слуг, которые все выстроились, чтобы служить ему. Он стал всматриваться в девушек, которые с ним ужинали, и узнал их, и лучше всех узнал девушку, которую полюбил и о которой говорил халифу. И узнав ее, он помянул имя всемилостивого и воскликнул: «Нет мощи и силы, кроме как у Аллаха, высокого, великого! Клянусь Аллахом, проклятый, я буду лежать под одеялом, пока ты не уйдешь, прокляни тебя Аллах, сатана!» — и он накрыл голову одеялом, говоря: «Этот проклятый ко мне вернулся, так как я вижу теперь то же самое, что видел в тот раз!» — и зажмурил глаза и сказал: «У Аллаха власть и помощь! К нему прибегаю против этого бедствия»,— но невольницы не дали ему

спать, и одна из них, которую звали Якутат аль-Кальб, подошла к нему, и села возле него, и сказала, понизив голос: «О владыка наш, повелитель правоверных и наместник господа миров, не спи больше, ибо время позднее. Встань, соверши омовение и помолись по твоему обычаю».— «Врешь, проклятая! — воскликнул Абу-ль-Хасан.— Да посрамит тебя Аллах, сатана! Мое имя не повелитель правоверных, мое имя Абу-ль-Хасан, и я не халиф. Убирайся от меня! Прибегаю к Аллаху великому за помощью против тебя, сатана! Я теперь знаю, что ты врешь. Я Абу-ль-Хасан, о проклятая! Ты хочешь второй раз отправить меня в больницу!» — а халиф так хохотал, что лишился чувств. Потом, немного спустя, Абу-ль-Хасан поднял голову и увидел невольницу Якутат аль-Кальб, которая пела ему прошлый раз песню, и она повторила те же слова и сказала: «О повелитель правоверных, заставь себя встать и не засни еще раз, так как солнце уже сияет».— «Кого ты называешь «повелитель правоверных»?» — спросил ее Абу-ль-Хасан, и она ответила: «Твое величество, повелитель правоверных. А что? Разве есть, кроме тебя, наместник господа миров? Я — твоя невольница Якутат аль-Кальб, и моя обязанность поднять твое величество от сна, ибо у тебя не в обычае задерживаться и спать до сей поры».— «Ради Аллаха, о владычица красавиц, скажи мне, кому ты говоришь «повелитель правоверных»?» — спросил ее Абу-ль-Хасан, и она сказала: «Я говорю «повелитель правоверных» твоему величеству, ибо ты наместник посланника Аллаха,— да благословит его Аллах и да приветствует! — владыка мира от востока до запада и опекун мусульман. Мы, твои невольницы, ожидаем, когда твое величество встанет от сна, чтобы пожелать тебе доброго утра».— «Ты несомненно ошибаешься»,— сказал Абу-ль-Хасан, и невольница воскликнула: «Опомнись, о повелитель правоверных! Как же это я ошибаюсь! Кто же, кроме тебя, халиф?» — «Спаси нас боже! Мое имя Абу-ль-Хасан! Я не повелитель правоверных!» — закричал Абу-ль-Хасан. «О наместник Аллаха, ты, видно, грезишь или ты шутишь, чтобы над нами посмеяться,— сказала невольница.— Открой глаза и взгляни на твоих рабов, невольниц и наложниц. Все мы служим тебе и готовы исполнять твои повеления. Не удивляйся, что ты вчера заснул в этом месте, так как вчера вечером тебя одолел сон в этой комнате и ты заснул, а нам не хотелось поднимать тебя и тревожить, чтобы уложить тебя

в твою постель, и мы все решили спать у тебя в ногах»,— и невольница Якутат аль-Кальб продолжала говорить Абуль-Хасану такие слова и объяснять ему, что случилось, а он все воображал, что это сон.

Наконец Абу-ль-Хасан открыл глаза и посмотрел на рабынь, рабов и невольниц и узнал их всех, и девушка Якутат аль-Кальб молвила: «О повелитель правоверных и наместник господа миров, мы надеемся на твое прощение, не сердись же на нас, ибо мы хотим, чтобы ты встал, так как время уже позднее. Если твоей душе угодно, то встань от сна».— «Ты обманщица,— закричал Абу-ль-Хасан,— и все это неправда! Я вижу, я знаю про себя, что я Абу-ль-Хасан, и вовсе я не халиф и не повелитель правоверных. Я не могу поверить этим словам и не дам больше себя обмануть. Не пойду я еще раз в больницу! Я Абуль-Хасан, я Абу-ль-Хасан!» — «Кто Абу-ль-Хасан, повелитель правоверных? — сказала невольница.— Что это за Абу-ль-Хасан, о наместник господа миров? Ты грезишь! Ты повелитель правоверных Харун ар-Рашид, наместник Аллаха. Кто такой Абу-ль-Хасан? Ты наш владыка и наш халиф. Очевидно, что ты сейчас во сне». И Абу-ль-Хасан принялся тереть глаза, озираясь направо и налево, и увидел, что он в той комнате, где пил и веселился с невольницами и наложницами, и ум его был ошеломлен, и он не знал, что думать. Однако он все-таки вообразил, что все это неправда и наваждение сатаны, и сказал себе: «Не иначе как сатана — посрами его Аллах — вошел через дверь и схватил меня за голову, как в тот раз, чтобы лишить меня рассудка. Но я призываю Аллаха на помощь против него! Аллах сильнее его, и на Аллаха я уповаю». А халиф слушал слова Абу-ль-Хасана и смеялся.

Потом Абу-ль-Хасан зажмурил глаза и прикинулся спящим, и девушка Якутат сказала ему: «О повелитель правоверных, поскольку твое величество не желает вставать, то мы выполнили нашу обязанность. Однако диван полон вазиров, эмиров и вельмож царства, и все они ждут, пока твое величество выйдет и вынесет приговор о всяком деле, относящемся к управлению государством! А этим, как известно, занимается только твое величество, ибо никто не может занять место повелителя правоверных»,— и невольница не отставала от Абу-ль-Хасана, пока не подняла его. Она взяла его за руку, а остальные наложницы подпирали его с боков, и все они, помогая друг другу, спустили его с ложа. Они посадили его в комнате на ска-

меечку с подушкой из страусовых перьев и принялись, как обычно, плясать и петь, ударяя по струнам инструментов. И Абу-ль-Хасана охватила оторопь, и он не знал, что с ним происходит, но в конце концов сказал про себя: «Думаю, что все это так и что я халиф, повелитель правоверных». Он хотел поговорить с невольницами и расспросить их, но звуки музыки и пения были до того громки, что никто не слышал его слов, и тогда он сделал знак Хабл аль-Лулу и Наджмат ас-Субх, так как те сидели от него близко, почти рядом, и пляску прекратили, и невольницы подошли к нему. И Абу-ль-Хасан молвил: «Ради Аллаха, не врите мне и говорите правду! Скажите, кто я такой?» — и Наджмат ас-Субх ответила: «О повелитель правоверных и наместник господа миров, ты явно смеешься над нами, задавая этот вопрос. Наши умы смущены таким вопросом. Что, разве твое величество не знает, что ты повелитель правоверных, повелитель мира на Востоке и Западе? Но просим прощения, о повелитель правоверных! Если ты не смеешься над нами, спрашивая это, значит, ты видишь сон, ибо ты спал этой ночью больше обычного и стал теперь говорить слова, которые не умещаются в уме человека. Но ты все-таки над нами смеешься! Вспомни, что вчерашний день, когда ты вошел в диван, ты приказал вали помучить имама и четырех стариков, сторожей в таком-то квартале, а также велел твоему вазиру Джафару взять кошель с пятью сотнями динаров и пойти отдать его одной старухе из этого квартала, которую зовут Умм Абу-ль-Хасан», — и Наджмат ас-Субх рассказала ему обо всем, что было с ним в тот раз во дворце, — о еде, питье, плясках и о прочем, — и наконец молвила: «А ты забыл, повелитель правоверных, как ты вчера вечером сел за столик, и посадил нас возле себя, и пил вино из наших рук. и всех нас поил, а потом, повелитель правоверных, ты заснул в этой комнате, и за всю твою жизнь, повелитель правоверных, не случилось тебе спать таким крепким сном, как ты спал сегодня ночью. Посмотри: у тебя не хватает даже сил открыть глаза», — и Хабл аль-Лулу и остальные наложницы все принялись подтверждать то, что рассказала Наджмат ас-Субх, а главный евнух тоже пришел и сказал: «О повелитель правоверных, у твоего величества не в обычае спать до сей поры, и если наместник Аллаха соизволит, то уже пришло время молитвы».

А Абу-ль-Хасан только качал головой, и размышлял вслух, и говорил: «О да, вы правы, я повелитель право-

верных. Ну уж нет, клянусь Аллахом, я больше не пойду в больницу! Да, господин мой, ваша правда, я повелитель правоверных! Клянусь Аллахом, враки все это! Не уверяйте и не воображайте, что я вам поверю! Я-то знаю про себя, кто я такой, а вы все врете! Да, я действительно заснул в тот день, и мне все это приснилось, но я был уверен, что это правда, и побил мою мать, и из меня сделали сумасшедшего, и забрали меня в больницу, и заперли с бесноватыми, и истязали меня утром и вечером — каждый раз давали по сто плетей из воловьего хвоста по ребрам, так что меня всего переломали, и я до сих пор этого не забыл! А вы хотите опять сделать меня сумасшедшим, как в тот раз! Я знаю, что все это грезы и сновидения, а не на самом деле было, а вы вруны и обманщики. Но мне тяжко за вас — как это вы, при такой благородной наружности и такой красоте и прелести... Если бы вы только слышали, что со мной в тот раз случилось и как меня оскорбляли и ругали! Меня посадили в помещение для бесноватых и каждый день били — по сто плетей из воловьего хвоста!..»

И Наджмат ас-Субх сказала ему: «Клянусь Аллахом, о повелитель правоверных, ты поверг нас в смущение этими словами. Ведь ты со вчерашнего вечера не выходил из этого помещения, но, против своего обычая, спал крепким сном, и это заставило тебя грезить и видеть такие сны. Ты думаешь, что эти сны правда, а на самом деле это сновидения и грезы. Мы все клянемся и уверяем твое величество, что ты со вчерашнего вечера не выходил из своих покоев». И Абу-ль-Хасан, услышав слова Наджмат ас-Субх и клятвы всех невольниц, что он не выходил из дворца, задумался и смутился, не зная, чему больше верить — невольницам, или следам на своих боках, или тому, что он видит в эту минуту. И он принялся звать на помощь пророков и праведников и кричать: «О друзья Аллаха, выручите меня в этой беде! Если я Абу-ль-Хасан, скажите мне это, а если я халиф — не скрывайте этого от меня». Потом он встал, и обнажил свое тело, и увидал знаки и следы от побоев воловьей жилой, которые он перенес, когда был в больнице, и сказал невольницам: «Посмотрите, о создания Аллаха! Вы говорите: «Это случилось с тобой во сне, так как ты крепко спал», — но взгляните на мою кожу! Я не повелитель правоверных, я Абу-ль-Хасан! Посмотрите, вот следы пыток, которые я перенес в больнице, и я до сих пор чувствую от них боль. Поэтому, уж не взы-

щите, о люди, я обвиняю вас во лжи! А если это случилось со мной во сне — так это уж чудо из чудес, тем более что я прекрасно знаю: это произошло наяву, а не во сне, как вы говорите».

И Абу-ль-Хасан впал в недоумение, не зная, кому больше верить, и не понимал он, правда или нет то, что с ним случилось, и правда или нет то, что он сейчас видит. Он смотрел на свою кожу и видел, что она покрыта следами побоев, и удивлялся, а потом смотрел на себя и видел, что он халиф и ему прислуживают рабыни, невольницы, рабы и евнухи, и еще больше недоумевал и говорил: «Скажу: «Это сон» — чепуха; «Не сон» — я хорошо вижу всю эту великую пышность; скажу: «Пребывание в больнице, ссора с соседями и побои начальника больницы — неправда!» — вздор: вот у меня на коже следы побоев и пыток!» И он смутился, и расстроился, и воскликнул: «Нет мощи и силы, кроме как у Аллаха, высокого, великого!» — и потом крикнул маленькому слуге, который стоял возле него: «Укуси меня за ухо, да посильней, чтобы я посмотрел, сплю я или не сплю и бодрствую!» И мальчик взял его ухо в зубы и так сдавил, что Абу-ль-Хасан от сильной боли завопил громким голосом и все, кто был во дворце, услышали его крик. Тут невольницы ударили по струнам, запели и заплясали, и Абу-ль-Хасан совсем ошалел, обалдел и растерялся. Он хлопнул рукой по халифскому тюрбану, скинул его с головы, сбросил с себя одежду халифов, оставшись в одной рубашке и подштанниках, и пустился плясать с Наджмат ас-Субх, Якутат аль-Кальб и Хабл аль-Лулу, которых он полюбил.

И когда халиф увидел Абу-ль-Хасана в таком виде, он так захохотал, что обеспамятел и упал навзничь. Потом он приподнял занавеску, чтобы снова посмотреть на Абу-ль-Хасана, но испугался, как бы с ним не приключилась от смеха какая-нибудь болезнь, и высунул голову из-за занавески, и крикнул Абу-ль-Хасану, продолжая смеяться: «Абу-ль-Хасан, Абу-ль-Хасан, ты хочешь убить меня смехом!» И когда невольницы услышали голос халифа, они перестали петь, играть и плясать и все замолчали и остановились, сложив на груди руки и соблюдая полную пристойность, и Абу-ль-Хасан тоже замолчал, чтобы посмотреть, чей это голос. Он обернулся, и увидел халифа, и сообразил, что это халиф и что это он прикинулся купцом из Мосула и провел у него ночь. И тогда Абу-ль-Хасан понял, что он не спит, и убедился, что все, что с ним рань-

ше случилось,— истинная правда, и что это не сон, а проделки халифа, чтобы над ним посмеяться. И он обернулся к халифу и сказал: «Так это, значит, ты — мосульский купец? Ты теперь говоришь, что я хочу уморить тебя от смеха, а оказывается, это ты виновник того, что я поднял руку на свою родительницу, а если бы не соседи, то, пожалуй, лишил бы ее жизни. Это ты виноват, что меня засадили в больницу и пытали безжалостным образом, так что я до сих пор чувствую на зубах вкус боли. Ты сегодня хотел, чтобы я опять испытал в больнице эти мучения, и это ты, а не я истязал имама и четырех старцев в моем квартале, так что я не отвечаю за этот грех и не совершил ошибки. Это ты лишил меня рассудка, и сделал меня одним из бесноватых в больнице, и устроил так, что я поссорился со своими соседями и покрыл себя великим позором».

И тут халиф сел возле Абу-ль-Хасана и молвил: «Да, Абу-ль-Хасан, твои слова — истина. Это я причинил тебе все эти несчастья, но — призываю в свидетели Аллаха великого — я так вознагражу тебя, что ты все забудешь. Требуй же от меня чего хочешь, и все, что ты ни потребуешь, тотчас же будет твое». Потом халиф заключил Абу-ль-Хасана в объятия и воскликнул: «О Абу-ль-Хасан, мое уважение и почтение к тебе выше всякого описания!» — и он приказал выдать ему почетную одежду, соответствующую его достоинству, и велел невольницам облачить его в нее, и невольницы надели это платье на Абу-ль-Хасана, и было это одеяние драгоценное. И потом халиф молвил: «О Абу-ль-Хасан, требуй от меня, чего хочешь и желаешь»,— и Абу-ль-Хасан сказал: «О повелитель правоверных, заклинаю тебя великим Аллахом, скажи мне, чем я грешен перед тобой, что ты испортил мне разум и задурил мне голову? Скажи, по какой причине ты меня так запутал в отношении того, кто я такой: день — халиф, месяц — бесноватый, два дня — Абу-ль-Хасан? Скажи, почему ты со мной так поступил,— и это немножко вправит мне мозги».

И халиф засмеялся, услышав его слова, и сказал ему: «Знай, о Абу-ль-Хасан, что у меня есть такая привычка: время от времени я переряжаюсь и хожу, особенно по ночам, чтобы поглядеть, как идут дела в Багдаде и что там устраивают старшины кварталов, а в первый день каждого месяца я выхожу за город поглядеть, как живут обитатели пригородов. В тот день, когда ты мне повстречался у ворот,

я прогуливался за городом, и ты пригласил меня к себе поужинать и переночевать в твоем доме, и, когда мы поужинали, я спросил тебя, чего бы ты хотел и желал, и ты сказал, что тебе хотелось бы стать халифом на один день, не больше, чтобы отомстить имаму и четырем старым сторожам квартала. Я счел справедливой причину, ради которой ты хотел стать халифом, и решил позабавиться и даровать тебе то, что ты просил, а по велению судьбы у меня в это время оказался при себе бандж, и я положил его тебе в чашу, и ты выпил его и заснул. И я приказал своему рабу Масруру тебя нести, и он принес тебя сюда. А когда ты провел день, будучи халифом, и отомстил своим врагам, невольница дала тебе чашу с банджем, и ты заснул, и мой раб отнес тебя обратно, и я наказал ему оставить твою дверь открытой. Когда же я прошел мимо тебя второй раз и поздоровался с тобой, и ты рассказал мне, что с тобой случилось, я огорчился, увидев у тебя на теле следы ударов, и решил воздать тебе благом, чтобы ты забыл о постигших тебя мучениях. Проси же теперь, о Абу-ль-Хасан, всего, чего ты только желаешь».— «О повелитель правоверных,— молвил Абу-ль-Хасан,— клянусь твоей милостью, мои страдания и все, что со мной случилось, как они ни невыносимы, теперь изгладились из моей памяти, раз я знаю, что наш владыка, повелитель правоверных, сделал все это, чтобы надо мной посмеяться и чтобы расправилась его грудь. А в отношении даров и разрешения просить всего, чего пожелаю, то у меня нет сомнения, что каждый, кто пребывает под сенью покровительства владыки нашего, повелителя правоверных, не обманется в своих надеждах и в жизни не увидит нужды. Богатство и алчность, о повелитель правоверных, никогда не были мне привычны, но раз уж твое величество милостиво разрешило мне просить всего, чего я хочу, то я не желаю ни денег, ни богатства, а хотел бы только чести быть вблизи от владыки нашего, повелителя правоверных, служа ему и присутствуя на его собраниях как сотрапезник и собутыльник. Вот и все мои желания».— «Клянусь великим Аллахом, о Абу-ль-Хасан,— воскликнул халиф,— если твоя просьба такова, то твое достоинство теперь еще более увеличилось в моих глазах и любовь к тебе стала сильнее, чем прежде!»

Потом он приказал отвести для Абу-ль-Хасана помещение во дворце, сплошь устланное бархатом и расшитым атласом, украшенное с пышностью, какой не найти нигде,

кроме халифских дворцов, а что же касается денег на расходы, то халиф сказал ему так: «О Абу-ль-Хасан, мне нужно назначить тебе жалованье, но я не хочу, чтобы выдавал его тебе казначей. Нет, я сам буду его тебе выдавать из своих рук, как отец дает сыну». И Абу-ль-Хасан облобызал землю и пожелал халифу долгой жизни и вечной славы. Потом халиф встал и пошел в диван, а что касается Абу-ль-Хасана, то он воспользовался минутой и пошел к своей родительнице. Он рассказал ей обо всем, что с ним случилось, и объяснил, что это был не сон, не сновидение и не сатана, а все это было на самом деле. И собрались у него соседи, и он рассказал им, как было дело, добавив, что халиф рассказал ему обо всем, что устроил с ним, и в заключение сказал: «Видите, мои слова — правда, а вы сделали из меня бесноватого и так меня мучили. Вы совершили надо мной великий грех». И распространился среди людей рассказ об Абу-ль-Хасане и о том, как он стал халифом, как халиф оказал ему милость, и сыграл с ним шутку, и посадил его на престол халифа, и Абу-ль-Хасан все рассказал им и сообщил, что халиф, в довершение всего, оказал ему благодеяние, и поселил его у себя во дворце, и сделал своим собутыльником, и дал ему власть над всеми, кто входит во дворец и выходит, поставив его выше других.

Потом Абу-ль-Хасан возвратился во дворец и стал жить подле халифа, и халиф полюбил его великой любовью, ибо Абу-ль-Хасан был весельчак и остряк и мог рассмешить даже скалу. И с каждым днем увеличивалась любовь к нему и приязнь, особенно со стороны халифа, который от великой привязанности стал брать его с собой на все собрания; даже когда он находился у Ситт-Зубейды, дочери своего дяди, он посылал за Абу-ль-Хасаном, чтобы тот сидел с ним. А халиф рассказал Ситт-Зубейде обо всем, что произошло с Абу-ль-Хасаном и случилось с ним: как тот стал халифом, а потом попал в бесноватые и претерпел в больнице великие мучения, и когда Ситт-Зубейда услышала, что произошло с Абу-ль-Хасаном, она много смеялась. И каждый раз, как халиф отправлялся к Ситт-Зубейде, он брал Абу-ль-Хасана с собой.

И в один из дней Ситт-Зубейда — а она очень любила Абу-ль-Хасана, как и халиф,— сказала халифу: «О повелитель правоверных, ты, видно, не смотришь на Абу-ль-Хасана. Каждый раз, как он ко мне входит, он не спускает глаз с моей невольницы Наджмат ас-Субх. Я думаю, он

отдал ей свое сердце и хочет на ней жениться».— «Возможно, что ты недалека от истины в том, что говоришь,— молвил халиф,— и он в своем праве, так как я обещал отдать за него эту девушку или одну из тех, что ему понравились, когда он увидел их в вечер своего халифства. Когда я его спрашивал, будучи у него в гостях, после того как он был халифом и видел всех моих невольниц, он мне сказал: «Я хотел бы, чтобы была мне женой одна из девушек, которых я видел во сне и которые мне понравились, когда я грезил и видел себя халифом». И я обещал ему ту из них, что придется ему по сердцу, и обязательно должен исполнить обещание и отвести его к девушке, которую он хочет и которая ему нравится. Но ты оказала мне великое благо и напомнила, что его надо женить. Не знаю, как это я забыл это дело, ведь я прежде всего должен был его женить. Однако теперь, когда я понял, что его любовь — Наджмат ас-Субх, я женю его на этой девушке. Но нам следует посмотреть, что у него на сердце и есть ли у нее влечение к нему. Ведь оба они, слава Аллаху, живут недалеко от нас». А эта беседа халифа с Ситт-Зубейдой происходила в присутствии Абу-ль-Хасана, который сидел и слушал весь разговор. И когда халиф кончил говорить с Ситт-Зубейдой, Абу-ль-Хасан поднялся, отвесил им поклон, поцеловал перед ними землю и поблагодарил их за милость. Он восхвалил халифа, и произнес хвалу Ситт-Зубейде за ее приязнь к нему, и молвил: «Раз уже повелитель правоверных оказал мне милость и Ситт-Зубейда уступает мне свою невольницу Наджмат ас-Субх, то я скажу, что люблю ее всем сердцем и жажду, чтобы она стала мне женой, но я не знаю, есть у нее ко мне влечение или нет».

И когда Абу-ль-Хасан кончил говорить и высказал халифу и Ситт-Зубейде свое желание жениться на Наджмат ас-Субх, они послали за девушкой и спросили ее, угоден ей Абу-ль-Хасан или нет. И девушка не дала им ответа, а только улыбнулась и засмеялась, и лицо ее так зарделось от смущения, что стало алым, как кровь, и халиф с Ситт-Зубейдой поняли, что Абу-ль-Хасан ей угоден. Тогда халиф велел готовиться к свадьбе, и так и сделали, и состоялись во дворце свадьба и великолепное торжество. Ситт-Зубейда с избытком одарила Наджмат ас-Субх и пожаловала ей много золота и драгоценностей из уважения к халифу, который так любил Абу-ль-Хасана, и халиф тоже подарил и пожаловал Абу-ль-Хасану много драгоцен-

ностей и денег выше всякого описания,— из уважения к Ситт-Зубейде, которая так любила Наджмат ас-Субх, свою невольницу. И служанки собрались, и взяли Наджмат ас-Субх, и обрядили ее, и украсили, и отвели в покои Абу-ль-Хасана в пышном шествии с пением, музыкой и плясками, под звуки инструментов, со всеми прочими забавами и увеселениями. Свадьбу Абу-ль-Хасана играли в течение месяца, и халиф с Ситт-Зубейдой каждый день одаряли их чем-нибудь новым, а потом Абу-ль-Хасан вошел к Наджмат ас-Субх и взял ее девственность, и она тоже полюбила его и была ему рада. И они зажили вместе приятнейшей жизнью, веселые и довольные, и невольницы прислуживали им, и им приносили из покоев халифа тончайшие кушанья и самые сладкие напитки. И не было у них недостатка ни в чем — ни в увеселениях, ни в развлечениях, и Наджмат ас-Субх, поужинав со своим мужем Абу-ль-Хасаном, брала лютню, и пела, и веселилась, и Абу-ль-Хасан тоже веселился, и оба они едва не улетали от радости, глядя друг на друга, так сильно они любили один другого.

И так они прожили некоторое время, производя большие расходы, не думая о последствиях и тратя без счета, пока не кончились все их деньги. И вот в один из дней явился к ним ювелир и потребовал плату за драгоценности, которые Наджмат ас-Субх у него купила в день своей свадьбы, и они опустили руку в копилку с деньгами, и оказалось, что там осталось только немного — как раз столько, чтобы отдать ювелиру его деньги. Они заплатили ювелиру сколько следовало, и остались сидеть с пустыми руками без единого гроша, и огорчились, и опечалились из-за этого случая, и положение их могло вызвать только жалость. Тут Абу-ль-Хасан вспомнил, что халиф говорил ему: «Я буду давать тебе на расходы из своих рук»,— и счел было правильным пойти к нему попросить, но потом обратился к своему разуму и сказал себе: «Может быть, халиф вспомнит, как много он дал мне денег, и ему станет тяжко из-за моего великого мотовства». А при их бракосочетании и после него халиф с Ситт-Зубейдой дали им много денег, но они, по великой расточительности, спустили эти деньги в самое короткое время, так что Абуль-Хасан побоялся и постыдился пойти к халифу и попросить его, и Наджмат ас-Субх тоже было стыдно просить чего-нибудь у своей госпожи Ситт-Зубейды. И Абу-ль-Хасан сказал Наджмат ас-Субх: «О Звездочка, я не могу

просить денег у халифа, и ты тоже не можешь просить у Ситт-Зубейды. Правда, Звездочка, халиф говорил мне: «Приходи каждый раз, как тебе понадобятся деньги, и не проси у казначея, а проси у меня»,— но мне стыдно, и я боюсь, как бы он не подумал: «За короткое время я дал ему много денег, и он уже успел их истратить».— «И мне тоже пришла та же самая мысль, я боюсь, что, если я пойду к Ситт-Зубейде, она скажет: «Ты уже успела истратить все деньги, которые я тебе дала»,— и у меня, любимый, такие же опасения, как у тебя»,— ответила Наджмат ас-Субх, и Абу-ль-Хасан молвил: «Раз нам трудно обратиться к ним с просьбой и мы боимся, что нас спросят: «Куда вы девали деньги, которые мы вам дали?» — то я придумал хорошую хитрость, забавную шутку, которая поможет нам добыть у них денег без стыда и смущения. Но дело это должно исходить от меня и от тебя, и необходимо, чтобы ты мне помогла».— «Я к твоим услугам, о Абу-ль-Хасан, упаси боже, чтобы я тебя в чем-нибудь ослушалась, и моя душа — выкуп за тебя»,— сказала Наджмат ас-Субх, и Абу-ль-Хасан воскликнул: «Очень хорошо, Аллах да продлит твой род, о дочь благородных! Я уверен в твоей любви ко мне! Посмотри, какую шутку я намерен устроить: умри сначала ты, а потом я тоже умру, и каждый из нас будет умирать по очереди, смешным и забавным способом. Такая проделка повеселит халифа и Ситт-Зубейду, а мы раздобудем денег».— «Послушай, Абу-ль-Хасан,— сказала Наджмат ас-Субх,— я повинуюсь тебе во всем, но что касается смерти, то это вещь невозможная. Если ты хочешь умереть — умирай, хоть это и будет мне очень тяжело, а что до меня, то я умирать не хочу».— «Поистине, ты с ума сошла! — воскликнул Абу-ль-Хасан.— Ум у тебя женский, а все вы повреждены в уме, и я тебя не упрекаю. Горе тебе, как же это мы умрем! Ты думаешь, каждый из нас сам себя убьет и умрет? Как можно! Это вещь противоестественная! Хитрость, которую я придумал, не в том, что я убью себя и умру или ты убьешь себя и умрешь! Послушай-ка, как я намерен устроить эту знатную шутку и забавную хитрость».— «Раз это игра, в которой нет смерти, то я к твоим услугам во всем, что захочешь,— сказала Наджмат ас-Субх.— Ты знаешь, что жизнь всем дорога, и не думай, будто я отказалась умереть потому, что я лучше тебя! Упаси боже! Но как я тебе сказала, жизнь дорога, и мне стало тяжело, когда я услышала, что ты хочешь умереть».— «Нам нет нужды много разговаривать,

и теперь не такое время, чтобы болтать попусту,— молвил Абу-ль-Хасан.— Я расскажу тебе, что собираюсь делать. Я лягу здесь, посреди комнаты, а ты принеси большое одеяло, заверни меня в него, опусти тюрбан мне на лицо и поверни меня в сторону кыблы, точно я мертвый, а когда покончишь со всем этим, надень какую-нибудь из своих вещей, старую, ветхую, и пойди к Ситт-Зубейде с плачем, и бей себя по лицу, и рви на себе одежду. Скажи ей, что я умер, и я уверен, что, когда она это услышит, она даст тебе много денег на погребение и подарит отрез шитой золотом материи, чтобы положить его на носилки с моим телом. Тогда мы добудем и денежки, и прекрасную одежду взамен старой, которую ты на себе разорвешь».— «Слушаю и повинуюсь,— воскликнула Наджмат ас-Субх.— Клянусь Аллахом, Абу-ль-Хасан, это ловкая проделка!»

Потом Абу-ль-Хасан растянулся посреди комнаты и прикинулся мертвым, а Наджмат ас-Субх закутала его в одеяло и сделала так, как он ее научил: спустила тюрбан ему на глаза и повернула его лицом к кыбле. Потом она надела одежды печали, распустила волосы, разорвала на себе платье и принялась плакать и стонать. Она отправилась в таком виде к своей госпоже Ситт-Зубейде, рыдая и хлопая себя по щекам, и, когда она вошла и Ситт-Зубейда увидела, в каком она состоянии, та оторопела, и у нее помутилось в голове, и она воскликнула: «О горе, о Наджмат ас-Субх! Что случилось и что с тобой творится? Расскажи мне!» — «Ах, увы, горе мне, госпожа! — закричала Наджмат ас-Субх.— Ах, Абу-ль-Хасан, мой любимый... Только что я на тебя радовалась, а ты умер и оставил меня, горемычную! Как же это ты умер, когда ты только что радовался на меня...» — и Наджмат ас-Субх принялась рыдать и плакать, хлопая себя по щекам и повторяя перед Ситт-Зубейдой подобные слова, и когда Ситт-Зубейда услышала такие речи, то поняла, что Абу-ль-Хасан умер. И она опечалилась великой печалью и стала плакать по Абу-ль-Хасану, так как очень его любила: во-первых, из любви к своей служанке Наджмат ас-Субх, и, во-вторых, из-за любви к нему халифа. Потом Ситт-Зубейда принялась утешать Наджмат ас-Субх и сказала: «О дочка, что пользы плакать? Кто умер, тот уже не вернется! Клянусь Аллахом, тяжко мне потерять Абу-ль-Хасана. Он, бедный, не успел на тебя нарадоваться, и ты не успела нарадоваться на него. А какой это был хороший человек — простодушный, забавник, весельчак, остряк!

И особенно я печалюсь о нем из-за тебя: ты, бедняжка, тоже не успела с ним насладиться — ведь свадьбу вашу как будто только вчера сыграли. Но так было суждено и записано, о дочка, и от этого не спасешься, и тут не схитришь. Будет же тебе плакать!» — и потом Ситт-Зубейда приказала своей казначейше выдать Наджмат ас-Субх тысячу золотых на расходы по погребению Абу-ль-Хасана и на устройство похоронных торжеств и дала ей отрез шелковой материи, чтобы накрыть его носилки, и Наджмат ас-Субх схватила деньги, забрала отрез материи и ушла, радуясь проделке, которую придумал Абу-ль-Хасан. А придя к мужу, она рассказала ему обо всем, что произошло, и Абу-ль-Хасан встал, довольный, и сказал: «Ну, теперь твой черед! Ложись, как я, и притворись мертвой».

И Наджмат ас-Субх легла, и Абу-ль-Хасан завернул ее в одеяло, повернул лицом к кыбле и обрядил так, как обряжают умерших, и потом взял в руки платок и пошел к халифу. А у халифа в это время сидел вазир Джафар, и, когда Абу-ль-Хасан вошел, плача, рыдая и хлопая себя по лицу — а одежду свою он разорвал уже раньше,— халиф удивился его состоянию и воскликнул: «Абу-ль-Хасан, что случилось? Расскажи мне, что с тобой происходит?» — «О повелитель правоверных,— ответил Абу-ль-Хасан,— что может со мной случиться хуже того, что случилось? Да продлится твоя жизнь после Наджмат ас-Субх, о повелитель правоверных! Ах, Наджмат ас-Субх, душа моя, не успел я вдоволь насладиться с тобою счастьем! О повелитель правоверных, не знаю, что с ней случилось,— сейчас умерла!» — и он стал плакать и бить себя по щекам, а халиф, услышав это, очень огорчился и опечалился из-за такой вести: во-первых, из-за своей любви к Абу-ль-Хасану и, во-вторых, потому, что Наджмат ас-Субх была Ситт-Зубейде дороже всех невольниц. И халиф начал утешать Абу-ль-Хасана, и вазир Джафар тоже, и они говорили: «Что пользы, Абу-ль-Хасан, плакать и печалиться. Ведь нет сомнения, тот, кто умер, никогда не вернется... Так было суждено и записано, а от того, что записано в книге судеб, никуда не убежишь». Но Абу-ль-Хасан только сильней плакал и рыдал, ловко разыгрывая свою шутку. «О Абу-ль-Хасан,— спросил халиф,— ты, может быть, сделал ей что-нибудь неподобающее? Но ты ведь хороший человек, и я не могу этому поверить».— «О повелитель правоверных! — воскликнул Абу-ль-Ха-

сан.— Клянусь твоей жизнью,— ты знаешь, что Наджмат ас-Субх была мне дороже моих глаз не только из-за своей красоты, прелести, образованности, благоразумия и знаний, но еще и потому, что она была Ситт-Зубейде милей всех невольниц, да и ты, о повелитель правоверных, тоже очень любил ее. И поэтому, повелитель правоверных, клянусь великим Аллахом, я берег ее пуще глаза»,— и Абу-ль-Хасан, говоря эти слова, плакал и бил себя по щекам, ничего не упуская в искусстве хитрости и обмана, а халиф очень огорчился, и опечалился, и приказал выдать ему кошель с тысячей динаров, чтобы он мог устроить своей жене торжественные похороны и великолепное погребение, и дал ему также кошель с тысячей динаров в утешение и отрез шитой золотом материи, чтобы завернуть покойницу. И Абу-ль-Хасан поцеловал землю и помолился за халифа. Он забрал деньги и отрез, и ушел к себе домой, радостный, и, придя, рассказал своей молодой жене Наджмат ас-Субх обо всем, что случилось, и воскликнул: «Видишь теперь, каковы мои проделки!» — и они оба обрадовались, и потом Абу-ль-Хасан сказал: «Слушай, Наджмат ас-Субх, игра еще не кончилась! Подожди, я тебе покажу еще кое-что».

А халиф, из-за любви к Ситт-Зубейде, дочери его дяди, когда Абу-ль-Хасан вышел от него, обратился к своему вазиру Джафару и сказал: «О Джафар, Ситт-Зубейда любила свою служанку Наджмат ас-Субх великой любовью, и теперь она, наверно, узнала о ее смерти и плачет и рыдает по ней. А ты знаешь, что Ситт-Зубейда очень мне дорога».— «Да, повелитель правоверных»,— ответил Джафар, и халиф продолжал: «Поэтому нам следует сейчас пойти к ней и утешить ее, и ты тоже пойдешь со мной. Ты скажешь словечко, и я скажу словечко, и, может, мы ее успокоим и утешим и разгоним ее печаль».— «Слушаю и повинуюсь, повелитель правоверных,— ответил Джафар халифу,— но только диван открылся, и люди ждут, когда твое величество выйдет к ним».— «Иди, распусти диван,— сказал халиф.— Скажи им: «У халифа есть дело во дворце, и дивана сегодня не будет».

И вазир Джафар вышел и распустил людей, извинившись тем, что у халифа есть сегодня во дворце дело, а потом вернулся и сообщил об этом халифу. И тогда халиф приказал своему слуге Масруру осведомиться, свободна ли Ситт-Зубейда, и после этого поднялся с вазиром Джафаром и вошел к ней. И войдя, он увидел, что Ситт-Зубейда

сидит печальная и плачет и слезы катятся у нее по щекам, и сказал: «О Ситт-Зубейда, я осведомлен о причине охватившей тебя печали, и поэтому я пришел и привел с собой Джафара, моего вазира, чтобы нам тебя успокоить и утешить. Клянусь Аллахом, Ситт-Зубейда, мне очень тяжело за тебя, так как ты любила эту девушку, Наджмат ас-Субх, и она была для тебя дороже всех невольниц; и она — помилуй ее Аллах великий! — была всеми любима, и приятна по облику, и очень привязана к тебе. А во-вторых, клянусь Аллахом, я печалюсь о ней из-за бедного Абу-ль-Хасана, который не порадовался на нее вдоволь и не успел насладиться с нею счастьем, как подобает людям. Он плачет по ней, словно маленький ребенок, и он сейчас приходил ко мне, и рыдал, и бил себя по щекам, и состояние его самое горестное. Мы с вазиром Джафаром даже сами заплакали, глядя на него, и я его утешал, а после его ухода я подумал, что ты тоже, может быть, горюешь о ней, и пришел тебя утешить и успокоить. Что пользы, Ситт-Зубейда, плакать и горевать? Кто умер, тот уж не вернется, и эта чаша обходит всех. От того, что на роду написано, никуда не убежишь, и нам всем не избежать смерти. Боюсь, как бы ты не повредилась от горя или с тобой что-нибудь не случилось, я хотел бы, чтобы ты развлеклась, и утешилась, и перестала бы горевать».

И когда Ситт-Зубейда услышала от халифа эти слова, она пожелала ему блага и поблагодарила его за соболезнование, но такие речи удивили ее, и она молвила: «О повелитель правоверных, ты сбил меня такими словами с толку. Аллах великий да продлит твою жизнь, повелитель правоверных! Ты говоришь про мою служанку: «Помилуй ее Аллах», словно она умерла и ты скорбишь из-за моей печали по ней. А ведь я горюю по Абу-ль-Хасану, так как ты его очень любил и это ты познакомил меня с ним. А он, бедный, помилуй его Аллах великий, был хороший, веселый человек и забавник, и мы много часов развлекались и смеялись с ним, и его шутки веселили нам сердце. Я опасалась за твое величество и ожидала, пока главный евнух Масрур придет ко мне, чтобы его спросить о тебе. Я хорошо знала, как ты любишь Абу-ль-Хасана, и я говорила себе: «Наверное, повелитель правоверных сидит и печалится о нем». Да будет твоя жизнь вечной, о повелитель правоверных! Это ведь не служанка моя умерла! Возможно, твое величество ошибается, так как ты говоришь, что умерла моя невольница, а в действительности

дело обстоит не так и, напротив, умер Абу-ль-Хасан». И когда повелитель правоверных услыхал слова Ситт-Зубейды, он, хоть и был огорчен, так расхохотался, что упал на спину. «О повелитель правоверных,— сказала Ситт-Зубейда,— ты, значит, пришел, чтобы надо мной посмеяться? Ведь, клянусь Аллахом великим, умер-то на самом деле Абу-ль-Хасан».—«Говорит пословица: «Ум у женщин невелик», и поистине, в этом нет сомнения! — воскликнул халиф.— Что ты скажешь, о Джафар? Разве не видел ты своими глазами, что Абу-ль-Хасан пришел ко мне, плача и хлопая себя по щекам, в самом горестном состоянии, и, когда мы его спросили о причине, он сказал: «Моя жена Наджмат ас-Субх умерла».—«Да»,— ответил Джафар, и халиф продолжал: «Ты не права, Ситт-Зубейда, это твоя служанка умерла, а не Абу-ль-Хасан. Он сейчас ко мне приходил, и я дал ему две тысячи динаров и отрез шелка, чтобы завернуть в него покойницу. Тебе следует плакать по твоей невольнице, которая умерла, так как ты ее очень любила, и, во-вторых, клянусь великим Аллахом, ты имеешь право плакать о ней, так как воспитывала ее, словно родную дочь. Что же касается Абу-ль-Хасана, то не плачь о нем, ибо он здоров и благополучен».—«О повелитель правоверных,— молвила Ситт-Зубейда,— ты, видно, продолжаешь надо мной шутить. Ведь ты имеешь верные сведения, что я, клянусь великим Аллахом, оплакиваю Абу-ль-Хасана, и я тоже хорошо знаю, что ты огорчен и только хочешь себя утешить подобными речами. И мы заслуживаем утешения, а Абу-ль-Хасан заслуживает, чтобы мы о нем плакали, ибо он нас развлекал и веселил наше сердце и его присутствие было нам приятно».— «О Ситт-Зубейда,— сказал халиф,— клянусь твоей жизнью — а ты знаешь, как твоя жизнь мне дорога,— это не Абу-ль-Хасан умер. Я не шучу с тобой и говорю тебе правду: это твоя невольница Наджмат ас-Субх умерла».

И Ситт-Зубейда обиделась на халифа и на его слова и молвила: «Клянусь великим Аллахом, о повелитель правоверных, что умерла не моя невольница Наджмат ас-Субх. Если бы ты немного задержался и не пришел ко мне, я бы сама послала к тебе кого-нибудь от себя, чтобы утешить тебя после смерти Абу-ль-Хасана. Я знаю, ты его очень любил, и я также. Это он умер, а моя служанка не умерла, и это подтверждается тем, что Наджмат ас-Субх, моя невольница, сейчас была у меня. Она пришла печальная, грустная, плача и хлопая себя по щекам, так что мы

с невольницами даже заплакали из-за нее, видя ее горе. И волосы у нее были распущены, падали на плечи, и она была одета в одежды скорби из-за смерти ее мужа Абу-ль-Хасана. Я посочувствовала ей и дала кошель с тысячей динаров — в утешение и на торжественные похороны Абу-ль-Хасана и его погребение. Вот и все невольницы подтвердят мои слова, так как они все присутствовали, и моя, печаль, которую ты заметил,— из-за смерти Абу-ль-Хасана». И халиф обиделся на слова Ситт-Зубейды и сказал ей: «Ситт-Зубейда, ты ни разу в жизни так не упрямилась и не обвиняла меня во лжи, кроме сегодняшнего дня. В самом деле: я тебе говорю, что Абу-ль-Хасан сейчас от меня ушел, и вазир Абу Джафар присутствовал при зтом, а ты мне говоришь: «Это Абу-ль-Хасан умер!» — «Пусть не думает твое величество, что я удовлетворюсь такими словами и поверю, что моя служанка Наджмат ас-Субх умерла! — воскликнула Зубейда.— Наоборот, клянусь Аллахом, высоким и великим, что Абу-ль-Хасан умер! Сохрани, Аллах, мою невольницу! Почему ты хочешь ее уморить насильно?» И гнев халифа на Ситт-Зубейду от таких слов усилился, и он тотчас же кликнул евнуха Масрура и сказал ему: «Сходи поскорей во дворец Абу-ль-Хасана и принеси сведения, кто из них умер — Абу-ль-Хасан или Наджмат ас-Субх, его жена. Правда, я наверное знаю, что умерла невольница, но пусть Ситт-Зубейда посмотрит, и удовлетворится, и бросит упрямиться, ибо я в жизни не видывал такого упрямства».— «А я наверное знаю, что зто Абу-ль-Хасан умер»,— возразила Ситт-Зубейда, и халиф вскричал: «Если твои слова окажутся правдой, я дам тебе все, что ты потребуешь, пусть зто даже будет полцарства! Бьюсь с тобой об заклад, что Абу-ль-Хасан здоров и благополучен и что умерла твоя невольница Наджмат ас-Субх».— «И я тоже бьюсь об заклад на все, что имею, что моя служанка Наджмат ас-Субх здорова и благополучна и что зто Абу-ль-Хасан умер!» — воскликнула Ситт-Зубейда, и халиф молвил: «Давай спорить: если мои слова правильны и Абу-ль-Хасан здоров, а твоя невольница умерла, то я возьму у тебя твой большой дворец, а если окажется, что твои слова правильны и умер Абу-ль-Хасан, а невольница здорова и благополучна, то я подарю тебе дворец в саду Бустан аль-Хульд!..»

И халиф с Ситт-Зубейдой заключили условие и согласились, и оба дали клятвы и обеты на зтот счет, а Абу-ль-Хасан слышал из своего дворца все, что между ними про-

исходило. Потом халиф послал евнуха Масрура выяснить дело, и когда Абу-ль-Хасан увидел его, он тотчас же поспешил положить невольницу посреди комнаты, закутал ее в одеяло, повернул лицом к кыбле и принялся плакать над ней и бить себя по щекам. Тут Масрур подошел, и вошел к Абу-ль-Хасану, и увидел, что тот плачет и рыдает над своей женой, и бьет себя по щекам, и состояние его самое горестное. И евнух принялся плакать заодно с ним, а потом произнес: «Поистине, нет ничего хуже козней женщин и их упрямства!» — «О Масрур, почему ты говоришь такие слова?» — спросил Абу-ль-Хасан, и евнух молвил: «На Ситт-Зубейду что-то нашло, и она спорит с повелителем правоверных, и перечит ему, и говорит, что это ты умер, а Наджмат ас-Субх здорова, а мой господин, халиф, говорит ей: «Будет тебе упрямиться! Сейчас у меня был Абу-ль-Хасан, и он бил себя по щекам и оплакивал свою жену, и я выразил ему соболезнование и утешил его»,— а она ему: «Нет, моя служанка во здравии и в благополучии, и это Абу-ль-Хасан — вот кто умер!» И когда повелитель правоверных обиделся на ее упрямство, меня послали выяснить дело и посмотреть, кто из вас умер». — «О Масрур, как я хотел бы умереть вместо нее!» — воскликнул Абу-ль-Хасан, и потом он снова начал плакать, и Масрур молвил: «О брат мой Абу-ль-Хасан, утешься, ибо все мы подлежим смерти, и кто умер, тот уж не вернется, брат!»

Потом Масрур вернулся к халифу и Ситт-Зубейде и рассказал им обо всем, что видел и наблюдал: что его невольница Наджмат ас-Субх умерла, а Абу-ль-Хасан сидит у нее в головах и плачет по ней, хлопая себя по щекам, и пребывает в самом жалостном положении. И халиф упал навзничь от хохота, смеясь над Ситт-Зубейдой, и сказал евнуху: «О Масрур, слава Аллаху, мы выиграли у твоей госпожи ее большой дворец и он стал моей собственностью, ибо мы побились об заклад, что если мои слова правильны, и Абу-ль-Хасан здоров, и это невольница умерла, я возьму у нее большой дворец, а если окажется, что ее слова — правда и что умер Абу-ль-Хасан, а невольница здорова, я подарю ей дворец в саду Бустан аль-Хульд. А раз ты видел, что это невольница умерла, то, слава Аллаху, ее большой дворец стал моим. Ну, что скажешь, Ситт-Зубейда? Будешь еще возражать и говорить: «Абу-ль-Хасан умер, а моя невольница невредима?» Видишь, мои слова правильны. Ну что, ты теперь довольна? Ведь твой большой дворец стал моим, как мы договорились». — «О пове-

литель правоверных,— отвечала Ситт-Зубейда,— ты думаешь, что выиграл заклад и обыграл меня, по свидетельству проклятого раба и лгуна? Как это я поверю ему, а сама себе не поверю! Я только что видела свою невольницу вот этими глазами». И евнух Масрур воскликнул: «Госпожа, смилуйся надо мной! Клянусь жизнью моего господина, повелителя правоверных, и твоей жизнью, госпожа,— а ты знаешь, что твоя жизнь мне дороже всего на свете,— это невольница Наджмат ас-Субх умерла, а Абуль-Хасан сидит и плачет над ней, и состояние его самое горестное».— «О проклятый, о дно котла, о лгун,— закричала Ситт-Зубейда,— так, значит, ты правдивей меня! Но погоди, урод толстогубый, я сейчас тебя осрамлю!» — и она захлопала в ладоши, и явились все ее невольницы, которые присутствовали, когда пришла Наджмат ас-Субх, плача, и сообщила, что умер Абу-ль-Хасан, и Ситт-Зубейда сказала им: «О мои служанки, дочки, заклинаю вас жизнью вашего господина, повелителя правоверных, и моей жизнью, скажите, кого я утешала и кто умер?» — и все невольницы отвечали: «Госпожа, мы видели, как приходила твоя служанка, наша сестра, Наджмат ас-Субх, плача и ударяя себя по щекам, и говорила, что ее муж, Абу-ль-Хасан, умер, и ты ее утешала и успокаивала и подарила ей кошель, полный золота, и отрез шитой золотом материи, чтобы она справила поминки по Абу-ль-Хасану и разлучилась с его душой». И Ситт-Зубейда обернулась к евнуху Масруру и сказала ему: «О проклятый, вот как ты умеешь отличать мертвого от живого! Смотри и слушай — вот сколько девушек обличают тебя во лжи!» — и Ситт-Зубейда принялась ругать Масрура, и когда халиф увидел, как Ситт-Зубейда гневается на его раба и бранит его, он принялся над ней смеяться и воскликнул: «Клянусь Аллахом, разум у женщин то пропадает, то появляется! — Потом он обратился к Ситт-Зубейде и молвил: — Ситт-Зубейда, этот раб сейчас пришел от Абу-ль-Хасана и видел, что это невольница умерла. Он поклялся моей и твоей жизнью, а ведь он знает, что если бы он дал клятву ложно, я отрубил бы ему голову. И все-таки ты упрямишься и говоришь, что умер Абу-ль-Хасан!» — «О повелитель правоверных,— воскликнула Ситт-Зубейда,— ты не иначе как сговорился с твоим рабом дразнить меня и мне возражать! Но клянусь великим Аллахом, я не могу вам в этом уступить и не могу поверить, что умерла моя невольница, ибо незадолго до того, как ты ко мне пришел, она была у меня и говорила,

что ее муж, Абу-ль-Хасан, умер. Чтобы посрамить этого проклятого, лживого раба, я пошлю кого-нибудь из моих надежных служанок». И Ситт-Зубейда позвала одну из своих старших невольниц, домоправительницу, и сказала ей: «Сходи во дворец Абу-ль-Хасана и посмотри, кто из них умер — моя служанка Наджмат ас-Субх или Абу-ль-Хасан, и поскорее возвращайся, принеси мне весть».

А Абу-ль-Хасан слышал все, что происходило между халифом и Ситт-Зубейдой, и слышал, как она послала одну из своих служанок выяснять истинную суть дела, и, когда он увидел, что старая служанка идет, чтобы посмотреть, кто из них умер, он тотчас же поспешил притвориться мертвым, а Наджмат ас-Субх принялась плакать о нем и бить себя по щекам. И когда она так сидела, старая служанка вошла и увидела, что Абу-ль-Хасан мертв, а его молодая жена Наджмат ас-Субх сидит у него в головах, и плачет, и бьет себя по щекам. Увидев Наджмат ас-Субх в таком состоянии, старуха принялась ее утешать и жалеть и сказала: «О доченька, всем нам не избежать смерти. Но прокляни, Аллах, евнуха Масрура!» — «Почему?» — спросила Наджмат ас-Субх, и старуха ответила: «Потому, что он пошел и сказал халифу, что это ты умерла, а Абу-ль-Хасан здоров. И между повелителем правоверных и Ситт-Зубейдой возник спор, причиной которого был этот проклятый лгун, и халиф говорил, что это ты умерла, а Абу-ль-Хасан здоров, а Ситт-Зубейда говорила им противоположное, и они послали Масрура выяснить правду в этой истории, и он пошел, и вернулся, и сказал, что Абу-ль-Хасан здоров и что это ты скончалась и преставилась к милости Аллаха. И между халифом и Ситт-Зубейдой началась перепалка, и они послали меня раскрыть истину в этом деле». — «Ах, если бы я умерла вместо моего возлюбленного Абу-ль-Хасана! Будь это так, ты не видела бы меня в столь горестном состоянии!» — воскликнула Наджмат ас-Субх, и старая служанка быстро вышла, радостная, чтобы сообщить обо всем своей госпоже Ситт-Зубейде, и думала она, что раздобыла верные вести. И она вошла к халифу и Ситт-Зубейде, радостно смеясь, и Ситт-Зубейда сказала ей: «Ну, рассказывай, что ты видела! Кто из них умер?» — «Клянусь твоей жизнью, о госпожа, я видела, что Абу-ль-Хасан мертв и лежит на земле с лицом, повернутым к кыбле, и тюрбан спущен у него на глаза, а твоя служанка Наджмат ас-Субх сидит и плачет над ним и бьет себя по щекам, и состояние ее самое горестное», — отве-

тила старуха, и Ситт-Зубейда крикнула ей смеясь: «Горе тебе, говори нам правду!» — «Клянусь жизнью повелителя правоверных,— воскликнула старуха,— если я лгу, говоря эти слова, пусть он отрежет мне голову».

А Масрур ожидал, что старая служанка принесет весть, что, как он сам видел, Наджмат ас-Субх умерла, а Абу-ль-Хасан жив, и он оправдается перед Ситт-Зубейдой. Когда же старуха пришла и рассказала, что она видела, и поклялась жизнью повелителя правоверных, Ситт-Зубейда обернулась к Масруру и сказала: «О проклятый, ты научился лгать, чтобы угодить твоему господину. Смотри, как ты теперь осрамился!»

Масрур не мог стерпеть такого унижения от Ситт-Зубейды, после того как он своими глазами видел, что Абу-ль-Хасан здоров, а Наджмат ас-Субх мертвая. Услышав, как старая невольница поклялась жизнью повелителя правоверных, что Абу-ль-Хасан умер, а Наджмат ас-Субх здорова, он вышел из себя и закричал: «Старая греховодница, я своими глазами видел, что Абу-ль-Хасан здоров, и наш владыка, повелитель правоверных, тоже его видел. Значит, мы оба лжецы? Ха-ха, проклятая! — и он обернулся к халифу и сказал: — Клянусь жизнью твоей, о господин, эта проклятая врет, и она заслуживает того, чтобы ей отрезали нос. У нее зубов нет, чтобы есть хлеб, где же у нее смекалка, чтобы отличить живого от мертвого?» И халиф засмеялся его словам, а старуха, услышав речи Масрура и его поношения, не могла их стерпеть, так как своими глазами видела, что Абу-ль-Хасан мертвый, а служанка Наджмат ас-Субх здорова и сидит и плачет над ним, и закричала: «О злополучный раб, тебе нет упрека, так как тебе залепили клеем губы и они не дают тебе говорить правду!..» А Ситт-Зубейда с халифом стали смеяться над старой служанкой и рабом Масруром, и когда Масрур услыхал, как его бранит старая служанка, он огорчился, и заплакал, и обернулся к халифу, и сказал:

«Зачем мне страшиться обиды, покуда над всем твоя власть,
Ты лев, так посмеют ли мошки на слуг твоих верных напасть?

Беспомощных ты охраняешь, и поишь ты жаждущих власть.
Ты — дождь животворный. Могу ли от жажды мучительной пасть?»*

И тут халифа взял гнев на старуху, но из уважения к Ситт-Зубейде и в угоду ей он сдержался и велел своему слуге Масруру замолчать. Он оторопел из-за всей этой ис-

тории, и ум его был ошеломлен, так как он своими глазами видел Абу-ль-Хасана здоровым и тот пришел к нему, плача о смерти своей жены Наджмат ас-Субх. А Ситт-Зубейда со своими невольницами видела всю эту историю иначе, и Наджмат ас-Субх приходила к ней плача и говорила, что ее муж Абу-ль-Хасан умер. Масрур ходил и видел, что невольница Наджмат ас-Субх умерла, а старая служанка ходила и видела своими глазами, что умер Абу-ль-Хасан, и халиф не знал, где правда во всей этой истории. И он обратился к Ситт-Зубейде и молвил: «О Ситт-Зубейда, пусть мы все — лжецы. Нам остается только пойти всем вместе и выяснить правду в этом деле, так как я видел Абу-ль-Хасана здоровым, и раб Масрур видел его, а ты видела Наджмат ас-Субх здоровой, и старая служанка тоже говорит так. Лучше нам всем пойти и посмотреть, как в действительности обстоит дело».— «Вот оно, правильное решение! — воскликнула Ситт-Зубейда.— Пойдем посмотрим, в чем истина!»

И они пошли, и Масрур шел впереди всех, так как он горел огнем и ему не терпелось открыть им двери и показать, что он говорил правду. И пока они шли, усилилась перепалка между старой служанкой и Масруром, и они побились об заклад, что, если ее слова окажутся правдой и умер именно Абу-ль-Хасан, Масрур дает ей отрез ткани, шитой золотой, и если выйдет наоборот, то старуха даст ему такой отрез. «И пусть мой господин отрежет тебе голову, после того как я получу с тебя отрез, скверная старуха»,— добавил Масрур.

А Абу-ль-Хасан все это слышал, и когда они увидели, что все — халиф, Ситт-Зубейда, вазир Джафар, евнух Масрур и старая служанка — идут к ним, то Наджмат ас-Субх обратилась к мужу и молвила: «Ты сделал нас лжецами перед халифом, о Абу-ль-Хасан! Аллах, спаси нас от этой беды!» — «Не бойся и будь спокойна,— сказал Абу-ль-Хасан.— Кто сумел поднять осла на минарет, тот сумеет и спустить его вниз. Ты только слушай и делай все, что я тебе скажу».— «Внимание и повиновение тебе, Абу-ль-Хасан, я покорна тебе и послушна, только вызволи нас из этой беды»,— отвечала ему жена, и он сказал: «Будь спокойна».

И Абу-ль-Хасан, увидев, что халиф и Ситт-Зубейда идут, чтобы выяснить в чем дело, быстро, как молния, притворился мертвым и сказал Наджмат ас-Субх: «Ты тоже, как я, прикинься мертвой и ложись со мной рядом,

обратив лицо к кыбле, и как я буду делать, так делай и ты»,— и оба они притворились мертвыми, и когда халиф, Ситт-Зубейда и те, кто был с ними, подошли, Масрур, выступив вперед, открыл дверь в дом, и все вошли, и посмотрели, и увидели, что умерли оба — и Абу-ль-Хасан, и Наджмат ас-Субх, его жена. И их взяла оторопь от этого случая, и они растерялись, и Ситт-Зубейда вышла вперед, и закричала от горя по своей служанке, и заплакала, и сказала: «Вы не переставая пророчили моей служанке плохое, пока не уморили ее! Бедняжка, она умерла от великой печали по своему мужу Абу-ль-Хасану». И халиф сказал ей: «Клянусь великим Аллахом, о Ситт-Зубейда, это неправда! Как это ты говоришь такие слова! Это Абу-ль-Хасан умер после — от печали по твоей служанке Наджмат ас-Субх! Клянусь Аллахом великим, я выиграл у тебя твой большой дворец, согласно тому, как мы бились об заклад».— «Клянусь Аллахом, повелитель правоверных,— возразила Ситт-Зубейда,— твои слова ложны и правда не на твоей стороне, так как Абу-ль-Хасан умер раньше, а моя бедная служанка потом — от горя и плача по мужу».

И между халифом и Ситт-Зубейдой возник спор о том, кто умер раньше, и такая же перепалка началась у Масрура со старой служанкой, и, если бы не присутствие халифа и Ситт-Зубейды, они, наверное, подрались бы. И все продолжали спорить и препираться, и каждый твердил свое, и они не могли договориться, и наконец халиф подумал, что Ситт-Зубейда имеет право говорить, что Абу-ль-Хасан умер раньше, так как она собственными глазами видела свою служанку Наджмат ас-Субх и та сообщила ей, что ее муж умер, но и он, халиф, тоже прав, так как он своими глазами видел Абу-ль-Хасана и тот рассказал ему, что служанка Наджмат ас-Субх умерла.

И халиф рассердился, и усилился его гнев, и поднялась в нем ярость, и он вспылил и воскликнул: «Клянусь величайшим именем Аллаха и могилою аль-Аббаса, если найдется человек, который скажет мне сейчас правду — кто из них умер раньше,— я дам ему в награду две тысячи динаров!» И едва Абу-ль-Хасан услышал слова халифа, он одним прыжком вскочил на ноги, сбросил с себя саван и крикнул: «Давай, повелитель правоверных, две тысячи динаров! Я умер первым, клянусь великим Аллахом, но давай же подарок — две тысячи динаров — раз я тебе сказал, кто из нас умер раньше». И жена Абу-ль-Хасана,

Наджмат ас-Субх, тоже вскочила на ноги, и поспешно побежала к своей госпоже Ситт-Зубейде, и бросилась ей в объятия, и когда Ситт-Зубейда увидела, что ее служанка здорова, благополучна и не умерла, она страшно обрадовалась и воскликнула: «О злосчастная, ты так меня огорчила и опечалила! Но хвала Аллаху, что ты не умерла».

А халиф, когда увидал, что оба поднялись после смерти и Абу-ль-Хасан протягивает руку, требуя две тысячи динаров, повалился от смеха на спину, а потом обратился к Абу-ль-Хасану и сказал ему: «О Абу-ль-Хасан, ты хочешь убить меня со смеху своими проделками! Мало тебе того, что случилось со мной от смеха во время твоего халифства, когда я едва не умер,— ты еще устроил со мной эту шутку!» Ситт-Зубейда тоже обеспамятела и покинула мир от смеха, когда Абу-ль-Хасан сказал халифу: «Я умер первый». А потом Абу-ль-Хасан сказал халифу: «О повелитель правоверных, кротость и снисходительность — качества благородных. Вот причина, заставившая меня устроить эту шутку: ты знаешь, что в моем естестве преобладает любовь к веселью, наслаждениям и развлечениям, а твое величество отдало мне в жены Наджмат ас-Субх, которая любит веселиться и развлекаться еще больше меня. Мы жили таким образом, предаваясь расточительству и мотовству, а твое величество знает, что на развлечения нужны деньги, и вот сегодня я сунул руку в карман, и она вышла оттуда пустой — я не нашел там ни единого дирхема. Моя жена Наджмат ас-Субх истратила все, какие были у нее, деньги, которые ей дала ее госпожа Ситт-Зубейда, и у меня тоже не осталось ни дирхема из тех денег, что ты дал мне. И когда мы увидели, что у нас нет ни единого дирхема, нас охватила печаль, и мы не знали что делать, и я сказал ей: «Наджмат ас-Субх, можешь ты попросить денег у твоей госпожи Ситт-Зубейды?» — и она отвечала: «Мне стыдно, так как она дала мне много и я все промотала, и нет у меня теперь смелости просить у нее еще». И я тоже подумал, о повелитель правоверных, что, если я приду и попрошу у тебя немного денег, как бы ты не сказал мне: «Бог с тобой, о Абу-ль-Хасан, я дал тебе на свадьбу много денег, а ты их все спустил! Ты, видно, человек расточительный, и я вижу, что у тебя в обычае мотать деньги». И я побоялся этого и решил выкинуть эту шутку, думая, во-первых, вас посмешить и повеселить ваши сердца и, во-вторых, раздобыть немного денег без просьбы, не смущаясь».

И когда халиф с Ситт-Зубейдой выслушали рассказ Абу-ль-Хасана, они так засмеялись, что обеспамятели, а потом халиф сказал: «Вставайте, пойдем со мной», — и дал Абу-ль-Хасану две тысячи динаров, которые он поклялся дать тому, кто скажет об умершем раньше, а затем назначил ему по тысяче динаров на каждый месяц.

И Ситт-Зубейда тоже дала своей служанке Наджмат ас-Субх тысячу динаров в награду, и они жили наиприятнейшей и самой сладостной жизнью, пока не пришла к ним Разрушительница наслаждений и Разлучительница собраний — смерть.

СКАЗКА ОБ АБУ КИРЕ И АБУ СИРЕ

Рассказывают также, что жили в городе Искандерии два человека, и один из них был красильщик по имени Абу Кир, а другой — цирюльник по имени Абу Сир. Они были друг другу соседями на рынке, и лавка цирюльника была рядом с лавкой красильщика. А красильщик был плут и лгун, человек очень злой, как будто висок его был высечен из твердой скалы или сделан из порога еврейской молельни. Он не стыдился сделать с людьми позорное дело, и было у него в обычае, когда кто-нибудь давал ему ткань, чтобы выкрасить ее, требовать сначала плату и намекать, что он купит на нее снадобий для окраски. И заказчик давал ему плату вперед, и Абу Кир брал ее и тратил на еду и питье, а затем он продавал эту ткань, которую взял, после того как уходил ее владелец, и тратил плату за нее на еду, питье и прочее, и он ел лишь прекраснейшие из роскошнейших кушаний и пил лишь самое лучшее из того, что прогоняет ум.

А когда приходил к нему владелец ткани, он говорил: «Завтра приходи ко мне до восхода солнца и найдешь свою вещь выкрашенной». И владелец вещи уходил и говорил про себя: «День ото дня близко!» А затем он приходил на другой день, по условию, а Абу Кир говорил ему: «Приходи завтра! Я вчера не работал, так как у меня были гости и я заботился о том, что им было нужно, пока они не ушли.

А завтра, до восхода солнца, приходи и бери твою ткань выкрашенной».

И заказчик уходил и приходил на третий день, а Абу Кир говорил: «Вчера мне было простительно, потому что моя жена ночью и весь день рожала, а я исполнял все дела, но завтра уж непременно приходи, бери твою вещь выкрашенной».

И заказчик приходил, по условию, и Абу Кир являлся с какой-нибудь хитростью и клялся ему. И он все время обещал и клялся, когда заказчик приходил, пока тот не начинал тревожиться и не говорил: «Сколько раз ты будешь мне говорить «завтра»? Давай мою вещь, я не хочу ее красить».

И Абу Кир говорил: «Клянусь Аллахом, о брат мой, мне перед тобой стыдно, но я расскажу тебе правду, и Аллах пусть обидит всех, кто обижает людей».— «Расскажи мне, что случилось»,— говорил заказчик. И Абу Кир отвечал: «Твою вещь я выкрасил в краску, которой нет подобной, и развесил ее на веревке, и ее украли, и я не знаю, кто ее украл».

И если владелец вещи был из людей добрых, он говорил: «Аллах возместит мне»,— а если был из людей злых, то начинал поносить и позорить Абу Кира, но не получал с него ничего, хотя бы даже пожаловался судье.

И Абу Кир не переставал делать такие дела, пока молва о нем не распространилась среди людей. И люди стали предостерегать друг друга от Абу Кира, и о нем складывали поговорки, и все отказались от него. И с ним попадался только тот, кто не знал об его обстоятельствах, и, несмотря на это, Абу Кира непременно каждый день поносили и позорили твари Аллаха великого, и получился по этой причине у него застой в делах.

И он стал приходить в лавку своего соседа, цирюльника Абу Сира и сидел внутри ее, напротив красильни, смотря на ее дверь, и если видел, что кто-нибудь, кто не знает об его обстоятельствах, стоит у дверей красильни с вещью, которую хочет покрасить, то выходил из лавки цирюльника и говорил: «Что тебе нужно, о такой-то?» И пришедший говорил: «Возьми выкраси мне эту вещь»! И Абу Кир спрашивал: «В какой цвет ты хочешь?» — а он, при этих порочных качествах, умел красить во все цвета, но никогда не поступал ни с кем по правде, и несчастье одолевало его,— и затем брал вещь у заказчика и говорил: «Давай плату вперед, а завтра приходи, бери твою вещь».

И заказчик давал ему вознаграждение и уходил; и когда обладатель вещи отправлялся своей дорогой, Абу Кир брал эту вещь, шел на рынок, продавал ее и покупал на вырученные деньги мясо, зелень, табак, плоды и то, что ему было нужно. А если он видел, что у лавки стоит один из тех, кто давал ему свою вещь для окраски, он не появлялся и не показывался ему.

И он провел таким образом несколько лет, и случилось, что в один из дней он взял вещь у человека жестокосердого, и продал ее, и истратил ее стоимость. И владелец ее стал каждый день к нему приходить, но не находил его в лавке, так как, когда Абу Кир видел кого-нибудь, чьи вещи у него были, он убегал от него в лавку цирюльника Абу Сира.

И когда этот жестокосердый человек не нашел Абу Кира в его лавке и это его обессилило, он отправился к кади, и пришел к Абу Киру с посланцем от него, и забил гвоздями дверь лавки в присутствии множества мусульман, и запечатал ее, так как не увидел в ней ничего, кроме разбитых корыт, и не нашел там чего-нибудь, что могло бы заменить ему его вещь. Затем посланец от кади взял ключ и сказал соседям: «Передайте ему, пусть принесет вещь этого человека и придет взять ключ от своей лавки». А потом тот человек и посланец ушли своей дорогой.

И Абу Сир сказал Абу Киру: «Что с тобой за несчастье? Всякого, кто приносит тебе вещь, ты ее лишаешь. Куда девалась вещь этого жестокосердого человека?» — «О сосед, ее у меня украли»,— ответил Абу Кир. И Абу Сир молвил: «Чудеса! Вещи всех, кто тебе их дает, крадет у тебя вор! Разве ты — место сбора всех воров? Но, однако, я думаю, что ты лжешь. Расскажи мне твою историю».— «О сосед,— сказал Абу Кир,— никто у меня ничего не крал».— «А что же ты делаешь с чужим имуществом?» — спросил Абу Сир. И Абу Кир молвил: «Всякую вещь, которую мне дают, я продаю и трачу ее стоимость».— «Дозволено ли это тебе Аллахом?» — сказал Абу Сир. И Абу Кир ответил: «Я делаю это только из бедности, так как мое ремесло неприбыльное, и я бедняк, и у меня ничего нет».

И затем он начал говорить о неприбыльности дела и малости средств, и Абу Сир тоже стал говорить о неприбыльности своего ремесла и сказал: «Я мастер, которому нет равного в этом городе, но у меня никто не бреется, так как я человек бедный. Мне опротивело это ремесло, о брат мой».

И Абу Кир, красильщик, сказал ему: «Мне тоже опротивело мое ремесло из-за неприбыльности, но что же нас заставляет, о брат мой, оставаться в этом городе? Мы с тобой уедем отсюда и посмотрим на чужие страны. Наше ремесло у нас в руках, и на него есть спрос во всех странах, и если мы уедем, мы понюхаем другого воздуху и отдохнем от этой большой заботы».

И Абу Кир до тех пор разукрашивал путешествие Абу Сиру, пока он не захотел уехать, и затем они сговорились, что поедут. И Абу Кир обрадовался, что Абу Сир хочет ехать, и произнес такие слова поэта:

«Покинь свою страну, чтобы успех найти,
Пять несомненных благ ты обретешь в пути:

Заботы и доход, рассеянье и знанье,
И собеседника, с кем время провести.

Пусть говорят тебе, что ждут в пути невзгоды,
Что трудно боль разлук и грусть перенести:

Не забывай, что жизнь средь зависти и злобы
Куда страшней, чем смерть, от коей не уйти»*.

И когда они решили ехать, Абу Кир сказал Абу Сиру: «О сосед, мы стали братьями, и нет между нами различия, и нам следует прочесть фатиху и сговориться о том, что работающий будет зарабатывать и кормить неработающего, а все, что останется, мы будем класть в сундук и, когда вернемся в Искандерию, разделим это по правде и справедливости».

И Абу Сир сказал: «Это так и будет». И прочитал фатиху о том, что работающий будет зарабатывать и кормить безработного. А затем Абу Сир запер свою лавку и отдал ключи ее хозяину, а Абу Кир оставил ключ у посланца кади, и лавка его была запертой и запечатанной, и оба взяли свои пожитки и отправились путешествовать.

Они сели на корабль в соленом море и уехали в этот же день, и досталась им на долю помощь, и, к довершению счастья цирюльника, среди всех, кто был на корабле, не было ни одного брадобрея, а было на нем сто двадцать человек, кроме капитана и матросов.

И когда распустили паруса на корабле, цирюльник встал и сказал красильщику: «О брат мой, это — море, на котором мы должны есть и пить, а у нас только немного пищи. Может быть, кто-нибудь мне скажет: «Пойди сюда, цирюльник, побрей меня». И я побрею его за лепешку, или за полушку серебра, или за глоток воды, и мы с тобой будем этим пользоваться».

И красильщик сказал: «Это не плохо!» — положил голову на доски и заснул. А цирюльник поднялся и, взяв свои принадлежности и чашку, накинул себе на плечо тряпку вместо полотенца, так как он был человек бедный, и стал ходить между путниками.

И кто-то сказал ему: «Пойди сюда, о мастер, побрей меня»; и Абу Сир побрил его, и, когда он побрил этого человека, тот дал ему полушку серебра, и цирюльник сказал: «О брат мой, не нужна мне эта серебряная полушка! Если бы ты дал мне лепешку, она была бы для меня благословеннее в этом море, так как у меня есть товарищ, а пищи у нас мало».

И человек дал ему лепешку и кусок сыру и наполнил ему его чашку пресной водой, и Абу Сир взял это и, придя к Абу Киру, сказал ему: «Бери эту лепешку, и ешь ее с сыром, и пей то, что в чашке». И Абу Кир забрал у него это и стал есть и пить.

А потом Абу Сир, цирюльник, взял свои принадлежности, положил тряпку на плечо и с чашкой в руке стал ходить по кораблю, среди путников. И он побрил человека за пару лепешек и другого — за кусок сыру, и на него появился спрос, и всякого, кто ему говорил: «Побрей меня, мастер», он заставлял дать ему пару лепешек и полушку серебра, — а на корабле не было цирюльника, кроме него. И не настал еще закат, как он собрал тридцать лепешек и тридцать серебряных полушек. И оказался у него сыр, и маслины, и моло́ки в уксусе, и когда он просил что-нибудь, ему давали, так что у него стало всего много.

И Абу Сир побрил капитана и пожаловался ему на недостаток припасов в пути, и капитан сказал ему: «Добро пожаловать! Приводи твоего товарища каждый вечер, и ужинайте у меня. Не обременяйте себя заботой, пока будете ехать с нами».

И Абу Сир вернулся к красильщику и увидел, что тот все спит, и разбудил его, и Абу Кир, проснувшись, увидел подле себя много хлеба, сыра, и маслин, и молоки в уксусе и спросил: «Откуда у тебя это?» И цирюльник ответил: «От щедрот Аллаха великого». И Абу Кир хотел начать есть, но Абу Кир сказал ему: «Не ешь, о брат мой, и оставь это, оно пригодится нам в другое время. Знай, что я брил капитана и пожаловался ему на недостаток припасов, и он сказал: «Простор тебе! Приводи твоего товарища каждый вечер, и ужинайте у меня!» И первый наш ужин у капи-

тана — сегодня вечером».— «У меня кружится голова от моря, и я не могу встать с места,— сказал Абу Кир.— Дай мне поужинать этими вещами и иди к капитану один».— «В этом нет беды»,— сказал Абу Сир. И затем он сел и стал смотреть, как Абу Кир ест, и увидел, что он отламывает куски, как отламывают камни от гор, и глотает их, точно слон, который несколько дней не ел, и пихает в рот кусок, прежде чем проглотит предыдущий, и таращит глаза на то, что перед ним, точно гуль, и пыхтит, словно голодный бык над соломой и бобами.

И вдруг пришел матрос и сказал: «О мастер, капитан говорит тебе: «Веди своего товарища и приходи ужинать»; и Абу Сир спросил Абу Кира: «Ты пойдешь с нами?» И тот ответил: «Я не могу идти!»

И цирюльник пошел один и увидел, что капитан сидит, а перед ним скатерть, на которой двадцать блюд или больше, и он, и его люди ждут цирюльника с его товарищем.

И когда капитан увидел Абу Сира, он спросил: «Где твой товарищ?» И Абу Сир ответил: «О господин, у него кружится голова от моря».— «Не беда,— сказал капитан,— его головокружение пройдет. Иди сюда, ужинай с нами, я тебя ждал». И потом капитан освободил блюдо с кебабом и стал откладывать на него от каждого кушанья, так что оказалось довольно на десятерых. И когда цирюльник поужинал, капитан сказал ему: «Возьми это блюдо с собой для твоего товарища».

И Абу Сир взял блюдо, и принес его Абу Киру, и увидел, что тот перемалывает клыками еду, стоящую перед ним, точно верблюд, и отправляет один кусок вслед другому с поспешностью. «Разве я не говорил тебе: не ешь! — сказал Абу Сир.— Благо капитана изобильно: посмотри, что он тебе послал, когда я рассказал ему, что у тебя кружится голова».— «Давай»,— сказал Абу Кир; и Абу Сир подал ему блюдо, и красильщик взял его и начал жадно есть то, что на нем было, и все другое, словно пес, оскаливший зубы, или сокрушающий лев, или рухх, который бросился на голубя, или человек, едва не умерший с голоду, который увидел еду и начал есть.

И Абу Сир оставил его, и ушел к капитану, и выпил там кофе, а потом он вернулся к Абу Киру и увидел, что тот съел все, что было на блюде, и отбросил его пустым. И тогда он взял блюдо, и передал его одному из слуг капитана, и вернулся к Абу Киру, и проспал до утра. А когда

наступил следующий день, Абу Сир начал брить, и всякий раз, как ему что-нибудь доставалось, он отдавал это Абу Киру, и Абу Кир ел и пил, садясь и вставая только для того, чтобы удовлетворить нужду. И каждый вечер Абу Сир приносил от капитана полное блюдо, и они провели таким образом двадцать дней, пока корабль не стал на якорь в гавани одного города.

И тогда они вышли с корабля, и вошли в этот город, и взяли себе комнату в одном хане, и Абу Сир постлал в ней циновки, и купил все, что им было нужно, и, принеся мясо, сварил его. А Абу Кир спал с тех пор, как вошел в комнату в хане, и не проснулся, пока Абу Сир не разбудил его и не положил перед ним скатерть. И, проснувшись, Абу Кир поел и потом сказал Абу Сиру: «Не взыщи с меня, у меня кружится голова». И опять заснул.

И он провел таким образом сорок дней, и каждый день цирюльник брал свои принадлежности, и ходил по городу, и работал, получая прибыль, а возвратившись, он находил Абу Кира спящим и будил его. И Абу Кир просыпался, и с жадностью принимался за еду, и ел так, как ест тот, кто никогда не насытится и не удовлетворится, а потом снова засыпал. И он провел таким образом еще сорок дней, и всякий раз, как Абу Сир говорил ему: «Сядь отдохни и выйди прогуляться в город — в нем есть всякие развлечения, и блеск, и красота, и нет ему подобного среди городов», Абу Кир, красильщик, говорил ему: «Не взыщи, у меня кружится голова». И Абу Сир, цирюльник, не хотел смущать Абу Кира и заставлять его слушать обидные слова.

Но на сорок первый день цирюльник заболел и не смог выйти, и он нанял привратника хана, и привратник сделал то, что им было нужно, принес им поесть и попить, и Абу Кир так же ел и спал. И цирюльник нанимал привратника хана для исполнения своих нужд четыре дня, а после этого болезнь его так усилилась, что весь мир исчез для него от жестокой болезни. Что же касается Абу Кира, то его сжигал голод, и он поднялся, и стал шарить в одежде Абу Сира, и, увидев, что у него есть немного денег, взял их, и запер Абу Сира в комнате, и ушел, не уведомив никого, а привратник был на рынке и не видел, как он выходил.

Абу Кир пошел на рынок, и оделся в прекрасные одежды, и стал ходить по городу и смотреть, и увидел, что это город, подобного которому не найти среди городов, но все одежды в нем белые и синие — не иные. И он пришел

к одному красильщику и увидел, что все, что есть у него в лавке,— синее, и тогда он вынул носовой платок и сказал: «Эй, мастер, возьми этот носовой платок, выкраси его и получи плату».— «Плата за окраску этого двадцать дирхемов»,— сказал красильщик. И Абу Кир молвил: «Мы красим это в нашей стране за два дирхема».— «Иди крась его в своей стране,— сказал красильщик,— а я не буду его красить меньше чем за двадцать дирхемов. Мы не сбавим эту цену ни на сколько».— «А в какой цвет ты хочешь его выкрасить?» — спросил его Абу Кир. «Я выкрашу его в синий»,— сказал красильщик. «Я хочу, чтобы ты его выкрасил в красный цвет»,— сказал Абу Кир. «Я не знаю красной краски»,— сказал красильщик. «В зеленый»,— сказал Абу Кир. «Я не знаю зеленой краски»,— ответил красильщик. «В желтый»,— сказал Абу Кир. «Я не знаю желтой краски»,— ответил красильщик. И Абу Кир стал перечислять краски, краску за краской, и красильщик сказал ему: «Нас в нашей стране сорок мастеров, и их не бывает ни одним больше, ни одним меньше, и когда кто-нибудь из нас умирает, мы обучаем его сына, а если он не оставил потомства, нас оказывается одним меньше; если же у кого двое сыновей, мы обучаем одного из них, а когда он умрет, обучаем его брата. Наше ремесло твердо установлено, и мы умеем красить не иначе, как в синий цвет».

И Абу Кир, красильщик, сказал ему: «Знай, что я красильщик и умею красить во все цвета. Я хочу, чтобы ты взял меня служить за поденную плату, и я научу тебя красить во все цвета, чтобы ты мог похваляться во всяком цехе красильщиков».— «Мы никогда не допускаем чужестранца войти в наше ремесло»,— сказал красильщик. «А если я открою себе красильню один?» — спросил Абу Кир. «Это никогда не будет возможно»,— ответил красильщик. И Абу Кир оставил его и отправился к другому, и тот сказал ему то же, что и первый, и Абу Кир ходил от красильщика к красильщику, пока не обошел сорок мастеров, но они не принимали его ни в поденщики, ни в мастера. И Абу Кир отправился к старшине красильщиков и рассказал ему об этом, и тот сказал: «Мы не пускаем чужестранца войти в наше ремесло».

И Абу Кира охватил великий гнев, и он пошел жаловаться царю этого города и сказал ему: «О царь времени, я чужестранец, и по ремеслу я красильщик, и случилось у меня с красильщиками то-то и то-то, а я крашу в красный цвет разных оттенков — в цвет розы и грудной ягоды,

и в зеленый цвет разных оттенков — в травянистый, фисташковый, оливковый и в цвет крыла попугая, и в черный цвет разных оттенков — в угольный и в цвет сурьмы, и в желтый цвет разных оттенков — в апельсинный и в лимонный». И он стал называть царю все цвета, а затем сказал: «О царь времени, все красильщики в твоем городе не умеют красить ни в один из этих цветов и знают только синюю краску, и они не приняли меня и не позволили мне быть у них ни мастером, ни поденщиком». И царь ответил: «Ты в этом прав, но я открою тебе красильню и дам капитал, и тебе от них ничего не будет, а всякого, что станет тебе препятствовать, я повешу на дверях его лавки». И затем он отдал приказ строителям и сказал им: «Ступайте с этим мастером и пройдите с ним по городу, и если какое место ему понравится, выгоните оттуда его хозяина, все равно — будет это лавка, хан или что-нибудь другое, и постройте ему красильню так, как он хочет, и что он вам ни прикажет — делайте, не прекословя ему в том, что он скажет».

И потом царь одел Абу Кира в красивую одежду, и дал ему тысячу динаров, и сказал: «Трать их на себя, пока не закончится постройка». Он дал ему также двух невольников, чтобы прислуживать ему, и коня с разукрашенной сбруей, и Абу Кир надел одежду, сел на коня и стал как эмир. И царь отвел ему дом и велел устлать его коврами, и дом устлали, и он поселился в нем.

А на следующий день он выехал и поехал по городу, предшествуемый строителями, и осматривал его, пока ему не понравилось одно место, и тогда он сказал: «Это место хорошее». И хозяина выгнали оттуда, и привели к царю, и тот дал ему плату за его помещение больше того, что его бы удовлетворило, и постройка началась. И Абу Кир говорил строителям: «Стройте так-то и так-то и делайте так-то и так-то!» И ему построили красильню, которой нет равной. И затем он явился к царю и рассказал ему, что постройка красильни закончилась и нужны только деньги на краску, чтобы пустить ее в ход. И царь сказал ему: «Возьми эти четыре тысячи динаров, и сделай их капиталом, и покажи мне плод работы твоей красильни». Абу Кир взял деньги и пошел на рынок, и увидел, что индиго много и что оно ничего не стоит. Он купил все, что ему было нужно из принадлежностей для крашения, а потом царь послал ему пятьсот отрезов ткани, и Абу Кир начал их красить, и выкрасил их в различные цвета, и развесил

перед дверями красильни, и люди, проходя мимо нее, видели удивительную вещь, которой в жизни не видели. И народ толпился около дверей красильни, и все смотрели, и спрашивали Абу Кира, и говорили ему: «О мастер, как называются эти цвета?» И Абу Кир говорил: «Это красный, а это желтый, а это зеленый». И перечислял им названия цветов; и люди стали приносить ему ткани и говорили: «Выкраси нам это так или так и возьми то, что спросишь».

А когда Абу Кир кончил красить ткани царя, он взял их и пошел в диван. И царь, увидав такую окраску, обрадовался и оказал Абу Киру великие милости, и все военные стали приходить к нему с тканями и говорили: «Выкраси нам так-то»,— и Абу Кир красил им по их желанию, и на него сыпалось золото и серебро, и молва о нем распространилась, и его красильню назвали «Красильней султана», и добро шло к нему из всех дверей. И ни один из всех красильщиков не мог с ним заговорить, и они только приходили, целовали ему руки и извинялись перед ним за то, как они с ним поступили, и предлагали ему себя и говорили: «Сделай нас твоими слугами»; но Абу Кир не соглашался принять никого из них. И появились у него рабы и невольницы, и он собрал большие деньги. И вот то, что было с Абу Киром.

Что же касается Абу Сира, то когда Абу Кир запер его в комнате, взяв сначала у него деньги, и ушел, и покинул его больным, исчезнувшим из мира, Абу Сир остался брошенный в этой комнате за запертой дверью и пролежал там три дня.

И привратник хана обратил внимание на дверь этой комнаты и увидел, что она заперта, и он не увидал никого из тех двоих до заката солнца и не узнал о них вестей. И тогда он сказал про себя: «Может быть, они уехали и не отдали платы за комнату, или умерли, или что еще там с ними?» И подошел к дверям комнаты, и увидел, что она заперта, и услыхал стоны цирюльника. Он увидел ключ в деревянном замке, и открыл дверь, и вошел, и, увидав стонавшего цирюльника, сказал ему: «С тобой не будет беды! Где твой товарищ?» — «Клянусь Аллахом,— ответил Абу Сир,— я очнулся от болезни только сегодня и стал звать, но никто не дал мне ответа. Ради Аллаха, о брат мой, посмотри в мешке у меня под головой и возьми из него пять полушек. Купи мне на них чего-нибудь для пропитания, я до крайности голоден». И привратник про-

тянул руку, и взял мешок, и увидел, что он пустой, и сказал цирюльнику: «Мешок пустой, в нем ничего нет». И Абу Сир, цирюльник, понял, что Абу Кир взял то, что там было, и убежал. «Не видел ли ты моего товарища?» — спросил он привратника. И тот сказал: «Я уже три дня его не вижу и думал, что ты с ним уехал».— «Мы не уехали,— сказал цирюльник,— но он позарился на мои гроши, и взял их, и убежал, увидев, что я болен». И потом он стал плакать и рыдать, и привратник хана сказал ему: «Не беда, он найдет свое дело у Аллаха». И привратник хана пошел, и, сварив похлебку, налил Абу Сиру тарелку, и дал ему, и он ухаживал за ним два месяца и содержал его из своего кошелька, пока Абу Сир не пропотел и Аллах не вылечил его от болезни, которая была у него.

И потом Абу Сир встал на ноги и сказал привратнику хана: «Если Аллах великий даст мне возможность, я вознагражу тебя за то благо, которое ты мне сделал, но вознаграждает только Аллах от своей милости».— «Хвала Аллаху за здоровье,— сказал привратник хана.— Я сделал это с тобой, только стремясь угодить Аллаху великодушному». И затем цирюльник вышел из хана и прошел по рынкам, и судьбы привели его на рынок, в котором была красильня Абу Кира. И он увидел ткани, выкрашенные в разные цвета и повешенные в дверях красильни, и людей, которые толпились и глядели на них, и спросил человека из жителей города: «Что это за место и почему, я вижу, люди толпятся?» И спрошенный ответил ему: «Это красильня султана, которую он открыл для одного чужеземца по имени Абу Кир. И всякий раз, как он выкрасит одежду, мы собираемся и смотрим на ее окраску, так как в нашей стране нет красильщиков, которые умеют красить в такие цвета. А у него случилось с красильщиками в нашем городе то, что случилось». И этот человек рассказал Абу Сиру о том, что случилось у Абу Кира с красильщиками, и как он пожаловался на них султану, а тот поддержал его, и построил ему эту красильню, и дал ему столько-то и столько-то денег. И рассказал обо всем, что произошло. И Абу Сир обрадовался и подумал: «Хвала Аллаху, который помог ему, и он стал мастером! Этому человеку простительно: может быть, его отвлекало от тебя ремесло, и он про тебя забыл. Но ты сделал ему милость и оказал ему уважение, когда он был без работы, и, когда он увидит тебя, он тебе обрадуется и окажет тебе уважение за то, что ты оказал ему уважение».

И Абу Сир подошел к дверям красильни и увидел Абу Кира, который сидел на высоком сиденье, над выступом, в дверях красильни, в платье из царских одежд, и перед ним стояли четыре раба и четыре белых невольника, одетые в роскошные одежды, и Абу Сир увидел, что рабочие — десять рабов — стоят и работают, так как Абу Кир, купив их, научил их красильному делу. А сам он сидел среди подушек, словно величайший вазир или славнейший царь, и ничего не делал своей рукой, а только говорил: «Сделайте то-то и то-то». И Абу Сир остановился перед ним, думая, что, когда Абу Кир его увидит, он обрадуется и приветствует его, и окажет ему уважение, и обойдется с ним ласково; но когда глаза встретились с глазами, Абу Кир сказал: «О скверный, сколько раз я тебе говорил: не стой в дверях этой мастерской! Разве ты хочешь опозорить меня среди людей, о разбойник? Хватайте его!» И рабы подбежали к Абу Сиру и схватили его, и Абу Кир встал прямо и, взяв палку, сказал: «Повалите его!» — и когда цирюльника повалили, побил его по спине сотней ударов; а затем Абу Сира перевернули, и он побил его сотней ударов по животу и сказал: «О скверный, о обманщик! Если я увижу после сегодняшнего дня, что ты стоишь у дверей этой красильни, я сейчас же отошлю тебя к царю, и он передаст тебя вали, чтобы тот скинул тебе голову. Иди, да не благословит тебя Аллах!»

И Абу Сир ушел от него с разбитым сердцем из-за побоев и унижений, которые достались ему, и присутствующие спросили Абу Кира, красильщика: «Что сделал этот человек?» И Абу Кир сказал: «Это разбойник, который крадет чужие ткани. Сколько раз он воровал у меня ткани и я говорил в душе: «Аллах простит ему! Это человек бедный». И не хотел его расстраивать, и отдавал людям деньги за их ткани, и мягко удерживал его, но он не воздерживался; и если он вернется еще раз после этого раза, я пошлю его к царю, и он его убьет и избавит людей от его вреда». И люди стали бранить Абу Сира после его ухода.

Вот что было с Абу Киром. Что же касается Абу Сира, то он вернулся в хан и сел, раздумывая о том, что сделал с ним Абу Кир, и сидел до тех пор, пока на нем не остыли побои. А затем он вышел и прошел по рынкам города, и ему пришло в голову сходить в хаммам. И он спросил одного из жителей города: «О брат мой, где дорога в хаммам?» И тот человек спросил его: «А что такое хаммам?» — «Место, где люди моются и снимают с себя грязь,

и это одно из лучших благ здешней жизни»,— ответил Абу Сир. И тот человек молвил: «Вот перед тобой море».— «Мне нужен хаммам»,— сказал Абу Сир. И тот человек сказал: «Мы не знаем, какой бывает хаммам, и мы все ходим к морю. Даже царь, когда хочет помыться, идет к морю».

И когда Абу Сир понял, что в этом городе нет хаммама и люди не знают, что такое хаммам и каков он, он пошел в диван царя и, войдя к нему, поцеловал перед ним землю, пожелал ему блага и сказал: «Я человек из чужой страны, и по ремеслу я банщик. Я вступил в твой город и хотел пойти в хаммам, но не увидел в нем ни одного хаммама. И как может город такого прекрасного вида быть без хаммама, когда хаммам — одно из лучших благ в мире?» — «А что такое будет хаммам?» — спросил царь. И Абу Сир стал описывать ему качества хаммама и сказал: «Твой город станет совершенным только тогда, когда будет в нем хаммам».— «Добро пожаловать!» — воскликнул царь, и одел Абу Сира в одежду, которой нет подобия, и дал ему коня и двух рабов, а затем он пожаловал ему четырех невольниц и двух белых невольников и приготовил ему дом, устланный коврами. Он оказал ему уважение большее, чем красильщику, и послал с ним строителей, и сказал им: «В том месте, где ему понравится, выстройте ему хаммам».

И Абу Сир взял их и пошел с ними на середину города, и когда ему понравилось одно место, он указал на него строителям, и те начали постройку. И Абу Сир указал им, какое это должно быть здание, пока они не построили ему хаммам, которому нет равного, а затем Абу Сир велел разрисовать этот дом, и его разрисовали удивительными рисунками, так что он стал отрадой для смотрящих. И после этого Абу Сир пошел к царю, и рассказал ему об окончании постройки хаммама и его разрисовки, и сказал: «Там не хватает только ковров». И царь дал ему десять тысяч динаров, и Абу Сир взял их, устлал хаммам коврами, и развесил в нем полотенца на веревках, а всякий, кто проходил мимо дверей хаммама, изумлялся, и мысли его смущались при виде рисунков на стенах. И люди толпились около этого дома, подобного которому они не видели в жизни, и глядели на него и говорили: «Что это такое?» И Абу Сир отвечал: «Это хаммам». И люди удивлялись.

А затем Абу Сир нагрел воду и пустил хаммам в ход. Он сделал фонтан в водоеме, который похитил умы всех жителей города, видевших его, и попросил у царя десять

невольников, не достигших зрелости, и царь дал ему десять невольников, подобных лунам, и Абу Сир стал разминать им тело и говорил им: «Делайте с посетителями то же самое». А потом он разжег курения и послал глашатая, который кричал в городе и говорил: «Эй, твари Аллаха, идите в хаммам, он называется «Хаммам султана».

И к Абу Сиру стал приходить народ, и он приказал невольникам мыть людям тело, и люди спускались в водоем и выходили оттуда, а по выходе они садились под портиком, и невольники разминали их, как их научил Абу Сир. И люди входили в хаммам и исполняли там то, что им было нужно, а затем выходили не платя, и так продолжалось три дня, а на четвертый день Абу Сир пригласил царя в хаммам, и царь сел на коня вместе с вельможами правления, и они отправились в хаммам.

И царь разделся и вошел, и Абу Сир вошел тоже и начал тереть царя мочалкой, и он удалял с его тела катышки грязи, точно фитили, и показывал их царю, и царь радовался, и от прикосновения его руки к телу слышался звук из-за его мягкости и чистоты. А вымыв царю тело, Абу Сир прибавил к воде купальни розовой воды, и царь спустился в купальню и вышел оттуда, и его тело увлажнилось, и у него появилась бодрость, которой он всю жизнь не чувствовал, и потом Абу Сир посадил его под портиком, и невольники начали разминать его, и курильницы распространяли запах алоэ. И царь сказал: «О мастер, это и есть хаммам?» И Абу Сир отвечал: «Да». И царь воскликнул: «Клянусь жизнью моей головы, мой город стал городом только с этим хаммамом! Какую плату ты берешь с человека?» — спросил он потом. И Абу Сир сказал: «Сколько ты прикажешь мне дать, столько я и возьму». И царь приказал дать ему тысячу динаров и сказал: «Со всякого, кто у тебя вымоется, бери тысячу динаров».— «Прости, о царь времени,— сказал Абу Сир.— Люди не все одинаковы, напротив — среди них есть богатые и есть бедные, и если бы я брал с каждого тысячу динаров, хаммам перестал бы работать. Ведь бедный не может заплатить тысячу динаров».— «А как же ты сделаешь с платой?» — спросил царь. И Абу Сир сказал: «Я назначу плату по великодушию, и каждый даст мне сколько может и сколько пожалует его душа. Мы будем брать с каждого человека по его состоянию, и, если дело будет таково, народ станет ходить к нам, и кто богат, тот даст мне сообразно своему сану, а кто беден, тот даст столько, сколько пожалует его душа,

и, если останется дело так, хаммам будет действовать и будет он в великом почете. Что же касается тысячи динаров, то это — дар царя, и не всякий может дать столько». И вельможи царства подтвердили его слова и сказали: «Вот это истина, о царь времени! Разве ты считаешь, что все люди подобны тебе, о славный царь?» И царь сказал: «Поистине, ваши слова правильны, но этот человек — чужестранец и бедняк, и нам обязательно надо оказать ему уважение. Ведь он сделал у нас в городе этот хаммам, равного которому мы в жизни не видели, и наш город украсился и приобрел значительность только из-за него. Если мы окажем ему уважение увеличением платы, то это немного».— «Если ты хочешь оказать ему уважение,— сказали вельможи,— то оказывай ему уважение из твоих денег (а уважение от царя бедному — малая плата за хаммам), для того чтобы молились за тебя подданные. Что же касается тысячи динаров, то мы — вельможи твоего царства, но наша душа не соглашается их дать. Как же согласится на это душа бедняков?» — «О вельможи моего царства,— сказал царь,— каждый из вас пусть даст ему в этот раз сто динаров, невольника, невольницу и раба».— «Хорошо, мы дадим ему все это,— сказали вельможи,— но после сегодняшнего дня всякий входящий пусть дает ему лишь то, что пожалует его душа».— «В этом нет беды»,— сказал царь. И вельможи дали Абу Сиру каждый сто динаров, невольницу, невольника и раба, и было число вельмож, которые мылись с царем в этот день, четыреста душ. А количество того, что они дали из динаров, оказалось сорок тысяч, и невольников — четыреста, и рабов — четыреста, и невольниц — четыреста (достаточно с тебя такого дара!), а царь дал Абу Сиру десять тысяч динаров, десять невольников, десять невольниц и десять рабов.

И Абу Сир выступил вперед, и поцеловал перед царем землю, и сказал: «О счастливый царь, обладатель здравого суждения! Какое место вместит меня с этими невольниками, невольницами и рабами?» И царь молвил: «Я приказал это своим вельможам только для того, чтобы мы собрали тебе большое количество денег. Ты ведь, может быть, вспомнишь свою страну и семью, и соскучишься по ней, и захочешь поехать на родину, и окажется, что ты взял из нашей страны основательное количество денег, которое поможет тебе жить в твоей стране».— «О царь времени, да возвеличит тебя Аллах! — сказал Абу Сир.— Эти многочисленные невольники, невольницы и рабы — по

сану царям, и если бы ты велел дать мне наличные деньги, они были бы лучше, чем это войско, потому что люди едят, и пьют, и одеваются, и сколько бы мне ни досталось денег, их не хватит на содержание этих рабов».

И царь засмеялся и воскликнул: «Клянусь Аллахом, ты сказал правду — их оказалось целое войско, и у тебя нет возможности содержать их! Не продашь ли ты мне каждого из них за сто динаров?» — «Я продал их тебе за эту цену»,— сказал Абу Сир. И царь послал за казначеем, чтобы тот принес ему денег, и когда казначей принес их, царь отдал Абу Сиру деньги за всех полностью и до конца, а затем после этого он пожаловал рабов их владельцам и сказал: «Всякий, кто узнает своего раба, невольника и невольницу, пусть берет их. Они — подарок вам от меня». И вельможи исполнили приказание царя, и всякий из них взял то, что ему принадлежало, и Абу Сир сказал: «Да избавит тебя Аллах от зла, о царь времени, как ты избавил меня от этих гулей, которых может насытить только Аллах!» И царь засмеялся его словам и признал, что он прав, а затем он взял вельмож своего царства и ушел из бани во дворец.

И Абу Сир провел эту ночь, считая золото, складывая его в мешки и запечатывая. И у него было двадцать рабов и двадцать невольников, и четыре невольницы для услуг. А когда наступило утро, он открыл хаммам и послал глашатая кричать: «Всякий, кто войдет в хаммам и помоется, пусть даст то, что пожелает его душа и чего требует его великодушие!» И Абу Сир сел около сундука, и на него налетели посетители, и всякий, кто входил, клал в сундук то, что было для него нетрудно положить, и не наступил еще вечер, как сундук наполнился добром Аллаха великого.

А затем царица пожелала войти в хаммам, и, когда это дошло до Абу Сира, он разделил ради нее день на две части и назначил от зари до полудня время мужчин, а от полудня до заката — время женщин. А когда царица пришла, он поставил за сундуком невольницу. И он обучил четырех невольниц банному делу, так что они стали искусными банщицами, и когда царица вошла в хаммам, это ей понравилось, и ее грудь расправилась, и она положила тысячу динаров. И слава Абу Сира распространилась в городе, и всякому, кто входил, он оказывал уважение — все равно, был это богатый или бедный, и благо стало входить к нему из всех дверей. И он свел знакомство с прибли-

женными царя, и появились у него друзья и товарищи, и царь приходил к нему один день в неделю и давал ему тысячу динаров, а остальные дни недели были для вельмож и бедняков, и Абу Сир старался уважать людей и обращался с ними очень ласково.

И случилось в один из дней, что капитан царя вошел к нему в хаммам, и Абу Сир разделся, и вошел с ним, и стал его растирать, и обошелся с ним особенно ласково. И когда капитан вышел из хаммама, Абу Сир приготовил ему питье и кофе, а когда он пожелал дать ему что-нибудь, Абу Сир поклялся, что не возьмет с него ничего, и капитан был ему признателен, так как видел его крайнюю ласку и милость, и чувствовал смущение, не зная, что подарить этому банщику за его почет.

Вот что было с Абу Сиром. Что же касается Абу Кира, то он услышал, что все люди бредят хаммамом и всякий из них говорит: «Этот хаммам — благо земной жизни, без сомнения. Если захочет Аллах, о такой-то, мы пойдем с тобой завтра в этот прекрасный хаммам!» И Абу Кир сказал про себя: «Обязательно пойду, как другие люди, и посмотрю на этот хаммам, который похитил ум у людей». И потом он оделся в самую роскошную, какая у него была, одежду, сел верхом на мула и, взяв с собой четырех рабов и четырех невольников, которые шли сзади него и впереди него, отправился в хаммам. И он спешился в воротах хаммама, и, оказавшись у ворот, почувствовал запах алоэ, и увидел, что люди входят и выходят и все скамейки полны больших и малых. И он вошел в проход, и Абу Сир увидал его и поднялся к нему, радуясь. И красильщик сказал: «Разве таков обычай честных людей? Я открыл себе красильню, и стал мастером города, и познакомился с царем, и живу в счастье и величии, а ты ко мне не приходишь, не спрашиваешь обо мне и не говоришь: «Где мой товарищ?» Я обессилел, разыскивая тебя и посылая рабов и невольников искать тебя по ханам и другим местам, но они не знают к тебе дороги, и никто им о тебе не рассказывает». И Абу Сир сказал ему: «Разве я не приходил к тебе? Но ты ведь объявил меня вором, побил и опозорил среди людей». И Абу Кир огорчился и сказал: «Что это за слова? Разве это тебя я побил?» И Абу Кир стал клясться тысячью клятв, что он его не узнал, и сказал: «Кто-то похожий на тебя приходил и воровал каждый день чужие ткани, и я подумал, что этот человек — ты».

И он стал горевать, ударяя рукой об руку, и восклицал: «Нет мощи и силы, кроме как у Аллаха, высокого, великого! Мы тебя обидели! Но почему ты не дал мне себя узнать и не сказал мне: «Я такой-то»? Это тебе должно быть стыдно, что ты не дал мне себя узнать, тем более что у меня голова кружится от множества дел».— «Да простит тебя Аллах, о мой товарищ! — сказал Абу Сир.— Это была вещь, предопределенная в неведомом, и исправление дела — от Аллаха. Входи, снимай одежду, мойся и наслаждайся».— «Заклинаю тебя Аллахом, извини меня, о брат мой»,— сказал Абу Кир. И Абу Сир молвил: «Аллах пусть снимет с тебя ответственность и простит тебя! Это было предопределено мне от века».— «А откуда у тебя это величие?» — спросил Абу Кир. И Абу Сир ответил: «Тот, кто помог тебе, помог и мне. Я отправился к царю и рассказал ему, что такое хаммам, и он велел его для меня построить».— «Как ты знакомый царя, так и я тоже его знакомый,— сказал Абу Кир,— и если захочет великий Аллах, я сделаю так, что он тебя полюбит и окажет тебе еще большее уважение ради меня. Он не знает, что ты мой товарищ, и я осведомлю его о том, что ты мой товарищ, и поручу тебя его заботам».— «Меня не надо поручать,— ответил Абу Сир.— Аллах, смягчающий сердца, существует, и царь со всеми вельможами полюбил меня и дал мне то-то и то-то». И он рассказал Абу Киру свою историю и затем сказал: «Сними с себя одежду за сундуком и входи в хаммам, и я войду с тобой, чтобы растереть тебя мочалкой». И Абу Кир снял то, что на нем было, и вошел в хаммам, и Абу Сир вошел с ним, и натер его, и намыл, и одел, и занимался им, пока тот не вышел. И когда он вышел, Абу Сир принес ему обед и напитки, и все люди удивлялись великому уважению его к Абу Киру.

И после этого Абу Кир хотел дать ему что-нибудь, но Абу Сир поклялся, что не возьмет с него ничего, и сказал: «Стыдись такого дела — ты ведь мой товарищ, и между нами нет различия». И затем Абу Кир сказал Абу Сиру: «О товарищ, клянусь Аллахом, этот хаммам великолепен, но твоя работа в нем неполная».— «А в чем же ее недостаток?» — спросил Абу Сир. И Абу Кир сказал: «В лекарстве, то есть в тесте из мышьяка и извести, которое с легкостью удаляет волосы. Сделай такое лекарство, и когда царь придет, предложи его ему и научи его, как удалять им волосы. Он полюбит тебя сильной любовью и окажет

тебе уважение».— «Ты прав,— сказал Абу Сир.— Если захочет Аллах, я это сделаю».

И Абу Кир вышел, и, сев на мула, отправился к царю, и вошел к нему, и сказал: «Я тебе искренний советчик, о царь времени».— «А каков твой совет?» — спросил царь. И Абу Кир сказал: «До меня дошел один слух, а именно, что ты построил хаммам».— «Да,— ответил царь,— ко мне пришел один человек, чужеземец, и я открыл для него хаммам, как открыл для тебя красильню. Это хаммам великолепный, и он украсил мой город». И царь стал рассказывать Абу Киру о прелестях хаммама, и Абу Кир спросил его: «А ты туда ходил?» — «Да»,— отвечал царь. И Абу Кир воскликнул: «Хвала Аллаху, который спас тебя от того негодяя, врага веры, то есть банщика!» — «А что с ним такое?» — спросил царь. И Абу Кир молвил: «Знай, о царь времени, если ты войдешь в хаммам после сегодняшнего дня, ты погибнешь».— «Почему?» — спросил царь. «Банщик,— ответил Абу Кир,— твой враг и враг веры. Он побудил тебя устроить этот хаммам только потому, что хотел дать тебе в нем яду. Он приготовил для тебя что-то, и, когда ты войдешь в хаммам, он принесет это тебе и скажет: «Вот лекарство — всякий, кто помажет им себя внизу, с легкостью сбросит оттуда волосы». А это вовсе не лекарство, но великая болезнь и убийственный яд. Этому негодяю обещал султан христиан, если он тебя убьет, освободить его жену и детей из плена, так как его жена и дети в плену у султана христиан. Я был с ним вместе в плену, в их землях, но я открыл красильню и стал им красить ткани в разные цвета, и люди смягчили ко мне сердце царя, и царь спросил: «Чего ты требуешь?» И я потребовал от него освобождения, и он меня освободил, и я пришел в этот город. И я увидел этого человека в хаммаме, и спросил его, и сказал: «Как произошло твое освобождение и освобождение твоей жены и детей?» И он ответил: «Я, и моя жена, и мои дети все еще в плену. Царь христиан собрал диван, и я присутствовал там вместе со всеми, кто присутствовал, и стоял среди прочих людей. И я услышал, как они рассказывали царю разные истории и вспомнили о царе этого города, и царь христиан вздохнул и сказал: «Не победил меня никто в мире, кроме царя такого-то города. Всякому, кто ухитрится его убить, я дам все, что он пожелает». И я подошел к царю и спросил его: «Если я ухитрюсь его убить, освободишь ты меня, мою жену и моих детей?» И царь христиан сказал: «Да, да,

я освобожу вас и дам тебе все, что ты пожелаешь». И мы с ним сговорились об этом. Он послал меня на корабле в этот город, и я пошел к здешнему царю, и царь построил для меня этот хаммам, и мне остается только убить его. И тогда я пойду к царю христиан, выкуплю мою жену и детей и попрошу у него чего-нибудь». И я спросил его: «Какую хитрость ты придумал, чтобы убить его?» И он сказал: «Это хитрость легкая, легче не бывает. Он придет ко мне, в этот хаммам, а я сделаю для него снадобье с ядом, и когда он придет, я скажу ему: «Возьми это лекарство и помажь им себе внизу, от него падают волосы». И он возьмет лекарство и помажет им себя внизу, и яд будет в нем играть один день и одну ночь, пока не распространится до сердца, и тогда он погибнет, и конец». И когда я услышал эти слова, я испугался за тебя, так как твоя милость лежит на мне, и вот я рассказал тебе об этом».

И когда царь услышал эти слова, он разгневался сильным гневом и сказал: «О красильщик, скрывай эту тайну!» А затем он пожелал войти в хаммам, чтобы пресечь сомнение уверенностью.

И когда царь вошел в хаммам, Абу Сир оголился, по своему обычаю, и занялся царем и натер его, а после этого он сказал: «О царь времени, я приготовил лекарство, чтобы удалить нижние волосы». И царь сказал: «Принеси его мне». И Абу Сир принес ему лекарство, и царь почувствовал, что у него противный запах, и уверился в том, что это яд. И он рассердился и закричал приближенным: «Держите его!» И приближенные схватили Абу Сира, а царь вышел, исполненный гневом, и никто не знал, почему он разгневался. И гнев царя был так силен, что он никому ничего не сказал и никто не осмелился его спросить. И потом он оделся, и пошел в диван, и призвал к себе Абу Сира, связанного по рукам, и потребовал капитана, и тот явился. И когда капитан явился, царь сказал ему: «Возьми этого негодяя и положи его в мешок, положи ему туда два кинтара негашеной извести и завяжи мешок с Абу Сиром и известью, а потом положи мешок в лодку и подъезжай к моему дворцу. Ты увидишь, что я сижу у окна, и скажешь мне: «Бросить мне его?» И я скажу: «Бросай!» И когда я тебе это скажу, брось мешок в воду, чтобы известь стала гашеной, и тогда Абу Сир умрет, утонувший и сожженный». И капитан сказал: «Внимание и повиновение!» А затем он увел Абу Сира от царя на остров, находившийся против царского дворца, и сказал ему: «О та-

кой-то, я один раз пришел к тебе в хаммам, и ты оказал мне уважение и сделал все, что было обязательно. Я очень у тебя наслаждался, и ты поклялся, что не возьмешь с меня платы, и я полюбил тебя сильной любовью. Расскажи мне, что у тебя произошло с царем и что ты ему сделал дурного, что он на тебя так рассердился и приказал мне, чтобы ты умер этой скверной смертью?» — «Клянусь Аллахом,— сказал Абу Сир,— я ничего не сделал, и мне неведомо, какой я совершил с ним грех, чтобы заслужить это». И капитан молвил: «Ты занимаешь у царя великое место, которого никто не достиг прежде тебя, а всякий, кто счастлив, внушает зависть. Может быть, кто-нибудь тебе позавидовал за такое счастье и закинул о тебе царю какие-нибудь слова, и царь разгневался на тебя таким гневом. Но добро тебе пожаловать, и с тобой не будет дурного. Как ты оказал мне уважение, хотя между нами не было знакомства, так и я освобожу тебя; но когда я тебя освобожу, ты останешься со мной на этом острове, пока не придет из города корабль в сторону твоей земли, и я отошлю тебя на нем». И Абу Сир поцеловал капитану руку и поблагодарил его за это; и затем капитан принес известку, положил ее в мешок, и положил туда большой камень размером с человека, и сказал: «Полагаюсь на Аллаха!»

И потом капитана дал Абу Сиру сеть и сказал ему: «Закинь эту сеть в море, может, ты поймаешь сколько-нибудь рыбы. Поставка рыбы для кухни царя лежит каждый день на мне, а меня отвлекла от ловли беда, которая тебя поразила. Я боюсь, что придут слуги повара, требуя рыбы, и не найдут ее, и, если ты что-нибудь поймаешь, они найдут это. А я пойду и устрою хитрость под окнами дворца и сделаю вид, что я бросил тебя». И Абу Сир сказал: «Я буду ловить, а ты иди, и Аллах тебе поможет». И капитан положил мешок в лодку и ехал, пока не приехал ко дворцу. И он увидел, что царь сидит у окна, и сказал: «О царь времени, бросать мне его»? И царь сказал: «Бросай!» И сделал рукой знак, и вдруг что-то сверкнуло и упало в море.

И оказалось, что то, что упало в море, это перстень царя. А он был заколдованный, и когда царь на кого-нибудь гневался и хотел его убить, он указывал на него правой рукой, на которой был перстень, из перстня вылетала молния и поражала того, на кого указал царь, и голова его падала с плеч. И войска повиновались царю, и он покорил великанов только благодаря этому перстню. И когда пер-

стень упал с его пальца, царь скрыл это дело и не мог сказать: «Мой перстень упал в море»,— так как боялся, что войска восстанут против него и убьют его, и промолчал.

Вот что было с царем. Что же касается Абу Сира, то после ухода капитана он взял сеть, и закинул ее в море, и потянул сеть, и сеть поднялась полная рыбы, и затем он кинул ее второй раз, и она снова поднялась полная рыбы, и Абу Сир все время бросал сеть, а она поднималась полная рыбы, пока перед ним не оказалась большая куча рыбы. И тогда он сказал про себя: «Клянусь Аллахом, я уже долгое время не ел рыбы!» И выбрал большую жирную рыбу и подумал: «Когда придет капитан, я скажу, чтобы он изжарил мне эту рыбу, и пообедаю». И он стал резать рыбу ножом, который у него был, и нож зацепился за что-то в брюхе рыбы, и Абу Сир увидел, что там находится перстень царя, потому что эта рыба проглотила перстень, и потом судьба пригнала ее к этому острову, и она попала в сеть. И Абу Сир взял перстень и надел его на мизинец, не зная какие у него свойства. И вдруг двое молодцов из слуг повара пришли, чтобы потребовать рыбы, и, подойдя к Абу Сиру, сказали: «О человек, куда ушел капитан?» И Абу Сир сказал: «Не знаю». И сделал знак правой рукой, и вдруг головы слуг упали с плеч, когда Абу Сир указал на них и сказал: «Не знаю». И Абу Сир удивился этому и стал говорить: «Смотри-ка! Кто это убил их?» И это показалось ему тяжким, и он задумался.

И вдруг подошел капитан, и увидел большую кучу рыбы и двух убитых, и увидал на пальце Абу Сира перстень. «О брат мой,— сказал он ему,— не двигай рукой, на которой перстень. Если ты двинешь ею, ты убьешь меня!» И Абу Сир удивился его словам: «Не двигай рукой, на которой перстень. Если ты двинешь ею, ты убьешь меня!» И когда капитан дошел до него и спросил: «Кто убил этих двух слуг»? — Абу Сир сказал: «Клянусь Аллахом, о брат мой, я не знаю».—«Ты сказал правду,— ответил капитан,— но расскажи мне про этот перстень, как он к тебе попал?»—«Я увидел его в брюхе этой рыбы»,— отвечал Абу Сир. И капитан молвил: «Ты сказал правду. Я видел его, как он падал, сверкая, из дворца царя, пока не упал в море, когда царь указал на тебя и сказал мне: «Бросай его!» Когда он сделал мне знак, я бросил мешок, а перстень свалился у него с пальца и упал в море, и эта рыба проглотила его, и Аллах пригнал ее к тебе, и ты ее поймал,— так что это твоя доля. Но знаешь ли ты свойство

этого перстня?» — «Я не знаю у него никакого свойства», — сказал Абу Сир. И капитан молвил: «Знай, что войска нашего царя повинуются ему, только боясь этого перстня, так как он заколдован. И когда царь разгневается на когонибудь и захочет убить, то указывает на него пальцем, и голова падает с плеч. Молния вылетает из этого перстня, и лучи ее достигают прогневавшего, и он тотчас же умирает».

И Абу Сир, услышав эти слова, обрадовался сильной радостью и сказал капитану: «Вороти меня в город». И капитан сказал: «Я ворочу тебя, ибо я больше не боюсь для тебя зла от царя, потому что, если ты укажешь на него рукой и задумаешь его убить, его голова упадет перед тобой, и если бы ты даже захотел убить царя и всех его воинов, ты бы убил их без помехи». И затем капитан посадил Абу Сира в лодку и отправился с ним в город. И когда доехал до города, поднялся в царский дворец, и вошел в диван, и увидел, что царь сидит, и воины перед ним, и царь в великом огорчении из-за перстня, но не может рассказать никому из воинов о пропаже перстня.

И когда царь увидел Абу Сира, он сказал ему: «Разве мы не бросили тебя в море? Как ты сделал, что вышел из него?» И Абу Сир сказал: «О царь времени, когда ты велел меня бросить в море, твой капитан взял меня, и поехал со мной на остров, и спросил о причине твоего гнева на меня, и сказал: «Что ты сделал с царем, что он велел тебя умертвить?» И я ответил: «Клянусь Аллахом, мне неизвестно, чтобы я сделал с ним что-нибудь скверное». И капитан сказал: «Ты имеешь великое место у царя. Может быть, кто-нибудь тебе позавидовал и забросил о тебе царю какиенибудь слова, так что царь на тебя рассердился. Но я приходил в твой хаммам, и ты оказал мне уважение, и за твое уважение ко мне в хаммаме я тебя освобожу и пошлю в твою страну». И затем он положил в лодку вместо меня камень и бросил его в море, но когда ты указал ему насчет меня пальцем, перстень упал с твоей руки в море, и его проглотила рыба. А я был на острове и ловил рыбу, и эта рыба попалась среди прочей рыбы, и я взял ее и хотел изжарить, и, когда я вскрыл ей брюхо, я увидел в нем перстень, и взял его, и надел на палец. И ко мне пришли двое слуг из кухни и потребовали рыбу, и я показал на них пальцем, не зная особенности перстня, и их головы упали; а затем пришел капитан и узнал перстень, который был у меня на пальце, и рассказал мне, что он заколдованный, и я принес его тебе, так как ты оказал мне благодеяние

и почтил меня крайним почетом. Добро, которое ты мне сделал, у меня не пропало. Вот твой перстень — возьми его, и, если я сделал с тобой что-нибудь требующее убиения, скажи мне, в чем мой грех, и убей меня, и будешь свободен от ответственности за мою кровь».

И затем он снял перстень с пальца и подал его царю. И когда царь увидел, какое благодеяние оказал ему Абу Сир, он взял от него перстень и надел его на палец, и душа вернулась к нему. И он поднялся на ноги, и обнял Абу Сира, и сказал: «О человек, ты принадлежишь к избранным сынам дозволенного! Не взыщи же с меня и прости мне то, что я тебе сделал. Если бы кто-нибудь, кроме тебя, овладел зтим перстнем, он бы мне его не отдал».— «О царь времени,— сказал Абу Сир,— если ты хочешь, чтобы я тебя простил, скажи мне, в чем мой грех, который вызвал твой гнев на меня, так что ты приказал меня убить?» И царь воскликнул: «Клянусь Аллахом, я твердо установил, что ты невиновен, и нет на тебе никакого греха, раз ты сделал мне зто благодеяние, но только красильщик сказал мне то-то и то-то». И он рассказал ему, что говорил красильщик. И Абу Сир молвил: «Клянусь Аллахом, о царь времени, я не знаю царя христиан и в жизни не ездил в христианские земли! Мне не приходило на ум убивать тебя, но этот красильщик был моим товарищем и соседом в городе Искандерии, и жизнь там стала нам тесна, и мы выехали оттуда из-за скудости пропитания, и прочли друг другу фатиху о том, что работающий будет кормить безработного, и случилось у меня с красильщиком то-то и то-то». И он рассказал царю все, что случилось у него с Абу Киром, красильщиком: как тот взял его деньги и покинул его больным в его комнате в хане, и как привратник хана тратился на него, когда он был болен, пока не исцелил его Аллах, и как затем он поднялся и стал ходить по городу со своими принадлежностями, как обычно, и по дороге увидел красильню, около которой была лавка, и, посмотрев в двери красильни, увидел Абу Кира, который сидел там на скамье, и вошел к нему, чтобы его приветствовать, и достались ему от него побои и оскорбления, и Абу Кир сказал про него, что он разбойник, и побил его мучительным боем.

И вот Абу Сир рассказал царю обо всем, что с ним случилось, с начала до конца, и затем сказал: «О царь времени, зто он сказал мне: «Сделай лекарство и поднеси его царю. Хаммам совершенен во всем, но только в нем

отсутствует зто лекарство». И знай, о царь времени, что зто лекарство не вредит. Мы его делаем в наших странах, и оно обязательно бывает в хаммаме, но я забыл о нем, и, когда пришел красильщик и я оказал ему почет, он напомнил мне об зтом и сказал: «Сделай лекарство». Пошли, о царь времени, за привратником такого-то хана и рабочими красильни и спроси их всех о том, что я тебе рассказал». И царь послал за привратником хана и за рабочими красильни и, когда они все пришли, спросил их, и они рассказали о случившемся, и тогда царь послал за красильщиком и сказал: «Приведите его босым, с непокрытой головой и с связанными руками».

А красильщик сидел в своем доме, радуясь убиению Абу Сира. И не успел он опомниться, как приближенные царя бросились на него, и удары посыпались ему на затылок, а затем ему скрутили руки и его привели к царю. И он увидел, что Абу Сир сидит рядом с царем, а привратники хана и рабочие красильни стоят перед ним. И привратник хана спросил его: «Не это ли твой товарищ, у которого ты украл деньги и которого ты оставил у меня в комнате больным и сделал с ним то-то и то-то?» А рабочие красильни спросили: «Разве зто не тот, кого ты велел нам схватить и мы его избили?»

И царю стала ясна мерзость Абу Кира и то, что он заслуживает большего, чем пытки Мункара и Накира, и потому он сказал: «Возьмите его и проведите по городу, а потом положите в мешок и бросьте в море!» — «О царь времени,— сказал Абу Сир,— уступи мне его! Я простил ему все, что он мне сделал». — «Если ты его простил за себя, то я не могу его простить за себя,— ответил царь, и затем он закричал и сказал: — Возьмите его!» И Абу Кира взяли и провели по городу, а потом посадили в мешок, и положили туда известку, и бросили мешок в море, и Абу Кир умер, потопленный, сожженный.

«О Абу Сир,— сказал тогда царь,— попроси у меня чего-нибудь — и получишь!» И Абу Сир сказал: «Я прошу тебя отослать меня в мою землю,— у меня не осталось желания жить здесь». И царь дал ему много денег сверх прежних наград и даров, а затем он пожаловал ему корабль, нагруженный всяким добром, а матросами были невольники, и царь подарил их ему тоже, после того как предложил ему сделать его вазиром, но Абу Сир не согласился. А затем он простился с царем и поехал, и все на корабле было его собственностью, даже матросы стали его

невольниками, и ехал он не переставая, пока не достиг земли Искандерии.

И они стали на якорь подле Искандерии и вышли на сушу, и один из невольников Абу Сира увидел мешок у самого берега и сказал: «О господин мой, у берега моря большой тяжелый мешок, и сверху он завязан, и я не знаю, что в нем». И Абу Сир подошел, и развязал мешок, и увидел там Абу Кира, которого море пригнало в сторону Искандерии, и он вынул его, и закопал поблизости от Искандерии, и сделал ему могилу, и назначил деньги на ее содержание, и на дверях гробницы он написал такие стихи:

«По делам узнаем человека средь прочих людей —
Чем свободней душа, тем она н в поступках добрей.

Не корите других, чтоб другие и вас не корили,
Тот, кто ближних позорит, того опозорят сильней.

Коль шутливые речи ведешь нли молвишь во гиеве,
Грубых слов избегай, а тем паче браниться ие смей.

Пса берем себе в дом, потому что он добр и разумеи,
Льва мы в клетке содержим — страшимся мы диких зверей.

Дно морское скрывает века мириады жемчужин,
Мертвечину иа берег выносит волна поскорей.

Лишь по слабости разума, то есть по глупости, станет
Спорить с ястребом, грозиою птицей, простой воробей.

На небесных страиицах начертано: «Добрый получит
За добро лишь добро, зло сторицей получит злодей».

Не пытайся добыть из порея зеленого сахар.
Всяк предмет по источнику: горек зеленый порей!»*

И затем Абу Сир прожил некоторое время, и взял его Аллах к себе, и его похоронили по соседству с могилой его товарища Абу Кира, и поэтому было названо это место Абу Кир и Абу Сир, а теперь оно известно как Абу Кир. И вот то, что дошло до нас из их истории. Да будет же хвала сущему вечно, по воле которого сменяются ночи и дни!

Рассказывают также, что в давние времена у аль-Хасыба, правителя Египта, рос сын, лучше которого не бывало, и от страха за него аль-Хасыб позволял ему выходить только на пятничную молитву. И он проезжал, после окончания пятничной молитвы, мимо одного старого человека, у которого было много книг. И, сойдя со своего коня, мальчик сел подле старца и стал ворочать книги и разглядывать их и увидел в одной из них изображение женщины, лучше которой не было видано на лице земли и которое только лишь не говорило. И эта женщина похитила разум мальчика и ошеломила его ум, и он сказал старцу: «О старец, продай мне это изображение!» И старец поцеловал перед ним землю и сказал: «О господин мой — бесплатно». И юноша дал ему сто динаров и взял книгу, в которой было это изображение. И он стал смотреть на него, и плакал ночью и днем, и отказался от еды, питья и сна, и говорил в душе: «О, если бы я спросил книжника про творца этого изображения — кто он такой? Он, может быть, рассказал мне, и если бы обладательница этого облика была в живых, я бы добрался до нее. А если это простая картинка, я бы оставил увлечение ею и не мучил бы себя вещью, у которой нет истинной сущности».

И когда настал день пятницы, юноша прошел мимо книжника, и тот поднялся перед ним на ноги, и юноша сказал: «О дядюшка, расскажи мне, кто сделал это изображение?» И книжник ответил: «О господин мой, его сделал человек из жителей Багдада по имени Абу-ль-Касим ас-Сандалани, живущий в квартале, называемом аль-Карх, и я не знаю, чье это изображение».

И юноша ушел от него, и не осведомил о своем положении никого из жителей царства, и не совершил пятничную молитву, и вернулся домой, а потом он взял мешок и наполнил его драгоценными камнями и золотом (а цена камней была тридцать тысяч динаров) и, дождавшись утра, вышел, не уведомляя никого. И он настиг караван, и увидел одного бедуина, и сказал ему: «О дядюшка, сколько между мной и Багдадом?» И бедуин ответил: «О дитя мое, где ты, а где Багдад? Между тобой и Багдадом два месяца пути».— «О дядюшка,— сказал мальчик,— если ты доставишь меня в Багдад, я дам тебе сто динаров и коня, который подо мной, и ему цена тысяча динаров».—

«Аллах в том, что мы говорим, поручитель! — воскликнул бедуин.— И ты остановишься этой ночью только у меня!»

И юноша согласился с его словами и переночевал у него, а когда заблистала заря, бедуин взял его и быстро поехал с ним по ближней дороге, желая получить коня, которого обещал ему юноша. И они ехали до тех пор, пока не достигли стен Багдада.

«Хвала Аллаху за благополучие, о господин мой, вот Багдад»,— сказал бедуин. И юноша обрадовался сильной радостью и, сойдя с коня, отдал его бедуину, вместе с сотней динаров, а затем он взял мешок и пошел, спрашивая, где квартал аль-Карх и где место купцов. И судьба привела его к улице, где было десять домов — пять напротив пяти, и в начале улицы были ворота с двумя створами и с серебряным кольцом, а в воротах стояли две мраморные скамьи, устланные наилучшими коврами, и на одной из них сидел человек, почтенный и прекрасный видом и одетый в роскошные одежды, и перед ним стояли пять невольников, подобные луне. И когда юноша увидел это, он узнал приметы, о которых упоминал ему книжник, и приветствовал этого человека, и тот ответил ему на приветствие и сказал: «Добро пожаловать!» И посадил его, и стал спрашивать, каковы его обстоятельства. И юноша сказал: «Я человек иноземный и хочу, чтобы ты по своей милости присмотрел мне на этой улице дом, и я бы жил в нем».

И человек закричал и сказал: «Эй, Газала!» И к нему вышла невольница и сказала: «Я здесь, о господин!» И человек молвил: «Возьми с собой несколько слуг и ступай в такой-то дом. Почистите его, и устелите коврами, и поставьте туда все, что нужно из посуды и прочего для этого юноши, красивого видом».

И девушка вышла и сделала так, как ей приказал этот человек, а старец взял юношу и показал ему дом, и юноша сказал: «О господин, какова плата за этот дом?» — «О ясноликий, я не возьму с тебя платы, пока ты будешь в нем». И юноша поблагодарил его за это.

А затем старец позвал другую невольницу, и вышла девушка, и старец сказал ей: «Подай шахматы». И девушка принесла их, и старец сказал юноше: «Сыграешь ты со мной?» — «Хорошо»,— сказал юноша. И старец сыграл с ним несколько раз, и юноша его обыгрывал. «Ты отличился, о юноша,— сказал старец,— и твои свойства совершенны. Клянусь Аллахом, нет в Багдаде того, кто меня обыгрывает, а ты меня обыграл».

А затем, после того как приготовили дом и положили в нем ковры и все, что нужно, старец отдал юноше ключи и сказал: «О господин, не войдешь ли ты в мой дом и не поешь ли моего хлеба? Ты окажешь мне почет». И юноша согласился на это и пошел со старцем, и, когда они достигли дома, юноша увидел красивый и прекрасный дом, украшенный золотом, и там были всякие изображения, и были в этом доме разные ковры и вещи, для описания которых слаб язык. И старец пожелал юноше долгой жизни и велел принести еду, и принесли столик, сделанный в Сана йеменской, и поставили его, и потом принесли кушанья — диковинные блюда, роскошнее и слаще которых не найти.

И юноша ел, пока не насытился, и затем он вымыл руки и стал разглядывать дом и ковры, а потом он обернулся, ища мешок, который был с ним, и не увидел его и воскликнул: «Нет мощи и силы, кроме как у Аллаха, высокого, великого! Я съел кусочек, стоящий дирхем или два дирхема, и пропал у меня мешок, в котором было тридцать тысяч динаров! Но я прошу помощи у Аллаха». И потом он умолк и не мог говорить. И старец придвинул шахматы и спросил юношу: «Сыграешь ли ты со мной?» И тот сказал: «Да». И стал играть, и старец обыграл его. «Ты отличился»,— сказал юноша и бросил играть и встал, и старец спросил его: «Что с тобой, о юноша?» И юноша сказал: «Я хочу мешок». И тогда старец поднялся, и вынул мешок, и сказал: «Вот он, о господин мой! Не сыграешь ли ты снова со мной?» — «Хорошо»,— сказал юноша.

И старец стал с ним играть, и юноша обыграл его, и тогда тот человек воскликнул: «Когда твои мысли были заняты мешком, я тебя обыграл, но, когда я принес его тебе, ты обыграл меня. О дитя мое,— сказал он ему потом,— расскажи мне, из какой ты страны».— «Из Египта»,— ответил юноша. И старец спросил: «А какова причина твоего прибытия в Багдад?»

И юноша вынул изображение и сказал: «Знай, о дядюшка, что я сын аль-Хасыба, правителя Египта, и я увидел это изображение у одного книжника, и оно похитило мой разум. И я спросил, кто это сделал, и мне сказали: «Его сделал человек в квартале аль-Карх по имени Абу-ль-Касим ас-Сандалани на улице, называемой улица Шафрани». И я взял с собой немного денег и пришел один, и никто не знает, кто я такой. И я хочу, чтобы в довершение твоей милости ты указал мне на того человека, и я бы

спросил его, почему он нарисовал этот образ и чей это образ. И чего бы он ни захотел от меня, я ему дам».— «Клянусь Аллахом, о сын мой,— сказал старец,— это я Абу-ль-Касим ас-Сандалани. И это удивительное дело, как судьба привела тебя ко мне!»

И юноша, услышав слова Абу-ль-Касима, поднялся, и обнял его, и поцеловал ему голову и руки, и воскликнул: «Заклинаю тебя Аллахом, расскажи мне, чей это образ!» И старец ответил: «Слушаю и повинуюсь!» И затем он поднялся, и, открыв чулан, вынул оттуда множество книг, в которых он нарисовал этот образ, и сказал: «Знай, о дитя мое, что обладательница этого образа — дочь моего дяди. Она находится в Басре, и ее отец — правитель Басры, по имени Абу-ль-Лейс, а ее зовут Джамила, и нет на лике земли прекраснее ее. Но она не охоча до мужчин и не может слышать упоминания о мужчине в своих покоях. Я пошел к моему дяде, чтобы он женил меня на ней, и не пожалел для него денег, но он не согласился на это. И когда его дочь об этом узнала, она разгневалась и послала мне разные слова и, между прочим, сказала: «Если у тебя есть разум, не оставайся в этом городе, а иначе ты погибнешь, и грех будет на твоей же шее». Она — жестокосердая из жестокосердых. И я вышел из Басры с разбитым сердцем, и сделал это изображение в книгах, и рассеял их по разным странам, надеясь, что, может быть, изображение попадет в руки юноши, прекрасного лицом, как ты, и он ухитрится проникнуть к ней, и, может быть, она его полюбит. А я возьму с него обещание, что, когда он ею овладеет, он покажет мне ее — хотя бы на один взгляд издали».

И когда Ибрахим ибн аль-Хасыб услышал слова старца, он опустил на некоторое время голову, размышляя, и ас-Сандалани сказал ему: «О дитя мое, я не видел в Багдаде никого лучше тебя и думаю, что, когда девушка тебя увидит, она тебя полюбит. Можешь ли ты, когда ты встретишься с нею и захватишь ее, показать ее мне хотя бы на один взгляд издали?» — «Да»,— сказал юноша. И Абу-ль-Касим молвил: «Если дело обстоит так, оставайся у меня, пока не уедешь».— «Я не могу оставаться на месте,— сказал юноша,— в моем сердце от любви к ней великий огонь».— «Потерпи,— сказал ас-Сандалани.— Я снаряжу тебе в три дня корабль, и ты поедешь на нем в Басру».

И юноша подождал, пока Абу-ль-Касим снарядил ему

корабль и положил на него все, что было нужно из еды, питья и прочего. И через три дня он сказал юноше: «Снаряжайся в путь, я приготовил тебе корабль, в котором все, что тебе нужно, и корабль принадлежит мне, а матросы — мои слуги, и на корабле всего столько, что тебе хватит, пока ты не вернешься. И я приказал матросам прислуживать тебе, пока ты благополучно не воротишься».

И юноша поднялся, и пошел на корабль, и, простившись с Абу-ль-Касимом, ехал, пока не достиг Басры. И тогда он вынул сто динаров для матросов, но они сказали ему: «Мы получили плату от нашего господина».— «Возьмите это в награду, и я не скажу ему»,— сказал юноша. И матросы взяли у него деньги и пожелали ему блага.

А затем юноша вступил в Басру и спросил, где место жительства купцов, и ему сказали: «В хане, называемом хан Хамдана». И юноша шел, пока не дошел до базара, в котором был этот хан, и все глаза повернулись к нему, смотря на него из-за его великой красоты и прелести. И юноша вошел в хан с одним из матросов и спросил, где привратник, и, когда ему указали, где он, юноша увидел, что это старый, почтенный шейх. И Ибрахим приветствовал его, и привратник ответил ему на приветствие, и юноша спросил: «О дядюшка, есть ли у тебя красивая комната?» — «Да»,— ответил привратник, и, взяв юношу и матроса, отпер для них красивую комнату, украшенную золотом, и сказал: «О юноша, эта комната подойдет для тебя». И юноша вынул два динара и сказал: «Возьми их в уплату за ключ». И привратник взял их и пожелал ему блага, и юноша приказал матросу идти на корабль и вошел в комнату. И привратник хана остался у него, и стал ему прислуживать, и сказал: «О господин мой, досталась нам из-за тебя радость». И юноша дал ему динар и сказал: «Принеси мне на этот динар хлеба, мяса, сладостей и вина». И привратник взял динар, сходил на базар и вернулся, и он купил все это на десять дирхемов и отдал юноше остаток. «Трать это на себя»,— сказал юноша. И привратник хана несказанно обрадовался, а затем юноша съел из того, что он потребовал, одну лепешку и немного приправы и сказал привратнику хана: «Возьми это для тех, кто у тебя в доме». И привратник взял припасы, и ушел к своим домочадцам, и сказал им: «Я не думаю, чтобы кто-нибудь на лике земли был великодушнее этого юноши,

который поселился у нас сегодня, или приятнее его. Если он у нас останется, к нам придет богатство».

И затем привратник хана вошел к Ибрахиму, и увидел, что он плачет, и сел, и принялся растирать ему ноги, и поцеловал их, и сказал: «О господин мой, почему ты плачешь, да не заставит тебя Аллах плакать?» — «О дядюшка,— сказал Ибрахим,— я хочу выпить с тобой сегодня вечером». — «Слушаю и повинуюсь!» — сказал привратник. И тогда Ибрахим вынул пять динаров и сказал: «Купи нам на это плодов и вина». А затем он дал привратнику еще пять динаров и сказал: «Купи нам на это сухих плодов и цветов и пять жирных кур и принеси мне лютню».

И привратник вышел и купил то, что он приказал, и сказал своей жене: «Приготовь кушанье и процеди нам вино, и пусть то, что ты сделаешь, будет отлично, так как этот юноша осыпал нас благодеяниями». И жена привратника сделала то, что он ей велел, хорошо до предела желаний, и привратник взял кушанье и пошел к Ибрахиму, сыну султана, и они стали есть, пить и веселиться. И юноша заплакал и произнес такие стихи:

«Когда бы можно было все, что приобрел я и скопил,
Всю жизнь мою и целый мир, который без нее не мил,

Сад райский присовокупив, где наслажденью нет конца,
За час в объятиях отдать, я это счастье бы купил».

И затем он вскрикнул великим криком и упал, покрытый беспамятством, и привратник хана вздохнул, и когда юноша очнулся, привратник хана спросил его: «О господин мой, отчего ты плачешь и кто та, на кого ты указываешь этими стихами? Она будет только прахом под твоими ногами». И юноша встал и, вынув узел с лучшими женскими платьями, сказал привратнику: «Возьми это для твоей жены». И привратник взял от него узел и отдал его своей жене, и она пришла с ним, и вошла к юноше, и вдруг видит — он плачет. И она сказала ему: «Ты растерзал нам печень! Осведоми нас, какую красавицу ты хочешь, и она будет у тебя только невольницей». — «О тетушка,— сказал Ибрахим,— знай, что я сын аль-Хасыба, повелителя Египта, и я полюбил Джамилу, дочь аль-Лейса, начальника». И жена привратника хана воскликнула: «Аллах, Аллах, о брат мой, оставь эти слова, чтобы не услыхал нас никто и мы бы не погибли! Нет на лике земли более

жестокосердой, чем она, и никто не может назвать при ней имени мужчины, ибо у нее нет охоты до мужчин. О дитя мое, обратись от нее к другой».

И Ибрахим, услышав эти слова, горько заплакал, и привратник хана сказал ему: «Нет у меня ничего, кроме моей души, и я подвергну ее опасности из любви к тебе и придумаю для тебя дело, в котором будет достижение желаемого».

И потом привратник с женой вышли от него, и, когда наступило утро, Ибрахим сходил в баню и надел одежду из платьев царей, и вдруг привратник хана со своей женой пришли к нему и сказали: «О господин, знай, что здесь есть один человек, портной, горбатый, и он — портной госпожи Джамилы. Пойди к нему и расскажи ему о своем состоянии,— может быть, он укажет тебе на то, в чем будет достижение твоих желаний».

И юноша поднялся и отправился в лавку горбатого портного, и, войдя к нему, он увидел у него десять невольников, подобных лунам, и приветствовал их, и они ответили ему на приветствие, и обрадовались ему, и посадили его, смущенные его прелестями и красотой.

И когда горбун увидел Ибрахима, его разум был ошеломлен красотой его облика, и юноша сказал ему: «Хочу, чтобы ты зашил мне карман».

И портной подошел и, взяв шелковую нитку, зашил карман (а юноша порвал карман нарочно). И когда портной зашил его, Ибрахим вынул пять динаров, отдал их портному и ушел в свое помещение. И портной сказал себе: «Что я сделал этому юноше, чтобы он дал мне эти пять динаров?» И он провел ночь, раздумывая о его красоте и щедрости. А когда наступило утро, Ибрахим направился в лавку горбатого портного и, войдя к нему, приветствовал его, и портной ответил ему на приветствие, и оказал ему уважение, и воскликнул: «Добро пожаловать!» И юноша сел и сказал горбуну: «О дядюшка, зашей мне карман — он еще раз распоролся». И портной ответил: «О дитя мое, с любовью и уважением»,— и подошел, и зашил карман. И Ибрахим дал ему десять динаров, и горбун взял их. и он был ошеломлен его красотой и щедростью.

«Клянусь Аллахом, о юноша,— сказал он,— этому твоему поступку должна быть причина; и дело тут не в том, чтобы зашить карман. Расскажи же мне истину о твоем деле, и если ты влюбился в одного из этих мальчиков, то, клянусь Аллахом, среди них нет ни одного луч-

ше, чем ты. Все они — прах под твоими ногами, и вот они, твои рабы, перед тобой. А если зто не так, то расскажи мне».— «О дядюшка,— сказал Ибрахим,— здесь не место разговаривать, ибо мой рассказ удивителен и мое дело диковинно».— «Если дело обстоит так,— сказал портной,— пойдем со мной в уединенное место».

И затем портной встал и, взяв Ибрахима за руку, вошел с ним в комнату внутри лавки, и сказал ему: «О юноша, рассказывай!» И Ибрахим рассказал ему о своем деле. «О юноша,— сказал он,— побойся Аллаха и пожалей себя! Та, о которой ты упомянул,— жестокосердая, и у нее нет охоты до мужчин, береги же, о брат мой, свой язык, а иначе ты себя погубишь».

И когда юноша услышал зти слова, он горько заплакал и, схватившись за подол портного, воскликнул: «Защити меня, о дядюшка, я погибаю! Я оставил свое царство и царство своего отца и деда и пошел по странам одиноким чужеземцем, и нет мне терпения без нее». И портной, увидев, что постигло юношу, пожалел его и сказал: «О дитя мое, нет у меня ничего, кроме моей жизни, и я подвергну ее опасности из любви к тебе, ибо ты поранил мое сердце. Завтра я придумаю для тебя дело, от которого твое сердце успокоится».

И Ибрахим поблагодарил его и ушел в хан. Он рассказал привратнику хана о том, что сказал ему горбун, и привратник молвил: «Он совершил с тобой благо».

И когда наступило утро, юноша надел свою самую роскошную одежду, и, взяв с собой мешок с динарами, пришел к горбуну, и поздоровался с ним, и сел, и сказал: «О дядюшка, исполни обещание».— «Поднимайся сейчас же,— сказал портной,— возьми три жирных курицы, три унции сахара и два маленьких кувшина, наполни их вином и захвати кубок и положи все это в мешок. Садись после утренней молитвы в лодку с одним гребцом и скажи ему: «Я хочу, чтобы ты отвез меня под Басру». И если он тебе скажет: «Я не могу проехать больше, чем фарсах»,— скажи ему: «Решение принадлежит тебе». И когда он проедет зто расстояние, соблазняй его деньгами, пока он не доставит тебя до места, и когда ты достигнешь его, то первый сад, который ты увидишь, будет сад госпожи Джамилы. И когда ты увидишь зто, подойди к воротам — ты увидишь две высокие ступеньки, покрытые ковром из парчи, и на них будет сидеть человек, горбатый, как я. Пожалуйся ему на свое положение и попроси его о помощи — быть может,

он над тобой сжалится и приведет к тому, что ты увидишь ее, хотя бы один раз издали. Нет у меня в руках хитрости, кроме этой, и если он над тобой не сжалится, погибну и я и ты. Вот какой есть у меня план, и власть принадлежит Аллаху великому».— «Прибегаю к помощи Аллаха, что захочет Аллах, то и будет, и нет мощи и силы, кроме как у Аллаха!» — воскликнул юноша, и вышел от горбатого портного, и пошел в свое помещение. Он взял то, что приказал ему портной, и положил в маленький мешок, а затем, наутро, он пришел к берегу Тигра и вдруг увидел гребца, который спал. И он разбудил его, и дал ему десять динаров, и сказал: «Свези меня под Басру». И гребец молвил: «О господин мой, с условием, что я не проеду больше одного фарсаха, если я проеду на пядь дальше, погибну и я и ты».— «Решение принадлежит тебе»,— сказал Ибрахим. И гребец взял его и поплыл с ним вниз, и, приблизившись к саду, он сказал: «О дитя мое, отсюда я не могу плыть дальше, и если я перейду этот предел, погибну и я и ты».

И Ибрахим вынул другие десять динаров и сказал: «Возьми эти деньги, чтобы помочь этим себе в своем положении». И гребец устыдился и сказал: «Вручаю наше дело Аллаху великому!» И поплыл с ним вниз. И когда он достиг сада, юноша встал на ноги от радости и, прыгнув из лодки прыжком, величиной с бросок копья, бросился на берег, а гребец быстро поплыл обратно. И юноша пошел вперед и увидел сад и все, как описал ему горбун. Он увидел, что ворота его открыты и в проходе стоит ложе из слоновой кости, на котором сидит горбатый человек приятного вида, в одежде, украшенной золотом, и в руке у него серебряная позолоченная дубинка. И юноша торопливо подошел к нему и, склонившись к его рукам, поцеловал их, и горбун спросил его: «Кто ты, откуда ты пришел и кто доставил тебя сюда, о дитя мое?» (А этот человек, увидав Ибрахима ибн аль-Хасыба, был ослеплен его красотой.) И Ибрахим сказал ему: «О дядюшка, я — глупый ребенок из чужой страны»,— и заплакал. И горбун пожалел его, и, посадив его на ложе, вытер ему слезы, и сказал: «С тобой не будет беды! Если ты задолжал, Аллах покроет твой долг, если ты боишься — Аллах успокоит твой страх».— «О дядюшка,— сказал Ибрахим,— нет у меня страха и нет за мной долга, со мной много денег во славу Аллаха и с его помощью».— «О дитя мое,— сказал горбун,— в чем твоя нужда, из-за которой ты подверг

опасности свою душу и свою красоту и пришел в то место, где гибель?»

И юноша рассказал ему свою историю и изложил ему свое дело, и когда горбун услышал его слова, он опустил на некоторое время голову к земле и спросил: «Тот, кто указал тебе на меня, горбатый портной?» — «Да», — ответил Ибрахим. И горбун сказал: «Это мой брат, и он человек благословенный. О дитя мое, — сказал он потом, — если бы любовь к тебе не сошла в мое сердце и я бы тебя не пожалел, ты бы погиб — и ты, и мой брат, и привратник хана, и его жена. Знай, — продолжал он, — что этому саду нет на лике земли подобного, и он называется Садом Жемчужины. В него не входил никто за время моей жизни, кроме султана, меня самого и его владелицы Джамилы, и я провел в нем двадцать лет и не видел, чтобы кто-нибудь приходил в это место. Каждые сорок дней госпожа приезжает сюда на лодке и выходит среди своих невольниц в шелковом покрывале, концы которого десять невольниц несут на золотых крючках, пока она не войдет, так что я никогда не видел ее облика. У меня есть только одна душа, и я подвергну ее опасности ради тебя». И юноша поцеловал ему руку, и горбун сказал: «Посиди у меня, пока я не придумаю для тебя чего-нибудь». И затем он взял юношу за руку и ввел его в сад, и когда Ибрахим увидел этот сад, он подумал, что это рай, и он увидел, что деревья в нем сплетаются, и пальмы высоки, и воды обильны, и птицы перекликаются в нем на разные голоса. А затем горбун подошел с ним к домику с куполом и сказал ему: «Вот где сидит госпожа Джамила».

И юноша посмотрел на домик и увидел, что это удивительное место увеселения, и в нем всякие изображения, нарисованные золотом и лазурью, и еще есть в нем четыре двери, к которым подымаются по пяти ступенькам. И впереди домика — водоем, к которому спускаются по золотым ступенькам, и эти ступеньки украшены дорогими металлами, а посреди водоема — золотой фонтан с фигурками, большими и маленькими, и вода выходит изо рта этих фигурок, и она шумит, издавая разные звуки, и слушающему кажется, что он в раю. И около домика водяное колесо с серебряными горшками, и оно покрыто парчой, и слева от него окно с серебряной решеткой, выходящей на зеленый луг, где резвятся всякие звери, газели, зайцы, а справа — окно, выходящее на площадку, где всевоз-

можные птицы, и все они щебечут на разные голоса, ошеломляющие того, кто их слышит.

И когда юноша увидел это, его охватил восторг, и он сел в воротах сада, а садовник сел с ним рядом и сказал: «Как ты находишь мой сад?» — «Это рай на земле»,— сказал юноша. И садовник засмеялся, и затем он встал, и скрылся на некоторое время, и вернулся, неся поднос, на котором были жирные куры, прекрасная снедь и сахарные сласти. Он поставил поднос перед юношей и сказал: «Ешь, пока не насытишься».

«И я ел,— говорил Ибрахим,— пока не наелся вдоволь, и когда садовник увидел, что он поел, он обрадовался и сказал: «Клянусь Аллахом, таковы дела царей и царских сыновей! О Ибрахим,— сказал он потом,— что у тебя в этом мешке?» И я развязал перед ним мешок, и садовник сказал: «Носи его с собой, он будет тебе полезен, когда явится госпожа Джамила, когда она приедет, я не смогу принести тебе чего-нибудь поесть».

И он встал, и взял меня за руку, и привел в одно место, напротив домика Джамилы, и сделал там беседку среди деревьев, и сказал: «Залезай сюда. Когда она приедет, ты увидишь ее, а она тебя не увидит, и это самая большая хитрость, какая у меня есть, и полагаться следует на Аллаха. Когда она начнет петь, пой под ее пенье, а когда она уйдет, возвращайся благополучно туда, откуда пришел, если захочет Аллах».

И юноша поблагодарил садовника и хотел поцеловать ему руку, но садовник не дал ему. А затем юноша положил мешок в беседку, которую садовник ему сделал, и садовник сказал: «О Ибрахим, гуляй в саду и ешь в нем плоды, срок прихода твоей госпожи — завтра».

И Ибрахим стал гулять в саду и есть в нем плоды, и он провел ночь у садовника, а когда наступило утро, и засияло светом, и заблистало, Ибрахим совершил утреннюю молитву, и вдруг садовник пришел к нему с пожелтевшим лицом и сказал: «Вставай, о дитя мое, и лезь в беседку — невольницы пришли, чтобы убирать то место, и она придет после них. Берегись плюнуть, высморкаться или чихнуть,— мы тогда погибнем, и я и ты». И юноша встал и залез в беседку, и садовник ушел, говоря: «Да наделит тебя Аллах благополучием, о дитя мое». И когда юноша сидел, вдруг пришли пять невольниц, подобных которым никто не видел, и вошли в домик, и, сняв с себя одежду, вымыли и опрыскали его розовой водой, и потом они за-

жгли куренья из алоэ и амбры и разостлали парчу. А после них пришли пятьдесят невольниц с музыкальными инструментами, и Джамила шла среди них под красным парчовым навесом, и невольницы приподнимали полы навеса золотыми крючками, пока она не вошла в домик, и юноша не увидел даже ее облика и одежды.

«Клянусь Аллахом,— сказал он про себя,— пропал весь мой труд! Но я непременно подожду и увижу, каково будет дело». И невольницы принесли еду и питье и поели, а потом они поставили Джамиле скамеечку, и она села на нее, а все невольницы ударили в музыкальные инструменты и запели волнующими голосами, которым нет подобных. И затем выступила старуха управительница и стала хлопать в ладоши и плясать, и невольницы оттащили ее, и вдруг занавеска приподнялась, и вышла Джамила, смеясь. И Ибрахим увидел ее, и на ней были украшения и одежды, и на голове ее был венец, украшенный жемчугом и драгоценными камнями, и на шее — жемчужное ожерелье, а ее стан охватывал пояс из топазовых прутьев, и шнурки на нем были из яхонта и жемчуга. И невольницы встали и поцеловали перед ней землю, а она все смеялась.

«И когда я увидел ее,— говорил Ибрахим ибн аль-Хасыб,— я исчез из мира, и мой ум был ошеломлен, и мысли у меня смешались, так меня ослепила ее красота, которой не было на земле подобия. И я упал, покрытый беспамятством, а потом очнулся с плачущими глазами и произнес такие стихи:

«Боюсь моргнуть, боюсь, что сгинет вмиг
Твой несравненный, твой прекрасный лик;

Всех взоров мало, чтобы красоту
Влюбленный окончательно постиг».

И старуха сказала невольницам: «Пусть десять из вас встанут, попляшут и споют». И Ибрахим, увидев их, сказал про себя: «Я желал бы, чтобы поплясала госпожа Джамила».

И когда окончилась пляска десяти невольниц, они подошли к Джамиле, окружили ее и сказали: «О госпожа, мы хотим, чтобы ты поплясала в этом месте и довершила бы этим нашу радость, так как мы не видели дня, приятнее этого». И Ибрагим ибн аль-Хасыб сказал про себя: «Нет сомнения — открылись врата неба, и внял Аллах моей

молитве!» А невольницы целовали ноги Джамилы и говорили ей: «Клянемся Аллахом, мы не видели, чтобы твоя грудь расправилась так, как в сегодняшний день». И они до тех пор соблазняли ее, пока она не сняла верхнюю одежду и не осталась в рубахе из золотой ткани, расшитой всевозможными драгоценными камнями, и она показала груди, подобные гранатам, и открыла лицо, подобное луне в ночь полнолуния.

И Ибрахим увидел движения, каких не видал всю свою жизнь, и Джамила показала в своей пляске диковинный способ и удивительные новшества, словно плясали пузырьки воздуха в чаше при смешении вина с водой, извиваясь, словно изгибы ткани чалмы. И она была такова, как сказал о ней поэт:

Ее красота безупречно стройна,
Как будто с луной сочеталась луна.

И, кажется, будто ее красота
Из цельной жемчужины сотворена.

Или, как сказал другой:

Плясунья — трепетная ива; она пускается в полет,
Мой дух она с собой уносит, как будто ей неведом гнет.

Хотела бы остановиться, чтобы немного отдохнуть,
Однако это невозможно: мой пыл ей пятки больно жжет.

«И когда я смотрел на нее,— говорил Ибрахим,— ее взгляд вдруг упал на меня, и она меня увидела, и когда она на меня взглянула, лицо ее изменилось, и она сказала невольницам: «Пойте, пока я не приду к вам»,— и затем направилась к ножу, величиной в пол-локтя, и, взяв его, пошла в мою сторону. И потом она воскликнула: «Нет мощи и силы, кроме как у Аллаха, высокого, великого!» И когда она подошла ко мне, я едва не потерял сознание. И, увидев меня и столкнувшись со мной лицом к лицу, Джамила выронила из руки нож и воскликнула: «Хвала тому, кто заставляет биться сердца!» И затем она сказала: «О юноша, успокой свою душу! Ты в безопасности от того, чего боишься». И я начал плакать, а она вытирала мне слезы рукой и говорила: «О юноша, расскажи мне, кто ты и что привело тебя в это место». И я поцеловал ей руку и схватился за ее подол, и она сказала: «Нет над тобой беды! Клянусь Аллахом, мои глаза не желают видеть никого, кроме тебя. Скажи мне, кто ты».

«И я рассказал ей свою историю от начала до конца,— говорил Ибрахим, и она удивилась и сказала: «О господин мой, заклинаю тебя Аллахом, скажи мне, не Ибрахим ли ты, сын аль-Хасыба?» И я ответил: «Да». И она припала ко мне и сказала: «О господин мой, это ты сделал меня не охочей до мужчин. Когда я услышала, что в Каире есть юноша, красивей которого нет на всей земле, я полюбила тебя по описанию, и к моему сердцу привязалась любовь к тебе из-за того, что до меня дошло о твоей ослепительной красоте, и я стала с тобой такова, как сказал поэт:

Слух носится без передышки,
Чтобы влюблялись понаслышке.

Да будет же хвала Аллаху, который показал мне твое лицо. Клянусь Аллахом, если бы это был кто-нибудь другой, я распяла бы садовника, и привратника хана, и портного, и всех, кто с ними связан».

И затем она сказала мне: «Как бы мне ухитриться, чтобы ты что-нибудь поел без ведома невольниц?» И я сказал ей: «Со мною то, что мы будем есть и пить». И я развязал перед ней мешок, и она взяла курицу и стала класть куски мне в рот, и я тоже клал ей куски в рот, и, когда я увидел, что она это делает, мне показалось, что это сон. И затем я поставил вино, и мы стали пить, и при всем этом она была подле меня, а невольницы пели. И мы делали так с утра до полудня, а затем она поднялась и сказала: «Поднимайся теперь, и приготовь себе корабль, и жди меня в таком-то месте, пока я к тебе не приду. У меня истощилось терпение переносить разлуку с тобой».— «О госпожа,— ответил я ей,— у меня есть корабль, и он — моя собственность, и матросы наняты мной, и они меня ожидают».— «Это и есть то, чего я хочу»,— сказала Джамила.

И затем она пошла к невольницам и сказала им: «Поднимайтесь, мы пойдем во дворец». И они спросили: «Как же мы уйдем сейчас — ведь у нас обычай проводить здесь три дня?» — «Я чувствую на душе великую тяжесть, как будто я больна, и боюсь, что это будет для меня тягостно»,— отвечала Джамила. И невольницы сказали: «Слушаем и повинуемся!» И надели свои одежды, а потом они пошли к берегу и сели в лодку. И садовник подошел к Ибрахиму (а он не знал о том, что с ним случилось) и сказал: «О Ибрахим, нет тебе удачи в том, чтобы насладиться ее видом. Она обычно остается здесь три дня, и

я боюсь, что она тебя увидела».— «Она меня не видела, и я не видел ее — она не выходила из домика»,— сказал Ибрахим. «Твоя правда, о дитя мое,— сказал садовник.— Если бы она тебя увидела, мы бы, наверное, погибли. Но побудь у меня, пока она не придет на следующей неделе, ты ее увидишь и насмотришься на нее досыта.— «О господин мой,— сказал Ибрахим,— у меня есть деньги, и я за них боюсь. Со мной люди, и я боюсь, что они найдут мое отсутствие слишком долгим».— «О дитя мое,— сказал садовник,— мне тяжело с тобой расстаться!»

И он обнял его и простился с ним, и Ибрахим отправился в хан, в котором он стоял, и встретился с привратником хана, и взял свои деньги. И привратник хана спросил его: «Добрые вести, если хочет того Аллах?» И Ибрахим ответил ему: «Я не нашел пути к тому, что мне нужно, и хочу возвратиться к моим родным». И привратник хана заплакал, и простился с ним, и понес его вещи, и довел его до корабля, и потом Ибрахим направился к тому месту, о котором ему говорила Джамила, и стал ее там ждать.

И когда опустилась ночь, девушка вдруг подошла к нему в облике мужественного человека с круглой бородой, и ее стан был перехвачен поясом, и в одной руке у нее был лук и стрелы, а в другой — обнаженный меч. «Ты ли сын аль-Хасыба, правителя Египта?» — спросила она. И Ибрахим ответил: «Это я». И она воскликнула: «Какой же ты негодяй, что пришел портить царских дочерей! Иди поговори с султаном!»

«И я упал, покрытый беспамятством,— говорил Ибрахим,— а матросы — те умерли в своей коже от страха. И когда девушка увидела, что меня постигло, она сняла с себя эту бороду, бросила меч и развязала пояс, и я увидел, что это госпожа Джамила, и сказал ей: «Клянусь Аллахом, ты разбила мне сердце!» И затем я сказал матросам: «Ускорьте ход корабля!» И они распустили паруса и ускорили ход, и прошло лишь немного дней, и мы достигли Багдада. И вдруг я увидел, что у берега стоял корабль. И когда матросы, которые были там, увидели нас, они закричали матросам, бывшим с нами: «О такой-то и такой-то, поздравляем вас с благополучием!» И они направили свой корабль к нашему кораблю, и мы посмотрели, и вдруг видим — в нем Абу-ль-Касим ас-Сандалани! И, увидев нас, он воскликнул: «Это то, чего я хотел. Идите под охраной Аллаха, а я хочу отправиться по одному делу». А перед ним свечка, и он сказал мне: «Хвала Аллаху

за благополучие! Исполнил ли ты свое дело?» И я ответил: «Да». И ас-Сандалани приблизил к нам свечку, и, когда Джамила увидела его, ее состояние изменилось, и цвет ее лица пожелтел, а ас-Сандалани, увидев ее, воскликнул: «Идите в безопасности, хранимые Аллахом, а я пойду в Басру по делу султана. Но подарок следует тому, кто пришел».

И он велел принести коробку с халвой и бросил ее на корабль (а в халве был бандж), и Ибрахим сказал: «О услада моих очей, поешь этого!» И Джамила заплакала и спросила: «О Ибрахим, знаешь ли ты, кто это?» — «Да, это такой-то»,— сказал я. И Джамила молвила: «Это сын моего дяди, и он раньше сватал меня у моего отца, но я не согласилась на него, и он отправляется в Басру и, может быть, осведомит моего отца о нас».— «О госпожа,— ответил я,— он не достигнет Басры, пока мы не достигнем Мосула. И мы не знали, что скрыто для нас в неведомом». И я съел немного халвы, и не успела она опуститься мне во внутренности, как я ударился головой об землю. А когда наступило время рассвета, я чихнул, и бандж выпал у меня из ноздрей, и я открыл глаза и увидел, что я голый и брошен в пустынном месте. И я стал бить себя по лицу и сказал себе: «Поистине, это хитрость, которую сделал со мной ас-Сандалани!» И я не знал, куда пойду, и на мне были одни подштанники. И я встал, и прошел немного, и вдруг вижу, подходит вали и с ним несколько человек с мечами и дубинками. И я испугался и, увидев разрушенную баню, спрятался в ней, и наткнулся на что-то ногой, и положил на это руку, и она выпачкалась в крови. И я вытер руку о подштанники, не зная, что это такое, а затем протянул руку второй раз, и она попала на убитого, и его голова оказалась у меня в руке. И я бросил ее и воскликнул: «Нет мощи и силы, кроме как у Аллаха высокого, великого!» А затем я вошел в одну из комнаток бани, и вдруг вали остановился у дверей бани и сказал: «Войдите в то место и поищите». И из его отряда вышло десять человек со светильниками, и от страха я зашел за стенку, и стал рассматривать убитого, и увидел, что это девушка с лицом, подобным луне, и ее голова в одной стороне и тело в другой стороне, и на ней дорогие одежды. И когда я увидел ее, тревога запала мне в сердце, а вали вошел и сказал: «Обыщите все углы бани». И его люди вошли в то место, где был я, и меня увидел один человек из них и подошел ко мне, держа в руке нож, длиной в пол-

локтя, и, подойдя ко мне, он воскликнул: «Хвала Аллаху, создателю этого прекрасного лица! О юноша, откуда ты?»

И потом он взял меня за руку и спросил: «О юноша, почему ты убил эту женщину?» И я воскликнул: «Клянусь Аллахом, я не убивал ее и не знаю, кто ее убил, и я вошел в это место только из страха перед вами».

И я рассказал ему свою историю и сказал: «Ради Аллаха, не обижай меня несправедливо! Я и так занят самим собой». И тот человек взял меня и привел к вали, и когда вали увидел у меня на руке следы крови, сказал: «При этом не нужно доказательств! Отрубите ему голову!» И, услышав эти слова, я заплакал сильным плачем, и у меня из глаз потекли слезы.

И затем я вскрикнул единым криком и упал без памяти, и сердце палача смягчилось ко мне, и он сказал: «Клянусь Аллахом, это не лицо того, кто убил!» — «Отрубите ему голову»,— сказал вали. И меня посадили на ковер крови и завязали мне глаза повязкой, и палач взял мечи, и спросил у вали разрешения, и хотел отрубить мне голову. И я закричал: «Увы мне на чужбине!» И вдруг приблизились всадники, и кто-то сказал: «Оставьте его! Убери руку, о палач!» И была тому удивительная причина и диковинное дело. А именно, аль-Хасыб, правитель Египта, послал своего придворного к халифу Харуну ар-Рашиду с подарками и редкостями и послал с ним письмо, в котором говорил: «Мой сын вот уже год, как исчез, и я слышал, что он в Багдаде, и хотел бы милости от преемника Аллаха, чтобы он расследовал, что с ним, и постарался бы его разыскать и отослал бы его ко мне с этим придворным».

И когда халиф прочитал письмо, он приказал вали узнать истину об этом деле, и вали с халифом не переставали расспрашивать об Ибрахиме, пока им не сказали, что он в Басре. И когда халифу рассказали об этом, он написал письмо и отдал его египетскому придворному и велел ему отправиться в Басру, взяв с собой отряд из приближенных вазира, и от усердия в поисках сына своего господина придворный выехал тотчас же и нашел юношу на коврике крови, у вали.

И когда вали увидел придворного и узнал его, он сошел для него с коня, и придворный спросил: «Что это за юноша и каково его дело?» И вали рассказал ему, что случилось, и придворный сказал (а он не знал, что это сын султана): «Лицо этого юноши — лицо того, кто не убивает». И он

велел развязать его узы, и вали развязал его, и тогда придворный сказал: «Приведи его ко мне!» И вали подвел Ибрахима к придворному, а красота Ибрахима пропала из-за тех ужасов, которые он перенес.

«Расскажи мне о твоем деле, о юноша, и о том, что у тебя произошло с этой убитой»,— сказал придворный. И когда Ибрахим посмотрел на этого придворного, он узнал его и воскликнул: «Горе тебе! Или ты меня не узнаешь? Разве я не Ибрахим, сын твоего господина? Может быть, ты пришел, разыскивая меня?»

И придворный внимательно посмотрел на Ибрахима и узнал его, как нельзя лучше, и, узнав юношу, он припал к его ногам, и, когда вали увидел, что произошло с придворным, у него пожелтел цвет лица. «Горе тебе, о жестокосердый,— сказал придворный,— неужели ты хотел убить сына моего господина аль-Хасыба, правителя Египта?» И вали поцеловал подол придворного и сказал: «О владыка, откуда мне было знать? Мы увидели его в таком виде и увидели рядом с ним убитую девушку».— «Горе тебе, ты не годишься, чтобы быть вали,— сказал придворный.— Этому мальчику пятнадцать лет жизни, и он не убил даже воробья, так как же он убьет человека? Но дал ли ты ему срок и спрашивал ли ты его об его обстоятельствах?»

И затем придворный и вали сказали: «Ищите убийцу девушки!» И люди вошли в баню еще раз, и увидели ее убийцу, и, схватив его, привели его к вали.

И вали взял его, и отправился с ним во дворец халифата, и сообщил халифу о том, что случилось, и ар-Рашид приказал казнить убийцу девушки, а затем он велел привести Ибн аль-Хасыба. И когда юноша предстал перед ним, ар-Рашид улыбнулся ему и сказал: «Расскажи мне о твоем деле и о том, что с тобой случилось».

И Ибрахим рассказал ему свою историю, с начала до конца, и она показалась халифу значительной, и он позвал Масрура, меченосца, и сказал: «Ступай сию же минуту, ворвись в дом Абу-ль-Касима ас-Сандалани и приведи его вместе с девушкой».

И Масрур сейчас же отправился и, ворвавшись в дом, увидел, что девушка связана своими волосами и находится в гибельном состоянии. И Масрур развязал ее и привел вместе с ас-Сандалани к халифу, и, увидев девушку, ар-Рашид удивился ее красоте, а затем он обернулся к ас-Сандалани и сказал: «Возьмите его, отрубите ему руки,

которыми он бил эту девушку, и распните его, и отдайте его деньги и владения Ибрахиму».

И это сделали, и, когда это было так, вдруг абу-ль-Лейс, правитель Басры, отец госпожи Джамилы, явился, взывая к халифу о помощи против Ибрахима, сына аль-Хасыба, правителя Египта, и жалуясь, что он взял его дочь. И ар-Рашид сказал ему: «Он был причиной ее освобождения от пыток и убиения». И халиф велел привести Ибн аль-Хасыба и, когда тот пришел, сказал Абу-ль-Лейсу: «Разве не согласен ты, чтобы этот юноша, сын султана Египта, был мужем твоей дочери?» — «Внимание и повинование Аллаху и тебе, о повелитель правоверных!» — сказал Абу-ль-Лейс.

И халиф призвал судью и свидетелей и выдал девушку замуж за Ибрахима ибн аль-Хасыба. Он подарил ему все деньги ас-Сандалани, снарядил и отправил в его страну. И Ибрахим жил с Джамилой в совершеннейшей радости и полнейшем счастье, пока не пришла к ним смерть — Разрушительница наслаждений и Разлучительница собраний. Да будет же хвала живому, который не умирает!

СКАЗКА О КАМАР АЗ-ЗАМАНЕ И ЖЕНЕ ЮВЕЛИРА

Рассказывают также, что был в древние времена один купец по имени Абд ар-Рахман. И наделил его Аллах дочерью и сыном, и дочь он назвал Каукаб ас-Сабах — утренняя звезда, из-за ее красоты и прелести, а сына назвал Камар аз-Заман — луна времени, из-за его великой красоты. И когда он увидел, какой одарил их Аллах красотой, прелестью, блеском и соразмерностью, он побоялся сглаза завистников, и наговора злоязыких, и козней коварных, и ухищрений развратников и скрывал их от людей в одном доме четырнадцать лет, так что никто их не видел, кроме их родителей и невольницы, которая им служила.

А их отец читал Коран, как ниспослал его Аллах, и мать их умела читать Коран. И мать стала обучать свою дочь, а отец обучал сына, пока дети не запомнили Коран

и не научились письму, счету, наукам и вежеству от отца и матери, так что не нуждались в учителе.

И когда мальчик достиг возраста мужей, жена купца сказала: «До каких пор ты будешь скрывать твоего сына Камар аз-Замана от людей? Что он — девочка или мальчик?» — «Мальчик», — ответил ей купец. И она молвила: «Раз он мальчик, почему ты не возьмешь его с собой на базар и не посадишь его в лавке, чтобы он знал людей, и люди знали его, и им стало бы известно, что он твой сын. Научи его покупать и продавать, может быть, с тобой что-нибудь случится, и люди будут знать, что он твой сын, когда он наложит руку на твое наследство. Если же ты умрешь теперь и он скажет людям: «Я сын купца Абд ар-Рахмана», — ему не поверят и скажут: «Мы тебя не видели и не знаем, что у него есть сын». И твое имущество возьмут власти, а твой сын будет лишен всего. И дочку я тоже хочу показать людям, — может быть, кто-нибудь ей равный посватается к ней, и мы выдадим ее замуж и порадуемся за нее». И купец ответил ей: «Это от страха людского глаза, так как я люблю моих детей, а любящий всегда ревнив».

И жена его сказала ему: «Положись на Аллаха! Не будет беды с тем, кого хранит Аллах! Возьми его с собой сегодня в лавку». И она одела мальчика в платье из роскошнейших одежд, и он стал искушением для взирающих и огорчением для сердец влюбленных. И отец взял его с собой и отправился с ним на рынок. И всякий, кто видел мальчика, пленялся им, и подходил к нему, и целовал ему руку, и приветствовал его. А его отец ругал людей за то, что они шли за ним следом, чтобы поглядеть на его сына. И некоторые люди говорили: «Это солнце взошло и засияло на базаре». А другие говорили: «Место восхода луны — в такой-то стороне». Другие же говорили: «Появился серп луны праздника над рабами Аллаха». И все они намекали на мальчика этими словами и желали ему блага, и его отца охватил стыд из-за слов людей, но он не мог никому из них запретить говорить, и стал ругать мать Камар аз-Замана и проклинать ее, так как это она была причиной выхода мальчика.

И отец Камар аз-Замана обернулся и увидел, что люди толпятся за ним и перед ним, когда он идет. И наконец они дошли до лавки, и Абд ар-Рахман отпер лавку, и сел, и посадил перед собой своего сына. И, посмотрев на людей, он увидел, что они запрудили дорогу, и всякий, кто проходил мимо, вперед или назад, останавливался перед лав-

кой, и смотрел на это красивое лицо, и не мог от него оторваться. И все люди, мужчины и женщины, были согласны в этом.

И когда купец Абд ар-Рахман увидел, что люди толпятся вокруг его сына, и мужчины и женщины стоят рядами, уставившись на мальчика, он смутился до крайности и впал в недоумение, не зная, что делать. И не успел он опомниться, как подошел к нему, со стороны базара, дервиш из странников, на котором было облачение праведных сынов Аллаха, и приблизился к мальчику, и начал произносить стихи, и проливать обильные слезы. И, увидев, что Камар аз-Заман сидит, подобный ветви ивы, растущей на шафране, он пролил слезы.

И затем дервиш стал медленно подходить, поглаживая рукой свои седины, и толпа расступилась из почтения к нему, и, когда он увидел мальчика, его ум и взор были ошеломлены.

И дервиш подошел к мальчику и подал ему стебель базилика. И отец мальчика положил руку в карман и, вынув несколько дирхемов, сказал: «Возьми свою долю, о дервиш, и уходи своей дорогой».

И дервиш взял у него дирхемы, и сел на скамью в лавке, перед мальчиком, и начал смотреть на него и плакать, испуская непрерывные вздохи, и слезы его были точно полноводные ручьи, и люди смотрели на него и порицали его, и одни говорили: «Все дервиши развратники». А другие говорили: «У этого дервиша от любви к мальчику в сердце пожар».

Что же касается до его отца, то, когда он увидел эти обстоятельства, он встал и сказал: «Выходи, о дитя мое, мы запрем лавку и уйдем домой. Не подобает нам в сегодняшний день покупать и продавать. Аллах великий пусть воздаст твоей матери за то, что она с нами сделала. Это она была причиной всего этого. О дервиш,— сказал он потом,— выходи, я запру лавку».

И дервиш вышел, и купец запер лавку, и взял своего сына, и пошел. И дервиш следовал за ним, вместе с людьми, пока они не дошли до дому, и мальчик вошел в дом, и купец обернулся к дервишу и спросил его: «Что ты хочешь, о дервиш, и почему это, я вижу, ты плачешь?» — «О господин,— сказал дервиш,— я хочу быть твоим гостем сегодня вечером. Ведь гость — гость великого Аллаха».— «Добро пожаловать гостю Аллаха,— сказал купец,— входи, о дервиш». А про себя купец сказал: «Если этот дер-

виш влюбился в мальчика и потребует от него мерзости, я обязательно убью его сегодня ночью и скрою его могилу, а если в нем нет разврата, то пусть гость съест свою долю».

И потом он ввел дервиша и Камар аз-Замана в одну комнату и сказал потихоньку Камар аз-Заману: «О дитя мое, садись рядом с дервишем, и подразни его, и поиграй с ним, после того как я от вас выйду. И если он потребует от тебя дурного, я буду смотреть на вас из окна, которое выходит в эту комнату, и спущусь к нему и убью его».

И мальчик попробовал соблазнить дервиша, и всякий раз как тот хотел начать молитву, прерывал ее, так что дервиш рассердился на мальчика до крайности и стал с ним груб и побил его. И мальчик заплакал, и его отец вошел к нему, и вытер ему слезы, и, успокоив его, сказал дервишу: «О брат мой, чего же ты плакал и горевал, когда увидел моего сына? Есть ли для того какая-нибудь причина?» — «Да», — сказал дервиш. И купец молвил: «Когда я увидел, что ты плачешь при виде мальчика, я подумал о тебе дурное и велел мальчику так делать, чтобы испытать тебя, и задумал, если я увижу, что ты требуешь от него мерзости, войти к тебе и убить тебя. Но когда я увидел, как ты поступил, я узнал, что ты праведен. Но, ради Аллаха, расскажи мне о причине твоего плача».

И дервиш вздохнул и сказал: «О господин мой, не береди затянувшуюся рану». И купец воскликнул: «Обязательно расскажи мне!»

И тогда дервиш молвил:

«Знай, что я дервиш, блуждающий по землям и странам, чтобы извлечь назидание из творений создателя ночи и дня. И случилось мне войти в город Басру в день пятницы на заре дня. И я увидел, что лавки отперты, и в них всякие товары, снедь и напитки, но они пусты, и нет в них мужчины, женщины, девочки или мальчика, и нет на площадях и базарах ни собак, ни кошек, и не слышно там шума и не видно человека, и удивился, и сказал: «Посмотреть бы, куда девались люди этого города с их кошками и собаками и что сделал с ними Аллах».

А я был голоден и взял горячего хлеба из пекарни хлебопека, и, войдя в лавку масленика, намазал хлеб топленым маслом и медом, и поел. А потом я пошел в лавку с напитками и попил, чего хотел. И я увидел, что кофейня открыта, и вошел туда, и увидел кофейники на огне, полные кофе, но и там никого не было. И я напился вдоволь и сказал: «Поистине, это удивительная вещь! Похоже, что

к жителям этого города пришла смерть, и они все сейчас умерли, или испугались чего-нибудь, что их постигло, и убежали, и не могли запереть своих лавок».

И когда я размышлял об этом деле, вдруг послышались звуки музыки, и я испугался, и сидел некоторое время спрятавшись, и смотрел через отверстия и щели. И я увидел невольниц, подобных луне, которые шли по базару пара за парой, без покрывал, а наоборот, с открытыми лицами, и было их сорок пар — восемьдесят невольниц. И я увидел девушку, ехавшую на коне, который едва передвигал ноги — так много было на нем и на девушке золота, и серебра, и драгоценных камней. И эта девушка была с открытым лицом, без покрывала, и она была украшена самыми роскошными украшениями и одета в самые роскошнейшие одежды. На шее у нее были бусы из драгоценных камней, а на груди золотые ожерелья, и на ее руках были запястья, сияющие, как звезды, а на ногах — золотые браслеты, украшенные дорогими металлами. И невольницы окружали ее, а перед нею шла девушка, опоясанная великолепным мечом с изумрудной рукояткой и золотыми подвесками, украшенными драгоценностями.

И когда эта девушка достигла той части улицы, что была против меня, она натянула узду коня и сказала: «О девушки, я услышала какой-то шум внутри этой лавки. Обыщите ее, чтобы в ней не сидел кто-нибудь спрятанный, кто хочет посмотреть на нас, когда мы с открытыми лицами».

И невольницы обыскали лавку, стоявшую перед кофейней, где я спрятался, и я испугался и увидел, что невольницы вывели какого-то человека и сказали девушке: «О госпожа, мы увидели там человека, и вот он перед тобой». И девушка сказала невольнице, у которой был меч: «Отсеки ему голову». И невольница подошла к этому человеку, и отрубила ему голову, и оставила его валяться на земле, и они ушли. И я испугался, увидев это обстоятельство, но любовь к девушке привязалась к моему сердцу.

А через некоторое время появились люди, и всякий, у кого была лавка, вошел в нее. И люди стали ходить по базарам и собрались вокруг убитого, смотря на него. И я потихоньку вышел из моего укрытия, и никто меня не заметил, и любовь к девушке овладела моим сердцем. И я стал потихоньку разузнавать, кто она, но никто не рассказал мне про нее. И после этого я вышел из Басры, и в сердце моем из-за любви к девушке была печаль. И когда

я увидел этого твоего сына, я понял, что он больше всех людей похож на ту девушку, и он взволновал во мне огонь любви и разжег в моем сердце пламя страсти. И вот причина моего плача». И потом дервиш заплакал сильным плачем, больше которого нет, и сказал: «О господин мой, ради Аллаха, открой мне дверь, чтобы я ушел своей дорогой». И купец открыл ему дверь, и он ушел.

Вот что было с ним. Что же касается Камар аз-Замана, то, когда он услышал слова дервиша, он почувствовал любовь к этой девушке, и овладела им страсть, и взволновались в нем любовь и увлечение. И когда наступило утро, он сказал своему отцу: «Все дети купцов путешествуют по странам, чтобы достичь желаемого, и нет среди них никого, кому бы отец не собрал товаров и кто бы не отправился с ними путешествовать и не получил бы прибыли. Почему, о батюшка, ты не соберешь мне товаров, чтобы я поехал путешествовать и посмотрел, каково мое счастье?» — «О дитя мое,— ответил ему отец,— у купцов мало денег, и они посылают своих детей в путешествие ради прибыли и дохода, чтобы добыть мирские блага. Что же касается меня, то у меня много денег, и нет во мне жадности, так как же я отправлю тебя на чужбину? Я не могу расстаться с тобою ни на минуту, тем более что ты бесподобен по красоте, прелести и совершенству и я боюсь за тебя».— «О батюшка,— сказал Камар аз-Заман, невозможно, чтобы ты не собрал мне товары и я бы не поехал с ними в путешествие — иначе я оставлю тебя и убегу хотя бы без денег и без товаров. И если ты хочешь успокоить мое сердце, то собери мне товаров, и я попутешествую и посмотрю на чужие страны».

И когда отец мальчика увидел, что тот привязался к мысли о путешествии, он рассказал об этом своей жене и сказал ей: «Твой сын хочет, чтобы я собрал ему товаров и он отправился бы с ними в чужие страны, на чужбину, хотя на чужбине — горе». И жена ответила ему: «Какой тебе будет от этого вред? Таков обычай детей купцов, и все они похваляются путешествиями и прибылью».— «Большинство купцов,— молвил ее муж,— бедняки, и они ищут приумножения денег, а что до меня, то у меня денег много».— «Увеличение добра не вредит,— отвечала его жена,— и если ты не согласишься на это, я соберу ему товаров из своих денег».— «Я боюсь для него чужбины,— сказал купец,— так как чужбина — злая горесть». И жена его возразила: «Нет беды на чужбине, если там есть прибыль,

а иначе наш сын уйдет, и мы будем его искать, и не найдем, и опозоримся перед людьми».

И купец внял словам жены и собрал своему сыну товаров на девяносто тысяч динаров. И мать дала сыну кошель, в котором было сорок драгоценных камней, и наименьшая цена каждого из них была пятьсот динаров. «О дитя мое,— сказала она,— береги эти драгоценные камни — они помогут тебе». И Камар аз-Заман взял все это и поехал в Басру. Драгоценные камни он положил в кожаный пояс и обвязал его вокруг стана. И он ехал до тех пор, пока между ним и Басрой не остался один переход. И напали на него кочевники, и раздели его, и убили его людей и слуг. И Камар аз-Заман лег между убитыми и вымазал себя кровью, и кочевники подумали, что он убит, и оставили его, и никто к нему не приблизился. И они взяли его деньги и ушли. И когда кочевники ушли своей дорогой, Камар аз-Заман поднялся среди убитых и пошел, и он не владел ничем, кроме драгоценных камней, которые были у него в поясе.

И Камар аз-Заман шел до тех пор, пока не вошел в Басру. И случилось, что день его прихода была пятница, и город был пуст, как рассказывал дервиш.

И Камар аз-Заман увидел, что базары пусты и лавки отперты, но полны товаров. И он поел, и попил, и стал все рассматривать. И в это время он вдруг услышал, что играет музыка, и спрятался в одной лавке, и пришли девушки. Камар аз-Заман посмотрел на них, и вдруг увидел женщину, ехавшую на коне, и его охватила любовь и страсть, и овладело им такое увлечение и любовное безумие, что он еле устоял на ногах.

А через некоторое время появились люди, и базары наполнились. И Камар аз-Заман направился на базар, к одному торговцу драгоценными камнями. Он вынул один из тех сорока камней, который стоил тысячу динаров, и продал этому человеку, и вернулся в свое помещение, и провел там ночь. А когда наступило утро, он переменил одежду и сходил в баню и вышел, подобный полной луне. И он продал четыре камня за четыре тысячи динаров, и стал гулять по улицам Басры, одетый в самую роскошную одежду, и отправился на базар.

И увидел он на базаре одного цирюльника, и, подойдя к нему, побрил у него голову, и завязал с ним дружбу, и сказал: «О батюшка, я из чужих стран, вчера я вошел в этот город и увидел, что он пуст, и нет в нем никого — ни

человека, ни джинна. И я увидел девушек, и среди них молодую женщину, ехавшую на коне, со свитой».

И он рассказал цирюльнику о том, что видел, и цирюльник сказал:

«О дитя мое, рассказывал ли ты еще кому-нибудь об этом?» — «Нет»,— отвечал Камар аз-Заман. И цирюльник сказал: «О дитя мое, берегись говорить такие слова кому-нибудь, кроме меня,— люди не скрывают слов и тайн, а ты — юноша, и я боюсь, что твои слова станут переходить от одних к другим и достигнут тех, о ком они сказаны, и тебя убьют. Знай, о дитя мое, что то, что ты видел, не видел никто, и это неизвестно никому вне этого города, а что касается жителей Басры, то они умирают от этой горести. Каждую пятницу, на рассвете дня, они запирают собак и кошек и не дают им ходить по базару. И все жители города входят в мечети и запирают за собой двери, и никто не может пройти по базару и выглянуть из окна. И ни один человек не знает, в чем причина этой беды. Но сегодня ночью, о дитя мое, я спрошу мою жену о причине этого — она повитуха и вхожа в дом знатных и знает, что происходит в городе,— и, если захочет Аллах великий, ты придешь ко мне завтра, и я тебе расскажу, что она мне скажет».

И Камар аз-Заман вынул пригоршню золота и сказал: «О батюшка, возьми это золото и отдай своей жене — она стала моей матерью». И потом он вынул вторую пригоршню и сказал: «Возьми это себе». И цирюльник молвил: «О дитя мое, посиди на месте, а я пойду к моей жене и спрошу ее и вернусь к тебе с правдивым рассказом».

И он оставил его, и пошел к своей жене, и рассказал ей об этом юноше, и сказал: «Я хочу, чтобы ты рассказала мне истину о делах этого города, а я расскажу этому юноше-купцу — он очень хочет знать, почему люди и животные не допускаются на базар по утрам в день пятницы. Я думаю, что он влюблен, и он щедр и великодушен, и, когда мы ему расскажем, нам достанется от него великое благо».

И жена цирюльника отвечала: «Ступай приведи его и скажи: «Ступай поговори с твоей матерью — моей женой! Она передает тебе привет и говорит: «Нужда исполнена!»

И цирюльник пошел на базар и увидел, что Камар аз-Заман сидит и ждет его. Он рассказал ему обо всем и ска-

зал: «О дитя мое, пойдем к твоей матери — моей жене. Она говорит тебе, что нужда исполнена».

И потом он взял его и шел с ним, пока не вошел к своей жене. И она сказала юноше: «Добро пожаловать!» И усадила его, и Камар аз-Заман вынул сто динаров, и отдал их ей, и сказал: «О матушка, расскажи мне про эту женщину, кто она такая».— «О дитя мое,— ответила жена цирюльника,— знай, что к султану Басры прибыл драгоценный камень от царя Индии, и он захотел его просверлить. Он позвал всех ювелиров и сказал им: «Я хочу, чтобы вы просверлили мне этот камень. Тому, кто его просверлит, я позволю пожелать от меня, и что бы он ни пожелал, я ему дам, а если он сломает камень — я скину с него голову». И ювелиры испугались и сказали: «О царь времени, драгоценный камень быстро погибает, и редко случается, чтобы кто-нибудь просверлил его и не разбил. Не обременяй же нас тем, что нам не под силу. Наши руки не могут просверлить этого камня, но наш шейх опытнее нас».— «А кто ваш шейх?» — спросил царь. И ему сказали: «Мастер Убейд, он опытнее нас в этом ремесле. У него много денег и хорошее знание. Пошли за ним, приведи его к себе и прикажи ему просверлить тебе этот камень».

И царь послал за Убейдом и велел ему просверлить камень, заключив с ним упомянутое условие. И Убейд взял камень и просверлил его так, как хотелось царю. И царь сказал: «Пожелай чего-нибудь, о мастер». Но Убейд молвил: «О царь времени, дай мне отсрочку до завтра». А причиной этого было то, что он хотел посоветоваться со своей женой, которой была та самая женщина, что ты видел в пышном шествии. И он любил ее сильной любовью, и от великой своей любви к ней ничего не делал, не посоветовавшись с нею, и поэтому просил дать ему отсрочку, пока он не посоветуется.

И когда Убейд пришел к своей жене, он сказал: «Я просверлил царю драгоценный камень, и он обещал мне исполнить любое мое желание, и я попросил отсрочку, пока не посоветуюсь с тобою. Чего же ты хочешь, чтобы я пожелал?» И жена его сказала: «У нас денег столько, что их не пожрет огонь. Если ты меня любишь, пожелай от царя вот что. Пусть на улицах Басры кричат, чтобы жители города входили в мечети в день пятницы, за два часа до молитвы, и чтобы не оставалось в городе ни большого, ни малого, который бы не был в мечети или в доме, и пусть их запирают за воротами мечетей и домов, но лавки в городе

оставляют открытыми, а я с моими невольницами буду проезжать по городу, и пусть никто не смотрит на меня из окна или щели оконной решетки. И всякого, на кого я наткнусь, я убью».

И ювелир пошел к царю и пожелал от него это желание, и царь даровал ему то, что он пожелал, и велел кричать среди жителей Басры, и люди сказали: «Мы боимся для товаров вреда от кошек и собак». И царь велел запирать их на время, пока люди не выйдут после соборной молитвы. И эта женщина стала выезжать каждую пятницу на улицы Басры, за два часа до молитвы. И никто не мог пройти по базару и выглянуть из окна или из оконной решетки. И вот в чем причина всего этого. Я осведомила тебя о девушке, не желаешь ли ты, о дитя мое, узнать о ее деле, или ты желаешь сблизиться с нею?» — «О матушка,— сказал Камар аз-Заман,— я хочу с ней сблизиться».— «Расскажи мне, что у тебя есть из роскошных сокровищ»,— сказала жена цирюльника. И Камар аз-Заман молвил: «У меня есть дорогие камни четырех видов: одни — ценой в пятьсот динаров каждый, другие — по семьсот динаров, третьи — по восемьсот динаров и четвертые — по тысяче динаров».— «А согласен ли ты отдать четыре из них?» — спросила жена цирюльника. «Я согласен отдать все»,— ответил Камар аз-Заман. И она молвила: «О дитя мое, я тебя не прогоняю, но иди и достань один камень в пятьсот динаров. Спроси, где лавка мастера Убейда, шейха ювелиров, и пойди к нему — ты увидишь, что он сидит в своей лавке, одетый в роскошные одежды, и у него работают мастера. Пожелай ему мира, сядь возле лавки, вынь камень и скажи: «О мастер, возьми этот камень и оправь его для меня золотом в перстень, но не делай его большим, а сделай величиной с миндаль, не больше, и сработай его как следует». А потом дай ему двадцать динаров, и дай каждому из работников по динару, и посиди у него немного, и поговори с ним. Когда подойдет к тебе нищий, дай ему динар и проявляй щедрость, чтобы ювелира охватила любовь к тебе. А потом пойди к себе и проспи ночь, а наутро возьми с собой сто динаров и отдай их твоему отцу — цирюльнику».— «Пусть будет так»,— сказал Камар аз-Заман.

И, выйдя от нее, он пошел на постоялый двор и взял камень ценой в пятьсот динаров, а потом направился на рынок драгоценных камней и спросил, где лавка мастера Убейда, шейха ювелиров. И ему показали его лавку,

и, подойдя к ней, Камар аз-Замар увидел, что шейх ювелиров — человек почтенный, и на нем роскошная одежда, и у него работают четыре мастера.

«Мир с вами»,— сказал ему Камар аз-Заман. И Убейд ответил ему на приветствие и сказал: «Добро пожаловать!» — и посадил его. И Камар аз-Замаи сел и, вынув камень, сказал: «О мастер, я хочу, чтобы ты оправил мне этот камеиь золотом в перстень, но сделай его величиной в миндаль, ие больше, и оправь его хорошей оправой».

И ои выиул двадцать динаров и сказал: «Возьми это за шлифовку, а плата за работу останется за мной». И он дал каждому мастеру по динару, и мастера полюбили его, и мастер Убейд тоже его полюбил. И Камар аз-Заман сидел и беседовал с иим, и всякому нищему он давал динар, и все удивлялись его щедрости.

А у мастера Убейда были в доме инструменты, такие же как и в лавке. И у него был обычай, когда он хотел сделать что-нибудь диковиниое, работать дома, чтобы мастера ие научились его дивной работе. И та женщина, его жена, сидела перед ним, и, когда она была перед ювелиром и он смотрел на нее, ои мог делать всякие диковинные вещи, которые годились только для царей.

И он сидел и делал этот перстень у себя дома с удивительным искусством. И когда его жена увидела камень, она сказала: «Что ты хочешь сделать с этим камнем?» — «Я хочу оправить его золотом в перстеиь,— сказал ювелир.— Ему цена пятьсот дииаров».—«Для кого?»— спросила оиа. «Для одного юноши-купца, прекрасиого обликом,— ответил Убейд.— Его глаза ранят, и его щеки горят огием, у иего рот, как печать Сулеймана, щеки, как анемоны, и губы красные, как коралл, и шея у него, как шея газели, и он белый, напоеиный румянцем, изящный, тоикий и щедрый, и он сделал то-то и то-то».

И ювелир так описывал жене красоту и прелесть Камар аз-Замана, так описывал ей его щедрость и совершенства, и столько говорил ей об его красотах и благородном нраве, что влюбил ее в него (а иет большего сводника, чем тот, кто описывает своей жене человека и говорит об его красоте и прелести и крайиеи щедрости на деиьги).

И когда жену ювелира переполнила страсть, она сказала: «А есть в нем какие-нибудь из моих красот?» И ювелир ответил: «Все твои красоты. Оии все в нем, и он сходеи с тобой по облику, и, может быть, его возраст таков же, как твой. И если бы я не боялся обидеть тебя, я бы

сказал, что он лучше в тысячу раз». И жена ювелира промолчала, но в ее сердце запылал огонь любви к юноше. А ювелир не переставал разговаривать с нею, перечисляя его красоты, пока не кончил делать перстень. И потом он подал его своей жене, и та надела его, и он пришелся по размеру ее пальца. И тогда она сказала: «О господин мой, мне полюбился этот перстень, и я хочу, чтобы он был мой, я не сниму его с пальца».— «Потерпи,— сказал ей ювелир.— Его владелец щедр, и я постараюсь купить у него этот перстень. Если он мне продаст, я принесу его тебе. А если у него есть другой камень, я куплю его для тебя и оправлю как этот».

Вот что было с ювелиром и его женой. Что же касается Камар аз-Замана, то он переночевал у себя, а наутро взял сто динаров и, придя к жене цирюльника, сказал ей: «Возьми эти сто динаров». И она молвила: «Отдай их твоему отцу». И когда Камар аз-Заман отдал деньги цирюльнику, она спросила: «Сделал ли ты, как я тебе сказала?» — «Да»,— отвечал юноша. И она молвила: «Вставай теперь и отправляйся к шейху ювелиров. Когда он даст тебе перстень, надень его на конец пальца, потом быстро сними и скажи: «О мастер, ты ошибся — перстень вышел узкий!» И он спросит тебя: «О купец, сломать ли мне его и сделать пошире?» И ты скажи: «Не нужно его ломать и делать второй раз. Возьми его и отдай невольнице из твоих невольниц». А потом вынь другой камень, цена которого будет семьсот динаров, и скажи: «Возьми этот камень и оправь его для меня, но лучше, чем тот». И дай ему тридцать динаров, а каждому мастеру дай по два динара и скажи мастеру ювелиру: «Эти динары — за шлифовку, а плата за оправку останется за мной». И потом возвратись в свое жилище и переночуй там, а утром приходи и приноси с собой двести динаров, и я совершу для тебя остальное».

И Камар аз-Заман отправился к ювелиру, и тот приветствовал его и посадил возле лавки. И Камар аз-Заман спросил его: «Исполнил ли ты заказ?» — «Да»,— ответил ювелир и подал ему перстень. И Камар аз-Заман взял его и надел на палец, а затем быстро снял и сказал: «Ошибся, о мастер!» И он бросил ему перстень и воскликнул: «Он тесен для моего пальца». И ювелир спросил: «О купец, расширить мне его?» — «Нет,— отвечал Камар аз-Заман,— но возьми его в подарок и надень его кому-нибудь из своих невольниц. Цена ему пустяковая, так как он стоит пятьсот динаров, и не нужно его оправлять второй раз».

И затем он вынул другой камень, ценой в семьсот динаров, и сказал: «Оправь этот». И дал ювелиру тридцать динаров, а каждому мастеру дал два динара, и ювелир сказал: «О господин, когда мы оправим перстень, мы возьмем за него плату». Но Камар аз-Заман молвил: «Это за шлифовку, а плата за оправку остается за мной».

И он оставил ювелира и ушел, и ювелир оторопел от великой щедрости Камар аз-Замана и мастера тоже. А потом ювелир отправился к своей жене и сказал ей: «О такая-то, мои глаза не видели никого щедрее этого юноши, и тебе великая удача, так как он отдал мне перстень даром и сказал: «Отдай его кому-нибудь из твоих невольниц». И он рассказал жене всю историю и затем сказал: «Я думаю, этот юноша не из сыновей купцов — он из сыновей царей или султанов».

И всякий раз, как ювелир хвалил Камар аз-Замана, в его жене усиливалась любовь к нему, и страсть, и увлечение. И она надела перстень, а ювелир сделал Камар аз-Заману второй, немного шире, чем первый. И когда он кончил работу, его жена надела этот перстень и держала на пальце дольше первого, и сказала: «О господин мой, посмотри, как красивы эти два перстня на моем пальце. Я хочу, чтобы оба перстня были мои».— «Потерпи,— сказал ювелир,— может быть, я куплю для тебя и второй». И затем он проспал ночь, а утром взял перстень и отправился в лавку.

Вот что было с ним. Что же касается Камар аз-Замана, то он пошел утром к старухе, жене цирюльника, и дал ей двести динаров. И старуха сказала: «Отправляйся к ювелиру, и когда он отдаст тебе перстень, надень его на палец, но потом быстро сними его и скажи: «Ты ошибся, о мастер, перстень вышел широкий. Когда мастеру, такому как ты, приносит работу подобный мне, то должно снять мерку. Если бы ты снял мерку с моего пальца, ты бы не ошибся». А потом вынь третий камень, цена которому тысяча динаров, и скажи ювелиру: «Возьми этот и оправь его, а тот перстень отдай одной из твоих невольниц». И дай ему сорок динаров, а каждому мастеру дай по три динара и скажи: «Это за шлифовку, а что до платы за оправку, то она остается за мной». И посмотри, что он скажет. А потом приходи и принеси с собой триста динаров — отдай их цирюльнику, твоему отцу, чтобы он помогал ими себе в жизни, он ведь человек бедный».— «Слушаю и повинуюсь»,— отвечал Камар аз-Заман.

И потом он отправился к ювелиру, и тот сказал ему: «Добро пожаловать!» И посадил его и дал перстень. И Камар аз-Заман надел перстень на палец, и быстро снял его, и сказал: «Надлежит такому мастеру, как ты, когда приносит ему подобный мне работу, снимать мерку. Если бы ты снял мерку с моего пальца, ты бы не ошибся. Но возьми перстень и отдай кому-нибудь из твоих невольниц».

И затем он вынул камень ценой в тысячу динаров и сказал: «Возьми этот камень и оправь его для меня в перстень по мерке моего пальца». И ювелир воскликнул: «Ты прав, и истина с тобой!» И он вынул мерку, и Камар аз-Заман вынул сорок динаров и сказал ему: «Возьми это за шлифовку, а плата за оправку остается за мной».— «О господин,— сказал ювелир,— сколько раз мы брали с тебя плату! Твои милости к нам велики!» И Камар аз-Заман ответил: «Не беда!» И он побеседовал с ним некоторое время, и всякий раз, как мимо проходил нищий, он подавал ему динар, а потом он оставил ювелира и ушел.

Вот то, что было с ним. Что же касается ювелира, то он отправился домой и сказал своей жене: «Как щедр этот юноша-купец! Я не видел никого щедрее, и красивее, и нежнее речами». И он стал говорить своей жене о красотах и щедрости Камар аз-Замана, далеко заходя в похвалах ему. И жена его сказала: «О необходительный! Если ты знаешь в нем эти качества и он дал тебе два драгоценных перстня, тебе следует его пригласить, и сделать ему угощение, и подружиться с ним. Когда он увидит от тебя дружбу и придет в наше жилище, ты, может быть, получишь от него большее благо. А если ты не согласен сделать ему угощение, то пригласи его, и я сделаю ему угощение от себя».— «Разве ты считаешь, что я скупой, что говоришь такие слова?» — воскликнул ювелир. И жена его сказала: «Ты не скупой, но необходительный. Пригласи его сегодня вечером и не приходи без него, а если он будет отказываться, заклинай его разводом и настаивай».— «Слушаю и повинуюсь!» — сказал ювелир. И потом он оправил перстень и лег спать, а наутро, в третий день, отправился в лавку и сел там.

Вот что было с ним. Что же касается Камар аз-Замана, то он взял триста динаров, отправился к старухе и отдал их ее мужу. И она сказала ему: «Может быть, ювелир тебя пригласит сегодня, и если он тебя пригласит и ты будешь

у него ночевать, то, что бы с тобой ни случилось, расскажи мне утром и принеси с собой четыреста динаров и отдай их твоему отцу». И Камар аз-Заман сказал: «Слушаю и повинуюсь!» (а всякий раз, как у него кончались деньги, он продавал часть камней) — и отправился к ювелиру, и тот поднялся к нему, и заключил его в объятия, и пожелал ему мира, и завязал с ним дружбу. И он вынул перстень, и Камар аз-Заман увидел, что перстень — по его мерке, и сказал: «Да благословит тебя Аллах, о господин из мастеров! Оправа подходит, но камень не такой, как я хочу, у меня есть лучше. Возьми этот и отдай его кому-нибудь из своих невольниц».

И он вынул другой камень и сто динаров и сказал: «Возьми твою плату и не взыщи с нас — мы тебя утомили». И ювелир сказал ему: «О купец, то, из-за чего мы утомлялись, ты нам отдал, и ты пожаловал нам многое. К моему сердцу привязалась любовь к тебе, и я не могу с тобой расстаться. Заклинаю тебя Аллахом, будь моим гостем сегодня вечером и залечи мое сердце».— «Это недурно,— сказал Камар аз-Заман,— но я обязательно должен отправиться в хан, чтобы предупредить моих слуг и сказать им, что я не ночую в хане, чтобы они меня не ждали».— «А ты стоишь в каком хане?» — спросил ювелир. И Камар аз-Заман сказал: «В таком-то хане». И ювелир воскликнул: «Я к тебе туда приду!» — «Это недурно»,— сказал Камар аз-Заман. И ювелир отправился в этот хан перед закатом, боясь гнева своей жены, если он придет домой без гостя, и взял Камар аз-Замана, и привел его к себе в дом. И они сели в комнате, которой нет подобной, а женщина увидела Камар аз-Замана, когда он входил в дом, и пленилась им. И Камар аз-Заман с ювелиром разговаривали, пока не принесли ужин, и они поели и попили, а потом им принесли кофе и напитки. И ювелир не переставал развлекать Камар аз-Замана беседой до ночной молитвы. И они совершили обязательную молитву, и потом вошла к ним невольница, неся две чашки с питьем, и, когда они выпили, их одолел сон, и они заснули. И тогда пришла та женщина и, увидев, что они спят, стала смотреть в лицо Камар аз-Замана, и его красота ошеломила ей ум. И она воскликнула: «Как может спать тот, кто любит красавиц!»

И потом она повернула его навзничь и припала к нему, и от страсти к нему она осыпала его щеки градом поцелуев, так что они оставили след на его щеках, и усилился

румянец Камар аз-Замана, и его щеки заблестели. И женщина припала к его губам и стала их сосать, и она до тех пор сосала ему губы, пока кровь не выступила у нее на губах. И при всем этом огонь в ней не погасал и ее жажда не утолялась. И она не переставала его целовать и обнимать, сплетать ноги с ногами, пока не засияло чело утра и не заблистала сияющая заря, и потом она положила в карман Камар аз-Замана четыре бабки, и оставила его, и ушла.

А после этого она послала свою невольницу с чем-то вроде нюхательного табака, и невольница вложила его им в ноздри, но они чихнули и пришли в себя, и невольница сказала им: «Знайте, господа мои, что молитва обязательна. Поднимайтесь же на утреннюю молитву».

И она принесла им таз и кувшин, и Камар аз-Заман сказал ювелиру: «О мастер, время пришло, и мы перешли предел сна». И ювелир сказал купцу: «О друг мой, сон в этой комнате тяжелый! Всякий раз, как я в ней сплю, со мной случается такое дело».— «Твоя правда»,— сказал Камар аз-Заман. И потом он принялся за омовенье, и, когда вода коснулась его лица, у него начали гореть щеки и губы. «Чудеса! — сказал он.— Если воздух в комнате был тяжелый, и мы погрузились в сон, то почему у меня горят щеки и губы? О мастер,— сказал он потом,— щеки и губы у меня горят». И ювелир ответил: «Я думаю, что это от укусов комаров».— «Чудеса! — сказал Камар аз-Заман.— А с тобой случается в этой комнате подобное?» — «Нет,— ответил ювелир,— но когда у меня бывает гость, такой, как ты, он утром жалуется на укусы комаров, и это бывает только, если гость, как ты, безбородый, а если он бородатый, то комары к нему не слетаются, и от комаров спасает меня только моя борода. Комары как будто не любят людей с бородами».— «Твоя правда»,— сказал Камар аз-Заман. А потом невольница принесла им завтрак, и они поели и выпили.

И Камар аз-Заман отправился к старухе, и, увидев его, она сказала: «Я вижу следы счастья у тебя на лице. Расскажи мне, что ты видел».— «Я ничего не видел,— сказал Камар аз-Заман,— я только поужинал с хозяином дома в комнате, и мы совершили вечернюю молитву, а потом легли спать и проснулись только утром». И старуха засмеялась и сказала: «Что это за следы у тебя на щеках и губах?» — «Комары в той комнате сделали со мной такие дела»,— сказал Камар аз-Заман. И старуха сказала: «Твоя

правда! А случилось ли с хозяином дома то же самое, что случилось с тобой?» — «Нет,— сказал Камар аз-Заман,— но он мне рассказывал, что комары в этой комнате не вредят людям с бородой и летают только над безбородыми, и всякий раз, как у него бывает гость безбородый, он жалуется утром на укусы комаров, а если он бородатый, с ним ничего такого не случается». — «Твоя правда,— отвечала старуха.— А заметил ли ты что-нибудь кроме этого?» — «Я нашел у себя в кармане четыре бабки»,— сказал Камар аз-Заман. «Покажи их мне»,— попросила старуха. И Камар аз-Заман дал ей бабки, и она взяла их и сказала смеясь: «Это твоя возлюбленная положила их тебе в карман». — «Как так?» — удивился Камар аз-Заман. И старуха сказала: «Она говорит тебе знаками: «Если бы ты был влюблен, ты не спал бы, ибо тот, кто любит, не спит, а ты еще маленький, и тебе подходит играть в бабки. Что же побудило тебя влюбляться в красавиц?» И она пришла к тебе ночью, и увидела, что ты спишь, и изранила тебе щеки поцелуями, и положила тебе этот знак. Но только ей не будет достаточно этого,— напротив, она обязательно пришлет к тебе своего мужа, и он пригласит тебя вечером, и, когда ты пойдешь к ним, не засыпай скоро. Захвати с собой пятьсот динаров и иди, а мне расскажи о том, что случится, и я доведу для тебя эту хитрость до конца». И Камар аз-Заман сказал: «Слушаю и повинуюсь!» И пошел в хан.

Вот то, что было с ним. Что же касается жены ювелира, то она спросила своего мужа: «Ушел гость?» И он сказал: «Да, но только комары беспокоили его сегодня ночью, и они искололи ему щеки и губы, и мне было перед ним стыдно». — «И такой уж обычай у комаров в нашей комнате, они любят только безбородых,— ответила его жена.— Но пригласи его на следующий вечер».

И ювелир отправился к Камар аз-Заману в хан, где он жил, и пригласил его, и привел в ту комнату, и они поели, и попили, и совершили вечернюю молитву. И тогда вошла невольница и дала каждому из них чашу, и они выпили и заснули. И тогда пришла молодая женщина и сказала Камар аз-Заману: «О негодяй, как ты спишь, и утверждаешь, что ты влюбленный, ведь влюбленные не спят». И она легла на него и не переставала осыпать его поцелуями, и кусать, и сосать ему губы, и играть с ним до утра. А потом она положила ему в карман нож. Под утро она послала невольницу, и та разбудила обоих, и щеки Камар аз-За-

мана словно пылали огнем от сильного румянца. и губы у него были как коралл из-за сосанья и поцелуев.

И ювелир спросил его: «Может быть, тебя беспокоили комары?» И Камар аз-Заман отвечал: «Нет». Теперь, узнав, в чем загадка, он перестал жаловаться,— а посмотрев у себя в кармане, он нашел нож,— и промолчал. И Камар аз-Заман позавтракал, и выпил кофе, и вышел от ювелира, и отправился в хан. И, взяв пятьсот динаров, пошел к старухе, и рассказал ей о том, что видел, и сказал: «Я заснул против воли и утром не увидел ничего, кроме ножа у себя в кармане».— «Да защитит тебя от нее Аллах в следующую ночь! — воскликнула старуха.— Она говорит тебе: «Если ты заснешь еще раз, я тебя зарежу!» Ты будешь приглашен к ним на следующую ночь, и, если ты заснешь, она тебя зарежет».— «А что же мне делать?» — спросил Камар аз-Заман. И старуха сказала: «Расскажи мне, что ты ешь и пьешь перед сном». И Камар аз-Заман сказал: «Мы ужинаем, как обычно ужинают, а потом, после ужина, к нам приходит невольница и подает каждому из нас чашу. И когда я выпиваю свою чашу, я засыпаю и просыпаюсь только утром».—«Беда в этой чаше,— сказала старуха.— Возьми ее у невольницы, но не пей, пока ее не выпьет хозяин и не заснет. Когда невольница даст тебе чашу, скажи ей: «Дай мне напиться воды». И она уйдет, чтобы принести тебе кувшин, а ты вылей из чаши за подушку и представься спящим. А когда невольница вернется с кувшином, она подумает, что ты заснул, после того как выпил чашу, и уйдет от тебя, и через некоторое время все станет ясно. Но берегись ослушаться моего приказания».—«Слушаюсь и повинуюсь!»— ответил Камар аз-Заман и отправился в хан.

Вот то, что было с ним. Что же касается жены ювелира, то она сказала своему мужу: «Гостя угощают три вечера. Пригласи же в третий раз». И ювелир отправился к Камар аз-Заману, и пригласил его, и привел опять в ту комнату. И когда они поужинали и совершили вечернюю молитву, вдруг вошла невольница и дала каждому из них чашу. И хозяин выпил и заснул, а что касается Камар аз-Замана, то он не выпил, и невольница сказала ему: «Разве ты не будешь пить, о господин?» И он сказал ей: «Я чувствую жажду, подай кувшин». И невольница ушла, чтобы принести кувшин, и Камар аз-Заман опрокинул чашу за подушку и лег. И когда невольница возвратилась, она увидела, что он спит, и рассказала об этом своей госпоже.

«Когда он выпил чашу, он заснул», — сказала она. И молодая женщина подумала: «Смерть для него лучше, чем жизнь».

И потом она взяла острый нож и вошла к нему, говоря: «Вот уж третий раз, как ты не замечаешь знака, о дурень! Теперь я распорю тебе живот». И Камар аз-Заман, увидев, что она подходит к нему с ножом в руке, открыл глаза и поднялся, смеясь, и женщина сказала ему: «Ты понял этот знак не по своей догадливости, а по указанию хитрого. Расскажи мне, откуда у тебя это знание?» — «От одной старухи, и у меня с ней случилось то-то и то-то», — отвечал Камар аз-Заман и рассказал ей, в чем дело.

И женщина молвила: «Завтра уйди от нас, и пойди к старухе, и спроси ее: «Остались ли у тебя еще хитрости, сверх этого?» Если она тебе скажет: «Есть», скажи ей: «Старайся, чтобы я получил доступ к ней открыто». А если она скажет: «Нет у меня больше ничего, это последнее», — выкинь ее из головы. А завтра вечером к тебе придет мой муж и пригласит тебя; приходи с ним и расскажи мне все, и я буду знать остальной план». — «Это недурно», — сказал Камар аз-Заман.

И он провел с ней остаток ночи, прижимаясь и обнимаясь. И они делали это до утра, и потом женщина сказала: «Мне не хватит с тобой ни ночи, ни дня, ни месяца, ни года, и я хочу провести с тобой остаток жизни. Но потерпи, пока я не сделаю с моим мужем хитростей, которые смутят разных людей, и мы достигнем таким образом нашей цели. Я зароню в него сомнение, так что он разведется со мной, и я выйду за тебя замуж и поеду с тобой в твою страну. И я перенесу к тебе все его деньги и сокровища и ухитрюсь разрушить его жилище и стереть его следы. Но только ты слушайся моих слов и повинуйся мне в том, что я тебе скажу, и не будь непослушен». — «Слушаю и повинуюсь, — сказал Камар аз-Заман. — Нет во мне непослушания».

И женщина молвила: «Ступай в хан и, если мой муж придет и пригласит тебя, скажи ему: «О брат мой, человек бывает в тягость, когда учащаются его посещения, они надоедают и щедрому и скупому. Как это я хожу к тебе каждый вечер, и мы с тобой спим в одной комнате, — ведь если ты не сердишься на меня, то, может быть, твоя жена на меня сердита, так как я не пускаю тебя к ней. Если ты желаешь общения со мной, то найми мне дом, рядом с твоим домом, и тогда ты будешь бодрствовать со мной до часа сна, и иногда я стану бодрствовать с тобой до часа сна,

и потом я буду уходить в свое жилище, а ты пойдешь в гарем. Это лучше, чем каждую ночь не пускать тебя в гарем». И после этого он придет ко мне и спросит у меня совета, и я ему посоветую выселить нашего соседа. Дом, в котором он живет,— наш дом, и этот сосед живет по найму. И когда ты придешь в этот дом, Аллах облегчит нам остальное. Ступай теперь и сделай так, как я тебе велела»,— сказала она потом. И Камар аз-Заман ответил: «Слушаю и повинуюсь!» И жена ювелира ушла, а он представился спящим. И через некоторое время пришла невольница и разбудила обоих, и ювелир, очнувшись, спросил: «О купец, может быть, комары беспокоили тебя?» — «Нет»,— сказал Камар аз-Заман. И ювелир молвил: «Должно быть, ты к ним привык».

И затем они позавтракали, и выпили кофе, и ушли по своим делам, и Камар аз-Заман отправился к старухе и рассказал ей о том, что случилось, и сказал: «Она говорила мне то-то и то-то, а я говорил ей то-то и то-то. Есть ли у тебя что-нибудь больше, чем этот план, чтобы привести меня к сближению с ней открыто?» — «О дитя мое,— сказала старуха,— мой план дошел досюда, и здесь истощились мои хитрости».

И Камар аз-Заман оставил ее и отправился в хан. Под вечер ювелир отправился к Камар аз-Заману и пригласил его, и Камар аз-Заман ответил: «Мне невозможно идти с тобой».— «Почему это? — спросил ювелир.— Я полюбил тебя и не могу больше с тобой расстаться! Заклинаю тебя Аллахом, пойдем со мной».— «Если ты хочешь долго быть со мной вместе и продлить дружбу между мной и тобой, найми мне дом рядом с твоим домом,— сказал Камар аз-Заман,— и если захочешь, ты будешь бодрствовать у меня и я буду бодрствовать у тебя, и перед сном каждый из нас уйдет в свой дом и будет спать у себя».— «У меня есть дом рядом с моим домом,— сказал ювелир, и он моя собственность. Пойдем ко мне сегодня вечером, а завтра я освобожу его для тебя».

И Камар аз-Заман пошел, и они поужинали и совершили вечернюю молитву, и муж женщины выпил чашу, где было снадобье, и заснул, а в чаше Камар аз-Замана не было примеси, и он выпил ее и не заснул. И жена ювелира пришла к нему и просидела, беседуя с ним, до утра, и ее муж валялся, точно мертвый, а потом он очнулся, как обычно, от сна, и послал за своим жильцом и сказал ему:

«О человек, освободи мне мой дом — он мне понадобился».— «Слушаю и повинуюсь!» — ответил жилец, освободил дом, и Камар аз-Заман поселился в нем и перенес в него все свои пожитки. И в этот вечер ювелир провел время у Камар аз-Замана, а потом он ушел домой.

На следующий день его жена послала за искусным строителем и, призвав его, соблазнила его деньгами, и он сделал ей из ее дома подземный ход, который вел в дом Камар аз-Замана, и устроил опускную дверь под землей. И не успел Камар аз-Заман опомниться, как женщина пришла к нему, неся с собой два мешка денег. «Откуда ты пришла?» — спросил он. И она показала ему подземный ход и сказала: «Возьми эти два мешка его денег»,— и села. И она забавлялась и играла с ним до утра, а потом сказала: «Подожди, я схожу к нему и разбужу его, чтобы он ушел в свою лавку, а потом приду к тебе». И Камар аз-Заман сел и стал ее ждать. А она пошла к своему мужу и разбудила его, и он встал, омылся, помолился и ушел в лавку. И после его ухода она взяла четыре мешка, и принесла к Камар аз-Заману подземным ходом, и сказала: «Возьми эти деньги». И посидела у него, а затем каждый из них ушел своей дорогой, и женщина пошла к себе домой, а Камар аз-Заман отправился на базар. И когда, ко времени заката, он вернулся к себе домой, он увидел у себя десять мешков, и драгоценные камни, и другие вещи. А потом ювелир пришел к Камар аз-Заману, в его дом, и увел его к себе, в ту комнату, и они вместе провели вечер. И невольница, по обычаю, вошла к ним и дала им напиться, и ее господин заснул, а с Камар аз-Заманом ничего не случилось, так как его чаша была безвредная, без примеси.

И женщина пришла к нему и сидела, играя с ним, а невольница носила вещи в дом Камар аз-Замана через подземный ход, и они были в таком положении до утра. А затем невольница разбудила своего господина и напоила обоих кофе, и каждый из них ушел своей дорогой.

И на третий день женщина показала Камар аз-Заману нож, принадлежащий ее мужу (а он был его работы и был сделан его рукой, и ювелир истратил на него пятьсот динаров, так что нельзя было найти ему равного по красоте работы, и люди так часто просили у ювелира этот нож, что он положил его в сундук и не соглашался продать его никому), и сказала Камар аз-Заману: «Возьми этот нож, положи его за пояс и пойди к моему мужу. Сядь с ним рядом, выньнож из-за пояса и скажи: «О мастер, взгляни на этот

нож,— я купил его сегодня. Расскажи мне, проиграл я на нем или выиграл». И мой муж узнает нож, но ему будет стыдно сказать тебе: «Это мой нож!» И если он тебя спросит, где ты его купил и за сколько ты его получил, скажи ему: «Я увидел двух левантинцев, которые дрались, и один из них спросил другого: «Где ты был?» И тот сказал: «Я был у моей подружки; всякий раз, как я с ней встречаюсь, она дает мне денег, а сегодня она мне сказала: «Сейчас у меня нет денег, но возьми этот нож — это нож моего мужа». И я взял у нее нож и хочу его продать». И нож мне понравился, и, когда я услышал, что он говорит это, я спросил его: «Ты продашь его мне?» И он сказал: «Покупай». И я взял у него нож за триста динаров. Узнать бы, дешево это или дорого!» И посмотри, что он тебе скажет. А потом поговори с ним немного, и уйди от него, и приходи скорей ко мне, ты увидишь, что я сижу у входа в подземный ход и жду тебя,— и отдай мне нож».

«Слушаю и повинуюсь!» — сказал Камар аз-Заман, и потом он взял нож, и, положив его за пояс, пошел в лавку ювелира, и приветствовал его. И ювелир сказал ему: «Добро пожаловать!» И посадил его, и он увидел у него за поясом нож, и удивился, и сказал про себя: «Это мой нож, но кто же передал его этому купцу?» И он стал размышлять и говорил про себя: «Узнать бы, мой это нож или похожий на него!» И вдруг Камар аз-Заман вынул нож и сказал: «О мастер, возьми этот нож, взгляни на него». И когда мастер взял нож у него из рук, он узнал его как нельзя лучше, но постыдился сказать: «Это мой нож». И спросил: «Где ты его купил?» И Камар аз-Заман рассказал ему то, что его научила рассказать женщина, и ювелир сказал: «Такой нож за эти деньги — дешев, так как он стоит пятьсот динаров». И огонь загорелся у него в сердце, и руки его запутались и не могли делать его работу. И Камар аз-Заман стал с ним разговаривать, но ювелир был погружен в море размышлений, и всякий раз, как юноша говорил ему пятьдесят слов, он отвечал ему одно слово, и сердце его было в мучении, а тело его было в волнении, и ум его смутился.

И Камар аз-Заман увидел, что ювелир изменился в лице, и сказал ему: «Ты, может быть, сейчас занят». И поднялся и быстро отправился домой, и он увидел, что женщина стоит у входа в подземный ход и ждет его. И, увидев его, она спросила: «Сделал ты так, как я тебе велела?» И Камар аз-Заман сказал: «Да».— «Что он тебе

говорил?» — спросила она. И Камар аз-Заман отвечал: «Он сказал, что за такую цену нож дешев, потому что он стоит пятьсот динаров, но он изменился в лице, и я ушел от него и не знаю, что с ним было после этого».— «Дай нож,— сказала она,— тебе ничего от него не будет». И взяла нож, и положила его на место, и села.

Вот что было с ней. Что же касается ювелира, то после ухода от него Камар аз-Замана в его сердце запылал огонь, и увеличилось его беспокойство, и он сказал про себя: «Непременно схожу и проверю, где нож, и обрежу сомнение уверенностью».

И он пошел, и пришел домой, и вошел к своей жене, пыхтя, точно дракон, и жена его спросила: «Что с тобой, о господин мой?» — «Где мой нож?» — воскликнул ювелир. И жена его ответила: «В сундуке». А затем она стала бить себя рукой в грудь и сказала: «О моя забота! Может быть, ты с кем-нибудь поссорился и пришел искать нож, чтобы ударить его им?» — «Подай нож, покажи мне его!» — сказал ювелир. И жена его воскликнула: «Раньше поклянись мне, что ты никого им не ударишь!» И ювелир поклялся ей, и она открыла сундук и вынула нож, и ее муж принялся его вертеть, говоря: «Поистине, это вещь удивительная!» И затем он сказал ей: «Возьми его и положи на место». И жена его молвила: «Расскажи мне, в чем причина этого». И ювелир сказал: «Я увидел у нашего друга нож такой же, как этот». И рассказал ей всю историю. А потом он сказал: «Но когда я увидел нож в сундуке, я обрезал сомнение уверенностью».— «Ты, может быть, подумал обо мне дурное и решил, что я — подруга этого левантинца и отдала ему нож?» — сказала она. И ювелир молвил: «Да, я усомнился в этом деле, но, когда я увидел нож, сомнение ушло из моего сердца».— «О человек,— сказала его жена,— не осталось в тебе добра». И ювелир принялся извиняться перед ней и наконец умилостивил ее, и потом он вышел и пошел в свою лавку.

А на следующий день женщина дала Камар аз-Заману часы своего мужа (а он сделал их своей рукой, и ни у кого не было им подобных) и сказала ему: «Пойди к нему в лавку, сядь подле него и скажи: «Того, кого я видел вчера, я видел и сегодня, и у него в руках были часы, и он сказал мне: «Не купишь ли эти часы?» И я спросил: «Откуда у тебя эти часы?» И он сказал: «Я был у моей подружки, и она мне их дала». И я купил их за пятьдесят восемь динаров. Скажи мне, дешевы они за эту цену или до-

роги». И посмотри, что он тебе скажет. А когда ты уйдешь от него, приходи скорей ко мне и отдай мне часы».

И Камар аз-Заман пошел к ювелиру и сделал так, как сказала ему женщина, и ювелир, увидев часы, сказал: «Они стоят семьсот динаров». И в него вошло подозрение.

А юноша оставил его и, придя к женщине, отдал ей часы, и вдруг ее муж вошел, пыхтя, и спросил: «Где мои часы?» — «Вот они здесь»,— сказала она. И ювелир воскликнул: «Подай их сюда!» И когда женщина принесла ему часы, он вскричал: «Нет мощи и силы, кроме как у Аллаха, высокого, великого!» — «О человек,— сказала она,— ты не без новостей! Расскажи мне, какие у тебя новости». — «Что я скажу! — воскликнул ювелир.— Я не знаю, что думать в этих обстоятельствах! О женщина,— сказал он потом,— я видел у купца, нашего друга, сначала мой нож (а я узнал его потому, что его работа — изобретение моего ума и подобного ему не найти), и он рассказал мне вещи, огорчающие сердце. И я пришел сюда и увидел нож здесь. А второй раз я увидел у него часы, и работа их — тоже изобретение моего ума, и не найдется подобных им в Басре. И наш друг опять рассказал мне вещи, огорчающие сердце, и я смутился в уме и не понимаю больше, что происходит». — «По твоим словам выходит,— сказала женщина,— что я — подруга этого купца и его милая и отдаю ему твои вещи, и ты допустил, что я тебя обманываю, и пришел меня спросить. И если бы ты не увидел ножа и часов у меня, ты бы уверился в моем обмане. Но только, о человек, раз ты предположил обо мне такие предположения, я не буду есть с тобой одну пищу и пить одну воду после этого, так как ты мне отвратителен отвращением запрещающим».

И ювелир принялся ее уговаривать, и наконец умилостивил ее, и вышел, и стал раскаиваться в том, что обратился к ней с такими словами, и потом он пошел в лавку, и сидел в лавке с Камар аз-Заманом, и его охватило сильное волнение и задумчивость, больше которой нет, и он и верил, и не верил. А под вечер он пришел домой один и не привел с собой Камар аз-Замана. Женщина спросила его: «Где купец?» — «У себя»,— сказал он. И женщина молвила: «Разве остыла твоя дружба с ним?» — «Клянусь Аллахом,— ответил ювелир,— он стал мне противен после того, что из-за него случилось». И жена его сказала ему: «Пойди приведи его ради меня».

И ювелир поднялся, и пришел в дом Камар аз-Замана,

и увидел свои вещи, разложенные там, и узнал их, и огонь загорелся в его сердце, и он начал вздыхать.

«Почему это ты, я вижу, задумчив?» — спросил его Камар аз-Заман. И ювелир постыдился сказать ему: «Мои вещи у тебя, кто к тебе их принес?» Он только сказал: «Меня охватило беспокойство, но пойдем ко мне домой, мы там развлечемся». — «Оставь меня в моем доме, — сказал Камар аз-Заман, — я не пойду к тебе».

И ювелир стал заклинать его и увел его к себе, а потом они поужинали и бодрствовали весь вечер. И Камар аз-Заман разговаривал с ювелиром, но тот был погружен в море дум, и когда юноша-купец говорил сто слов, ювелир отвечал ему одним словом. И невольница вошла к ним, по обычаю, с двумя чашами, и когда они выпили, купец заснул, а юноша не заснул, так как в его чаше не было примеси. И женщина вошла к Камар аз-Заману и сказала ему: «Как ты находишь этого рогатого, который опьянел в своей простоте и не знает козней женщин. Я обязательно его обману, чтобы он со мной развелся. Завтра я приму облик невольницы и пойду за тобой в лавку, и ты ему скажешь: «О мастер, я зашел сегодня в хан торговцев пленными, и увидел эту невольницу, и купил ее за тысячу динаров. Посмотри ее для меня, дешевая она за эту цену или дорогая». И потом открой ему мое лицо и грудь и дай ему посмотреть на меня, а затем возьми меня и вернись со мной в твое жилище, и я пройду домой через подземный ход и посмотрю, чем у нас с ним кончится дело».

И они провели ночь в радости, веселье и застольной беседе и играли, веселились и наслаждались до утра. А после этого женщина ушла в свое помещение и прислала невольницу, и та разбудила своего господина и Камар аз-Замана, и они поднялись и, совершив утреннюю молитву, позавтракали и выпили кофе, и ювелир пошел к себе в лавку, и Камар аз-Заман отправился домой.

И вдруг женщина вышла к нему из подземного хода в облике невольницы (а она раньше была невольницей), и Камар аз-Заман отправился в лавку ювелира, а женщина пошла за ним, и он шел, а она шла сзади, пока он не привел ее к лавке ювелира. И он пожелал ее мужу мира, и сел, и сказал: «О мастер, я ходил сегодня в хан торговцев пленными, чтобы поглядеть, и увидел эту невольницу в руках посредника. Она мне понравилась, и я ее купил за тысячу динаров. Я хочу, чтобы ты взглянул на нее и посмотрел, дешева она за эту цену или нет». И он открыл

лицо женщины, и ювелир увидел, что это его жена (а она оделась в свои самые роскошные одежды и украсилась наилучшими украшениями, и насурьмила глаза, и выкрасила концы пальцев так же, как украшалась перед ним в его доме), и узнал ее наилучшим образом по лицу, одежде и украшениям, так как он делал их своей рукой. И он увидел на ее пальце перстни, которые недавно сделал для Камар аз-Замана. И для него стало со всех сторон ясно, что это его жена. «Как твое имя, о невольница?» — спросил он. И она отвечала: «Халима» (а имя его жены было тоже Халима, и она назвала ему это самое имя).

И ювелир удивился этому и спросил Камар аз-Замана: «За сколько ты ее купил?» — «За тысячу динаров»,— сказал Камар аз-Заман. И ювелир молвил: «Ты получил ее даром, так как тысяча динаров — это меньше, чем стоимость ее перстней, и ее одежда и украшения достались тебе даром».— «Да обрадует тебя Аллах благом,— сказал Камар аз-Заман.— Раз она тебе понравилась, я отведу ее к себе домой».— «Делай как хочешь»,— сказал ювелир. И Камар аз-Заман взял ее и пошел домой, и она прошла через подземный ход и села в своем доме.

Вот что было с ней. Что же касается ювелира, то в его сердце загорелся огонь, и он сказал про себя: «Пойду посмотрю, где моя жена. Если она дома, значит, эта невольница на нее похожа (славен тот, на кого нет похожего), а если моей жены нет дома, значит, это она, без сомнения».

И он вышел, и бежал, пока не вошел в дом, и увидел, что его жена сидит в той самой одежде и украшениях, в которых он ее видел в лавке, и тогда он ударил рукой об руку и воскликнул: «Нет мощи и силы, кроме как у Аллаха, высокого, великого!»

«О человек,— сказала его жена,— случилась с тобой бесноватость или что с тобой такое? Не таковы твои привычки! С тобой обязательно должно быть какое-нибудь дело».— «Если ты хочешь, чтобы я тебе рассказал,— ответил ювелир,— то не огорчайся».— «Говори»,— сказала женщина. И ювелир молвил: «Торговец, наш друг, купил невольницу, стан которой подобен твоему стану, и ее рост такой же, как твой рост, и имя ее такое же, как твое имя, и одежда такая же, как твоя одежда. Она похожа на тебя во всех своих качествах, и на пальцах у нее перстни, подобные твоим перстням, и ее украшения такие же, как твои украшения. Когда он показал мне ее, я подумал, что это ты, и теперь я в смущении. О, если бы мы не видели

этого купца и не дружили с ним, и он бы не приходил из своей страны, и мы бы его не знали! Он замутил мою жизнь после ясности и стал причиной суровости после верности и ввел сомнение в мое сердце».— «Посмотри мне в лицо,— сказала его жена.— Может быть, это я была с ним, и купец — мой друг, и я переоделась в одежду невольницы и сговорилась с ним, что он покажет меня тебе, чтобы обмануть тебя?» — «Что это за слова? — сказал ювелир.— Я не думаю, что ты можешь делать такие вещи!»

А этот ювелир был несведущ в кознях женщин и в том, что они делают с мужчинами.

И жена его сказала ему: «Я буду сидеть дома, а ты пойди к нему сейчас и постучи в ворота и ухитрись быстро войти к нему. И если ты войдешь и увидишь, что невольница у него, значит, эта невольница похожа на меня (славен тот, на кого нет похожего), если же ты не увидишь у него невольницы, значит, я — та невольница, которую ты с ним видел, и твоя дурная мысль обо мне подтвердится».— «Ты права»,— сказал ювелир и оставил ее и вышел. А она встала и, спустившись в подземный ход, села у Камар аз-Замана, и рассказала ему об этом, и сказала: «Отопри скорей ворота и покажи меня ему».

И когда они разговаривали, вдруг постучали в ворота, и Камар аз-Заман спросил: «Кто у ворот?» И ювелир ответил: «Я, твой друг. Ты мне показывал на рынке невольницу, и я порадовался за тебя, но моя радость не была полной. Открой же ворота и покажи ее мне».— «В этом нет дурного»,— сказал Камар аз-Заман и отпер ворота. И ювелир увидел, что его жена сидит у Камар аз-Замана. И она поднялась и поцеловала ему и Камар аз-Заману руку, и ювелир посмотрел на нее и поговорил немного с юношей, и он увидел, что невольница ничем не отличается от его жены.

«Аллах творит, что хочет»,— сказал он и вышел, и увеличилось в его сердце беспокойство, и он вернулся к себе домой и увидел, что его жена сидит дома, так как она прибежала раньше его через подземный ход, когда он вышел из ворот, и села у себя в доме. И когда ее муж вошел к ней, она спросила его: «Что ты видел?» — «Я видел ее у ее господина, и она похожа на тебя»,— сказал ювелир. И женщина молвила: «Отправляйся к себе в лавку, и довольно тебе подозревать. Ты больше не будешь подозревать меня?» — «Не буду,— сказал ювелир.— Не взыщи

с меня за то, что от меня было».— «Да простит тебе Аллах!» — сказала его жена, и затем ювелир ушел к себе в лавку. А его жена прошла по подземному ходу к Камар аз-Заману, неся с собой четыре мешка, и сказала ему: «Собирайся к поспешному отъезду и приготовься грузить деньги безотлагательно, пока я сделаю для тебя какие у меня есть хитрости».

И Камар аз-Заман вышел, и купил мулов, и погрузил тюки, и приготовил носилки, а потом он купил невольников и евнухов и вывел их всех из города. И когда все было готово, он пришел к женщине и сказал: «Я закончил свои дела».— «И я тоже,— сказала она.— Я перенесла остатки его денег и все его сокровища к тебе и не оставила ему ни малого, ни многого, чем бы он мог пользоваться, и все это от любви к тебе, возлюбленный моего сердца. Я выкуплю тебя тысячу раз моим мужем. Но тебе следует пойти к нему, и попрощаться с ним, и сказать: «Я хочу уехать через три дня и пришел к тебе проститься. Сосчитай, сколько приходится с меня, чтобы я отдал тебе за дом, и ты освободишь меня от ответственности». И посмотри, что он скажет, и вернись ко мне, и расскажи — я уже обессилела, хитря с ним и стараясь его рассердить, чтобы он со мной развелся, но вижу только, что он за меня цепляется. Нам не осталось ничего другого, как отправиться в твою страну».— «О, как прекрасно, если оправдаются грезы!» — сказал Камар аз-Заман.

И затем он пошел в лавку ювелира и, сев подле него, сказал: «О мастер, я уезжаю через три дня и пришел только с тобой проститься. Я хочу, чтобы ты сосчитал, сколько приходится тебе с меня за дом,— я отдам тебе плату, и ты освободишь меня от ответственности».— «Что это за слова? — сказал ювелир.— Твоя милость лежит на мне, и, клянусь Аллахом, я ничего не возьму с тебя в уплату за дом, и сошли на нас благословение. Но твой отъезд заставит нас тосковать по тебе, и, если бы это не было для меня запретно, я бы, право, тебе воспрепятствовал и не пустил бы тебя к твоей семье и родным».

И затем он простился с ним, и оба заплакали сильным плачем, сильнее которого нет, и ювелир тотчас же запер лавку и сказал про себя: «Мне следует проводить моего друга». И всякий раз как Камар аз-Заман шел, чтобы сделать какое-нибудь дело, ювелир шел за ним. И, входя в дом Камар аз-Замана, он видел там невольницу, которая стояла перед ними и прислуживала им, а возвратившись до-

мой, он видел свою жену сидящей у себя. И ювелир не переставал видеть ее у себя в своем доме, когда входил в него, и видеть ее в доме Камар аз-Замана, когда входил туда, в течение трех дней.

А потом Халима сказала Камар аз-Заману: «Я перенесла уже все, что у него есть из сокровищ, денег и ковров, и у него осталась только невольница, которая приносила вам питье, я не могу с ней расстаться, так как она близка мне и дорога и хранит мои тайны, я хочу ее побить и рассердиться на нее. И когда мой муж придет, я ему скажу: «Я больше не согласна иметь эту невольницу и не буду жить с ней в одном доме. Возьми ее и продай». И он возьмет невольницу, чтобы продать ее, и купи ее ты, чтобы мы ее взяли с собой». И Камар аз-Заман сказал: «Это недурно».

И затем жена ювелира побила невольницу, и, когда ее муж вошел к ней, он увидел, что невольница плачет, и спросил ее о причине плача, и она сказала: «Моя госпожа побила меня».

И ювелир пошел к жене и спросил: «Что сделала эта проклятая невольница, что ты ее побила?» И его жена сказала: «О человек, я скажу тебе одно слово — я не могу больше видеть эту невольницу. Возьми ее и продай или разведись со мной».— «Я ее продам и не стану перечить твоему приказанию»,— сказал ювелир. И затем он взял невольницу с собой, когда уходил в лавку, и прошел с ней мимо Камар аз-Замана, а его жена, после его ухода с невольницей, быстро побежала по подземному ходу к Камар аз-Заману, и он посадил ее в носилки, прежде чем старик ювелир дошел до него. И когда он к нему пришел, Камар аз-Заман увидел у него невольницу и спросил: «Кто это такая?» И ювелир сказал: «Это моя невольница, которая поила нас напитком. Она ослушалась своей госпожи, и та рассердилась на нее и велела мне ее продать».— «Раз госпожа ее ненавидит, ей нельзя больше у нее жить,— сказал Камар аз-Заман.— Но продай ее мне, чтобы она напоминала о тебе, и я сделаю ее служанкой для моей невольницы Халимы».— «Это недурно,— сказал ювелир,— возьми ее».— «За сколько?» — спросил Камар аз-Заман. И ювелир ответил: «Я не возьму с тебя ничего, так как ты оказал нам милость».

И Камар аз-Заман принял от него невольницу и сказал женщине: «Поцелуй руку твоему господину». И она показалась ювелиру из носилок, и поцеловала ему руку,

и затем села в носилки, а ювелир смотрел на нее. И Камар аз-Заман сказал ему: «Поручаю тебя Аллаху, о мастер Убейд, освободи меня от ответственности!» И ювелир молвил: «Да освободит тебя Аллах от ответственности и да доставит тебя благополучно к твоей семье!» И он простился с юношей и отправился в свою лавку, плача, и ему было тяжело расстаться с Камар аз-Заманом, так как это был его друг, а друг имеет права. Но все-таки он был рад, что рассеются подозрения, которые охватили его из-за дел его жены, так как Камар аз-Заман уехал, и не оправдалось то, что он подумал о своей жене.

Вот что было с ним. Что же касается Камар аз-Замана, то женщина сказала ему: «Если ты хочешь безопасности, то поезжай с нами не по обычной дороге». И Камар аз-Заман отвечал: «Слушаю и повинуюсь!» И затем он поехал по дороге иной, чем та, по которой ходили обычно люди, и до тех пор ехал из страны в страну, пока не достиг границ Египта. И тогда он написал письмо и послал его отцу со скороходом.

А его отец, купец Абд ар-Рахман, сидел на базаре среди купцов, и в сердце его, из-за разлуки с сыном, было горе, ибо с того времени, как Камар аз-Заман уехал, к нему не приходило от него вестей. И в это время вдруг подошел скороход и спросил: «О господа, есть среди вас купец Абд ар-Рахман?» И его спросили: «А чего ты от него хочешь?» И скороход сказал: «У меня письмо от его сына Камар аз-Замана, и я расстался с ним в аль-Арише».

И Абд ар-Рахман обрадовался и возвеселился, и купцы обрадовались за него и поздравили его с благополучием. И потом он взял письмо, и прочитал его, и увидел в нем: «От Камар аз-Замана купцу Абд ар-Рахману. После пожелания мира тебе и всем купцам скажу: если вы спросите про нас, то, Аллаху хвала и благодарение, мы продали, купили и нажили, и затем мы прибыли во здравии, безопасности и благополучии».

И тогда купец несказанно обрадовался, и устроил пиры, и умножил угощения и приглашения, и велел принести музыкальные инструменты, и совершил от радости разные чудеса. И когда его сын достиг ас-Салихии, ему навстречу вышел его отец, и все купцы его встретили. И его отец обнял его, и прижал к своей груди, и так заплакал, что лишился чувств, а очнувшись, он сказал: «Благословен этот день, дитя мое, раз свел нас с тобой наблюдающий, властный».

И потом купцы подошли к Камар аз-Заману и приветствовали его, и они увидели с ним много тюков, и евнухов, и носилки с широкой оградой, и взяли его, и привели домой. И когда жена ювелира вышла из носилок, отец Камар аз-Замана увидел, что она искушение для тех, кто видит. И для нее открыли высокий дворец, подобный сокровищу, с которого сняты талисманы. И когда мать Камар аз-Замана увидела ее, она пленилась ею и подумала, что это царица из жен царей, и обрадовалась ей, и стала ее расспрашивать. И Халима сказала: «Я жена твоего сына». И мать Камар аз-Замана сказала: «Раз он на тебе женился, нам следует устроить тебе великолепную свадьбу, чтобы порадоваться на тебя и на сына».

Вот что было с нею. Что же касается купца Абд ар-Рахмана, то после того, как люди разошлись и все ушли своей дорогой, он встретился с сыном и сказал: «О дитя мое, что это у тебя за невольница и за сколько ты ее купил?» — «О батюшка,— ответил Камар аз-Заман,— это не невольница, это та женщина, что была причиной моего отъезда из дома».— «Как это?» — спросил его отец. И юноша сказал: «Это та, кого описывал нам дервиш в ту ночь, когда он у нас ночевал. Мои мечты привязались к ней с того времени, и я захотел уехать только из-за нее. И по дороге меня раздели, и кочевники взяли мои деньги, и я вошел в Басру один, и со мной случилось то-то и то-то».

И он стал рассказывать своему отцу все дело с начала до конца. И когда он кончил свой рассказ, Абд ар-Рахман сказал: «О дитя мое, и после всего этого разве ты на ней женился?» — «Нет,— сказал Камар аз-Заман,— но я обещал ей жениться».— «А ты хочешь жениться на ней?» — спросил Абд-ар-Рахман. И юноша ответил: «Если ты мне прикажешь, я это сделаю, а если нет, я на ней не женюсь».— «Если ты на ней женишься,— сказал ему отец,— я буду свободен от ответа за тебя в дольней и будущей жизни и разгневаюсь на тебя сильным гневом. Как ты на ней женишься, когда она сделала такие дела со своим мужем? Раз она сделала их со своим мужем ради тебя, она сделает и с тобой то же ради другого — она обманщица, а обманщице нет доверия. Если ты меня не послушаешься, я буду на тебя гневен, а если ты услышишь мои слова, я поищу тебе девушку лучше ее, чистую, непорочную, и женю тебя на ней, хотя бы мне пришлось истратить все мои деньги. И я устрою тебе свадьбу, подобной которой не

бывало, и буду похваляться тобой и ею. И если люди скажут: «Такой-то женился на дочери такого-то»,— это лучше, чем когда они скажут: «Он женился на невольнице без рода и племени».

И отец уговаривал сына не жениться и приводил изречения, рассказы, стихи, притчи и назидания. И Камар аз-Заман сказал: «О батюшка, если дело обстоит так, то нет у меня желания жениться на ней».

И когда Камар аз-Заман произнес эти слова, его отец поцеловал его в лоб и сказал: «Ты действительно мой сын! Клянусь твоей жизнью, о дитя мое, я обязательно женю тебя на девушке, которой нет равной».

И затем купец Абд ар-Рахман посадил жену Убейда, ювелира, и ее невольницу в высокий дом, и запер их, приставил к ним черную рабыню, которая приносила им пищу и питье, и сказал Халиме: «Ты и твоя невольница останетесь заключенными в этом доме, пока я не присмотрю кого-нибудь, кто вас купит, и не продам вас ему, а если ты ослушаешься, я убью тебя вместе с твоей невольницей — ты обманщица, и нет в тебе добра».— «Делай то, что желаешь,— сказала женщина,— я заслуживаю всего, что ты со мной сделаешь». И купец запер их, и поручил их своим женщинам, и сказал: «Пусть не входит к ним и не говорит с ними никто, кроме черной рабыни, которая дает им еду и питье через окно».

И жена ювелира со своей невольницей сидела и плакала, раскаиваясь в том, что она сделала со своим мужем.

Вот то, что было с ней. Что же касается до купца Абд ар-Рахмана, то он послал свах, чтобы они высватали девушку, родовитую и почтенную, для его сына, и они все время искали, и всякий раз, как видели девушку, они узнавали о другой, лучше ее. И наконец они вошли в дом шейха-аль-ислама и увидели его дочь, которой не было равной в Египте (а она была красива, прелестна, стройна и соразмерна и была лучше жены Убейда, ювелира, в тысячу раз). И рассказали о ней Абд ар-Рахману. И он отправился вместе с вельможами к ее отцу, и к девушке посватались, и написали запись, и устроили великолепную свадьбу.

А затем Абд ар-Рахман затеял пиры и пригласил в первый день факихов, и они устроили рождество честное, а на второй день он пригласил всех купцов, и стали бить в барабаны и свистеть на флейтах, и он украсил улицу

и квартал светильниками, и каждый день приходили всевозможные игроки и играли во всякие игры. И Абд ар-Рахман ежедневно устраивал всякие угощения для людей одного разряда, так что пригласил и ученых, и эмиров, и знаменосцев, и судей. И свадьба продолжалась непрерывно сорок дней, и всякий день купец сидел и встречал людей, а его сын сидел с ним рядом и смотрел на людей, которые ели за трапезой, и была это свадьба, которой нет равной.

А в последний день он пригласил бедняков и нищих, близких и иноземных, и они приходили толпами и ели, и купец сидел, и его сын сидел рядом с ним.

И когда это было так, вдруг шейх Убейд, муж той женщины, вошел среди бедняков, голый и усталый, и на лице его были следы путешествия. И Камар аз-Заман, увидев Убейда, узнал его и сказал своему отцу: «Посмотри, батюшка, на этого бедного человека, который вошел в дверь». И Абд ар-Рахман посмотрел на него и увидел, что он в поношенной одежде и на нем обрывки халата, стоящего два дирхема, и лицо у него желтое, и он покрыт пылью, и подобен отбившемуся паломнику, и стонет, как нуждающийся больной, и ходит шатаясь, и качается при ходьбе направо и налево.

И купец спросил: «О дитя мое, кто это?» И Камар аз-Заман молвил: «Это мастер Убейд — ювелир, муж женщины, запертой у нас».— «Это тот, про которого ты мне рассказывал?» — спросил Абд ар-Рахман. И Камар аз-Заман сказал: «Да, и я отлично узнал его».

А причиной прихода ювелира было вот что. Простившись с Камар аз-Заманом, он отправился в свою лавку, и пришла к нему небольшая работа, и он взял ее и работал остаток дня, а к вечеру он запер лавку, и пошел домой, и приложил руку к двери, и она открылась, и ювелир вошел и не увидел ни своей жены, ни невольницы. И он увидел, что дом в самом плохом состоянии.

И когда ювелир увидел, что дом пуст, он обернулся направо и налево и затем стал кружить по дому, как бесноватый, но не нашел никого. И он открыл дверь в свою кладовую и не нашел в ней ничего — ни денег, ни сокровищ. И тогда он очнулся от беспамятства и пришел в себя после бесчувствия и понял, что это его жена устраивала хитрости и обманула его. И ювелир заплакал из-за того, что случилось, но скрыл свое дело, чтобы не злорадствовал над ним никто из его врагов и не огорчался никто из его

друзей. И он знал, что если откроет тайну, то постигнет его лишь позор и упреки от людей.

И он сказал себе: «О такой-то, скрывай постигшее тебя умопомрачение и беду».

И затем он запер свой дом, и отправился в лавку, и оставил смотреть за ней работника из своих работников, и сказал ему: «Юноша-купец, мой друг, пригласил меня поехать с ним в Египет для развлечения и поклялся, что не уйдет, пока не возьмет меня вместе с моей женой. А ты, о дитя мое, мой поверенный в этой лавке, и если спросит тебя про меня царь, скажи ему: «Он отправился со своей женой к священному храму Аллаха».

И затем он продал некоторые свои вещи, и купил верблюдов, мулов и невольников, и купил себе рабыню и, посадив ее в носилки, выехал из Басры через десять дней. И его друзья простились с ним, и он поехал, и люди думали, что он взял свою жену и отправился в паломничество, и все обрадовались, так как Аллах спас их от заточения в мечетях и в домах каждую пятницу. И некоторые люди стали говорить: «Пусть Аллах не вернет его в Басру, чтобы нас не запирали в мечетях и в домах каждую пятницу, так как это обстоятельство доставило людям Басры великое горе». А некоторые говорили: «Думаю, что он не вернется из путешествия по причине проклятий жителей Басры». А еще некоторые говорили: «Если он вернется, то вернется в униженном положении».

И жители Басры обрадовались его отъезду великой радостью, после того как были в великой горести, и даже их кошки и собаки повеселели. И когда пришел день пятницы, глашатай закричал в городе по обычаю, чтобы все пошли в мечети за два часа до пятничной молитвы или спрятались в домах вместе с кошками и собаками. И грудь жителей Басры стеснилась, и они все собрались, и пошли в диван, и, став перед царем, сказали: «О царь времени, ювелир взял свою жену и поехал в паломничество к священному храму Аллаха, так что исчезла та причина, из-за которой нас запирали. Для чего же запирать нас теперь?» И царь молвил: «Как же этот обманщик уехал и не осведомил меня? Но когда он вернется из путешествия, будет одно лишь благо! Ступайте в ваши лавки, продавайте и покупайте — кончилось для вас это положение».

Вот что было с царем и жителями Басры. Что же касается мастера Убейда, ювелира, то он проехал десять пере-

ходов, и с ним случилось то же, что случилось с Камар аз-Заманом перед въездом в Басру: на него напали багдадские кочевники, и раздели его, и взяли то, что с ним было. И он притворился мертвым, пока не освободился. А когда кочевники ушли, он встал и пошел голый, пока не вошел в какое-то селение. И Аллах смягчил к нему людей блага, и они прикрыли его срамоту куском рваной одежды, и ювелир просил и кормился этим, переходя из города в город, пока не достиг Каира-Охраняемого.

И его сжигал голод, и он ходил по базару и просил. И один из жителей Каира сказал ему: «О нищий, ступай в дом, где свадьба, ешь и пей».— «Я не знаю дороги в дом, где свадьба»,— сказал ювелир. И человек молвил: «Иди за мной следом, я тебе его покажу».

И ювелир следовал за этим человеком, пока тот не дошел до дома, и тогда он сказал: «Вот он, дом, где свадьба. Входи и не бойся, у ворот радости нет преграды».

И когда ювелир вошел, Камар аз-Заман увидел его, и узнал, и сказал о нем своему отцу. И купец Абд ар-Рахман сказал своему сыну: «О дитя мое, оставь его сейчас, может быть, он голодный. Дай ему есть, пока он не насытится и не успокоится его страх, а потом мы его позовем».

И они подождали, пока ювелир не наелся вдоволь и не вымыл руки и не выпил кофе и напиток с сахаром, смешанный с мускусом и амброй, и тогда он хотел выйти, а отец Камар аз-Замана послал за ним, и посланный сказал ему: «Иди сюда, о чужеземец, поговори с купцом Абд ар-Рахманом».— «Что это за купец?» — спросил ювелир. И посланный сказал: «Устроитель свадьбы». И ювелир вернулся назад, думая, что купец даст ему подарок. Но, подойдя к купцу, он увидел своего друга Камар аз-Замана и едва не потерял сознание от стыда перед ним. И Камар аз-Заман встал на ноги, и заключил его в объятия, и приветствовал его, и оба заплакали сильным плачем, и затем Камар аз-Заман посадил его рядом с собой, и отец его сказал: «О необходительный, не так встречают друзей! Пошли его сначала в баню и пришли ему одежду, для него подходящую, а после этого сядь с ним и побеседуй». И Камар аз-Заман кликнул нескольких слуг, и приказал им отвести ювелира в баню, и послал ему платье из избранных одежд, стоящее тысячу динаров или больше этого. И ювелиру вымыли тело и одели его в это платье, и он стал подобен начальнику купцов.

А присутствующие спрашивали Камар аз-Замана, когда Убейд ушел в баню, и говорили: «Кто это и откуда ты его знаешь?» И Камар аз-Заман отвечал: «Это мой друг. Он поселил меня в своем доме, и я обязан ему милостями несчетными. Он оказал мне великое уважение, и он из людей счастья и господства, а по ремеслу он ювелир, которому нет равных. Царь Басры любит его большой любовью. Он занимает у него великое место, и его слово исполняется».

И Камар аз-Заман начал усердствовать, восхваляя его, и говорил: «Он сделал мне то-то и то-то, и мне стыдно перед ним, и я не знаю, как воздать ему за уважение, которое он мне оказал». И он до тех пор расхваливал ювелира, пока его сан не стал великим для присутствующих и он не сделался почтенным в их глазах. И люди сказали: «Мы все сделаем то, что ему следует, и окажем ему уважение, но мы хотим знать, какова причина его прихода в Каир, и почему он ушел из своей страны, и что сделал с ним Аллах, так что он оказался в таком положении».

И Камар аз-Заман молвил: «О люди, не удивляйтесь. Человек живет под знаком предопределения и судьбы, и, пока он в этом мире, он не в безопасности от бедствий.

Знайте, что я тоже вошел в Басру в еще худшем положении, чем он, испытывая более сильные мучения, так как этот человек вошел в Каир со срамотой, прикрытой тряпкой, а что до меня, то я вошел в его страну с обнаженной срамотой — рука сзади и рука спереди, и помог мне только Аллах и этот достойный человек. А причиной этого было то, что кочевники оголили меня, и взяли моих верблюдов, мулов и тюки, и убили моих слуг и людей. И я лег среди убитых, и подумали, что я мертвый, и ушли, и прошли мимо меня. И после этого я встал и шел голый, пока не вошел в Басру. И этот человек встретил меня, и одел, и поселил в своем доме, и поддержал деньгами, и все, что я привез с собой,— только от блага Аллаха и его блага. А когда я уехал, он дал мне всего много, и я вернулся в свою страну с залеченным сердцем и оставил его, когда он был в величии и счастье. Может быть, с ним случилась после этого превратность из превратностей времени, которая заставила его расстаться с близкими и родиной, и произошло с ним по дороге то же, что произошло со мной, и нет в этом удивительного. Но мне теперь следует воздать ему за благородные поступки, которые он со мной совершил».

И когда они вели эти подобные разговоры, вдруг подошел к ним мастер Убейд, похожий на начальника купцов, и все поднялись на ноги, и приветствовали его, и посадили на почетное место. И Камар аз-Заман сказал мастеру: «О друг мой, твой день благословен и счастлив! Не рассказывай мне ничего из того, что случилось со мною прежде тебя! Если кочевники тебя раздели и взяли у тебя деньги, то ведь деньги — выкуп за тело. Не огорчайся же. Я вступил в твою страну голый, а ты одел меня и оказал мне уважение, и я обязан тебе многими милостями и вознагражу теперь тебя. Я сделаю с тобой то, что ты сделал со мною,— нет, больше этого,— успокой свою душу и услади глаза».

И Камар аз-Заман принялся его успокаивать и не давал ему говорить, чтобы он не вспомнил свою жену и то, что она с ним сделала, и до тех пор наставлял его назиданиями, притчами, стихами, остроумными словами, рассказами и историями и развлекал его, пока ювелир не заметил, что Камар аз-Заман указывает ему на сохранение тайны. И тогда он скрыл то, что чувствовал, и отвлекся рассказами и редкими историями.

А потом Камар аз-Заман и его отец, купец Абд ар-Рахман, взяли ювелира, и ввели его в гарем, и уединились с ним. И купец Абд ар-Рахман сказал: «Мы мешали тебе говорить только потому, что боялись позора для тебя и для нас, но теперь мы одни. Расскажи же мне, что случилось у тебя с твоей женой и с моим сыном».

И ювелир рассказал ему всю историю, с начала до конца, и, когда он окончил свой рассказ, Абд ар-Рахман спросил его: «Грех из-за твоей жены или из-за моего сына?» — «Клянусь Аллахом,— ответил ювелир,— на твоем сыне нет греха, так как у мужчин есть охота до женщин, и женщинам следует не даваться мужчинам. Позор — на моей жене, которая меня обманула и сделала со мной эти дела...»

И купец поднялся и, уединившись со своим сыном, сказал ему: «О дитя мое, мы испытали его жену и узнали, что она обманщица. Теперь я хочу испытать его самого и узнать, обладает ли он честью и благородством или он сводник собственной жены».— «А как так?» — спросил Камар аз-Заман. И его отец ответил: «Я хочу побудить его примириться с женой, и, если он согласится на примирение и простит ее, я ударю его мечом и убью, а после этого я убью ее вместе с ее невольницей, так как нет блага в том,

чтобы жили сводник и прелюбодейка. А если он почувствует к ней неприязнь, то я его женю на твоей сестре и дам ему больше тех денег, которые ты у него взял».

А затем он вернулся к ювелиру и сказал ему: «О мастер, общение с женщинами требует долготерпения, и тот, кто их любит, должен быть великодушным, так как женщины сварливы с мужчинами и обижают их, ибо они превозносятся над ними красотой и прелестью и считают себя великими, а мужчин ничтожными, в особенности если они видят от своих мужей любовь — тогда они отвечают на нее высокомерием, чванством и дурными делами со всех сторон. И если муж сердится всякий раз, как видит от своей жены то, что ему неприятно, не будет у него с ней дружбы, и подходит к женщинам только разумный и терпеливый. Если же человек ничего не терпит от своей жены и не встречает ее обиды прощением, не будет ему в общении с ней успеха. Ведь сказано о женщинах: «Если бы были они на небе, право, склонились бы перед ними шеи мужчин». Кто может и прощает, награда тому у Аллаха. А эта женщина — твоя жена и подруга, и ее общение с тобой длится долго, и надлежит тебе ее простить. Это один из признаков успеха в дружбе. Женщинам недостает ума и веры. И если твоя жена поступила дурно, то ведь она раскаялась и, если захочет Аллах, она не вернется к тому, что делала раньше. По-моему, тебе следует помириться с нею, и я верну тебе больше денег, чем у тебя было. Если ты останешься со мной — добро пожаловать и тебе и ей, и будет вам только то, что вас радует; если же ты пожелаешь отправиться в свою страну, я дам тебе то, что тебя удовлетворит. Вот носилки готовы, посади туда свою жену и ее невольницу и отправляйся в твою страну — между мужем и женой случается многое, и надлежит тебе облегчить дело и не идти по пути затруднения».

«О господин,— спросил ювелир,— а где моя жена?» И Абд ар-Рахман сказал: «Вот она в этом доме. Поднимись к ней и поступай с ней хорошо, ради меня, и не огорчай ее. Когда мой сын привез ее и захотел на ней жениться, я не допустил его к ней, и посадил ее в этот дом, и запер, и в душе я сказал: «Может быть, ее муж придет, и я передам ее ему, так как она прекрасна обликом, и такую, что подобна ей, невозможно мужу покинуть». И то, что я предполагал, произошло. Хвала же Аллаху великому за твою встречу с женой. Что же касается моего сына, то я про-

сватал ему девушку и женил его на другой, и эти пиры и угощения — из-за его свадьбы, и сегодня вечером я ввел его к жене. Вот ключ от дома, в котором твоя жена. Возьми его, открой дверь и войди к твоей жене и невольнице. Веселись с нею, и к вам будет приходить еда и питье, и не выходи от нее, пока ты ею не насытишься».

«Да воздаст тебе Аллах за меня всяким благом, о господин»,— сказал ювелир.

И затем Убейд взял ключ и пошел, радостный, и купец подумал, что эти речи понравились ему и что он с ними согласился. И купец взял меч и пошел сзади ювелира, так что тот его не видел, и остановился, смотря, что будет между ним и его женой.

Вот что было с купцом Абд ар-Рахманом. Что же касается ювелира, то он вошел к своей жене и увидел, что она плачет сильным плачем из-за того, что Камар аз-Заман женился на другой, и увидел, что невольница говорит ей: «Сколько я тебе советовала, о госпожа, и говорила: «От этого юноши не достанется тебе добра, оставь общение с ним». Но ты не слушала моих слов, и ограбила все деньги твоего мужа, и отдала их ему, а потом ты оставила твое место и привязалась своей любовью к нему и приехала с ним в эту страну. Но и после этого он выбросил тебя из ума, и женился на другой, и сделал концом твоей привязанности к нему заточение».

И жена ювелира сказала: «Замолчи, о проклятая! Если он даже и женился на другой, я обязательно приду ему когда-нибудь на ум. Он обязательно вспомнит общение со мной и мою дружбу и спросит обо мне, и я не откажусь от его любви и не отойду от страсти к нему, хотя бы я умерла в тюрьме,— он ведь мой возлюбленный и лекарь. Я жажду, чтобы он вернулся ко мне и предался со мною весельюˮ».

И когда ее муж услышал, что она говорит такие слова, он вошел к ней и сказал: «О обманщица, ты жаждешь его так же, как иблис жаждал рая. В тебе были все пороки, а я этого и не ведал! Если бы я знал, что в тебе есть хоть один порок из этих пороков, я бы не держал тебя у себя ни одного часа. Но раз я убедился насчет тебя в этом, мне надлежит тебя убить, хотя бы меня убили за тебя, о обманщица!»

Потом он схватил ее за горло и задушил ее. И невольница закричала: «Увы, моя госпожа!» И ювелир сказал ей: «О распутница, весь позор от тебя, так как ты знала, что

в ней есть это свойство, и не рассказала мне». И затем он схватил невольницу и задушил ее.

И все это время купец держал меч в руке и стоял за дверью. А потом, когда Убейд, ювелир, задушил жену в доме купца, в нем умножились страхи, и он устрашился исхода этого дела и сказал про себя: «Когда купец узнает, что я их убил в его доме, он обязательно меня убьет». И он смутился и не знал, как поступить.

И в это время купец Абд ар-Рахман вошел к нему и сказал: «С тобой не будет беды! Ты заслуживаешь безопасности. Посмотри на этот меч у меня в руках: я задумал убить тебя, если ты помиришься с ней и простишь ее, и убить невольницу. Но раз ты совершил эти поступки, то добро пожаловать, и не будет тебе иного воздаянья, кроме того, что я женю тебя на моей дочери, сестре Камар аз-Замана».

И затем он взял его, и вышел с ним, и велел привести обмывальщицу, и распространился слух, что Камар аз-Заман, сын купца Абд ар-Рахмана, привез с собой двух невольниц из Басры, и они умерли. И люди стали соболезновать ему и говорили: «Да живи долго, и да возместит тебе Аллах!» А потом женщин вымыли, и завернули в саван, и закопали, и никто не знал истины в этом деле.

Вот что было с Убейдом, ювелиром, и его женой и невольницей. Что же касается купца Абд ар-Рахмана, то он призвал шейх-аль-ислама и всех вельмож и сказал: «Шейх-аль-ислам, напиши запись моей дочери Каукаб ас-Сабах с мастером Убейдом, ювелиром, а приданое за нее уже пришло ко мне, полностью и до конца».

И шейх-аль-ислам написал запись, и купец напоил всех напитками, и свадьбу сделали общей, и отнесли дочь шейх-аль-ислама, жену Камар аз-Замана, и его сестру Каукаб ас-Сабах, жену мастера Убейда, ювелира, в одних носилках в одну и ту же ночь, а вечером привели Камар аз-Замана и мастера Убейда вместе. И Камар аз-Замана ввели к дочери шейх-аль-ислама, а мастера Убейда ввели к дочери купца Абд ар-Рахмана. И когда он вошел к ней, он увидел, что она лучше его жены и прекраснее ее в тысячу раз. И затем он уничтожил ее девственность, а наутро пошел с Камар аз-Заманом в баню.

И он провел у них некоторое время в радости и веселье, а затем затосковал по своей стране. И, войдя к купцу Абд ар-Рахману, сказал ему: «О дядюшка, я стосковался по

своей стране, и у меня есть в ней владения и поместья. Я оставил там одного из моих работников за себя поверенным и хочу поехать в мою страну, чтобы продать мои владения, а потом я вернусь к тебе. Позволишь ли ты мне отправиться в мою страну?» — «О дитя мое,— сказал ему купец,— я тебе уже позволил, и нет на тебе упрека за эти слова — ведь любовь к родине принадлежит к вере, и кому нет блага в своей стране, тому нет блага и в чужой стране. Но, может быть, если ты поедешь без твоей жены и войдешь в свою страну, тебе станет приятно там жить, и ты будешь колебаться между возвращением к жене и пребыванием в твоей стране. Правильное мнение будет, чтобы ты взял свою жену с собой, а потом, если захочешь вернуться к нам, возвращайся вместе с женой, и добро пожаловать тебе и ей. Мы ведь люди, не знающие развода, женщина у нас не выходит замуж дважды, и мы не порываем с человеком попусту». — «О дядюшка.— сказал ювелир,— я боюсь, что твоя дочь не согласится уехать со мной в мою страну». — «О дитя мое,— сказал купец,— у нас нет жен, которые прекословят своим мужьям, и мы не знаем жены, что сердится на мужа». — «Да благословит Аллах вас и ваших жен!» — сказал ювелир. А затем он вошел к своей жене и сказал ей: «Я хочу поехать в мою страну. Что ты скажешь?» — «Мой отец,— ответила она,— властвовал надо мной, пока я была невинна, а когда я вышла замуж, вся власть перешла в руки моего мужа, и я не буду ему перечить». — «Да благословит Аллах тебя и твоего отца, и да помилует Аллах утробу, которая тебя носила, и семя, которое тебя породило»,— сказал ювелир.

И после этого он начал собираться в путь. Его тесть дал ему всего много, и они простились друг с другом, и затем ювелир взял свою жену, и поехал, и ехал до тех пор, пока не вступил в Басру. И вышли ему навстречу близкие и друзья. И некоторые люди радовались его прибытию, а другие были огорчены его возвращением в Басру, и люди говорили друг другу: «Он станет нас стеснять каждую пятницу, по обычаю, и мы будем заперты в мечетях и дома, и он запрет даже наших кошек и собак».

Вот что было с ним. Что же касается царя Басры, то, узнав о прибытии ювелира, он разгневался на него, и, послав за ним, призвал его к себе, и начал его бранить, и сказал: «Как это ты уезжаешь и не осведомляешь меня о твоем отъезде? Разве я бы не смог дать тебе что-нибудь в помощь для паломничества к священному храму Алла-

ха?» И ювелир сказал ему: «Прощение, о господин! Клянусь Аллахом, я не совершил паломничества, но со мной случилось то-то и то-то».

И он рассказал ему, что случилось у него с его женой и с купцом Абд ар-Рахманом каирским, и как тот женил его на своей дочери, и наконец сказал: «И вот я привез ее в Басру!» И тогда царь воскликнул: «Клянусь Аллахом, если бы я не боялся Аллаха великого, я бы, право, убил тебя и женился на этой родовитой женщине после тебя, хотя бы пришлось истратить на нее сокровищницы денег, так как она годится только для царей. Но Аллах сделал ее твоим уделом и благословил тебя с нею. Заботься же о ней получше».

И затем царь оказал ювелиру милость, и тот ушел от него и прожил со своей женой пять лет, а после этого он преставился к милости великого Аллаха. И царь посватался к его жене, но она не согласилась и сказала: «О царь, я не видела в моем племени женщины, которая вышла бы замуж после смерти своего мужа, и я не выйду замуж ни за кого после мужа и не выйду за тебя, хотя бы ты меня убил». И царь послал спросить ее: «Хочешь ли ты отправиться в свою страну?» И она ответила: «Если ты сделаешь благо, будешь вознагражден». И царь собрал ей все деньги ювелира и прибавил от себя сообразно своему сану. И затем он послал с ней вазира из своих вазиров, известного благом и праведностью, и послал с ним пятьсот всадников. И этот вазир ехал с ней, пока не доставил ее к отцу, и она жила, не выходя замуж, пока не умерла и не умерли они все.

И если эта женщина не согласилась сменить своего мужа после его смерти на султана, как сравнить ее с той, что сменила его при жизни на юношу неизвестного корня и рода, в особенности раз это было в разврате, а не путем установленного брака? Если кто думает, что все женщины одинаковы, то для болезни его бесноватости нет лекарства. Да будет же слава тому, кому принадлежит видимое и невидимое царство, он — живой, который не умирает.

РАССКАЗ О МАРУФЕ-БАШМАЧНИКЕ

Рассказывают также, что был в городе Мисре-Охраняемом один башмачник, который ставил заплатки на старые сапоги. Его имя было Маруф, и у него была жена по имени Фатима, а по прозванию ведьма, и прозвали ее так потому, что она была нечестивая злодейка, бесстыдница и смутьянка.

И она властвовала над своим мужем, и каждый день ругала его, и проклинала тысячу раз; а он страшился ее злобы и боялся ее вреда, так как он был человек умный и стыдился за свою честь. Но он был беден и, когда зарабатывал много, тратил все на нее, а, когда он зарабатывал мало, жена вымещала это на его теле в ту же ночь, и лишала его здоровья, и делала его ночь такой же черной, как страница ее грехов. И была она подобна той, о ком поэт сказал:

Спаси меня, о боже правый,
От бабы злобной и лукавой!

О, если бы я к ней вошел
И напоил ее отравой! [1]

В числе того, что случилось у этого человека с его женой, было вот что. Однажды она сказала ему: «О Маруф, я хочу, чтобы ты сегодня вечером принес мне кунафу с пчелиным медом». И Маруф молвил: «Аллах великий поможет мне заработать ее цену, и я принесу тебе сегодня вечером. Клянусь Аллахом, нет у меня сегодня денег, но господь наш облегчит это дело». И Фатима воскликнула: «Я не знаю таких слов «облегчит» или «не облегчит»! Но не приходи ко мне без кунафы, я сделаю твою ночь такой же, каким было твое счастье, когда ты на мне женился и попался мне в руки».— «Аллах великодушен»,— сказал Маруф. А потом этот человек вышел, и забота капала с его тела.

Он совершил утреннюю молитву, и открыл лавку, и сказал: «Прошу тебя, о владыка, послать мне сегодня цену этой кунафы и избавить меня от злобы этой нечестивой на сегодняшнюю ночь». И он просидел в лавке до полудня, но работа не пришла к нему, и усилился в нем страх перед женой. И Маруф поднялся и запер лавку, не зная, как быть с кунафой, так как ему нечем было платить

[1] Здесь и далее в этой сказке стихотворные вставки переведены Д. Самойловым.

за хлеб. И он прошел мимо лавки торговца кунафой и остановился, смущенный, и глаза его наполнились слезами. И кунафщик заметил его и сказал: «О мастер Маруф, чего ты плачешь? Расскажи мне, что тебя поразило».

Маруф рассказал ему свою историю и сказал: «Моя жена жестокосердная, и она потребовала от меня кунафы, и я просидел в лавке, пока не прошло полдня, и не пришел ко мне никто, чтобы дать цену хлеба, и я боюсь моей жены». И кунафщик засмеялся и сказал: «С тобой не будет беды! Сколько ты хочешь ритлей кунафы?» — «Пять ритлей»,— сказал Маруф. И кунафщик отвесил ему пять ритлей и сказал: «Топленое масло у меня есть, но у меня нет пчелиного меда, а есть только тростниковый мед. Он лучше, чем пчелиный мед, и что за беда, если кунафа будет с тростниковым медом?»

И Маруфу стало стыдно, так как кунафщик должен был ждать платы. И он сказал ему: «Давай кунафы с тростниковым медом». И кунафщик изжарил ему кунафу на масле и вымочил ее в тростниковом меду, и она стала подарком для царей.

А потом кунафщик сказал: «Не нужно ли тебе хлеба и сыру?» — «Да»,— сказал Маруф. И кунафщик дал ему на четыре полушки хлеба и на полушку сыра, а кунафы было на десять полушек, и сказал: «Знай, о Маруф, что за тобой будет пятнадцать полушек. Иди к своей жене и доставь себе удовольствие, а эту полушку возьми на баню; и тебе будет отсрочка — день, два или три, пока не наделит тебя Аллах. И не притесняй твоей жены — я буду ждать, пока у тебя останутся деньги сверх расходов».

И Маруф взял кунафу, хлеб и сыр и ушел, благословляя кунафщика, и он шел с залеченным сердцем и говорил: «Слава тебе, о господи! Как ты великодушен!»

И потом он вошел к своей жене, и та спросила: «Ты принес кунафу?» И Маруф ответил: «Да». И положил ее перед ней. И Фатима взглянула на кунафу и, увидев, что она с тростниковым медом, сказала: «Разве я не говорила тебе: принеси с пчелиным медом? Ты поступаешь наперекор моему желанию и приносишь с тростниковым медом».

И Маруф извинился перед ней и сказал: «Я ее купил с отсрочкой уплаты». И его жена воскликнула: «Это пустые слова! Я буду есть кунафу только с пчелиным медом». И она рассердилась из-за кунафы, и ударила ею Маруфа по лицу, и сказала: «Поднимайся, о сводник, принеси мне другую!» А потом она ударила его кулаком по

челюсти и выбила ему один из его зубов, и кровь потекла у него по груди.

И от сильного гнева Маруф ударил жену одним легким ударом по голове, и тогда Фатима схватила его за бороду и стала кричать: «О мусульмане!» И соседи вошли, и освободили его бороду из ее руки, и напали на нее с упреками, и начали ее стыдить, говоря: «Все мы охотно едим кунафу, которая с тростниковым медом. Что это за жестокость с этим бедным человеком? Это позор для тебя». И они до тех пор уговаривали Фатиму, пока не помирили ее с Маруфом, но после ухода людей она поклялась, что не съест этой кунафы нисколько.

А Маруфа сжигал голод, и он сказал про себя: «Она поклялась, что не будет есть кунафы, так я ее съем». И начал есть, и когда Фатима увидела, что он ест, она стала говорить: «Если захочет Аллах, то, что ты съел, будет ядом и сгноит твое тело».— «Не будет так, как ты говоришь,— сказал Маруф и ел и смеялся, говоря: — Ты поклялась, что не будешь есть эту кунафу, но Аллах велик и великодушен, и, если захочет Аллах, я завтра вечером принесу тебе кунафу с пчелиным медом, и ты съешь ее одна».

И он начал ее успокаивать, а она его проклинала, ругала и бранила до утра. А когда наступило утро, она засучила рукава, чтобы побить Маруфа, а Маруф сказал ей: «Дай срок, и я принесу тебе другую кунафу». И он пошел в мечеть, помолился, и отправился в лавку, и открыл ее, и сел, и не успел он в ней усесться, как пришли двое от кади и сказали: «Вставай поговори с кади: твоя жена пожаловалась ему на тебя, и облик у нее такой-то и такой-то». И Маруф узнал, что это Фатима, и сказал: «Аллах великий да испортит ей жизнь!» А потом он пошел с этими людьми, и вошел к кади, и увидел, что его жена завязала себе руку и ее покрывало выпачкано в крови, и женщина стоит, и плачет, и вытирает слезы.

И кади сказал ему: «О человек, разве ты не боишься Аллаха великого? Почему ты бьешь эту женщину, и сломал ей руку, и выбил ей зуб, и делаешь с ней такие дела?» И Маруф воскликнул: «Если я ее побил или выбил ее зуб, суди меня, как желаешь, но дело было так-то и так-то, и соседи помирили меня с ней!» И он рассказал кади всю историю с начала до конца. А этот кади был из добрых людей, он вынул четверть динара и сказал Маруфу: «О человек, возьми это, и сделай ей кунафу с пчелиным

медом, и помирись с ней». И Маруф сказал: «Отдай деньги ей». И Фатима взяла деньги, и кади помирил их и сказал: «О женщина, слушайся твоего мужа. А ты, человек, обращайся с ней ласково».

И Маруф с Фатимой вышли, помирившись с помощью кади, и женщина пошла по одной дороге, а ее муж пошел по другой дороге, к себе в лавку, и сел.

И вдруг посланные кади пришли к нему и сказали: «Дай нам нашу плату». И Маруф воскликнул: «Кади ничего с меня не взял; наоборот, он дал мне четверть динара!» Но посланные сказали: «Нас не касается, дал тебе кади или взял с тебя, и, если ты не дашь нам нашу плату, мы возьмем ее у тебя силой». И они потащили его по рынку. И Маруф продал свои инструменты и дал им полдинара, и они отступились от него, а Маруф приложил руку к щеке и сидел печальный, так как у него не было инструментов, чтобы работать.

И когда он сидел, вдруг подошли к нему два человека, безобразные видом, и сказали: «Поднимайся, о человек, поговори с кади: твоя жена пожаловалась ему на тебя».— «Кади помирил меня с ней»,— ответил Маруф. Но эти люди сказали ему: «Мы от другого кади: твоя жена пожаловалась на тебя нашему кади».

И Маруф поднялся, прося Аллаха о помощи против своей жены, и, увидев Фатиму, он сказал: «Разве мы не помирились, о дочь честного?»

И Фатима воскликнула: «Не будет между мной и тобой мира!» И тогда Маруф выступил вперед, и рассказал кади свою историю, и сказал: «Кади такой-то только что помирил нас». И кади воскликнул: «О распутница, раз вы помирились, чего же ты приходишь мне жаловаться?» — «Он еще раз побил меня после этого»,— сказала Фатима. И кади молвил: «Помиритесь; и не бей ее больше, а она больше не будет тебе перечить».

И Маруф с женой помирились, и кади сказал ему: «Дай посланным их плату». И Маруф дал посланным их плату, и отправился в лавку, и открыл ее, сел там, и был он точно пьяный от горя, которое его постигло.

И когда он так сидел, вдруг подошел к нему человек и сказал: «О Маруф, иди спрячься, твоя жена пожаловалась на тебя высшему двору, и к тебе идет Абу Табак». И Маруф поднялся и, заперев лавку, побежал в сторону Ворот Победы. А у него осталось пять полушек серебра от платы за колоды и инструмент, и он купил на четыре по-

лушки хлеба и на полушку сыра, убегая от Фатимы, и было это во время зимы, после полудня.

И когда Маруф вышел на свалку, на него полил дождь, точно из бурдюков, и его одежда промокла. Он вошел в Аль-Адилию и увидел разрушенное помещение, где была заброшенная кладовая без дверей, и вошел туда, чтобы спрятаться от дождя, и его одежда была пропитана водой.

И слезы потекли из-под его век, и он был подавлен тем, что с ним случилось, и говорил: «Куда я убегу от этой распутницы? Прошу тебя, о господь мой, пошли мне кого-нибудь, кто уведет меня в далекие страны, куда ко мне не будут знать дорогу».

И когда он сидел и плакал, стена вдруг расступилась, и к нему вышло из стены существо высокого роста, от вида которого волосы вставали дыбом на теле, и сказало: «О человек, почему ты потревожил меня сегодня вечером? Я живу в этом месте уже двести лет и не видел, чтобы кто-нибудь входил сюда и делал то, что ты делаешь. Расскажи мне, каково твое намеренье, и я исполню твою нужду — мое сердце взяла жалость к тебе».— «Кто ты и что такое ты будешь?» — спросил Маруф. И существо ответило: «Я обитатель этого места».

И тогда Маруф рассказал ему обо всем, что случилось у него с женой, и дух спросил: «Хочешь, я доставлю тебя в страну, где твоя жена не найдет к тебе дороги?» — «Да»,— ответил Маруф. И дух сказал: «Садись мне на спину». И Маруф сел, и дух понес его, и летел с ним от наступления ночи до восхода зари, и опустился на вершине высокой горы, и сказал: «О человек, спустись с этой горы и увидишь окрестности города. Войди туда — твоя жена не будет знать к тебе дороги, и ей невозможно до тебя добраться».

И он оставил его и исчез; и Маруф сидел озадаченный и смущенный, пока не взошло солнце, и тогда он сказал себе: «Встану и спущусь туда, в город,— в том, чтобы сидеть здесь, нет никакой пользы».

И он спустился к подножию горы и увидел город с высокими стенами и дворцами, уходящими ввысь, и богато украшенными строениями, и этот город был усладой смотрящих.

И Маруф вошел в городские ворота и увидел, что этот город веселит опечаленное сердце. И когда он шел по рынку, люди смотрели на него и разглядывали его, и они все собрались вокруг Маруфа, дивясь на его одежду, так

как его одежда не была похожа на их одежду. И один человек из жителей города спросил его: «О человек, ты чужеземец?» И Маруф ответил: «Да».— «Из какой ты страны?» — спросил этот человек. И Маруф ответил: «Из города Мисра-Счастливого». И тот человек спросил: «Давно ли ты его покинул?» — «Вчера после полудня»,— ответил Маруф. И человек засмеялся и сказал: «О люди, пойдите посмотрите на него и послушайте, что он говорит!» — «А что он говорит?» — спросили люди. И тот человек сказал: «Он утверждает, будто он из Мисра и вышел оттуда вчера после полудня».

И все засмеялись, и люди собрались вокруг Маруфа и сказали: «О человек, ты бесноватый, если говоришь такие слова. Как ты утверждаешь, будто покинул Мисp вчера после полудня, а утром оказался здесь? Дело в том, что между нашим городом и Мисром расстояние целого года пути».— «Нет бесноватых, кроме вас,— сказал Маруф,— а что до меня, то я правдив в моих словах. Вот хлеб из Мисра, он еще свежий». И он показал людям хлеб, и все начали его разглядывать, дивясь на него, так как он не был похож на хлеб их страны.

И люди во множестве столпились вокруг Маруфа и стали говорить друг другу: «Вот хлеб из Мисра, посмотрите на него». И Маруф стал знаменит в этом городе, и некоторые люди верили ему, а некоторые не верили и смеялись над ним.

И когда с Маруфом случилось такое, вдруг подъехал к ним верхом на муле купец, сзади которого было два раба, и он рассеял толпу и сказал: «О люди, разве вам не стыдно, что вы собрались около этого чужеземца, и издеваетесь над ним, и смеетесь? Что вам за дело до него?» И он до тех пор ругал людей, пока не прогнал их от Маруфа, и никто не мог дать ему ответа. А потом он сказал: «Пойди сюда, о брат мой! Тебе не будет зла от этих людей, у которых нет стыда». И он взял Маруфа, и привел его в просторный и разукрашенный дом, и посадил на царственное сиденье, а потом он отдал приказ рабам, и те открыли сундуки и вынули одежду купца-тысячника, и купец одел Маруфа в эту одежду. А Маруф был человек видный, и стал он подобен начальнику купцов.

Потом этот купец потребовал скатерть, и перед ними разложили скатерть со всевозможными роскошными блюдами из всяких кушаний, и они с Маруфом поели и попили. А затем купец спросил Маруфа: «О брат мой, как твое

имя?» И Маруф ответил: «Мое имя Маруф, а по ремеслу я башмачник и кладу заплатки на старые сапоги».— «Из какой ты страны?» — спросил купец. И Маруф ответил: «Из Мисра».— «Из какого квартала?» — спросил купец. «Разве ты знаешь Миср?» — спросил, в свою очередь, Маруф. И купец ответил: «Я из его уроженцев». И тогда Маруф сказал: «Я с Красной улицы».— «А кого ты знаешь на Красной улице?» — спросил купец. И Маруф сказал: «Такого-то и такого-то»,— и перечислил ему много людей.

И тогда купец спросил: «Знаешь ли ты шейха Ахмеда, москательщика?» И Маруф ответил: «Это мой сосед, стеной к стене».— «Что он, здоров?» — спросил купец. И Маруф ответил: «Да». Тогда купец опять спросил: «А сколько у него детей?» — «Трое: Мустафа, Мухаммад и Али»,— ответил Маруф. И купец спросил: «Что сделал Аллах с его детьми?» — «Мустафа,— ответил Маруф,— здоров, и он ученый, преподаватель, а Мухаммад — москательщик, он открыл себе лавку рядом с лавкой своего отца, после того как женился и жена родила ему сына по имени Хасан».— «Да порадует и тебя Аллах благой вестью!» — воскликнул купец. И Маруф продолжал: «Что же касается Али, то он был мне товарищем, когда мы были маленькие, и я постоянно играл с ним. Мы ходили в одежде христианских детей, и входили в церковь, и воровали книги христиан, и продавали их, а на вырученные деньги покупали себе еду; и как-то раз случилось, что христиане увидели нас, и схватили с книгой, и пожаловались нашим родным, и сказали отцу Али: «Если ты не удержишь своего сына от вреда нам, мы пожалуемся на тебя царю». И отец Али успокоил их и задал сыну порку, и по этой причине Али убежал, и с того времени отец не знал к нему дороги. Он исчез двадцать лет назад, и никто не имел о нем вестей».

«Это я — Али, сын шейха Ахмеда, москательщика, а ты — мой товарищ, о Маруф!» — воскликнул купец. И они приветствовали друг друга. А после приветствия купец сказал: «О Маруф, расскажи мне о причине твоего прихода из Мисра в этот город». И Маруф рассказал ему о своей жене Фатиме-ведьме и о том, что она с ним сделала, и сказал: «Когда ее обиды стали для меня слишком тяжкими, я убежал от нее в сторону Ворот Победы, и на меня полил дождь, и я вошел в заброшенную кладовую в Аль-Адилии и сидел там и плакал, и вышел ко мне обитатель того места — а это ифрит из джиннов — и спросил

меня, что со мной, и я рассказал ему о моем положении, и тогда он посадил меня к себе на спину и всю ночь летел со мной между небом и землей, а потом поставил меня на гору и рассказал мне про этот город. И я спустился с горы и вошел в город, и люди собрались вокруг меня и стали меня расспрашивать. И я сказал им: «Я вчера вышел из Мисра». И они мне не поверили, и пришел ты, и отогнал от меня людей, и привел меня в этот дом. Вот причина моего ухода из Мисра. А ты — какова причина твоего прихода сюда?»

И купец отвечал ему: «Меня одолело безрассудство, когда мне было восемь лет, и с того времени я ходил из селения в селение и из города в город, пока не пришел в этот город, и называется он Ихтиян аль-Хатан. Я увидел, что его жители благородные и великодушные люди и у них есть жалость, и узнал, что они доверяют бедняку, и дают ему в долг, и верят всему, что он говорит. И тогда я сказал им: «Я купец, и я опередил мою поклажу, и мне нужно место, куда сложить поклажу». И они поверили мне и освободили мне место. И я сказал им: «Найдется ли среди вас кто-нибудь, кто бы мне одолжил тысячу динаров, пока не придет моя поклажа, и тогда я верну ему то, что у него взял,— мне нужны некоторые вещи до прибытия моей поклажи». И они дали мне, сколько я хотел, и я пошел на рынок купцов, и увидел там некоторые товары, и купил их, а на следующий день я их продал, и нажил пятьдесят динаров, и купил других вещей. И я начал дружить с людьми и оказывать им уважение, и они полюбили меня, и я продавал и покупал, и мои деньги умножились. Знай, о брат мой, что говорит сказавший поговорку: «Вся земная жизнь — бахвальство и хитрости, и в стране, где тебя никто не знает, делай что хочешь». Если ты будешь говорить всякому, кто тебя спросит: «По ремеслу я башмачник, и я бедняк, и убежал от моей жены, и вчера ушел из Мисра»,— тебе не поверят, и ты будешь для людей посмешищем, пока останешься в этом городе. А если ты скажешь: «Меня принес ифрит»,— все от тебя разбегутся, и никто к тебе не подойдет. И люди будут говорить: «Этот человек одержим ифритом, и со всяким, кто к нему приблизится, случится беда». И такая слава будет дурной для тебя и для меня, так как они знают, что я из Мисра».

«Что же мне делать?» — спросил Маруф. И купец сказал ему: «Я научу тебя, как сделать, если захочет великий Аллах. Я дам тебе завтра тысячу динаров и мула, чтобы

ездить на нем, и раба, который пойдет впереди тебя и доведет тебя до ворот рынка купцов. Войди к ним, а я буду сидеть среди купцов, и, когда я тебя увижу, я встану, и поздороваюсь с тобой, и поцелую тебе руку, и буду возвеличивать твой сан. И всякий раз, как я тебя спрошу о каком-нибудь сорте ткани и скажу тебе: «Привез ли ты с собой сколько-нибудь такого-то сорта?» — ты говори: «Много». А если меня о тебе будут спрашивать, я стану тебя расхваливать и возвеличивать в их глазах, а потом скажу: «Наймите ему амбар и лавку»,— и припишу тебе изобилие богатств и щедрость. Когда же подойдет к тебе нищий, дай ему сколько придется,— и люди поверят моим словам, и убедятся в твоем величии и щедрости, и полюбят тебя. А потом я тебя приглашу и приглашу ради тебя всех купцов, и сведу тебя с ними, чтобы они все тебя знали и ты бы их знал, для продажи и покупки, и брал у них, и отдавал. И не пройдет долгий срок, как ты уже станешь обладателем богатства».

И когда наступило утро, купец Али дал Маруфу тысячу динаров, одел его в платье и посадил на мула, и дал ему раба, и сказал: «Да освободит тебя Аллах от ответственности за все это, так как ты мой друг и мне обязательно оказать тебе уважение. Не обременяй себя заботой и брось думать о том, что было у тебя с твоей женой, и не говори о ней никому». И Маруф воскликнул: «Да воздаст тебе Аллах благом!» — а потом он сел на мула, и раб шел перед ним, пока не довел его до ворот рынка купцов, и все купцы сидели там, и купец Али сидел среди них.

И, увидев Маруфа, он поднялся, и бросился к нему, и сказал: «Благословенный день, о купец Маруф, о обладатель блага и милости!» А потом он поцеловал ему руку перед купцами и сказал: «О братья, купец Маруф обрадовал нас своим приходом». И все купцы приветствовали его, и Али делал им знаки, чтобы они выразили ему уважение, а Маруф стал великим в их глазах; а затем Али помог слезть ему со спины мула, и купцы приветствовали его, и Али уединялся то с одним, то с другим из них и расхваливал Маруфа.

И его спрашивали: «Это купец?» И он говорил: «Да. Вернее — это самый большой из купцов, и не найдется никого богаче, так как его богатства и богатства его отца и предков знамениты среди купцов Мисра. У него есть товарищи в Индии, Синде и Йемене, и в отношении щедрости он стоит на великой ступени. Знайте же его сан,

возвышайте его место и служите ему. Да будет вам известно, что он прибыл в этот город не для торговли и у него нет другой цели, как посмотреть на чужие страны,— ему не нужно ездить на чужбину для прибыли и наживы, так как у него столько денег, что их не пожрут огни, и я — один из его слуг».

И Али до тех пор расхваливал Маруфа, пока купцы не вознесли его выше головы и не стали рассказывать друг другу о его достоинствах. А затем они собрались подле него и начали предлагать ему угощения и напитки, и даже начальник купцов подошел к нему и приветствовал его.

И купец Али говорил Маруфу в присутствии других купцов: «О господин, может быть, ты привез с собой сколько-нибудь такой-то ткани?» И Маруф отвечал: «Много!» (А в эти дни Али показал ему всякие драгоценные ткани и научил его названиям тканей, дорогих и дешевых.)

И один купец спросил Маруфа: «О господин мой, ты привез желтого сукна?» И Маруф ответил: «Много!» И купец спросил: «А красного, как кровь газели?» И Маруф ответил: «Много!» И всякий раз, как он спрашивал его о чем-нибудь, Маруф отвечал: «Много!»

И тогда купец сказал: «О купец Али, если бы твой земляк захотел привезти тысячу тюков дорогих тканей, он бы привез их?» И Али ответил: «Он бы привез из одной кладовой в числе своих кладовых, и там бы ничего не уменьшилось».

И когда они сидели, вдруг стал обходить купцов нищий, и одни подали ему серебряную полушку, а другие подали джедид, но большинство из них не дало ему ничего. А когда нищий дошел до Маруфа, тот захватил горсть золота и отдал нищему, и нищий пожелал ему блага и ушел; и купцы удивились и сказали: «Это подарок царей — он ведь дал нищему золота без счета, и если бы он не был из людей с большим состоянием и у него не было бы всего много, он не подал бы нищему горсть золота».

А через некоторое время подошла к Маруфу бедная женщина, и он захватил горсть золота и дал ей, и она ушла, благословляя его, и рассказала об этом другим беднякам, и они стали подходить к нему один за другим, и всякий раз, как они к нему подходили, Маруф брал горсть золота и подавал, пока не израсходовал всю тысячу динаров.

А после этого он ударил рукой об руку и воскликнул: «Достаточно с нас Аллаха, и благой он промыслитель!»

И начальник купцов спросил его: «Что с тобой, о купец Маруф?» И Маруф сказал: «Похоже, что большинство жителей этого города — бедняки и нищие. Если бы я знал, что это так, я бы привез в седельном мешке немного денег и подарил бы их бедным. Я боюсь, что мое пребывание на чужбине продлится, а мне свойственно не отказывать нищему. Но у меня не осталось золота, и, когда подойдет ко мне бедняк, что я ему скажу?» — «Скажи ему: «Аллах тебя наделит»,— молвил начальник купцов. И Маруф воскликнул: «Не таков мой обычай, и одолели меня по этой причине заботы. Я хотел бы иметь тысячу динаров, чтобы подавать милостыню, пока не придет моя поклажа».

И начальник купцов сказал: «Не беда!» И послал кого-то из своих слуг, и тот принес ему тысячу динаров, и он отдал их Маруфу. И Маруф подавал каждому, кто проходил мимо него из бедных, пока не раздался призыв к полуденной молитве. И люди вошли в мечеть и совершили полуденную молитву, и то, что у него осталось от тысячи динаров, Маруф разбросал над головами молящихся, и тогда люди обратили на него внимание и стали его благословлять, а купцы дивились его великой щедрости и тороватости.

И потом Маруф обратился к другому купцу и, взяв у него тысячу динаров, роздал их, а купец Али смотрел на его поступки и не мог ничего сказать.

И Маруф делал так, пока не раздался призыв к предзакатной молитве, и тогда он вошел в мечеть, и помолился, и роздал остаток денег. И не заперли еще ворот рынка, как он уже взял пять тысяч динаров и роздал их и всякому, у кого он что-нибудь брал, он говорил: «Когда придет моя поклажа, если ты захочешь золота, я тебе дам, а если захочешь тканей, я тебе дам — у меня много».

А к вечеру купец Али пригласил Маруфа к себе, и пригласил с ним всех купцов, и посадил его на почетное место, и тот разговаривал только о тканях или драгоценных камнях, и всякий раз, когда ему что-нибудь называли, он отвечал: «У меня этого много».

А на следующий день Маруф отправился на рынок и стал обращаться к купцам, и брать у них деньги, и раздавать их беднякам, и он поступал таким образом двадцать дней, пока не взял шестьдесят тысяч динаров — и к нему не пришла ни поклажа, ни жгучая чума.

И люди стали шуметь о своих деньгах и сказали: «Не пришла поклажа купца Маруфа! До каких же пор он будет

брать у людей деньги и отдавать их нищим?» И один из купцов сказал: «Правильно будет нам поговорить с его земляком, купцом Али». И они пришли к нему и сказали: «О купец Али, поклажа купца Маруфа не пришла». И Али сказал: «Подождите, она обязательно скоро придет». А потом он остался наедине с Маруфом и сказал ему: «О Маруф, что это за дела? Что я тебе говорил: «подрумянь хлеб» или «сожги его»? Купцы шумят о своих деньгах, и они мне сказали, что им с тебя следует шестьдесят тысяч динаров, которые ты взял и роздал нищим. Чем же ты заплатишь долги людям, когда ты не продаешь и не покупаешь?» — «А что такое случилось,— сказал Маруф,— и что за количество — шестьдесят тысяч динаров? Когда поклажа придет, я им отдам; если они хотят — тканями, а если хотят — золотом и серебром». — «Аллах велик! — воскликнул купец Али.— Разве у тебя есть поклажа?» — «Много!» — отвечал Маруф. И Али воскликнул: «Аллах и его приспешники пусть воздадут тебе за твою мерзость! Разве я учил тебя этим словам, чтобы ты говорил их мне? Я расскажу о тебе людям!» — «Ступай без долгих разговоров,— сказал Маруф.— Разве я бедняк? В моей поклаже всего много, и когда она придет, они возьмут свои вещи за динар — два, и я в них не нуждаюсь».

И тогда купец Али рассердился и воскликнул: «О маловоспитанный, я тебе покажу, как мне врать не стыдясь!» И Маруф сказал: «Что сумеешь, то и сделай, а они подождут, пока придет моя поклажа, и получат свое добро с избытком».

И купец Али оставил его и ушел, говоря в душе: «Я раньше его расхваливал, и если я теперь стану его хулить, то окажусь лгуном, и ко мне подойдут слова сказавшего: «Кто похвалил, а потом осудил, тот солгал два раза». И купец Али рассердился и не знал что делать. И потом купцы пришли к нему и спросили: «О купец Али, ты с ним разговаривал?» И он сказал им: «О люди, мне перед ним стыдно! У него тысяча динаров моих денег, и я не могу с ним о них говорить. А когда вы ему давали, вы не советовались со мной, и мне нечего о нем с вами разговаривать. Требуйте с него, а если он вам не отдаст, пожалуйтесь на него царю этого города и скажите ему: это плут, который сплутовал с нами,— и царь освободит вас от него».

И купцы пошли к царю, и рассказали ему о том, что случилось, и сказали: «О царь времени, мы не знаем, что

нам делать с этим купцом, щедрость которого так велика. Он делает то-то и то-то и все, что берет, раздает беднякам горстями. Если бы он имел мало, его душа не позволяла бы ему брать золото горстями и раздавать его бедным, а если бы он был из людей богатых, правдивость его стала бы нам ясна с приходом его поклажи. Но мы не видим у него поклажи, хотя он утверждает, будто у него есть поклажа, которую он опередил, и всякий раз, как мы называем ему какой-нибудь сорт из сортов материи, он говорит: «Его у меня много!» Прошел уже долгий срок, а об его поклаже нет никаких вестей, и нам с него следует шестьдесят тысяч динаров, и все это он роздал беднякам». И они стали расхваливать Маруфа и прославлять его щедрость.

А этот царь был жадюга, жаднее Ашаба, и, когда он услышал о великодушии и щедрости Маруфа, им овладела жадность, и он сказал: «Если бы у этого купца не было много денег, он бы не проявил всей этой щедрости. Его поклажа обязательно прибудет! И эти купцы соберутся у него, и он раздаст им много денег. Я имею больше прав, чем они, на эти деньги, и я хочу завязать с ним дружбу и подружиться с ним, пока не пришла его поклажа. И то, что взяли бы от него эти купцы, возьму я. Я женю его на моей дочери и присоединю его деньги к моим деньгам».

И вазир царя сказал ему: «О царь времени, я думаю, что он плут, а плут разрушает дом жадного»,— и царь молвил: «О вазир, я его испытаю и узнаю, плут ли он или говорит правду, и воспитан ли он в богатстве или нет».— «Чем же ты его испытаешь?» — спросил вазир; и царь сказал: «У меня есть драгоценный камень. Я пошлю за этим купцом, и призову его к себе, и, когда он сядет, окажу ему уважение, и дам ему этот камень; и если он узнает, какой это камень, и узнает его цену — значит, он обладатель благ и богатства; а если он его не узнает, то он плут и выскочка, и я убью его наихудшим образом».

И затем царь послал за Маруфом и призвал его к себе, и Маруф, войдя, приветствовал его, и царь возвратил ему приветствие, и посадил его с собой рядом, и спросил: «Ты ли купец Маруф?» — «Да»,— ответил Маруф. И царь молвил: «Купцы утверждают, будто им с тебя следует шестьдесят тысяч динаров. Правда ли то, что они говорят?» — «Да»,— ответил Маруф. И царь спросил: «Почему же ты не отдаешь им деньги?» — «Они подождут, пока прибудет моя поклажа, и я отдам им за один динар — два, и если они захотят золота — я им дам, и если захотят серебра —

я им дам, и если захотят товаров — я тоже им дам,— ответил Маруф.— Кому следует тысяча, я дам две,— за то, что он защитил мою честь перед бедняками; у меня всего много».

А потом царь сказал ему: «О купец, возьми этот камень и посмотри, какого он сорта и какая ему цена». И он дал ему камень величиной с орешек (а царь купил его за тысячу динаров, и у него не было другого такого камня, и он дорожил им). И Маруф взял его в руку, и сжал большим и указательным пальцем, и сломал,— так как драгоценный камень тонок и не выносит давления.

«Зачем ты сломал этот драгоценный камень?» — спросил его царь. И Маруф засмеялся и сказал: «О царь времени, это не драгоценный камень — это кусок металла, который стоит тысячу динаров. Как же ты говоришь про него, что это драгоценный камень? Драгоценному камню цена семьдесят тысяч динаров, а это называется кусок металла. Драгоценные камни, которые не будут величиной с лесной орех, не имеют для меня цены, и я ими не занимаюсь. Как ты можешь быть царем и называть это драгоценным камнем, когда это кусок металла, которому цена тысяча динаров? Но вам простительно: вы бедняки и у вас нет сокровищ, имеющих цену».— «О купец,— спросил его царь,— а у тебя есть драгоценные камни, про которые ты рассказываешь?» — «Много»,— отвечал Маруф. И царя одолела жадность, и он спросил: «А ты дашь мне настоящих драгоценных камней?» — «Когда придет моя поклажа,— ответил Маруф,— я дам тебе много, и чего бы ты ни потребовал, у меня много, и я дам тебе все бесплатно». И царь обрадовался и сказал купцам: «Уходите своей дорогой и подождите, пока не придет его поклажа, а тогда приходите и возьмите ваши деньги от меня». И купцы ушли.

Вот что было с Маруфом и купцами. Что же касается царя, то он обратился к вазиру и сказал ему: «Обласкай купца Маруфа, и завяжи с ним разговор, и скажи ему про мою дочь, чтобы он на ней женился и мы бы заполучили все блага, которые у него есть».— «О царь времени,— отвечал вазир,— поведение этого человека мне не нравится, и я думаю, что он плут и лгун. Брось же эти слова, чтобы твоя дочь не пропала ни за что».

А этот вазир раньше просил царя женить его на своей дочери, и царь хотел выдать ее за него замуж, но, когда это дошло до царевны, она не согласилась.

И царь сказал вазиру: «О обманщик, ты не хочешь мне добра, потому что ты раньше сватался к моей дочери и она не согласилась выйти за тебя замуж, и теперь ты пресекаешь путь к ее замужеству и хочешь, чтобы моя дочь осталась, как земля под паром, и ты взял бы ее сам. Выслушай же от меня такое слово: нет тебе касательства к этим делам. Как он может быть плутом и лгуном, когда он узнал цену этого драгоценного камня — ту, за которую я его купил, и сломал его, так как он ему не понравился? У него много драгоценных камней, и когда он войдет к моей дочери, то увидит, что она красива, и она отнимет у него разум, и он полюбит ее и даст ей драгоценных камней и сокровищ. А ты желаешь лишить мою дочь и меня этих благ».

И вазир промолчал, боясь гнева царя, и сказал в душе: «Натравливай собак на быков!» А затем он обратился к купцу Маруфу и сказал ему: «Его величество царь полюбил тебя, и у него есть дочь, красивая и прелестная, на которой он хочет тебя женить. Что ты скажешь?» — «Это недурно,— отвечал Маруф,— но пусть он подождет, пока придет моя поклажа: приданое за царских дочерей обильно, и сан их таков, что за них дают только приданое, подходящее к их положению. А сейчас у меня нет денег. Пусть же царь подождет, пока придет моя поклажа,— у меня добра много. Я обязательно должен раздать за невесту милостыни пять тысяч мешков денег, и мне нужно тысячу мешков, чтобы раздать их нищим и беднякам в вечер, когда я к ней войду, и тысячу мешков, чтобы раздать тем, кто будет идти в шествии, и тысячу мешков, чтобы сделать угощение для военных и для других. Мне нужно сто драгоценных камней, чтобы дать их царевне наутро после свадьбы, и сто драгоценных камней, которые я раздам невольницам и евнухам,— я дам каждому из них камень, чтобы возвысить сан невесты. Мне нужно одеть тысячу голых и бедняков, и не обойтись мне без подаяния,— а все это возможно только тогда, когда придет моя поклажа, у меня ведь всего много, тогда я и думать не стану обо всех этих расходах».

И вазир пошел и рассказал царю о том, что говорил Маруф, и царь сказал: «Если он этого хочет, как же ты говоришь про него, что он плут и лгун?» — «Я продолжаю это говорить»,— сказал вазир. И царь выругал его, и выбранил, и сказал: «Клянусь жизнью моей головы, если ты

не оставишь этих речей, я тебя убью! Возвращайся к нему и приведи его ко мне, и я с ним устроюсь».

И вазир пошел к Маруфу и сказал: «Пойди поговори с царем». И Маруф ответил: «Слушаю и повинуюсь!» И затем он пришел к царю, и тот сказал ему: «Не оправдывайся этими оправданиями! Моя казна полна, возьми ключи себе и расходуй все, что тебе нужно. Давай сколько хочешь, одевай бедных и делай что хочешь,— и тебе ничего не будет от дочери и ее невольниц, а когда придет твоя поклажа, сделай своей жене какое хочешь уважение. Мы будем ждать ее приданого, пока не придет твоя поклажа, и между мной и тобой нет никакого различия».

И затем он приказал шейх-аль-исламу написать брачную запись, и тот написал запись царевны с купцом Маруфом, и царь принялся устраивать свадьбу. Он приказал украсить город, и забили в барабаны, и поставили кушанья всевозможных родов, и пришли забавники. А купец Маруф сидел на скамеечке в брачном зале, и к нему приходили забавники, фокусники и плясуны, и мастера диковинных движений и удивительных развлечений,— и он приказывал казначею и говорил: «Принеси золото и серебро!» И тот приносил золото и серебро, и Маруф обходил смотрящих, подавал каждому, кто играл, горсть, и он благодетельствовал беднякам и нищим и одевал голых, и была эта свадьба шумная.

И казначей не успевал приносить из казны деньги, а сердце вазира чуть не лопалось от злости, но он не мог ничего сказать.

А купец Али удивлялся, что расходуются такие деньги, и говорил купцу Маруфу: «Аллах и его приспешники пусть отомстят твоей голове. Тебе не довольно, что ты погубил деньги купцов, и ты губишь деньги царя». И купец Маруф отвечал ему: «Это тебя не касается. Когда придет поклажа, я все возмещу».

И он начал разбрасывать деньги и говорил про себя: «Жгучая чума! Что будет, то будет, и от того, что предопределено, не убежишь!»

И свадьба продолжалась сорок дней, а на сорок первый день устроили шествие невесты, и перед ней шли все эмиры и военные, и, когда ее привели, Маруф стал рассыпать золото над головами людей. И царевне устроили великолепное шествие, а Маруф истратил очень значительные деньги, и его ввели к царевне, и он сел на высокое кресло. И опустили занавески, и заперли двери, и все вышли

и оставили его у невесты, и тогда он начал бить рукой об руку и просидел некоторое время печальный, ударяя ладонью об ладонь и говоря: «Нет мощи и силы, кроме как у Аллаха высокого, великого».— «О господин мой, да будешь ты здоров, почему это ты озабочен?» — спросила царевна. И Маруф сказал: «Как мне не быть озабоченным, когда твой отец меня расстроил и сделал со мной такое дело, как будто сжег зеленый посев».— «А что с тобой сделал мой отец, скажи мне?» — спросила царевна. И Маруф ответил: «Он ввел меня к тебе раньше, чем прибыла моя поклажа, а я хотел иметь самое меньшее сто драгоценных камней, чтобы раздать их твоим невольницам, каждой по одному камню, чтобы они радовались и говорили: «Мой господин дал мне камешек в ночь, когда вошел к своей госпоже». И этот поступок служил бы для возвышения твоего сана и увеличения почета тебе. Я не перестаю раздавать камни, так как у меня их много».

«Не заботься об этом и не огорчайся по этой причине,— сказала царевна.— Что касается меня, то тебе от меня ничего не будет плохого, так как я подожду, пока придет твоя поклажа, а что касается невольниц, то тебе от них тоже ничего не будет. Вставай, сними с себя одежду и доставь себе наслаждение, а когда придет твоя поклажа, мы получим эти камни и другое».

И Маруф поднялся, и, сняв с себя одежду, сел на постель, и принялся дразнить жену, и начались заигрыванья, и он положил ей руку на ногу, а она села к нему на колени, вложила губы ему в рот, и был это тот час, когда забывает человек отца и мать.

И Маруф обнял жену, и прижал ее к себе, и стал мять ее в объятьях, и прижал ее к груди, и сосал ей губы, пока из них не потек мед. Он положил ей руку под левую подмышку, и ее члены, как и его члены, устремились к сближению, и тогда он ударил ее между грудями, и она оказалась меж его бедрами, и он опоясал ее ногами, и испробовал оба способа, и закричал: «О, отец двух покрывал!» И он вложил заряд, и зажег фитиль, и, нацелившись по компасу, приложил огонь, и сбил башню со всех четырех столбов, и была это загадка, о которой не спрашивают, и девушка вскрикнула криком, который неизбежен, и купец Маруф уничтожил ее девственность, и была это ночь, которая не идет в счет ночей жизни, так как она заключает сближение с прекрасными, объятия и игры до утра.

А потом Маруф сходил в баню, и надел платье из

платьев царей, и, выйдя из бани, пришел в диван царя, и те, кто был там, встали ради него на ноги, и встретили его с уважением и почетом, поздравляя его, и призывали на него благословение.

И Маруф сел рядом с царем и спросил: «Где казначей?» И ему сказали: «Вот он, перед тобой». И Маруф молвил: «Подай почетные одежды и одень всех вазиров, и эмиров, и обладателей должностей!» И казначей принес ему все, что он потребовал, и Маруф сидел и давал каждому, кто к нему приходил, и одаривал всякого человека, смотря по его сану.

И он провел таким образом двадцать дней, и у него не обнаружилось ни поклажи, ни чего-нибудь другого, и казначей почувствовал из-за него величайшее стеснение.

И он вошел к царю в отсутствие Маруфа (а царь сидел с одним только вазиром, больше ни с кем), и поцеловал перед ним землю, и сказал: «О царь времени, я тебе кое-что расскажу, так как ты, может быть, будешь меня упрекать за то, что я тебе этого не рассказал. Знай же, что казна опустела, и там не осталось денег, кроме малого количества, и через десять дней мы ее запрем пустой».— «О вазир,— сказал царь,— поклажа моего зятя задержалась, и о ней нет вестей». И вазир захохотал и сказал: «Да будет Аллах к тебе милостив, о царь времени! Ты слишком прост для дел этого плута и лгуна! Клянусь жизнью твоей головы, у него нет ни поклажи, ни чумы, которая освободила бы нас от него, и он с тобой плутовал, пока не погубил твои деньги и не женился на твоей дочери даром. До каких пор ты будешь беспечен с этим лгуном?» — «О вазир,— сказал царь,— как сделать, чтобы узнать истинное положение дел?» И вазир сказал: «О царь времени, не проведает тайны мужчины никто, кроме его жены. Пошли за твоей дочерью, чтобы она пришла за занавеску, и я спрошу ее об истинном положении. Пусть она расспросит Маруфа и осведомит нас об его обстоятельствах».— «В этом нет дурного,— сказал царь,— клянусь жизнью моей головы, если будет установлено, что он плут и лгун, я убью его наихудшим образом».

И затем он взял вазира и, придя с ним в приемную комнату, послал за своей дочерью, и она пришла за занавеску (а это было в отсутствие ее мужа) и, придя, сказала: «О батюшка, что ты хочешь?» — «Поговори с вазиром»,— сказал царь. И царевна спросила: «О вазир, что тебе?» И вазир молвил: «О госпожа, знай, что твой муж погубил

деньги твоего отца и женился на тебе без приданого. Он все время обещает нам и не исполняет обещаний, и об его поклаже не обнаружилось сведений, а в общем, мы хотим, чтобы ты рассказала нам про него».

И царевна сказала: «Его речи многочисленны, и он все время приходит и обещает мне драгоценные камни, сокровища и дорогие материи, но я ничего этого не вижу».— «О госпожа,— спросил вазир,— можешь ли ты сегодня ночью завязать с ним разговор и сказать ему: «Расскажи мне правду и не бойся ничего. Ты стал моим мужем, и я не допущу с тобой неосторожности. Расскажи мне истину об этом деле, и я придумаю для тебя план, который тебя спасет». И затем отдаляйся и приближайся к нему в разговоре, покажи ему любовь и допроси его, а после этого расскажи нам истину о его деле».— «О батюшка,— ответила царевна,— я знаю, как мне его испытать».

И затем она ушла, а после ужина к ней, по обычаю, вошел ее муж Маруф, и она поднялась к нему, и взяла его под мышки, и стала его обманывать великими обманами (а достаточно обманов у женщин, когда у них есть до мужчин какая-нибудь нужда, которую они хотят исполнить!), и до тех пор обманывала его и ласкала словами слаще меда, пока не украла его разума.

И когда она увидела, что Маруф склонился к ней вполне, она сказала: «О прохлада моего глаза, о плод моей души, да не заставит меня Аллах тосковать без тебя и да не разлучит время нас с тобой. Любовь к тебе поселилась в моем сердце, и огонь страсти к тебе сжег мою печень, и не будет никогда с тобой допущена крайность. Я хочу, чтобы ты рассказал мне истину, так как ухищрения лжи бесполезны и не все время удаются. До каких пор будешь ты плутовать и лгать моему отцу? Я боюсь, что твое дело станет ему ясно, прежде чем мы придумаем для него хитрость, и он тебя схватит. Расскажи же мне правду, и тебе будет лишь то, что тебя радует. Когда ты расскажешь мне истину об этом деле, не бойся ничего дурного. Сколько ты еще будешь утверждать, что ты купец и обладатель денег и у тебя есть поклажа? Прошло уже долгое время, как ты говоришь: «Моя поклажа, моя поклажа»,— и нет о твоей поклаже вестей, и на твоем лице видна забота по этой причине. Если в твоих словах нет правды, расскажи мне, и я придумаю тебе план, который тебя освободит, если захочет Аллах».— «О госпожа,— ответил Маруф,— я расскажу тебе правду, и что желаешь, то и сделай».— «Говори

и будь правдив,— сказала царевна,— ибо правда — корабль спасения, и берегись лжи, ибо ложь позорит солгавшего. От Аллаха дар того, кто сказал:

Правдивым будь, творя свои дела,
Хотя бы истина тебя сожгла.

Всего глупее: не боясь Аллаха,
Рабам Аллаха угождать из страха».

«О госпожа,— сказал Маруф,— знай, что я не купец и нет у меня ни поклажи, ни жгучей чумы. Я был в моей стране башмачником, и у меня есть жена по имени Фатима-ведьма, и у меня с ней случилось то-то и то-то».

И он рассказал ей всю историю с начала до конца, и царевна засмеялась и сказала: «Ты искусен в ремесле лжи и плутовства».— «О госпожа,— сказал Маруф,— да сохранит тебя Аллах великий, чтобы прикрывать пороки и рассеивать горести». И царевна молвила: «Знай, что ты сплутовал с моим отцом и обманул его своим великим бахвальством, так что он выдал меня за тебя из жадности, а затем ты погубил его деньги, и вазир подозревает тебя из-за этого. Сколько раз он разговаривал о тебе с моим отцом и говорил ему: «Это плут и лгун». Но отец не слушался его в том по той причине, что вазир за меня посватался, но я не согласилась, чтобы он был мне мужем, а я была его женой. Но затем время продлилось, и мой отец почувствовал стеснение и сказал мне: «Допроси его». И я тебя допросила, и открылось закрытое. Мой отец твердо решил повредить тебе по этой причине, но ты стал моим мужем, и я не допущу с тобой неосторожности. Если я расскажу моему отцу эту историю, он утвердится в мнении, что ты плут и лгун, и сплутовал с царской дочерью, и погубил его деньги. Твой грех у него не будет прощен, и он убьет тебя без сомнения, и среди людей распространится молва, что я вышла замуж за плута и лгуна, и это будет позором для моего достоинства. А когда мой отец убьет тебя, ему, может быть, понадобится выдать меня за другого, а я на это не соглашусь, хотя бы я умерла. Но, однако, вставай теперь, и надень одежду невольника, и возьми с собой пятьдесят тысяч динаров из моих денег. Садись на коня и поезжай в страну, где власть моего отца не действует, и сделайся там купцом. Напиши мне письмо и пришли его с гонцом, который придет ко мне тайно, чтобы я знала, в какой ты стране, и могла бы посылать тебе все, до чего достанет моя рука, и твое богатство бы уве-

личилось. Если мой отец умрет, я пошлю за тобой, и ты приедешь во славе и почете, а если умрешь ты или умру я и буду взята к милости Аллаха великого, то воскресение из мертвых соединит нас,— и вот правильное решение. Пока ты здоров и я здорова, я не лишу тебя писем и денег. Поднимись же, прежде чем взойдет день, и ты будешь в затруднении, и окружит тебя гибель».

«О госпожа,— сказал Маруф,— я под твоим покровительством и хочу, чтобы ты простилась со мной сближением».— «Это неплохо»,— сказала царевна. И Маруф сблизился с ней, а потом совершил омовение и, надев одежду невольника, приказал конюхам оседлать коня из резвых коней. И ему оседлали коня, и тогда он простился с царевной, и вышел из города в конце ночи, и поехал, и всякий, кто его видел, думал, что это невольник из невольников султана, который едет, чтобы исполнить какое-нибудь дело.

А когда наступило утро, царь вместе с вазиром пришел в комнату, где сидят, и отец послал за дочерью и, когда она пришла за занавеску, спросил ее: «О дочка, что скажешь?» И царевна ответила: «Я скажу: да очернит Аллах лицо твоего вазира,— у него было желание очернить мое лицо перед мужем».— «А как так?» — спросил царь. И она сказала: «Мой муж пришел ко мне вчера, и, раньше чем я сказала ему эти слова, вдруг вошел ко мне Фарадж-евнух с письмом в руке и сказал: «Десять невольников стоят под окном дворца, и они мне дали это письмо и сказали: «Поцелуй за нас руки Сиди Маруфа, купца, и отдай ему это письмо. Мы из невольников, которые идут с его поклажей, и до нас дошло, что он женился на царевне, и мы пришли ему рассказать, что с нами случилось по дороге».

И я взяла письмо, и прочитала его, и увидела в нем: «От пятисот невольников к его достоинству, нашему господину, купцу Маруфу. А затем — вот о чем мы осведомляем тебя: после того как ты от нас уехал, на нас напали кочевники и вступили с нами в бой, и их было тысячи две всадников, а нас — пятьсот невольников. У нас произошел с кочевниками великий бой, и они не дали нам идти по дороге, и прошло тридцать дней, и мы все воюем с ними. Вот причина нашей задержки. Они отняли у нас двести тюков тканей из поклажи и убили из нас пятьдесят невольников».

И когда до Маруфа дошла эта весть, он воскликнул: «Да обманет их Аллах! Как это они сражаются с кочевни-

ками из-за двухсот тюков товаров и что значит двести тюков? Им не следовало задерживаться из-за этого: ведь цена двухсот тюков — семь тысяч динаров. Но мне следует отправиться к ним и поторопить их, а то, что взяли кочевники, не уменьшит моей поклажи, и это нисколько на меня не действует. Я буду считать, что подал им это как милостыню».

И потом он ушел от меня смеясь и не огорчился из-за того, что его имущество пропало и его невольники убиты; и когда он ушел, я посмотрела из окна дворца и увидела, что те десять невольников, которые принесли ему письмо, подобны лунам, и каждый из них одет в платье, стоящее две тысячи динаров, и у моего отца нет невольника, похожего на кого-нибудь из них.

И затем мой муж отправился с невольниками, которые принесли ему письмо, чтобы привезти свою поклажу, и хвала Аллаху, который не дал мне ничего сказать ему из тех слов, что ты мне велел сказать: он бы стал смеяться надо мной и над тобой, и, может быть, посмотрел бы на меня взором унижения и возненавидел бы меня. Но ведь весь позор — от твоего вазира, который говорил о моем муже слова неподобающие».

«О дочка,— сказал царь,— богатства твоего мужа обильны, и он не подумает об этом, и с того дня, как он вступил в наш город, он раздает бедным милостыню. Если захочет Аллах, он скоро приедет со своей поклажей и достанется нам от него великое благо». И он начал успокаивать свою дочь и ругать вазира, и хитрость с ним удалась.

Вот то, что было с царем. Что же касается купца Маруфа, то он сел на коня и поехал по безлюдной пустыне, и он был в недоумении и не знал, в какую страну направиться.

И он начал плакать от мук разлуки и испытывал волнение и страсть, и все дороги были перед ним закрыты, и он предпочитал смерть жизни.

И он пошел, точно пьяный от великой нерешительности, и шел не переставая до времени полудня, и, наконец, дойдя до маленькой деревушки, он увидел неподалеку от нее пахаря, который пахал на паре быков.

Маруфа мучил сильный голод, и он подошел к пахарю и сказал ему: «Мир с вами!» И пахарь возвратил ему приветствие и сказал: «Добро пожаловать, о господин! Ты из невольников султана?» — «Да», — отвечал Маруф. И человек сказал: «Остановись у меня для угощения».

И Маруф понял, что он из числа щедрых. «О брат мой,— сказал он ему,— я не вижу у тебя ничего, чем бы ты меня накормил, как же ты меня приглашаешь?» — «О господин,— ответил пахарь,— добро найдется. Сойди здесь с коня, а селение — вот оно, близко, и я пойду и принесу тебе обед и корм твоему коню».— «Если селение близко,— сказал Маруф,— то я дойду до него во столько же времени, во сколько дойдешь до него ты, и куплю то, что хочу, на рынке и поем».— «О господин,— сказал пахарь,— это селение — маленькая деревушка, и там нет ни рынка, ни купли, ни продажи. Прошу тебя, ради Аллаха, остановись у меня и залечи мое сердце, а я схожу туда и быстро вернусь к тебе!»

И Маруф сошел с коня, а пахарь оставил его и ушел в селение, чтобы принести ему обед.

И Маруф сел его дожидаться и сказал в душе: «Я отвлек этого бедного человека от работы, но я поднимусь и буду пахать за него, пока он не придет, чтобы возместить то, что он из-за меня потерял».

И он взял плуг, и погнал быков, и попахал немного, и плуг задел за что-то, и животные остановились, и Маруф погнал их, но они не могли идти. И Маруф посмотрел на плуг и увидел, что он задел за золотое кольцо. И тогда он снял с кольца землю и увидел, что оно находится посреди мраморной плиты, величиной с мельничный жернов.

И Маруф старался над плитой, пока не сорвал ее с места, и из-под нее показалось подземелье с лестницей. И Маруф спустился по этой лестнице и увидел помещение вроде бани, с четырьмя портиками, и один портик был наполнен от земли до потолка золотом, а второй портик был наполнен изумрудами, жемчугом и кораллами от земли до потолка, а третий портик был наполнен яхонтами, бадахшанскими рубинами и бирюзой, а четвертый портик был наполнен алмазами, и дорогими металлами, и драгоценными камнями всех видов. И посредине этого помещения стоял сундук из прозрачного хрусталя, наполненный бесподобными драгоценными камнями, каждый из которых был величиной с орех, и на этом сундуке стояла маленькая коробочка размером с лимон, и она была из золота.

И Маруф, увидев все это, удивился и обрадовался сильной радостью, и сказал: «Посмотрю-ка, что такое в этой коробочке?» И затем он открыл ее и увидел в ней золотой перстень, на котором были написаны имена и талисманы, подобно следам муравьев.

И он потер этот перстень, и вдруг чей-то голос сказал: «Я здесь, я здесь, о господин! Требуй — получишь. Хочешь ли ты построить селение, или разрушить город, или убить царя, или прорыть канал, или сделать что-нибудь вроде этого? Что бы ты ни потребовал, это уже свершилось по изволению владыки всевластного, творца ночи и дня».— «О создание моего господа, кто ты и что ты будешь?» — спросил Маруф. И говоривший ответил: «Я слуга этого перстня, исполняющий службу его владельцу. Какое бы желание он мне ни изъявил, я его исполню, и нет мне отговорки в том, что он мне прикажет. Я владыка телохранителей из джиннов, и число моего войска — семьдесят два племени, а число бойцов каждого племени — семьдесят две тысячи, и каждый из тысячи властвует над тысячей маридов, а каждый марид властвует над тысячей помощников, а каждый помощник властвует над тысячей шайтанов, а каждый шайтан властвует над тысячей джиннов, и все они покорны мне и не могут меня ослушаться. А я приколдован к этому перстню и не могу ослушаться того, кто им владеет, и вот ты им овладел, и я стал твоим слугой. Требуй же чего хочешь, я послушен твоим словам и повинуюсь твоему приказу. Если я тебе понадоблюсь в какое-нибудь время, на суше или на море, потри перстень и найдешь меня возле себя; но берегись потереть перстень два раза подряд: ты сожжешь меня огнем этих имен, и лишишься меня, и будешь жалеть обо мне после этого. Я осведомил тебя о моем положении, и конец».— «Как твое имя?» — спросил его Маруф, и марид ответил: «Мое имя Абу-с-Саадат». И Маруф сказал: «О Абу-с-Саадат, что это за помещение и кто приколдовал тебя к этой коробочке?» — «О господин,— ответил марид,— это помещение — сокровищница, которая называется сокровищницей Щеддада, сына Ада, что построил Ирем многостолбный, подобного которому не сотворено в мире. Я был ему слугой при его жизни, и это его перстень. Щеддад положил его в свою сокровищницу, но теперь он — твоя доля!» — «Можешь ли ты вынести то, что в этой сокровищнице, на поверхность земли?» — спросил Маруф. И марид ответил: «Да! Это самое легкое дело». И тогда Маруф сказал: «Вынеси все, что в ней есть, и не оставляй ничего».

И Абу-с-Саадат показал рукой на землю, и земля расступилась, и он опустился и исчез на короткое время, и вдруг вышли из-под земли изящные юноши с прекрас-

ными лицами, которые несли золотые корзины, и эти корзины были наполнены золотом. Они опорожнили их и ушли, и принесли другие, и все время переносили золото и драгоценные камни,— и не прошло еще часу, как они сказали: «В сокровищнице не осталось ничего».

А затем появился перед Маруфом Абу-с-Саадат и сказал ему: «О господин мой, все, что было в сокровищнице, мы перенесли». И Маруф спросил его: «Что это за прекрасные юноши?» И марид ответил: «Это мои дети. Для этой работы мне не стоило собирать моих помощников, и мои дети исполнили твою нужду и почтили себя службой тебе. Требуй же, чего ты хочешь, кроме этого?» — «Можете ли вы привести мулов и сундуки, и сложить эти богатства в сундуки, и погрузить сундуки на мулов?» — спросил Маруф. И марид ответил: «Это самое легкое дело!» И затем он издал великий крик, и его дети явились к нему, а их было восемь сотен.

«Пусть часть из вас примет облик мулов, а часть — облик прекрасных невольников, ничтожнейшему из которых не найдется подобного у какого-нибудь царя, а часть из вас пусть примет облик погонщиков, а часть — облик слуг»,— сказал он им. И они сделали то, что он им приказал, и семьсот из них превратились в грузовых мулов, а оставшиеся сто приняли облик слуг. А потом марид кликнул своих помощников, и они предстали перед ним, и тогда он велел части из них принять облик коней, оседланных золотыми седлами и украшенных драгоценными камнями.

И когда Маруф увидел это, он спросил: «Где сундуки?» И их принесли ему, и он сказал: «Складывайте золото и драгоценные металлы, каждый сорт отдельно». И они сложили и погрузили на триста мулов.

И тогда Маруф спросил: «О Абу-с-Саадат, ты можешь принести мне тюки дорогих тканей?» — «Хочешь ли ты тканей египетских, или сирийских, или персидских, или индийских, или румских?» — спросил марид. И Маруф сказал: «Принеси мне материи каждой страны по сто тюков на ста мулах».— «О господин мой,— сказал марид,— дай мне срок, чтобы я мог назначить для этого моих помощников, я прикажу каждому отряду из них отправиться в какую-нибудь страну и принести сто тюков ее тканей, и мои помощники примут облик мулов и придут, неся эти тюки».— «А какова величина времени отсрочки?» — спросил Маруф. И марид сказал: «То время, пока черна ночь.

И не встанет день, как у тебя будет все, что ты хочешь!» — «Я даю тебе эту отсрочку»,— сказал Маруф. И затем он приказал им поставить палатку, и ее поставили, и он сел, и ему принесли трапезу, и Абу-с-Саадат сказал ему: «О господин мой, сядь в палатке, и эти мои сыновья будут перед тобой, чтобы тебя охранять. Не бойся ничего, а я пойду соберу моих помощников и пошлю их исполнить твою нужду».

И Абу-с-Саадат ушел своей дорогой, а Маруф сел в палатке, и трапеза стояла перед ним, а сыновья Абу-с-Саадата находились перед ним в облике невольников, слуг и челядинцев.

И когда он сидел таким образом, вдруг подошел тот человек, пахарь, неся большую миску чечевицы и торбу, полную ячменя. Он увидел поставленную палатку и невольников, которые стояли, сложив руки на груди, и подумал, что сам султан пришел и расположился в этом месте.

И тогда он остановился смущенный и сказал себе: «О, если бы я зарезал пару цыплят и подрумянил бы их на коровьем масле ради султана!»

И он хотел вернуться, чтобы зарезать цыплят и угостить ими султана, и Маруф увидел его, и закричал ему, и сказал невольникам: «Приведите его!» И невольники понесли пахаря вместе с миской чечевицы и поставили его перед Маруфом. «Что это такое?» — сказал Маруф. И пахарь ответил: «Это твой обед и корм твоему коню. Не взыщи с меня — я не думал, что султан придет в это место, и если бы я это знал, я бы зарезал ему цыплят и угостил бы его хорошим угощением».

И Маруф сказал: «Султан не приехал, но я его зять и был на него сердит, и он прислал ко мне своих невольников, которые помирили меня с ним, и теперь я хочу вернуться в город. Но ты приготовил мне угощение, не зная всего этого, и твое угощение принято, хотя это и чечевица. Я не буду есть ничего, кроме твоего угощения».

И потом он велел ему поставить миску посреди скатерти и ел из нее, пока не насытился, а что касается пахаря, то он набил себе брюхо теми роскошными кушаньями. И потом Маруф вымыл руки и позволил невольникам есть, и они принялись за остатки трапезы и поели.

И когда миска была опорожнена, Маруф наполнил ее золотом и сказал пахарю: «Отнеси ее к себе домой и приходи ко мне в город, я окажу тебе уважение».

И пахарь взял миску, полную золота, и погнал своих быков, и отправился к себе в деревню, думая, что Маруф — зять царя. А Маруф провел этот вечер в радости и веселье, и к нему пришли девушки из дев сокровища и стали играть на инструментах и плясать перед ним, и он провел ночь, которая не идет в счет ночей жизни.

И наступило утро, и не успел Маруф опомниться, как пыль поднялась, и взлетела, и рассеялась над мулами, которые несли тюки, и их было семьсот мулов, нагруженных тканями, и вокруг них были слуги — верблюжатники, и погонщики, и светоносцы, а Абу-с-Саадат сидел на муле в обличье предводителя каравана, и перед ним шли носилки с четырьмя шариками червонного золота, украшенными драгоценными камнями.

И достигнув палатки, марид сошел со спины мула, и поцеловал землю, и сказал: «О господин, дело сделано полностью и до конца, а вот носилки, в которых одежда из сокровищницы,— нет ей подобной среди царских одежд. Надень же ее, садись в носилки и приказывай нам что хочешь».—«О Абу-с-Саадат,— сказал Маруф,— я хочу написать письмо, с которым ты пойдешь в город Ихтиян аль-Хатан и войдешь к моему тестю, царю; но не входи к нему иначе как в облике гонца, приятного видом».—«Слушаю и повинуюсь»,— сказал марид. И Маруф написал письмо и запечатал его, и Абу-с-Саадат взял письмо и ушел.

Он вошел к царю и увидел, что тот говорит: «О вазир, мое сердце беспокоится о моем зяте, и я боюсь, что его убили кочевники. О, если бы я знал, куда он ушел, чтобы последовать за ним с войском! О, если бы он рассказал мне об этом до своего ухода!» — «Да смилуется над тобой Аллах за твою простоту,— ответил вазир.— Клянусь жизнью твоей головы, этот человек понял, что мы его заподозрили, и побоялся позора, и убежал. Он не кто иной, как плут и лгун!»

И вдруг вошел гонец, и поцеловал землю перед царем, и пожелал ему вечной славы, счастья в жизни. И царь спросил его: «Кто ты и что тебе нужно?» И гонец ответил: «Я гонец, и меня прислал к тебе твой зять. Он приближается с поклажей и прислал тебе со мной письмо. Вот оно».

И царь взял его, и прочитал, и увидел в нем такие слова после усиленных приветствий нашему дяде, славному царю: «Я прибыл с поклажей. Выступай и встречай меня с войском».

«Да очернит Аллах твое лицо, о вазир! — воскликнул

тогда царь.— Сколько ты поносил честь моего зятя и выставлял его плутом и лгуном, а он прибыл с поклажей, и ты не кто иной, как обманщик». И вазир опустил голову к земле от стыда и смущения и сказал: «О царь времени, я говорил эти слова только из-за долгого отсутствия поклажи и боясь, что пропадут деньги, которые он истратил».— «О обманщик,— сказал царь,— что такое деньги, раз пришла его поклажа? Он нам даст вместо них много!»

И затем царь велел украсить город, и вошел к своей дочери, и сказал ей: «Добрая весть! Твой муж скоро приедет со своей поклажей. Он прислал мне об этом письмо, и я выезжаю ему навстречу».

И девушка удивилась этому обстоятельству и сказала про себя: «Вот удивительная вещь! Разве он надо мной издевался, или смеялся надо мной, или хотел меня испытать, когда сказал мне, что он бедный? Но хвала Аллаху, что из-за меня не произошло никакого умаления его достоинства».

Вот что было с Маруфом. Что же касается купца Али каирского, то, увидев украшение города, он спросил о причине этого, и ему сказали: «К купцу Маруфу, зятю царя, пришла его поклажа».— «Аллах велик! — воскликнул Али.— Что это за беда! Он пришел ко мне, убегая от своей жены, и был бедняком! Откуда же пришла к нему поклажа? Но может быть, дочь царя придумала для него хитрость, боясь позора, а ведь цари ни в чем не бессильны. Да покроет его Аллах великий и да не опозорит!» А другие купцы обрадовались и развеселились из-за того, что получат свои деньги.

И царь собрал свои войска и выступил, а Абу-с-Саадат вернулся к Маруфу и рассказал ему о том, что он доставил послание.

И тогда Маруф сказал: «Грузите!» И надев одежду из сокровищницы, он сел в носилки и стал величественнее и почтеннее, чем царь, в тысячу раз.

И он дошел до половины дороги и вдруг видит, что царь выступил ему навстречу с войском, а царь, приблизившись к Маруфу, увидел, что он одет в эту одежду и сидит в носилках. И тогда он бросился к нему, и приветствовал его, и пожелал ему мира, и все вельможи царства тоже желали ему мира, и стало ясно, что Маруф был правдив и что в нем нет лжи.

И он вступил в город в шествии, от которого лопнет желчный пузырь у льва, и купцы подбежали к нему и по-

целовали землю перед ним, а купец Али сказал ему: «Ты устроил эту проделку, и она у тебя вышла, о шейх плутов, но ты это заслужил! Аллах великий да увеличит тебе свои милости».

И Маруф засмеялся. И, войдя во дворец, он сел на престол и сказал: «Несите тюки с золотом в казну моего дяди, царя, и подайте сюда тюки с тканями». И ему принесли их, и начали их вскрывать тюк за тюком, и вынимали то, что в них было, пока не открыли все семьсот тюков.

И Маруф отобрал из них самые лучшие и сказал: «Снесите это царевне, чтобы она раздала это своим невольницам, и возьмите этот сундук с драгоценными камнями и отнесите его ей, чтобы она раздала их невольницам и евнухам».

И он начал раздавать ткани купцам, которым был должен, в возмещение своих долгов, и тому, кому следовало тысячу, он давал ткани, стоящие две тысячи или больше, а потом он начал раздавать милостыню нищим и беднякам, и царь смотрел на него и не мог ему воспрепятствовать.

И он до тех пор давал и одарял, пока не роздал все семьсот тюков, а затем он обернулся к воинам и начал раздавать им дорогие металлы, изумруды, яхонты, жемчуг, кораллы и другое и давал драгоценные камни только горстями, без счета.

И тогда царь сказал ему: «О дитя мое, довольно раздавать — от твоей поклажи осталось уже мало». И Маруф сказал: «У меня много!» И его правдивость стала ясна, и никто не мог обвинять его во лжи, и он не задумывался, раздавая, так как слуга перстня приносил ему все, чего бы он ни требовал.

А потом казначей подошел к царю и сказал: «О царь времени, казна наполнилась и уже не вмещает оставшихся тюков. А то, что остается из золота и металлов, — куда мы это положим?» И царь указал ему другое место. Когда жена Маруфа увидела эти обстоятельства, ее радость усилилась, и она удивилась и говорила про себя: «Посмотреть бы, откуда пришло к нему все это добро!» И купцы тоже радовались тому, что Маруф им дал, и желали ему счастья.

А что касается купца Али, то он удивился и говорил про себя: «Посмотри-ка! Как он сплутовал и наврал, чтобы получить все эти сокровища. Если бы они были от царевны, он не раздавал бы их беднякам. Но как прекрасны слова сказавшего:

Коли царь царей тебя обогатил,
Не спрашивай, за что он заплатил.

Аллах дает, кому и что желает,
А ты достойным будь по мере сил».

Вот что было с ним. Что же касается царя, то он удивился до крайней степени тому, что увидел от Маруфа, и удивился его щедрости и великодушию при расходовании денег. А Маруф после этого вошел к своей жене, и она встретила его, улыбаясь, смеясь и радуясь, и поцеловала ему руку, и сказала: «Разве ты надо мной смеялся или хотел меня испытать, говоря: «Я бедный и убежал от моей жены»? Слава Аллаху, что я не допустила умаления твоего достоинства. Ты мой любимый, и у меня нет никого дороже тебя, все равно, богатый ты или бедный. Я хочу, чтобы ты рассказал мне, чего ты хотел достигнуть этими словами».— «Я хотел тебя испытать, чтобы посмотреть, искренняя твоя любовь или из-за денег и от жадности до мирских благ,— сказал Маруф,— и мне стало ясно, что твоя любовь истинна. Если ты правдива в своей любви, то добро тебе пожаловать, и теперь я узнал тебе цену».

И потом он уединился в одном месте и потер перстень, и Абу-с-Саадат предстал перед ним и сказал: «Я перед тобой, требуй чего хочешь!» И Маруф молвил: «Я хочу от тебя одежду из сокровищницы для моей жены и украшений из сокровищницы, среди которых должно быть ожерелье из сорока бесподобных камней». И Абу-с-Саадат отвечал: «Слушаю и повинуюсь!» И принес ему то, что он приказал. И Маруф взял одежду и украшения, отпустив сначала слугу перстня, и пошел к своей жене, и положил это перед нею. «Бери, надевай, добро тебе пожаловать!» — сказал он. И когда царевна взглянула на эти вещи, ее ум улетел от радости. Она увидела в числе уборов пару ножных браслетов из золота, украшенных драгоценными камнями,— изделие волхвов,— и запястье, и серьги, и пояс, стоимость которого не оценить деньгами, и надела платье и украшения и затем сказала: «О господин, я хочу спрятать это для торжеств и праздников». Но Маруф молвил: «Носи их постоянно! У меня есть еще много других».

И когда царевна надела все это и невольницы увидели ее, они обрадовались и поцеловали Маруфу руки, и Маруф оставил их и, уединившись, потер перстень, и слуга предстал перед ним.

«Принеси мне сто платьев с украшениями»,— сказал

Маруф. И слуга ответил: «Слушаю и повинуюсь!» И принес ему платья, и в каждом платье были завернуты подходящие для него украшения.

И Маруф кликнул невольниц и, когда они пришли к нему, дал каждой из них по платью, и они надели эти платья и стали подобны большеглазым гуриям, а царевна была между ними точно луна среди звезд. И одна из невольниц рассказала об этом царю, и царь, войдя к своей дочери, увидел, что она ошеломляет тех, кто ее видит, и ее невольницы также, и удивился этому до крайней степени.

И затем он вышел и, призвав своего вазира, сказал ему: «О вазир, случилось то-то и то-то. Что ты скажешь об этом деле?» — «О царь времени, — ответил вазир, — таких поступков не совершают купцы, так как у купца куски льна лежат годами и он продает их только с прибылью. Откуда у купцов щедрость, подобная его щедрости, и откуда им иметь такие деньги и драгоценности, которых найдется у царей лишь немного? Как же могут они находиться у купцов целыми тюками? Этому обязательно должна быть причина. Но если ты меня послушаешься, я выясню для тебя истину в этом деле». — «Я тебя послушаюсь, о вазир», — сказал ему царь. И вазир молвил: «Встреться с Маруфом, прояви к нему дружбу, и поговори с ним, и скажи: «О мой зять, я бы хотел пойти с тобой и с вазиром, и больше ни с кем, в сад, чтобы прогуляться». И когда мы войдем в сад, мы разложим скатерть с вином, и я силой напою его; и когда он выпьет вина, его ум пропадет и рассудок исчезнет, и мы спросим его об истине в этом деле, и он нам расскажет свои тайны. Вино — предатель, и от Аллаха дар того, кто сказал:

Когда ж мы выпили и подступил настой
К местам, где тайна, я вскричал: «Постой!»

Я испугался, что в лучах вина
Вдруг станет тайна скрытая ясна.

И когда он нам расскажет истину об этом деле, мы узнаем его обстоятельства и сделаем с ним то, что захотим и пожелаем. Я боюсь для тебя последствий его поступков: может быть, его душа захочет власти, и он покроет всех воинов своей щедростью, не жалея денег, и сместит тебя, и отнимет у тебя царство».

И царь сказал ему: «Твоя правда». И они провели ночь, сговорившись об этом деле. Когда же наступило утро, царь

вышел в зал и сел, и вдруг слуги и конюхи вошли к нему, огорченные.

И он спросил их: «Что вас поразило?» И слуги ответили: «О царь времени, конюхи почистили коней и задали им корму — коням и мулам, которые пришли с поклажей, а утром мы увидели, что невольники украли коней и мулов. Мы обыскали все стойла и ни коней, ни мулов не нашли, и тогда мы вошли в помещение невольников и не увидели там никого, и мы не знаем, как они убежали».

И царь удивился этому, так как он не думал, что помощники Абу-с-Саадата были конями, мулами и невольниками, и не знал, что это помощники слуги перстня.

«О проклятые! — сказал он слугам.— Тысяча животных и пятьсот невольников и других слуг! Как же они убежали, а вы не заметили?» — «Мы не знаем, как случилось, что они убежали»,— ответили слуги. И царь сказал: «Уходите, а когда ваш господин выйдет из гарема, расскажите ему об этом деле».

И слуги ушли от царя и сели, не зная, что думать об этом деле; и когда они сидели в таком состоянии, вдруг вышел из гарема Маруф. Он увидел, что они озабочены, и спросил их: «В чем дело?» И они рассказали ему, что случилось, и Маруф воскликнул: «А какая им цена, что вы из-за них огорчаетесь? Уходите своей дорогой!»

И он сидел и смеялся, не сердясь и не огорчаясь из-за этого дела. И царь посмотрел в лицо вазиру и сказал: «Что это за человек, для которого деньги не имеют цены?» И затем они поговорили с Маруфом некоторое время, и царь сказал ему: «О мой зять, мне хочется пойти с тобой и с вазиром в сад, чтобы развлечься. Что ты на это скажешь?» — «Это неплохо!» — сказал Маруф. И затем они пошли и отправились в сад, где было каждого плода по паре, и каналы были там полноводны и деревья высоки, и там пели птицы.

И они вошли во дворец в этом саду, который прогоняет печаль от сердца, и, усевшись, стали разговаривать, и вазир рассказывал диковинные истории и вспоминал смешные остроты и увеселяющие слова, и Маруф слушал его речи, пока не подали обед.

И разложили скатерть с кушаньем, и поставили кувшин с вином, и, после того как все поели и вымыли руки, вазир наполнил чашу и дал ее царю, и тот выпил, и вазир наполнил вторую чашу и сказал Маруфу: «Вот чаша с на-

питком, уважение к которому склоняет главу разумных». — «Что это такое, о вазир?» — спросил Маруф. И вазир сказал: «Это седая дева и девственница, засидевшаяся незамужем. Этот напиток приводит радость к сердцам, и о нем сказал поэт:

Отступников ступни его давили
И головы арабам замутили.

Неверных сын подносит нам хмельного,
А в нем греха крепчайшая основа».

И он до тех пор соблазнял Маруфа выпить и говорил ему о красотах вина вещи приятные, приводя сказанные о нем стихи и тонкие рассказы, пока Маруф не согласился приложиться к краю кубка, и не осталось ему тогда ничего желать.

И вазир наполнял ему чашу, а он пил, наслаждался и ликовал, пока не исчезла для него истина и не перестал он различать ошибочное от правильного. И когда вазир понял, что опьянение его достигло предела и перешло границу, он сказал: «О купец Маруф, клянусь Аллахом, я удивляюсь! Откуда пришли к тебе эти драгоценности, подобных которым не найдешь у царей Хосроев? Мы в жизни не видели купца, который бы имел столько денег, как ты, и никого щедрее тебя. Твои поступки — поступки царей, и это не есть дело купцов. Заклинаю тебя Аллахом, расскажи мне, чтобы я узнал твой сан и твое место».

И он продолжал обхаживать Маруфа и обманывал его, а Маруф потерял ум, и наконец он сказал вазиру: «Я не купец и не один из царей». И рассказал ему свою историю с начала до конца. И тогда вазир воскликнул: «Заклинаю тебя Аллахом, о господин мой Маруф, покажи нам этот перстень, чтобы мы посмотрели, как он сделан». И Маруф снял перстень и, будучи в состоянии опьянения, сказал: «Возьми и посмотри на него». И вазир взял перстень, и повернул его, и спросил: «Когда я его потру, явится слуга?» — «Да, — отвечал Маруф, — потри его, и слуга явится к тебе».

И вазир потер перстень, и вдруг чей-то голос сказал: «Я перед тобой, о господин мой, потребуй и получишь! Разрушишь ли ты город, или построишь город, или убьешь царя? Чего бы ты ни потребовал, я это сделаю для тебя беспрекословно».

И вазир показал на Маруфа и сказал слуге: «Возьми этого негодяя и брось его в самую безлюдную часть

пустынной земли, чтобы он не нашел ни еды, ни питья, и погиб бы от голода, и умер бы в тоске, так чтобы о нем никто не знал». И слуга поднял Маруфа и полетел с ним между небом и землей. И когда Маруф увидел это, он убедился в неизбежности гибели и большом затруднении, и заплакал, и сказал: «О Абу-с-Саадат, куда ты со мной летишь?» И слуга перстня сказал ему: «Я лечу, чтобы бросить тебя в пустынную четверть земли, о маловоспитанный. Кто владеет таким талисманом, как этот, и дает его людям, чтобы они на него смотрели?! Ты заслужил то, что тебя постигло, и, если бы я не боялся Аллаха, я бы бросил тебя с высоты тысячи сажен, и ты еще не достиг бы земли, как уже растерзали бы тебя ветры».

И Маруф промолчал и не заговаривал с духом, пока тот не достиг с ним пустынной четверти земли, и бросил его там, и вернулся, оставив его в безлюдной земле.

Вот то, что было с Маруфом. Что же касается вазира, то он, когда овладел перстнем, сказал царю: «Как ты смотришь на то, что я тебе сказал о том, что это лгун и плут, а ты мне не верил?» И царь молвил: «Истина с тобой, о вазир, Аллах да даст тебе здоровье! Дай сюда перстень, чтобы я посмотрел на него!»

И вазир с гневом обернулся к нему, и плюнул ему в лицо, и сказал: «О малоумный, как я дам его тебе и останусь твоим слугой, после того как я стал твоим господином? Но я не оставлю тебя так».

И потом он потер перстень, и явился слуга, и вазир сказал ему: «Возьми этого маловоспитанного и брось его в том месте, в котором ты бросил его зятя-плута». И слуга понес царя и улетел с ним. И царь сказал ему: «О сотворенный моим господом, в чем мой грех?» И слуга ответил ему: «Не знаю, но мой господин приказал мне это, и я не могу прекословить тому, кто владеет перстнем этого талисмана».

И он до тех пор летел с царем, пока не бросил его в том месте, где был Маруф, а потом он вернулся, оставив его там. И царь услышал, как Маруф плачет, и подошел к нему, и все ему рассказал, и они оба сидели и плакали о том, что их поразило, и не находили еды и питья.

Вот то, что было с ними. Что же касается до вазира, то, удалив Маруфа и царя от жилища, он поднялся, вышел из сада, и, послав за всеми военными, собрал диван и рассказал им о том, что он сделал с Маруфом и царем, и сообщил им историю с перстнем, и сказал: «Если вы не сде-

лаете меня над собой султаном, я прикажу слуге перстня унести вас всех и бросить в пустынной четверти земли, и вы умрете от голода и жажды».

И все сказали ему: «Не делай с нами дурного! Мы согласны, чтобы ты был над нами султаном, и не ослушаемся твоего приказа». И затем они согласились назначить его над собой султаном против своей воли. И вазир наградил их почетными одеждами, и он требовал от Абу-с-Саадата все, что хотел, и слуга приносил это ему немедленно.

И затем вазир сел на престол, и подчинились ему все воины, и он послал к дочери царя, говоря ей: «Приготовься, я войду к тебе сегодня ночью, так как я стосковался по тебе».

И царевна заплакала, так как ей было тяжело лишиться отца и мужа, и послала сказать вазиру: «Дай мне отсрочку, пока пройдет время очищения, а затем напиши мою брачную запись и войди ко мне дозволенным образом». И вазир послал сказать ей: «Я не знаю ни очищения, ни долгого срока и не нуждаюсь в записи. Я не отличаю дозволенного и недозволенного, и неизбежно мне войти к тебе сегодня вечером».

И тогда царевна послала сказать ему: «Добро пожаловать, и в этом нет дурного!» (А это было хитростью.) И когда такой ответ пришел к вазиру, он обрадовался и его грудь расправилась, так как он был охвачен любовью к царевне. И он велел поставить кушанья для всех людей и сказал: «Ешьте это кушанье, так как это свадебный пир: я хочу войти к царевне сегодня вечером».

И шейх-аль-ислам сказал ему: «Не дозволяется тебе войти к ней, пока не окончится срок очищения и ты не напишешь свою запись с нею». И вазир воскликнул: «Я не знаю очищения и срока, не затягивай же со мной разговор!»

И шейх-аль-ислам смолчал, испугавшись злобы вазира, и сказал воинам: «Это нечестивый, и у него нет ни веры, ни религии». А когда наступил вечер, вазир вошел к царевне и увидел, что она одета в самое лучшее, что у нее было из одежд, и украшена прекраснейшими украшениями; когда царевна увидела вазира, она встретила его смеясь и сказала: «Это благословенная ночь, и если бы ты убил моего отца и моего мужа, право, это было бы для меня еще лучше».— «Я непременно убью их»,— сказал вазир. И царевна посадила его и стала с ним шутить и пока-

зывать ему свою любовь, и, когда она приласкала вазира и улыбнулась ему в лицо, ум его улетел. А царевна обманула его ласками, чтобы овладеть перстнем и изменить его радость на горе для его головы, и она сделала с ним эти поступки, следуя мнению того, кто сказал:

Я хитростью того добиться мог,
Чего не мог добиться мой клинок.

И вот теперь я пользуюсь победой,
Плоды которой сладостны, — отведай!

И когда вазир увидел ее ласку и улыбку, в нем взволновалась страсть, и он потребовал от царевны сближения. И когда он приблизился к ней, она отдалилась от него, и заплакала, и сказала: «О господин, разве ты не видишь человека, который смотрит на нас? Заклинаю тебя Аллахом, скрой меня от его глаз. Как же ты со мной сближаешься, когда он смотрит на нас?»

И вазир рассердился и спросил: «Где человек?» И царевна сказала: «Вот он, в гнезде перстня, поднимает голову и смотрит на нас». И вазир подумал, что это слуга перстня смотрит на нее, и засмеялся, и сказал: «Не бойся, это слуга перстня, и он под моей властью».— «Я боюсь ифритов. Сними перстень и брось его подальше от меня»,— сказала царевна. И вазир снял перстень, и положил его на подушку, и приблизился к царевне, и тогда она лягнула его ногой в сердце, и вазир упал навзничь, покрытый беспамятством, а царевна закричала своим приближенным, и они поспешно пришли к ней. И она сказала: «Схватите его!» И вазира схватили сорок невольниц, и царевна поспешила взять перстень с подушки и потерла его. И вдруг Абу-с-Саадат явился, говоря: «Я перед тобой, о госпожа!» И царевна сказала: «Возьми этого нечестивого, и посади его в тюрьму гнева, и отяжели его цепи». И Абу-с-Саадат взял его, и посадил в тюрьму, и вернулся, и сказал: «Я посадил его в тюрьму».— «Куда ты унес моего отца и моего мужа?» — спросила его царевна. И он сказал: «Я бросил их в пустынной четверти земли». И тогда она молвила: «Я приказываю тебе, чтобы ты их принес ко мне сию же минуту».

И ифрит отвечал: «Слушаю и повинуюсь!» И улетел от нее, и летел до тех пор, пока не достиг пустынной четверти. И он опустился к царю и Маруфу и увидел, что они сидят и плачут, жалуясь друг другу. И ифрит сказал им: «Не бойтесь, пришло к вам облегчение». И рассказал

о том, что сделал вазир, и потом сказал: «Я заточил его своей рукою, подчиняясь царевне, и затем она приказала мне воротить вас».

И царь с Маруфом обрадовались его рассказу, и ифрит поднял их и полетел с ними, и не прошло еще часу, как он уже ввел их к царевне. И царевна поднялась, и приветствовала своего отца и своего мужа, и, усадив их, предложила им кушаний и сластей, и они проспали остаток ночи, и на следующую ночь царевна одела своего отца в роскошную одежду, и одела своего мужа в роскошную одежду, и сказала: «О батюшка, сиди на своем престоле царем, как было раньше, и сделай моего мужа у себя вазиром правой стороны, и расскажи твоим воинам о том, что случилось. Приведи твоего вазира из тюрьмы и убей его, а потом сожги,— он нечестивый и хотел войти ко мне развратно, без брака, и он засвидетельствовал о себе, что он нечестивый и что нет у него веры, которой он бы придерживался. И заботься о своем зяте, которого ты сделал у себя вазиром правой стороны».

И царь ответил: «Слушаю и повинуюсь, о дочка. Но отдай мне перстень или отдай его твоему мужу».— «Он не годится ни для тебя, ни для него,— ответила царевна.— Перстень будет у меня, и, может быть, я сберегу его лучше, чем вы. Чего бы вы ни пожелали, требуйте это от меня, я потребую это для вас у слуги перстня. Не бойтесь дурного, пока я здорова, а после моей смерти делайте с перстнем что хотите».— «Вот оно, правильное мнение, о дочь моя!» — воскликнул царь, и потом он взял своего зятя и поднялся в диван.

А воины провели ночь в величайшей тоске из-за царевны и того, что сделал с ней вазир, когда вошел к ней для разврата, без брака, и причинил зло царю и его зятю, и они боялись, что будет опозорен закон ислама, так как им стало ясно, что вазир — нечестивец.

И они собрались в диване и стали бранить шейх-аль-ислама, говоря ему: «Почему ты не удержал его от входа к царевне для разврата?» И шейх-аль-ислам ответил: «О люди, этот человек — нечестивец, и он стал обладателем перстня, и мы с вами не можем ничего против него сделать. Аллах великий пусть воздаст ему за его дела, а вы молчите, чтобы он вас не убил».

И когда воины собрались в диване и вели эти речи вдруг вошел к ним в диван царь и с ним его зять Маруф.

И когда воины увидели его, они обрадовались его при-

ходу, и встали ради него на ноги, и поцеловали перед ним землю; а затем царь сел на престол и рассказал им всю историю, и их горесть прошла.

И царь приказал украшать город и велел привести вазира из тюрьмы, и когда тот проходил мимо воинов, те проклинали его, бранили и ругали, пока он не дошел до царя.

И когда он предстал перед царем, царь велел убить его самым ужасным образом, и его убили, а потом сожгли, и он отправился в ад в наихудшем положении, и отличился тот, кто сказал о нем:

Пусть за грехи Аллах его подвергнет карам
И призовут его на суд Накир с Мункаром.

И потом царь сделал Маруфа у себя вазиром правой стороны, и приятно было для них время, и чисты были их радости, и они провели так пять лет. А на шестой год царь умер, и царевна сделала Маруфа султаном вместо своего отца и не отдала ему перстня.

А она в это время понесла от него и родила мальчика — дивно прекрасного, выдающегося по красоте и совершенству, и он оставался на коленях у нянек, пока не достиг пяти лет жизни.

И тогда его мать заболела смертельной болезнью, и призвала Маруфа, и сказала ему: «Я больна». И Маруф воскликнул: «Да сохранит тебя Аллах, о любимая моего сердца!» Но царевна молвила: «Может быть, я умру, и мне не нужно поручать тебе заботиться о твоем сыне, но я поручаю тебе беречь перстень, так как боюсь за тебя и за этого мальчика».— «Не будет беды с тем, кого бережет Аллах»,— сказал Маруф. И царевна сняла перстень и отдала его Маруфу, а на следующий день она преставилась к милости великого Аллаха, и Маруф остался царем и стал выносить приговоры.

И случилось, что в какой-то день он встряхнул платком, и военные ушли от него в свои жилища, а он вошел в комнату, где сидят, и сидел в ней, пока не прошел день и не приблизилась ночь с ее мраком. И тогда вошли к нему его сотрапезники из вельмож, следуя обычаю, и провели у него время в развлечениях и удовольствиях до полуночи, а потом они попросили позволения удалиться, и Маруф разрешил им, и они разошлись от него по домам. И к Маруфу вошла невольница, которая исполняла службу у его постели, и постлала ему постель, и, сняв с него платье,

одела его в одежду сна, и он лег, а невольница растирала ему ноги, пока его не одолел сон, и тогда она вышла от него, и ушла на свою постель и заснула.

Вот то, что было с нею. Что же касается царя Маруфа, то он спал, и не успел он опомниться, как что-то оказалось рядом с ним у него в постели. И он проснулся, испуганный, и воскликнул: «Прибегаю к Аллаху от сатаны, битого камнями!» И открыв глаза, увидел подле себя женщину, безобразную по внешности. «Кто ты?» — спросил он ее. И она сказала: «Не бойся, я твоя жена Фатима-ведьма». И тогда Маруф посмотрел на нее и узнал ее по ее чудовищному облику и длинным клыкам.

«Откуда ты ко мне вошла и кто принес тебя в эту страну?» — спросил он. И Фатима молвила: «А в какой ты стране сейчас?» И Маруф сказал: «В городе Ихтиян аль-Хатан. А ты когда покинула Миср?» — «Только что», — ответила Фатима. И Маруф спросил: «А как это?» И она сказала: «Знай, что, когда я с тобой повздорила и сатана подбил меня тебе повредить, я пожаловалась на тебя судьям, и они искали тебя, но не нашли, кади расспрашивали о тебе, но никто тебя не видел. И когда прошло два дня, меня охватило раскаяние, и я поняла, что грех на мне, но раскаяние было бесполезно. Я просидела несколько дней, плача о разлуке с тобой, и уменьшилось то, что было у меня в руках, и мне пришлось просить на пропитание, и я стала просить всякого, счастливого и несчастного, и с тех пор, как ты со мной расстался, я вкушаю унижение просьбы и оказалась в наихудшем положении. И каждую ночь я сидела и плакала из-за разлуки с тобой и из-за того, что я испытала после твоего ухода позор, унижение, несчастье и ущерб».

И она стала рассказывать Маруфу о том, что с ней случилось, и он, изумленный, смотрел на нее, и наконец она сказала: «А вчера я целый день ходила и просила, но никто мне ничего не дал, и когда наступила ночь, я легла спать без ужина, и меня сжигал голод, и было мне тяжело то, что я испытала. И я сидела и плакала, и вдруг передо мной появился человек и сказал: «О женщина, почему ты плачешь?» И я молвила: «У меня был муж, который тратил на меня и исполнял мои желания, и он исчез, и я не знаю, куда он девался, и я испытала без него несчастье!» — «А как имя твоего мужа?» — спросил человек. И я сказала: «Его имя Маруф». И тогда человек сказал: «Я его знаю.

Знай, что твой муж теперь султан в одном городе, и если ты хочешь, чтобы я тебя доставил к нему, я это сделаю».— «Я под твоим покровительством и прошу, чтобы ты доставил меня к нему»,— сказала я; и тот человек поднял меня и летел со мной между небом и землей, пока не доставил меня в этот дворец. И тогда он сказал: «Войди в эту комнату и увидишь твоего мужа, который спит на ложе». И я вошла и увидела тебя в этом жилище, а я не думала, что ты меня покинешь, раз я твоя супруга. Слава Аллаху, который соединил меня с тобой».

«Разве это я тебя покинул? Или это ты меня покинула и все время жаловалась на меня одному кади за другим? — сказал Маруф.— Ты завершила это жалобой высшему двору и напустила на меня Абу Табака из крепости, и я убежал против воли».

И он стал ей рассказывать о том, что с ним случилось, пока он не сделался султаном и не женился на дочери царя, и рассказал ей, что царевна умерла и он получил от нее сына, которому семь лет.

И Фатима сказала: «То, что случилось, предопределено великим Аллахом, и я раскаиваюсь и нахожусь под твоим покровительством. Не покидай меня и позволь мне есть у тебя хлеб как милостыню». И она до тех пор унижалась перед ним, пока его сердце не смягчилось, и тогда он сказал: «Раскайся во зле и живи у меня, и будет тебе лишь то, что тебя порадует, а если сделаешь что-нибудь дурное, я убью тебя, и я не боюсь никого. И пусть тебе не придет на ум жаловаться на меня высшему двору, чтобы за мной послали Абу Табака из крепости: я стал султаном, и люди боятся меня, а я боюсь только великого Аллаха. У меня есть перстень со слугой, и когда я его тру, является ко мне слуга перстня, по имени Абу-с-Саадат, и все, что я от него требую, он мне приносит. Если ты хочешь отправиться в твой город, я дам тебе столько денег, что тебе будет довольно на всю жизнь, и быстро отошлю тебя в твою страну, а если ты хочешь жить у меня, то я освобожу для тебя дом и уберу его тебе наилучшим шелком. Я назначу тебе двадцать невольниц, которые будут тебе служить, и буду выдавать тебе прекрасные кушанья и роскошные одежды, и ты станешь царицей и будешь жить в величайшем счастье, пока не умрешь или я не умру. Что ты скажешь на эти слова?»

И Фатима сказала: «Я хочу остаться с тобой». И затем она поцеловала Маруфу руку и раскаялась в дурном; и он

ответ ей отдельный дом и пожаловал ей невольниц и евнухов, и она стала царицей.

И сын Маруфа стал ходить к ней и к своему отцу, и мальчик был ей противен, потому что это был не ее сын; и когда он увидел от нее взгляды гнева и отвращения, то почувствовал к ней неприязнь и невзлюбил ее.

А Маруф отвлекся любовью к прекрасным невольницам и не думал о своей жене Фатиме-ведьме, так как она стала седой старухой с безобразной внешностью, плешивым существом, гаже пятнистой змеи. И к тому же она обидела его обидой, больше которой нет. И говорит сказавший поговорку: «Дурное дело пресекает корень желаний и сеет ненависть в земле сердца...»

Царь Маруф не заботился о своей жене ради совокупления, а кормил ее, только стремясь к лику великого Аллаха. И когда она увидела, что он воздерживается от сближения с нею и занят другими женщинами, она возненавидела его, и одолела ее ревность. И иблис нашептал ей, чтобы она взяла у него перстень, и убила бы его, и сделалась бы царицей вместо него. И в одну ночь из ночей она вышла и пошла из своего дворца, направляясь в тот дворец, где был ее муж, царь Маруф. И случилось, по предопределенному делу и предначертанной судьбе, что Маруф лежал с одной из своих любимиц, красивой и прекрасной, стройной и соразмерной. А от великого благочестия он снимал с пальца перстень, когда хотел совокупиться, из уважения к благородным именам, на нем написанным, и надевал его, только будучи чистым. И у него был обычай: после того, как совокупится, приказывать наложнице уйти от него, так как он боялся за перстень. А когда он входил в баню, то запирал дверь своего дворца, а вернувшись из бани, он брал перстень и надевал его, и после этого всякий входил во дворец без запрета.

И Фатима узнала все это и вышла ночью, чтобы войти во дворец к Маруфу, когда он будет погружен в сон, и украсть перстень так, чтобы он ее не видел. А когда она вышла, сын царя в ту самую минуту входил в дом отдохновения, чтобы исполнить нужду, без огня, и он сел в темноте и оставил дверь открытой. И когда Фатима вышла из своего дворца, он увидел, что она торопливо идет ко дворцу его отца, и сказал в душе: «Посмотреть бы, для чего эта колдунья вышла из своего дворца во мраке ночи? Я вижу, что она направляется во дворец моего отца. Этому делу непременно должна быть причина».

И он вышел и пошел сзади Фатимы, идя за ней следом, так что она его не видела. А у него был короткий меч из стали, и он всегда входил в диван своего отца, подпоясанный этим мечом, так как он дорожил им; и когда его отец видел его, он смеялся над ним и говорил: «Воля Аллаха! Поистине твой меч большой, о дитя мое, но ты не ходил с ним на войну и не отрубал им голову!» И его сын говорил ему: «Я непременно отрублю голову, которая будет заслуживать отсечения». И его отец смеялся, слыша эти слова.

И когда мальчик пошел за женой своего отца, он вытащил меч из ножон и следовал за нею, пока она не вошла во дворец. И тогда он остановился, поджидая ее у дверей дворца, и стал на нее смотреть. И, увидев, что она ищет и говорит: «Куда это он положил перстень?» — он понял, что Фатима ищет перстень. И выждал до тех пор, пока она нашла перстень и воскликнула: «Вот он!» И подняв его, хотела выйти.

И тогда он спрятался за дверями, а Фатима, выйдя из дверей, посмотрела на перстень, повернула его в руке и хотела его потереть, но тут мальчик поднял руку с мечом и ударил ее по шее, и Фатима вскрикнула единым криком и упала убитая.

И Маруф проснулся и увидел, что его жена лежит и ее кровь течет, а его сын стоит с обнаженным мечом в руке, и спросил: «Что это, о дитя мое?» И мальчик ответил: «О батюшка, сколько раз ты мне говорил: «Твой меч большой, но ты не ходил с ним на войну и не отрубал им голову». А я говорил тебе: «Я непременно отрублю голову, заслуживающую отсечения». И вот теперь отрубил им для тебя голову, заслуживающую отсечения».

И он рассказал ему историю с Фатимой, и Маруф стал искать перстень, но не увидел его, и он до тех пор искал на теле Фатимы, пока не увидел, что ее рука сжимает перстень. И тогда он взял перстень из ее руки и сказал мальчику: «Ты мой сын, без сомнения и наверное! Да избавит тебя Аллах от беды в здешней жизни и в будущей, как ты избавил меня от этой скверной женщины. Ее старания привели ее к гибели, и от Аллаха дар того, кто сказал:

Счастлив, кого всегда поддерживал Аллах, —
Желанного во всех достигнет он делах.

А юноша, кому с небес помоги нет,
Желанного не жди, и труд тебе во вред».

Потом царь Маруф кликнул своих приближенных, и они поспешно пришли к нему, и тогда он рассказал им о том, что сделала его жена Фатима-ведьма, и приказал им взять ее и положить в какое-нибудь место до утра,— и они сделали так, как он им приказал.

А потом Маруф поручил ее нескольким слугам, и они обмыли ее, и завернули в саван, и ей сделали могилу, и похоронили ее, и прибытие из Мисра привело ее прямо в могилу. От Аллаха дар того, кто сказал:

Прошли мы предназначенный нам путь,
С которого нам не дано свернуть.

И суждено закончить путь земной
Тебе в могиле той, а не иной.

А как прекрасны слова поэта, сказавшего:

Не знаю, что по смерти получу
И что со мной в могиле приключится:

Найду ль добро, которого хочу,
Иль зло, что отыскать меня стремится?

И затем царь Маруф послал отыскать того человека, пахаря, у которого он был гостем, когда убежал; и когда пахарь явился, он сделал его вазиром правой стороны и своим советником. И он узнал, что у пахаря есть дочь, редкостно красивая и прекрасная, благородная по качествам, почтенного происхождения и высокого рода, и женился на ней, а через некоторое время он женил своего сына, и они прожили некий срок в приятнейшей жизни, и время их было безоблачно, и приятны были им радости, пока не пришла к ним Разрушительница наслаждений и Разлучительница собраний, опустошающая населенные дома и делающая сиротами сыновей и дочерей. Хвала же живому, который не умирает и в чьей руке ключи видимого и невидимого царства.

РАССКАЗ ОБ АБДАЛЛАХЕ ИБН ФАДИЛЕ

ассказывают также, что халиф Харун ар-Рашид проверял в какой-то день харадж с земель и увидел, что харадж из всех земель и стран уже прибыл в казну, кроме хараджа Басры,— он не прибыл в этом году.

И халиф созвал диван по этой причине и сказал: «Ко мне вазира Джафара!» И когда тот предстал меж его рук, сказал ему: «Харадж из всех стран прибыл в казну, кроме хараджа Басры, оттуда не прибыло ничего».— «О повелитель правоверных,— сказал Джафар,— может быть, у наместника Басры случилось дело, которое отвлекло его от отсылки хараджа». И ар-Рашид молвил: «Срок прибытия хараджа был двадцать дней назад. В чем же оправдание наместника за все это время — он не прислал хараджа и не прислал ничего, чтобы подтвердить свое оправдание».— «О повелитель правоверных,— сказал Джафар,— если хочешь, мы пошлем к нему посланца».— «Пошли к нему Абу Исхака Мосульского, собутыльника»,— сказал халиф. И Джафар ответил: «Слушаю и повинуюсь Аллаху и тебе, о повелитель правоверных!»

И затем вазир Джафар пошел к себе домой и, призвав Абу-Исхака Мосульского, собутыльника, написал ему благородный указ и сказал: «Отправляйся к Абдаллаху ибн Фадилю, наместнику города Басры, и посмотри, что отвлекло его от посылки хараджа, и затем прими от него харадж Басры, полностью и до конца, и привези его ко мне скорее. Халиф проверил харадж всех стран и увидел, что отовсюду он прибыл, кроме Басры. А если ты увидишь, что харадж не готов и Абдаллах будет оправдываться, то привези его с собой, чтобы он высказал халифу оправдание своим языком».

И Абу-Исхак ответил вниманием и повиновением и, взяв пять тысяч всадников из своего войска, ехал, пока не достиг города Басры. И Абдаллах ибн Фадиль узнал о его прибытии, и вышел к нему со своим войском, и встретил его, и вступил с ним в Басру, и поднялся в свой дворец, а остальные воины расположились в шатрах, подле Басры, и Ибн Фадиль назначил им все, что им было нужно. Абу Исхак же вошел в диван и, сев на престол, посадил Абдаллаха Ибн Фадиля с собой рядом, а вельможи сели вокруг него, сообразно своим степеням. И затем, после приветствия, Ибн Фадиль спросил: «О господин, что за

причина твоего прибытия к нам?» — «Причина та, — отвечал Абу Исхак, — что я пришел потребовать харадж. Халиф спрашивал о нем, и время его прибытия прошло». — «О господин, — воскликнул Абдаллах, — чтобы тебе не утомляться и не переносить затруднений путешествия! Харадж готов, полностью и совершенно, и я собирался отослать его завтра, но раз ты прибыл, я вручу его тебе после угощения в три дня и на четвертый день доставлю харадж к тебе. Но теперь обязательно нужно предложить тебе подарок — часть твоей милости и милости повелителя правоверных». И Абу Исхак сказал: «Это недурно».

А затем Абдаллах распустил диван и ввел Абу Исхака в комнату в своем доме, которой нет равной, и расстелил перед ним и его приближенными скатерть с едой, и они стали есть и пить, и наслаждаться, и веселиться. А затем стол был убран и руки вымыты, и пришло кофе и напитки, и все просидели за беседой до первой трети ночи. И Абу Исхаку постлали постель на ложе из слоновой кости, украшенном рдеющим золотом, и он лег на нем, а наместник Басры лег на другом ложе, рядом с ним.

И одолела бессонница Абу Исхака, посланца повелителя правоверных, и он стал размышлять о размерах стихов и о нанизанной речи, так как он был одним из приближенных собутыльников халифа, и была у него большая осведомленность в стихах и тонких рассказах. И он бодрствовал, сочиняя стихи, до полуночи. И когда это было так, вдруг Абдаллах ибн Фадиль встал, затянул пояс и, открыв шкаф, взял оттуда бич, а затем он взял горящую свечу и вышел из дверей комнаты, думая, что Абу Исхак спит.

И когда он вышел, Абу Исхак удивился и сказал про себя: «Куда идет Абдаллах ибн Фадиль с этим бичом? Может быть, он хочет кого-нибудь пытать. Я обязательно за ним последую и посмотрю, что он будет делать сегодня ночью».

И затем Абу Исхак поднялся и пошел за Абдаллахом, понемногу, понемногу, так, чтобы тот его не видел. И он увидел, что Абдаллах отпер чулан и вынул из него столик, на котором было четыре блюда с кушаньем, и хлеб и кружку с водой, и понес столик и кружку, и пошел. И Абу Исхак следовал за ним украдкой, пока он не вошел в одну из комнат. И тогда Абу Исхак остановился за дверями комнаты и стал смотреть в просвет дверей. И он увидел, что эта комната просторная, устланная роскошными коврами, и посреди комнаты — ложе из слоновой

кости, украшенное рдеющим золотом. И к этому ложу привязаны две собаки на золотых цепочках, а потом он увидел, что Абдаллах поставил столик в одно место, в стороне, и, обнажив руки, отвязал первую собаку. И собака начала извиваться у него в руках, и клала морду на землю, как будто целуя ее перед Абдаллахом, и слегка завывала слабым голосом. А Абдаллах скрутил ей лапы и, кинув ее на землю, вытащил бич и стал опускать его на собаку и бить ее болезненным боем, без жалости, а собака извивалась перед ним и не находила себе освобождения.

И Абдаллах до тех пор бил ее этим бичом, пока она не перестала стенать и не потеряла сознание, а затем он взял ее и привязал на прежнее место. И после этого взял вторую собаку и сделал с ней то же, что и с первой. А потом он вынул платок и начал вытирать собакам слезы и успокаивать их, говоря: «Не взыщите с меня! Клянусь Аллахом, это не по моей охоте и не легко это для меня! Быть может, Аллах даст вам освобождение из этой беды и выход». И он призывал на собак благо.

И пока все это происходило, Абу Исхак стоял, слушая ухом и видя глазом, и дивился этим обстоятельствам. А затем Абдаллах подал собакам скатерть с кушаньем и кормил их своей рукой, пока они не насытились, и вытер им рты, и, принеся кружку, напоил их, а после этого он взял столик, кружку и свечу и хотел выйти. Но Абу Исхак опередил его, и пришел к своему ложу, и лег, и Абдаллах его не видел и не знал, что он за ним следовал и наблюдал. И Абдаллах спрятал скатерть и кружку в чулан, и, войдя в комнату, открыл шкаф, и положил бич на место, а потом он снял с себя одежду и лег.

Вот то, что было с ним. Что же касается Абу Исхака, то он провел остаток ночи, размышляя об этом деле, и сон не приходил к нему от великого удивления, и он говорил про себя: «Смотри-ка! В чем причина этого дела?»

И он не переставал дивиться до утра, а затем все встали и совершили утреннюю молитву, и им поставили завтрак, и люди поели, и выпили кофе, и отправились в диван, и Абу Исхак был занят этим приключением целый день, но он все скрыл и не спросил о нем Абдаллаха.

А на следующую ночь Ибн Фадиль сделал с собаками то же самое и побил их, и помирился с ними, и накормил их, и напоил. И Абу Исхак последовал за ним и увидел, что он сделал с ними то же, что и в первую ночь, и в тре-

тью ночь было то же самое, а после этого он принес харадж Абу Исхаку на четвертый день, и тот взял его и уехал, не сказав ничего.

И он ехал до тех пор, пока не достиг Багдада, и вручил халифу харадж, и потом халиф спросил его о причине задержки хараджа, и Абу Исхак сказал: «О повелитель правоверных, я увидел, что правитель Басры уже приготовил харадж и хочет отослать его. И если бы я задержался на один день, он бы наверное встретил меня в дороге. Но только я увидел у Абдаллаха ибн Фадиля диво, подобного которому не видел в жизни, о повелитель правоверных».— «А что это такое, о Абу Исхак?» — спросил халиф. И Абу Исхак сказал: «Я видел то-то и то-то». И рассказал о том, что делал Абдаллах с собаками. И потом молвил: «Я видел три ночи подряд, как он делал такие дела — бил собак, а после этого мирился с ними и успокаивал их, и кормил, и поил, и я смотрел на него так, что он меня не видел».— «Спрашивал ли ты его о причине?» — сказал халиф. И Абу Исхак ответил: «Нет, клянусь жизнью твоей головы, о повелитель правоверных!» — «О Абу Исхак,— сказал халиф,— я приказываю тебе вернуться в Басру и привезти ко мне Абдаллаха ибн Фадиля вместе с теми двумя собаками».— «О повелитель правоверных,— воскликнул Абу Исхак,— избавь меня от этого! Абдаллах ибн Фадиль оказал мне крайнее уважение, и я проведал об этих обстоятельствах случайно, без намерения, и рассказал тебе. Как же я вернусь к нему и приведу его? Если я к нему вернусь, я не найду на себе лица от стыда перед ним, и подобает послать кого-нибудь другого с указом, написанным твоей рукой, чтобы он привез к тебе Ибн Фадиля и собак».— «Если я пошлю к нему другого, он, может быть, станет отрицать это дело и скажет: «Нет у меня собак»,— молвил халиф.— Если же я пошлю тебя и ты ему скажешь: «Я тебя видел своими глазами»,— он не сможет этого отрицать. Ты непременно должен к нему поехать и привезти его и собак, а иначе — неизбежно твое убиение».

«Слушаю и повинуюсь, о повелитель правоверных, достаточно с нас Аллаха, и благой он промыслитель! — ответил Абу Исхак.— Прав был тот, кто сказал: «Бедствие человека — от его языка». И я сам навлек на себя это, когда рассказал тебе. Но напиши мне благородный указ, и я пойду к Ибн Фадилю и приведу его к тебе».

И халиф написал ему благородный указ, и Абу Исхак направился с ним в Басру. И когда он вошел к правителю Басры, тот сказал: «Да избавит нас Аллах от зла твоего возвращения, о Абу Исхак! Почему это, я вижу, ты быстро вернулся? Может быть, харадж недостаточен, и халиф не принял его?» — «О эмир Абдаллах,— сказал Абу Исхак,— я возвратился не из-за недостатка хараджа — он доставлен полностью, и халиф принял его. Но я надеюсь, что ты не будешь с меня взыскивать,— я сделал ошибку по отношению к тебе, и то, что из-за меня произошло, предопределено Аллахом великим».— «А что произошло, о Абу Исхак? Расскажи мне — я тебя люблю и не стану с тебя взыскивать»,— молвил Ибн Фадиль.

И Абу Исхак сказал: «Знай, что когда я был у тебя, я шел за тобой следом три ночи подряд, когда ты каждую ночь вставал в полночь и мучил собак и возвращался, и я дивился этому, но мне было стыдно тебя спросить. И я рассказал халифу о твоем деле, случайно, без намерения. И он обязал меня вернуться к тебе, и вот указ, написанный его рукой. Если бы я знал, что дело так обернется, я бы не рассказал ему, но это принесла судьба».

И он стал извиняться перед Абдаллахом, и Абдаллах сказал ему: «Если ты рассказал халифу, я подтвержу ему твой рассказ, чтобы он не думал, что ты лжешь, так как я тебя люблю. Но если бы рассказал кто-нибудь другой, я бы стал отрицать это и обвинил бы его во лжи. Я поеду с тобой и захвачу собак, хотя бы была в этом гибель моей души и конец моего срока».— «Да покроет тебя Аллах, как ты покрыл мое лицо перед халифом!» — сказал Абу Исхак.

И затем Ибн Фадиль взял подарок, подходящий для халифа, и взял собак, на золотых цепях, и взвалил каждую собаку на верблюда, и они ехали, пока не доехали до Багдада. И Абдаллах вошел к халифу и поцеловал землю между его рук, и халиф позволил ему сесть, и Ибн Фадиль сел и велел привести к себе собак.

«Что это за собаки, о эмир Абдаллах?» — спросил халиф. И собаки начали целовать землю меж его рук, и шевелить хвостами, и плакать, как будто ему жалуясь. И халиф удивился этому и сказал: «Расскажи мне историю этих двух собак и по какой причине ты их бьешь и оказываешь им уважение после побоев».— «О преемник Аллаха,— молвил Ибн Фадиль,— это не собаки, а люди — двое юношей, красивые и прелестные, стройные и соразмерные, и они — мои братья, дети моей матери и моего отца».—

«А как же они были людьми и стали собаками?» — спросил халиф.

И Абдаллах сказал: «Если ты мне позволишь, о повелитель правоверных, я расскажу тебе истину об этом деле». — «Расскажи мне, — сказал халиф, — и берегись лжи, ибо ложь — качество людей лицемерных. Будь правдив, ибо правдивость — корабль спасения и черта праведников».

«Знай, о преемник Аллаха, — молвил Ибн Фадиль, — что во время моего рассказа они будут свидетелями. И если я солгу, они обличат меня во лжи, а если я скажу правду, они подтвердят мою правдивость». — «Это собаки, и они не могут говорить или отвечать, — сказал халиф. — Как же они засвидетельствуют против тебя или за тебя?» — «О братья, — молвил Ибн Фадиль, — если я скажу слова лживые, поднимите головы и раскройте широко глаза, а если я скажу правду, опустите головы и зажмурьте глаза.

Знай, о преемник Аллаха, — сказал он потом, — что нас три брата и у нас одна мать и один отец. И имя нашего отца было Фадиль, и его назвали этим именем только потому, что жена его отца родила двух сыновей-близнецов, и один из них умер в тот же час и минуту, а другой остался, и отец назвал его Фадилем. И его отец воспитал его, и дал ему хорошее воспитание, и когда он вырос, женил его на нашей матери, и умер, и наша мать родила сначала этого моего брата, и отец назвал его Мансуром. А потом она понесла второй раз и родила вот этого моего брата, и отец назвал его Насиром, и моя мать понесла третий раз и родила меня, и отец назвал меня Абдаллахом. Он воспитывал нас, пока мы не выросли и не достигли зрелости мужчин, а потом умер и оставил нам дом и лавку, полную разноцветной материи из материй всех сортов — индийских, румских, хоросанских и других, и еще он оставил нам шестьдесят тысяч динаров.

И когда наш отец умер, мы отмыли его и вырыли ему могилу и похоронили его на милость владыки. Мы устраивали по нем моления и чтения Корана и раздавали милостыню до завершения сорока дней. А потом, после этого, я собрал купцов и знатных людей и устроил для них великолепный пир, и когда они поели, я сказал им: «О купцы, здешняя жизнь преходяща, а будущая жизнь вечна, и да будет хвала тому, кто вечен после исчезновения его тварей. Знаете ли вы, для чего я вас собрал в сегодняшний

благословенный день к себе?» — «Да будет хвала Аллаху, знающему сокровенное!» — ответили они. И я сказал им: «Мой отец умер и оставил много денег, и я боюсь, что после него остался долг кому-нибудь, или залог, или что-нибудь другое. Я хочу освободить моего отца от ответственности за долги людям, и пусть тот, кому что-нибудь с него следует, скажет: «Мне с него следует то-то и то-то». И я передам ему это, чтобы освободить моего отца от ответственности». — «О Абдаллах,— сказали купцы,— земная жизнь не обойдется без дольней жизни, и мы не люди лжи. Каждый из нас знает, что дозволено, а что запретно. Мы боимся Аллаха великого и не хотим поедать имущество сироты. Мы знаем, что деньги твоего отца (да помилует его Аллах!) всегда оставались за людьми, а он не оставлял на своей ответственности ничего, принадлежащего другому, и всегда говорил в своих молитвах: «Бог мой, на тебя мое упование и надежда, не дай же мне умереть, когда на мне будет долг». Одним из его свойств было то, что, когда он был кому-нибудь должен, то отдавал это без требования, а если кто-нибудь был должен ему, он не требовал с него и говорил: «Не спеши!» Если же это был бедняк, он прощал ему долг и освобождал его от ответственности, а если это не был бедняк и он умирал, твой отец говорил: «Да простит ему Аллах то, что он мне должен! Мы свидетельствуем, что он не должен никому ничего». — «Да благословит вас Аллах!» — сказал я. И затем я обернулся к этим моим братьям и сказал им: «О братья, наш отец никому ничего не должен, и он оставил нам эти деньги, и материи, и дом, и лавку. Нас трое братьев, и каждому из нас полагается треть всего этого. Согласимся ли мы не делиться и останется ли наше имущество общим между нами и мы будем есть вместе и пить вместе, или же мы разделим материи и деньги, и каждый из нас возьмет свою долю». — «Мы разделимся, и каждый из нас возьмет свою долю»,— сказали мои братья.

И Абдаллах обернулся к собакам и спросил: «Было ли это, мои братья?» И собаки опустили головы и зажмурили глаза, как будто говоря: «Да».

И Ибн Фадиль молвил: «И тогда я привел делильщика от кади, о повелитель правоверных, и он разделил между нами деньги и материи и все, что оставил нам отец. Дом и лавку назначили мне на мою долю, взамен части того, что мне полагалось из денег, и мы согласились на это, и дом с лавкой вошли в мою часть, а братья взяли свою

часть деньгами и материей. И я открыл лавку, и положил в нее материи, и купил на часть денег, которая досталась мне сверх дома и лавки, еще материи, так что наполнил лавку, и сел продавать и покупать. А что до моих братьев, то они купили материи и, наняв корабль, уехали по морю в чужие страны. И я сказал: «Помоги им Аллах, а мой надел придет ко мне, и отдыху нет цены».

И я провел таким образом целый год, и Аллах помог мне, и я стал получать большие доходы, так что у меня оказалось столько, сколько оставил нам всем отец. И в один из дней случилось, что я сидел в лавке, одетый в две шубы, одну соболью, а другую беличью,— так как дело было в зимнюю пору, во время сильного холода! И когда я так сидел, вдруг подошли ко мне мои братья, и у каждого из них была на теле рваная рубашка и ничего больше, губы у них были белые от холода, и они дрожали. И когда я увидел их, мне стало тяжело из-за этого, и я опечалился и разум улетел у меня из головы. И я поднялся, и обнял братьев, и стал плакать об их положении, и на одного из них я надел соболью шубу, а на другого — беличью шубу. И я отвел их в баню и послал туда каждому из них одежду купца-тысячника. И когда они помылись, каждый из них надел свою одежду, а потом я взял их к себе домой. И я увидел, что они крайне голодны, и расстелил перед ними скатерть с кушаньями, и они поели, и я ел вместе с ними, проявляя к ним ласку и успокаивая их».

И Абдаллах обернулся к собакам и спросил: «Было ли это, о мои братья?» И они опустили головы и зажмурили глаза.

«И затем я спросил их, о преемник Аллаха,— продолжал Ибн Фадиль,— и сказал: «Как это с вами случилось и где ваши деньги?» И они ответили: «Мы ехали по морю и вошли в город, называемый город Куфа. Мы продавали кусок материи, которому у нас цена полдинара, за десять динаров, а тот, что стоит динар,— за двадцать динаров, и нажили большую прибыль. Мы купили из персидских материй каждую штуку шелка за десять динаров, а она стоит в Басре сорок динаров, и потом мы вошли в город, называемый город аль-Карх, и продавали, и покупали, и нажили большую прибыль, и стало у нас много денег».

И я спросил их: «Если вы видели эту радость и благо, почему же вы, я вижу, вернулись голые?» И мои братья вздохнули и сказали: «О брат наш, поразил нас только дурной глаз, и в путешествии нет безопасности. Собрав эти

деньги и блага, мы нагрузили наше имущество на корабль и поехали по морю с намерением направиться в город Басру. Мы проехали три дня, а на четвертый день мы увидели, что море стало подниматься и опускаться, заревело, вспенилось, заходило и заволновалось и забилось волнами, и волны испускали искры, как огненное пламя. Ветер над нами менялся, и наш корабль ударился о выступ горы и разбился, и мы стали тонуть в море вместе со всем тем, что у нас было. Мы бились на поверхности воды один день и одну ночь. Но Аллах послал нам корабль, и те, кто ехал на нем, взяли нас, и мы ехали из города в город, и просили, и кормились тем, что добывали просьбой. Мы испытывали великую горесть и снимали с себя свои вещи и продавали их, кормясь этим, пока не приблизились к Басре. И мы достигли Басры не прежде, чем испили тысячу горестей, а если бы спаслись вместе с тем, что у нас было, мы бы привезли богатства, похожие на богатства царей. Но это определено нам Аллахом». И я сказал им: «О братья, не обременяйте себя заботой. Деньги — выкуп за тело, и спасение — добыча. Раз Аллах записал вас в число спасшихся, то это — предел желаний, а бедность и богатство не что иное, как тень призрака.

О братья,— сказал я им потом,— мы будем считать, что наш отец умер сегодня и оставил нам все деньги, какие есть у меня. Моей душе приятно, чтобы мы их разделили между собой поровну».

И затем я призвал делильщика от кади и принес все мое имущество, и делильщик разделил его между нами, и каждый из нас взял треть денег. И я сказал своим братьям: «О братья, Аллах благословляет человека в его наделе, когда человек находится в своем городе. Пусть каждый из вас откроет себе лавку и сидит там, занимаясь торговлей: тот, кому что-нибудь предназначено в неведомом, неизбежно это получит».

И затем я помог каждому из них открыть лавку и наполнить ее товарами, и сказал: «Продавайте и покупайте и берегите ваши деньги, не тратя из них ничего, а все, что вам нужно из еды и питья, будет от меня». И я оказал им уважение, и они стали покупать и продавать днем, а вечер проводили у меня в доме, и я не давал им ничего тратить из их денег, и всякий раз, когда я сидел с ними и разговаривал, братья хвалили пребывание на чужбине и рассказывали о прелестях чужих стран, описывая, какая им до-

сталась нажива, и подстрекали меня согласиться поехать с ними в чужие страны».

И Абдаллах спросил собак: «Было ли это, о мои братья?» И они опустили головы и зажмурили глаза, подтверждая его слова.

«О преемник Аллаха,— сказал потом Ибн Фадиль,— мои братья не переставали соблазнять меня и говорить о большой прибыли и наживе в чужой стране, призывая меня поехать с ними, пока я не сказал им: «Я обязательно с вами поеду, чтобы вас уважить».

И потом мы с ними вошли в компанию, и, собрав дорогую материю всевозможных сортов, наняли корабль, и наполнили его всякими товарами и запасами, и снесли на этот корабль все, что нам было нужно, и выехали из города Басры в полноводное море, в котором бились волны, и тот, кто въезжает в него,— пропал, а кто покидает его,— рождается вновь. Мы ехали до тех пор, пока не приехали в один город, и мы продали там и купили, и у нас оказалась большая прибыль. А потом мы уехали из этого города в другой и ездили из города в город и из селения в селение, продавая, покупая и наживая, пока у нас не оказались значительные деньги и большая прибыль. И мы подъехали к одной горе, и капитан бросил якорь и сказал: «О путники, выходите на берег, и вы спасетесь от зла этого дня. Поищите на берегу,— может быть, вы найдете воду». И все, кто был на корабле, вышли, и я тоже вышел, и мы принялись искать воду, и каждый из нас отправился в какую-нибудь сторону, а я поднялся на вершину горы.

И когда я шел, я вдруг увидел белую змею, которая мчалась, убегая, и за ней мчался черный дракон, безобразный обликом и ужасный на вид. И дракон настиг змею, и прижал ее, и схватил за голову, и обвился хвостом вокруг ее хвоста, и она закричала, и я понял, что дракон обижает змею, и меня охватила жалость. Я взял камень из камней, весом в пять ритлей или больше, и бросил его в дракона. И камень попал ему в голову и разбил ее. И не успел я опомниться, как змея сделалась молодой девушкой, красивой, прелестной, блестящей, совершенной, стройной и соразмерной, подобной светящейся луне. Она подошла ко мне, поцеловала мне руки и сказала: «Да покроет тебя Аллах двумя покровами — покровом от позора в здешней жизни и покровом от огня в жизни будущей в день великого предстояния, в день, когда не поможет имущество и сыновья никому, кроме тех, кто придет

к Аллаху с сердцем здравым. О человек,— сказала она потом,— ты спас мою честь, и я обязана тебе за это благодеяние. Мне надлежит воздать тебе за это».

И она указала рукой на землю, и земля расступилась, и девушка опустилась в землю, и потом земля закрылась над ней, и я понял, что эта девушка — из джиннов. А что касается дракона, то в нем загорелся огонь и сжег его, и он превратился в пепел. И я удивился этому, и вернулся к своим товарищам, и рассказал им об этом. Мы проспали ночь, а под утро капитан вырвал якорь, распустил паруса и свернул концы, и мы поехали и ехали, пока земля не скрылась от нас, и не переставали плыть в течение двадцати дней, не видя ни земли, ни птицы, и вода у нас кончалась.

И капитан сказал: «О люди, пресная вода у нас кончилась». И мы сказали ему: «Выйдем на сушу, может быть, мы найдем воду». И тогда капитан воскликнул: «Клянусь Аллахом, я сбился с пути и не знаю дороги, которая ведет в сторону земли». И нас охватило сильное горе, и мы стали плакать и молиться Аллаху великому, чтобы он вывел нас на верную дорогу. А потом мы провели ночь в самом худшем состоянии.

И когда наступило утро, и засияло светом, и заблистало,— мы увидели высокую гору и, увидев эту гору, обрадовались и развеселились. И мы подъехали к этой горе, и капитан сказал: «О люди, выходите на берег, чтобы поискать воды».

И мы все вышли искать воду, но не увидели на берегу воды, и нас охватило огорчение из-за отсутствия воды. И потом я поднялся на вершину этой горы, и увидел за ней широкую круглую долину, протяжением в час пути или больше, и позвал моих товарищей, и они направились ко мне. И когда они подошли, я сказал: «Посмотрите на землю, которая за той горой. Я вижу там город, высоко построенный, с колоннами, уходящими ввысь, и стенами, и башнями, и холмами, и лугами. Там, без сомнения, не может не быть воды и всяких благ. Пойдемте же со мной и отправимся в этот город. Мы принесем оттуда воды и купим то, что нам нужно из пищи, мяса и плодов, и вернемся».

И мои товарищи сказали мне: «Мы боимся, что жители этого города окажутся нечестивыми многобожниками и врагами веры и схватят нас. И мы станем пленниками у них в руках, или же они нас убьют, и мы сами будем по-

собниками своего убиения, так как ввергли себя в погибель и зло затруднения. Обольщенный самим собою недостоин хвалы, так как он подвергает себя злой опасности. Не будем же обольщаться сами собой». И я сказал им:

«О люди, у меня нет над вами власти, но я возьму моих братьев и отправлюсь в этот город». Но мои братья сказали мне: «Мы боимся этого дела и не пойдем с тобой».— «Что касается меня,— сказал я,— то я решил отправиться в этот город. Я полагаюсь на Аллаха и согласен на то, что он мне предопределил. Подождите же меня, пока я схожу туда и вернусь к вам».

И я оставил их и шел, пока не дошел до ворот этого города, и я увидел, что это город удивительно построенный и диковинно расположенный, и стены в нем высокие, а башни укрепленные, и дворцы возвышаются, и ворота его сделаны из китайского железа, украшены и расписаны и ошеломляют разум. И я вошел в ворота и увидел каменную скамью, и там был человек, который сидел на ней, и на руке у него была цепочка из желтой меди, а на цепочке четырнадцать ключей. И я понял, что этот человек — привратник города, а в городе четырнадцать ворот. И я приблизился к этому человеку и сказал: «Мир с вами». Но он не ответил на мое приветствие, и я пожелал ему мира второй раз и третий, но он не дал мне ответа. И я положил ему руку на плечо и сказал: «Эй, ты, почему ты не отвечаешь на приветствие? Ты спишь, или глухой, или не мусульманин, что отказываешься ответить на приветствие?» И человек не ответил мне и не шевельнулся, и я всмотрелся в него и увидел, что он каменный. «Поистине, это удивительное дело! — воскликнул я.— Вот камень, которому придан облик сына Адама, и ему не хватает только речи». И я оставил его, и вошел в город, и увидел человека, который стоял на дороге, и подошел к нему, и всмотрелся в него, и увидел, что это тоже камень. И я стал ходить по площадям этого города и всякий раз, как видел человека, подходил к нему и вглядывался в него, и оказывалось, что это камень. И я прошел мимо одной старой женщины, на голове которой была связка одежды, приготовленной для стирки, и, приблизившись к ней, вгляделся в нее и увидел, что она из камня, и связка одежды у нее на голове тоже каменная. А потом я пошел на рынок и увидал масленика, и весы его были поставлены, и перед ним были всякие товары — сыр и другое, и все это было каменное.

И я увидел, что все торговцы сидят в своих лавках, а люди — одни стоят, другие сидят, и увидел мужчин, и женщин, и детей, и все они были каменные. И я вошел на рынок купцов и увидел, что всякий купец сидит в своей лавке, и лавки полны всевозможных товаров, и все они — из камня, но только материи подобны ткани паука. И я стал рассматривать эти материи, и всякий раз, как я брал в руки одежду из материи, она превращалась у меня в руках в развеянную пыль. Я увидел сундуки и, открыв один из них, нашел в нем золото в мешках и взял мешки в руки, и они растаяли у меня в руках, а золото не изменилось и осталось как было. Я взял его сколько мог и стал говорить себе: «Если бы мои братья были со мною, они бы, наверное, взяли этого золота вдоволь, и мы бы воспользовались этими сокровищами, у которых нет обладателей». А потом я вошел в другую лавку и увидел, что там еще больше золота, но не мог уже взять больше, чем взял. Я пошел с этого рынка на другой рынок и оттуда еще на другой и так далее и видел всяких тварей разных по виду, и все они были каменные — даже собаки и кошки были из камня.

И я пошел на рынок ювелиров и увидел там мужчин, сидевших в своих лавках, и их товары лежали перед ними — часть их была у них в руках, а часть в корзинках. И когда я увидел это, о повелитель правоверных, я бросил бывшее со мной золото и взял ювелирных изделий, сколько мог снести.

Я вышел с рынка ювелиров на рынок торговцев драгоценностями и увидел, что купцы сидят в своих лавках, и перед каждым из них корзина, наполненная всякими драгоценностями — яхонтами, алмазами, изумрудами, бадахшанскими рубинами и прочими камнями всевозможных родов, а владельцы лавок были каменные. И тогда я бросил бывшие со мной ювелирные изделия и взял столько камней, сколько мог нести, и я жалел, что со мной не было братьев, которые могли бы взять этих камней сколько хотят.

И я ушел с рынка драгоценных камней и прошел мимо больших ворот, расписанных и украшенных различными украшениями. А за воротами были скамьи, и на скамьях сидели евнухи, воины, телохранители, солдаты и судьи, и они были одеты в самые роскошные одежды, но все они были каменные. И когда я прикоснулся к одному из них, одежды осыпались с его тела, точно ткань паука. И я во-

шел в эти ворота и увидел дворец, которому нет подобного в постройке и прекрасном расположении. И в этом дворце я увидел приемную залу, наполненную вельможами, вазирами, знатными людьми и эмирами, и все они сидели на скамеечках и были каменные. И я увидел престол из червонного золота, украшенный жемчугом и драгоценностями, и на нем сидел человек в роскошнейших одеждах, на голове которого был венец Хосроев, украшенный дорогими камнями, которые испускали лучи, точно лучи дневного света. И, подойдя к нему, я увидел, что он из камня. Потом я направился из этой залы к дверям гарема. И, войдя туда, увидел диван женщин, и в этом диване я увидел престол из червонного золота, украшенный жемчугом и драгоценностями, и на нем сидела женщина-царица, на голове которой был венец, окаймленный дорогими каменьями, и ее окружали женщины, подобные лунам, которые сидели на скамеечках и были одеты в роскошнейшие одежды, выкрашенные в разные цвета, и тут же стояли евнухи, сложив руки на груди, как будто они стоят, чтобы прислуживать. И этот диван ошеломлял смотрящих, так много было в нем украшений, диковинного убранства и великолепных ковров. В нем висели самые яркие лампы из прозрачного хрусталя, и в каждом из хрустальных котелков был бесподобный яхонт, цену которого не покрыть деньгами. И я бросил, о повелитель правоверных, то, что было со мной, и стал собирать эти камни, и поднял их сколько мог.

И я не знал, что мне взять, а что оставить, так как увидел, что это место подобно сокровищу из сокровищ какого-нибудь города. И затем я увидел маленькую дверь, за которой была лестница, и, войдя в эту дверь, поднялся на сорок ступенек и услышал, что кто-то читает Коран нежным голосом. И я пошел на этот голос и дошел до дверей комнаты. И тогда я увидел шелковую занавеску, украшенную золотыми шнурками, на которых были нанизаны жемчуга, кораллы, яхонты и куски изумруда, и драгоценные камни сияли на них, как сияют звезды. Голос слышался из-за этой занавески, и, подойдя к занавеске, я поднял ее, и передо мной предстала разукрашенная дверь дворца, смущающая мысли. Я вошел в эту дверь и увидел дворец, подобный сокровищу на лице земли, и в глубине его — девушку, подобную сияющему солнцу посреди безоблачного неба.

И она была одета в самые роскошные одежды и украшена самыми лучшими, какие бывают, драгоценностями.

При этом сама была дивно красива и прелестна — стройная, соразмерная, изящная и совершенная, с тонким станом, тяжкими бедрами и слюной, исцеляющей больного, и томными веками».

И Абдаллах ибн Фадиль продолжал: «О повелитель правоверных, когда я увидел эту девушку, меня охватила любовь к ней, и я подошел к ней ближе и увидел, что она сидит на высокой скамеечке и читает книгу Аллаха, великого, славного, по памяти, из глубины сердца, а голос ее — точно скрип ворот рая, когда их открывает Ридван, и слова, выходя из ее уст, рассыпаются, как драгоценные камни, а лицо ее дивно прекрасно, красиво и блестяще.

И когда я услышал звуки ее голоса при чтении великого Корана (а мое сердце читало в ее чарующих глазах привет по слову владыки милосердого), я запутался в словах и не мог хорошо ее приветствовать. Мой разум и слух были ошеломлены.

И затем я набрался стойкости против ужасов любви и сказал ей: «Мир тебе, о госпожа, охраняемая и драгоценность скрываемая. Да утвердит Аллах навеки устои твоего счастья и да воздвигнет опоры твоей славы». И женщина ответила: «И тебе от меня мир, привет и уважение, о Абдаллах ибн Фадиль! Приют, уют и простор тебе, о мой любимый и услада моего глаза!» — «О госпожа, — спросил я, — откуда ты узнала мое имя? Кто ты сама такая и что такое с жителями этого города, что они сделались камнями? Я хочу, чтобы ты рассказала мне истину об этом деле, — я дивлюсь на этот город и на его жителей и на то, что в нем не найти человека, кроме тебя. Ради Аллаха расскажи мне об этом».

И девушка сказала: «Садись, о Абдаллах, и, если захочет Аллах великий, я расскажу тебе и сообщу истину об этом деле и истину о деле этого города и его жителей подробно. Нет мощи и силы, кроме как у Аллаха высокого, великого!» И я сел рядом с девушкой, и она сказала: «Знай, о Абдаллах (помилуй тебя Аллах!), что я дочь царя этого города, и мой родитель — это тот, кого ты видел сидящим в диване на высоком престоле, а те, кто вокруг него, — вельможи его правления и знатные люди его царства. Мой отец обладал великой мощью и повелевал тысячей тысяч и сотней тысяч и двадцатью тысячами воинов, а число эмиров его правления — двадцать четыре тысячи, и все это — судьи и обладатели должностей. Под властью моего отца была тысяча городов, кроме селений, поместий,

крепостей, укреплений и деревень, и число эмиров арабов, подвластных ему,— тысяча эмиров, а каждый эмир повелевает двадцатью тысячами витязей. У него сокровища, богатства, металлы и драгоценные камни, каких не видел глаз и не слышало ухо. И он покорял царей и губил богатырей и храбрецов на войне и на поле битвы, и его боялись великаны, и смирились перед ним Хосрои. И при всем этом он был нечестивец, предававший Аллаху товарищей и поклонявшийся идолам вместо своего владыки, и все его воины были нечестивцы и поклонялись идолам вместо всезнающего владыки. И случилось, что в один из дней он сидел на престоле своего царства, окруженный вельможами правления. И не успел он опомниться, как вошел к нему какой-то человек, и диван осветился светом его лица. И мой отец посмотрел на него и увидел, что он одет в зеленую одежду и высок ростом, и руки его спускаются ниже колен, и вид у него почтенный и достойный, и свет сияет от его лица. И этот человек сказал моему отцу: «О жестокий, о притеснитель! До каких пор будешь ты обольщен почитанием идолов и станешь пренебрегать почитанием всезнающего владыки? Скажи: «Свидетельствую, что нет бога, кроме Аллаха, и свидетельствую, что Мухаммад — раб и посол Аллаха». Прими ислам вместе с твоим народом. Оставь поклонение идолам — они не помогут и не заступятся. Не почитают по праву никого, кроме Аллаха, подъявшего небеса без опоры и распростершего землю по милости к рабам».— «Кто ты, о человек, отвергающий поклонение идолам, что говоришь такие слова? — спросил мой отец.— Разве ты не боишься, что идолы на тебя разгневаются?»

И человек ответил ему: «Идолы — это камни, и не повредит мне их гнев, и не поможет мне их милость. Принеси твоего идола, которому ты поклоняешься, и прикажи каждому из твоих людей принести своего идола. И когда все ваши идолы будут здесь, помолись им, чтобы они на меня разгневались, а я помолюсь моему господу, чтобы он разгневался на них, и вы распознаете гнев творца и гнев твари. Ведь ваших идолов сделали вы сами, и в них вселились дьяволы, и это они говорят с вами из глубины утробы идолов. Ваши идолы сделаны, а мой господь — тот, кто делает, и ничто для него не трудно. Если вам станет ясна истина,— последуйте ей, а если станет вам ясно ложное,— оставьте ее».— «Дай нам доказательство о твоем владыке, чтобы мы его увидели»,— сказали этому челове-

ку. И он молвил: «Дайте мне доказательство о ваших владыках».

И тогда царь приказал каждому, кто поклонялся владыке из идолов, принести его, и все воины принесли своих идолов в диван, и вот то, что было с ними.

Что же касается меня, то я сидела за занавеской, возвышавшейся над приемной залой моего отца, и у меня был идол из зеленого изумруда, тело которого было величиной с тело человека, и мой отец потребовал его, и я послала его к нему в диван, и его поставили подле идола моего отца. А идол моего отца был из яхонта, а идол вазира — из камня алмаза. Что же касается начальников войск и подданных, то у некоторых были из бадахшанского рубина, у некоторых из карнеола, а у некоторых из коралла. Некоторые же идолы были из камарийского алоэ, некоторые из эбена, некоторые из серебра, а некоторые из золота, и у каждого из вельмож был такой идол, какой позволяла сделать его душа. Что же касается простого народа из солдат и подданных, то некоторые их идолы были из кремня, некоторые из дерева, некоторые из глины, а некоторые из грязи, и все идолы были разноцветные — желтые, красные, зеленые и белые.

И этот человек сказал моему отцу: «Помолись твоему идолу и вот этим идолам, чтобы они на меня разгневались». И идолов рассадили диваном; идола моего отца посадили на золотой престол, и моего идола посадили подле него на почетном месте, а других идолов поставили каждого на место его владельца, который ему поклонялся. И мой отец поднялся, и пал ниц перед своим идолом, и сказал ему: «О мой бог, ты — великодушный владыка, и нет среди идолов большего, чем ты. Ты знаешь, что этот человек пришел ко мне, чтобы поразить твое господство, и он издевается над тобой, и говорит, что у него есть бог сильнее тебя, и приказывает нам оставить поклонение тебе и поклоняться его богу. Разгневайся на него, о мой бог».

И он стал просить идола, а идол не отвечал ему и не обращал к нему речи, и мой отец сказал: «О мой бог, не таков твой обычай, так как ты говорил со мной, когда я к тебе обращался. Почему же это, я вижу, ты молчишь и не разговариваешь? Ты рассеян или спишь? Проснись, помоги мне и заговори со мной». И затем он потряс его рукой, но идол не заговорил и не сдвинулся со своего места. И тот человек сказал моему отцу: «Что это, я вижу, твой идол не говорит?» И мой отец ответил: «Я думаю, что он

рассеян или спит».— «О враг Аллаха,— сказал тот человек, как ты поклоняешься богу, который не говорит и нет у него ни над кем власти, и не поклоняешься моему богу, который близок и внимает, присутствует и не исчезает, и не рассеян он, и не спит, и не постигает его воображение? Он видит, но невидим, и он властен над всякой вещью, а твой бог бессилен и не может отразить от себя зла. В него вселился дьявол, битый камнями, который уводил тебя с пути и обманывал, а теперь его дьявол исчез. Поклонись же Аллаху и засвидетельствуй, что нет бога, кроме него, и никому, кроме него, не поклоняются. Никто, кроме него, не достоин поклонения, и нет блага, кроме его блага. Что же касается этого твоего бога, то он не может отразить зло от себя. Как же он может отразить его от тебя? Посмотри своими глазами, какова его слабость».

И этот человек подошел и стал бить идола по шее, так что тот упал на землю, и царь рассердился и сказал присутствующим: «Этот вероотступник дал затрещину моему богу! Убейте его!» И они хотели подняться, чтобы его ударить, но никто из них не мог подняться с места, и этот человек предложил им ислам, но они не предались Аллаху. И тогда он сказал: «Я покажу вам гнев моего владыки».— «Покажи»,— сказали они. И человек простер руки и сказал: «Бог мой и господин, в тебе мое упование и надежда, ответь моей молитве против этих нечестивых людей, которые поедают твое благо и поклоняются другому. О истинный, о всевластный, о творец ночи и дня, прошу тебя, чтобы ты превратил этих людей в камни. Ты могуч, не обессилит тебя ничто, и властен ты во всякой вещи».

И Аллах превратил жителей этого города в камни, а что касается меня, то, увидев доказательство этого человека, я обратила свое лицо к Аллаху и спаслась от того, что их поразило.

И этот человек подошел ко мне и сказал: «Пришло к тебе от Аллаха счастье, и была в этом воля Аллаха».

И он стал меня учить, и я дала ему обет и клятву, и было мне в это время семь лет, а сейчас мне стало уже тридцать лет. И я сказала этому человеку: «О господин мой, все, что есть в этом городе, и все его жители стали камнями, по твоей праведной молитве. А я спаслась, приняв ислам при твоей помощи, и ты мой шейх. Скажи же мне, как твое имя, и поддержи меня своей поддержкой и добудь мне пропитание». И человек ответил: «Мое имя Абу-ль-Аббас аль-Хыдр». И затем он посадил своей рукой

дерево граната, и оно выросло, принесло листья и цветы и тотчас же дало один плод граната. «Ешь то, чем наделил тебя Аллах великий, и поклоняйся ему достойным поклонением»,— сказал этот человек.

И затем он научил меня правилам ислама, правилам молитвы и способу богопочитания и научил меня читать Коран, и вот двадцать три года, как я поклоняюсь Аллаху в этом месте, и каждый день это дерево сбрасывает для меня гранат, и я съедаю его и питаюсь им от одного дня до другого. А аль-Хыдр — мир с ним! — приходит ко мне каждую пятницу. Это он осведомил меня о твоем имени и оповестил меня о том, что ты скоро придешь ко мне в это место, и сказал мне: «Когда он к тебе придет, окажи ему уважение и повинуйся его приказу беспрекословно. Будь ему женой, и он будет тебе мужем, и пойди с ним туда, куда он захочет». И, увидев тебя, я тебя узнала, и вот рассказ об этом городе и его жителях, и конец».

И потом девушка показала мне дерево с гранатами, и на нем был плод граната, и девушка съела половину его и дала мне съесть половину, и я не едал ничего слаще, приятнее и вкуснее, чем этот гранат.

А потом я спросил ее: «Согласна ли ты на то, что приказал тебе твой шейх аль-Хыдр, мир с ним, и хочешь ли ты быть мне женой, чтобы я был тебе мужем, и уйдешь ли со мной в мою страну, и я буду жить с тобой в городе Басре?» И она ответила: «Да, если захочет Аллах великий, я буду послушна твоему слову и покорна твоему приказу, не прекословя тебе». И я взял с нее верную клятву, и она отвела меня в кладовую своего отца, и мы забрали оттуда столько, сколько могли снести, и вышли из этого города.

И мы шли до тех пор, пока не пришли к моим братьям, и я увидел, что они меня ищут. И братья сказали мне: «Где ты был? Ты заставил нас ждать, и наши сердца были тобой заняты».

А что касается капитана корабля, то он сказал мне: «О купец Абдаллах, ветер для нас хорош уже некоторое время, и ты задержал наш отъезд».— «В этом нет вреда,— ответил я,— и, может быть, задержка была полезна, так как в моем отсутствии не было ничего, кроме пользы, и я получил исполнение надежд».

И затем я сказал им: «Посмотрите, что мне досталось во время этой отлучки». И показал им, какие у меня были сокровища. Я рассказал, что видел в каменном городе,

и сказал: «Если бы вы меня послушались и пошли бы со мной, вам бы досталось всего этого много».

И они сказали: «Клянемся Аллахом, если бы мы пошли, мы бы не осмелились войти к царю города».— «С вами не будет беды,— сказал я своим братьям.— Того, что со мной, хватит на нас всех, и это наша общая доля».

И затем я разделил то, что у меня было, на части, по числу всех путников, и дал моим братьям и капитану и взял себе столько же, сколько получил каждый из них. Я дал немного слугам и матросам, и они обрадовались и пожелали мне блага, и все удовлетворились тем, что я им дал, кроме моих братьев,— их состояние изменилось, и их глаза заблестели. Я заметил, что жадность овладела ими, и сказал им: «О братья, мне кажется, что то, что я вам дал, вас не удовлетворяет. Но я ваш брат, и вы мои братья, и между нами нет различия. Мои деньги и ваши деньги — одно, и когда я умру, никто не наследует мне, кроме вас».

И я начал их успокаивать, а потом привел ту девушку на корабль и, отведя ее в трюм, послал ей кое-чего поесть, а сам сел беседовать с моими братьями. И они спросили меня: «О брат наш, что ты хочешь делать с этой девушкой, столь дивно прекрасной?» И я ответил: «Я хочу записать с ней свою запись, когда приеду в Басру, и сделать великолепную свадьбу и ввести ее к себе». И один из братьев сказал мне: «О брат мой, знай, что эта девушка дивно прекрасна и красива, и любовь к ней запала мне в сердце. Я хочу, чтобы ты мне ее отдал, и я бы на ней женился». И второй брат сказал: «Я тоже! Дай мне ее, чтоб я на ней женился». И я ответил: «О мои братья, она взяла с меня клятву и обещание, что я на ней женюсь, и если я отдам ее одному из вас, я буду нарушителем клятвы между мной и ею, и, может быть, это сокрушит ее сердце, так как она пришла ко мне лишь с условием, что я на ней женюсь. Как же я выдам ее замуж за кого-нибудь другого? Что же касается того, что вы ее любите, то я люблю ее больше, чем вы, хотя она для меня — случайная находка, и того, чтобы я отдал ее кому-нибудь из вас, никогда не будет. Но когда мы приедем благополучно в город Басру, я присмотрю для вас двух девушек из лучших девушек Басры и просватаю их за вас. Я дам вам приданое из своих денег и сделаю общую свадьбу, и мы все трое войдем к нашим женам в одну ночь. Отвернитесь от этой девушки: она — моя доля».

И братья промолчали, и я подумал, что они согласились с тем, что я им сказал.

И затем мы поехали, направляясь в землю Басры, и я послал девушке еду и питье, и она не выходила из трюма корабля, а я спал между моими братьями на палубе. И мы ехали таким образом в течение сорока дней, пока не показался перед нами город Басра. И тогда мы обрадовались, что приближаемся к нему, и я доверял моим братьям и полагался на них (а не знает сокровенного никто, кроме великого Аллаха). И я спал в эту ночь и был погружен в сон, и не успел я опомниться, как почувствовал, что меня несут на руках эти мои братья, и один держит меня за ноги, а другой за руки, и они сговорились утопить меня в море из-за этой девушки. И когда я почувствовал, что они несут меня на руках, я сказал им: «О мои братья, почему вы делаете со мной такие дела?» И они ответили: «О маловоспитанный! Как это ты продаешь наше расположение за девушку! Мы бросим тебя из-за этого в море». И они бросили меня в море».

И Абдаллах обернулся к собакам и спросил их: «Правда ли то, что я сказал, о братья, или нет?» И собаки опустили головы и завыли, как бы подтверждая его слова, и халиф очень удивился этому.

И затем Ибн Фадиль сказал: «О повелитель правоверных, когда они бросили меня в море, я достиг дна, а потом вода выбросила меня на поверхность моря. И не успел я опомниться, как большая птица, величиной с человека, опустилась ко мне и, подхватив меня, полетела со мной по воздуху. И я открыл глаза и увидел себя во дворце с возвышающимися колоннами, высоко построенном и расписанном роскошными надписями, и были в нем лампы из драгоценных камней всевозможных видов и цветов, и там находились невольницы, которые стояли, сложив руки на груди. И вдруг я увидел женщину, сидевшую между ними на престоле из червонного золота, украшенном драгоценными камнями и жемчугом. И на ней были одежды, на которые человек не может смотреть глазами, так сильно сияют на них драгоценности, и стан этой женщины охватывал пояс, цены которого не покрыть деньгами, а на голове у нее был венец из четырех кругов, который смущает разум и мысль и похищает сердца и взоры.

И птица, которая подхватила меня, встряхнулась и сделалась женщиной, подобной сияющему солнцу, и я внимательно всматривался в нее и вдруг вижу — это та, что была на горе в виде змеи, и с ней сражался дракон,

обвиваясь хвостом вокруг ее хвоста, а я, когда увидел, что дракон победил ее и одолел, ударил его камнем.

И женщина, что сидела на престоле, спросила ее: «Зачем ты принесла сюда этого человека?» И девушка сказала: «О матушка, это тот, кто был причиной спасения моей чести между дочерьми джиннов». И затем она спросила меня: «Знаешь ли ты, кто я?» И я сказал: «Нет». И девушка молвила: «Я та, что была на такой-то горе, и черный дракон сражался со мной, желая растерзать мою честь, а ты его убил».— «Я видел с драконом белую змею»,— сказал я. И девушка молвила: «Это я была белой змеей, но я — дочь Красного Царя, царя джиннов, и мое имя Саида. А та, что сидит, это моя мать, и имя ее Мубарака, жена Красного Царя. Дракон, который со мной сражался и хотел растерзать мою честь,— вазир Черного Царя по имени Дарфиль, и он безобразен видом. Случилось, что, когда он увидел меня, он меня полюбил и посватался за меня у моего отца, и мой отец послал ему сказать: «А каков твой сан, о обломок вазиров, чтобы тебе жениться на дочерях царей?»

И вазир разгневался на это и дал клятву, что он непременно опозорит мою честь по злобе на моего отца, и стал ходить по моим следам и следовать за мной, куда бы я ни шла, желая опозорить мою честь. У него произошли с моим отцом великие войны и страшные распри, и мой отец не мог его одолеть, так как Дарфиль был коварный притеснитель. И всякий раз, как он прижимал моего отца и хотел его захватить, мой отец убегал от него. И наконец мой отец обессилел, а я каждый день принимала другой вид и цвет. И всякий раз, как я во что-нибудь превращалась, вазир превращался во что-нибудь противоположное. И когда я убегала в какую-нибудь землю, он чуял мой запах и настигал меня в этой земле, так что я перенесла из-за него великие тяготы. И я превратилась в змею и ушла в те горы, и тогда вазир превратился в дракона и последовал за мной, и я попала ему в руки. Он боролся со мной, и я боролась с ним, пока он меня не утомил и не сел на меня, и он был намерен сделать со мной то, что хотел, но ты пришел и ударил его камнем и убил. И тогда я превратилась в девушку, и показала себя тебе, и сказала: «Я обязана тебе благодеянием, которое пропадет только у детей разврата». И когда я увидела, что твои братья сделали с тобой эту хитрость и бросили тебя в море, я по-

спешила к тебе и спасла тебя от гибели, и тебе подобает уважение от моей матери и от моего отца».

И она сказала: «О матушка, оказывай ему уважение за то, что он спас мою честь». И ее мать молвила: «Простор тебе, о человек! Ты оказал нам благодеяние, за которое заслуживаешь уважение». И она приказала принести мне одежду из сокровищницы, стоящую множество денег, дала мне много дорогих каменьев и металлов, а потом сказала: «Возьмите его и отведите к царю». И меня взяли и отвели к царю в диван, и я увидел, что он сидит на престоле, и перед ним стоят мариды и духи, и, увидев его, я отвел глаза, так много было на нем драгоценностей. А царь, увидев меня, поднялся на ноги, и все воины поднялись, из уважения к нему, а потом он приветствовал меня и сказал: «Добро пожаловать!» — оказав мне крайнее уважение, и дал мне часть тех богатств, которые были у него. И затем он сказал кому-то из своих приближенных: «Отведите его к моей дочери — пусть она доставит его в то место, откуда она его принесла». И меня взяли и отвели к Саиде, его дочери, и она подняла меня и полетела, захватив те блага, которые были со мной, и вот что произошло со мной и с Саидой.

Что же касается капитана корабля, то он проснулся от всплеска, раздавшегося, когда меня бросили в море, и спросил: «Что это упало в море?» И мои братья заплакали, и начали бить себя по груди, и сказали: «О, погибель нашего брата! Он хотел исполнить нужду на краю корабля и упал в море». И потом они наложили руку на мои деньги, и возникло между ними разногласие относительно девушки, и каждый из них говорил: «Никто не возьмет ее, кроме меня!» И они стали препираться друг с другом и не вспомнили о своем брате и его потоплении, и прошла их печаль о нем, и когда это было так, вдруг Саида опустилась со мной на середину корабля. И, увидев меня, мои братья обняли меня, и обрадовались мне, и стали говорить: «О брат наш, каково было тебе при том, что с тобой случилось? Наше сердце занято тобой». И Саида сказала: «Если бы ваше сердце болело о нем или вы бы его любили, вы бы не бросили его в море, когда он спал. Но выбирайте себе смерть, которою умрете».

И она схватила моих братьев и хотела их убить, и они закричали, говоря: «Мы под твоим великодушием, о брат наш!» И я принялся упрашивать Саиду и говорить ей: «Я падаю перед твоим великодушием! Не убивай моих

братьев!» И она говорила: «Неизбежно их убить — они обманщики!» А я до тех пор уговаривал ее и пытался ее смягчить, пока она не сказала: «В угождение тебе я их не убью, но я заколдую их».

Потом она вынула чашку и налила в нее воды, из воды моря, и проговорила слова непонятные, а затем сказала: «Выйдите из образа человеческого в образ собачий». И она обрызгала моих братьев этой водой, и они превратились в псов, какими ты их видишь, о преемник Аллаха».

И Абдаллах ибн Фадиль обернулся к ним и спросил: «Правда ли то, что я сказал, о мои братья?» И они опустили головы, как будто говоря: «Твоя правда».

И Ибн Фадиль продолжал: «О повелитель правоверных, когда Саида заколдовала их и превратила в псов, она сказала тем, кто был на корабле: «Знайте, что этот Абдаллах ибн Фадиль стал мне братом, и я буду приходить к нему каждый день раз или два раза, и со всяким из вас, кто будет ему перечить, или ослушается его приказания, или станет ему вредить рукой или языком, я сделаю то, что я сделала с этими двумя обманщиками: я превращу его в пса, чтобы он окончил жизнь в образе пса, не находя себе освобождения».

И все сказали ей: «О госпожа, мы все — его рабы и слуги и не будем ему перечить». И тогда она сказала мне: «Когда приедешь в Басру, проверь все твое имущество, и если чего-нибудь недостанет, уведоми меня — я достану тебе от какого угодно человека и из какого угодно места, а того, кто его взял, я превращу в пса. А потом, когда ты сложишь свои богатства в кладовые, надень каждому из этих обманщиков на шею ошейник, и привяжи их к ножкам ложа, и заточи их в тюрьму одних. И каждую ночь, в полночь, приходи к ним и задавай им обоим порку, пока они не исчезнут из мира, а если пройдет ночь и ты их не побьешь, я приду к тебе и задам тебе порку, а потом побью их». И я ответил: «Слушаю и повинуюсь!» И Саида сказала мне: «Связывай их веревками, пока не приедешь в Басру». И я надел каждому из них веревку на шею и привязал их к мачте, а Саида ушла своей дорогой.

На следующий день мы прибыли в Басру, и купцы вышли мне навстречу и поздоровались со мной, и никто не спросил про моих братьев — все только смотрели на собак и говорили мне: «О такой-то, что ты будешь делать с этими собаками, которых ты привез с собой?» А я отвечал:

«Я вырастил их за это путешествие и привез их с собой». И люди смеялись над ними и не знали, что это мои братья.

И я поместил их в чулане и отвлекся в этот вечер, раскладывая тюки, в которых были материи и драгоценные металлы, и у меня были купцы, пришедшие меня приветствовать. И, занявшись ими, я не побил братьев, не посадил их на цепь и не сделал с ними дурного. И я заснул, и не успел я опомниться, как пришла ко мне Саида, дочь Красного Царя, и сказала: «Разве я не говорила тебе: надень им на шею цепи и задай каждому из них порку?»

И потом она схватила меня и, вынув бич, задала мне такую порку, что я лишился чувств. А после этого она направилась в то место, где были мои братья, и задала каждому из них порку бичом, так что они стали близки к смерти. «Каждую ночь задавай им обоим порку, подобную этой, и если пройдет ночь и ты их не побьешь, я побью тебя»,— сказала она. И я молвил: «О госпожа, завтра я надену цепи им на шею, а в следующую ночь я их побью и не отменю побоев ни на одну ночь».

И Саида подтвердила мне приказание их бить, и, когда наступило утро, мне показалось нелегко надеть цепи им на шею, и я пошел к ювелиру и велел ему сделать для них золотые ошейники, и когда он сделал ошейники, я принес их и надел братьям на шею и привязал их, как Саида мне велела, и на следующий вечер я побил моих братьев, пересилив себя.

А эти события происходили во время халифата аль-Махди, пятого из потомков аль-Аббаса. Я подружился с ним, послав ему подарки, и он назначил меня на должность правителя и сделал наместником в Басре, и я пробыл в таком положении некоторое время.

А потом я сказал себе: «Может быть, ее гнев остыл». И оставил братьев один вечер небитыми. И Саида пришла и задала мне порку, жара которой я не забуду всю остальную жизнь. И с того времени я не переставал их бить во все время халифата аль-Махди, а когда аль-Махди скончался и ты получил власть после него и послал мне подтверждение, что я остаюсь наместником Басры, оказалось, что прошло уже двенадцать лет, как я каждую ночь бью моих братьев, пересиливая себя. После того как я побью их, я их успокаиваю, и прошу у них прощения, и кормлю их, и пою, когда они в заточении. Никто из тварей великого Аллаха не знал о них, пока ты не послал ко мне Абу Исхака из-за хараджа. И он проведал о моей тайне, и вер-

нулся, и рассказал тебе, и ты послал его ко мне вторично, требуя меня и требуя их. И я ответил вниманием и повиновением и привез их к тебе. А когда ты спросил меня об истине в этом деле, я сообщил тебе всю историю, и вот мой рассказ».

И халиф Харун ар-Рашид удивился обстоятельствам этих собак и спросил Абдаллаха: «Простил ли ты, при таких обстоятельствах, братьев за то, что тебе от них было, и извинил ты их или нет?» И Абдаллах ответил: «О господин мой, да простит их Аллах и да освободит их от ответственности в этой жизни и в будущей, а я нуждаюсь в том, чтобы они меня простили, так как прошло уже двенадцать лет, как я задаю им каждую ночь порку».— «О Абдаллах,— сказал халиф,— если захочет Аллах великий, я постараюсь их освободить и опять сделать людьми, как прежде. Я помирю вас, и вы проживете остаток жизни любящими братьями, и как ты их простил, так они простят тебя. Возьми их и ступай в твое жилище и сегодня ночью не бей их, а завтра будет лишь благо».— «О господин! — воскликнул Абдаллах.— Клянусь жизнью твоей головы, если я оставлю их одну ночь без побоев, ко мне придет Саида и побьет меня, а у меня не такое тело, чтобы выносить побои!»

И халиф ответил ему: «Не бойся! Я дам тебе указ моей рукой. И когда Саида придет к тебе, дай ей эту бумажку, и, если она ее прочитает и простит тебя, заслуга будет за ней, а если она ослушается моего приказания, твое дело дойдет до Аллаха. Пусть она задаст тебе порку, и считай, что ты забыл их побить сегодня ночью и что она побила тебя по этой причине. И когда это случится и она меня ослушается, то, если я повелитель правоверных, я учиню с ней расчет».

И потом халиф написал ей что-то на куске бумаги, величиной в два пальца, и, написав, запечатал, и сказал: «О Абдаллах, когда Саида придет к тебе, скажи ей: «Халиф, царь людей, приказал мне их не бить и написал тебе эту бумажку, и он передает тебе привет». И дай ей этот указ и не бойся дурного». И затем халиф взял с него клятву и обещание, что он не будет бить своих братьев, и Абдаллах взял их и пошел в свое жилище, говоря в душе: «Посмотреть бы, что сделает халиф с дочерью султана джиннов, если она его не послушается и побьет меня се-

годня ночью! Но я вытерплю побои и порку и дам моим братьям отдохнуть сегодня ночью, хотя бы мне достались из-за них мучения». И потом он подумал про себя, и его разум сказал ему: «Если бы халиф не опирался на большую опору, он бы тебе не запретил их бить».

И Абдаллах вошел в свое жилище и снял ошейники с шеи своих братьев, со словами: «Полагаюсь на Аллаха». И начал их успокаивать, говоря: «С вами не будет беды — шестой халиф из сынов аль-Аббаса взял на себя ваше освобождение, а я вас простил, и если хочет Аллах великий, время пришло, и вы освободитесь в эту благословенную ночь. Порадуйтесь же счастью и веселью».

И его братья, услышав это, завыли, как воют псы, и стали тереться щеками об его ноги, как будто благодаря его и унижаясь перед ним. И Абдаллах опечалился и стал гладить их рукой по спине. И пришло время ужина, и, когда расстелили скатерть, Абдаллах сказал братьям: «Садитесь!» И они сели и начали есть с ним со скатерти. И приближенные Абдаллаха оторопели, дивясь, что он ест с собаками, и говорили: «Что он — бесноватый или помешался в уме? Как это наместник Басры ест с собаками, когда он выше вазира? Разве он не знает, что собака — нечистая?» И они смотрели на собак, которые чинно ели с Абдаллахом, не зная, что это его братья, и до тех пор глядели на Абдаллаха и на собак, пока те не кончили есть.

А потом Абдаллах вымыл руки, и собаки протянули передние лапы и стали их мыть, и все, кто стоял, начали смеяться и удивляться и говорили другу другу: «Мы в жизни не видели собак, которые бы ели и мыли бы лапы, поев пищи». И потом собаки сели подле Абдаллаха ибн Фадиля на кресла, и никто не мог спросить его об этом, и так продолжалось до полуночи, а потом он отпустил слуг, и все заснули, и каждый пес заснул на своем ложе, и слуги говорили друг другу: «Он спит, и собаки спят с ним». А другие говорили: «Если он ел с псами, то не беда, если они с ним поспят! Это не что иное, как дела бесноватых». И они не стали есть того, что осталось на скатерти из еды, и сказали: «Как мы будем есть остатки после псов!» И, взяв скатерть с тем, что на ней было, выбросили ее, говоря: «Она нечистая».

Вот что было с ними. Что же касается Абдаллаха ибн Фадиля, то не успел он опомниться, как земля расступилась, и появилась Саида и сказала: «О Абдаллах, почему

ты не побил их сегодня ночью и почему ты снял с них ошейники? Сделал ли ты это из упрямства или издеваясь над моим приказанием? Но теперь я тебя побью и превращу тебя в собаку, как их».— «О госпожа,— воскликнул Абдаллах,— заклинаю тебя надписью, что на перстне Сулеймана, сына Дауда, мир с ними обоими, будь со мной терпелива, пока я не расскажу тебе о причине этого, а потом что ни захочешь, то и делай со мной».— «Рассказывай!» — молвила Саида.

И Ибн Фадиль сказал: «Причина того, что я их не бил, в том, что царь людей, халиф, повелитель правоверных Харун ар-Рашид, велел мне их не бить сегодня ночью. Он взял с меня в том обеты и клятвы, и он передает тебе привет и дал мне об этом указ своей рукой, который велел отдать тебе. И я исполнил его приказание и послушался его, а послушание повелителю правоверных — обязательно, и вот его указ. Возьми его и прочитай, а потом делай что хочешь».— «Давай его сюда!» — сказала Саида. И потом она взяла указ, и, развернув его, стала читать, и увидела, что в нем написано:

«Во имя Аллаха, милостивого, милосердного! От царя людей Харуна ар-Рашида дочери Красного Царя Саиде. А затем: этот человек простил своих братьев и сложил с них должное ему по праву, и я постановил, чтобы они примирились, а когда наступает примирение, снимается наказание. И если вы будете нам противодействовать в наших приговорах, мы будем противодействовать вам в ваших приговорах и нарушим ваш закон. Если же вы подчинитесь нашему приказанию и исполните наш приговор, мы будем исполнять ваш приговор. Я постановил, чтобы ты им не противодействовала, и, если ты веруешь в Аллаха и его посланника, тебе следует повиноваться, а мне — повелевать. И если ты их простишь, я вознагражу тебя так, как даст мне на это власть мой владыка. А признак повиновения в том, что ты снимешь свои чары с этих двух людей, чтобы они встретили меня завтра освобожденные, и если ты их не освободишь, я освобожу их наперекор тебе, с помощью Аллаха великого».

И когда Саида прочла это письмо, она сказала: «О Абдаллах, я ничего не сделаю раньше, чем схожу к моему отцу и покажу ему указ царя людей, и я быстро вернусь к тебе с ответом». И потом она показала рукой на землю, и земля расступилась, и Саида опустилась под нее, и, ког-

да она ушла, сердце Абдаллаха взлетело от радости, и он воскликнул: «Да возвеличит Аллах повелителя правоверных!»

А Саида вошла к своему отцу и, рассказав эту историю, показала ему указ повелителя правоверных. И ее отец поцеловал его и положил себе на голову, а потом он прочел указ и, поняв то, что в нем было, сказал: «О дочка, приказание царя людей у нас действует, и приговор его о нас — исполняется, и мы не можем ему прекословить. Иди же к этим людям, и освободи их сейчас же, и скажи им: «Вы под заступничеством царя людей». Если он на нас разгневается, то погубит нас до последнего, не взваливай же на нас того, что нам невмочь».— «О батюшка, если царь людей на нас разгневается, что он с нами сделает?» — спросила Саида. И ее отец ответил: «О дочка, он сильнее нас со многих сторон. Первое — он из людей, так что имеет над нами преимущество, второе — он преемник Аллаха, и третье — он неизменно совершает по утрам молитву в два раката. И если бы против него собрались отряды джиннов со всех семи земель, они не могли бы сделать ему дурное. Если он на нас разгневается, то совершит утром молитву в два раката и крикнет на нас единым криком, и мы соберемся перед ним, покорные, и будем точно бараны перед мясником. И если он захочет, то велит нам уйти с нашей родины в землю пустынную, где мы не сможем находиться, а если он пожелает нашей гибели, то велит нам погубить себя, и одни из нас погубят других. Мы не можем перечить его приказанию, и, если мы ослушаемся его приказания, он нас всех сожжет, и нет нам от него убежища. Таков и всякий раб, который постоянно совершает утром молитву в два раката,— его приговор над нами исполняется. Не будь же причиной нашей гибели из-за двух людей, но пойди и освободи их, прежде чем нас окружит гнев повелителя правоверных».

И Саида вернулась к Абдаллаху, и рассказала ему о том, что сказал ей отец, и молвила: «Поцелуй за нас руки повелителя правоверных и попроси для нас его благоволения». И затем она вынула чашку, и, налив в нее воды, поколдовала над ней, и произнесла слова непонятные, а потом она обрызгала собак этой водой и сказала: «Перейдите из собачьего образа в образ человеческий».

И они снова стали людьми, как были прежде, и чары колдовства оставили их. И оба воскликнули: «Свидетель-

ствую, что нет бога, кроме Аллаха, и свидетельствую, что Мухаммад — посол Аллаха». И потом они припали к рукам своего брата и к его ногам, целуя их и прося у него прощения. И Абдаллах сказал: «Вы меня простите!» И оба брата раскаялись искренним раскаянием и сказали: «Обманул нас иблис проклятый, и сбила нас с пути жадность. Господь наш воздаст нам так, как мы заслуживаем, и прощение — черта благородных». И они старались смягчить своего брата, плача и раскаиваясь в том, что из-за них случилось. И Абдаллах спросил их: «Что вы сделали с моей женой, которую я привез из каменного города?» И братья ответили: «Когда сатана соблазнил нас и мы бросили тебя в море, между нами возникло разногласие, и каждый из нас говорил: «Я женюсь на ней». И когда девушка услышала наши слова, она вышла из трюма и сказала: «Не спорьте из-за меня — я не достанусь ни одному из вас. Мой муж ушел в море, и я последую за ним». И потом она бросилась в море и умерла».— «Она умерла, как мученица, и нет мощи и силы, кроме как у Аллаха высокого, великого!» — воскликнул Абдаллах ибн Фадиль, и заплакал о девушке сильным плачем, и сказал: «Нехорошо, что вы сделали эти дела и лишили меня жены».— «Мы ошиблись, и наш владыка воздал нам за наше дело, и Аллах предопределил нам это, прежде чем мы были созданы»,— сказали братья, и ибн Фадиль принял их извинение.

И Саида сказала: «Они сделали с тобой все эти дела, и ты их прощаешь?» И Абдаллах молвил: «О сестрица, кто, когда может, прощает, награда тому у Аллаха».— «Остерегайся их, они обманщики»,— сказала Саида. И потом она простилась с ним и ушла. Абдаллах провел со своими братьями остаток ночи за едой, питьем и весельем, и его грудь расправилась. Когда же наступило утро, он свел их в баню и одел каждого из них в одежду, стоящую множества денег. А потом он потребовал скатерть с едой и, когда ее поставили перед ним, стал есть вместе со своими братьями. И когда слуги увидели их и поняли, что это его братья, они поздоровались с ними и сказали эмиру Абдаллаху: «Да сделает тебе Аллах приятной встречу с твоими дорогими братьями! Где они были все это время?» — «Это те, кого вы видели в образе собак, и слава Аллаху, который освободил их!» — ответил Абдаллах.

И потом он взял своих братьев, и отправился с ними в диван халифа Харуна ар-Рашида, и ввел их туда, и по-

целовал землю меж рук халифа, пожелав ему вечной славы и счастья и прекращения бед и напастей. И халиф сказал ему: «Добро тебе пожаловать, о эмир Абдаллах! Расскажи мне, что с тобой произошло».— «О повелитель правоверных, да возвеличит Аллах твою власть,— сказал Абдаллах.— Когда я ушел с моими братьями, я успокоился за них, раз ты взял на себя их освобождение, и сказал в душе: «Цари не бессильны сделать дело, которое стараются сделать,— вышний промысел помогает им».

И потом я снял ошейники с их ушей, уповая на Аллаха, и стал с ними есть со скатерти, и мои слуги, увидев, что я ем с ними, а они в образе псов, сочли мой разум легковесным и сказали друг другу: «Может быть, он одержимый! Как это наместник Басры ест с собаками, когда он выше вазира». И они выбросили то, что осталось на скатерти, и сказали: «Мы не будем есть остатки после собак»,— и сочли мое суждение глупым, а я слушал их слова и не давал им ответа, так как они не знали, что это мои братья. А потом, когда пришло время сна, я отпустил слуг и хотел заснуть, и не успел я опомниться, как земля расступилась, и вышла Саида, дочь Красного Царя».

И он рассказал халифу обо всем, что было с Саидой и ее отцом и как она вывела его братьев из собачьего образа в образ человеческий, и сказал: «Вот они перед тобой, о повелитель правоверных». И халиф обернулся и увидел двух юношей, подобных паре лун.

И тогда халиф воскликнул: «Да воздаст тебе Аллах за меня благом, о Абдаллах, раз ты осведомил меня о пользе, которой я не знал. Если захочет Аллах великий, я не оставлю эту молитву в два раката до восхода зари, пока буду жив». И он выбранил братьев Абдаллаха за то, что они раньше ему сделали, и сказал: «Подайте друг другу руки и простите один другого, и Аллах простит за то, что было раньше».

И потом он обернулся к Абдаллаху и сказал: «О Абдаллах, сделай братьев себе помощниками и заботься о них». И наказал братьям повиноваться их брату. А потом он одарил их и приказал им уезжать в город Басру, дав им сначала большие подарки. И они ушли из дивана халифа осчастливленные, и халиф обрадовался той пользе, которую он извлек из этих событий, и воскликнул: «Правду сказал сказавший: «Несчастья одних людей полезны другим порой».

Вот каковы были их дела с халифом. Что же касается Абдаллаха ибн Фадиля, то он ехал из города Багдада со своими братьями в величии, почете и высоком сане, пока они не достигли города Басры. И вельможи и знатные люди вышли им навстречу, и для них украсили город и ввели их туда в шествии, которому нет равного. И люди желали Абдаллаху блага, и он бросал им золото и серебро, и все люди громко молились за Абдаллаха, и никто не смотрел на его братьев, и ревность и зависть вошла в их сердца. А Абдаллах при этом обращался с ними так бережно, как обращаются с воспаленным глазом, и чем бережнее он с ними обращался, тем сильней они его ненавидели и завидовали ему.

И Абдаллах дал каждому из братьев наложницу, которой нет подобия, и сделал их обладателями слуг, челяди, невольниц и рабов, черных и белых, и каждому из них он дал пятьдесят жеребцов из ретивых коней, и оказались у них приближенные и свита.

И Абдаллах назначил братьям выдачи, и установил им доходы, и сделал их своими помощниками, и сказал им: «О братья, мы с вами равны, и нет различия между мною и вами, и власть, после Аллаха и халифа, принадлежит мне и вам. Властвуйте же в Басре в мое отсутствие и в моем присутствии, и ваш приговор будет исполняться, но будьте богобоязненны в приговорах. Остерегайтесь несправедливости — если она постоянна, она опустошает, и придерживайтесь справедливости — если она постоянна, она населяет. Не обижайте рабов — они станут вас проклинать, и сведение о вас достигнет халифа, и будет позор мне и вам. Не вздумайте обижать кого-нибудь и то, чего вам захочется из чужих денег, возьмите из моих денег, сверх того, что вам нужно. Не скрыто от вас то, что дошло о несправедливости в ясных знамениях».

И затем он стал наставлять своих братьев, призывая их к справедливости и удерживая от несправедливости. И он подумал, что они его полюбили, так как он расточает им добрые советы. И он положился на своих братьев и оказал им еще бо́льшее уважение, но они только все больше ему завидовали и ненавидели его.

А потом его братья Насир и Мансур сошлись вместе, и Насир сказал Мансуру: «О брат мой, до каких пор мы будем в повиновении у нашего брата Абдаллаха, а он будет в этом господстве и эмирстве? После того как он был купцом, он стал эмиром, и после того как был маленьким, стал

большим, а мы не стали больше, и не стало у нас ни сана, ни цены. И вот он посмеялся над нами и сделал нас своими помощниками. Что это означает? Разве не то, что мы его слуги и находимся у него в повиновении? Пока он будет здоров, наша степень не возвысится и у нас не будет сана. Наша цель осуществится до конца, только если мы его убьем и возьмем его деньги, а эти деньги невозможно взять иначе, как после его гибели. Когда мы его убьем, мы станем господами и возьмем все, что есть в его казне из драгоценных камней, металлов и сокровищ. А после этого мы разделим их между собой, и приготовим подарок халифу, и попросим у него должность правителя Куфы, и ты будешь наместником Басры, а я буду наместником Куфы, или ты будешь наместником Куфы, а я буду наместником Басры, и у всякого из нас будет видное положение и сан, но это все завершится, только если мы его погубим».— «Ты прав,— сказал Мансур,— в том, что говоришь, но что нам сделать, чтобы его убить?» И Насир ответил: «Мы сделаем угощение у кого-нибудь из нас и пригласим его и будем ему прислуживать самым лучшим образом, а затем мы станем развлекать его словами и рассказывать ему истории, рассказы и редкие случаи, пока его сердце не растает от бодрствования, и тогда мы постелем ему, и он ляжет спать. И когда он заснет, мы встанем на него, спящего, коленями и задушим его и бросим в море, а наутро мы скажем: «Его сестра, джинния, пришла к нему, когда он сидел между нами и разговаривал, и сказала: «О обломок людей, каков твой сан, что ты жалуешься на меня повелителю правоверных? Разве ты думаешь, что мы его боимся? Как он царь, так и мы цари, и если он не будет соблюдать с нами пристойность, мы убьем его наихудшим убиением. А теперь я убью тебя, и мы посмотрим, что выйдет из рук повелителя правоверных». И затем она схватила его, и земля расступилась, и джинния опустилась с ним, и, когда мы увидели это, нас покрыло беспамятство, а потом мы очнулись и не знаем, что ему выпало». И после этого мы пошлем к халифу и осведомим его, и он назначит нас на место Абдаллаха, а через некоторое время мы пошлем халифу дорогой подарок и потребуем у него власти в Куфе, и один из нас будет жить в Басре, а другой будет жить в Куфе, и приятно нам будет в этой стране, и мы покорим рабов Аллаха и достигнем желаемого».— «Прекрасно то, что ты посоветовал, о брат мой»,— сказал Мансур.

И они сговорились убить своего брата. И Насир сделал угощение и сказал своему брату Абдаллаху: «О брат мой, знай, что я твой брат и хочу, чтобы ты залечил мое сердце. Ты и мой брат Мансур — и вы бы съели мое угощение у меня в доме, чтобы я мог похвалиться тобой, и люди бы говорили: «Эмир Абдаллах ел угощение своего брата Насира». Это залечит мое сердце».— «Это неплохо, о брат мой,— сказал Абдаллах,— и нет различия между мной и тобой. Твой дом — мой дом, но раз ты пригласил меня, то ведь отказывается от приглашения только скверный». И он обернулся к своему брату Мансуру и спросил его: «Пойдешь ли ты со мной в дом твоего брата Насира? Мы съедим его угощение и залечим его сердце». И его брат сказал ему: «Клянусь жизнью твоей головы, я не пойду с тобой, пока ты мне не поклянешься, что после того как пойдешь в дом моего брата Насира, ты придешь и в мой дом и съешь мое угощение. Разве Насир твой брат, а я не твой брат? Как ты залечил ему сердце, так залечишь и мое сердце».— «Это неплохо, с любовью и удовольствием! — сказал Абдаллах.— Когда я выйду из дома твоего брата, я войду в твой дом, и как он мой брат, так и ты мой брат». И Насир поцеловал руку своего брата Абдаллаха, и ушел из дивана, и сделал угощение.

А на следующий день Абдаллах сел на коня и, взяв с собой множество воинов и своего брата Мансура, отправился в дом своего брата Насира. И он вошел и сел вместе со своими приближенными и братом, и Насир подал им трапезу и сказал им: «Добро пожаловать!» И они стали есть, пить, наслаждаться и веселиться. И потом убрали скатерть и миски и вымыли руки, и все провели этот день за едой, питьем, развлечением и играми до ночи, а поужинав, совершили закатную и ночную молитву и сели за беседу. И Мансур стал рассказывать историю, и Насир стал рассказывать историю, а Абдаллах слушал, и они сидели во дворце одни, а прочие воины были в другом месте. И они до тех пор рассказывали всякие приключения, рассказы, редкие случаи и истории, пока сердце их брата Абдаллаха не растаяло от долгого бдения и его не одолел сон, и ему постлали постель, и он снял с себя одежды и лег, и братья легли с ним на другой постели. И они подождали, пока Абдаллах погрузился в сон, и, увидев, что он погрузился в сон, поднялись, и встали на него коленями, и Абдаллах проснулся и, увидев, что они стоят коленями на его груди, сказал: «Что это, о мои братья?» И они ответили:

«Мы тебе не братья и не знаем тебя, о маловоспитанный, и твоя смерть теперь лучше, чем твоя жизнь».

И они положили руки ему на шею и стали его душить. И Абдаллах исчез из земной жизни, и не осталось в нем движения, и братья подумали, что он умер. А его дворец стоял над морем, и братья бросили его в море, и, когда он упал в море, Аллах подчинил ему дельфина, который привык подплывать к этому дворцу, так как в дворцовой кухне было окно, выходившее на море, и когда там резали животных, то всегда выбрасывали требуху в море из этого окна. И этот дельфин подплывал и подбирал ее на поверхности воды, так что он привык к этому месту. А в тот день выкинули много отбросов, по случаю угощения, и дельфин поел больше, чем каждый день, и у него появилась сила. И когда он услышал всплеск в море, он быстро подплыл и увидел, что это человек. И направил его направляющий, и он поднял Абдаллаха на спину, и поплыл с ним посреди моря, и до тех пор подвигался с ним, пока не достиг берега у противоположной стороны, и тогда он выбросил Абдаллаха на сушу. А то место, куда он его бросил, было на перекрестке дороги, и мимо Абдаллаха прошел караван, и люди увидели, что он брошен на берегу моря, и сказали: «Здесь утопленник, которого море выбросило на берег». И над ним собралось много народу из этого каравана, чтобы посмотреть на него, а шейх каравана был человек из людей блага, знающий все науки и сведущий в науке врачевания и правильном чтении по лицам. «О люди, в чем дело?» — спросил он. И ему сказали: «Это мертвый утопленник». И он подошел, и всмотрелся в него, и сказал: «О люди, в этом юноше есть еще дух, и он из лучших детей больших людей и воспитан в величии и счастье. Есть еще надежда, если захочет Аллах великий».

И потом он взял Абдаллаха, и одел его в одежду, и согрел, и старался, и ухаживал за ним в течение трех переходов, пока Абдаллах не очнулся, но от встряски, случившейся с ним, его одолела слабость. И шейх каравана пользовал его травами, которые знал, и они ехали тридцать дней, пока не удалились от Басры на это расстояние, а шейх все лечил Абдаллаха.

И затем они вступили в город, называемый город Удж (а он находится в странах персов), и остановились в хане. И Абдаллаху постлали постель, и он лег и провел эту ночь стеная, и его стенания беспокоили людей. И когда наступило утро, привратник хана пришел к шейху каравана

и сказал ему: «Что с этим больным, который у тебя? Он нас беспокоит». И шейх ответил: «Я увидал его на дороге у берега моря — он утопленник,— и я лечил его и обессилел, но он не поправился».— «Покажи его старице Раджихе»,— сказал привратник. «А кто это будет старица Раджиха?» — спросил шейх. И привратник ответил: «У нас есть женщина, девственница, и она старица и прекрасная девица, и зовут ее старица Раджиха. Всякого, в ком есть болезнь, мы ведем к ней, и он проводит у нее одну ночь, а наутро выздоравливает, и в нем не остается никакого недуга».— «Проводи меня к ней»,— сказал шейх. И привратник молвил: «Неси твоего больного». И шейх понес его, а привратник хана шел перед ним, пока не дошел до одной кельи. И шейх увидел людей, которые входили туда с обетными приношениями, и людей, которые выходили радостные. И привратник хана вошел и, дойдя до занавески, сказал: «Позволение, о старица Раджпха! Возьми этого больного». И старица молвила: «Внеси его за эту занавеску».— «Внесите его!» — сказал привратник.

И Абдаллаха внесли, и он взглянул на старицу и увидел, что это его жена, которую он привез из каменного города. Он узнал ее, и она узнала его и поздоровалась с ним, и он тоже поздоровался с ней и спросил ее: «Кто привел тебя в это место?» И она молвила: «Когда я увидела, что твои братья бросили тебя в море и поспорили из-за меня, я бросилась в море, и меня подхватил мой шейх аль-Хыдр и принес меня в эту келью. Он дал мне позволение лечить больных и прокричал в городе: «Всякий, в ком есть болезнь, пусть идет к старице Раджихе». А мне он сказал: «Оставайся в этом месте, пока не наступит время и не придет к тебе твой муж в эту келью». И всякого больного, что приходил ко мне, я растирала, и он становился здоровым, и слава обо мне распространилась среди людей, и люди стали приходить ко мне с приношениями, и у меня много добра, и я живу во славе и почете, и все люди этого города просят моей молитвы». И затем она растерла Абдаллаха, и он поправился, по могуществу Аллаха великого.

А аль-Хыдр — мир с ним! — приходил к ней каждый вечер в пятницу, и тот вечер, когда Абдаллах встретился с нею, был вечер пятницы. И когда опустилась ночь, женщина села с ним, после того как они поужинали роскошнейшими кушаньями, и они сидели и ждали прихода аль-

Хыдра. И когда они сидели, вдруг он явился к ним и унес их из кельи и положил во дворце Абдаллаха ибн Фадиля в Басре, а потом оставил их и ушел.

И когда наступило утро, Абдаллах осмотрелся во дворце и увидел, что это его дворец, и узнал его. Он услышал, что люди шумят, и, выглянув из окна, увидел своих братьев распятыми, каждого на одной палке. И причиной этого было вот что.

Когда братья бросили его в море, они стали плакать и говорить: «Нашего брата унесла джинния». А потом они приготовили подарок и послали его халифу и, сообщив ему эту историю, попросили у него должность правителя Басры. И халиф послал привести их к себе и расспросил их, и они рассказали ему то, о чем мы упоминали. И халифа охватил сильный гнев, а когда наступила ночь, он совершил перед зарей молитву в два раката, по своему обычаю, и кликнул к себе племена джиннов. И они предстали перед ним, покорные. И халиф спросил их про Абдаллаха, и джинны поклялись ему, что никто из них не причинил ему вреда, и сказали: «Мы о нем ничего не знаем». И пришла Саида, дочь Красного Царя, и рассказала халифу о том, что было с Абдаллахом, и ар-Рашид отпустил джиннов.

А на следующий день он бросил Насира и Мансура под побои, и они сознались во всех делах и поступках. И халиф рассердился на них и сказал: «Возьмите их в Басру и распните перед дворцом Абдаллаха».

Вот то, что было с ними. Что же касается Абдаллаха, то он велел похоронить своих братьев, а потом выехал и отправился в Багдад. Он рассказал халифу свою историю и сообщил ему о том, что сделали с ним братья, от начала до конца. И халиф удивился и, призвав кади и свидетелей, записал запись Абдаллаха с девушкой, которую он привез из города камней. И Абдаллах вошел к ней и прожил с ней в Басре, пока не пришла к ним Разрушительница наслаждений и Разлучительница собраний. Да будет же слава живому, который не умирает!

РАССКАЗ О ЦАРЕ ШАХРИЯРЕ И ШАХРАЗАДЕ

А Шахразада за это время родила от царя трех детей мужеского пола, и, когда она кончила этот рассказ, она поднялась на ноги и, поцеловав землю, сказала: «О царь времени, единый в веках и столетиях, я — твоя рабыня, и вот уже тысяча ночей и одна ночь, как я передаю тебе рассказы о прежде бывших людях и назидания древних. Есть ли у меня право перед твоим величеством, чтобы я могла пожелать от тебя желание?»

И царь сказал ей: «Пожелай, получишь, о Шахразада».

И тогда она кликнула нянек и евнухов и сказала им: «Принесите моих детей».

И они поспешно принесли их, и было их трое сыновей, один из которых ходил, другой ползал, а третий сосал грудь. И когда их принесли, Шахразада взяла их, и поставила перед царем, и, поцеловав землю, сказала: «О царь времени, это твои сыновья, и я желаю от тебя, чтобы ты освободил меня от убиения ради этих детей. Если ты меня убьешь, эти дети останутся без матери и не найдут женщины, которая хорошо их воспитает!»

И тут царь заплакал, и прижал детей к груди, и сказал: «О Шахразада, клянусь Аллахом, я помиловал тебя прежде, чем появились эти дети, так как я увидел, что ты целомудренна, чиста, благородна и богобоязненна. Да благословит Аллах тебя, твоего отца, твою мать, твой корень и твою ветвь. Призываю Аллаха в свидетели, что я освободил тебя от всего, что может тебе повредить».

И Шахразада поцеловала царю руки и ноги, и обрадовалась великой радостью, и воскликнула: «Да продлит Аллах твою жизнь и да увеличит твое достоинство и величие».

И распространилась во дворце царя радость, и неслась она по городу, и была это ночь, которую не считают в числе ночей жизни, и цвет ее был белее лица дня. А наутро царь был радостен и преисполнен добра, и он послал за всеми воинами, и, когда они явились, наградил своего вазира, отца Шахразады, драгоценной и великолепной одеждой, и сказал ему: «Да защитит тебя Аллах за то, что ты женил меня на твоей благородной дочери, которая была причиной того, что я раскаялся в убиении чужих дочерей. Я увидел, что она благородна, чиста, целомудренна

и непорочна, и Аллах наделил меня от нее тремя сыновьями. Да будет же хвала Аллаху за это великое благодеяние».

И затем он наградил почетными одеждами всех вазиров, эмиров и вельмож правления и приказал украшать город в течение тридцати дней, не заставляя никого из жителей расходовать что-нибудь из денег,— напротив, все расходы и траты делались из казны царя.

И город украсили великолепным украшением, подобного которому раньше не было, и забили барабаны, и засвистели флейты, и заиграли все игрецы, и царь наделил их дарами и подарками, и роздал милостыню нищим и беднякам, и объял своей щедростью всех подданных и жителей царства. И он жил вместе со своими придворными в счастии, радости, и наслаждении, и благоденствии, пока не пришла к ним Разрушительница наслаждений и Разлучительница собраний. Хвала же тому, кого не уничтожают превратности времени и не поражают никакие перемены, кого не отвлекает одно дело от другого и кто одинок по совершенству своих качеств. Молитва и мир над имамом его величия, избранным среди творений его, господином нашим Мухаммадом, господином всех людей, через которого мы молим Аллаха о счастливом окончании наших дел.

ПРИМЕЧАНИЯ

РАССКАЗ О ЛЖЕ-ХАЛИФЕ

Стр. 7. *Харун Ар-Рашид (ум. в 809 г.)* — халиф из династии Аббасидов. В арабской народной литературе стал излюбленным персонажем множества забавных рассказов и сказок.

Джафар Бармакид (убит в 803 г.) — один из представителей рода Бармакидов, пользовавшегося большим влиянием при Харуне ар-Рашиде. В 803 г. халиф, разгневавшись на Бармакидов, приказал перебить всех взрослых мужчин из этого рода. В арабской народной литературе Бармакиды стали символом благородства и щедрости.

Масрур — евнух, телохранитель Харуна ар-Рашида.

Стр. 8. *Аль-Мамун (786—833)* — халиф из династии Аббасидов, сын Харуна ар-Рашида.

Аль-Амин (убит в 813 г.) — аббасидский халиф, сын Харуна ар-Рашида.

Стр. 14. *...клянусь могилой аль-Аббаса...*— Аль-Аббас (Абу-ль-Аббас) — дядя Мухаммада, к имени которого восходит династия Аббасидов.

Стр. 16. *Яхья ибн Халид Бармакид* — отец Джафара Бармакида (см. примеч. к с. 7.).

Стр. 18. *Ситт-Зубейда (ум. в 830 г.)* — жена халифа Харуна ар-Рашида, происходившая из знатного арабского рода Хашимитов.

СКАЗКА О СЕЙФ АЛЬ-МУЛУКЕ

Стр. 21. *...властвовал он над землей Хорасанской.*— Хорасан — северный Иран. Цари Хорасана выступают в «1001 ночи» как воплощение могущества и богатства.

Синд.— Так арабы называли в средние века страну, соответствующую примерно нынешнему Пакистану.

...страны, которые за рекой (или Мавераннахр)...— средневековое арабское название Средней Азии.

Стр. 26. *...и все они поклонялись солнцу и огню...*— Несмотря на то, что речь идет о египтянах, средневековые рассказчики называют их огнепоклонниками, как это было принято в арабском фольклоре.

Стр. 28. *Сулейман, сын Дауда* — библейский царь Соломон, сын царя Давида. У мусульман Сулейман считается пророком.

Стр. 29. *Земля Саба.*— Речь идет о Сабейском царстве, которое находилось на территории нынешнего Йемена. Царь Сулейман здесь называется царем земли Саба, так как одной из его жен была царица Сабы (царица Савская) — Билькис.

Стр. 31. *...время между двух молитв...*— Каждый мусульманин обязан совершать пять молитв в сутки. О времени молитвы возвещает муэдзин, Время молитв одинаково для всех мусульман — жителей одного города.

Ифрит — злой дух.

И царь Асим предал себя Аллаху...— Название религии «ислам» буквально означает «предание себя богу».

Стр. 35. *Факих* — мусульманский законовед. Здесь это слово употреблено в значении «школьный учитель».

Стр. 38. *...кафтан, сработанный джиннами.*— Согласно мусульманской мифологии, джинны (духи) делятся на правоверных мусульман и на неверных. Считалось, что джинны обладают несравненным мастерством в различных ремеслах.

Стр. 39. *Город Бабиль* — Вавилон. У арабов Вавилон считался центром волшебства.

Сад Ирема.— Ирем — мифический город, жители которого были наказаны богом за неповиновение.

Стр. 39. *Сын Ада старшего.*— Ад ибн Шаддад, или Ад старший — один из предводителей одноименного племени, которое, согласно мусульманской мифологии, погибло, наказанное за свои грехи.

Стр. 41. *Страна Син* (город Син).— Син — арабское название Китая, однако здесь имеется в виду некая сказочная страна, ничего общего не имеющая с Китаем.

Стр. 43. *Страна Хинд* — Индия.

Стр. 45. *Марид (букв.: «мятежный»)* — злой дух.

...и он спрятался под одним своим ухом...— Все эти сведения попали в «1001 ночь» из средневековых книг, повествующих о «чудесах природы и диковинках мироздания». Подобные книги были широко распространены в средние века не только на Востоке, но и в Европе.

Гуль — злой дух, людоед, оборотень, обитающий, согласно поверьям арабов, в пустыне или в развалинах. Заманивая путников, принимал вид красивой женщины.

...сыны Адама — то есть люди.

Стр. 46. *Зинджи.*— Первоначально так называли чернокожих обитателей Занзибара. Впоследствии так стали называть всех негров вообще.

Стр. 48. *Начертал калам то, что судил Аллах...*— Согласно мусульманской мифологии, еще до создания мира существовало божественное перо (калам), которое начертало судьбы всего, что будет создано, в том числе и судьбы людей.

Стр. 51. *Яфис, сын Нуха* — библейский Яфет, сын Ноя, от которого, по преданию, произошли все народы, обитающие в Европе.

...Аллах... в своей славной книге... — Имеется в виду Коран, который, согласно мусульманской мифологии, продиктован богом Мухаммаду через посредство архангела Гавриила (Джабраила).

Стр. 55. *Властью этих имен...* — Перстню Сулеймана приписывалась магическая сила. На нем были начертаны таинственные талисманы и «тайные имена», которые были известны лишь владельцу перстня. Произнеся эти имена, можно было повелевать всеми духами и силами природы.

Стр. 61. *Ритль* (ратль) — мера веса, около 0,5 кг.

Стр. 63. *Ударь меня второй раз!* — В мировом фольклоре широко распространен мотив борьбы с нечистой силой, при этом удар можно нанести только один раз.

СКАЗКА О РЫБАКЕ ХАЛИФЕ

Стр. 82. *Клянусь Торой и десятью заповедями...* — Тора.— Так арабы называли все священные книги иудеев.

...я стою перед Девой... — Мусульмане нередко путали верования христиан и иудеев. Данные слова принадлежат иудею.

Клянусь Абу Бекром Правдивым... — Абу Бекр ас-Сиддик (ум. в 634 г.) — первый «праведный» халиф, который пришел к власти после смерти Мухаммада в 632 г. Считался образцом праведности.

Стр. 86. *...точно взбунтовавшийся ифрит, когда он вырвется из Сулеймановой тюрьмы.* — Согласно мусульманскому поверью, Сулейман заключал духов, которые не повиновались ему, в бутылках, скалах или железных столбах.

Имя ей было Кут аль-Кулуб... — Букв.: «пища сердец».

Пятничная молитва. — В пятницу мусульмане должны присутствовать на молитве в мечети. В этот день правитель (халиф, эмир) произносит пятничную проповедь.

Стр. 91. *Фарджия* — верхняя одежда, род длинного кафтана.

Бандж — сильный наркотик, который наготовляли из мака или конопли.

Жена повелителя правоверных пила сегодня лекарство... — Согласно средневековой арабской медицинской науке, лечение должно сопровождаться по возможности развлечениями. Поэтому если больному пускали кровь или давали лекарство, его близкие устраивали «музыкальный вечер».

Стр. 92. *...привет... члену семьи пророка...* — Зубейда происходила из того же рода Хашимитов, к которому принадлежал пророк Мухаммад.

Стр. 95. *Сын дяди господина посланных* — то есть сын дяди пророка Мухаммада (Харун ар-Рашид происходил из рода Хашимитов).

Стр. 97. *И он поднял самую большую завесу...*— Аббасидские халифы принимали своих придворных и приближенных, сидя за завесой или несколькими завесами.

Стр. 100. *...позови Ясмин и Нарджис...*— Ясмин — букв.: «жасмин», Нарджис — «нарцисс». Такие имена обычно давались невольницам.

Тамар-хенна — краска для волос растительного происхождения.

Стр. 104. *Клянусь тем, кто пожаловал тебе халифат...*— То есть клянусь Аллахом.

СКАЗКА О НУР АД-ДИНЕ И МАРИАМ-КУШАЧНИЦЕ

Стр. 107. *Свертки тканей из Химса...*— Химс — город в Сирии, известный производством шелковых тканей.

Баальбекские одежды...— Баальбек — город в средневековой Сирии.

Одежды из Мерва...— Мерв — город в Мавераннахре, славившийся производством одежды из полосатого шелка.

Магрибинские бурнусы...— Магриб.— Так арабы называли мусульманские страны Северной Африки. Бурнус — плащ с капюшоном, характерная одежда жителей Магриба.

Рум.— Так арабы называли Византию.

Стр. 116. *Стал заклинать его разводом...*— Одна из самых сильных клятв мусульман — клятва «клянусь, что разведусь со своей женой (или женами)». Несоблюдение клятвы считалось позорным.

Стр. 123. *Искандария* — арабское название египетского города Александрии.

Стр. 132. *Зуннар* — широкий пояс, который обязаны были носить христиане в халифате.

...лучше красных верблюдов...— Красные верблюды считались лучшими.

Стр. 142. *Кустантыния* — арабское название Константинополя.

Стр. 146. *Колонна мачт* — известная колонна в Александрии.

Стр. 153. *Изар* — покрывало.

Стр. 154. *...он был похож на Абу Мухаммада аль-Батталя...*— Аль-Батталь — персонаж арабского народного романа «Зат аль-химма» — воплощение храбрости и хитрости.

Стр. 161. *Касыда* — длинное стихотворение или короткая поэма.

Стр. 165. *...шейх сыновей Хама...*— Хам — один из сыновей библейского Ноя. Потомки Хама якобы стали чернокожими потому, что Хам смеялся над отцом и был проклят богом.

Стр. 173. *...предает товарищей владыке...*— То есть придерживается языческих воззрений в противоположность строгому монотеизму ислама. Мусульмане считали христиан язычниками на том основании, что они признают троицу.

ХАЛИФ НА ЧАС, ИЛИ РАССКАЗ ПРО АБУ-ЛЬ-ХАСАНА-КУТИЛУ

Стр. 177. *...дом пуст и место посещения далеко...*— Опустевший карман промотавшегося кутилы Абу-ль-Хасана уподобляется покинутому дому возлюбленной, находящейся вдали от влюбленного,— привычному традиционному образу древнеарабской поэзии.

Стр. 180. *...и как они очернили его лицо...*— То есть как они его унизили.

Стр. 182. *...как те, кто носят на плечах свинец...*— То есть как люди, изнывающие под бременем житейских забот.

Стр. 187. *Имам* — духовное лицо, руководящее молитвой в мечети; его движения повторяют все молящиеся.

Стр. 190. *Омовение* — ритуальное омовение перед молитвой.

Стр. 193. *...от вечера до утра каких чудес не бывает.*— Это выражение соответствует поговорке «Утро вечера мудренее».

Стр. 195. *Умм Абу-ль-Хасан* — то есть мать Абу-ль-Хасана; отец и мать часто получают прозвище по имени сына.

Стр. 197. *Ага* — титул высокопоставленного лица, а иногда главного дворцового евнуха.

Стр. 204. *Фалака* — орудие пытки, состоящее из веревки или цепи, которой обвязывают ноги или другую часть тела истязуемого, и палки, поворачивая которую палач сдавливает истязуемого.

Стр. 210. *...бей в свой барабан и дуди в свою собственную дудку...*— То есть занимайся своими делами и не вмешивайся в чужие.

Стр. 228. *Кыбла* — направление в сторону Мекки; сторона, к которой мусульмании обращается лицом во время молитвы и лицом к которой кладут покойников.

Стр. 234. *Бустан аль-Хульд* — досл.: Сад вечности или вечного блаженства — наименование рая, а также название одного из загородных парков халифа.

Стр. 238. *...кто сумел поднять осла на минарет, тот сумеет его спустить вниз.*— Поговорка, означающая: «Если уж мне удались прежние проделки, то я и теперь сумею вывернуться».

СКАЗКА ОБ АБУ КИРЕ И АБУ СИРЕ

Стр. 244. *Фатиха* — первая сура (глава) Корана; ее читают при совершении молитвы, а также приступая к любому делу, дабы оно благополучно завершилось.

Стр. 265. *Мункар и Накир* — имена ангелов, которые, по исламскому поверью, учиняют допрос покойному о его земных делах, а если он много грешил или не был мусульманином, подвергают его жестоким пыткам.

Стр. 266. *Абу Кир (Абукир)* — город-крепость на мысе того же названия в Египте на берегу Средиземного моря.

РАССКАЗ ОБ ИБРАХИМЕ И ДЖАМИЛЕ

Стр. 274. *Фарсах* (от. п е р с. *фарсанг*) — расстояние от 4,5 до 6 км.

СКАЗКА О КАМАР АЗ-ЗАМАНЕ И ЖЕНЕ ЮВЕЛИРА

Стр. 299. *Хан* — постоялый двор.

Стр. 316. *Рождество.* — Здесь имеется в виду праздник, посвященный рождению Мухаммада.

РАССКАЗ О МАРУФЕ-БАШМАЧНИКЕ

Стр. 327. *Миср* — название средневекового Каира, имевшего титул «Охраняемый» (Аллахом) или «Счастливый».

Кунафа — сладкое блюдо из муки, миндаля, орехов и меда в виде вермишели.

Стр. 330. *Высший двор* (точнее: *высшие врата).*— Здесь: суд. *Абу Табак* (досл.: отец закрывания) — тюремщик.

Стр. 331. *Аль-Адилия* — мечеть в Каире, сооруженная в 1501 г.

Стр. 337. *...не пришла ни поклажа, ни жгучая чума...* — Это выражение означает «совершенно ничего, абсолютно ничего».

Стр. 339. *Ашаб* — легендарный персонаж арабской литературы, отличался непомерной жадностью.

Стр. 367. *Иблис* — дьявол.

РАССКАЗ ОБ АБДАЛЛАХЕ ИБН ФАДИЛЕ

Стр. 375. *Фадиль* — букв.: «Оставшийся».

Б. Шидфар

СОДЕРЖАНИЕ

ТЫСЯЧА И ОДНА НОЧЬ

ИЗБРАННЫЕ СКАЗКИ

Тысяча и одна ночь: Избранные сказки. В 3-х т.
Т93 Т. 3/Пер. с араб. М. А. Салье; Сост., научн. подгот. текста и примеч. Б. Шидфар; Стихи в пер. В. Микушевича, Д. Самойлова, Ал. Ревича; Худож. А. Лепятский.— М.: Худож. лит., 1988.— 415 с., ил.
ISBN 5-280-00452-9 (Т. 3)
ISBN 5-280-00449-9

В состав третьего тома вошли известные сказки: «Халиф на час», «Рассказ о Маруфе-башмачнике» и другие, предназначенные только для взрослого читателя.

Т $\frac{4703000000-350}{028(01)-88}$ 204-87 ББК 84(0)9

ИЗБРАННЫЕ СКАЗКИ

в 3-х томах

Том третий

Составитель Бетси Яковлевна *Шидфар*

Редактор *И. Ким*

Художественный редактор *А. Моисеев*

Технический редактор *В. Кулагина*

Корректоры *Г. Киселева* и *О. Наренкова*

ИБ № 5599

Подписано в печать с готовых диапозитивов 11.12.87. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага типогр. № 1. Гарнитура «Обыкнов. новая». Печать высокая. Усл. печ. л. 21,84. Усл. кр.-отт. 22,26. Уч.-изд. л. 25,26. Тираж 200 000 экз. Изд. № VIII—3096. Заказ № 1351. Цена 4 р. 00 к.
Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Художественная литература». 107882, ГСП, Москва, Б-78, Ново-Басманная, 19.
Ордена Октябрьской Революции, ордена Трудового Красного Знамени Ленинградское производственно-техническое объединение «Печатный Двор» имени А. М. Горького Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 197136, Ленинград, П-136, Чкаловский пр., 15.

